РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. X, part 3

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg
«Nauka»
2014

ACTA
LINGUISTICA PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том X, часть 3

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
«Наука»
2014

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский.
Т. X. Ч. 3. Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata / Ред. С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика. СПб.: Наука, 2014. — 795 с.
ISSN 2306-5737
ISBN 978-5-02-038230-5

РЕДКОЛЛЕГИЯ «ТРУДОВ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),
PhD Assoc. Prof. A. Barentsen / А. Барентсен
(Нидерланды, Амстердамский ун-т),
чл.-корр. РАН А. В. Бондарко,
д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин,
д. филол. наук М. Д. Воейкова,
чл.-корр. РАН Е. В. Головко,
PhD Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (США, ун-т Чикаго),
к. филол. наук С. Ю. Дмитренко,
PhD, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь),
д. филол. наук С. А. Мызников,
д. филол. наук, проф. В. И. Подлесская (Москва, РГГУ),
PhD Prof. J. Russell / Дж. Рассел (США, Гарвардский ун-т),
д. филол. наук, проф. В. С. Храковский,
Dr. Habil. Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Финляндия, ун-т Хельсинки)

РЕДКОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА:

С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН http://iling.spb.ru/alp/issues.html

ISSN 2306-5737
ISBN 978-5-02-038230-5

© ИЛИ РАН, 2014
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2014

Studia typologica

octogenario

Victori Khrakovskij

Samuelis filio

dedicata

Типологические исследования

Посвящается 80-летию

Виктора Самуиловича Храковского

ОТ РЕДАКТОРОВ

Сборник «Studia Typologica» — знак уважения и признательности, скромный подарок, который друзья, коллеги и ученики Виктора Самуиловича Храковского преподносят ему в дни юбилея.

Виктор Самуилович — один из самых выдающихся, авторитетных и заслуженных лингвистов нашего времени. С таким утверждением, без сомнения, согласятся коллеги, работающие в самых разных областях лингвистической науки. Список научных трудов Виктора Самуиловича включает работы по типологии, синтаксической и морфологической теории, грамматике русского языка, семантике (грамматической и лексической), арабскому синтаксису, истории языкознания. Этих работ насчитывается уже более 250, и их список продолжает стремительно пополняться. К числу наиболее востребованных и цитируемых относятся монография «Очерки по общему и арабскому синтаксису» (1973), сборник статей «Теория языкознания. Русистика. Арабистика» (1999) и написанная совместно с А. П. Володиным книга «Семантика и типология императива. Русский императив» (1986).

Самый значительный вклад Виктора Самуиловича Храковского в современную лингвистику — серия коллективных монографий по типологии грамматических категорий глагола, в которых он выступил как ответственный редактор, автор теоретических разделов, типологических анкет, автор и соавтор (часто неявный!) глав по отдельным языкам. Под редакцией Виктора Самуиловича вышли коллективные монографии и сборники по категориям залога, рефлексива, императива, итератива, эвиденциальности, конструкций с предикатными актантами, условных, уступительных, таксисных конструкций, сборник избранных работ его главного учителя, замечательного востоковеда и лингвиста-теоретика профессора А. А Холодовича (1906–1977).

На протяжении уже более пяти десятилетий сфера научных интересов Виктора Самуиловича сосредоточена вокруг глагола, глагольных категорий и глагольных конструкций в разноструктурных языках. Охват тем, в разное время оказывавшихся в фокусе научного интереса Виктора Самуиловича, исключительно

широк. Кроме перечисленных выше, это проблема взаимодействия грамматических категорий, русский (и славянский) глагольный вид, проблема акциональной классификации предикатов, лексическая типология глагольных лексем, история арабской и отечественной грамматических традиций… Во всех этих областях работы, написанные Виктором Самуиловичем, оказались классическими, во многом определив направление и методику исследований нескольких поколений лингвистов.

Виктор Самуилович — продолжатель традиций петербургской лингвистики и петербургского востоковедения. Он родился в Ленинграде, учился на Восточном факультете Ленинградского университета, окончив в 1955 г. отделение арабской филологии и поработав по распределению в Казахстане, поступил в аспирантуру ЛГУ. Уже в университетские годы обозначился интерес В. С. Храковского к теоретическим вопросам языкознания. Его руководителем в аспирантуре стал профессор филологического факультета Б. А. Ларин, автор новаторских работ по истории, диалектологии, социолингвистике, лексикографии русского, украинского, литовского языков. В 1961 году Виктор Самуилович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Видовременные отношения в системе личных форм арабского глагола» и в этом же году поступил на работу в Ленинградское отделение Института языкознания, в Группу структурно-типологического изучения языков, незадолго перед этим созданную А. А. Холодовичем. В 1973 году в Тбилиси Виктор Самуилович защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы деривационной синтаксической теории и вопросы синтаксиса арабского языка».

С 1971 г. Виктор Самуилович Храковский — руководитель Группы структурно типологического изучения языков ЛО Института языкознания АН СССР, которая ныне носит название Лаборатория типологического изучения языков ИЛИ РАН. Под руководством Виктора Самуиловича Лаборатория продолжает успешную работу в рамках научной парадигмы, теоретические и методологические основы которой были заложены А. А. Холодовичем. Организаторский талант и человеческие качества Виктора Самуиловича в значительной степени способствовали тому, что темы исследований Лаборатории неизменно объединяют не только небольшой круг ее сотрудников и коллег из дружественных отделов

ИЛИ РАН, но и лингвистов, живущих в других городах России, а также многочисленных зарубежных ученых. Яркий пример тому — задуманный Виктором Самуиловичем несколько лет назад и уже практически осуществленный масштабный проект по типологии близкородственных языков «Таксисные конструкции в славянских языках». В создании этой коллективной монографии приняли участия лингвисты практически из всех «славяноязычных» стран. На своих конференциях разного формата и тематики Лаборатория, возглавляемая Виктором Самуиловичем, собирает докладчиков разных городов, стран и возрастов.

Педагогическая работа занимает важное место в профиле ученого. Он — научный руководитель диссертаций по таким разным языкам, как литовский, арабский, кламат, киргизский, тагальский и малагасийский, кхмерский, лаосский, древнегреческий, баскский, гуарани … На постоянно действующем семинаре Лаборатории Виктор Самуилович систематически выступает с небольшими сообщениями, которые привлекают начинающих лингвистов оригинальностью, объективностью и четкостью изложения. Студентам Санкт-Петербургского университета он многие годы читал курс арабской грамматики, долгое время участвовал в коллективном курсе лекций «Языки мира».

Исключительная творческая и жизненная активность Виктора Самуиловича не перестает удивлять его гораздо более молодых коллег. Виктор Самуилович — член нескольких диссертационных советов, член Грамматической комиссии при Международном комитете славистов, член Экспертного совета РГНФ, член Ученого совета Института лингвистических исследований РАН, редколлегии журнала «Acta Linguistca Petropolitana» (возможно, мы что-то забыли!!!).

Во всех этих ипостасях он неизменно обнаруживает редкостную глубину понимания проблем (отнюдь не только научных), корректную твердость в отстаивании своих убеждений, сочетающуюся с умением внимательно выслушивать аргументы собеседника — качества, которые отличают Виктора Самуиловича как Ученого и Личность. Участники настоящего сборника желают ему доброго здоровья, благополучия, новых творческих достижений.

П. М. Аркадьев

ИСл РАН — РГГУ — МГТУ, Москва

ГЛАГОЛЬНАЯ РЕСТРИКТИВНОСТЬ В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ

Виктору Самуиловичу Храковскому
с неизменными восхищением и любовью.

1. Введение[1]

Рестриктивными называют языковые единицы, в семантике которых имеется ассерция о том, что никакая из возможных альтернатив к выражению в их сфере действия не удовлетворяет условиям истинности содержащего их предложения [König 1991: 94]. Рестриктивными являются, например, русская частица *только* или ее аналоги в английском (*only*) или немецком (*nur*) языках. Ср. толкование семантики русского *только* из работы [Богуславский 1996: 92]:

(1а) *только* (P, Q, R) = ‘среди элементов множества R ни один, отличный от Q, не обладает свойством P’

(1б) *Только* <u>*Коля*</u> (Q) *пришел* (P) [множество R включает контекстно-значимых индивидов, которые могли прийти]

В дальнейшем именно языковое выражение Q будет называться *сферой действия* (СД) рестриктивного элемента (в примерах СД будет выделяться подчеркиванием). В литературе сфера действия рестриктивных, а также аддитивных (*тоже*, англ. *also*) и скалярных (*даже*, англ. *even*) единиц обычно отождествляется

[1] Статья написана при поддержке гранта РНФ № 14-18-03270. Я благодарю всех своих литовских консультантов за неоценимую помощь, а также Р. Микулскаса, Н. Островского, Б. Х. Парти, А. Хольфута и аудиторию международной конференции Moscow Syntax and Semantics за обсуждение более ранних вариантов данной работы. Не совпадающий с данным вариант статьи опубликован ранее на английском языке, ср. [Arkadiev 2010].

с *фокусом* или ремой предложения [Rooth 1992, 1996; Erteschik-Shir 1997: 110–116], ср. критику такого подхода в работах [Dryer 1994; Янко 2001: 53–61].

О типологии рестриктивных элементов известно сравнительно немного (самый полный доступный мне обзор содержит монография [König 1991: гл. 2]). По-видимому, наиболее распространенным в языках мира средством выражения рестриктивности являются (i) частицы (лексические единицы, обладающие определенной степенью морфосинтаксической автономности, в частности, транскатегориальностью, т. е. способностью сочетаться со словами разных частей речи), присоединяющиеся непосредственно к своей СД. К этому типу относятся русское *только* и немецкое *nur*. Другой довольно распространенный вид рестриктивных единиц — (ii) частицы, занимающие фиксированную позицию в предложении (как правило, при сказуемом) и способные иметь в своей СД различные составляющие. К этому типу относится китайский рестриктивный маркер *zhi* [Li, Thompson 1981: 332], ср. (2).

(2) *Wo* ***zhi*** *xie* *shu*.
я RST писать книга
i. ‘Только я пишу книги’.
ii. ‘Я пишу только книги’. [König 1991: 18]

Английский рестриктивный показатель *only* демонстрирует свойства класса (i), присоединяясь к составляющей (3а), и свойства класса (ii) в приглагольной позиции (3б). При этом, в отличие от китайского *zhi*, приглагольное *only* не может иметь в своей сфере действия подлежащее.

(3а) ***Only*** *John gave a book to Mary*.
‘Только Джон дал книгу Мери’.

(3б) *John* ***only*** *gave a book to Mary*.
i. ‘Джон только дал (а не подарил) книгу Мери’.
ii. ‘Джон дал Мери только книгу’.
iii. ‘Джон дал книгу только Мери’.
iv. *‘Только Джон дал книгу Мери’.

Еще один способ выражения рестриктивности — (iii) сочетание показателя исключения (‘кроме’) и отрицания, ср. французское

ne… que или японское *shika… nai* (4). Данная стратегия мотивирована семантической эквивалентностью ‘только P’ = ‘никто/ничто кроме P’ [König 1991: 95].

(4) *Kare wa biru **shika** nom-**ana**-i.*
он TOP пиво RST пить-NEG-PRS
‘Он пьет только пиво’. [Алпатов и др. 2008: II, 151]

Существенно более редко, согласно работе [König 1991: 20], встречаются аффиксальные показатели рестриктивности. Примером (iv) рестриктивной морфемы, присоединяющейся к элементу своей СД, служит «лимитативный» суффикс языка кечуа (диалект имбабура) (5).

(5) *Marya-ka shuj wagra-**lla**-ta chari-n.*
Мария-TOP один корова-RST-ACC иметь-3
‘У Марии есть лишь одна корова’. [Cole 1985: 169]

Наконец, исключительно редко встречаются (v) рестриктивные аффиксы с нефиксированной сферой действия, подобные китайскому *zhi*, но морфологически спаянные с глаголом. До сих пор в литературе упоминался лишь один подобный случай — рестриктивный глагольный префикс в полисинтетическом языке пининь кун-уок (семья гунвингу, Северная Австралия, [Evans 1995: 248–256]) (6)[2].

(6) *A-**djal**-wokdi gun-djeihmi.*
1SG-RST-говорить лингвоним
‘Я говорю только на кун-дьейми’. [ibid.: 250]

В данной работе будет подробно рассмотрен еще один пример рестриктивного глагольного аффикса с нефиксированной сферой действия — ранее практически не изученный литовский префикс *te-*.

В литовском языке рестриктивность выражается при помощи ряда частиц, присоединяющихся слева к составляющей в СД рестрикции. Наиболее распространенная из них — *tik* (7).

[2] Глагольный суффикс с рестриктивным значением и вариативной сферой действия обнаруживается также в языке марикопа (юманская семья, Северная Америка), см. [Gordon 1986: 135–138]. Я благодарю А. Б. Летучего за указание на этот факт.

(7а) ***Tik*** *Jon-as* *myl-i* *Aldon-ą*.
только Йонас-NOM.SG любить-PRS.3 Алдона-ACC.SG
‘Только Йонас любит Алдону’[3].

(7б) *Jon-as* *myl-i* ***tik*** *Aldon-ą*.
Йонас-NOM.SG любить-PRS.3 только Алдона-ACC.SG
‘Йонас любит только Алдону’.

(7в) *J-is* *ne* ***tik*** *myl-i,*
3-NOM.SG.M не только любит-PRS.3
bet *ir* *nor-i* *j-ą* *ves-ti*.
но и хотеть-PRS.3 3-ACC.SG.F жениться-INF
‘Он не только любит [ее], но и хочет на ней жениться’[4].

Префикс *te-* присоединяется к глаголу и может выражать рестрикцию как самостоятельно (8), так и в сочетании с *tik* (9).

(8) *J-is* ***te****-pa.rod-ė*[5] *j-ai*
3-NOM.SG.M RST-показать-PST.3 3-DAT.SG.F
savo *meil-ę*.
свой любовь-ACC.SG
‘Он лишь показал ей свою любовь’. (LKT[6])

(9) *Nejaugi* ⟨…⟩ *Deivyd-as* ***tik*** *dain-as*
неужели Дэвид-NOM.SG только песня-ACC.PL
te*-pa.dovanoj-o?*
RST-подарить-PST.3
‘Неужели ⟨…⟩ Дэвид подарил только песни?’[7]

В данной статье я буду рассматривать лишь функционирование префикса *te-*, демонстрирующего весьма нетривиальное поведение. Существующие описания литовского языка содержат лишь малоинформативные упоминания этого употребления *te-*, ср. [Schleicher 1856: 139; Kurschat 1876: 130; Otrębski 1965: 368–369;

[3] Отсутствие при примере указания на источник означает, что пример получен методом опроса носителей языка.

[4] http://www.straipsniai.lt/bendravimas/informacija/Meile/puslapis/1679

[5] Точкой в примерах отделяются «внутренние» (пространственно-акциональные) превербы, см. § 2.

[6] Корпус литовского языка, http://tekstynas.vdu.lt/tekstynas.

[7] http://www.alfa.lt/straipsnis/123908/?Natalijos.Zvonkes.gimtadienis.kvepejo.agurkais.

Senn 1966: 245; Ulvydas (red.) 1971: 296; Mathiassen 1996: 172; Ambrazas (ed.) 1997: 397; Chicouène, Skūpas 2003: 126–127], а изданная по-русски академическая грамматика [Амбразас (ред.) 1985] вообще не упоминает его. В [Paulauskas 1958], единственной монографической работе, посвященной литовским префиксам, префиксы *te-*, *be-* и их комплексы исключаются из рассмотрения как «не влияющие на лексическое значение глагола» [там же: 323] и потому «не относящиеся к системе глагольных приставок» [там же: 321]. Настоящая статья, как и ряд предыдущих публикаций автора [Arkadiev 2010, 2011; Аркадьев 2011a], посвященных «внешним» префиксам литовского глагола, имеет целью заполнить эту лакуну в описании литовского языка.

2. Морфологические свойства рестриктивного *te-*

Префикс *te-* относится к группе литовских глагольных префиксов, которые я предлагаю называть «внешними» в противоположность «внутренним» префиксам — пространственным и акциональным превербам и рефлексивному показателю *-si-*. Данное противопоставление носит как формальный («внешние» префиксы присоединяются слева от «внутренних», ср. Таблицу 1), так и функциональный характер: «внешние» префиксы *te-*, *be-* и *ne-*, в отличие от «внутренних», не влияют на лексическую семантику и валентность глагола и не участвуют в отглагольном словообразовании.

Таблица 1. Схема префиксальной части литовского глагола

«внешние»			«внутренние»		основа
пермиссив; рестриктив; аффирматив	отрицание	аспектуально-модальный префикс	акциональные превербы	рефлексив	
te-	*ne-*	*be-*	*ap-*, *at-*, *da-*, *į-*, *iš-*, *nu-*, *pa-*, *par-*, *per-*, *pra-*, *pri-*, *su-*, *už-*	*-si-*	

Следующие данные говорят о том, что *te-*, как и другие «внешние» префиксы, является именно аффиксом, а не частицей. Во-первых, подобно другим префиксам, *te-* вызывает «перескок» рефлексивного показателя [Амбразас (ред.) 1985: 187], который

помещается перед основой при наличии в словоформе любого префикса, ср. *džiaugė-**s*** ‘он, она, они радовались’ vs. ***ap-si-**džiaugė*** ‘он, она, они обрадовались’, ***te-si-**džiaugė*** ‘он, она, они только радовались’. Во-вторых, у тех глаголов, у которых в ряде форм ударение переносится на непосредственно предшествующий основе префикс [Andronovas 1995], ударение могут принимать как «внутренние», так и «внешние» префиксы, ср. *nẽša* ‘несе/ут’ vs. ***àt-**neša*** ‘приноси/ят’, ***tè-**neša*** ‘пусть несе/ут; только несе/ут’.

В своей рестриктивной функции префикс *te-* сочетается с любыми глагольными формами, как финитными, так и нефинитными, ср. примеры его употребления с формами настоящего (10), прошедшего (8), (9) и будущего (11) времени, повелительного (12) и сослагательного (ирреального) (13) наклонений, а также инфинитива (14).

(10) *Vos* *por-oje* *išnaš-ų* ***te-**ap.tink-a-me*
едва пара-LOC.SG сноска-GEN.PL RST-встретить-PRS-1PL
lotyniš-kus *ir* *lenkiš-kus* *tekst-us*.
латинский-ACC.PL.M и польский-ACC.PL.M текст-ACC.PL
‘Лишь в паре сносок мы обнаруживаем латинские и польские тексты’. (LKT)

(11) *Su.tik-ęs* ***te-**pa.jusi-u,*
встретить-PST.PA.NOM.SG.M RST-почувствовать:FUT-1SG
kad *es-i* *aukšt-esn-is*.
что быть:PRS-2SG высокий-COMP-NOM.SG.M
‘Лишь встретив [Тебя], я почувствую, что Ты выше’. (LKT)

(12) *Viešpat-į,* *savo* *diev-ą* ***te-**garbin-k*
господь-ACC.SG свой бог-ACC.SG RST-почитать-IMP(2SG)
ir *j-am* *vien-am* ***te-**tarnau-k!*
и 3-DAT.SG.M один-DAT.SG.M RST-служить-IMP(2SG)
‘Только Господу, Богу своему, поклоняйся, и лишь Ему одному служи’. (Мф. 4:10)

(13) *Nes* *argi* *tu* *čia* *sėdė-tum,*
потому.что разве ты тут сидеть-IRR:2SG
jeigu ***te-**į.steng-tum* *višt-ą* *pa.vog-ti*.
если RST-смочь-IRR:2SG курица-ACC.SG украсть-INF
‘Потому что разве ты сидел бы здесь, если бы ты смог украсть лишь курицу?’ (LKT)

(14) ⟨…⟩ ***te****-turė-ti* *tik* *vien-ą* *skaitytoj-ą* —
RST-иметь-INF только один-ACC.SG читатель-ACC.SG
savo *žmon-ą*.
свой жена-ACC.SG
‘Иметь единственного читателя — свою жену’. (LKT)

Рестриктивный префикс сочетается с причастиями в позиции определения (15), а также в позиции сказуемого конструкций nominativus cum participio (16), accusativus cum participio (17) и dativus cum participio (18) (см. [Амбразас 1990; Аркадьев 2011b]), а также с конвербами (так называемыми «полупричастиями», выражающими одновременность) (19).

(15) *Buv-o* *iš.kel-t-a* *nemaža* *nauj-ų*,
AUX-PST.3 обнаружить-PST.PP-DF немало новый-GEN.PL
iki tol *lingvist-ams* *ne-žin-o-m-ų*
до тех.пор лингвист-DAT.PL NEG-знать-PRS-PP-GEN.PL
ar *mažai* ***te****-žino-t-ų*
или мало RST-знать-PST.PP-GEN.PL
kalb-os *fakt-ų.*
язык-GEN.SG факт-GEN.PL
‘Было обнаружено немало новых, до тех пор лингвистам неизвестных или лишь мало известных языковых фактов’. (LKT)

(16) ⟨…⟩ *todėl* *buv-o*
поэтому AUX-PST.3
į.si.tikin-ęs *mažai*
убедиться-PST.PA.NOM.SG.M мало
te*-pa.mat-ęs* *ir* *nedaug*
RST-увидеть-PST.PA.NOM.SG.M и немного
te*-su.žinoj-ęs.*
RST-узнать- PST.PA.NOM.SG.M
‘⟨…⟩ поэтому он был убежден, что он видел лишь немного и лишь немногое узнал’. (LKT)

(17) *Kaz-ys* *man-ė*
Казис-NOM.SG думать-PST.3
Aldon-ą *j-į* ***te****-myl-i-nt*.
Алдона-ACC.SG 3-ACC.SG.M RST-любить-PRS-PA
‘Казис думал, что Алдона любит только его’.

(18) — *Tau* *reik-ia* *ap.si.spręs-ti,* *Rimul-i,* —
ты:DAT нужно-PRS.3 решиться-INF Римулис-VOC
pa.sak-ė, ***te****-gird-i-nt* *jūr-ai*
сказать-PST.3 RST-слышать-PRS-PA море-DAT.SG
ir *smėli-ui.*
и песок-DAT.SG
‘Тебе нужно принять решение, Римулис, сказал он, так что слышали только море и песок’. (LKT)

(19) *Net* *Plechavičiai-us*
даже Плехавичюс-NOM.SG
į *Lietuv-os* *istorij-ą* *į.ėj-o*
в Литва-GEN.SG история-ACC.SG войти-PST.3
te*-turė-dam-as* *major-o* *laipsn-į.*
RST-иметь-CNV-SG.M майор-GEN.SG чин-ACC.SG
‘Даже Плехавичюс вошел в историю Литвы, имея лишь чин майора’. (LKT)

В аналитических формах рестриктивный префикс может присоединяться как к вспомогательному глаголу, так и к причастию, ср. перфект (20), пассив (21) и контрфактив (22). В этом его поведение вполне аналогично другим внешним префиксам, см. [Arkadiev 2011].

(20а) *Iš* *Dostojevski-o* *rašt-ų*
из Достоевский-GEN.SG сочинение-GEN.PL
te*-s-u* *per.skait-ęs* *“Idiot-ą”.*
RST-AUX:PRS-1SG прочесть-PST.PA.NOM.SG.M идиот-ACC.SG
‘Из сочинений Достоевского я прочитал лишь «Идиота»’.

(20б) *Iš* *Dostojevski-o* *rašt-ų*
из Достоевский-GEN.SG сочинение-GEN.PL
es-u ***te****-per.skait-ęs* *“Idiot-ą”.*
AUX:PRS-1SG RST-прочесть-PST.PA.NOM.SG.M идиот-ACC.SG
‘Из сочинений Достоевского я прочитал лишь «Идиота»’.

(21а) *Šit-as* *nam-as* ***te****-buv-o*
этот-NOM.SG.M дом-NOM.SG RST-AUX-PST.3
pa.staty-t-as *prieš* *dešimt* *mėnesi-ų.*
построить-PST.PP-NOM.SG перед 10 месяц-GEN.PL
‘Этот дом был построен лишь десять месяцев назад’.

(21б) *Šit-as* *nam-as*
этот-NOM.SG.M дом-NOM.SG
buv-o ***te****-pa.staty-t-as*
AUX-PST.3 RST-построить-PST.PP-NOM.SG
prieš *dešimt* *mėnesi-ų*.
перед 10 месяц-GEN.PL
‘Этот дом был построен лишь десять месяцев назад’.

(22а) *Jeigu* ***te****-bū-tų* *at.ėj-ęs*
если RST-AUX-IRR.3 прийти-PST.PA.NOM.SG.M
Jon-as, *bū-tų* *nuobod-u*.
Йонас-NOM.SG быть-IRR.3 скучный-DF
‘Если бы пришел только Йонас, было бы скучно’.

(22б) *Jeigu* *bū-tų* ***te****-at.ėj-ęs*
если AUX-IRR.3 RST-прийти-PST.PA.NOM.SG.M
Jon-as, *bū-tų* *nuobod-u*.
Йонас-NOM.SG быть-IRR.3 скучный-DF
‘Если бы пришел только Йонас, было бы скучно’.

Практически не сочетаются с рестриктивным *te-* глагольные формы, содержащие другие «внешние» префиксы — отрицательный префикс *ne-* и аспектуально-модальный префикс *be-*. При этом сами по себе комбинации префиксов *te-ne-* и *te-be-* существуют, но обычно не допускают рестриктивной интерпретации *te-*. В сочетании с отрицанием *te-* имеет лишь юссивное значение (см. подробнее ниже), а комплекс *te-be-* можно рассматривать как идиоматизированное выражение континуативности, см. [Arkadiev 2011; Аркадьев 2011а; Аркадьев 2012: § 4.2]. По всей видимости, рестриктивный *te-* не сочетается и с аналитической авертивной конструкцией (так называемые «сложные начинательные времена», [Амбразас (ред.) 1985: 217–218], см. [Arkadiev 2011]): префикс не может присоединиться к причастию, которое в этой конструкции имеет обязательный «внешний» префикс *be-*, а примеры его присоединения ко вспомогательному глаголу оцениваются носителями как сомнительные.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о полифункциональности префикса *te-*, в частности, об омонимии форм юссива («императива 3-го лица», [Амбразас (ред.) 1985: 230]) и рестриктивных форм 3-го лица настоящего времени. В современном литовском

языке юссив образуется присоединением префикса *te-* к формам 3-го лица презенса или, реже, футурума (формы со специализированными флексиями практически вышли из употребления за исключением глагола ‘быть’). В результате одна и та же форма в зависимости от контекста может интерпретироваться двояко, ср. (23) с юссивом и (24) с рестриктивом.

(23) *T-as,* *kur-is* *su.kur-t-as*
тот-NOM.SG.M который-NOM.SG.M создать-PST.PP-NOM.SG.M
rašy-ti — ***te**-raš-o,*
писать-INF PRM-писать-PRS.3
kalbė-ti — ***te**-kalb-a* ⟨…⟩
говорить-INF PRM-говорить-PRS.3
‘Тот, кто создан писать, — пусть пишет, говорить — пусть говорит’. (LKT)

(24) ⟨…⟩ *man* *ne-at.rod-o*
я:DAT NEG-казаться-PRS.3
natūralu, *kad* *j-is*
естественно что 3-NOM.SG.M
vis-ą *laik-ą*
весь-ACC.SG время-ACC.SG
apie *tai* ***te**-kalb-a*.
о это RST-говорить-PRS.3
‘Мне не кажется естественным, что он все время говорит только об этом’. (LKT)

Такая неоднозначность закономерным образом отсутствует как в формах прошедшего времени и косвенных наклонений, так и в формах 1-го и 2-го лица презенса. Кроме того, как уже было сказано выше, *te-* интерпретируется лишь юссивно в комбинации с отрицанием, ср. (25), а сочетание *te-ne-*, следовательно, не присоединяется к каким-либо формам, кроме способных употребляться в юссиве (26а)[8]. Соответствующее значение (‘только не Р’) выражается с помощью частицы *tik* (26б).

[8] По-видимому, данное ограничение не является абсолютным, ср. единственный известный мне пример рестриктивного *te-* в сочетании с отрицанием (при форме прошедшего хабитуального) из текста конца XIX — начала XX в.:

(25) 〈…〉 *net* *pat-i* *mirt-is*
даже сам-NOM.SG.F смерть-NOM.SG
te-ne*-nu.gąsdin-s* *jūs-ų*.
PRM-NEG-испугать-FUT.3 вы-GEN
‘Пусть даже сама смерть не испугает вас’. (LKT)

(26а) ****Te-ne****-at.ėj-o* *Pran-as*.
RST-NEG-прийти-PST.3 Пранас-NOM.SG
Ожид.: ‘Не пришел только Пранас’.

(26б) *Ne-at.ėj-o* ***tik*** *Pran-as*.
NEG-прийти-PST.3 только Пранас-NOM.SG
‘Не пришел только Пранас’.

В заключение данного раздела отмечу, что префикс *te-* демонстрирует весьма нетривиальные и отчасти парадоксальные свойства. С одной стороны, он выражает значения, по крайней мере синхронно никак между собою не связанные (существующие этимологии *te-*, см. [Fraenkel 1965: 1071; Zinkevičius 1981: 198] спекулятивны и семантически невероятны) и логически совместимые (ничто, в частности, не запрещает сочетание рестриктива с юссивом). С другой стороны, однако, во всех своих функциях префикс *te-* сохраняет морфологическую самотождественность, приводящую к тому, что разные его функции не могут быть выражены в словоформе одновременно, а на их выражение накладываются такие трудно объяснимые ограничения, как запрет на сочетание комплекса «рестриктивный *te-* + отрицание» с неюссивными формами.

(i) *Gerašird-ė* *Butkien-ė* *vien-a*
добросердечный-NOM.SG.F Буткене-NOM.SG один-NOM.SG.F
te-ne*-už.mirš-dav-o* *savo*
RST-NEG-забыть-HAB-PST(3) свой
kaimyn-ės *Šnervien-ės* 〈…〉
соседка-GEN.SG Шнервене-GEN.SG
‘Одна лишь добросердечная Буткене не забывала свою соседку Шнервене’. (J. Tumas-Vaižgantas, «Nebylys»; я благодарю А. Хольфута за предоставленный пример.)

В современных источниках, однако, таких примеров мне найти не удалось; даже если они теоретически возможны, они явно маргинальны.

3. Семантика и сфера действия рестриктивного *te-*

По всей видимости, рестриктивный префикс *te-* ничем семантически не отличается от частицы *tik* и всегда может быть на нее заменен. Более того, как показывает пример (9), два показателя рестриктивности могут сочетаться в одном предложении (см. ниже). Помимо очевидных различий в морфосинтаксическом статусе, можно отметить, что частица встречается в текстах заметно чаще, чем префикс; так, во всем тексте романа В. Микулайтиса-Путинаса «Altorių šešely»[9] встретилось лишь тридцать употреблений рестриктивного префикса, в то время как аналогичное число употреблений частицы *tik* дают лишь первые несколько из почти восьмидесяти глав этого произведения.

Наибольший интерес представляет сфера действия префиксального рестриктива. Как уже говорилось выше, СД рестриктивного *te-* может включать любую составляющую предложения: подлежащее непереходного (27), (28) и переходного (29), (30) глагола, прямое (31), (32) и непрямые (33), (34) дополнения, причем как в препозиции, так и в постпозиции к глаголу.

- непереходное подлежащее в постпозиции

(27) ***Te**-at.ėj-o* *Jon-as*.
RST-прийти-PST.3 Йонас-NOM.SG
‘Пришел только Йонас’.

- непереходное подлежащее в препозиции

(28) ⟨…⟩ *plotel-yje,* *kur* *tr-ys* *rieš-o*
площадка-LOC.SG где три-NOM.SG.M запястье-GEN.SG
storum-o *berželi-ai* ***te**-aug-o*.
толщина-GEN.SG березка-NOM.PL RST-расти-PST.3
‘⟨…⟩ на площадке, где росли лишь три березки толщиной с запястье’. (LKT)

- переходное подлежащее в постпозиции

(29) ⟨…⟩ *o* *kit-ą* *vard-ą* ***te**-žin-o*
а другой-ACC.SG имя-ACC.SG RST-знать-PRS.3

[9] «В тени алтарей», 1933. Электронный вариант http://www.antologija.lt/texts/37/turinys.html. В дальнейшем MPA.

artimiaus-i *j-os* *žmon-ės*.
ближайший-NOM.PL.M 3-GEN.SG.F человек-NOM.PL
‘А другое имя знают лишь ближайшие ее люди’. (LKT)

- переходное подлежащее в препозиции

(30) *J-is* *vien-as* ***te****-žin-o,*
3-NOM.SG.M один-NOM.SG.M RST-знать-PRS.3
k-o *mums* *reik-ia*.
что-GEN мы:DAT нужно-PRS.3
‘Лишь он один знает, чего нам надо’. (LKT)

- прямое дополнение в препозиции

(31) *Aš* *savo* *žmon-ą* ***te****-myl-iu*.
я:NOM свой жена-ACC.SG RST-любить-PRS.1SG
‘Я люблю только свою жену’.

- прямое дополнение в постпозиции

(32) ⟨…⟩ *dr.* *Pavalki-ui,* *kur-is* *man*
др. Павалькис-DAT.SG который-NOM.SG я:DAT
te*-duo-dav-o* *10* *kapeik-ų*.
RST-дать-HAB-PST.3 10 копейка-GEN.PL
‘⟨…⟩ доктору Павалькису, который мне давал по 10 копеек’. (LKT)

- непрямые дополнения

(33) *Karinink-as,* *at.rod-o,*
офицер-NOM.SG казаться-PRS.3
t-o ***te****-lauk-ė*.
тот-GEN.SG.M RST-ждать-PST.3
‘Офицер, кажется, только этого и ждал’. (LKT)

(34) *Kaz-ys* *gimim-o* *dien-os* *prog-a*
Казис-NOM.SG рождение-GEN.SG день-GEN.SG случай-INS.SG
gėli-ų ***te****-dovanoj-o* *savo* *žmon-ai*.
цветы-GEN.PL RST-дарить-PST.3 свой жена-DAT.SG
‘Казис на день рождения дарил цветы лишь своей жене’.

В СД рестриктивного *te-* могут включаться не только актанты, но и разнообразные обстоятельства (35)–(38).

- обстоятельство места

(35) *Šit-a* *knyg-a* *dešimt* *lit-ų*
этот-NOM.SG.F книга-NOM.SG 10 лит-GEN.PL
***te**-kainav-o* *mūs-ų* *knygyn-e*.
RST-стоить-PST.3 мы-GEN книжный.магазин-LOC.SG
‘Эта книга стоила десять литов только в нашем магазине’.

- обстоятельство образа действия

(36) ⟨…⟩ *klebon-as* *į* *tai* ***te**-at.si.liep-dav-o*
настоятель-NOM.SG в это RST-отозваться-HAB-PST.3
vien-u *kit-u* *žodži-u* ⟨…⟩
один-INS.SG.M другой-INS.SG.M слово-INS.SG
‘⟨…⟩ настоятель отзывался на это лишь несколькими словами ⟨…⟩’ (MPA, II:13)

- обстоятельство времени

(37) *Aš* *tav-e* *pirm-ą* *syk-į*
я:NOM ты-ACC первый-ACC.SG раз-ACC.SG
***te**-mat-au*.
RST-видеть-PRS.1SG
‘Я тебя вижу лишь первый раз’. (LKT)

- обстоятельство степени

(38) *Sen-osiose* *lietuvi-ų* *kalb-os*
старый-LOC.PL.F.DEF литовец-GEN.PL язык-GEN.SG
gramatik-ose *veiksmažodži-ų* *priešdėli-ų*
грамматика-LOC.PL глагол-GEN.PL приставка-GEN.PL
klausim-ui *dar* *labai* *nedaug* ***te**-kalb-a-m-a.*
вопрос-DAT.SG еще очень немного RST-говорить-PRS-PP-DF
‘В старых грамматиках литовского языка по вопросу о глагольных приставках говорится еще лишь очень немного’. [Paulauskas 1958: 306]

В СД рестриктивного префикса могут оказываться также предикатные имена (39) и вторичные предикаты (40).

(39) *Gal* *visk-as* ***te**-buv-o*
может все-NOM.SG RST-быть-PST.3
bais-us *sapn-as* ⟨…⟩
страшный-NOM.SG сон-NOM.SG
‘Может, все это был лишь страшный сон ⟨…⟩’. (LKT)

(40) ⟨…⟩ *kad* *j-is* *džiaug-ti-s*
что 3-NOM.SG.M радоваться-INF-RFL
***te**-gal-i* *vien-as* ⟨…⟩
RST-мочь-PRS.3 один-NOM.SG
‘⟨…⟩ что радоваться он может лишь в одиночестве (букв. один)’ (MPA, III:3)

Помимо именных групп и адвербиалов, рестриктивный префикс может иметь в своей СД целые клаузы: инфинитивные (41), причастные (42), финитные придаточные с подчинительными союзами (43) и даже прямую речь (44).

(41) *J-os* ***te**-gal-i* *žais-ti* *meil-e* ⟨…⟩
3-NOM.PL.F RST-мочь-PRS.3 играть-INF любовь-INS.SG
‘Они могут лишь играть любовью ⟨…⟩’. (MPA, II:15)

(42) ⟨…⟩ *džiaug-ti-s* *ir* *bū-ti*
радоваться-INF-RFL и быть-INF
laiming-am *mini-oj* ***te**-gal-i-m-a*
счастливый-DAT.SG.M толпа-LOC.SG RST-мочь-PRS-PP-DF
dalin-a-nt-is *savo* *džiaugsm-u*
делить-PRS-PA-RFL свой радость-INS.SG
su *artim-u* *žmog-um*.
с близкий-INS.SG.M человек-INS.SG
‘⟨…⟩ радоваться и быть счастливым в толпе можно, лишь разделяя свою радость с ближним’. (MPA, III:12)

(43) ⟨…⟩ *o* *kit-i*
а другой-NOM.PL.M
te-myl-i *tik* *sav-e*
RST-любить-PRS.3 только себя-ACC
ir ***te**-nor-i,* *kad* *vis-i*
и RST-хотеть-PRS.3 что весь-NOM.PL.M
j-uos *te-mylė-tų*.
3-ACC.PL.M RST-любить-IRR.3
‘⟨…⟩ а другие любят только себя и хотят лишь, чтобы все любили только их’. (LKT)[10]

[10] В этом примере придаточное предложение, находящееся в сфере действия рестриктивного *te-* на главном предикате (*tenori*), в свою очередь содержит конструкцию с префиксальным рестриктивом.

(44) ⟨…⟩ *beveik* *maldaujančiu* *bals-u* *vos*
почти умоляющий-INS.SG.M голос-INS.SG едва
te*-galėj-o* *iš.tar-ti*: — *Kaip* *ne!*
RST-мочь-PST.3 произнести-INF как нет
‘⟨…⟩ почти умоляющим голосом он едва мог вымолвить лишь: — Как нет?’ (MPA, I:7)

Наконец, в сфере действия рестриктивного *te-* могут оказываться не только составляющие предложения, но и их собственные составляющие, такие как элементы именных групп (45), инфинитивных (46) и причастных (47)–(48) клауз.

(45) ***Te****-skait-au* [*Maironi-o* *eilėraščiu-s*],
RST-читать-PRS.1SG Майронис-GEN.SG стихотворение-ACC.PL
kit-ų *poet-ų* *ne-mėg-st-u*.
другой-GEN.PL поэт-GEN.PL NEG-любить-PRS-1SG
‘Я читаю стихи только Майрониса, других поэтов не люблю’.

(46) *Ši-os* *scen-os* *grož-į*
этот-GEN.SG.F сцена-GEN.SG красота-ACC.SG
te*-gal-i-m-a* [*su.lygin-ti* *su*
RST-мочь-PRS-PP-DF сравнить-INF с
gerv-ės *skrydži-u*] ⟨…⟩
журавль-GEN.SG полет-INS.SG
‘Красоту этой сцены можно сравнить лишь с полетом журавля ⟨…⟩’[11]

(47) *Birut-ė* ***te****-sak-ė* [*pa.miegoj-us-i*
Бируте-NOM.SG RST-сказать-PST.3 поспать-PST.PA-NOM.SG.F
penki-as *valand-as*].
пять-ACC.PL.F час-ACC.PL
‘Бируте сказала, что поспала только пять часов’.

(48) *Kaz-ys* ***te****-man-ė*
Казис-NOM.SG RST-думать-PST.3
[*Aldon-ą* *j-į* *myl-i-nt*].
Алдона-ACC.SG 3-ACC.SG.M любить-PRS-PA
‘Казис думал, что i. только Алдона любит его / ii. Алдона любит только его’.

[11] Gintaras Beresnevičius, *Apie pagavimą šnipų* (1998), http://www.tekstai.lt/buvo/tekstai/beresnev/pagavima.htm.

Случаи, когда в СД рестриктивного префикса на матричном глаголе оказывается элемент вложенной клаузы, особенно частотны в конструкциях с модальными предикатами. Некоторые из опрошенных мною носителей даже отвергали примеры, подобные (49а), хотя они и встречаются изредка в корпусе, ср. (50).

(49а) *??Turėj-au* [***te**-už.mokė-ti* *dešimt* *lit-ų*].
должен-PST.1SG RST-заплатить-INF 10 лит-GEN.PL
‘Я должен был заплатить лишь десять литов’.

(49б) *OK**Te**-turėj-au* [*už.mokė-ti* *dešimt* *lit-ų*].
RST-должен-PST.1SG заплатить-INF 10 лит-GEN.PL
‘Я должен был заплатить лишь десять литов’.

(50) 〈…〉 *prietais-as* *turė-tų* [***te**-sver-ti*
прибор-NOM.SG должен-IRR.3 RST-весить-INF
pus-ę *kilogram-o*].
половина-ACC.SG килограмм-GEN.SG
‘Прибор должен бы весить лишь полкилограмма’. (LKT)

С другими матричными глаголами рестриктив может выступать как при главном предикате, так и при инфинитиве, причем иногда с тонкой разницей в значении. Так, по свидетельству Р. Микулскаса, пример (51а) с *te-* на матричном предикате уместен в ситуации, когда учитель рассердился на студента и, позволив ему ответить лишь на два вопроса, выгнал его (‘учитель допустил ситуацию, когда студент ответил на два вопроса, и не допустил ситуации, когда студент ответил на большее число вопросов’). Напротив, пример (51б) с рестриктивным префиксом на инфинитиве скорее уместен в контексте, когда учитель, зная достоинства студента, позволил ему ответить лишь на два вопроса и отпустил (‘учитель допустил ситуацию, когда студент ответил на два вопроса и не отвечал на большее число вопросов’).

(51а) *Mokytoj-as* ***te**-leid-o* *Kazi-ui*
учитель-NOM.SG RST-разрешить-PST.3 Казис-DAT.SG
[*at.saky-ti* *į* *du* *klausim-us*].
ответить-INF в 2 вопрос-ACC.PL
‘Учитель разрешил Казису ответить только на два вопроса’.

(51б) *Mokytoj-as* *leid-o* *Kazi-ui*
учитель-NOM.SG разрешить-PST.3 Казис-DAT.SG
[***te**-at.saky-ti* *į* *du* *klausim-us*].
RST-ответить-INF в 2 вопрос-ACC.PL
‘Учитель разрешил Казису ответить только на два вопроса’.

Ограничения на сферу действия рестриктивного *te-* во многом аналогичны известным «островным» ограничениям на выдвижение из разных типов составляющих [Ross 1967/1986; Казенин, Тестелец 2002]. Так, невозможна конфигурация, при которой рестриктивный префикс присоединен к матричному глаголу с сочиненными инфинитивными клаузами, а его СД включает элемент лишь одного из конъюнктов, ср. (52а) vs. (52б).

(52а) ⟨…⟩ *gal-i-me* [[*daug* *pa.maty-ti*]
мочь-PRS-1PL много увидеть-INF
ir [*maža* ***te**-su.pras-ti*]]
и мало RST-понять-INF
‘⟨…⟩ мы можем многое увидеть, а понять лишь немногое’. (LKT)

(52б) ***te**-gal-i-me* [[*daug* *pa.maty-ti*] *ir* [*maža* *su.pras-ti*]]
RST-мочь-PRS-1PL много увидеть-INF и мало понять-INF
Ожид.: ‘⟨…⟩ мы можем многое увидеть, но лишь немногое понять’.

Аналогичным образом, рестриктивный префикс не может появиться на матричном глаголе, если его СД находится внутри обстоятельственного причастного оборота («обстоятельственный остров») (53а–б), атрибутивного причастного оборота («ограничение сложной именной группы») (54а–б), или в финитной клаузе с подчинительным союзом (55а–б). Примеры (53б)–(55б) неграмматичны лишь при интерпретации, тождественной примерам (53а)–(55а); если в СД рестриктива попадает вся островная составляющая, предложение становится допустимым.

(53а) *gal-i-m-a* *taip* *paprastai* *gyven-ti*, [*tiek* *nedaug*
мочь-PRS-PP-DF так просто жить-INF столько немного
***te**-už.im-a-nt* *pasaul-yje* *viet-os*].
RST-занять-PRS-PA мир-LOC.SG место-GEN.SG
‘можно так просто жить, занимая в мире лишь так немного места’. (LKT)

(53б) ***te**-gal-i-m-a* *gyven-ti*
RST-мочь-PRS-PP-DF жить-INF
[*tiek* *nedaug* *už.im-a-nt* *viet-os*]
столько немного занять-PRS-PA место-GEN.SG
Ожид.: = (53а).

(54а) ⟨…⟩ *prie* *tėvišk-ės* *vienkiem-yje* *gyven-o*
около родина-GEN.SG хутор-LOC.SG жить-PST.3
[*vien* *rusiškai* ***te**-mok-a-nt-i*]
лишь по-русски RST-уметь-PRS-PA-NOM.SG.F
grioviakasi-o *Denis-o* *šeim-a*.
землекоп-GEN.SG Денис-GEN.SG семья-NOM.SG
‘около их родных мест на хуторе жила знающая лишь по-русски семья землекопа Дениса’. (LKT)

(54б) ***te**-gyveno* [*vien* *rusiškai*
RST-жила лишь по-русски
mokanti] *šeima*.
умеющая семья
Ожид.: = (54а).

(55а) *Jurg-is* *sak-ė*,
Юргис-NOM.SG сказать-PST.3
[*kad* *Aldon-a* ***te**-at.ėj-o*].
что Алдона-NOM.SG RST-прийти-PST.3
‘Юргис сказал, что только Алдона пришла’.

(55б) **Jurg-is* ***te**-sak-ė*,
Юргис-NOM.SG RST-сказать-PST.3
[*kad* *Aldon-a* *at.ėj-o*].
что Алдона-NOM.SG прийти-PST.3
Ожид.: = (55а).

Способность рестриктивного префикса заключать в свою СД элементы вложенных нефинитных предикаций не является изолированным фактом: отрицательный префикс на матричном глаголе может лицензировать в составе нефинитной клаузы отрицательное местоимение (56) или генитив прямого объекта (57).

(56) *Jon-as* ***ne**-norėj-o* [*niek-o* *skaity-ti*].
Йонас-NOM.SG NEG-хотеть-PST.3 ничто-GEN читать-INF
‘Йонас не хотел ничего читать’.

(57) *Jon-as* ***ne****-norėj-o*
Йонас-NOM.SG NEG-хотеть-PST.3
[*skaity-ti* *ši-os* *knyg-os*].
читать-INF этот-GEN.SG.F книга-GEN.SG
‘Йонас не хотел читать эту книгу’.

Стоит отметить, что способность СД рестриктивного префикса «пересекать» границу клаузы закономерным образом направлена от вышестоящей предикации к зависимой, но не наоборот (данное синтаксическое ограничение на семантическую сферу действия операторов считается универсальным, ср. [Sportiche 2006]): рестриктивный префикс на зависимом предикате не может иметь в своей СД элемент главной клаузы. Так, если пример (51а) с рестриктивным показателем на главном предикате может в принципе иметь две интерпретации (i. ‘учитель позволил Казису ответить только на два вопроса’; ii. ‘учитель позволил только Казису ответить на два вопроса’), то примеру (51б), где префикс *te-* присоединяется к инфинитиву интерпретация (i) недоступна.

Итак, как было показано, литовский рестриктивный префикс *te-* может иметь в своей СД любую составляющую предложения и даже элементы зависимых нефинитных предикаций. В этом отношении он сходен с уже упоминавшимися в § 1 приглагольными рестриктивными элементами английского и китайского языков и в особенности с рестриктивным префиксом языка пининь кун-уок. Важным различием между литовским *te-* и английским приглагольным *only* является уже упомянутая неспособность последнего включать в свою СД подлежащее. Она связана с тем, что в английском оператор может иметь в своей СД лишь элементы, над которыми он имеет структурный приоритет [Тестелец 2001: 120–121; Erteschik-Shir 1997: 222–223], в то время как в английском подлежащее имеет структурный приоритет над всеми остальными элементами предложения. Важное отличие литовского рестриктива от его аналога в пининь кун-уок состоит в том, что в полисинтетическом языке в СД рестриктивного аффикса могут оказываться не только независимые составляющие, но и элементы глагольной словоформы: местоименные аффиксы и инкорпорированные именные корни (58).

(58) *Ga-bi-**djal**-ganj-wo-n*.
3SB-3OB-RST-мясо-дать-NPST
i. ‘Только она дает ему мясо’.
ii. ‘Она дает ему только мясо’.
iii. ‘Она дает мясо только ему’. [Evans 1995: 252]

В литовском языке, где лично-числовые глагольные флексии также способны сами по себе осуществлять референцию, они не могут, тем не менее, попадать с СД рестрикции (59а); в литовском лишь независимые местоимения могут фокусироваться и, следовательно, служить «законной» СД рестриктива (59б).

(59а) ***Te**-at.ėj-au*.
RST-придти-PST.1SG
‘Ожид.: ‘Только я пришел’.

(59б) *OK**Te**-at.ėj-au* *aš*.
RST-придти-PST.1SG я:NOM
‘Только я пришел’.

Способностью иметь в своей СД элемент зависимой (причем только нефинитной) клаузы обладает и китайское приглагольное рестриктивное наречие *zhi* (60)[12], и английское приглагольное *only* (61). Для языка пининь кун-уок данный признак нерелевантен в связи с отсутствием нефинитных конструкций[13].

(60) *Wo* ***zhi*** *xihuan* [*kan* *shu*],
я RST любить читать книга
bu *xihuna* *kan* *baozhi.*
NEG любить читать газета
‘Я люблю читать только книги, а не газеты’.

(61) *I **only** want to read email, not advertisers!*
‘Я хочу читать только электронную почту, а не рекламу!’[14]

Типологические различия между приглагольными рестриктивными элементами в английском, литовском, китайском и пининь кун-уок с точки зрения СД приведены в Таблице 2.

[12] Данная информация и пример (60) любезно предоставлены профессором Ч. Ли.

[13] Н. Эванс, личное сообщение.

[14] http://productforums.google.com/forum

Таблица 2. Типологическое варьирование СД приглагольных рестриктивов

	подлежащее в СД	СД в зависимой клаузе	элементы глагола в СД
англ. *only*	–	+	–
кит. *zhi*	+	+	–
лит. *te-*	+	+	–
пининь кун-уок *-djal-*	+	(–)	+

Если вопрос о том, какие элементы предложения могут находиться в СД рестриктивного *te-*, можно считать полностью освещенным, ответ на вопрос о принципах выбора СД в каждом конкретном случае гораздо менее очевиден. Если предложение с рестриктивным префиксом на сказуемом содержит несколько составляющих, то вне контекста оно неоднозначно, ср. пример (62), у которого возможны по меньше мере пять интерпретаций.

(62) *Kaz-ys* ***te****-dovanoj-o* *mergait-ėms*
Казис-NOM.SG RST-дарить-PST.3 девушка-DAT.PL
knyg-as.
книга-ACC.PL
i. ‘Только Казис дарил девушкам книги’.
ii. ‘Казис только дарил девушкам книги [а не продавал цветы юношам]’.
iii. ‘Казис дарил книги только девушкам’.
iv. ‘Казис дарил девушкам только книги’.
v. ‘Казис только дарил [а не продавал] девушкам книги’.

Разрешению такой неоднозначности способствуют по крайней мере три фактора, два из которых связаны с информационной структурой, а один — с семантикой. Поскольку СД рестриктивных единиц, как было сказано в § 1, связывается с понятием фокуса или ремы, закономерно, что установлению СД рестриктивного *te-* способствует актуальное членение предложения, в частности, интонация и порядок слов. Что касается интонации, то ввиду отсутствия подробного и систематического описания функционирования фразовой просодии в литовском языке (ср. ценные, но во многом предварительные и фрагментарные замечания в работах [Kundrotas 2004; Кундротас 2003]), здесь можно лишь отметить, что носители языка при переводе предложений типа (62) указывали, что СД рестрикции

зависит от позиции главного фразового ударения («интонационного центра»). К письменным же источникам, где интонация никак не отмечается, просодический критерий, разумеется, неприменим.

О роли порядка слов в установлении СД рестриктивного *te-* также можно сделать лишь несколько не претендующих на окончательность наблюдений. Основная закономерность состоит, по-видимому, в том, что в СД рестрикции чаще всего оказывается составляющая, непосредственно примыкающая к содержащему рестриктивный префикс глаголу или комплексу «вспомогательный или модальный глагол + инфинитив или причастие». Так, в МРА из 28 примеров, где в СД *te-* находится не само сказуемое, в 18 случаях составляющая в СД рестрикции примыкает к глаголу, а из 10 случаев дистантного расположения 9 относятся к глагольным комплексам с модальным предикатом *galėti* ‘мочь’. Из этих 27 примеров в 20 наблюдается постпозиция СД рестрикции. Тем не менее, такое неравномерное распределение препозиции и постпозиции СД рестрикции никак нельзя считать проявлением какой-либо общеязыковой тенденции хотя бы по той причине, что в другом обследованном мною тексте — объемной статье [Paulauskas 1958] наблюдается обратное соотношение: на 26 примеров употребления рестриктивного префикса элемент в его СД оказывается в контактной постпозиции к глаголу лишь в трех случаях. Таким образом, позиция элемента в СД рестрикции относительно глагола с префиксом *te-* определяется скорее всего стилистическими особенностями текста и предпочтениями автора, а не каким-либо грамммматическими правилами.

Третий фактор, способствующий однозначному установлению СД рестриктивного префикса, связан с тем, что рестриктивные элементы взаимодействуют со скалярными импликатурами, порождаемыми лексическими единицами со значением количества или степени [König 1991: 37–42, 95–96; Богуславский 1996: 94]. В общем случае рестриктивный оператор исключает часть шкалы с бóльшими значениями релевантного признака, ср. *Иван съел* ***только*** *<u>три</u> <u>яблока</u>*, где имплицируется шкала натуральных чисел и исключаются все числа более 3. Тем самым неудивительно, что в дискурсе наблюдается довольно стойкая связь рестриктивного префикса с лексемами, выражающими малую степень (*mažai* ‘мало’, *nedaug* ‘немного’, *menkai* ‘слабо’, *retai* ‘редко’) или

малое количество (особенно *vienas* ‘один’)[15], так что если в предложении, где сказуемое содержит рестриктивный префикс, встречаются такого рода слова, высока (но, разумеется, не абсолютна) вероятность, что именно они будут находиться в СД рестрикции.

В контекстах выражений малой степени рестриктивный префикс *te-* близок во многом аналогичному «аттенуативному» употреблению другого «внешнего» префикса — *be-*, который также соотносится с произвольным членом предложения, выражающим малое количество, низкое значение признака или трудность осуществления ситуации, ср. (63).

(63) *Daktar-ai* *iš.ėj-o,* *su.leid-ę*
врач-NOM.PL уйти-PST.3 ввести-PST.PA.NOM.PL.M
Jurgi-ui *vaist-ų*, *bet* *j-ie*
Юргис-DAT.SG лекарство-GEN.PL но 3-NOM.PL.M
mažai ***be****-pa.dėj-o*.
мало ATN-помочь-PST.3
‘Врачи ушли, введя Юргису лекарств, но они мало помогли’. (LKT)

По свидетельству опрошенных мною носителей, различие между рестриктивным *te-* и аттенуативным *be-* состоит в эмоциональной оценке, которую вносит префикс *be-* и которая отсутствует у более нейтрального *te-*, ср. (64а–б).

(64а) *J-is* *antradieni-ais* ***te****-nu.ei-dav-o*
3-NOM.SG.M вторник-INS.PL RST-дойти-HAB-PST.3
į *universitet-ą*.
в университет-ACC.SG
‘Он приходил в университет только по вторникам’. (нейтральная констатация)

(64б) *J-is* *antradieni-ais* ***be****-nu.ei-dav-o*
3-NOM.SG.M вторник-INS.PL ATN-дойти-HAB-PST.3
į *universitet-ą*.
в университет-ACC.SG
‘Он приходил в университет только по вторникам’. (что-то мешало ему приходить чаще)

[15] Так, например, из 30 примеров со словоформой *tepadėjo* ‘только+помог(ла/о/и)’ в LKT, в 29 присутствовали единицы со значением малой степени.

С выражениями малой степени, очевидно, связано и единственное однозначное средство установления СД рестриктивного префикса — «плеонастическое» употребление его вместе с рестриктивными частицами *tik*, *tiktai* и *vien* ‘только, лишь’, которые служат своего рода показателями СД (scope marker), ср. (65), (66).

(65) *Vis-i* *j-ie* ***te-****mokėj-o*
весь-NOM.PL.M 3-NOM.PL.M RST-уметь-PST.3
tik *lietuviškai*.
только по-литовски
‘Все они умели говорить лишь по-литовски’. (LKT)

(66) *Taigi* ***te-****pa.tek-ęs* ***vien***
итак RST-попасть-PST.PA.NOM.SG.M лишь
į *klierik-o* *Petryl-os* *tėvišk-ės*
в семинарист-GEN.SG Петрила-GEN.SG родина-GEN.SG
parapij-ą, *jaut-ė-si*
приход-ACC.SG чувствовать-PST.3-RFL
neteisingai *nu.skriaust-as*.
несправедливо обиженный-NOM.SG.M
‘Так что попав лишь в приход на родине семинариста Петрилы, он чувствовал себя несправедливо обиженным’. (MPA, I:7)

Как можно судить из имеющегося в моем распоряжении материала, употребление «плеонастических» рестриктивных частиц наряду с префиксом *te-* является факультативным, хотя и довольно частотным (в MPA и [Paulauskas 1958] они присутствуют примерно в четверти случаев) и не подчиняется каким-либо грамматическим ограничениям, связанным с порядком слов или синтаксическим статусом СД рестрикции. Такое употребление *tik* не кажется мотивированным и принципом различительности: оно встречается и в предложениях, которые и без плеонастического рестриктива имели бы однозначную интерпретацию, и может, напротив, отсутствовать в потенциально неоднозначных контекстах. Наконец, в моем корпусе встречаются одинаковые по значению примеры, различающиеся лишь наличием плеонастического рестриктива, ср. (67а–б).

(67а) ⟨…⟩ *su veiksmažodži-ais, atskirai be priešdėli-ų*
с глагол-INS.PL отдельно без приставка-GEN.PL
*ne-vartoj-a-m-ais ar **tik***
NEG-употреблять-PRS-PP-INS.PL.M или только
*<u>labai</u> <u>retai</u> **te**-vartoj-a-m-ais*.
очень редко RST-употреблять-PRS-PP-INS.PL.M
‘⟨…⟩ с глаголами, отдельно без приставок не употребляющимися или употребляющимися лишь очень редко’. [Paulauskas 1958: 348]

(67б) ⟨…⟩ *kamien-ai, kur-ie*
основа-NOM.PL который-NOM.PL.M
be priešdėli-o
без приставка-GEN.SG
*<u>retai</u> **te**-vartoj-a-m-i ar visai*
редко RST-употреблять-PRS-PP-NOM.PL.M или совсем
ne-vartoj-a-m-i ⟨…⟩
NEG-употреблять-PRS-PP-NOM.PL.M
‘⟨…⟩ основы, которые без приставки употребляются только изредка или совсем не употребляются’. [ibid.: 313]

Такого рода факультативное «дублирование» глагольного рестриктива приименным, однозначно маркирующим СД, встречается и в языке пининь кун-уок [Evans 1995: 251–253], ср. (68).

(68) *<u>Gunwardde</u>-**wi** ∅-**djal**-wo-n*.
деньги-RST 1SB/2OB-RST-дать-NPST
‘Я дам тебе только деньги’. [ibid.: 253]

4. Заключение

В данной статье было подробно проанализировано ранее не изучавшееся весьма нетривиальное рестриктивное употребление глагольного префикса *te-* в литовском языке. Кратко суммирую основные выводы исследования.

1. С морфологической точки зрения *te-* принадлежит к не имеющему параллелей в близких литовскому языках классу «внешних» префиксов, присоединяющихся слева от пространственно-акциональных превербов, но разделяющих с последними основные формальные особенности.

2. Обладая большой свободой в сочетаемости с глагольными формами, в том числе нефинитными и аналитическими, рестриктивный префикс *te-* демонстрирует нетривиальные ограничения на сочетаемость с другими «внешними» префиксами. Кроме того, префикс *te-*, помимо рестриктивного, обладает также юссивным значением, и в одних контекстах допустима лишь единственная (рестриктивная либо юссивная) интерпретация, а в других наблюдается неоднозначность.

3. Рассматриваемый префикс является адвербиальным квантификатором [Partee 1995], сфера действия которого чувствительна к информационной структуре и семантике предложения, но не ограничена почти никакими жесткими грамматическими правилами. Любая составляющая предложения (подлежащее, прямое и непрямые дополнения и различные обстоятельства) может оказаться в СД рестриктивного *te-*. Кроме того, рестриктивный префикс на матричном предикате может иметь в СД элемент зависимой клаузы, что особенно распространено в случае модальных глаголов.

4. Рестриктивный префикс не является ни единственным, ни наиболее частотным средством выражения данного значения в литовском языке. Он используется наряду с рестриктивными частицами *tik*, *tiktai* и *vien* ‘только, лишь’, которые могут выступать в предложении вместе с рестриктивным префиксом, однозначно указывая на его СД.

5. С типологической точки зрения литовский рестриктивный префикс принадлежит к классу сравнительно распространенных в языках мира приглагольных рестриктивных элементов в нефиксированной СД. С другой стороны, будучи аффиксом, а не частицей или наречием, рестриктивный *te-* составляет несомненную типологическую редкость. Единственный известный мне другой аффиксальный рестриктив с нефиксированной СД отмечен в полисинтетическом языке пининь кун-уок на севере Австралии. Никакие аналоги литовского рестриктивного префикса не отмечены также и в ближайших к литовскому генетически или географически языках — латышском, славянских или прибалтийско-финских. Таким образом, наряду с целым рядом других нетривиальных особенностей морфосинтаксиса, см. [Аркадьев 2013], рестриктивный префикс составляет яркую черту типологического своеобразия литовского языка.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; ATN — аттенуативность; AUX — вспомогательный глагол; CNV — конверб; COMP — сравнительная степень; DAT — датив; DEF — определенность; DF — дефолтное согласование; F — женский род; FUT — будущее время; GEN — генитив; HAB — хабитуалис; IMP — императив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; IRR — ирреалис; LOC — локатив; M — мужской род; NEG — отрицание; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; OB — объект; PA — активное причастие; PL — множественное число; PP — пассивное причастие; PRM — юссив/пермиссив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; RFL — рефлексив; RST — рестриктив; SB — субъект; SG — единственное число; TOP — топик; VOC — вокатив.

Литература

Алпатов и др. 2008 — В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлесская. Теоретическая грамматика японского языка. Т. I–II. М.: Наталис, 2008.

Амбразас 1990 — В. Амбразас. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс: Мокслас, 1990.

Амбразас (ред.) 1985 — В. Амбразас (ред.). Грамматика литовского языка. Вильнюс: Мокслас, 1985.

Аркадьев 2011a — П. М. Аркадьев. О функциях префикса *be-* в литовском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VII, 3, 2011. С. 252–257.

Аркадьев 2011b — П. М. Аркадьев. Проблемы синтаксиса конструкций «accusativus cum participio» в литовском языке // Вопросы языкознания 5, 2011. С. 44–75.

Аркадьев 2012 — П. М. Аркадьев. Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных) // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий [Acta Linguistica Petropolitana VIII, 2]. СПб.: Наука, 2012. С. 45–121.

Аркадьев 2013 — П. М. Аркадьев. О типологическом своеобразии литовской глагольной системы // Вяч. Вс. Иванов (ред.). Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков. СПб.: Алетейя, 2013.

Богуславский 1996 — И. М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. М.: Языки русской культуры, 1996.

Казенин, Тестелец 2002 — К. И. Казенин, Я. Г. Тестелец. Исследование синтаксических ограничений в генеративной грамматике // А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина (ред.). Современная амери-

канская лингвистика: фундаментальные направления. 2-ое изд., испр. и доп. Москва: Эдиториал УРСС, 2002. С. 58–109.

Кундротас 2003 — Г. Кундротас. Функциональные возможности интонационного центра (в литовском и русском языках) // Žmogus ir žodis 3, 2003. P. 10–17.

Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Ambrazas (ed.) 1997 — V. Ambrazas (ed.). Lithuanian Grammar. Vilnius: Baltos Lankos, 1997.

Andronovas 1995 — A. V. Andronovas. Priešdėlinių veiksmažodžių kirčiavimas morfologinės akcentologijos požiūriu // Baltistica 30, 1, 1995. P. 93–100.

Arkadiev 2010 — P. M. Arkadiev. Notes on the Lithuanian restrictive // Baltic Linguistics 1, 2010. P. 9–49.

Arkadiev 2011 — P. M. Arkadiev. On the aspectual uses of the prefix *be-* in Lithuanian // Baltic Linguistics 2, 2011. P. 37–78.

Chicouène, Skūpas 2003 — M. Chicouène, L.-A. Skūpas. Parlons lituanien, une langue balte. 2ème éd. Paris: L'Harmattan, 2003.

Cole 1985 — P. Cole. Imbabura Quechua. London: Croom Helm, 1985.

Dryer 1994 — M. Dryer. The pragmatics of focus-association with *only*. Paper presented at the LSA annual meeting, 1994. (http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/dryer/dryer/papers).

Erteschik-Shir 1997 — N. Erteschik-Shir. The Dynamics of Focus-Structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Evans 1995 — N. Evans. A-quantifiers and scope in Mayali // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. H. Partee (eds.). Quantification in Natural Languages. Dordrecht: Kluwer, 1995. P. 207–270.

Fraenkel 1965 — E. Fraenkel. Litauisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. II. Heidelberg: Winter — Göttingen: Vandenhoec & Ruprecht, 1965.

Gordon 1986 — L. Gordon. Maricopa Morphology and Syntax. Berkeley: University of California Press, 1986.

König 1991 — E. König. The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective. London, New York: Routledge, 1991.

Kundrotas 2004 — G. Kundrotas. Lietuvių kalbos intonacija: teorija ir praktika // Žmogus ir žodis 1, 2004. P. 13–19.

Kurschat 1876 — Fr. Kurschat. Grammatik der Littauischen Sprache. Halle: Waisenhaus, 1876.

Li, Thompson 1981 — Ch. N. Li, S. A. Thompson. Mandarin Chinese. A Functional Reference Grammar. Berkeley: University of California Press, 1981.

Mathiassen 1996 — T. Mathiassen. A Short Grammar of Lithuanian. Columbus, OH: Slavica, 1996.

Otrębski 1965 — J. Otrębski. Gramatyka języka litewskiego, T. 3. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe, 1965.

Partee 1995 — B. H. Partee. Quantificational structures and compositionality // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. H. Partee (eds.). Quantification in Natural Languages. Dordrecht: Kluwer, 1995. P. 541–601.

Paulauskas 1958 — J. Paulauskas. Veiksmažodžių priešdėlių funkcijos dabartinėje lietuvių literatūrinėje kalboje // Literatūra ir kalba 3, 1958. P. 301–453.

Rooth 1992 — M. Rooth. A theory of focus interpretation // Natural Language Semantics 1, 1, 1992. P. 75–116.

Rooth 1996 — M. Rooth. Focus // Sh. Lappin (ed.). The Handbook of Contemporary Semantic Theory. Oxford: Blackwell, 1996. P. 271–298.

Ross 1967/1986 — J. R. Ross. Constraints on Variables in Syntax. PhD Thesis, MIT, 1967. (Published as Infinite Syntax! Ablex: Norwood, 1986).

Schleicher 1856 — A. Schleicher. Handbuch der litauischen Sprache. Bd. I. Grammatik. Prag: Calve, 1856.

Senn 1966 — A. Senn. Handbuch der litauischen Sprache. Bd. I. Grammatik. Heidelberg: Winter, 1966.

Sportiche 2006 — D. Sportiche. Reconstruction, binding, and scope // M. Everaert et al. (eds.). The Blackwell Companion to Syntax. Vol. IV. Oxford: Blackwell, 2006. P. 35–93.

Ulvydas (red.) 1971 — K. Ulvydas (red.). Lietuvių kalbos gramatika. II tomas. Morfologija. Vilnius: Mintis, 1971.

Zinkevičius 1981 — Z. Zinkevičius. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. T. II. Vilnius: Mokslas, 1981.

А. Барентсен

UvA, Амстердам

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КАТЕГОРИИ ВИДА С ДРУГИМИ ГЛАГОЛЬНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИЙ В СЛУЧАЯХ НЕОГРАНИЧЕННОЙ ПОВТОРЯЕМОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Вступительные замечания

Хорошо известно, что во многих языках с грамматической категорией вида существует связь между видом глагола и противопоставлением **единичное действие : повторяющееся действие**. В таких языках формы несовершенного вида (НСВ), или форма типа имперфект (импфкт), могут выражать не только отдельно взятое действие в своем развитии, но и повторяемость (неограниченную кратность) как развивающегося, так и целостного, законченного действия. К таким языкам относятся прежде всего славянские и романские, но также, например, греческий и грузинский языки, ср. [Comrie 1976: 26]. Этот типологически важный факт не всегда в достаточной мере учитывается при определении инвариантного значения данных форм, особенно теми исследователями, которые видят суть имперфект(ив)ных форм в том или ином виде процессности. Указанное свойство этих форм требует, чтобы мы в случаях повторяемости различали два уровня: уровень отдельно взятого проявления данного действия — **микроситуация**, и более высокий уровень некоторого (определенного или неопределенного) ряда таких проявлений — **макроситуация** [Timberlake 1982; Stunová 1986]. При отсутствии указаний на более или менее определенное количество микроситуаций (типа *дважды*, *три раза*, *несколько раз* и т. д.) макроситуация естественным образом воспринимается как нецелостная, даже в том случае, когда каждая из микроситуаций, из которых она состоит, сама по себе является целостной. Возможность или склонность ориентироваться на аспектуальный характер макроситуации, игнорируя

характер микроситуаций, существует во всех указанных выше языках. Именно это естественным образом приводит к выбору имперфектных/имперфективных форм, поскольку на этом уровне при неограниченной кратности отсутствует целостность, необходимая для выбора перфективной формы, т. е. в славянских языках формы совершенного вида (СВ).

Однако по отношению ко всем славянским языкам можно утверждать, что при обозначении повторяющегося неопределенное количество раз целостного действия наряду со случаями с формой НСВ встречаются также примеры с формой СВ. Существование таких примеров указывает на то, что в определенных случаях ориентация на характер (репрезентативной) микроситуации является более естественной или важной, чем ориентация на макроситуацию[1]. Вопрос только в том, какие факторы определяют возможность или необходимость такого выбора.

В научной литературе все чаще отмечается, что в отношении возможности употребления СВ в случаях неограниченной кратности между славянскими языками наблюдаются весьма заметные различия [Петрухина 2000; Dickey 2000]. Но пока это явление изучено еще недостаточно детально. Ясно только то, что в случаях неограниченной повторяемости в восточной части славянской территории сильно преобладает НСВ, в то время как в западной части весьма свободно употребляется СВ. В качестве иллюстрации данного различия приводим пример из романа «Мастер и Маргарита» Булгакова: *Лишь только начинал*^{i} *звенеть телефон, Варенуха брал*^{i} *трубку*[2]. Несмотря на то, что микроситуации здесь явно целостные, в русском тексте употребление НСВ необходимо для передачи смысла повторяемости. Замена на формы СВ обязательно привела бы к интерпретации единичности данной последовательности действий. Однако в чешском языке, который в плане употребления видов можно считать типичным представителем противоположной, западной системы, употребление формы СВ совершенно не мешает интерпретации повторяемости (при достаточной поддержке контекста) и является для предложений данного

[1] Репрезентативный характер микроситуации в данных случаях отражается в известном термине «наглядно-примерное значение».

[2] В примерах вид обсуждаемых форм указывается суперскриптами ^{i} и ^{p} (соответственно НСВ и СВ).

типа как раз самым естественным. Поэтому в чешском переводе романа мы находим следующий вариант: *Sotva zazvonil*[p] *telefon, Varenucha zvedl*[p] *sluchátko.* Сравнение с переводами на другие славянские языки показывает, что в подобных случаях важную роль могут играть еще и другие глагольные категории. Сравните, например, сербский перевод: *Чим би зазвонио*[p] *телефон, Варенуха би дизао*[i] *слушалицу.* Здесь использована не форма индикатива, как в русском и чешском, а кондиционал (с частицей *би*, сравнимой с русской *бы*). В сербском (и хорватском) языке именно выбор этой модальной формы позволяет использовать СВ в зависимой части предложений данного типа [Барентсен 2008][3].

В настоящей работе рассматривается подобный материал из почти всех современных славянских литературных языков[4]. Этот материал состоит из сложноподчиненных или осложненных предложений, в которых выражаются таксисные значения предшествования или следования[5]. Передаваемый в таких предложениях смысл последовательности действий естественно связан с признаком целостности на уровне микроситуации. В работе рассматриваются только примеры, в которых речь идет о повторяемости в прошлом. В таких случаях различия между языками проявляются наиболее ярко.

Для целей нашей работы были собраны примеры из 15 разных литературных произведений с их переводами на все (или почти все) славянские языки, входящих в создаваемом автором корпусе параллельных текстов.

2. Предложения со значением контактного предшествования

Прежде всего рассмотрим сложноподчиненные предложения, относящиеся к одному из типов предшествования, а именно «контактного предшествования», в которых смена ситуаций главной

[3] Более подробно о данной функции этих форм см. [Kalsbeek, Lučić 2008].

[4] Серболужицкие языки здесь фактически не рассматриваются по причине отсутствия необходимых для нашей работы литературных переводов на эти языки. Ограничимся лишь одним примером из верхне-серболужицкого языка. См. примечание 6.

[5] О понятии «таксис» и исползованные здесь термины, связанные с ним, см. [Храковский 2003; Храковский 2009].

части (ГЧ) следует непосредственно за сменой ситуаций зависимой части (ЗЧ). В русском языке это наиболее ярко выражается такими союзными средствами как *как только* (*лишь только*) или *едва*. При единичной паре действий во всех славянских языках в подобных случаях, как правило, употребляется СВ, но, как было сказано выше, при повторяемости такой пары в прошлом в русском языке употребляются только формы прошедшего времени НСВ, в то время как в других славянских языках представлены и другие возможности.

В работе [Барентсен 2008] приведен ряд предложений данного типа, в которых ясно отражаются различия между разными группами славянских языков. В настоящей работе приведем несколько дополнительных примеров. Глагольные формы, которые можно считать характерными для ЗЧ и ГЧ в предложениях данного типа, указаны в Схеме 1, приведенной на следующей странице, ср. [Барентсен 2008: 29].

Порядок подачи языков в Схеме 1 примерно следует их географическому расположению. В начале происходит перемещение по славянской территории с северо-востока на юго-запад (словенский язык), а затем по южным регионам снова на восток. Различия в выборе вида на схеме изображены цветом: НСВ — темносерый цвет и СВ — белый цвет. (Промежуточными оттенками обозначены те случаи, где наблюдается определенная «конкуренция» видов.) Хорошо видно, что в общих чертах удельный вес НСВ по мере движения на запад уменьшается.

Учитывая не только вид, но и другие категории, можно различить не менее 6 разных типов. Наиболее сильные различия в плане выбора вида наблюдаются между крайней восточной (русский, белорусский, украинский языки) и крайней западной (чешский, словацкий, словенский) группами[6]. Для обеих этих групп

[6] Судя по нашим малочисленным примерам, в эту группу можно включить также верхне-серболужицкий язык. Ср. пример (17) в цитируемой работе [Барентсен 2008: 27] и следующий серболужицкий вариант приведенного там примера (15), который стал нам доступен только после публикации указанной работы: ***Zetkach*^{p}*-li*** *někoho* ⟨…⟩ pospytach^{p} *to ze swojej rysowanku čisło 1*. (Это перевод следующего предложения из *Le petit prince* (A. de Saint-Exupéry): ***Quand j****'en* ***rencontrais*** *une* [*qui me paraissait un peu lucide*]*, je* faisais *l'expérience sur elle de mon dessin*

характерно еще и то, что между выбором вида в ЗЧ и ГЧ в общем нет различий.

Схема 1. Распределение форм в ЗЧ и ГЧ
в разных группах славянских языков

	Зависимая часть	Главная часть
русский белорусский украинский	прош. НСВ	прош. НСВ
польский	прош. СВ / (НСВ)	прош. НСВ
чешский словацкий словенский	прош. СВ	прош. СВ[7]
хорватский сербский	**конд.** СВ	**конд.** СВ / (НСВ) или прош. НСВ
македонский	**(*ќе*)** + **импфкт** СВ	(***ќе*** + **импфкт** СВ) **импфкт** НСВ
болгарский	**импфкт** СВ	**импфкт** НСВ

Но в остальных группах такое различие есть: оказывается, что СВ в ЗЧ возможен (польский) или фактически необходим (остальные языки), в то время как в ГЧ наиболее обычным (или необходимым) является НСВ. Большую роль играют тут и другие глагольные категории: в то время как в языках «крайних» групп представлена наиболее обычная форма прошедшего времени индикатива, в хорватском и сербском употребление СВ при повторяемости требует выбора модальной формы — кондиционала. А в македонском и болгарском языках выбор СВ возможен только благодаря существованию формы имперфекта СВ. Эта форма, в других условиях встречающаяся довольно редко [Маслов 1984: 170], примечательна тем, что в ней сочетаются два аспектуальных значения, имеющих противоположную направленность. В данных случаях это явно связано с двумя уровнями, о которых мы говорили выше:

numéro 1. Ср. русский перевод: ***Когда я встречал***[i] *взрослого* ⟨…⟩ *я* показывал[i] *ему свой рисунок № 1*.)

[7] В отдельных случаях в ГЧ встречается НСВ. По-видимому, большую роль при этом играют лексические особенности глаголов. В эту проблематику мы здесь входить не можем.

имперфект указывает на нецелостное восприятие макроситуации (плюс некий элемент одновременности), в то время как СВ мотивируется целостностью любой из микроситуаций[8].

Интересно отметить, что в македонском языке к данной форме, как правило, прибавляется частица *ќе*, которая вносит определенный модальный элемент[9]. Сочетание *ќе* + имперфект СВ в данных случаях напоминает употребление кондиционала СВ в соседнем сербском языке.

Проиллюстрируем указанные соответствия следующим примером, в котором большинство языков представлено наиболее прототипическими формами[10]:

(1) Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита

Русский	**Лишь только** дымное черное варево **распарывал**^{i} огонь, из кромешной тьмы *взлетала*^{i} вверх великая глыба храма со сверкающим чешуйчатым покрытием.
Белорус.	**Як толькі** дымнае чорнае варыва **распорваў**^{i} агонь, з непрагляднага мораку *ўзлятала*^{i} ўгору вялізная глыба храма з зіхатлівым лускавіністым дахам.
Украин.	**Тільки-но** паруюче чорне вариво **розпанахував**^{i} вогонь, з непроглядної пітьми *злітало*^{i} вгору громаддя храму зі сліпучим лускованим дахом.
Польский	**Skoro tylko** dymną czarną kipiel **rozłupywał**^{i} ogień, *wzbijała*^{i} *się* ku górze z nieprzejrzanych ciemności ogromna bryła świątyni z połyskującą łuską dachu.

[8] В определенных условиях указанные формы заменяются своими «пересказывательными» соответствиями. Поскольку это не меняет их аспектуальную характеристику, в схеме это не отражено.

[9] Частица *ќе*, например, также употребляется при выражении будущего времени. Возможность появления этой частицы при имперфекте СВ зависит от выбора союза. О том, что употребление имперфекта + *ќе* является заметным различием между македонским и болгарским языками, см. [Friedman 1985: 240].

[10] Союзные средства, используемые в переводах, не всегда являются совершенно точными соответствиями русского союза *как только* (*лишь только*). Но и в тех случаях, когда употребляется более нейтральный союз, типа русского *когда*, обычно все же достаточно ясно сохраняется смысл последовательности действий, особенно в языках, допускающих СВ в ЗЧ.

Чешский	**Sotva** černou prachovou peřinu **rozpáral**^{p} blesk, z neproniknutelné tmy *vysvitla*^{p} chrámová hora se zářivou šupinatou kupolí.
Словац.	**Len čo** dymovú čiernu kašu **rozpáral**^{p} blesk, z nepriehľanej tmy *vzlietla*^{p} do výšin opacha chrámu s jagavou šupinatou strechou.
Словен.	Vsakokrat, **ko je** kadečo se črno brozgo **razparal**^{p} ogenj, *se je* iz brezdanje teme *pognala*^{p} kvišku velika gmota templja z lesketajočo se luskinasto streho.
Хорват.	**Čim bi** plamen **proparao**^{p} dim, iz mrke tame *izranjala*^{i} *je* u njoj gromada hrama s blistavim ljušturastim pokrivačem.
Сербский	**Тек када би** задимљено црно вариво **просекао**^{p} огањ, из паклене помрчине *би се дизала*^{i} увис огромна громада храма са светлуцавим крљуштима крова.
Македон.	**Дури кога** замаглената црна маса **ќе** ја **пресечеше**^{p} [импфкт] пламен, од пеколната темнина *ќе се извишеше*^{p} [импфкт] огромната грамада на храмот со покривот што светкаше како крлушка.
Болгарск.	**Щом** светлината **раздереше**^{p} [импфкт] димящата черна каша, от адската тъма *се извисяваше*^{i} [импфкт] огромния масив на храма с блестящ люспест покрив.

Интересно отметить, что в словенском переводе присутствует наречие *vsakokrat* ‘каждый раз’. Русский оригинал не нуждается в таком указателе повторяемости, поскольку она достаточно ясно выражается выбором вида при данном союзе и при данных глаголах. Но в языках западного типа, где при повторяемости хорошо возможен СВ, заметно чаще проявляется потребность в подобном эксплицитном указателе.

Пример (2) иллюстрирует существование некоторых других вариантов, указанных в приведенной выше Схеме 1. В примере представлено употребление кондиционала СВ в ГЧ сербских и хорватских предложений данного типа и употребление имперфекта НСВ в ГЧ македонского предложения[11]:

[11] Ради экономии места в дополнительных примерах приводятся не все имеющиеся у нас варианты. Ограничиваемся, как правило, вариантами обсуждаемых языков плюс, для сравнения, русский язык (как представитель восточной группы) и один из языков, представляющих западную группу.

(2) J.R.R Tolkien. The Hobbit or There and Back Again

Англ.	Bilbo's heart *thumped* **every time** one of them **bumped** into another
Русский	У Бильбо *ёкало*^{i} сердце **каждый раз, как** кто-нибудь из них **налетал**^{i} в темноте на соседа
Чешский	Bilbovi *se zastavilo*^{p} srdce **pokaždé, když** některý z nich **vrazil**^{p} do druhého
Хорват.	Bilbu *bi* srce *zalupalo*^{p} **kad god bi se** dvojica **sudarila**^{p} u tami
Сербский	Bilbu *bi* srce teško *zalupalo*^{p} **kad god bi se** jedan od njih **sudario**^{p} sa drugim
Македон.	Срцето на Билбо *потскокнуваше*^{i} [импфкт] **секогаш кога** некои од нив **ќе се удреа**^{p} [импфкт] еден во друг

Из приведенных в примере (1) переводов польский вариант, пожалуй, следует считать менее характерным, чем другие. Как показывает вышеприведенная схема, интересным различием между польским и русским языками является как раз возможность употребления формы СВ в ЗЧ польского сложноподчиненного предложения. Такой вариант представлен в примере (3):

(3) Lewis Carroll. Through the Looking Glass

Англ.	**Whenever** the horse **stopped** ⟨…⟩ he *fell off* in front
Русский	**Стоило**^{i} Коню **остановиться**^{p} ⟨…⟩ *как* Рыцарь тут же *летел*^{i} вперед
Польский	**Gdy tylko** koń **przystanął**^{p} ⟨…⟩ Rycerz *spadał*^{i} z niego do przodu
Словен.	**Kadarkoli je** konj **obstal**^{p} ⟨…⟩ *je* Vitez *padel*^{p} naprej

Интересно отметить, что и в русском переводе на этом месте тоже представлен СВ. Однако это возможно лишь благодаря тому, что полнозначный глагол выступает в форме инфинитива. Финитная форма прошедшего времени здесь, как и в других примерах русского языка, обязательно принадлежит НСВ. Конструкция с подобным модальным глаголом (типа *стоить* или *успевать*) по значению напоминает форму имперфекта СВ в македонском и болгарском, поскольку в обоих случаях учитывается аспектуальный характер как макро-, так и микроситуации.

В рассматриваемом нами материале польский язык занимает особое место по отношению к видовой вариативности в ЗЧ

предложения. Во всех других языках тенденция к выбору указанной в вышеприведенной схеме формы очень сильна, но в польских примерах довольно часто на месте ожидаемого СВ встречается форма НСВ. Этот факт требует более детального изучения, на более обширном материале [Genis 2008: 259].

3. Конструкция с деепричастием СВ

В русском языке одним из лучших способов создать возможность употребления СВ в случаях повторяемости является замена зависимой части сложноподчиненного предложения деепричастным оборотом. Но эта конструкция является широко употребительной далеко не во всех славянских языках. Это можно проиллюстрировать следующим примером:

(4) Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита

Русский	**Отдышавшись**^{p} немного, он *вскакивал*^{i} и продолжал бежать
Белорус.	**Аддыхаўшыся**^{p} крыху, ён *усхопліваўся*^{i} і бег далей
Украин.	**Відхекавшись**^{p} трохи, він *схоплювався*^{i} *на ноги* і знову пускався бігти
Польский	**Wytchnąwszy**^{p} nieco *zrywał się*^{i} i biegł dalej
Чешский	**Sotva popadl**^{p} **dech**, znovu *vyskočil*^{p} a pádil dál
Словац.	Trochu *si vydýchol*^{p}, *vyskočil*^{p} a bežal ďalej
Словен.	**Ko si je** malo **oddahnil**^{p}, *je skočil*^{p} spet na noge in spet stekel
Хорват.	**Odmorivši**^{p} **se** malo, *ustajao*^{i} *je* i nastavljao trčati
Сербский	А **када би се** мало **смирио**^{p}, *скакао*^{i} *је* на ноге и настављао да трчи
Македон.	**Откако ќе** си го **повратеше**^{p} малку здивот, тој *ќе скокнеше*^{p} и ќе продолжеше да трча
Болгарск.	*Отпочиваше*^{i} малко, после *скачаше*^{i} и продължаваше да тича

Можно привести многочисленные примеры такого употребления деепричастия СВ в русском языке. Это показывает, что при деепричастии ориентацию на микроситуацию можно считать совершенно естественной. На то, что в русском языке деепричастие СВ «свободно употребляется для обозначения неограниченно-кратных ситуаций», указывает также Ю. П. Князев [Князев 1998: 199].

Данная конструкция, пожалуй, является наиболее удобным способом эксплицитного обозначения целостного характера предшествующего действия в случаях повторяемости. В этом отношении она имеет явное преимущество над конструкцией с придаточным предложением рассматриваемого в предыдущем параграфе типа. Но, конечно, деепричастный оборот может «заменить» придаточное предложение только при однореферентности актантов деепричастного и независимого действий, и это значительно снижает возможность его применения. Случаи, представленные в предыдущем параграфе, не удовлетворяют этому требованию и поэтому русские варианты, приведенные там, нельзя трансформировать в конструкцию с деепричастием СВ с целью более эксплицитного выражения целостного характера микроситуаций[12].

Как было сказано выше, в славянских языках степень употребительности деепричастия СВ заметно варьируется. В некоторых языках они фактически не образуются или употребляются редко. В нашем материале мы нашли примеры с этой формой только в русском, белорусском, украинском, польском, хорватском и сербском текстах. Почти все они (с исключением сербского) представлены в примере (4).

Как показывает этот пример, в других языках употребляется либо конструкция с временным придаточным предложением, либо соединительная конструкция (как в словацком и болгарском вариантах). В последнем случае формы СВ вполне обычны для языков западной группы (см. словацкий вариант), а в болгарском языке проявляется близость к восточной группе и выбирается НСВ. В вариантах с придаточным времени (словенский, сербский и македонский) выбор формы следует правилам, изложенным в параграфе 2.

4. Предложения с союзами типа *пока не*

Русский союз *пока не* прототипически выражает «прерывающее следование», т. е. обозначает, что действие ЗЧ следует за действием ГЧ, прерывая его [Храковский 2009: 31]. Это значение

[12] Следует отметить, что при повторяемости целостных действий также нередко встречается деепричастие НСВ. Вопрос о факторах, определяющих выбор вида в подобных случаях, требует отдельного анализа на большом материале.

предполагает определенный аспектуальный характер данных действий, который выражается в том, что в случаях неповторяемости действие ЗЧ выражается формой СВ, а действие ГЧ, как правило, выражается формой НСВ[13].

Из-за такого положения дел следует ожидать, что в предложениях с союзом *пока не* связь повторяемости с видом может проявиться фактически только в выборе формы ЗЧ. Собранный нами материал показывает, что действующие здесь правила имеют очень большое сходство с тем, что мы видели при предложениях с союзами предшествования, рассмотренных выше. Проиллюстрируем это на примерах (5) и (6):

(5) J.R.R Tolkien. The Hobbit or There and Back Again

Англ.	[When the barrels were empty the elves cast them through the trapdoors, opened the water-gate,] and out the barrels *floated* on the stream, bobbing along, **until** they **were carried** by the current to a place far down the river where the bank jutted out
Русский	⟨…⟩ они *плыли*^{i} себе, покачиваясь, по течению, **пока** их **не прибивало**^{i} к мыску
Белорус.	*Плылі*^{i} далёка, **пакуль не даплывалі**^{i} за ўсходні край Ліхалесся, дзе ад берага адыходзіла доўгая каса
Украин.	⟨…⟩ порожняк, підстрибуючи на хвилях, *плив*^{i} собі геть, **поки** течією далеченько внизу його **приб'є**^{p} [презенс] до такого місця, де річка утворила бухту
Польский	⟨…⟩ a baryłki podskakując na wodzie *spływały*^{i} strumieniem, **póki** nurt **nie doniósł**^{p} ich do miejsca, gdzie rzeka zwężała się nagle
Чешский	⟨…⟩ a sudy *pluly*^{i} a poskakovaly po vodě, **až** je proud **zanesl**^{p} daleko po řece k jedné zátoce
Словац.	*Poskakovali*^{i} na vlnách, **dokiaľ** ich prúd **nezaniesol**^{p} až na miesto, kde breh vybiehal do rieky
Словен.	⟨…⟩ in sodi *so*, zibajoč se in trkajoč med seboj, *zaplesali*^{p} po rečici, **dokler** jih **ni zgrabil**^{p} glavni tok **in** jih **odnesel**^{p} daleč po reki navzdol, vse do kraja blizu vzhodnega obronka Mračnega lesa

[13] Одним из важных исключений является употребление в ГЧ глаголов СВ с начинательным значением. (Ср. словенский вариант примера (5).) Подробный обзор взаимодействия союзов *пока* и *пока не* с видовременными формами дается в работе [Барентсен 1979].

Хорват. 〈…〉 pa *bi* bačve, nošene vodom, *izlazile*[i] van poskakujući **dok** ih matica **ne bi zahvatila**[p] **i ponijela**[p] do mjesta daleko niz rijeku, gdje je obala zadirala do polovice vode

Сербский 〈…〉 i, nošena vodom, burad *su izlazila*[i] napolje, poigravajući, **dok** ih struja **ne bi zahvatila**[p] **i odvela**[p] do mesta daleko niz reku, gde je obala bila jako isturena

Македон. 〈…〉 и буриња*та испловуваа*[i] [импфкт] низ потокот, пловејќи наваму натаму, **додека** струјата **не** ги **однесеше**[p] [импфкт] до местото далеку низ реката каде брегот навлегуваше

Болгарск. 〈…〉 и те *се понасяли*[i], полюшвайки се, по реката, **докато** течението ги **отвеждало**[i] до едно място 〈…〉 където брегът се издавал силно навътре във водата [пересказывательные формы имперфекта]

Болгарский вариант этого примера по всей вероятности нельзя считать характерным для данных случаев. Как нам представляется, в данном варианте сочетание союза *докато* с формой НСВ представляет соотношение действий ГЧ и ЗЧ скорее как ограниченную о д н о в р е м е н н о с т ь . (Ср. русское предложение *Бочки покачивались*[i]*,* ***пока*** *течение их* ***везло***[i] *к мысу.*) Судя по имеющимся у нас другим примерам характерной формой для представления действия ЗЧ как прерывающее следует считать имперфект СВ. Т. е. здесь употребляется та же форма, как в примерах с союзами предшествования. Такой случай представлен в болгарском варианте нижеприведенного примера (6)[14].

Эта же форма употребляется и в македонском языке, но, в отличие от наиболее типичных союзов предшествования, при союзе *додека не* модальная частица *ќе* не употребляется.

За исключением украинского варианта, в переводах на остальные языки формы ЗЧ в примере (5) не отличаются от тех, которые мы видели при союзах предшествования. Следует только

[14] Как показывает этот пример, болгарский союз *докато* не требует наличия отрицательной частицы для выражения значения прерывающего действия. По нашим наблюдениям эта частица наиболее последовательно употребляется после отрицательной ГЧ. Интересно отметить, что в этом плане наблюдается определенное сходство между поведением болгарского *докато* (*не*) и украинского *поки* (*не*) (см. украинские варианты в примерах (5), (6) и (7)).

отметить, что выражение прерывающего действия в польском языке очень сильно связано с выбором СВ. Здесь отсутствует видовая вариативность, которую мы отмечали при союзах предшествования.

Украинский вариант в примере (5) примечателен тем, что употребляется форма п р е з е н с а СВ. Однако, как показывает (6), в этом языке также употребляется форма прошедшего времени НСВ, как в других представителях восточной видовой группы — русском и белорусском.

(6) R. Kipling. The Jungle Book

Англ.	Then all *would begin* again **till** they **grew tired** of the city[15]
Русский	И все *начиналось*^{i} сызнова, **пока** им **не надоедал**^{i} город
Белорус.	Потым усё *пачыналася*^{i} нанава, **да таго часу, пакуль** ім **не надакучваў**^{i} горад
Украин.	І все *починалось*^{i} спочатку, **аж поки** їм **надокучало**^{i} жити в місті
Чешский	A pak *začaly*^{p} zase od počátku, **až** je **omrzelo**^{p} město
Болгарск.	А после всичко *почваше*^{i} [импфкт] отново, **докато** градът им **омръзнеше**^{p} [импфкт]

Указанная вариативность — прошедшее время НСВ / презенс СВ — существует во всех трех языках восточной группы. В (7) приводится также белорусский пример с последней формой. Имеющиеся у нас русские варианты переведены по-другому, но, по мнению носителей языка, данная форма здесь вполне допустима: *они* не расстегивались^{i}, ***пока*** *им* ***не прикажешь***^{p}. На возможность замены прошедшего НСВ на презенс СВ в ЗЧ с союзом *пока не* при повторяемости указывалось уже раньше [Хализева 1969: 80]. Но, как отмечено в работе [Барентсен 1979: 136], в русских текстах примеры с формами презенса встречаются все же довольно редко. Не исключаем, что в белорусском и украинском языках этот вариант является более обычным. Объем имеющегося у нас материала пока недостаточен, чтобы проверить это.

[15] Обратите внимание на употребление конструкции со вспомогательной модальной формой *would* в английском оригинале, выражающей в данном случае хабитуальность. Это напоминает употребление сербского и хорватского кондиционала и македонской частицы *ќе.*

(7) J.R.R Tolkien. The Hobbit or There and Back Again

Англ.	[Not the wandering wizard that gave Old Took a pair of magic diamond studs] that [fastened themselves and] never came undone **till ordered**?
Белорус.	⟨…⟩ якія ⟨…⟩ і *не расшпільваліся*^{i}, **пакуль** ім **не загадаеш**^{p}
Украин.	⟨…⟩ які ⟨…⟩ і *не розстібалися*^{i}, **поки** їм **не накажеш**^{p}
Чешский	⟨…⟩ co ⟨…⟩ nikdy *se nerozepnuly*^{p}, **dokud se** jim **neporučilo**^{p}

5. *Перед тем как* + инфинитив СВ

В русском языке между союзом *пока не* и другими союзами предшествования (*до того как*, *перед тем как*, *прежде чем*) существуют заметные различия по отношению к сочетаемости с глагольными формами. К сожалению, рамки настоящей работы не позволяют рассмотреть конструкции последнего типа и их соответствия в других славянских языках. Отметим только тот важный факт, что эти союзы в русском языке могут сочетаться с инфинитивом и что тогда в случаях повторяемости свободно выбирается СВ. См. следующий пример из романа «Мастер и Маргарита»: *Что-то странное произошло и с рукой. Теперь* ***перед тем, как поднять***^{p} *ее, Маргарите* приходилось^{i} морщиться^{i}.

Этим качеством данная конструкция сильно напоминает конструкцию с деепричастием, с которой она имеет также структурное сходство — обязательная однореферентность главных актантов ЗЧ и ГЧ.

6. Заключение

Рассматриваемый материал показывает, что в случаях повторяемости между славянскими языками наблюдаются интересные различия при выборе вида в таксисных конструкциях предшествования и следования. Если исходить из того, что выбор СВ в таких случаях связан с ориентацией на микроситуацию, можно утверждать, что возможность такой ориентации в высокой степени зависит от функционирования других категорий, представленных в данных глагольных формах. При этом для большинства языков очень важным фактором является также п о з и ц и я данного предиката. Оказывается, что позиция предиката в ЗЧ предложения может заметно облегчить ориентацию на микроситуацию. Однако

языки крайнего западного аспектуального типа собственно в этом не нуждаются. Возможность такой ориентации у них настолько естественна, что целостные повторяющиеся действия даже при прошедшем времени легко выражаются формами СВ не только в ЗЧ, но и в ГЧ предложений рассматриваемого типа (и даже в предложениях соединительного типа, ср. словацкий вариант примера (4)). Противоположную позицию занимают языки крайнего восточного типа. При формах прошедшего времени они допускают только НСВ. Однако выбор СВ становится совершенно нормальным при деепричастии и инфинитиве, т. е. при типично зависимых нефинитных формах. Среди финитных форм заметно выделяется презенс СВ. Как было показано, в рассматриваемых предложениях эта форма встречается, но только в сильно ограничивающих условиях — в зависимой позиции при союзе *пока не*, имеющем своеобразное «проспективное» значение.

Согласно работе [Dickey 2000] польский язык является в видовом отношении переходным, но довольно близким к восточной системе. Рассматриваемые нами примеры подтверждают это тем, что в польских вариантах формы прошедшего вида СВ допускаются, но только в зависимой части предложения.

В остальных языках также проявляется большое различие между позицией в ЗЧ, которая при целостных микроситуациях фактически т р е б у е т выбор формы СВ, и позицией в ГЧ, в которой более обычными (а в болгарском даже фактически обязательными) являются формы НСВ. Но употребляемые в этих языках формы СВ при этом еще и заметно отличаются от наиболее обычных форм для обозначения действий в прошлом. В македонском и болгарском языках используется специфическая форма имперфекта СВ, которая в других случаях обычно выражает определенные модальные значения. В македонском языке модальный характер выбираемой формы еще и усиливается добавлением частицы *ќе* в ЗЧ с типичными союзами предшествования. А в сербском и хорватском языках используется кондиционал, т. е. совершенно явная модальная форма.

По нашему мнению, приведенные факты указывают на то, что факторы, способствующие ориентации на микроситуацию, связаны с различиями в локализованности действий. Напомним, что в принципе именно в ГЧ предложений определяется отношение

к моменту речи («абсолютное время»), в то время как ЗЧ скорее служит для обозначения отношений с другими действиями («относительное время»). Далее, финитные формы различаются тем, что формы прошедшего времени индикатива локализуют действия в наиболее обозримой и конкретной части реального мира, в то время как у других форм отношения к действительности могут быть совершенно иными.

Данную гипотезу следовало бы развить и по возможности проверить на другом языковом материале. Необходимо также вернуться к вопросу о том, каким образом указанные различия между славянскими языками можно объяснить существованием определенных различий между инвариантным значением видов в той или иной группе славянских языков. Такой подход к определению семантики славянских видов характерен для работ [Барентсен 1998; Dickey 2000] и именно там для восточной системы предлагаются признаки, связанные с локализованностью действия.

Литература

Барентсен 1979 — А. Барентсен. Наблюдения над функционированием союза *пока* // Meijer J. M. (ed.). Dutch Contributions to the Eighth International Congress of Slavists. Amsterdam: John Benjamins, 1979. P. 57–159.

Барентсен 1998 — А. Барентсен. Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке // М. Ю. Черткова (ред.). Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 43–58.

Барентсен 2008 — А. Барентсен. Выражение последовательности действий при повторяемости в прошлом в современных славянских языках // P. Houtzagers, J. Kalsbeek, J. Schaeken (eds.). Dutch Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists, Ohrid, September 10–16, 2008. Linguistics. Amsterdam — New York: Rodopi, 2008. P. 1–36.

Князев 1998 — Ю. П. Князев. Параметры для типологии вида и русский язык // М. Ю. Черткова (ред.). Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 193–206.

Маслов 1984 — Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л.: ЛГУ, 1984.

Петрухина 2000 — Е. В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками). М.: МГУ, 2000.

Хализева 1969 — В. С. Хализева. Семантический анализ союзов предшествования // Русский язык в школе 2, 1969. С. 77–82.

Храковский 2003 — В. С. Храковский. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания 2, 2003. С. 32–54.

Храковский 2009 — В. С. Храковский. Таксис: семантика, синтаксис, типология // В. С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 11–113.

Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Dickey 2000 — S. M. Dickey. Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach. Stanford: CSLI Publications, 2000.

Friedman 1985 — V. A. Friedman. Aspectual usage in Russian, Macedonian and Bulgarian // M. S. Flier, A. Timberlake (eds.). The Scope of Slavic Aspect. Columbus, Ohio: Slavica, 1985. P. 234–246.

Genis 2008 — R. Genis. Repetition and aspect in the past tense in Polish compound sentences // E. de Haard, W. Honselaar, J. Stelleman (eds.). Literature and Beyond. Festschrift for Willem G. Weststeijn. Amsterdam: Pegasus, 2008. P. 249–261.

Kalsbeek, Lučić 2008 — J. Kalsbeek, R. Lučić. Oblik kondicionala u funkciji označavanja ponavljane radnje u prošlosti // Croatica et Slavica Iadertina 4, 2008. P. 7–21.

Stunová 1986 — A. Stunová. Aspect and iteration in Russian and Czech. A contrastive study // A. A. Barentsen, B. M. Groen, R. Sprenger (eds.). Dutch Studies in Russian Linguistics [SSGL 8]. Amsterdam: Rodopi, 1986. P. 467–510.

Timberlake 1982 — A. Timberlake. Invariance and the syntax of Russian aspect // P. J. Hopper (ed.). Tense–Aspect: Between Semantics & Pragmatics. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1982. P. 305–331.

А. Г. Белова

ИВ РАН, Москва

ДИАТЕЗА В РАННЕАРАБСКОМ ТЕКСТЕ (VI–VII вв.)

1. Предварительные замечания

В отличие от грамматической системы русского языка, в классическом арабском языке (далее сокр. — КЛАЯ) все глагольные категории, включаемые обычно в сферу понятия «диатеза», и соответствующие им средства выражения представлены финитными глагольными формами. Это положение не исключает того факта, что арабская грамматическая система располагает также системой отглагольных имен — причастий, которые также отражают в своих формах все категории диатезы, представленные в соответствующих глагольных основах, от которых таковые образуются.

Дальнейшее изложение касается только системы финитных форм арабского глагола, которые обнаружены в избранных текстах доисламских поэтов. Причастия здесь рассматриваться не будут. Предварительное замечание сделано в связи с тем, что переводы пассивных форм арабского глагола на русский язык передаются в системе причастных или возвратных форм русского глагола, не располагающего адекватными личными формами пассива. Русский перевод в ряде случаев «накладывает» на арабский оригинал свои категории, которые неизбежно искажают рассматриваемые формы (даже при последовательном глоссировании синтаксических единиц).

Проблема диатезы и ее видов, категорий и функций обычно рассматривается в плане морфологических и синтаксических преобразований (или — трансформаций) на материале языков разной типологии с целью установить общие и особенные признаки этих грамматических явлений.

В данной работе предлагается рассмотреть конечные результаты дериваций (морфологических и синтаксических), которые представлены в поэтическом тексте доисламского поэта VI века. Текст поэта Шанфары *Lāmiyyatu l-ʻarab* выбран как достаточно известный, проработанный и прокомментированный как национальными

филологами, так и западными арабистами иной филологической школы. Комментарии и переводы авторитетных ученых: Георга Якоба [Jacob 1914–1915] и И. Ю. Крачковского [Крачковский 1924], позволяют приступить к лингвистическому анализу текста с позиций современного общего языкознания. В некоторых случаях привлекается материал из других доисламских поэтов, современников Шанфары.

Учитывая принятые определения диатезы [Храковский 1975: 34–51, 1990а: 135, 1999а: 67; Тестелец 2001: 411–412; Retsö 2006: 621–626], попробуем установить, какие виды диатезы и каким образом представлены в данном тексте.

В тексте поэмы насчитывается 68 стихотворных строк (каждая строка заканчивается на одну и ту же «сквозную» рифму)[1].

С точки зрения базовых синтаксических структур в тексте представлены как именные, так и глагольные предложения. Из их числа выделены всего 154 глагольные конструкции, представляющие как самостоятельные, так и зависимые предложения. Глагольные конструкции с маркированными глагольными формами: (а) производные основы представлены по породам: II п. = 7, III п. = 3, IV п. = 18, V п. = 9, VI п. = 3, VII п. = 1, VIII п. = 11; (б) форма пассивного залога = 13.

2. Морфологические и синтаксические признаки

Все виды диатезы, рассматриваемые ниже, маркированы в финитной глагольной форме, которая в свою очередь обуславливает определенную структуру синтаксической конструкции как простого, так и сложного предложения.

В парадигме морфологических признаков, отмечающих изменение диатезы глагольной конструкции, отсутствие таковых, т. е. «нулевой» признак также несет свою функцию. Для системы глагольных пород, которые будут рассмотрены ниже, к «нулевому» признаку можно было бы отнести первичную (непроизводную) форму глагола — I породу. Для других категорий выделение «исходного, нулевого» признака проблематично.

В парадигме синтаксических признаков начнем с «исходной» синтаксической конструкции.

[1] В ссылке после имени поэта указывается номер стиха.

Исходная диатеза. Синтаксическая конструкция представлена полным составом основных партиципантов: P — глагольное сказуемое (С), Sub — именное подлежащее (П), Obj = прямое дополнение в аккузативе (Д):

(1) *wa tašrabu* (P — Imperf.) *'as'ār-ī* (Obj — Acc.) *l-qaṭā l-kudru* (Sub) 'и пьют (С) остатки мои (Д) пепельно-серые куропатки' (П) [Шанфара 1876, 36] представляет линейно структуру С — Д — П.

Синтаксическая конструкция представлена двумя основными партиципантами, Sub (подлежащее) включено и выражено в личной глагольной форме (P — сказуемом):

(2) *wa 'ālafu* ([Sub] + P — imperf. 1 sing.) *waǧha* (Obj Acc) *l-'arḍi* [Шанфара 1876, 42] '[я] льну (С) [к] лику (Д — Akk.) земли (опред.)' = С — Д.

Синтаксическая конструкция с глаголами движения и состояния представлена двумя основными партиципантами Sub (подлежащее) и P (сказуемое):

(3) *ka'anna fu'āda-hu* (Sub) ⟨…⟩ *ya'lū* (P) *wa yasfalu* (P) [Шанфара 1876, 16] 'как будто сердце его (П) ⟨…⟩ поднимается (С) и опускается (С) ⟨…⟩' [Крачковский 1924: 60] (о сердце трусливого).

Активные конструкции (1), (2) маркированы «немаркированной» формой активного залога глагола I породы и объектом действия — прямым дополнением в аккузативе.

«Средняя» конструкция (3) маркирована «немаркированной» формой глагола I породы со значением «движения или изменения состояния», которая может быть охарактеризована (глагольная форма) как «средний» (или — медиальный) залог, обусловленный также отсутствием управляемого прямого дополнения.

3. Породы глагола

Производные (или — расширенные) основы глагола КЛАЯ в свете диатезы представляют сложную картину регулярных форм, но разнородных значений. Эта картина показывает «переплетение»

словообразовательных и словоизменительных, лексических и грамматических категорий глагола. Как известно, в класссическом арабском языкознании парадигма пород традиционно получает свои грамматические признаки и характеристики [Юшманов 1928/1985: § 10, 43–49]. Такие категории как «интенсив, конатив, каузатив, рефлексив, реципрок» накладываются и неоднозначно пересекаются с категориальным значением «транзитива/нетранзитива». В отличие от выше перечисленных категорий I–X пород, категория переходности не имеет своего морфологического признака в глагольной форме и приписывается данному глаголу только на основе его синтаксического управления и лексического значения по словарю.

Как породы соотносятся с синтаксической структурой предложения и с производными/непроизводными диатезами, можно показать на примерах из нашего текста.

Наиболее частотные породы

II-ая порода (интенсив, каузатив, деноминатив). Ср.:

(4) 〈…〉 *ar-rīḥu* (Sub) *ṭayyarat* (P, II, Perf. 3 f sg) *labā'ida* 〈…〉 [Шанфара 1876, 63] 〈…〉 ‘ветер (П, гл. р.) разметал (С) [досл. ‘заставил лететь’] пряди [волос]’ (Д — Акк.), где форма *ṭayyarat* представляет II породу < **ṭyr* ‘лететь, летать’.

В то же время II порода в конструкции:

(5) *ṯumma hawwamat* (Sub + P, Perf. II, 3 f.) [Шанфара 1876, 59] ‘затем они [собаки] задремали’ (С), [П] — С, где глагольная форма *hawwam* — представляет деноминатив от (N) *hām-at-* ‘голова, макушка’ и точнее значит ‘задремать, роняя голову, клевать носом’, причем образуются две равнозначные породы II = V (которая считается рефлексивом).

Таким образом пример (4) по своей синтаксической структуре представляет диатезу П — С — Д при грамматически маркированной глагольной форме, в соответствии с которой ее можно было бы отнести к производной каузативной.

Пример (5) с маркированной аналогичной формой глагола, напротив, представляет конструкцию среднего залога.

IV порода: транзитивизация исходного непереходного глагола приводит к появлению прямого дополнения:

(6) *ʾudīmu* (P-V, Imperf. 1 sg.) *miṭāla l-ǧūʿi* (Obj. Acc. + Genit.) *ḥattā* (Conj.) *ʾumīta-hu* (P-V, Imperf. 1 sg.) + (Obj. Pronom) [Шанфара 1876, 21] ‘[я] затягиваю (C) отсрочку голодовки [Д — Акк + генит. опред.], пока не умерщвлю [C] его [Д — местоим. клитика]’, где первая форма IV породы <**dwm* ‘продолжаться’, а вторая форма IV породы <**mwt* ‘умирать’.

Однако, IV порода, которая определяется преимущественно как каузативная [Юшманов 1928/1985: 46; Larcher 2009: 640–644], служит и для образования деноминативов:

(7) *ʾaṣbaḥa* (V — P, Perf., 3 sg.) ⟨…⟩ *bi-l-ġumayṣā ǧālisan farīqāni* (Sub — Nom. du) [Шанфара 1876, 57] ‘оказались по-утру [C] ⟨…⟩ в ал-Гумейсе сидючи две группы’ (П), где глагольное сказуемое *ʾaṣbaḥ*(*a*) ‘быть, оказаться по-утру’ <*ṣubḥ-*/*ṣabāḥ-* ‘рассвет раннее утро’; в литер. переводе: *по-утру в ал-Гумейсе* [назв. поселка] *сидели две группы* ⟨…⟩;

Ср. также:

(8) *wa ʾuʿdimu* (P — V, Imperf., IV, 1 sg.) *ʾaḫyānan* (Adv.) *wa ʾaġnā* (P — V, Imperf., I, 1 sg.) [Шанфара 1876, 51] ‘и я нуждаюсь (C) временами, а [временами] — богатею ⟨…⟩’. Здесь форма IV породы имеет два значения: ‘стать неимущим, бедным; быть лишенным чего-либо’ (также = I порода); а также — ‘лишать чего-л.; уничтожать что-л.’ nom. Sub. *ʿadam-* ‘отсутствие чего-л., бедность’; I порода глагола *ġny* ‘существовать, пребывать где-л.; быть зажиточным, состоятельным’. В первом значении форма IV породы (<*ʿdm*) не предполагает прямой объект/дополнение.

4. Морфология и синтаксис

Залоговое значение и диатеза синтаксической конструкции для некоторых производных пород определяются в ряде случаев из синтаксической конструкции, в которой они обнаруживаются. К таковым обычно относят V, VIII и X породы.

Производные V, VIII и X породы глагола обычно определяются как: рефлексив и непереходный, если действие направлено на ‘себя’ (или — «возвратно-переходный») и как рефлексив и переходный, если действие направлено на какой-либо объект

и ‘для себя, себе’ [Юшманов 1928/1985: 46–49] (как «интерпретирующая деривация» [Плунгян 2000: 214–215]).

Оппозиция диатез для I и V породы представлена в рассматриваемом тексте для отыменного глагола *n‘l* (<*na‘l-* ‘сандалия, обувь’):

(9) *’innī* (Mod. conj. + Sub, pronom. 1 sg.) *la mawlā ṣ-ṣabri* (P — Nom.) ⟨…⟩ *wa l-ḥazma* (Obj. acc.) *’an‘alu* (P — V. Imperf. I, 1 sg.) [поэт — о себе] ‘ведь я (П) — терпелив [владыка терпения] ⟨…⟩ и благоразумие [Доп. Акк.] обуваю [С] (как сандалию)’ [Шанфара 1876, 50]. Переходный глагол ‘обувать что-либо’ подтверждается синтаксической конструкцией с прямым дополнением;

(10) *taray-nī* ⟨…⟩ *’aḫfā* [P + Sub. pronom.] *wa lā* (Neg.) *’atana‘‘alu* (P — V, Vп, Imperf., 1 sg.) [Шанфара 1876, 49] ‘ты видишь меня (то есть: ты видишь, что я ⟨…⟩] хожу босиком и не обуваюсь (С) ⟨…⟩’.

При глагольном сказуемом V породы *’atana‘‘alu* ‘обуваюсь’ формирует уже иную синтаксическую конструкцию.

Морфологически и синтаксически различение ‘себя’ и ‘себе’ в указанных породах и синтаксических конструкциях не выражается. Так, наряду с формой V породы ‘обуваюсь’ можно отметить [Шанфара 1876, 54] форму V породы *yatanabbalu* (Imperf., 3 m. sg.) ‘[он] запасается стрелами’ (деноминатив), < *nabl-* (nom.) ‘стрелы (соб.)’[2].

Оппозиция I и VII пород по категории переходности/непереходности представлена в нашем тексте:

(11) *wa ’aṯwī* (V — P, I, Imperf. 1. sg.) *‘alā l-ḫumṣi l-ḥawāyā* (Obj. Acc.) *kamā* (Conj.) *nṭawat* (V — P, VII, Perf. 3. f) *ḫuyūṭatu* (Sub. — Nom.) *māriyyin* ⟨…⟩ [Шанфара 1876, 25] ‘и [я] (Sub) скручиваю (С, актив. перех.) при голодовке кишки (Д, акк.) подобно тому, как скручиваются (С — глаг., рефлекс.) нити (П — им. п.) искусного [ткача] (Опр.)’. В приведенном примере представлены две синтаксические конструкции структуры С + [Sub] — Д и С — П (Опр. генит.).

[2] В отличие от особого способа в литовском, ср. [Храковский 1978: 58].

В результате наблюдений над материалом КЛАЯ именно VII порода представляется наиболее однозначной. Именно эта порода образует непереходные конструкции и функционирует как рефлексив[3].

Таким же образом синтаксическая конструкция с выраженным объектом действия позволяет трактовать форму VIII породы глагола как возвратную — ‘себе’:

(12) *yaṣṭalī* (P — V, VIII, Imperf., 3 m. sg.) *l-qawsa* (Obj. — Nom. Acc) *rabbu-hā* (Sub. + Pronom.) [Шанфара 1876, 54] ‘сжигает (С) лук (Д, акк.) владелец его (П)’ (т. е. в очень холодную ночь путник может сжечь даже свой лук, чтобы согреться). Где VIII порода < I породы *ṣly* ‘жарить, греть’;

(13) ⟨…⟩ *’astaffu* (P — V, VIII, Imperf. 1 sg.) *turba* (Obj. — Acc.) *l-’arḍi* (Gen. Attr.) [Шанфара 1876, 22] ‘⟨…⟩ [я] глотаю (С) прах (Д, акк.) земли ⟨…⟩’.

В приведенных примерах формы VIII породы передают действие, направленное не только на объект, но и на цель действия — ‘для себя’.

5. «Самодостаточные» глаголы. Лексический элемент. «Экзотические» породы

«Экзотические» породы включают в свое лексическое значение более одной семы, т. е. имеют дополнительное, более узкое, значение, которое можно было бы назвать «спецификацией». Такая дополнительная сема уточняет или характеризует действие по его времени, направлению, объекту и т. п. Ср.:

(14) ⟨…⟩ *yu‘aššī* (P, II, Imperf. 3 sg.) *sawāma-hu* (Obj., acc) [Шанфара 1876, 14] ‘[он] пасет вечером свое стадо’ (Доп., акк.);

(15) *’asdalat* ⟨…⟩ (P, IV, Perf. 3 f.) ‘[они — птицы] опустили свои крылья’ (С) [Шанфара 1876, 37];

(16) *šammara* (P, II, Perf., 3 sg. m.) [Шанфара 1876, 37] ‘[он] подобрал свой подол’ и т. п.

[3] Следует заметить, что в большинстве современных арабских диалектов именно VII порода сохраняет функции рефлексива или «вытесняет» классический пассив.

Такие «самодостаточные» глаголы не имеют своего особого морфологического признака, однако в силу своего лексического содержания сокращают количество партиципантов в синтаксической конструкции. Конечно, такая спецификация является относительной и обнаруживается только в сопоставлении с языком другой системы, где приходится давать «развернутый» перевод описательным образом. В современном литературном арабском языке многие из таких глаголов узкого значения теряют свой элемент спецификации и расширяют сферу валентностей, получая в управление объекты и обстоятельства действия.

К таким «экзотическим» глаголам можно было бы отнести и глаголы так называемой IX породы. Эта «порода», действительно, может быть включена в парадигму пород, так как имеет регулярную маркированную форму. Однако, в отличие от других пород, IX порода представлена практически закрытым списком глагольных лексем со значением цвета или какого-либо физического (анатомического) признака. Весь список глаголов IX породы соотнесен с соответствующей группой прилагательных также определенной морфологической структуры. Все «другие» прилагательные цвета или внешнего признака не имеют соответствий в группе глаголов IX породы. В рассматриваемом тексте из этого списка обнаружены только прилагательные. Глаголы IX породы не отмечены.

6. Породы и категория переходности/непереходности

Синтаксические конструкции с производными глагольными основами не могут составить регулярную систему производных диатез только по формальному признаку породы.

Равно как и переходные/непереходные синтаксические конструкции только частично совпадают с производными/непроизводными глагольными породами.

В свою очередь, как уже говорилось, категория переходности/непереходности не имеет регулярного формального (морфологического) выражения в глаголе и определяется по синтаксическому управлению.

7. Категория залога. Пассив

В отличие от категории переходности/непереходности, которая определяется в КЛАЯ только по составу и структуре

синтаксической конструкции, категория залога имеет регулярное морфологическое выражение в личных глагольных формах и в отглагольных именах — причастиях. Одновременно эта категория отражается и в оппозиции синтаксических структур. Эти признаки соответствуют принятому в общем языкознании определению категории залога [Храковский 1975: 47–48, 1978: 51, 1990b: 160–161, 1999a: 67; Плунгян 2000: 196; Тестелец 2001: 412; Bubeník 2008: 552–558; Retsö 2006: 622–626].

Морфологически активный и пассивный залоги выражены регулярно как в исходной, первичной, глагольной основе, так и в производных основах. В отличие от способа образования производных пород, способ образования актива/пассива в личной глагольной форме — «внутренний»[4], не затрагивающий структуру и состав консонантного корня и консонантные аффиксы.

Хотя обе формы залога в КЛАЯ маркированы равным образом (исключение может составить только форма актива I породы, которая исторически отражает лексическую основу), традиционно считаем форму пассива и пассивную конструкцию производными.

В тексте отмечаются обе формы залога глагола восприятия *r'y* ‘видеть’:

(17) Актив: ⟨…⟩ *taray-nī* (P — V, I, Imperf. 2 m. sg.) + (Obj. acc — Pronom. 1 sg.) ⟨…⟩ *ḍāḥiyan* (Obj. Acc.) [Шанфара 1876, 49] ⟨…⟩ ‘[ты] видишь (С) меня ($Д_1$ акк) жарящимся на солнце ($Д_2$, акк.)’. Глагольная форма управляет двумя вин. падежами.

(18) Пассив: ⟨…⟩ *lā* (Neg.) *'urā* (P — V, I, Imperf. 1 sg.) *sa'ūlan* (Obj. acc.) [Шанфара 1876, 53] ⟨…⟩ ‘не виден [я] (не увидят меня) нищенствующим’ ($Д_1$, акк.). Синтаксическая «пере-

[4] Термин «внутренний» способ образования грамматической формы (в противоположность «внешнему», т. е. аффиксальному) используем условно, чтобы не вдаваться в проблему таких разных структурно-типологических определений, как «внутренняя флексия/апофония» — или «прерывистая морфема/диффикс». Эта проблема рассматривается на протяжении многих лет в теоретических работах по типологии и по семитологии [Старинин 1963; Габучан 1965: 114–127; Касевич, Яхонтов 1982: 40, 301–303; Белова 1991: 177–219; Храковский 1999c: 408–409; Плунгян 2000: 91–95; Kurylowicz 1961; Petráček 1960–1962; Zaborski 2006], а также — на материале арабского языка (последний обзор см. [Bendjaballah 2006]).

стройка» (1) [П] С — $Д_1$- $Д_2$: 2) [$Д_1$] С — $Д_2$ с сокращением партиципантов отражает переход к безличной (или — неопределенно-личной) конструкции[5].

Пассив «накладывается» на производную основу, если таковая является переходной:

(19) Актив. II порода:
’uraǧǧilu (P — V, II, Imperf. 1 sg.) *ǧummat-ī* ⟨…⟩ (Obj. acc. + Pronom.) [Полосин 1995: 93 — из поэта VI–VII вв. ‘Урвы б. ал-Варда] ‘[я] расчесываю (С) свои лохматые космы (Д, акк.) ⟨…⟩’

(20) Пассив, II порода (в относительном придаточном предложении):
⟨…⟩ [labā’ida (Nom. Pl.)] mā (Neg.) turaǧǧalu (P–V, II, Imperf. 3 f. pl.) [Шанфара 1876, 63] ⟨…⟩ ‘[пряди волос] ⟨…⟩ [которые] не расчесываются/не расчесаны’ (С). Аккузатив имени *labā’ida* управляется глаголом главного предложения.

В приведенных примерах внимание было сосредоточено на морфологическом и синтаксическом выражении активного и пассивного залогов.

Функционально пассивная конструкция «расширяет» более узкую активную конструкцию, которая (активная), указывая на субъект действия, конкретизирует ситуацию.

Пассивная конструкция, обобщая возможный субъект до неопределенно-личного, обобщает и самую описываемую ситуацию: поэта никогда не увидят униженно просящим что-либо, а его волосы никогда не расчесываются из-за суровой бродячей жизни, которую он ведет.

Другая функция — выражение безличности, отсутствие какого-либо конкретного субъекта действия или ситуации, тоже может быть выражена пассивом. Ср.:

Актив. I порода (глагол *rw‘* ‘пугать’):

(21) *’iḏā mā* (Conj.) *ru‘ta-hu* (P — V, I, Perf. 2 m. sg.) + (Obj. Acc. — Pronom. 3 m. sg.) [Шанфара 1876, 18] ‘если [ты] испугаешь его’ (С — Д).

[5] Ограниченный текст не всегда позволяет подобрать полностью адекватные конструкции. Здесь следует учесть расхождение форм 2-го и 1-го лица, однако глагольные залоги выражены.

Пассив того же глагола:

(22) ⟨…⟩ *qaṭātun* (Sub < Obj., Nom, m. sg.) *rī‘a* (P — V, I, Perf. 3 m. sg.) *’am* (Conj.) *rī‘a* (P — V, I, Perf. 3 m. sg.) *’ağdalu* (Sub < Obj. Nom, m. sg.) ‘⟨…⟩ куропатка (П) вспугнута (С) или вспугнут (С) сокол (П) ⟨…⟩’ [Шанфара 1876, 59].

Пассивная конструкция устраняет субъект действия, однако объект действия (или ситуации) указаны, поскольку переходный глагол в активной форме обязательно управляет еще одним партиципантом (объектом действия).

Классический пассив может быть образован от непереходного глагола.

Пассив от глагола I породы *‘yš* (*ī*) ‘жить, существовать (в благополучии, припеваючи)’:

(23) ⟨…⟩ *lam* (Neg.) *yulfa* (P — V, IV, Pass., Imperf., 3 sg. m.) *mašrabun* (Sub < Obj., Nom) (24) *yu‘āšu* (P — V, I, Pass. Imperf. 3 m. sg.) *bi-hi ’illā laday-ya* [Шанфара 1876, 23] ⟨…⟩ ‘не найти (С) напиток (Sub <Obj.), [относительное предложение бессоюзное] с которым живется припеваючи (С), кроме как у меня ⟨…⟩’

В примере представлены две пассивные конструкции. В главном предложении (23) — обычная пассивная конструкция ‘С — П (Д < Д акк.) «не найдется [такой] напиток / не найден такой напиток’.

В относительном придаточном (24) — также представлена пассивная конструкция, формы глагола — пассив I породы. Однако этот глагол в активном залоге не имеет ни прямого, ни даже предложного управления. Предложная конструкция *bi-hi* ‘с ним, при нем’ факультативна и необязательна. Рассматриваемая синтаксическая структура характеризуется как «нулевым агенсом», так и «нулевым пациенсом».

8. Функции пассива

Морфологический пассив обуславливает «усечение» синтаксической конструкции, исключая из структуры субъект действия. В синтаксическом аспекте классический пассив связан с категорией безличности или неопределенно-личности, которая традиционно относится к универсальным семантико-синтаксическим.

В КЛАЯ морфологический пассив маркирует именно эту категорию (Ср. [Плунгян 2000: 199–201]).

Дальнейший анализ пассивных конструкций выводит нас из рамок линейного синтаксиса и переводит нас в область коммуникации, в область актуального членения высказывания.

В конструкциях (18) ‘не увидят меня’, (22) ‘куропатка вспугнута или вспугнут сокол’ пассив переключает внимание на объект действия; в конструкции (20) «не расчесаны» (о волосах) — на состояние объекта; в конструкции (24) — на общую ситуацию, на самоё обобщенное состояние (людей или всех живых существ, нуждающихся в питье и еде).

Экстралингвистическая функция пассива сближает его с аналогичными функциями порядка слов, категории определенности/неопределенности, которые отражают актуальное членение в КЛАЯ и служат его выражением.

Рассмотренный материал, ограниченный избранным текстом, все же позволяет суммировать сделанные наблюдения о грамматических категориях глагола в КЛАЯ.

Категория переходности/непереходности не имеет единого морфологического показателя. Определяется синтаксически по управлению глагола беспредложным дополнением.

Категория породы в КЛАЯ морфологически представляет регулярную парадигму форм, однако регулярные формы не обуславливают регулярные грамматические категориальные значения. Каждая из производных пород (кроме IX-ой пор.) непредсказуемо может включать категориальные отклонения, связанные с лексическим значением корневой основы и ее этимологической историей. В системе пород «правила уступают место узусу, грамматика — словарю» [Храковский 1969: 83]. Категория породы не имеет регулярного соответствия в синтаксической структуре.

Категория залога на фоне нерегулярности и лексикализации глагольных пород представляется более регулярной: имеет регулярные формы без отклонений и исключений, пассив регулярно изменяет состав и структуру синтаксической конструкции.

В то же время пассив многофункционален:

пассив констатирует отсутствие субъекта действия или события (отсутствие агентивного дополнения). Субъект может быть известен из контекста, или же — неизвестен вообще. В последнем случае пассив формирует категорию безличности («имперсонал»).

Пассив актуализирует объект действия (топикализация). Пассив актуализирует самое действие, состояние или событие при отсутствии объекта.

Дополнительные функции пассива не позволяют трактовать его как категорию однородную таким категориям как переходность/непереходность, рефлексив, реципрок и т. п.

Несколько упрощенно можно было бы сказать, что «порода» характеризует действие, а залог — характеризует ситуацию. Соответственно, категория залога является не морфологической, а синтаксической.

Материал свидетельствует и о том, что в категории залога форма пассива с функциональной точки зрения выступает как маркированная.

Сложная и противоречивая система грамматических форм и категорий рассмотрена на материале раннего периода функционирования КЛАЯ, известного нам к настоящему времени. Материалы современного литературного языка свидетельствуют о значительных сдвигах в синтаксических конструкциях (ср. [Храковский 1999b: 373–390]).

С точки зрения стиля и грамматики рассмотренный текст является нормативным. Нарушения и отклонения от правил морфологии и синтаксиса не отмечаются.

Список условных сокращений

Акк — аккузатив / винит. падеж; Д — прямое дополнение; КЛАЯ — классический литературный арабской язык; П — подлежащее; п. — порода глагола (№№ I–X); С — сказуемое; Acc — аккузатив; Attr. — атрибутив; Conj. — союз, союзное слово; du — двойственное число; Genit. — генитив; f. — жен. род; Imperf. — имперфектная основа глагола; m — муж. род; Neg. — отрицание; Nom./n. — имя существительное; Obj — объект; P — глагольный предикат; Perf — перфектная основа глагола; pl. — множ. число; Pronom. — местоименная клитика / слитное местоимение; sg. — единств. число; Sub — субъект; 1, 2, 3 — форма лица глагольной формы.

Литература

Белова 1991 — А. Г. Белова. Морфемы в семитских языках (на материале арабского) // Морфема и проблемы типологии. М.: Наука, 1991. С. 177–219.

Габучан 1965 — Г. М. Габучан. К вопросу о структуре семитского слова // Г. Ш. Шарбатов (ред.). Семитские языки. Вып. 2, Ч. 1. М., 1965. С. 114–127.

Касевич, Яхонтов 1982 — В. Б. Касевич, С. Е. Яхонтов (ред.). Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л.: ЛГУ, 1982.

Крачковский 1924 — И. Ю. Крачковский. Шанфара. Песнь пустыни // Восток 4, 1924. С. 58–64.

Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Полосин 1995 — Вл. В. Полосин. Словарь поэтов племени ʻабс. VI–VIII вв. М.: Восточная литература, 1995.

Старинин 1963 — В. П. Старинин. Структура семитского слова. Прерывистые морфемы. М.: Издательство восточной литературы, 1963.

Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

Храковский 1969 — В. С. Храковский. Морфологический и аналитический кауазативы в литературном арабском языке // А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. С. 78–97.

Храковский 1975 — В. С. Храковский. Исчисление диатез // Диатезы и залоги. Тезисы конференции «Структурно-типологические методы в синтаксисе разносистемных языков». Л.: ЛО ИЯ АН СССР, 1975. С. 34–51.

Храковский 1978 — В. С. Храковский. Залог и рефлексив // В. С. Храковский (ред.). Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978. С. 50–61.

Храковский 1990a — В. С. Храковский. Диатеза // В. Н. Ярцева (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 135.

Храковский 1990b — В. С. Храковский. Залог // В. Н. Ярцева (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 160–161.

Храковский 1999a — В. С. Храковский. Диатеза и референтность // В. С. Храковский. Теория языкознания. Русистика. Арабистика. СПб.: Наука, 1999. С. 67–101.

Храковский 1999b — В. С. Храковский. Формальная характеристика и употребление пассивных конструкций в литературном арабском языке // В. С. Храковский. Теория языкознания. Русистика. Арабистика. СПб.: Наука, 1999. С. 373–405.

Храковский 1999c — В. С. Храковский. Некоторые понятия арабской морфологии и их интерпретация // В. С. Храковский. Теория языкознания. Русистика. Арабистика. СПб.: Наука, 1999. С. 406–411.

Шанфара 1876 — аш-Шанфара. Лāмиййату л-араб // В. Ф. Гиргас, В. Р. Розен. Арабская хрестоматия. Т. II. СПб., 1876. С. 456–460.

Юшманов 1928/1985 — Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. М.: Наука, 1928. (3-е. изд. — 1985.)

Bendjaballah 2006 — S. Bendjaballah. Apophony // K. Versteegh (ed.). Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics. Vol. I. Leiden: Brill. P. 119–123.

Bubeník 2008 — V. Bubeník. Passive // K. Versteegh (ed.). Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics. Leiden: Brill. Vol. III, 2008. P. 552–558.

Jacob 1914–1915 — G. Jacob. Schanfara-Studien. 1. und 2. Teil. München, 1914–1915.

Kuryłowicz 1961 — J. Kuryłowicz. L'apophonie en sémitique. Wrocław — Warsawa — Kraków: Zaklad Narodowy im. Ossolińskich, 1961.

Larcher 2009 — P. Larcher. Derivation // K. Versteegh (ed.). Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics. Leiden: Brill. Vol. IV, 2009. P. 640–644.

Petráček 1960–1962 — K. Petráček. Die innere Flexion in den semitischen Sprachen // Archiv Orientálni 28, 1960. P. 547–606; 29, 1961. P. 513–545; 30, 1962. P. 361–408.

Retsö 2006 — J. Retsö. Diathesis // K. Versteegh (ed.). Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics. Leiden: Brill. Vol. I, 2006. P. 622–626.

Zaborski 2006 — A. Zaborski. Afro-Asiatic Languages // K. Versteegh (ed.). Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics. Vol. I. Leiden: Brill, 2006. P. 37–38.

А. В. Бондарко

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕНИЯХ АНАЛИЗА «ОТ СЕМАНТИКИ» И «ОТ ФОРМЫ» В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ [1]

В трудах Петербургской типологической школы важную роль играет анализ, базирующийся на категориальных элементах семантики. Это направление исследований представлено в публикациях, содержащих развернутую характеристику категориальной семантики и средств ее выражения в языках разных типов (см. коллективные монографии: [Холодович (ред.) 1969, 1974; Недялков (ред.) 1983; Храковский (ред.) 1989, 1992, 1998, 2004; Nedjalkov (ed.) 2007; Храковский (ред.) 2009]).

В концепции основателя Петербургской типологической школы А. А. Холодовича значительное внимание уделяется исходным смыслам и формальным средствам их выражения (см., в частности, [Холодович 1979: 174–179]; ср. суждение, высказанное В. С. Храковским в предисловии к упомянутой книге: «Выделить исходные универсальные смысловые задания и установить набор формальных средств, применяемых для их решения, — вот та цель, к осуществлению которой, по мысли А. А. Холодовича, должна стремиться лингвистическая типология» [Храковский 1979: 5–7]).

Значимость исходно-семантического направления анализа для выявления многообразных средств выражения рассматриваемой семантики подчеркивается в ряде типологических исследований. Так, в коллективной монографии, посвященной анализу условных конструкций, речь идет об «общем требовании», которое следует предъявлять к типологически ориентированным исчисляющим классификациям: «Все параметры таких классификаций должны быть семантическими. Это требование не требует комментариев, поскольку только семантика, а не форма может

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-3135.2014.6 «Петербургская школа функциональной грамматики»

служить общей составляющей самых различных языков. Лишь после того как будут построены универсальные семантические модели УК, можно переходить к решению вопроса о том, с помощью каких формальных средств эти модели воплощаются в различных конкретных языках и как можно классифицировать языки в зависимости от того, какие формальные средства используются в них для выражения тех или иных универсальных моделей УК» [Храковский 1998: 33]. Ср. также фрагмент из статьи «Семантические типы множества ситуаций и их естественная класссификация»: «Существенная черта предложенного подхода — движение от смысла к форме. Толкования мультипликатива, дистрибутива и итератива послужили базой для установления инвентаря тех грамматических, лексических и контекстуальных средств, которые порознь, а чаще в совокупности используются для выражения указанных значений как в одном и том же, так и в различных языках» [Храковский 1989: 163].

Движение от смысла к форме рассматривается в типологических исследованиях в связи с многоступенчатой вариативностью изучаемой семантики и вариативностью системы средств ее выражения. В предисловии к коллективному труду, посвященному таксисным конструкциям, отмечается, что теоретическая концепция, положенная в основу этой работы, позволяет описывать таксисные конструкции различных языков в такой форме, которая дает возможность «эксплицитно представить как их общие, прежде всего семантические, свойства, так и их типологические, прежде всего формальные, различия, наблюдаемые как в неродственных, так и в родственных языках» [Храковский (ред.) 2009: 5–6].

Исходно-семантическое направление анализа, доминирующее в типологических исследованиях, так или иначе связано с постановкой вопроса о сфере анализируемых конструкций, т. е. с направлением «от формы». Так, серия коллективных монографий, посвященных типологии конструкций разных типов (каузативных, пассивных, результативных, итеративных, императивных, условных, уступительных, таксисных), предполагает «заданную» сферу типов формального выражения семантических категорий, связанных с глаголом и с определенными синтаксическими структурами. Ср., в частности, замечание, высказанное в предисловии к монографии, посвященной таксисным конструкциям: «Публикация данной монографии осуществляется в рамках общей программы,

в соответствии с которой основным предметом изучения в Лаборатории, начиная с 60-х годов XX в. служат грамматические категории глагола, связанные с семантической и синтаксической структурой предложения» [Храковский (ред.) 2009: 5]. Ср. также замечание в предисловии к монографии, в которой анализируются условные конструкции: «До сих пор основным объектом исследования в Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН служили монопредикативные конструкции. В этой связи чрезвычайно важно было проверить, насколько эффективны методы исследования, разработанные в Лаборатории типологического изучения языков, применительно к бипредикативным конструкциям, типичным представителем которых являются условные конструкции» [Храковский (ред.) 1998: 4].

Значительное внимание в работах по типологии уделяется вопросу о разновидностях классификаций в системе грамматики. В частности, высказываются суждения о параметрах классификаций: «Если классификация объекта проводится на базе какого-либо одного параметра, а именно таковыми обычно бывают традиционные классификации, то такая классификация одномерна. В принципе у каждого описываемого объекта может быть ровно столько одномерных классификаций, сколько выделено классификационных параметров» [Храковский 2004: 79–80].

Проводимый в типологических исследованиях анализ включает рассмотрение межкатегориальных связей (ср. суждения о соотношении категорий эвиденциальности и эпистемической модальности в коллективной монографии «Эвиденциальность в языках Европы и Азии 2007»: [Храковский 1999: 164–184, 2007: 608–618, 2012: 539–561; Козинцева 2007: 26–30; Вимер 2007: 198–199]).

Представители Санкт-Петербургской типологической школы участвуют в работах по функциональной грамматике. Следует сослаться на ряд написанных В. С. Храковским разделов «Теории функциональной грамматики», посвященных анализу различных функционально-семантических полей: «Кратность», «Фазовость» [Бондарко (ред.) 1987 / 2011: 124–180]; «Повелительность» [Бондарко (ред.) 1990: 185–238]; «Пассивные конструкции» [Бондарко (ред.) 1991: 141–180]; «Условные конструкции (опыт исчисления)» [Бондарко (ред.) 1996b: 175–213]. См. также написанные В. П. Недялковым (в некоторых работах — вместе с соавторами)

разделы в составе ряда томов «Теории функциональной грамматики»: «Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов» [Недялков 1987: 180–195]; «Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским)» [Недялков, Отаина 1987: 296–319]; «Типология рефлексивных конструкций» [Генюшене, Недялков 1991: 241–276]; «Типология взаимных конструкций» [Недялков 1991: 276–312]). Типологический и сопоставительный анализ семантических категорий в их языковом выражении содержится и в работах, относящихся к серии «Проблемы функциональной грамматики» (см.: «Опыт анализа универсальных уступительных конструкций» [Храковский 2000: 135–163]; «Русский императив: проблема инвариантного значения (схолии на полях работы Н. В. Перцова “Проблема инварианта грамматического значения”)» [Володин, Храковский 2003: 236–250]; «Таксис следования в современном русском языке» [Храковский 2005: 29–85]; «Грамматика акциональных классов» [Храковский и др. 2008: 49–114]; «Зависимый таксис в разноструктурных языках: значения одновременности/предшествования/следования [Недялков И. В. 2003: 156–174]; «Английские и русские безличные конструкции: полевые структуры, центр и периферия» [Недялков И. В. 2005: 233–243].

Обратимся теперь к элементам исходно-семантического и исходно-формального анализа в разрабатываемой нами модели функциональной грамматики.

Важную роль в данной модели играет понятие «функционально-семантическое поле» (ФСП). В шести томах «Теории функциональной грамматики» рассматривается комплекс ФСП разных типов: аспектуальность, временная локализованность, таксис [Бондарко (ред.) 1987/2011], темпоральность, модальность [Бондарко (ред.) 1990], персональность, залоговость [Бондарко (ред.) 1991], субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность/неопределенность [Бондарко (ред.) 1992], качественность, количественность [Бондарко (ред.) 1996a], локативность, бытийность, посессивность, обусловленность (комплекс полей условия, причины, цели, следствия и уступительности) [Бондарко (ред.) 1996b]. Анализируемые поля трактуются как семантические категории, рассматриваемые в единстве с системой языковых средств (морфологических, синтаксических, лексико-

грамматических, лексических), служащих для выражения элементов данной категории в определенном языке или в группе языков.

Существенным для теории функциональной грамматики является также понятие «категориальная ситуация» (КС). Говоря о КС, мы имеем в виду выражаемые различными языковыми средствами типовые содержательные структуры, а) репрезентирующие в высказывании определенную семантическую категорию и соответствующее ФСП; б) представляющие собой один из аспектов выражаемой в высказывании «общей» сигнификативной ситуации; в) являющиеся категориальной характеристикой (одной из характеристик) высказывания (см. [Бондарко 1983: 115–200, 1984: 99–124, 2002: 319–338]).[2] Речь идет о родовом понятии, интегрирующем видовые понятия аспектуальной, таксисной, персональной, квалитативной, квантитативной, локативной, экзистенциальной, посессивной, кондициональной ситуации и т. п. Ср., например: *Долго уговаривал и наконец уговорил* — аспектуальная ситуация; *Волка ноги кормят* — ситуация временной нелокализованности; *Поставьте чемодан на полку!* — императивная ситуация; *Он умен* — ситуация квалитативная; *Куда вы идете?* — локативная.

Категориальные ситуации разных типов анализируются в монографиях серии ТФГ (см., в частности, разделы «Лимитативные ситуации» [Бондарко (ред.) 1987 / 2011: 85–98], «Ситуации временной локализованности/нелокализованности» [там же: 211–216], «Аспектуально-таксисные ситуации» [там же: 256–294], «К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности» [Бондарко (ред.) 1990: 80–89], «Типы категориальных ситуаций возможности» [там же: 134–142], «Необходимость» [там же: 142–156], «Субъектно-

[2] Понятие ситуации выступает в лингвистической литературе в различных вариантах. В частности, о ситуациях идет речь при рассмотрении общих проблем семантики (см. [Dik 1987; Гак 1998: 243–263; Касевич 1988: 55–82]), а также при анализе категорий глагола (см. [Сильницкий 1973; Comrie 1976: 44–48, 2001; Барентсен 1995; Храковский 1997; Smith 1997; Смит 1998; Mehlig 2001]). Ср. выделяемые на семантиической основе типы синтаксических конструкций, рассматриваемые в упомянутых выше типологических исследованиях ([Храковский (ред.) 1989] и др.).

предикатно-объектные ситуации» [Бондарко (ред.) 1992: 29–54], «Бытийные ситуации» [Бондарко (ред.) 1996b: 53–80]). Заслуживает внимания вариант продолжающегося развития рассматриваемой темы — характеристика психологических аспектов понятия КС (см. истолкование этих аспектов в сочетании с использованием данных экспериментов, в частности, при анализе бытийных высказываний, в статье [Воейкова 2012: 90–93]).

Термин «категориальная ситуация» отражает производность стоящего за ним понятия, с одной стороны, от семантической категории, лежащей в основе определенного ФСП, а с другой — от той «общей ситуации», которая представлена в языковом содержании данного высказывания. Разумеется, КС отражают денотативные ситуации, однако предметом анализа являются семантические структуры, выражаемые определенными языковыми средствами, т. е. ситуации сигнификативные (ср. суждения В. Б. Касевича о сигнификативных ситуациях в их отношении к ситуациям денотативным; по мысли автора, сигнификативная ситуация представляет собой «содержание высказывания, которое выделяет некоторый единичный «кадр» описываемой реальности, семантическое соответствие денотативной ситуации» [Касевич 1988: 57]).

Понятия ФСП и КС дополняют друг друга. Если характеристика ФСП соотносится с представлением о семантической категории и упорядоченном множестве средств ее языкового выражения, то описание КС служит для изучения функциональных вариантов данной категории, выражаемых в высказывании. Изучаемые типовые ситуации связывают элементы парадигматической системы языка с речевой синтагматикой.

Разработка теории функциональной грамматики, представленная в комплексе коллективных трудов [Бондарко (ред.) 1987–1996], продолжается и развивается в трудах, посвященных различным аспектам системно-функциональной категоризации (см. серию «Проблемы функциональной грамматики», включающую следующие вопросы: категории морфологии и синтаксиса в высказывании [Бондарко, Шубик (ред.) 2000]; семантическая инвариантность/вариативность [Бондарко, Шубик (ред.) 2003]; полевые структуры [Бондарко, Шубик (ред.) 2005]; категоризация семантики [Бондарко, Шубик (ред.) 2008]; см. также опубликованную в 1996 г. монографию [Бондарко (ред.) 1996c]).

В функциональной грамматике доминирующее исходно-семантическое направление анализа «от семантики» связано с направлением исходно-формальным. Мысль о необходимости «двустороннего подхода» к описанию языковых фактов в сфере грамматики в направлениях, идущих от формы и от содержания, давно высказывалась лингвистами; см., в частности, [Бернштейн 1922: 213; Есперсен 1958: 39–40, 47–48] (англ. оригинал — 1924 г.). Существенным элементом проводимых исследований и обобщения их результатов является особое внимание к взаимосвязям указанных направлений анализа.

Несколько слов о направлении анализа «от формы». Исследование и описание фактов языка и речи в этом направлении, играющее важную роль в традиционной (исходно-формальной) грамматике, так или иначе проявляется и в грамматике функциональной. Лишь при учете средств формального выражения реализуется возможность выявить и определить значения, выражаемые именно в данном языке, во всей их сложности, в их непредсказуемом многообразии. Различные аспекты взаимодействия направлений анализа «от семантики» и «от формы» четко выявляются в исследовании и описании функций языковых средств.

Различие в статусе исходно-формального направления лингвистического анализа в традиционной и функциональной грамматике заключается в том, что в исследованиях и описаниях первого типа это направление определяет построение грамматики в целом и ее разделов (ср. [Виноградов 1972; Шведова (ред.) 1980]), тогда как в исследованиях и описаниях второго типа данное направление анализа всегда сочетается с доминирующим исходно-семантическим подходом, определяющим основу построения грамматики, ее структуру и доминирующий тип описания языкового материала. Исходно-семантический анализ позволяет выйти за пределы «простых и явных» языковых средств, давно изучавшихся грамматикой (грамматических форм с их морфемными элементами и определенных типов синтаксических конструкций), и обратиться к изучению средств более сложных, связанных с взаимодействием элементов разных уровней. Задачи функциональной грамматики наиболее полно реализуются при сочетании обоих направлений анализа, сопряженных с моделированием речевой деятельности говорящего и слушающего.

Грамматическое описание может иметь четко выраженные функциональные аспекты и при подходе от формы к семанттике — в том случае, если в центре внимания находятся значения грамматических форм и закономерности их функционирования (ср., в частности, исследования типа «Функционирование глагольных форм настоящего времени в различных типах текстов»). Важно подчеркнуть, что такое описание относится к направлению «от формы к семантике», так как форма «задана»: это нечто данное, тогда как новое (то, что требуется определить и опиисать) — это ответ на вопрос о том, какие функции выполняет данная форма, как она функционирует.

Одним из существенных аспектов связи подхода «от семантики» с направлением «от формы» являются сопряженные с формальным выражением предпосылки функционально-грамматического описания. Во многих случаях исследование и описание ФСП и КС предполагает предварительное знание результатов традиционного описания «от формы». Семантика, исследуемая в функциональной грамматике, всегда «потенциально грамматична».

В разрабатываемой нами модели функциональной грамматики понятия ФСП и КС связаны с общей системой грамматической категоризации. Эта система включает различные типы категориальных единств (категорий и разрядов в сфере грамматики): единства грамматические, лексико-грамматические и функционально-семантические. Выделяются и анализируются разновидности системно-структурных отношений между компонентами рассматриваемых категорий: а) центр и периферия; прототипы и их окружение; б) инвариантность/вариативность; в) континуальность; пересечения системных объектов; г) членения с элементами неоднородности (естественные классы); д) соотношение грамматической системы и окружающей среды; е) межкатегориальные связи (подробное истолкование понятия категоризации в системе грамматики см. в кн. [Бондарко 2011]).

Взаимосвязи анализа в направлениях «от семантики» и «от формы» выявляются в различных аспектах грамматической категоризации. Один из аспектов — отношения «центр — периферия», «полевая структура», «прототип и его окружение». В характеристике понятия «прототип» могут быть выделены следующие

признаки: 1) наибольшая специфичность — концентрация специфических признаков данного объекта, «центральность», в отличие от разреженности таких признаков на периферии (в окружении прототипа); 2) способность к воздействию на производные варианты, статус «источника производности»; 3) наиболее высокая степень регулярности функционирования — признак возможный, но не обязательный (см. [Бондарко 2011: 77–85]). Все эти признаки выявляются в различных вариантах как исходно-формального, так и исходно-семантического анализа фактов языка и речи.

Исходно-формальное направление анализа в его связях с направлением «от семантики» представлено в характеристике инвариантности / вариативности грамматической семантики. Анализ в направлении «от формы» играет важную роль при описании значений грамматических форм. Имеются в виду значения форм вида, времени, наклонения, лица и т. д. С другой стороны, каждое из этих значений включается в языковое представление семантических категорий и связанных с ними ФСП, охватывающих различные сочетания морфологических, синтаксических, лексико-грамматических и лексических средств с их значениями и функциями.

Соотношение исходно-семантического и исходно-формального направлений проводимого анализа выявляется при описании межкатегориальных связей. Функциональные разновидности одной грамматической категории могут рассматриваться как позиции по отношению к функционированию другой категории. Ср. истолкование «временных планов» как позиции для реализации видового противопоставления [Бондарко 1971: 176–234, 2005: 358–402]; ср. также истолкование активных и пассивных конструкций как позиции, определяющей особенности реализации частных видовых значений (см. проведенный Ю. А. Пупыниным анализ взаимосвязей глагольных категорий залога и вида: [Пупынин 1990, 1995, 2001; Poupynin 1999]).

В системе функциональной грамматики важную роль играет известное в языковедческой традиции и в современной лингвистической литературе разграничение языковых (в частности, грамматических) значений и смыслового содержания; особое внимание уделяется взаимосвязям этих аспектов семантики (см. [Бондарко 2002: 13–156, 2011: 259–317]; здесь же приведена литература вопроса).

Остановимся на вопросе о том, как отражается различие позиций говорящего и слушающего при лингвистическом анализе в направлениях «от семантики» и «от формы». Исходно-семантическое направление анализа отражает своего рода доминанту мыслительно-речевой деятельности говорящего, идущего от смысла, который он хочет передать, к формальным средствам. Это не снижает значимости для говорящего исходно-формальной стороны мыслительно-речевой деятельности. В языковую компетенцию говорящего входит владение функциональным потенциалом каждого из языковых средств и правилами их функционирования. Так, владение языком предполагает знание прагматических потенций местоимений 1-го и 2-го лица и соответствующих глагольных форм при формировании высказываний типа *Как мы себя чувствуем?* / *Как вы себя чувствуете?* Ср. также знание потенций повелительного наклонения и инфинитива при формировании высказываний типа *Сидите!* / *Сидеть!* Когда говорящий осуществляет выбор тех или иных языковых средств для передачи того смысла, который он хочет выразить, он должен знать семантические и семантико-прагматические потенции каждого из этих средств. Таким образом, при том, что с мыслительно-речевой деятельностью говорящего связано прежде всего грамматическое описание, идущее от семантики к средствам ее выражения, все же определенные аспекты позиции говорящего в речевом акте находят отражение и в описании, осуществляемом в направлении от формы к семантике. Важно принять во внимание и то, что говорящий, контролируя свою речь, в той или иной степени учитывает и позицию слушающего. Следовательно, в его мыслительно-речевой деятельности основное направление от формирующегося смысла к средствам его выражения сочетается с направлением от формальных средств к языковому и мыслительному содержанию (различие позиций говорящего и слушающего в направлениях анализа «от семантики» и «от формы» учитывается в работах по типологии; см. [Оглоблин, Храковский 2011: 10]).

Доминирующее положение подхода «от семантики», определяющего основной принцип построения функциональной грамматики, обеспечивает ее активную направленность. Сочетание семантической доминанты грамматики с подходом «от формы» не противоречит активной ориентации грамматики, поскольку, как

уже было отмечено выше, и движение от формы к семантике (от средств к функциям) включается в сферу мыслительно-речевой деятельности говорящего. Синтез обоих направлений описания языкового материала — немаловажный фактор единства грамматики. Этому соответствует, как нам представляется, анализ, учитывающий не только различия ролей говорящего и слушающего, но и их взаимодействие в рамках речевого акта.

Заключая эту статью, выскажу еще одно замечание, непосредственно касающееся Петербургской типологической школы и трудов ее руководителя. Следует согласиться с суждением, высказанным в предисловии к сборнику, посвященному 70-летию В. С. Храковского: «Работы Виктора Самуиловича отличает острота в постановке проблем и оригинальность в их решении, внимательное критическое рассмотрение работ предшественников, строгая логика, последовательность и доступность изложения» [Володин (ред.) 2004: 10].

Литература

Барентсен 1995 — А. А. Барентсен. Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке // С. Кароляк (ред.). Семантика и структура славянского вида. I. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1995. С. 1–26.

Бернштейн 1922 — С. И. Бернштейн. Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук XXV. 1922. С. 208–233.

Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола: Значение и употребление. М.: Просвещение, 1971.

Бондарко 1983 — А. В. Бондарко. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983.

Бондарко 1984 — А. В. Бондарко. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984.

Бондарко 2002 — А. В. Бондарко. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Бондарко 2011 — А. В. Бондарко. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011.

Бондарко (ред.) 1987 / 2011 — А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. (6-ое изд., стереотипное. М.: Либроком, 2011).

Бондарко (ред.) 1990 — А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.

Бондарко (ред.) 1991 — А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991.

Бондарко (ред.) 1992 — А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб.: Наука, 1992.

Бондарко (ред.) 1996a — А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996.

Бондарко (ред.) 1996b — А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996.

Бондарко (ред.) 1996c — А. В. Бондарко (ред.). Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Наука, 1996.

Бондарко, Шубик (ред.) 2000 — А. В. Бондарко, С. А. Шубик (ред.). Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000.

Бондарко, Шубик (ред.) 2003 — А. В. Бондарко, С. А. Шубик (ред.). Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/вариативность. СПб.: Наука, 2003.

Бондарко, Шубик (ред.) 2005 — А. В. Бондарко, С. А. Шубик (ред.). Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005.

Бондарко, Шубик (ред.) 2008 — А. В. Бондарко, С. А. Шубик (ред.). Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики. СПб.: Наука, 2008.

Вимер 2007 — Б. Вимер. Косвенная засвидетельствованность в литовском языке // В. С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 197–240.

Виноградов 1972 — В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-ое изд. М.: Высшая школа, 1972.

Воейкова 2012 — М. Д. Воейкова. Психолингвистические основания понятия *категориальная ситуация* // М. Д. Воейкова (ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 86–95.

Володин (ред.) 2004 — А. П. Володин (ред.). Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В. С. Храковского. М.: Знак, 2004.

Володин, Храковский 2003 — А. П. Володин, В. С. Храковский. Русский императив: проблема инвариантного значения (схолии на полях

работы Н. В. Перцова «К проблеме инвариантного грамматического значения») // А. В. Бондарко, С. А. Шубик (ред.). Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность. СПб.: Наука, 2003. С. 236–250.

Гак 1998 — В. Г. Гак. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998.

Генюшене, Недялков 1991 — Э. Ш. Генюшене, В. П. Недялков. Типология рефлексивных конструкций // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 241–276.

Есперсен 1958 — О. Есперсен. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.

Касевич 1988 — В. Б. Касевич. Семантика. Синтаксис. Морфлогия. М.: Наука, 1988.

Козинцева 2007 — Н. А. Козинцева. Типология категории засвидетельствованности // В. С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36.

Недялков 1987 — В. П. Недялков. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 180–195.

Недялков 1991 — В. П. Недялков. Типология взаимных конструкций // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 276–312.

Недялков (ред.) 1983 — В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983.

Недялков, Отаина 1987 — В. П. Недялков, Т. А. Отаина. Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 296–319.

Недялков 2003 — И. В. Недялков. Зависимый таксис в разноструктурных языках: значения одновременности / предшествования / следования // А. В. Бондарко, С. А. Шубик (ред.). Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность. СПб.: Наука, 2003. С. 156–175.

Недялков И. В. 2005 — И. В. Недялков. Английские и русские безличные конструкции: полевые структуры // А. В. Бондарко, С. А. Шубик (ред.). Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005. С. 233–243.

Оглоблин, Храковский 2011 — А. К. Оглоблин, В. С. Храковский. Петербургская типологическая школа // В. С. Храковский и др. (ред.). Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы. Материалы и тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 9–16.

Пупынин 1990 — Ю. А. Пупынин. Функциональные аспекты грамматики русского языка: Взаимосвязи грамматических категорий. Л.: ЛГПИ, 1990.

Пупынин 1995 — Ю. А. Пупынин. Взаимные связи грамматических категорий вида и залога в русском языке // С. Кароляк (ред.). Семантика и структура славянского вида. I. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1995. С. 159–174.

Пупынин 2001 — Ю. А. Пупынин. О семантическом инварианте пассивных форм СВ в русском языке // A. Barentsen, Y. Poupynin (eds.). Functional Grammar: Aspect and Aspectuality. Tense and Temporality. München: Lincom Europa, 2001. P. 107–112.

Сильницкий 1973 — Г. Г. Сильницкий. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов // С. К. Шаумян (ред.). Проблемы структурной лингвистики. 1972. М.: Наука, 1973. С. 373–391.

Смит 1998 — К. С. Смит. Двухкомпонентная теория вида // М. Ю. Черткова (ред.). Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 404–421.

Холодович 1979 — А. А. Холодович. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979.

Храковский 1979 — В. С. Храковский. Предисловие // А. А. Холодович. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. С. 3–7.

Храковский 1989 — В. С. Храковский. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989. С. 5–53.

Храковский 1997 — Понятийная база и опыт классификации семантических типов множества ситуаций // М. Ю. Черткова (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 1997. С. 128–139.

Храковский 1998 — Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // В. С. Храковский (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 7–96.

Храковский 1999 — В. С. Храковский. Теория языкознания. Русистика. Арабистика. СПб.: Наука, 1999.

Храковский 2000 — В. С. Храковский. Опыт анализа универсальных уступительных конструкций // А. В. Бондарко, С. А. Шубик (ред.). Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. С. 135–163.

Храковский 2004 — В. С. Храковский. Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология // В. С. Храковский (ред.). Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука, 2004. С. 9–91.

Храковский 2005 — В. С. Храковский. Таксис следования в современном русском языке // А. В. Бондарко, С. А. Шубик (ред.). Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005. С. 29–85.

Храковский 2007 — В. С. Храковский. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // В. С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 600–632.

Храковский 2012 — В. С. Храковский. Взаимодействие грамматических категорий: вид, время, наклонение // М. Д. Воейкова (ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 539–561.

Храковский и др. 2008 — В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко. Грамматика акциональных классов // А. В. Бондарко (ред.). Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. СПб.: Наука, 2008. С. 49–114.

Холодович (ред.) 1969 — А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969.

Холодович (ред.) 1974 — А. А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л.: Наука, 1974.

Храковский (ред.) 1989 — В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.

Храковский (ред.) 1992 — В. С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992.

Храковский (ред.) 1998 — В. С. Храковский (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998.

Храковский (ред.) 2004 — В. С. Храковский (ред.). Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука, 2004.

Храковский (ред.) 2007 — В. С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб.: Наука, 2007.

Храковский (ред.) 2009 — В. С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009.

Шведова (ред.) 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. Т. I–II. М.: Наука, 1980.

Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Comrie 2001 — B. Comrie. Some thoughts on the relation between aspect and aktionsart // A. Barentsen, Y. Poupynin (eds.). Functional Grammar: Aspect and Aspectuality. Tense and Temporality. München: Lincom Europa, 2001. P. 43–50.

Dik 1987 — S. C. Dik. Functional Grammar. Amsterdam: John Benjamins, 1987.

Mehlig 2001 — H. R. Mehlig. Überlegungen zur sog. allgemeinfaktischen Verwendungsweise des ipf. Aspekts im Russischen // A. Barentsen, Y. Poupynin (eds.). Functional Grammar: Aspect and Aspectuality. Tense and Temporality. München: Lincom Europa, 2001. P. 93–106.

Nedjalkov (ed.) 2007 — V. P. Nedjalkov (ed.). Reciprocal Constructions. [Typological Studies in Language 71]. Amsterdam: John Benjamins, 2007.

Poupynin 1999 — Y. A. Poupynin. Interaction Between Aspect and Voice in Russian. München: Lincom Europa, 1999.

Smith 1997 — C. S. Smith. The Parameter of Aspect. Dodrecht — Boston — London: Springer, 1997.

Б. Вимер

JGU, Майнц

УПОТРЕБЛЕНИЕ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ПЕРФОРМАТИВНОМ НАСТОЯЩЕМ

В данной статье[1] эскизно обсуждаются условия использования глаголов совершенного вида (СВ) в перформативном настоящем и место этого явления в видо-временных системах славянских языков. Мои рассуждения распространяются на весь славянский ареал. Важно понять, (а) каким образом особенности перформативных актов отражаются на свободе выбора вида, (б) как она связана с другими видовыми функциями и как она обусловлена видо-временной системой разных славянских языков, и (в) какую роль играет перформативное настоящее в рамках хронотопической модели вида. Мы начнем с краткого наброска этой модели и после первых основных выводов относительно статуса перформативного настоящего в составе видовых функций обсудим две разновидности перформативного настоящего, а также методологические проблемы, которые всплывают при эмпирической проверке предположений, высказывавшихся в аспектологической литературе и выявляемых в ходе наших рассуждений. Эти рассуждения носят весьма предварительный характер.

1. Теоретические предпосылки: хронотопия славянского вида

Поскольку противопоставление глаголов[2] СВ : НСВ в славянских языках опирается на оппозицию основ, а не окончаний,

[1] Статья в предварительной стадии писалась в сотрудничестве с Фолькмаром Леманном. Ему я очень благодарен за обмен мыслями, повлиявший на нынешний облик статьи, а также за ряд ценных замечаний по ее оформлению. Однако за изложение фактов и их интерпретацию, а также за решение не включать слишком много общеизвестных аспектологических работ, затрагивающих перформативную функцию, ответственность несу только я. Юлию Куклу я благодарю за правку текста и ряд замечаний по формулировкам.

[2] Под глаголом подразумевается глагольная лексема в понимании Московской семантической школы.

выбор между глаголом СВ и НСВ неизбежен в любых формах (в том числе и в нефинитных). Он неизбежен также и в тех случаях, когда функция глагольного сказуемого не выводится (хотя бы прямым образом) из акциональных оппозиций типа событие vs. процесс/состояние, которые изначально мотивируют грамматическую категорию вида; иногда выбор вида, по крайней мере на первый взгляд, дает результат, противоположный этим мотивирующим функциям. Во многих случаях выбор вида обусловливается другими факторами, существенными на уровне высказывания, и доходит до сложного взаимодействия с другими глагольными категориями, выражаемыми в предикате. Такое взаимодействие, а также наложение ряда других факторов на уровне предложения (или высказывания) естественны для грамматической категории, однако при всем изобилии аспектологической литературы еще мало изученной оказывается иерархическая структура функций славянского глагольного вида. Именно по этой структуре славянские языки выявляют весьма заметные различия. В данном случае мы останавливаемся на взаимодействии категорий вида с грамматическим временем и на прагматической функции перформативных высказываний.

В соответствии со ступенчатой структурой функций видовой оппозиции мы исходим из того, что различия в употреблении видов, которые обнаруживаются в отдельных славянских языках в их современном состоянии, отражают диахроническое развитие славянской видовой оппозиции в целом. Мотивация возникновения видовой оппозиции в когнитивном и в диахроническом смысле коренится в акциональном различии между событиями, процессами и состояниями. Есть основание считать функции, более «отдаленные» от «акционального стержня», т. е. от изначально мотивирующих функций, более «молодыми» по сравнению с теми, которые в когнитивном плане ближе к мотивирующим акциональным функциям. Более молодой характер функций выражается также в том, что именно по отношению к ним славянские языки наиболее разнообразны. Если рассматривать современный славяноязычный ареал как наследие бывшего диалектного континуума (а во многих отношениях таким континуумом его можно считать и по сей день), то с точки зрения диалектной географии бросается в глаза отмеченное выше соответствие между диахроническим

Схема 1. Функциональные области, релевантные для выбора вида

Концепция эта в общих чертах была изложена в [Wiemer 2008].

развитием видовых систем в отдельных славянских языках и различиями в удельном весе факторов, решающих сегодня о выборе СВ и НСВ в разных частях этого ареала. Исходя из этого соответствия мы и называем свой подход хронотопическим.

Согласно этому подходу видовые функции вокруг мотивирующего центра группируются «лукообразно» (многослойно), т. е. их можно представить в виде концентрических кругов с центром, который составляют функции, мотивирующиеся акциональными значениями глаголов. За ними следуют функции повторяемости («глагольной множественности», точнее: итеративности, опирающейся на классификацию дискретной неоднократности[3]), затем — модальные функции и функции, вытекающие из взаимодействия с наклонением и воздействия модальных вспомогательных[4]. Внешние (и самые молодые) «слои» занимают дискурсивные функции, прежде всего выбор вида на основании иллокуции и на основании того, находится ли данное действие в пресуппозиции или нет[5].

[3] См., например, [Храковский 1987: 144 и сл.].

[4] Особенно в этой области необходимо учитывать также отсутствие/наличие отрицания (как общего, так и частного).

[5] Эта оппозиция перекликается с другими «субъективными» категориальными противопоставлениями как определенность/неопределенность и временная локализованность (нем. ‘Episodizität’).

2. Место перформативного настоящего среди функций видов

По определению перформативное высказывание (или просто: перформатив) выполняет действие, которое называется сказуемым этого же высказывания. В «классическом» виде сказуемое перформатива принимает форму 1 лица единственного числа настоящего времени индикатива. Такое узкое понимание перформатива было расширено разными исследователями прежде всего на том основании, что существенна речевая функция всего высказывания, а не морфологичский облик сказуемого. К этим исследователям относится и Ю. Д. Апресян, который выделил ряд языковых признаков перформативности, понимаемой как общее речевое явление [Апресян 1995: 202–209]; он подчеркнул, что «перформативная формула имеет приоритет перед перформативным глаголом» [1995: 203]. С таким положением следует, конечно, согласиться. Но поскольку здесь нас интересует видовое поведение глаголов, мы ограничимся «каноническим» типом перформатива, в котором наблюдается полное совпадение между называнием и выполнением действия в выше описанной форме.

Среди функций, обслуживаемых глагольными предикатами, перформативное употребление занимает особое место. Хотя концептуально перформатив не относится к собственно темпоральным функциям (см. ниже), он все-таки «родственен» лексической акциональной функции (ЛАФ) ‘событие’: речевое действие, называемое соответствующим глаголом, по необходимости охватывается целостно. Оно совершается самой передачей иллокутивного акта и не реализуется, если этот акт не произнесен полностью. Существенно, что «моментальность» перформативных высказываний возникает оттого, что иллокутивный акт и совершаемое этим актом действие связаны неразрывно, их нельзя разложить на отдельные субинтервалы, даже если физически произнесение слов, составляющих данный акт, может занять некоторый, пусть даже небольшой промежуток времени. В этом ничего не меняют попытки приписать перформативным высказываниям более сложную структуру, допускающую временную протяженность физического действия произнесения (см., например, толкование, разработанное в [Апресян 1995: 214–217]). Поэтому простые иллокутивные акты, стоящие за перформативами, точечны, а обозначающие их глагольные

лексемы следует считать конклюзивными, т. е. лексемами, называющими события, которые во временно́м отношении более не разложимы.

Вместе с тем перформативное высказывание (как речевой акт, так и соответствующее действие) автоматически локализовано во времени, так как такой акт дейктически привязан ко времени произнесения. Он же вступает в силу только в конкретной речевой ситуации и сам по себе растяженностью не обладает (см. выше). Наконец, перформатив сам по себе не связан с какой бы то ни было специальной модальной функцией, ни с какой-либо пресуппозицией, по которой данное действие (по оценке говорящего) предполагалось бы адресатом. Названные свойства делают перформативную функцию в известном смысле периферийной в составе видовых функций, ее трудно соотнести с каким-либо из слоев вышеизложенной лукообразной структуры (см. Схему 1). Поскольку в этой структуре перформативной функции нельзя найти «законное место», можно предположить, что к видовой оппозиции она безразлична.

Если такой вывод правилен, следовало бы ожидать, что выбор СВ или НСВ либо становится произвольным, либо он определяется мотивирующей ЛАФ. Дело в том, что перформативное употребление привязано к речевому действию, а речевые глаголы, называющие ту или иную иллокуцию, обладают конклюзивной ЛАФ, в отношении которого партнеры видовой пары друг от друга не отличаются. Конклюзивные глаголы обозначают события, не растяженные во времени и в этом смысле моментальные (см. выше). Набор функциональных противопоставлений у конклюзивных пар не включает акциональных различий, они коренятся либо в глагольной множественности, либо в прагматических свойствах, т. е. их нужно искать в более поздних («верхних») слоях нашей «луковицы». Если между иллокутивными глаголами СВ и НСВ в видовой паре нет акциональных различий, как же тогда объяснить почти полное отсутствие глаголов СВ в перформативной функции? Поскольку грамматическая функция обозначения временно локализованных (эпизодических) событий мотивирована ЛАФами, для которых глаголы СВ являются семантически исходными (а сюда же относятся и конклюзивные глаголы), ожидалось бы скорее, что перформативное употребление выражается глаголами СВ. В ходе

такого рассуждения становится очевидным, что конклюзивная ЛАФ, сама по себе благоприятная для обслуживания этой функции на уровне высказывания, слишком слабый фактор, который мог бы определять выбор вида в перформативном настоящем. По крайней мере так обстоит дело в современном русском языке. Насколько почти полное отсуствие употребления СВ в перформативном настоящем характерно только для русского языка?

В общем уже известно, что славянские языки в разной мере допускают СВ в перформативной функции: в этом отношении славянские языки западной половины (как на юге, т. е. прежде всего словенский, так и на севере, например, чешский) ведут себя «терпимее», чем славянские языки, составляющие восточную половину, а языки в северовосточном участке славяноязычного ареала, т. е. прежде всего русский, обнаруживают самые большие ограничения.

Ю. Д. Апресян [1995: 203], который, обсуждая разные свойства перформативных высказываний, отдельно не останавливается на выборе вида, из глаголов СВ, способных к такому употреблению, приводит лишь следующие[6]:

(1) *Попрошу ваши билеты.*
Пожелаю вам удачи.
Покаюсь / *Призна́юсь* / *Созна́юсь: это сделал я.*

В качестве глаголов СВ, способных к употреблению в каноническом перформативе, А. В. Бондарко [1971: 222] упоминает следующие:

(2) *попросить*, *сказать*, *заметить*, *прибавить*, *повторить*, *доложить*

Что касается польского языка, то в известной работе [Koschmieder 1934: 110] приводится всего лишь горстка примеров с глаголами СВ:

[6] При этом показательно, что в расширенном понимании перформативов, которые Ю. Д. Апресян [1995: 203] выделяет для 3 лица настоящего времени индикатива, нет примеров на СВ, а фигурируют одни глаголы НСВ: *Тебя прощают*; *Пассажиров просят пройти на посадку* и т. п. Аналогичное наблюдение можно сделать в отношении форм 2 и 3 лица настоящего времени страдательного залога [там же]: *Отпускаются тебе грехи твои*; *Пассажиры приглашаются на посадку*; *Настоящим вы утверждаетесь в должности директора* и т. д.

(3) *A teraz poproszę Państwa do tamtego pokoju.*
‘А сейчас прошу (букв. попрошу) вас (перейти) в ту комнату’.
Przyznam się szczerze… ‘Я призна́юсь честно…’
Dodam nawiasowo… ‘В скобках добавлю…’
Pozwolę sobie… Я позволю себе…’
Zaproponuję… ‘Я предлагаю (букв. предложу)…’

В общем и целом для славянских языков «северо-восточного участка» отмечалось, что перформативное употребление СВ обнаруживается только у крайне ограниченного состава глаголов. Что касается восточной половины южнославянского ареала, т. е. болгарского и македонского языков, то в них глаголы СВ в перформативной функции не выступают вовсе, но по причине несколько иной, чем в восточнославянских языках. Об этом речь пойдет еще ниже.

Применительно к западной половине славяноязычного ареала перформативное употребление СВ не раз обсуждалось как довольно распространенное явление, особенно в словенском. Много внимания этому вопросу уделяла А. Дерганц. Сопоставление словенских речевых глаголов с русскими в перформативном контексте показывает, что в переводных эквивалентах, как правило, в словенском языке преобладают глаголы СВ [Derganc 2003: 73 и сл.]; ср., например:

(4) *oprostim* ‘оправдываю’ (букв. ‘оправдаю’); *napovem vojno* ‘объявляю войну’ (букв. ‘объявлю’); *odpustim* ‘прощаю’ (букв. ‘отпущу, прощу’); *dovolim vam, da zaprete* ‘я вам разрешаю закрыть’ (букв. ‘разрешу’); *prekličem* ‘беру свои слова назад’ (букв. ‘возьму…’);

(5) *izberem* ‘выбираю’ (букв. ‘выберу’); *dam* ‘дарю’ (букв. ‘дам’); *prodam* ‘продаю’ (букв. ‘продам’).

Ср. кроме того [Dickey 2003: 196 и сл.], а также [Herrity 2000: 175], который писал: «(a) Verba dicendi (i.e. verbs expressing declaration or decision). The perfective forms of these verbs are used to express the present if the speaker is the first person, e.g. *Povem ti, pazi se, kaj govoriš* (I tell you, be careful what you say), *Obljubim, da bom prišel* (I promise I shall come), *Naj se odkrito spovem, da…* (Let me confess frankly that…), *Vse je res, prisežem* (Everything is true, I swear),

Vse prekličem (I take it all back), *Rečem vam, dobro premislite* (I say to you, think it over)».

Также в своей книге С. Дики отметил, что среди западнославянских языков случаи перформативного употребления СВ учащаются в направлении с востока на запад. Если в польском языке такие случаи попадаются весьма редко, то в остальных западнославянских языках они становятся более привычными [Dickey 2000: 182–184]; например:

СЛОВАЦКИЙ

(6) *Tvoje pochybnosti sú aj mojimi pochybnostami, a dokonca sa priznám*[СВ]*, mojim trapenim a nočnou morou*.
‘Твои сомнения являются и моими сомнениями, они, честно призна́юсь, являются моим огорчением и кошмаром’.

ЧЕШСКИЙ

(7) *A ted‘ vás požádám*[СВ] *o doprovod ke kočáru*.
‘А теперь я вас попрошу, чтобы вы меня проводили к возу’.

ВЕРХНЕЛУЖИЦКИЙ

(8) *Ja wjać kradnyć njebudu, z wutrobu to zalublju*[СВ].
‘Я больше красть не буду, всем сердцем клянусь’.

В итоге своего обзора С. Дики приходится признать, что отсутствие надежных данных и ряд противоречивых сведений по интересующему нас употреблению СВ не позволяют составить ясную картину [Dickey 2000: 183]; см. также обзор в [Derganc 1996].

Вернемся теперь к более широкому функциональному фону глагольных граммем и их взаимодействию, который позволяет оценить перформативное употребление. В южнославянских языках настоящее время СВ весьма употребительно, однако оно стало заметно вытесняться из независимых (главных) предложений, так что его основной сферой употребления все чаще оказываются придаточные, особенно времени и условия. Процесс этот и его современное отражение в южнославняских языках носят явные черты диалектного континуума, поскольку мера ограничений, накладываемых на настоящее время СВ в синтаксически независимых предложениях, нарастает с северо-запада к юго-востоку: в словенском языке подобных ограничений, кажется, нет, в сербохорватском они становятся уже заметными, а в македонском и

болгарском языках они набирают характер грамматических запретов. Примечательно, что этот континуум коррелирует со степенью употребительности глаголов СВ в перформативных высказываниях: в том же самом направлении эта употребительность убывает; ситуация в македонском и болгарском практически совпадает с картиной, которую мы наблюдаем в русском языке, между тем в сербохорватском и тем более в словенском языке СВ в перформативе наблюдается достаточно часто (см. выше).

Можно ли как-то найти внутреннюю мотивацию отмеченной выше корреляции между нарастанием ограничений на употребление настоящего времени СВ в независимых предложениях и убыванием употребительности СВ в перформативном настоящем? Такая связь кажется очевидной, но она осложняется рядом обстоятельств. Ведь ограничения на перформативное употребление СВ в болгарском и македонском языках в принципе идентичны ограничениям в восточнославянских языках, только по другой причине: почти во всех южнославянских языках будущее время образуется с помощью отдельной морфемы, восходящей к лексеме ‘хотеть’, а эта морфема (неизменяемая или спрягаемая клитика) присоединяется к основам как НСВ, так и СВ, т. е. граммема будущего времени с основами обоих видов в принципе сочетается свободно; иначе говоря, в будущем времени нет случаев синкретизма с граммемами вида (в отличие от практически всех севернославянских языков). Словенский от остальных южнославянских языков в этом отношении отличается лишь на уровне морфологических показателей, но не в отношении их категориальной сочетаемости: будущее время так, как в севернославянских языках (для НСВ), образуется с помощью супплетивных форм вспомогательного глагола ‘быть’ (*bom*, *boš* и т. д., т. е. формы восходят к корню, этимологически тождественному русскому *буду*, *будешь*…), но эти формы сочетаются с основами обоих видов. Мы уже отметили, что в плане функционального распределения видо-временных форм настоящего-будущего словенский язык налагает меньше ограничений на будущее время СВ (*bom* + СВ), чем остальные южнославянские языки: эти формы довольно широко употребляются также в независимых предложениях.

К фактам, относящимся к степени взаимообусловленности граммем настоящего и будущего времен, следует добавить факты,

позволяющие оценить употребительность глаголов СВ в тех или иных дискурсивных типах настоящего времени. Хорошо известно, что славянские языки на западной «окраине» не налагают особых ограничений на употребление СВ настоящего времени во всякого рода нарративных типах дискурса, особенно в так называемом историческом настоящем, а также в других типах дискурса, в которых упор делается на последовательность действий, даже если они разворачиваются или восстанавливаются как бы перед глазами. Последний тип дискурса представлен в так называемом сценическом настоящем. Свобода употребления настоящего времени глаголов СВ отмечалась в отношении западной окраины славяноязычного ареала не только для южной половины (в первую очередь для словенского), но и для северной половины, например в чешском. См. соответствующие примеры:

- историческое настоящее

СЛОВЕНСКИЙ

(9) *Vstanem*[св] *in stopim*[св] *v kuhinjo. Peter stoji*[нсв] *s steklenico v roki in jo zaskrbljeno gleda*[нсв]*. Zgrabim*[св] *steklenico, jo z izvedenskim zamahom odprem*[св] *in se vrnem*[св] *v sobo*.
‘Я встаю (букв. встану) и вхожу (букв. войду) в кухню. Петер стоит с бутылкой в руке и озабоченно на нее смотрит. Я хватаю (букв. схвачу) бутылку, профессиональным взмахом открываю (букв. открою) ее и возвращаюсь (букв. вернусь) в комнату’. [Dickey 2003: 194]

ЧЕШСКИЙ

(10) *Anděla sundává*[нсв] *prsten, jakoby tímhle gestem mohla získat svobodu, upne*[св] *si pláštěnku, zahalí*[св] *hlavu do tmavého šátku, otvírá*[нсв] *svéhlavě dveře a běží*[нсв] *přes padací most.* ⟨…⟩ (Řezáč)
‘Андела снимает перстень, будто таким образом можно обрести свободу, застегивает (букв. застегнет) плащ, закутывает (букв. закутает) голову в темный платок, решительно открывает дверь и бежит через подъемный мост. ⟨…⟩’ [Петрухина 2000: 83, перевод наш. — *Б. В.*]

- сценическое настоящее (выявляющееся здесь в кулинарных рецептах)

ЧЕШСКИЙ

(11) *Nejdřív vezmeš*[СВ] *4 hrnky chleba, pak to zaliješ*[СВ] *1 hrnkem mléka a přidáš*[СВ] *3 vejce a 1 hrnek cukru. Dobře to zamícháš*[СВ]. *Pak roztopíš*[СВ] *1 tyčinku másla a přidáš*[СВ] *to ke směsi.* ⟨…⟩
‘Сначала берешь (букв. возьмешь) 4 чашки хлеба, потом заливаешь (букв. зальешь) одной чашкой молока и добавляешь (букв. добавишь) 3 яйца и одну чашку сахара. Это все хорошо перемешиваешь (букв. перемешаешь). Потом растапливаешь (букв. растопишь) один кусочек масла и добавляешь (букв. добавишь) это в смесь’.

СЛОВЕНСКИЙ

(12) *Najprej vzameš*[СВ] *4 skodelice kruha, potem prilješ*[СВ] *skodelico mleka in dodaš*[СВ] *3 jajce in skodelico sladkarja. Potem stopiš*[СВ] *kos masla in ga daš*[СВ] *v zmes.* ⟨…⟩ [Dickey 2000: 161]
= (11)

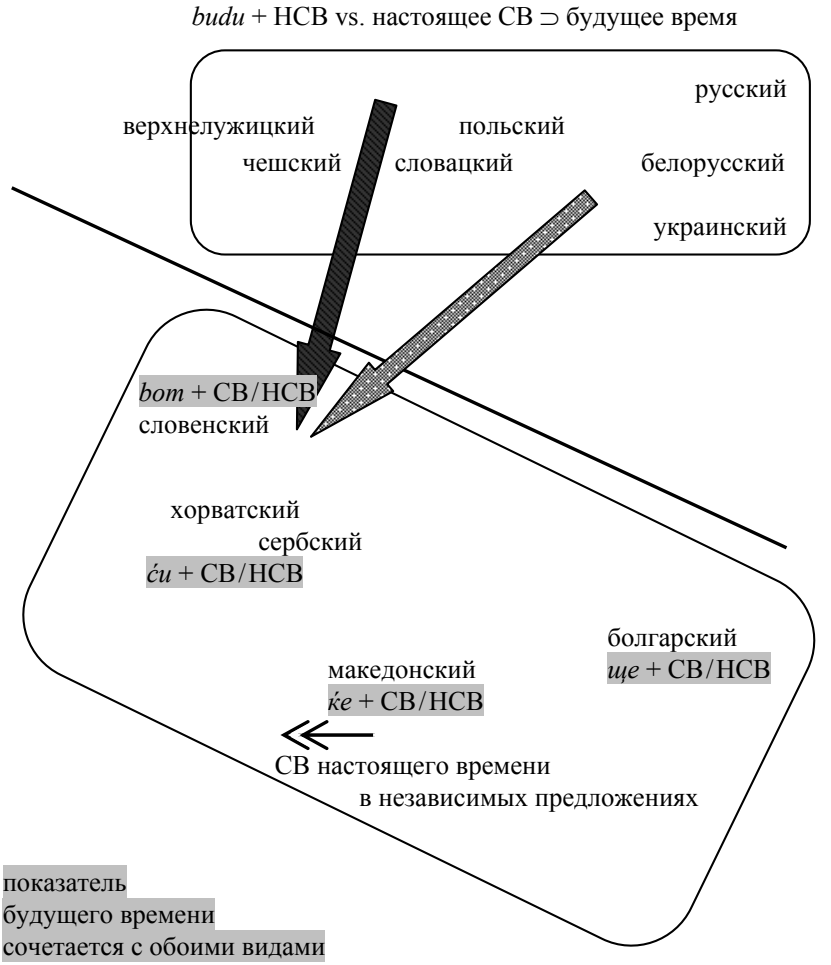
Чем дальше от западной окраины мы продвигаемся на восток, тем менее приемлемым оказывается настоящее время глаголов СВ, становясь, в конце концов (т. е. в польском и в восточнославянских языках), грамматически невозможным. Обратим внимание на то, что это континуальное изменение в пространстве современных языков хорошо коррелирует с убыванием (с запада на восток) употребительности глаголов СВ в перформативной функции[7]. Отметим также, что линия убывания с запада на восток отражает диахроническое развитие, на фоне которого более западные славянские языки следует расценивать как более консервативные[8].

Только что высказанные наблюдения можно, с некоторым огрублением, перенести на схему славяноязычного ареала:

[7] См. результаты исследования [Dickey 2000], показавшие, что перформативное использование настоящего времени СВ хорошо укладывается в рамки общего деления на восточную и западную «славянские полушария», включая переходные зоны.

[8] О том, что возможность использования СВ в разных типах нарративного настоящего является старой чертой видоупотребления, свидетельствует среди прочего и тот факт, что еще в русском языке XVIII века настоящее время глаголов СВ встречалось в сценическом настоящем (ср. [Panzer 1963: 85–89; Kiparsky 1967: 233]).

Схема 2. Соотношение выбора СВ
в перформативном настоящем
с системами будущих времен в славянских языках



Легенда:

увеличение частотности СВ в перформативном настоящем

увеличение частотности СВ в нарративном настоящем

Видимо, для того, чтобы объяснить свободу выбора СВ (или наоборот: силу ограничений на СВ) в перформативной функции в разных «участках» славянского ареала, нельзя опираться ни на мотивацию, вытекающую из функций в других «слоях луковицы» (см. Схему 1), ни на то, в какой степени граммемы будущего времени сами по себе обусловливают (сужают) выбор СВ. К тому же мы отметили, что даже при предположении, что акциональные дефолты самих лексем (ЛАФы), выражающих речевые акты в перформативе, в принципе благоприятствуют употреблению СВ, эти дефолты не достаточно сильны, чтобы «устоять» перед другими, более мощными факторами, способствующими употреблению НСВ.

В результате этого отрицательного вывода остается лишь одно объяснение: межславянские различия в употребительности форм настоящего времени глаголов СВ в перформативной функции обусловлены общей употребительностью глаголов СВ в функциях настоящего времени, точнее тем, в какой мере основы настоящего времени глаголов СВ еще способны выполнять функции настоящего времени, а не оказываются переосмысленными как показатели будущего времени (см. все восточнославянские языки) или постепенно вытесняются из определенных типов предложений (см. восточную часть южнославянского ареала). Если этот вывод (и только он!) оправдан, то употребление форм настоящего времени глаголов СВ достаточно «механически» идет за общим развитием функционального распределения членов видовой оппозиции в данном языке, причем безотносительно к какой бы то ни было лексической или функциональной мотивации.

На самом деле, полезно осознать, что из-за дейктической привязанности перформативного высказывания к моменту речи (см. выше) перформативная функция, по сути дела, олицетворяет понятие настоящего времени par excellence. Перформативное высказывание в с е г д а осуществляется в настоящем. Поэтому оправдано объяснять особенности выбора НСВ : СВ в отдельных славянских языках на фоне общих (для данного языка) ограничений на формы настоящего времени глаголов СВ. Можно сформулировать гипотезу о том, что СВ в перформативной функции будет тем реже, чем теснее в грамматике данного языка вид увязан с временем, т. е. чем глубже в нем укоренились случаи видо-временного синкретизма.

3. Внутренняя дифференциация перформативов

Теперь целесообразно уточнить один момент, который непосредственно сказывается на употребительности глаголов СВ в перформативе в первую очередь с точки зрения их ареального распределения. Опираясь на наблюдения Н. К. Рябцевой [Рябцева 1992], С. Дики обращает внимание на то, что перформативные высказывания неоднородны и распадаются на два качественно различных класса, а именно: на «ментальные» и «социальные» перформативы (термины Н. К. Рябцевой). Социальные перформативы описывают те или иные общественные ритуалы (13), в то время как ментальные служат метаязыковыми комментариями, расчленяющими структуру дискурса, например для того, чтобы помочь реципиенту быстрее сориентироваться в каких-то сменах темы (14)–(16)[9] (см. [Dickey 2000: 179–185]):

(13) *Благодарю*. / *Извиняюсь*. / *Обещаю*.

(14) *Вернемся к своим баранам*.

(15) *Возвращусь к теме беседы*.

(16) *На этом я закончу*.

Необходимо оговориться, что перформативами в самом узком понимании слова можно признать только социальные: только при их употреблении действия выполняются в самом акте произнесения, тогда как в ментальных перформативах наблюдается еще некоторый элемент «заявления», которым говорящий предваряет то, что им задумано совершить.

В связи с этим характерно, что ментальные перформативы нередко образовываются глаголами СВ, которые обозначают речевые акты только вторично[10], и они часто осуществляются формами 1 л. множественного числа. Ср. пример (14) и нижеследующие:

[9] Последние соответствуют классу ‘expositives’ у Дж. Остина.

[10] См. [Dickey 2000: 183 и сл.], который отметил, что в польском и других западнославянских языках, в которых состав речевых глаголов СВ, способных к перформативной функции, шире, «verbs which are not really verba dicendi, but which function as social performatives, sometimes allow coincidence».

(17) *Остановимся вкратце на одной детали…*
Перейдем теперь к следующей проблеме…

Высказывалось мнение, что в русском языке глаголы СВ вообще не употребляются для выражения социальных перформативов[11], хотя они встречаются в функции ментальных перформативов. Подобному категорическому мнению противоречит факт, что такие формы СВ как *попрошу* и *пожелаю*, выражающие социальные перформативы, приводятся в качестве немногочисленных перформативов СВ в современном русском языке (см. примеры (1)). Однако, возможно и другое объяснение: немногочисленные речевые глаголы, которым приписывалась способность к перформативному употреблению, лексикализованы или — что по сути то же самое — входят в состав устойчивых сочетаний. Действительно, если сопоставить те немногие списки глаголов, которые приводились для разных славянских языков, то создается впечатление, будто перформативно употребляемые глаголы СВ во всех этих языках создают своего рода лексический «стержень», из которого черпаются значения для перформативных актов. Это — лексемы со следующими значениями:

(18) ‘попросить’, ‘позволить, разрешить’, ‘признаться’.

К вопросу о лексикализации мы вернемся в следующем разделе. Пока же отметим, что глаголы СВ, входящие в краткий перечень (18), относятся к совершенно разным иллокутивным группам и что образуют они социальные, а не ментальные перформативы, которые, в свою очередь, образуются довольно часто и продуктивно с помощью глаголов СВ во всех славянских языках, включая русский. Таким образом, между социальными и ментальными перформативами в плане продуктивности обнаруживается заметная асимметрия. Выше упомянутые авторы не оспаривают довольно распространенное употребление ментальных перформативов в русском языке. Этот класс перформативов, видимо, не может служить основой для внутрислявянской дифференциации перформативного употребления глаголов СВ. Несмотря на то, что значения социальных перформативов относятся к стержневым, в русском языке они образуются от глаголов СВ только

[11] См. [Шелякин 1980: 17], который цитируется в [Dickey 2000: 181].

в редчайших случаях, тогда как в ряде других славянских языков социальные перформативы иногда встречаются даже среди глаголов СВ, не принадлежащих к собственно речевым, но приобретающим речевое значение в силу их перформативного употребления:

ПОЛЬСКИЙ

(19) *Puszczę pana*. ‘Спасибо, можете идти (букв. отпущу вас)’. (в завершение экзамена)

СЛОВЕНСКИЙ

(20) — *Sedaj veš vse, ponudim njivo najprej tebi, ki si sosed; odločise, ali jo vzameš ali ne, ker imam drugih kupcev.*
— *Kupim*.
‘— Сейчас знаешь все, поле я предлагаю тебе первому, потому что ты мой сосед; подумай, возьми или оставь, ведь у меня другие желающие.
— Я (его) покупаю’. (Приводится из [Dickey 2000: 185].)

Сюда же нужно отнести и «квази-перформативное» употребление глаголов СВ с обсценной семантикой, которое засвидетельствовано в сербохорватском, словенском и чешском языках, но не, например, в болгарском. Ср., например, чеш. *Vyseru se na to*. досл. ‘I shit on that.’ и комментарий в [Dickey 2000: 200]: «by uttering such sentences the speaker performs an act of expressing disdain equivalent to that which would be expressed by performing the act itself». В итоге оказывается, что критерием, действительно дифференцирующим славянские языки, можно признать только употребительность глаголов СВ для обозначения социальных перформативов.

4. Пробное исследование

Для того, чтобы уточнить состав глаголов СВ, допускающих перформативное употребление, мы обследовали 35 речевых глаголов, являющихся переводными эквивалентами в следующих славянских языках: русский, польский, чешский, словенский[12].

[12] Свою благодарность за помощь в предоставлении и оценке материала мы приносим Татьяне Курбангуловой и Марку Лазинському; Веронику Кампф, Елену Петроску и Леньку Шолчиц мы благодарим за справки соответственно по болгарскому, македонскому и верхнелу-

Составляя список глаголов, мы руководствовались перечнем русских глаголов, обозначающих речевые акты и обсужденных в [Гловинская 1993], а также в [Апресян 1995: 200–202]. Из них мы выбрали только такие глаголы, которые относятся к речевым в узком смысле, т. е. которые в первую очередь относятся к выражению пропозициональных актов с той или иной более специфической иллокутивной функцией. По этим функциям обычно подразделяются типы перформативов (или перформативных глаголов), понимаемых в более узком смысле, уточненном выше (см. II). Из них мы выбрали следующие (они приведены в алфавитном порядке), стараясь достичь как можно большего разнообразия по иллокутивным группам, представленным в выше упомянутой работе М. Я. Гловинской[13]:

(21) *благодарить*, *возражать*, *докладывать*, *желать*, *извиняться*, *каяться*, *клясться*, *назначать*, *обвинять*, *обещать*, *обращаться*, *объявлять*, *обязывать*, *обязываться*, *отказываться*, *отклонять*, *позволять*, *поздравлять*, *предсказывать*, *предупреждать*, *приветствовать*, *приглашать*, *признаваться*, *призывать*, *приказывать*, *проклинать*, *просить*, *разрешать*, *советовать*, *соглашаться*, *сообщать*, *требовать*, *уверять*, *упрекать*, *хвалить*.

К каждому из этих глаголов существует парный глагол СВ. К этим парам были найдены соответствия в названных выше славянских языках, а затем для каждого языка список был проверен на предмет употребительности глаголов СВ в перформативной функции. Для проверки привлекались в первую очередь общедоступные в интернете корпуса и поисковая система Google; примеры из

жицкому языкам. Независимо от их помощи, ответственность за возможные ошибки в оценке в данной статье несем исключительно мы сами.

[13] Мы отказались от их более подробного подразделения по иллокутивным группам в первую очередь потому, что сами принципы такого подразделения до сих пор остаются неясными (см., например, [Levinson 1983/2007: 238–243]). Сама М. Я. Гловинская [1993: 161] отмечает, что классификация речевых актов по типам иллокуции хотя бы отчасти может быть построена иерархически, но впоследствии она сама проводит «плоскую» классификацию, лишенную таксономической стуктуры, руководствуясь только спецификой речевых актов и количеством представляющих их глаголов.

корпусов — иногда с некоторыми «модификациями» — предлагались также информантам.

Пробное исследование позволило сделать ряд предварительных наблюдений. Сначала отметим, что в русском языке состав глаголов СВ, встречаемых в перформативной функции, оказывается шире, чем может показаться, если опираться на работы, обсужденные в предыдущих разделах. Как в НКРЯ так и с помощью Google можно было найти примеры перформативных употреблений хотя бы следующих глаголов[14]:

- *поклясться*

(22) *— Я поклянусь вам самым дорогим, что у меня есть теперь в жизни, — тем гонораром, что я послезавтра получу из магазина «Нового Времени», что художник при мне более симулировать никогда не будет.* (П. П. Гнедич. Книга жизни, 1918)

- *уверить*

(23) *Используя эти способы, уверю что,* [sic!] *вам будет легко заниматься русским языком*. (http://russian.people.com.cn/31857/97373/97417/97452/6727339.html)

- *предупредить*

(24) *Предупрежу, пока не поздно!* (http://www.hohmodrom.ru/project.php?prid=3733)

- *пообещать*

(25) *Я пообещаю в случае моего избрания не брать арендную плату за землю*. (Виктор Левашов. Заговор патриота, 2000)

- *позволить себе* (≠ *позволить кому-л*, разнореферентный!)

(26) *Позволю себе рассказать вам ещё об одном затейном проекте*. (http://blog.webmoskva.ru/3798616)

- *согласиться*

(27) *Здесь я вполне соглашусь и со списком* / *и с отзывами* / *и с любой другой информацией* / *которая будет раскрывать эту*

[14] В примерах в неизмененном виде сохраняются знаки препинания и особенности орфографии.

проблему. (Заседание жюри Национальной премии по безопасности «ЗУБР», 2004)

Встретились также примеры на глаголы *возразить*, *признаться*, *пожелать* и *поблагодарить*. Во всех этих примерах представлены социальные перформативы, все кроме первого (22) относятся к современной речи. Правда, почти для каждого глагола такие случаи единичны. Из ментальных чаще попадался глагол *сообщить*.

При рассмотрении польского языка нужно констатировать, что в корпусе PWN из перформативно употребляемых глаголов СВ преобладают *poproszę*, *przyznam* (*się*) и *pozwolę sobie*[15], т. е. глаголы из выделенного в (18) «стержневого состава». Лишь единичными примерами засвидетельствованы

- *przeprosić* ‘попросить прощения’

(28) *Zakończył leczenie. Pozytywnie?*
To takie na przymus. Coś chyba boję się, że mu odbije. On jeszcze nie był przygotowany.
Na momencik was przeproszę i zejdę na dół.
‘Окончил лечение. С положительным результатом?
Это было принудительно. Что-то я боюсь, как бы у него не поехала крыша. Он еще не был готов.
Я прошу (букв. попрошу) извинить меня на секундочку и спущусь’. (rozmowa o pracy, Monarze, polityce, zwierzętach, Kościele; 2001)

- *podziękować* ‘поблагодарить’

(29) *Stał nieruchomo przy drzwiach, gdy nagle spostrzegł tuż przed sobą uprzejmie pochylonego pana i jego wyciągniętą rękę. Machinalnie podał swoją.*
– Pan pozwoli – mówił ten – że się przedstawię, Antoniewski, sekretarz osobisty premiera. Pan pozwoli, że w imieniu pana premiera podziękuję panu za łaskawe przybycie. Proszę, pan będzie łaskaw, tu na razie przekąski.
‘Он стоял неподвижно у двери, когда вдруг заметил тут же перед собой любезно наклонившегося человека и его вытянутую руку. Он ему машинально подал свою.

[15] Отметим, что *pozwolić* и *pozwolić sobie* — так же как и рус. *позволить* и *позволить себе* — обозначают разные иллокутивные акты.

– Вы позволите – говорил тот – если я представлюсь. Антоневский, личный секретарь премьер-министра. Позвольте, я от имени премьер-министра поблагодарю вас за ваш любезный приезд. Пожалуйста, будьте добры, берите закуски'. (Dołęga-Mostowicz Tadeusz: Kariera Nikodema Dyzmy; 1991 [1932])

Подчеркнем, что последний пример взят из довоенного художественного произведения.

Что касается чешского языка, то состав глаголов СВ, более или менее активно используемых в перформативной функции, действительно оказался заметно более широким. Ср. примеры, найденные с помощью Google:

- *zapřisahnout se* 'поклясться'

(30) *Ano, Sonnakovi slova můžu potvrdit, opravdu to tam původně bylo. Ja se klidně zapřisahnu ze sem to nebyl*.
'Да, слова Соннака я могу подтвердить, это действительно было (произошло). Я клятвенно заверяю (букв. поклянусь), что меня там не было'. (http://forum.prison-break.cz/viewtopic.php?f=13&t=143&start=135)

- *ujistit* 'уверить'

(31) *tak, tě ujistím, že vše je na papíře skoro jsi to trefil, jen to trochu u p ř e s n í m , vody 9000l a 540l pěnidla, lafeta v zadu a pod*.
'Таким образом, я тебя **уверяю** (букв. уверю), что почти все, что есть на бумаге, ты определил правильно. Только я немного у т о ч н ю : 9000 л воды и 540 л пенообразующих добавок, лафета и т. п.'.
www.pozary.cz/rubriky/technika/vojaci-z-… (*upřesnim*, в отличие от *ujistím*, относится к ментальным перформативам)

- *upozornit* 'предупредить'

(32) *Tento trailer je bohužel anglicky a jenom upozorním, že je přeložen z německého jazyka*.
'Этот трейлер, к сожалению, на английском, я лишь предупреждаю (букв. предупрежу), что он переведен с немецкого'. (recenze.surtep.cz/herni-svet/herni-blogy)

- *poděkovat* 'поблагодарить'

(33) *No a ještě na závěr zase poděkuju…*
‘В заключение я хотел бы вас снова поблагодарить… (букв. поблагодарю)’. (www.zuzikz.estranky.cz)

Были найдены примеры также с глаголами *přiznat se*, *poprosit*, *požádat* ‘попросить, потребовать’, *namítnout* ‘возразить’, *popřát* ‘пожелать’, *dovolit* (*si*) ‘позволить (себе)’, *omluvit se* ‘извиниться’.

Что касается словенского языка, то поиски в корпусе и при помощи Google выявили перформативы, в принципе, с теми же глаголами СВ, которые перечислялись в исследованиях, упоминавшихся в разделе 2, но также и с рядом других: *priznati*, *posvariti* ‘предупредить’, *obljubiti* ‘пообещать’, *zaprositi* ‘попросить’, *strinjati se* ‘согласиться’, *oporekati* ‘возразить’, *zahvaliti se* ‘поблагодарить’, *opravičiti* ‘извиниться’, *zaželeti* ‘пожелать’. См. примеры:

- *pokesati se* ‘покаяться’

(34) *Okej, pokesam se, ne morem več skrivati resnice*.
‘ОК, каюсь (букв. покаюсь), не могу больше скрывать правду’. (http://katarina.blog.siol.net/2008/05/06/raje-imam-glasne-sosede-kot-sosede-za-katere-ne-vem-da-obstajajo)

- *očitati* ‘упрекнуть’

(35) *Komunistom očitam predvsem to, da so v večini primerov blefirali…*
‘Коммунистов упрекаю (букв. упрекну) прежде всего в том, что они в большинстве случаев блефовали…’ (DELO, 20. septembra 2003. Fran Ramovš Institute of Slovenian Language ZRC SAZU Corpus Laboratory http://bos.zrc-sazu.si/nova_beseda.html)

- *ukazati* ‘приказать’

(36) *«Ukažem vama, da ostanita blizu pekarne, vidve pa na lov. ⟨…⟩»*
‘«Приказываю (букв. прикажу) вам двоим остаться недалеко от булочной, а вам двоим идти на охоту. …»’ (fida plus)

В общей сложности лексический состав глаголов СВ, используемых для перформативных высказываний, оказывается несколько шире, чем можно было бы судить по лингвистической литературе. Однако необходимо подчеркнуть следующее: во всех обследованных языках большинство глаголов СВ в перформативной

функции встречается только в единичных случаях. Иными словами: на глаголы СВ, у которых вообще засвидетельствована эта функция, приходится лишь по одному-два примера, так что коэффициент types : tokens почти во всех языках высокий. От этой картины несколько отклоняется словенский язык, в котором количество глаголов СВ, встретившихся чаще, чем 3 раза, заметно больше.

Какой вывод можно сделать из этого (и без того предварительного) наблюдения? С одной стороны, более равномерная встречаемость разных речевых глаголов СВ в перформативном употреблении наводит на мысль, что перформативное употребление глаголов СВ в большинстве случаев не лексикализовано, а вытекает из некоторого правила. Такое же впечатление складывается и по отношению к русскому языку; в разговорной стихии социальные перформативы за глаголами СВ могли удержаться и поныне. С другой стороны, нельзя сказать, что речевые глаголы СВ образуют перформативы в соответствии с некоторым автоматизмом; такие перформативы слишком редки на уровне текста, а для большинства речевых глаголов из заданного списка (21) они вообще не засвидетельствованы.

5. Выводы

Насколько позволяет ограниченный объем проведенной здесь пробной разведки в область перформативно употребляемых глаголов СВ, можно сделать следующие осторожные выводы:

1) Разграничение между социальными и ментальными перформативами осмысленно, поскольку различия между славянскими языками сказываются практически только на употребительности СВ в социальных перформативах. Их и следует признать перформативами в собственном смысле.
2) Тот факт, что даже в русском языке по сей день встречаются примеры СВ в социальных перформативах, говорит в пользу того, что образуются они в соответствии с некоторым правилом. В пользу отсутствия «шаблонности» говорит как раз единичность их образования от более широкого круга глаголов. (См. дальше вывод 4.)
3) Этот факт дополняется в известном смысле противоположной тенденцией, согласно которой наиболее частотными в перформативном употреблении являются глаголы СВ определенных

речевых актов (предварительно: просьбы, признания, и далее пожелания и возражения, благодарности и отказа). Возможно, что именно эти случаи оправданнее всего считать случаями лексикализации (объяснимыми частотностью в данных речевых актах?), которая олицетворяет остатки бывших продуктивных образцов.

4) Для выяснения диапазона глаголов СВ в перформативной функции (их представленности по разным иллокутивным группам и т. п.) необходимы специальные исследования на больших корпусах, состоящих из текстов, наиболее приближенных к спонтанной речи.

Рекомендуется также сравнить разные временные срезы, а также жанровые и регистровые особенности. Перспективным представляется систематическое изучение текстов с повышенной вероятностью появления прямой речи с перформативными высказываниями, как, например, собрания судебных актов (протоколы или присяги, ср. польские roty sądowe XIV–XV вв.). Особенно плодотворным могло бы стать сравнительное исследование переводов Библии (или апокрифических текстов, а также Корана) на разные славянские языки в разные периоды их существования, поскольку общие «сюжеты» и описываемые сцены остаются в них без изменений.

Литература

Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Перформативы в грамматике и в словаре // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 199–218.

Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971.

Гловинская 1993 — М. Я. Гловинская. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов. // Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев (ред.). Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158–218.

Петрухина 2000 — Е. В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками). М.: МГУ, 2000.

Рябцева 1992 — Н. К. Рябцева. Ментальные перформативы в научном дискурсе // Вопросы языкознания 4, 1992. С. 12–28.

Храковский 1987 — В. С. Храковский. Кратность // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 124–152.

Шелякин 1980 — М. А. Шелякин. О спорных вопросах видо-временной системы современного русского глагола // Труды по русской и славянской филологии 33. Проблемы внутриструктурного и функционального описания языка. Тарту: ТГУ, 1980. С. 3–24.

Derganc 1996 — A. Derganc. Iaz ze zaglagolo Zlodeiu (K vprašanju glagolskega vida v performativnih izjavah v slovanskih jezikih) // J. Kos (ured.). Zbornik Brižinski spomeniki. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1996. S. 185–192.

Derganc 2003 — A. Derganc. Nekatere razlike v rabi dovršnega oz. nedovršnega vida v ruščini in slovenščini // Slavistična Revija 51, Posebna številka. Ljubljana, 2003. S. 67–79.

Dickey 2000 — St. M. Dickey. Parameters of Slavic Aspect (A Cognitive Approach). Stanford, CA: CSLI Publications, 2000.

Dickey 2003 — St. M. Dickey. Verbal aspect in Slovene // Sprachtypologie und Universalienforschung 56, 3, 2003. S. 182–207.

Herrity 2000 — P. Herrity. Slovene. A Comprehensive Grammar. London — New York: Routledge, 2000.

Kiparsky 1967 — V. Kiparsky. Russische historische Grammatik, Bd. II: Die Entwicklung des Formensystems. Heidelberg: Winter, 1967.

Koschmieder 1934 — E. Koschmieder. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie (Próba syntezy). Wilno: TPN, 1934.

Levinson 1983/2007 — St. S. Levinson. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983/2007.

Panzer 1963 — B. Panzer. Die Funktion des Verbalaspekts im Praesens historicum des Russischen. München: Otto Sagner, 1963.

Wiemer 2008 — B. Wiemer. Zur innerslavischen Variation bei der Aspektwahl und der Gewichtung ihrer Faktoren // S. Kempgen, K. Gutschmidt, U. Jekutsch, L. Udolph (Hrsg.). Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress, Ohrid, 2008. München: Otto Sagner, 2008. S. 383–409.

М. Д. Воейкова

ИЛИ РАН — СПбГУ, Санкт-Петербург

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ СВ / НСВ В РЕЧИ МАТЕРИ НА РАННИХ СТАДИЯХ УСВОЕНИЯ РЕБЕНКОМ ФОРМ ИМПЕРАТИВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ[1]

1. Введение

Противопоставление СВ/НСВ в современном русском языке в различных формах времени и наклонения относится к более широкой проблематике межкатегориального взаимодействия, предусматривающего иерархические отношения между грамматическими категориями. Согласно этой точке зрения, видовые контрасты, выраженные на лексическом уровне в противопоставлении глагольных лексем, по-разному проявляют себя на фоне различных модификаций времени и наклонения [Падучева 2010; Пупынин 1984, 1990, 1992, 1996а; Храковский 1990, 1996, 2012]. При этом вид характеризуется более высоким рангом по сравнению с формами времени и наклонения, так как выражается во всех глагольных формах, включая и нефинитные [Пупынин 1992: 222–226, 1996а: 46–48]. Несмотря на то, что употребление видовых форм в императиве является объектом постоянного внимания лингвистов в последние десятилетия [Храковский, Володин 1986; Зорихина-Нильссон 2012; Падучева 1996; Храковский 1990, 1996, 2012; Шатуновский 2009], тема далеко не исчерпана. В. С. Храковский допускает две возможности трактовки данного отношения: «Можно ли считать, учитывая, что в косвенных наклонениях время не представлено и вид непосредственно контактирует с наклонением, что в иерархии грамматических категорий по ранговой значимости наклонение все-таки следует за временем? Или, может

[1] Работа выполнена в рамках проекта корпусного описания русской грамматики «Русграм» (http://rusgram.ru), поддержанного РГНФ (14-04-00264, рук. Плунгян В. А. Семантико-синтаксический компонент интегрированного корпусного описания русской грамматики) и Программой фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика», 2012–2014, а также при финансовой поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-3135.2014.6 «Петербургская школа функциональной грамматики».

быть, следует считать, что в иерархии грамматических категорий следующим за видом по ранговой значимости является наклонение, а статус грамматической категории времени требует особой интерпретации» [Храковский 2012: 544]. В цитируемой работе обобщены имеющиеся данные по теории межкатегориального взаимодействия и определяет «ненулевую», или «реальную» его разновидность, для которой характерно взаимное влияние категорий, избирательность грамматических проявлений одной категории на фоне другой. Развивая идеи А. Айхенвальд и Р. Диксона, В. С. Храковский выделяет пять основных типов ненулевого взаимодействия, которые мы перечисляем ниже:

1) реализация определенной граммемы категории *x* исключает категорию *y*,

2) реализация определенной граммемы категории *x* исключает проявление одной из граммем категории *y*,

3) реализация определенной граммемы категории *x* приводит к формальному отсутствию различий между некоторыми граммемами категории *y*,

4) сочетание с определенной граммемой категории у приводит к изменению иерархии граммем категории *x*,

5) не все частные значения определенной граммемы категории *x* могут сочетаться с конкретными граммемами категории *y* [Храковский 2012: 541–542].

Можно сказать, что в этом перечне «сила взаимодействия» грамматических категорий убывает от первой разновидности к последней. Сравнительный анализ употребления видовых форм в императиве в различных языках показывает, что генетически и типологически родственные славянские языки существенно различаются именно по «силе взаимодействия» вида и наклонения. По данным Р. Бенаккио, в южнославянских языках (а также в новогреческом) употребление форм НСВ в императиве характеризуется высокой степенью агрессивности, что фактически исключает эти формы из нейтрального употребления ([Бенаккио 2004, 2010; Benacchio 2006], см. также [Backer 1965]).

Иными словами, взаимодействие вида и наклонения в этих языках относится к разновидности 2 указанной иерархии: реализация граммемы императива практически исключает употребление НСВ. В русском языке в императиве встречаются обе видовых

формы парных глаголов, однако, по наблюдениям В. С. Храковского, в повелительном и сослагательном наклонениях наблюдается деформация актуально-длительного значения НСВ, «от которого остается только его процессная составляющая» [Храковский 2012: 560]. Иными словами, для русского языка характерно взаимодействие вида и наклонения типа 5, при котором не все частные значения граммемы НСВ сочетаются с граммемой императива. Интересно проследить на материале детской речи, насколько рано наблюдается различие между СВ и НСВ в императиве в языке детей и особенно в речи их родителей. Речь, обращенная к ребенку, устроена таким образом, что в ней яснее, чем в диалогах между взрослыми, прослеживаются некоторые грамматические различия [Ringblom 2012: 208]. Современные исследования на материале лонгитюдных записей русских детей показывают, что количественное соотношение форм глаголов СВ и НСВ в детской речи соответствует аналогичной характеристике инпута [Гагарина 2008: 174–189].

Мы надеемся, что детальный анализ речи матери одного или нескольких детей (так называемый «case study») может пролить свет на некоторые проблемы описания грамматики языка взрослых. Актуальность такого подхода обоснована также и тем обстоятельством, что императивные высказывания в речи детей и их родителей отличаются повышенной частотностью. Это связано с неспособностью ребенка самостоятельно обслуживать себя и осуществлять самые простые действия, а также с его желанием постоянно испытывать границы родительского терпения и соответствующими запретами или пожеланиями взрослых. При этом количество прямых императивов зависит от того, какого стиля придерживается в общении взрослый участник коммуникации. Данные о том, какие группы родителей можно выделить на основе использования императивных высказываний, позволят обобщить отдельные случаи до статуса групповых особенностей. Целью таких исследований является достоверное описание того, как отдельные группы детей приходят к овладению языком. Анализируя употребление императивов в речи матери и маленького ребенка, мы постарались обозначить все прототипические случаи употребления видовых форм, которые мы будем в дальнейшем называть «императивными ситуациями» в соответствии с терминологией, принятой в теории функциональной грамматики А. В. Бондарко

(см., например, [Бондарко 1990]). Выбор этой теоретической модели объясняется тем, что она в наибольшей степени соответствует современным способам описания языка «с точки зрения употребления» и хорошо зарекомендовала себя именно в практике анализа видовых различий, которые не подчиняются общим правилам, но лучше всего могут быть обобщены в виде типовых контекстов.

2. Описание данных

По использованию императивов выделяют родителей, для которых характерен высокий уровень управления ребенком (high guidance), высокий уровень контроля (high control), а также высокий уровень негативного контроля (high negative control) [Crockenberg, Litman 1990]. Возможно, существуют родители и с низким уровнем контроля, однако они обычно принадлежат к маргинальным группировкам и не попадают в поле зрения исследователей, ориентирующихся на семьи со средним уровнем дохода. Различие между этими коммуникативными стилями состоит в том, что в первом случае мать пытается убедить ребенка в необходимости или желательности каких-либо действий, подвести его к принятию самостоятельного решения и хотя бы внешне оставляет ему некоторое право выбора. Во втором случае она руководит ребенком с помощью прямых запретов и приказаний, в третьей группе матери не только прямо высказывают свои пожелания, не допуская возражений, но и демонстрируют раздражение в случае неповиновения. Новейшие исследования показывают, что у родителей с высоким уровнем негативного контроля (последний тип) дети хуже овладевают языком по сравнению со сверстниками, родители которых отказываются от прямых немотивированных запретов [Taylor et al. 2009: 387–402].

Диада «мать-ребенок», которая является предметом нашего внимания, может быть отнесена ко второму типу (высокий уровень контроля). Хотя в таких случаях редко можно говорить о выраженном типе (так как живые люди могут демонстрировать различные коммуникативные стратегии), мать Филиппа С., речь которого регулярно записывалась с 1;4 до 2;8 лет, склонна к директивному поведению. Вместе с тем, она не обнаруживает заметных черт негативного контроля, ведет себя с ребенком терпеливо и доброжелательно. Напомним, что сама по себе выраженная контролирующая

стратегия еще не является залогом неуспешной коммуникации матери и ребенка. На русском материале об этом пишет, например, Г. Р. Доброва [2007: 186–194]. Итак, мы ожидаем от наших информантов, с одной стороны, высокой доли употребления императивных форм, а с другой стороны, хорошего уровня взаимопонимания, который необходим для успешного овладения родным языком.

Филипп С. — первый ребенок в семье родителей, которых можно было в те времена (начало 90-х гг.) отнести к среднему классу по уровню образования и роду занятий, но с низким уровнем дохода, что объяснялось особенностями того периода. Мы анализируем записи спонтанной речи, которые делались без перерыва с интервалом не более трех недель, а затем были записаны в соответствии с правилами системы обмена данными по детской речи CHILDES [MacWhinney 2000]. Всего за время наблюдения зафиксировано 2003 глагольных словоупотребления в речи ребенка и 5937 употреблений форм глагола в речи матери. Около четверти всех глагольных форм в речи ребенка на начальном этапе составляют императивы. Это объяснимо как прагматическими условиями (тем, что ребенок в полтора года не способен самостоятельно осуществлять многие действия), так и тем обстоятельством, что императивные формы в русском языке просты по строению. Они либо представляют собой основу настоящего времени (так называемую «закрытую» основу, оканчивающуюся на согласный), например, *читай*, *играй*, *целуй*, либо содержат дополнительный суффикс *-и*: *пиши*, *смотри*, *бери*. Наличие или отсутствие выраженного показателя у формы императива связано с акцентной парадигмой глагола: если ударение в парадигме падает на основу, то суффикс *-и* не добавляется. Сравнительная простота образования этих форм является одной из причин того, что они появляются в речи детей в числе первых глагольных форм и даже могут замещать финитные формы, выступая как формы-посредники [Пупынин 1996b, 1998]. Позже количество императивов в речи ребенка падает до 10% и ниже, что связано с развитием глагольной системы и усвоением других форм.

Для удобства анализа речевая продукция Филиппа была разделена на три группы: 1) от 1;5 до 1;9 2) от 1;10 до 2;3 и 3) от 2;4 до 2;8[2]. Выделение этих периодов соответствует трем основным

[2] В соответствии с условными обозначениями, принятыми в Международной системе обмена данными по детской речи (CHILDES)

этапам развития морфологических противопоставлений в его речи: на первом этапе (преморфологии) морфологические оппозиции отсутствуют, все слова употребляются в единственной, обычно базовой форме. В речи Филиппа функцию базовой формы, несомненно, играл императив *дай*, который в этой роли конкурировал с инфинитивом *дать*. На первом этапе форма *дай* составляет половину всех императивных форм в речи ребенка. На втором этапе (протоморфологии) появляются первые противопоставления морфологических форм имен и глаголов. Постепенно происходит специализация форм императива для передачи прескрипций. Третий этап (условно называемый иногда этапом модулярной морфологии, или морфологии, напоминающей взрослую (adult-like)[3]) характеризуется тем, что речь ребенка обнаруживает минипарадигмы имен и глаголов, причем для их построения используются как наиболее частотные, так и наиболее продуктивные модели [Гагарина 2008: 86–144; Bittner et al. 2003; Stephany, Voeikova 2009]. Если два первых этапа характеризуются тем, что речевая продукция ребенка в значительной степени отражает инпут (речь, которую он слышит на входе), то последний этап отличается большой самостоятельностью и креативностью [Цейтлин 2009]. Именно на этом этапе можно ожидать осознанного выбора форм, хотя бы в ограниченном числе контекстов. Ниже мы приводим подсчеты всех форм и формоупотреблений в речи ребенка и матери для того, чтобы оценить размер данных по периодам.

Существенно, что частотность различных глаголов в речи Филиппа разительно отличается. Есть некоторые «излюбленные» глагольные формы, количество которых существенно превышает среднее. К ним относится, в первую очередь, глагол *дать* в формах инфинитива и императива. Из 55 употреблений императивных

[MacWhinney 2000], которая использовалась для кодирования и анализа данных, возраст ребенка обозначается по схеме 1;2.3, причем первое число означает количество полных лет, после точки с запятой следует количество полных месяцев и дней.

[3] Для экономии места мы не затрагиваем здесь вопроса о модулярности морфологии и не обсуждаем, можно ли расценивать языковую систему ребенка сформированной к концу третьего года жизни. Это важный теоретический вопрос, не имеющий пока однозначного ответа в исследованиях по детской речи. См. об этом [Karmiloff-Smith 1992].

Таблица 1. Количество глагольных форм (types) и формоупотреблений (tokens) в речи Филиппа

	1;5–1;9	1;10–2;3	2;4–2;8
Формы глагола	117	359	485
Формы императива	19	45	43
% форм императива	16%	13%	9%
Количество употреблений глагола	471	681	970
Количество употреблений императива	55	90	105
% употреблений императива	12%	13%	11%

форм, которые встретились в речи Филиппа в начальном периоде, 23 составляет форма *дай*. Примеры других императивных форм на первом этапе — *брось*, *отдай*, *открой*, *пусти*, *иди*, *лети*, *кати*, *садись*, *одевайся*, *ложись*, *смотри*. При этом только форма *пусти* встретилась 8 раз, все остальные появляются в речи 1–2 раза.

Формы *пусти* и *дай* занимают особенное место в языковой системе ребенка: они наиболее важны прагматически: *пусти* употребляется в тех многочисленных случаях, когда мама ограничивает свободу ребенка, а *дай* не просто символизирует требование объекта, но может использоваться в более широком значении — как сигнал к изменению ситуации, ср. каузативную интерпретацию этой формы С. Н. Цейтлин и приводимый ею пример *дай темно* в значении ‘потуши свет’ [Цейтлин 2009: 230], см. также работу Е. В. Бровко о ситуации передачи объекта [Бровко 2007]. Иными словами, это прескрипции широкого профиля, пожелания изменить ситуацию с помощью взрослого. Как и другие формы в это время, они относятся к «замороженным», то есть воспроизводятся в готовом виде и не обязательно противопоставлены другим формам того же глагола. Можно заметить, что доля императивных форм падает с возрастом, что вполне понятно, если учесть, что в период протоморфологии и модулярной морфологии происходит стремительный рост глагольной парадигмы [Гагарина 2008: 121–135]. А вот процент формоупотреблений императива (tokens) неизменно превышает одну десятую всех глагольных форм, иными словами, каждый десятый глагол в речи ребенка содержит просьбу или требование.

В речи мамы распределение глагольных форм также неоднородно. В начальном периоде из 1075 форм императива 505 приходится на форму *скажи*. Это отчасти объясняется тем, что мама

Таблица 2. Количество глагольных форм (types) и формоупотреблений (tokens) в речи матери Филиппа

	1;5–1;9	1;10–2;3	2;4–2;8
Формы глагола	638	733	724
Формы императива	108	74	74
% форм императива	17%	10%	10%
Количество употреблений глагола	2351	2409	2222
Количество употреблений императива	1075	308	257
% употреблений императива	46%	13%	12%

не привыкла к ситуации записи и пытается воздействовать на ребенка, чтобы он говорил как можно больше. В этом кроется причина неестественно высокого процента употреблений императива в начальном периоде. Дополнительные инструкции позволили сгладить это несоответствие. Однако не все можно объяснить искусственной ситуацией: если записи происходят регулярно почти каждую неделю, как в данном случае, информанты поневоле постепенно забывают о магнитофоне и разговаривают между собой как обычно. Частотность этой формы (которую при анализе мы вынуждены исключить из общих подсчетов) объясняется директивной стратегией матери Филиппа и тем, что он успешно овладевает языком с помощью имитации ее речи. Количество прескрипций в речи матери стабильно превышает или равно 10%, то есть мать употребляет императивы еще чаще ребенка. Существенно, однако, что всякая имитация избирательна: исключительное положение императива *скажи* в речи мамы мало повлияло на речевую продукцию Филиппа — он сам не употребил форму *скажи* ни разу. Другие частотные императивные формы в речи матери Филиппа — *дай*, *давай*, *смотри*, *посмотри*, *подожди*. Существенно, что из пяти частотных глаголов четыре находятся в отношении видовой соотносительности: иными словами, ребенок с самого начала получает в инпуте образцы видовых контрастов. Частотные формы в речи взрослого также воспроизводятся в готовом виде и склонны к грамматикализации — так, форма *подожди* близка по функции к междометию, а форма *давай* в половине случаев является частицей, которая сопровождается другой глагольной формой, ср. контексты *давай поиграем*, *давай строить*. В этой функции ее даже нельзя считать глаголом, но ребенок этого не

знает и воспринимает это слово в инпуте наряду с императивами. Поэтому мы сочли необходимым учитывать грамматикализованные формы императива в инпуте как особую его функцию.

Выделенные три периода оказались удобным инструментом для сравнения наших данных с данными других языков. До сих пор они были сопоставлены только с греческими данными, в дальнейшем планируется более широкое сопоставление.

3. Сравнительный анализ употребления видов в императиве в речи, обращенной к русскому и греческому ребенку

Пилотное сопоставление с данными греческого ребенка позволяет констатировать, что различие в употреблении видовых форм в императиве проявляется с самого начала их употребления [Stephany, Voeikova, in print]. При общей высокой частотности императивов в греческих и русских данных (в речи греческой девочки Меири также наблюдается спад от 30% форм повелительного наклонения в начальном периоде до 10% к концу второго года жизни), в соотношении видовых форм отмечена существенная разница. Если в русских данных доли форм СВ и НСВ практически равны, то в речи греческой матери формы НСВ встречаются только спорадически, а в конце исследуемого периода исчезают совсем. «Невежливость», агрессивность форм НСВ, отмечаемая исследователями речи взрослых греков [Backer 1965], очевидно, заставляет родителей исключить эти формы из речи, обращенной к детям. Кроме того, в греческом языке для особенно вежливой просьбы употребляются формы зависимого наклонения, которые совсем не отмечены в русском языке [Seiler 1952: 48]. Иными словами, императивная парадигма дополняется еще одной формой, и выбор совершается между нейтральными формами СВ и подчеркнуто вежливыми формами зависимого наклонения. Эта дополнительная возможность фактически укрепляет запрет на использование невежливых форм НСВ.

Общие для обоих языков правила выбора видовых форм в императиве основаны на категориальном значении СВ и НСВ. Так, императив СВ употребляется, когда прескриптор заинтересован в результате действия, ср. *Открой дверь, пожалуйста.* Формы НСВ обозначают прескрипцию повторяющегося действия: *Пиши нам почаще!*

Однако если прескрипция касается не просто совершения действия (*откройте дверь*), но сопровождается рекомендациями того, как оно должно совершаться, то в этом последнем случае в русском языке предпочтительна форма НСВ, ср. (1а) и (1б).

(1а) *Откройте дверь, но открывайте медленно, а то она скрипит.*

(1б) *Anikste tin porta, sas parakalo, mono anikste tin siya, jati trizi.*

В греческом предложении (1б) и во второй части употребляется форма СВ *anikste* ‘откройте’ (здесь и далее примеры из данных У. Штефани). В русском языке нет запрета на употребление обстоятельств образа действия при императиве СВ, однако в таком контексте, когда прескриптор задает обстоятельства процесса протекания действия, в речи взрослых обычно встречается императив НСВ [Храковский 2012: 557]. Это связано с тем, что, по мнению автора, в императиве сохраняется внимание к процессно-длительной фазе действия, выраженного глаголами НСВ. Именно этот семантический элемент активизируется при обстоятельствах образа действия, что и лежит в основе различного выбора формы вида в императиве в русском и в греческом языках. Впрочем, это различие проявляется не у всех глаголов: непредельные глаголы длительного действия (типа *говорить*) и в греческих примерах принимают форму НСВ при качественных обстоятельствах, ср. (2):

(2) *Milate pjo siya, sas parakalo!*
‘говорите IPFV:IMP:2P тише, пожалуйста!’

Специфика русского языка проявляется только в группе предельных глаголов. Эти различия и приводят к тому, что русские дети получают на входе другое соотношение императивных форм по сравнению с греческими детьми. Более того, если в греческом инпуте доля императивов НСВ (в целом не превышающая 5% всех глагольных форм) со временем падает, то в речи русских родителей она даже может возрастать. Естественно, при этом возрастает и количество императивных форм, противопоставленных по виду в речи самого ребенка: в конце периода наблюдения (2 года 9 месяцев) они охватывают 4% всех глаголов, ср. (3):

(3а) Филипп: *Нет, построй домик.*
Мама: *Я домик строю вместе с тобой.*

(3б) Филипп: *Ты вот этот строй, а это мой домик.*

В примере (3) видовой контраст обусловлен различием между общей прескрипцией (3а) и призывом к немедленному осуществлению действия (3б) [Зализняк, Шмелев 2000]. Играет роль и то обстоятельство, что во втором случае исполнитель уже осведомлен о том, какое именно действие ему необходимо совершить.

Наличие прямого дополнения в русском языке, как известно, не обязательно свидетельствует о том, что действие представлено как предельное. Поэтому переходные глаголы подчиняются тем же законам выбора видовых форм, что и непереходные: решающую роль при этом играет не наличие предела, а интерпретация действия. Часто она подчеркивается выбором глагольной приставки, ср. примеры (4):

(4а) Мама: *ешь котлетку* (в ситуации, когда Филипп уже сидит за столом перед котлетой и не начинает ее есть (1;9)).

(4б) Мама: *на, доешь это* (протягивая ложку каши (1;8))

(4в) Мама: *поешь несколько ложечек, вкусный суп-то* (1;9)

В примере (4а) выбор формы НСВ обусловлен тем, что мама хочет инициировать начало действия, необходимость которого ясна и вытекает из общей ситуации. Этот оттенок значения НСВ в императиве упоминается во всех основных работах [Падучева 1996, 2010; Зализняк, Шмелев 2000; Храковский 2012]. Примеры (4б) и (4в) показывают, что приставочные глаголы ведут себя как отдельное наименование действия и составляют отдельную, новую прескрипцию, даже если основное действие уже известно. Во всех трех случаях мама хочет, чтобы ребенок начал есть, однако оформляет свое пожелание по-разному — в (4а) как само собой разумеющееся действие, а в примерах (4б) и (4в) как новую модификацию своего обычного требования. Ребенок, все три раза сидящий за столом в одинаковом положении, выступает как адресат различных прескрипций и привыкает к тому, что при этом встречаются то формы СВ, то формы НСВ.

Различие между данными русского и греческого ребенка оказалось настолько разительным, что вопрос о функциях форм СВ и особенно НСВ в ранней детской речи на материале русского языка потребовал самостоятельного исследования.

4. Функции видовых форм императива в речи взрослого участника коммуникации

Описание правил употребления видовых форм основано на семантическом анализе узуса, однако обычно не учитывает частотных характеристик, иными словами, лингвист пытается объяснить все случаи употребления форм независимо от того, насколько часто они встречаются. При этом в поле зрения попадают наиболее выпуклые, заметные случаи, которые в обычной речи иногда встречаются очень редко. Хорошим примером такого анализа является выделение наглядно-примерного значения СВ, которое после описания А. М. Пешковским попадает во все перечни частных видовых значений, несмотря на то, что не является приметой ежедневного общения. Для описания речи ребенка необходимо выделять только те ситуации, которые актуальны для практики общения с детьми. Можно предположить, что именно они и составляют тот скелет видовых противопоставлений, на котором крепится вся система.

4.1. Неспецифические контексты

При анализе речи матери обращает на себя внимание тот факт, что в значительном числе случаев, особенно при частотных глаголах, формы СВ и НСВ часто оказываются взаимозаменяемы. Это в полной мере относится к противопоставлению частотных глаголов *смотри-посмотри.* С самого первого периода они встречаются в одних и тех же ситуациях, ср. (5а–в) и (5б–г):

(5а) Мама: *Кто это? Вот здесь, смотри, кто это?*

(5б) Мама: *Кто это, папа? Посмотри!*

(5в) Мама: *На книге же видишь? Смотри, что белочки делают.*

(5г) Мама: *Скажи, а это куда друзья плывут?*
Филипп: *Куда?*
Мама: *Посмотри, на чем они плывут*.

Оба примера (5а–б) относятся к возрасту 1;5. Можно заметить, что замена формы СВ на НСВ и наоборот в обоих случаях допустима. Нельзя сказать, что при этом предложение не меняется; форма СВ сообщает прескрипции оттенок новизны, говоря *посмотри*, мама желает изменить ситуацию, привлечь внимание,

то есть интерпретирует действия ребенка как отсутствие внимания. Говоря же *смотри*, она отображает ситуацию так, как будто действие уже началось и требует продолжения или интенсификации (особенно при удвоении типа *смотри-смотри!*). В данном случае выбор формы определяется не правилом, а узусом; формы СВ и НСВ находятся в отношениях свободной дистрибуции, однако выбор одной из них привносит в высказывание оттенок интерпретации, «интерпретационный компонент», по выражению А. В. Бондарко [Бондарко 2011: 287–293]. Примеры (5в–г) относятся к более позднему возрасту 2;8. Их также характеризует взаимозаменяемость форм, причем можно заметить, что СВ связан с более детальным рассматриванием картинки; мама употребляет СВ, если хочет обратить внимание на конкретную часть картинки, в то время как НСВ как будто бы отражает призыв к рассмотрению ситуации в целом. Из-за того, что примеры такого противопоставления единичны, мы не можем сделать однозначного вывода о тех вре́менных функциях, которые видовые формы выполняют в коммуникации матери и ребенка. Можно только предположить, что создаются некоторые клише употребления форм, играющие роль вспомогательных механизмов для усвоения реальной картины.

Аналогичная картина выбора форм наблюдается и у глагола *считать*/*посчитать*/*сосчитать*[4]. В примерах (6а–г) представлены минидиалоги, в которых встречаются эти формы.

(6а) Филипп: *Это сколько цыплен?* (По-видимому, не хочет говорит *цыпленков*, т. к. чувствует ошибку, но не знает формы *цыплят* (2;2))
Мама: *Ну, считай.*

(6б) Мама: *Четыре воробьишки.*
Филипп: *А это сколько?* (о других птичках на картинке (2;2))
Мама: *Считай.*

[4] Мы здесь принимаем рабочее («нестрогое») определение видовой пары как пары глаголов, связанных регулярными отношениями видового противопоставления в каком-либо одном значении [Храковский 2012: 545–548]. Это определение соответствует практике употребления видовых форм в речевой деятельности [Русакова, Сай 2003], хотя и сильно расширяет состав видовых пар по сравнению с классическим пониманием [Бондарко 2011: 406–418].

(6в) Мама: *А сколько у него лапок? Сосчитай*
(Рассматривают жучка на картинке (2;4)

(6г) Мама: *А сколько у велосипеда колес? Посчитай* (2;5)

Приведенные примеры показывают следующую тенденцию: форма *считай* всегда может быть заменена на приставочную форму, однако при этом (так же, как и в случаях (5а–г)) наблюдается сдвиг значения: НСВ интерпретирует действие как естественное в данной ситуации и поэтому известное и призывает к его немедленному осуществлению, употребление приставочных форм (СВ) оформляет неожиданную для слушателя прескрипцию [Храковский 1988, 1996, 2012: 557]. Не случайно форма НСВ встречается оба раза в реактивной реплике матери в ответ на вопрос ребенка, а форма СВ продолжает вопрос самой матери. Иными словами, в (6а–б) создается модель поведения: «если хочешь узнать количество предметов, сосчитай их», а в примерах (6в–г) счет представлен как метод манипуляции с предметом или картинкой — их можно взять в руки и раскрашивать, можно посчитать, можно просто рассматривать. Употребление одной и той же формы в сходных контекстах не является правилом, однако может составить статистическую тенденцию, которая и облегчает полексемное (item-based) усвоение грамматических форм.

Особенно часто в «неспецифических» контекстах встречаются формы НСВ. В наших данных 37% употреблений всех форм императивов НСВ могут быть свободно заменены на соответствующие пары СВ. Скорее всего это связано с тем, что СВ является немаркированной, менее настойчивой и более вежливой формой императива, употребление же НСВ требует специальных условий [Падучева 1996].

4.2. Формы императива СВ

Наиболее распространенным контекстом употребления СВ в наших данных является просьба или требование, высказанные впервые, ср. диалог (7):

(7) Филипп: *Упала киса. Давай у ней тоже кроватку построим.*
Мама: ***Спой** ей колыбельную песенку.*
Филипп: *Баю-бай!*

Первичные просьбы, предложения и пожелания часто встречаются во время совместных игр, так как участники развивают

игровую ситуацию, причем это развитие оказывается обычно неожиданным для собеседника. Довольно частотным контекстом СВ оказывается также вторичная, настойчивая просьба, ср. (8):

(8) Мама: *Посмотри, это кто спит?*
Филипп: *Кто это спит?*
Мама: *Да, это кто спит?*
Филипп: *Вот этот?*
Мама: *Да, с копытцами козлик, с бородой.* ***Ну, посмотри,*** *где у него борода.*

В некоторых случаях оказывается существенным, как именно должно быть совершено действие, ср. распространенное в такой ситуации требование *сделай сам*, ср. также развернутую прескрипцию в примере (9):

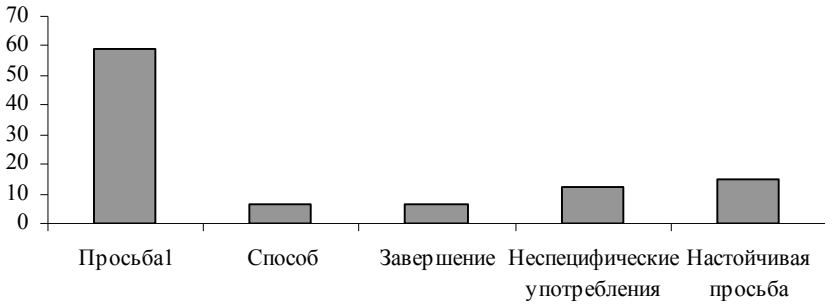
(9) Мама: *А ты* ***сделай*** *так, чтобы места зверюшкам хватило.*
(Филипп строит домик из конструктора (2;2)).

В этом случае обычно подчеркивается имплицитная завершенность предполагаемого действия, то, что оно должно от начала до самого конца отвечать тем условиям, которые формулирует говорящий. Наконец, в некоторых случаях основанием для употребления СВ может быть акцент на завершенности действия, призыв к осуществлению его конечной фазы, ср. (10):

(10) Мама: *Доешь котлетку и сразу гулять пойдем.*

Распределение указанных контекстов в речи матери показано на диаграмме 1:

Диаграмма 1. Соотношение ситуаций употребления императива СВ



Как видно из приведенной диаграммы 1, подавляющее большинство контекстов употребления императива СВ приходится на ситуации первой просьбы («сделай нечто неожиданное») и настоятельной просьбы («ну сделай, как я просила»). Заметная доля употреблений встречается в неспецифических контекстах, т. е. в тех случаях, когда допустима свободная мена видовых форм. Необходимо заметить, что общее количество императивов в речи матери Филиппа не так уж велико. В Таблице 3 приведено абсолютное число употреблений для каждой разновидности императивных ситуаций (совокупное количество употреблений по всем трем периодам).

Таблица 3. Количество употреблений
для каждой императивной ситуации с СВ

Первичная просьба	Повторная, настойчивая просьба	Неспецифические употребления	Призыв к завершению действия	Указание на способ осуществления
601	153	122	67	66

Оставшиеся два сегмента показывают долю требований исполнить действие до конца («доделай»), завершить его, а также те просьбы, в которых упоминается способ или цель совершения действия («сделай так, чтобы»). Последняя ситуация показывает, что в детской и детоцентрической речи нет предпочтения НСВ в высказываниях с обстоятельствами образа действия, характерного для речи взрослых[5].

4.3. Формы императива НСВ

Непрототипический императив НСВ рассматривается исследователями как семантически маркированный, «отягощенный» дополнительными функциями, из которых наиболее важными мы считаем вслед за Е. В. Падучевой 1) акцент на начальной фазе действия, 2) акцент на безотлагательном исполнении действия, 3) акцент на том, что действие вытекает из ситуации или необходимость его исполнения уже обсуждалась [Шмелев 1959; Падучева 1996, 2010; Шатуновский 2004]. В. С. Храковский выделяет следующие условия употребления императива НСВ:

[5] Об этом же пишет Р. Бенаккио в отношении как славянских языков, так и новогреческого [Бенаккио 2010: 165].

1) если осуществление действия должно было начаться еще до произнесения прескрипции;

2) если осуществление действия должно было начаться «непосредственно после произнесения прескрипции»;

3) если ситуация уже известна агенсу-исполнителю. При этом «прескрипция требует, чтобы ситуация выполнялась определенным образом, т. е. с конкретным качественным параметром, обозначаемым соответствующим сирконстантом: *Возле одной двери Чикин остановился и, обернувшись, сказал: — Сейчас посмотришь в глазок. Только смотри внимательно. И кого узнаешь, скажешь. — Он бесшумно сдвинул круглую заслоночку на форточке и кивнул Гурину. — Давай, смотри* (М. Колосов)» [Храковский 2012: 557]. Можно сказать, что пункты 2 и 3 указанных списков перекликаются: безотлагательность действия всегда обозначается НСВ, осведомленность исполнителя о необходимости совершения действия (проистекающая из контекста или из ситуации) также отмечается у обоих авторов. Некоторые разночтения касаются пункта 1: если речь идет о начальной фазе действия, которое уже совершается, то НСВ может означать призыв к его продолжению, ср. отмеченную В. С. Храковским и Ю. Д. Апресяном тенденцию к редупликации форм в подобных случаях *сидите-сидите*, *плачь-плачь* [Апресян 2012; Храковский 2012: 556]. Императив в таком случае может иметь пермиссивный оттенок [Зорихина-Нильссон 2012: 203], особенно если он образован от глаголов неконтролируемого действия. В других случаях редупликация придает требованию оттенок особенной интенсивности, ср. пример Ю. Д. Апресяна: *Гордись, гордись своей проклятой славой* (=можешь гордиться) vs. *Стыдись! Стыдись!* (= должен очень стыдиться) [Апресян 2012: 20]. Итак, пункт 1 может быть сформулирован как призыв к немедленному началу действия, если оно еще не начато и призыв к его продолжению, если оно уже началось.

Все эти контексты (кроме редупликации) встречаются в условиях общения матери и ребенка. При этом каждое из условий, обозначенных в третьем пункте, само по себе может быть достаточно для выбора формы НСВ: наличие качественного параметра выполнения действия и то обстоятельство, что адресат прескрипции знаком с положением дел и знает сам, как поступить в этом случае, не обязательно должны быть связаны между собой. Так,

адресованные детям сентенции типа *сиди прямо*, *читай внимательно*, *пиши аккуратно*, *учись хорошо* всегда оформляются с помощью НСВ, однако ребенок не всегда может знать, какое именно предписание будет высказано в данный момент, и в этом смысле не обладает достаточным знанием ситуации. С другой стороны, естественно, что знакомство с ситуацией не обязательно предполагает наличие качественного параметра в прескрипции, ср. инструкции егеря во время охоты: *Стой! Стреляй! Теперь убегай!* Речь идет не о способе или образе совершения действия, а о его своевременности или очередности; сами же действия выводятся из фоновых знаний — даже начинающий охотник может предположить, что ему придется остановиться, выстрелить, а в случае опасности скрыться.

Для наших данных оказалось целесообразно выделить следующие разновидности употреблений: 1) повторная просьба, 2) неспецифическое употребление, 3) призыв начать действие, обычно имплицирующий и призыв к безотлагательному совершению действия, 4) настойчивая просьба, 5) императив при отрицании.

Ситуация повторной просьбы отмечалась нами специально в том случае, если условная видовая пара встречается в пределах одного и того микродиалога, ср. (11а–б)

(11а) Мама: *А спой папе песенку. Спой песенку: ба-ай! Не хочешь папе песенку спеть, чтоб он спал хорошо. Ну давай пой: ба-ай!*

(11б) Мама: *Отпусти. Пусти! Пусти, куда ты?* (Мама пытается отобрать у Филиппа провод от магнитофона (1;6)

Как видно, в этом случае ситуация пересекается с призывом начать действие, а также с призывом совершить его безотлагательно. Критерием выделения повторной просьбы был повтор глагольной лексемы, как в примерах (11а–б). Акцент на начале действия иногда совпадает с формой пермиссива, ср. (12):

(12) Мама: *Залезть хочешь? Залезай!* (1;6)

В этом случае речь идет о ситуации, уже знакомой говорящему. По действиям Филиппа мама понимает его намерения и подбадривает его. Противоположный случай встречается при запретах, которые всегда выражаются формами НСВ: *не ругайся*, *не трогай*, *не пищи*, *не ломай*, *не бросай* и т. д. Превентивы, выраженные формами СВ, встречаются в единичных случаях, ср.: *смотри не упади!* (1;9).

Довольно трудно разграничить те случаи, в которых содержится призыв начать действие, от призывов совершить его безотлагательно, ср. (12) и (13):

(13) Мама: *Не хочешь больше конфетку? Вытаскивай, положи сюда!*
(Филипп закашлялся, мама беспокоится, что он может подавиться конфетой (1;11))

В примере (13) речь идет не столько о начале, сколько о скором завершении действия, о незамедлительном приступе к нему [Падучева 2010], однако ясно, что четкой границы между этими типами значений в наших данных нет.

Повтор императивной формы НСВ может означать призыв к интенсификации действия, ср. трактовку приведенного выше примера Ю. Д, Апресяна, который мы рассматривали как настойчивую просьбу, ср. (14):

(14) Мама: *Держи их, держи зверюшек, а то они убегут! Вот так делай!* (1;7)

В наших данных редупликация императива встречается только в этом значении, хотя можно допустить, что ситуация магнитофонной записи, во время которой мама и ребенок поневоле тесно взаимодействуют, препятствует реализации пермиссивной и «подбадривающей» функций редуплицированного императива, отмеченных в исследованиях речи взрослых. Прагматическим условием для этих употреблений является осознание говорящим того, в процессе какого действия находится адресат его речи, ср. пример (15) из Национального Корпуса русского языка[6]:

(15) — *Не слыша ответа, она вздохнула: — Ну молчи, молчи…*
[Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]

Пример (15) показывает, что в редуплицированный императив с пермиссивным оттенком в обычном случае следует за

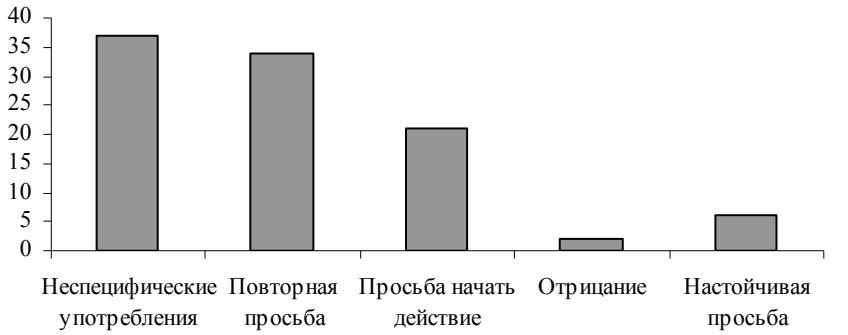
[6] Поиск в основном подкорпусе НКРЯ дает 11 567 вхождений редуплицированных императивов в разных функциях. Такая частотность требует особого внимания, но в рамках данной работы мы не рассматриваем эти случаи подробно.

актом восприятия: говорящий видит или слышит, что делает адресат и выражает согласие с тем, чтобы уже начатое действие продолжалось. Отсутствие таких примеров в наших данных, вероятно, имеет прагматические причины.

Функции императивов НСВ разнородны и плохо различимы: фактически повторная просьба в данном случае всегда имплицирует также и просьбу о начале действия. Различие между этими функциями и той, которая здесь названа «настойчивой просьбой», состоит в том, что в последнем случае речь идет о серединной фазе действия, которое говорящий просит не прекращать (а часто и усилить), ср. пример (14). Это значение часто выражается редупликацией формы *иди-иди*, *убирай-убирай!*, которая здесь имеет не пермиссивный (*плачь-плачь*), а усилительный оттенок. Это естественное соотношение для детской речи и речи, обращенной к ребенку, поскольку редупликация иконически передает семантику усиления.

Количественное соотношение указанных случаев представлено в Диаграмме 2.

Диаграмма 2. Соотношение ситуаций употребления императива НСВ



Сравнивая диаграммы 1 и 2, можно заметить, что формы императива СВ отличаются большей функциональной однородностью по сравнению с формами НСВ: первичная «неожиданная» просьба составляет более половины всех употреблений повелительного наклонения СВ, в то время как у форм НСВ нет выраженной лидирующей функции. При этом примерно в трети случаев употребления НСВ их можно без ущерба для смысла

заменить на СВ. В Таблице 4 ниже приводится количество употреблений (tokens) для императивных ситуаций НСВ.

Таблица 4. Количество употреблений для каждой императивной ситуации с НСВ

Неспецифическое употребление	Повторная просьба	Просьба начать действие	Настойчивая просьба	Отрицание
229	211	130	37	13

Основным специфическим значением императивов НСВ можно считать просьбу начать действие, которая отмечается в четверти случаев их употребления. Вторая «специализация» НСВ в повелительном наклонении связана с выражением отрицания. Однако отрицательные императивы (запреты) в наших данных встречаются нечасто, что можно объяснить директивной (но не негативно-директивной) стратегией матери и тем, что она знает о том, что речь записывается, и, возможно, воздерживается от большого количества запретов.

5. Заключение

Речь одного взрослого, адресованная одному ребенку, конечно, является недостаточным материалом для сколько-нибудь надежных выводов. Однако в результате ее анализа можно наметить вопросы и сформулировать гипотезы для будущих исследований на более достоверном материале. Анализ речи матери показывает, что дети, говорящие по-русски, с самого начала слышат образцы императивных высказываний с глаголами разных видов. Это является отличительной чертой общения с ребенком на русском языке — данные других языков (в нашем случае — новогреческого) обнаруживают явное предпочтение форм СВ. Употребление НСВ в русской речи, обращенной к ребенку, не имеет оттенка грубости или особенной настойчивости: настойчивая просьба может выражаться глаголами обоих видов, ср. *возьми-возьми куклу*, *держи-держи его!* При этом, как неоднократно отмечалось в литературе [Храковский 1988, 2012], глагол СВ манифестирует, что действие еще не началось, а глаголы НСВ употребляются тогда, когда действие уже идет и необходимо не

прерывать его. Возможно, частотные формы НСВ свидетельствуют о неформальном характере общения между матерью и ребенком.

Число неспецифических употреблений особенно значительно в контекстах НСВ (около трети всех случаев). Что заставляет маму в этих условиях предпочесть форму НСВ? Отчасти это можно объяснит за счет наиболее частотных глаголов, которые влияют на статистику, отчасти это может быть признаком той особой языковой ситуации, которая наблюдается при общении близких людей, манифестантом «своего мира», противопоставленного миру других людей. Специфическим значением форм НСВ является призыв к немедленному началу действия.

Можно заметить также и то, что в речи матери нашли отражение не все императивные ситуации, которые характерны для общения взрослых между собой. Так, высказывания с редуплицированными императивами имеют не пермиссивный, а усилительный оттенок, качественные распространители при глаголе оказались характерны не для форм НСВ, как в речи взрослых, а наоборот — для форм СВ (*сделай* сам, *сложи хорошо* и т. д.). Эти особенности приводят к тому, что в речи матери создается упрощенная модель соотношения видовых форм в императиве с меньшим числом функций и с большей закрепленностью отдельных функций за формами. Появившись на более позднем этапе языкового развития ребенка высказывания с качественными распространителями при императивах НСВ, затем становятся все более частотными и сопровождают человека всю его жизнь. Образцы таких высказываний «Живите долго и счастливо!», «Работайте много и плодотворно, но не больше, чем хочется!», «Будьте здоровы и благополучны!» мы хотели бы адресовать дорогому Бенефицианту данного издания В. С. Храковскому с самыми теплыми чувствами.

Литература

Апресян 2012 — Ю. Д. Апресян. Грамматические категории глагола в активном словаре // М. Д. Воейкова (ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 15–31.

Бенаккио 2004 — Р. Бенаккио. Глагольный вид в императиве в южнославянских языках // Ю. Д. Апресян (ред.). Сокровенные смыслы.

Слово. Текст. Культура. Сборник в честь Н. Д. Арутюновой, М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 267–275.

Бенаккио 2010 — Р. Бенаккио. Вид и категория вежлиости в славянском императиве. Сравнительный анализ. Slawistische Beiträge 472. München-Berlin: Verlag Otto Sagner, 2010.

Бондарко 1990 — А. В. Бондарко. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 80–90.

Бондарко 2011 — А. В. Бондарко. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011.

Бровко 2007 — Е. В. Бровко. Высказывания с семантикой передачи материального объекта на ранних этапах детской речи // С. Н. Цейтлин (ред.). Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 220–243.

Гагарина 2008 — Н. В. Гагарина. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008.

Доброва 2007 — Г. Р. Доброва. Освоение детьми функционально-семантического поля персональности // С. Н. Цейтлин (ред.). Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 181–200.

Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.

Зорихина-Нильссон 2012 — Н. В. Зорихина-Нильссон. Интенциональность грамматического значения видовых форм глагола в императиве: теория речевых актов и вежливость // М. Д. Воейкова (ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 190–207.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантика и прагматика несовершенного вида императива // Е. В. Падучева. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 66–83.

Падучева 2010 — Е. В. Падучева. Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя // Известия РАН. Серия литературы и языка 69, 3, 2010. С. 16–20.

Пупынин 1984 — Ю. А. Пупынин. Взаимосвязи категорий вида и залога в русском языке при функционировании форм несовершенного вида в пассивных конструкциях // А. В. Бондарко (ред.). Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л.: Наука, 1984. С. 175–188.

Пупынин 1990 — Ю. А. Пупынин. Функциональные аспекты грамматики русского языка. Взаимосвязи грамматических категорий. Учебное пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1990.

Пупынин 1992 — Ю. А. Пупынин. Системные связи грамматических категорий глагольного предиката в современном русском языке. Дисс. … докт. филол. наук. СПб., 1992.

Пупынин 1996a — Ю. А. Пупынин. Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических связях // А. В. Бондарко (ред.). Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Д. Буланин, 1996. С. 43–61.

Пупынин 1996b — Ю. А. Пупынин. Усвоение системы русских глагольных форм ребенком // Вопросы языкознания 3, 1996. С. 84–94.

Пупынин 1998 — Ю. А. Пупынин. Элементы видо-временной системы в детской речи // Вопросы языкознания 2, 1998. С. 102–117.

Русакова, Сай 2003 — М. В. Русакова, С. С. Сай. Видовая пара русского глагола в индивидуальном лексиконе и речевой деятельности // Н. В. Богданова, Б. И. Осипов (ред.). Грамматическая и лексическая семантика. Памяти Л. Л. Буланина. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 116–128.

Храковский 1988 — В. С. Храковский. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // Russian Linguistics 12, 3, 1988. P. 269–292.

Храковский 1990 — В. С. Храковский. Взаимодействие грамматических категорий глагола. Опыт анализа // Вопросы языкознания 5, 1990. С. 18–36.

Храковский 1996 — В. С. Храковский. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // А. В. Бондарко (ред.). Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Д. Буланин, 1996. С. 22–42.

Храковский 2012 — В. С. Храковский. Взаимодействие грамматических категорий: вид, время, наклонение // М. Д. Воейкова (ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 539–561.

Храковский, Володин 1986 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986.

Цейтлин 2009 — С. Н. Цейтлин. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.

Шатуновский 2004 — И. Б. Шатуновский. Императив и вид // М. Ю. Черткова (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 4. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 253–280.

Шатуновский 2009 — И. Б. Шатуновский. Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009.

Шмелев 1959 — Д. Н. Шмелев. О значении вида в повелительном наклонении // Русский язык в школе 20, 4, 1959. С. 13–17.

Bakker 1965 — W. F. Bakker. The aspect of the imperative in Modern Greek // Neophilologus 49, 2–3, 1965. P. 89–103, 203–210.

Benacchio 2006 — R. Benacchio. Ancora su aspetto verbale e cortesia linguistica nell'imperativo slavo: un parallelo col greco // C. De Lotto, A. Mingati (a cura di), Nei territori della slavistica: Percorsi e intersezioni. Padova: Unipress, 2006. P. 19–41.

Bittner et al. 2003 — D. Bittner, W. U. Dressler, M. Kilani-Schoch. (eds.). Development of Verb Inflection in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective. SOLA 21. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2003.

Crockenberg 1990 — S. B. Crockenberg, C. Litman. Autonomy as competence in 2-year-olds: Maternal correlates of child defiance, compliance, and self-assertion // Developmental Psychology 26, 1990. P. 961–971.

Karmiloff-Smith 1992 — A. Karmiloff-Smith. Beyond Modularity: A Developmental Perspective on Cognitive Science. Cambridge, MA: MIT Press, 1992.

MacWhinney 2000 — B. MacWhinney. The CHILDES Project. Tools for Analyzing Talk. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Publishers, 2000.

Ringblom 2012 — N. Ringblom. The Acquisition of Russian in a Language Contact Situation: A Case Study of a Bilingual Child in Sweden [Acta universitatis stockholmiensis: Stockholm Slavic Studies 42]. Stockholm: Stockholm University, 2012.

Seiler 1952 — H. Seiler. L'aspect et le temps dans le verbe néo-grec. Paris: Les belles lettres, 1952.

Stephany, Voeikova 2009 — U. Stephany, M. D. Voeikova. Introduction // U. Stephany, M. D. Voeikova (eds.). Development of Nominal Inflection in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective. SOLA 30, Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 15–48.

Stephany, Voeikova 2012 — U. Stephany, M. D. Voeikova. Requests, a fundamental communicative motive: their meanings and forms in early Greek and Russian child language // F. Rainer et al. (eds.). Abstracts of the 15th International Morphology Meeting, Vienna University of Economics and Business, February 9–12, 2012, Vienna. Ansterdam: John Benjamins, 2012. P. 110.

Taylor et al. 2009 — N. Taylor, W. Donovan, S. Miles, L. Leavitt. Maternal control strategies, maternal language usage and children's language usage at two years // Journal of Child Language 36, 2. 2009. P. 381–404.

А. П. Выдрин

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ПОЛИСЕМИЯ МОДАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ И КОНТЕКСТЫ ИХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОДНОЗНАЧНОСТИ[1]

1. Введение

Модальность в настоящей статье понимается как обширная семантическая зона, группирующаяся вокруг концептов возможности, необходимости и желания и имеющая два центральных типа значений: 1) оценка говорящим степени вероятности осуществления ситуации (например, *Возможно, Савва не придет к нам на праздник сегодня*) и 2) статус ситуации по отношению к реальному миру, то есть является ли ситуация в реальности возможной или невозможной, необходимой или не-необходимой и т. д. (например, *Он такой сильный, что может поднять 100 килограммов*; *Филиппу нужно спать не меньше 8 часов, иначе он становится раздражительным*). Значения первого типа в литературе обычно описываются как эпистемическая или субъективная модальность; значения второго типа — как объективная (другие термины — ирреальная, агентивная или динамическая)[2] модальность; (более

[1] Исследование проведено при поддержке грантов РГНФ № 11-04-00179а, РГНФ № 13-04-00342, РФФИ № 11-06-00512, а также Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» и гранта Института перспективных гуманитарных исследований и технологий МГГУ им. М. А. Шолохова (2013). Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (МК-1920.2014.6). Я благодарен В. А. Плунгяну, А. К. Оглоблину и П. М. Аркадьеву, прочитавшим предварительные версии статьи, за ценные замечания, дополнения и критику.

[2] Далее в статье для обозначения этого значения будет использоваться нейтральный термин «неэпистемическая модальность»; выражением «основные модальные значения» будет обозначаться совокупность значений эпистемической и неэпистемической модальности.

подробно см., прежде всего, следующие работы: [Bybee et al. 1994; van der Auwera, Plungian 1998; Palmer 2001; Nuyts 2005, 2006; Плунгян 2011]). В зону модальности часто включается также желание, однако обсуждение этого вопроса выходит далеко за рамки настоящей статьи. В статье основное внимание будет уделено первым двум модальным значениям.

Как было установлено ранее в типологических работах, показатели эпистемической модальности не только нередко развиваются из показателей неэпистемической модальности [Bybee et al. 1994; van der Auwera, Plungian 1998], но и довольно часто вместе с эпистемическим значением сохраняют значение неэпистемической модальности. См., например, статью [van der Auwera et al. 2005], где рассматривается полисемичность модальных глаголов на примере языков «европейского стандарта». Ср. также русский глагол *мочь*, который может передавать как неэпистемическое, так и эпистемическое значения. Например, *Позвони мне в 8, я могу не услышать будильника и проспать* (‘возможно, я не услышу будильник’); *Я могу проплыть 50 метров баттерфляем за 31 секунду* (‘я в состоянии проплыть; я проплыву, если захочу’).

В статье ставится задача на примере полисемичных модальных единиц определить те языковые контексты, в которых возможно выражение только эпистемической или только неэпистемической модальности. Под модальными единицами подразумеваются лексические средства (модальные глаголы, модальные слова, частицы и выражения[3]) и грамматические единицы (например, морфологические показатели, наклонения, конструкции).

2. Факторы, влияющие на интерпретацию модального предложения

Попытки установить языковые факторы, влияющие на выбор между двумя основными модальными значениями, не раз предпринимались ранее на материале отдельных языков [Kiefer 1981;

[3] Модальные частицы, слова (*возможно*) и выражения (*должно быть*) также могут быть полисемичны. Например, в осетинском языке (восточноиранский) частица *хъуамæ* ‘нужно’, ‘должно быть’ выражает как эпистемическую, так и неэпистемическую необходимость; а модальное выражение *бон уæвын* (букв. «сила быть») ‘мочь’ передает оба основных модальных значения [Выдрин 2011].

Heine 1995; Coats 1995; Шатуновский 1996]. В частности, в предыдущих работах выделялись следующие факторы: вопросительность, отрицательная полярность, лицо субъекта, контролируемость ситуации субъектом, одушевленность субъекта, фокус, косвенное наклонение, акциональная и аспектуальная характеристика предложения, употребление модального показателя в протасисе условных предложений, а также экстралингвистические факторы (или «контекстуальная рамка»). В монографии П. Пьетрандреа [Pietrandrea 2005] утверждается типологическая универсальность некоторых из перечисленных факторов. Однако, как будет показано ниже, подавляющее большинство перечисленных факторов или применимо только к отдельным языкам, или не носит универсальный характер и свидетельствует лишь о частотности появления эпистемического или неэпистемического прочтения.

Рассмотрим подробно каждый из названных выше факторов.

2.1. Вопросительность

В немецком языке модальные глаголы, способные выражать оба основных модальных значения, в вопросительных предложениях передают только эпистемическую модальность [Heine 1995]. П. Пьетрандреа [Pietrandrea 2005: 49–50] считает невозможность выражения эпистемического значения в вопросительных предложениях типологической универсалией.

Представляется, что в частных вопросах, действительно возможно выражение только неэпистемической модальности (ср. рус. *Кто мог украсть мою куртку* ‘Кто был в состоянии украсть мою куртку?’, ‘Кому обстоятельства позволили украсть мою куртку?’, ‘Кто осмелился украсть мою куртку’, *‘Возможно, мою куртку украли, кто это сделал?’). Невозможность появления эпистемического значения в частных вопросах может быть объяснена строгим тема-рематическим разделением составляющих у этого типа вопросов, где ремой является только вопросительное слово, все остальное является темой (*Кто*$_{\text{РЕМА}}$ [*украл мою куртку*]$_{\text{ТЕМА}}$?). Говорящий не может испытывать сомнения и, тем самым, предлагать эпистемическую оценку тематической части предложения, т. е. той информации, которая и так является для него известной.

Однако в общих вопросах возможно выражение обоих модальных значений. Ср. рус. *Мог ли Дима прийти на собрание?* с возможными интерпретациями: ‘Дима был в состоянии прийти на

собрание?', 'Позволяли ли внешние обстоятельства прийти Диме на собрание?', '{Мы не знаем, пришел ли Дима на собрание или нет.} Вероятен ли факт того, что Дима пришел на собрание?'.

2.2. Отрицание

В отдельных языках, в частности, в немецком, эпистемическое значение обычно не выражается в отрицательных контекстах [Heine 1995]. Тем не менее, в ряде других языков наличие отрицания при зависимом предикате не влияет на способность модальных показателей выражать эпистемическую модальность. Ср., например, рус. *Он может не прийти* 'Возможно, он не придет' (эпистемическая модальность), 'Если он захочет, то не придет' (неэпистемическая модальность) или *Должно быть, он* (*не*) *придет*, где эпистемическое *должно быть* может употребляться в предложении с отрицанием.

Можно было бы предположить, что на возможность выражения эпистемического значения влияет широкая сфера действия отрицания[4]. В некоторых языках, например, в русском, при широкой сфере действия отрицания модальные глаголы, обладающие обоими основными модальными значениями, в большинстве контекстов действительно не могут выражать эпистемическую модальность. Например, *Он может прийти* 'Он в состоянии прийти', 'Обстоятельства позволяют ему прийти', 'Возможно, он придет'; но *Он не может прийти* 'Он не в состоянии', 'Обстоятельства не позволяют ему прийти', *'Возможно, он не придет', *'Маловероятно, что он придет'. Венгерский модальный показатель *-hat*/*-het* [Kiefer 1981], который, присоединяясь к предикату, передает или эпистемическую, или неэпистемическую возможность, также

[4] Под широкой сферой действия отрицания имеются в виду случаи, когда отрицание действует на всю пропозицию (например, *Денис больше не в состоянии просыпаться каждое утро в 5 часов и смотреть на рассвет*); схематично широкую сферу действия отрицания можно изобразить следующим образом (NEG(MOD(p))). При узкой сфере действия отрицание относится только к смысловому глаголу (например, *Ты можешь не доедать кашу, если не хочешь*); схематически узкую сферу действия отрицания можно изобразить следующим образом (MOD(NEG(p))). Более подробно о различных стратегиях выражения узкой и широкой сферы действия отрицания см. работы [Palmer 1995; de Haan 1997].

не может выражать эпистемическое значение при широкой сфере действия отрицания.

Тем не менее, в английском языке мы наблюдаем другую ситуацию. Некоторые английские модальные глаголы, способные выражать оба основных модальных значения, могут употребляться в эпистемическом значении в предложении с отрицанием, имеющим широкую сферу действия [de Haan 1997: 64–68]:

(1) Weak epistemic (*can't*)
He can't be there (NEG (MOD (p))) 'Вряд ли он там'. (букв. 'Он не может быть там'.)

(2) Strong epistemic (*may not*)
He may not be there (NEG (MOD (p))) 'Невозможно то, что он там'.

Таким образом, наличие отрицания (как с широкой, так и с узкой сферой действия) не является универсальным фактором, однозначно определяющим модальность предложения с полисемичной модальной языковой единицей.

2.3. Лицо субъекта

2.3.1. Субъект в первом, втором или третьем лице. Выражение эпистемической модальности обычно затруднено или совсем невозможно при субъекте в первом или втором лице [Pietrandrea 2005: 50].

Невозможность появления эпистемического значения при субъекте в первом лице объясняется «онтологическими причинами» [Шатуновский 1996: 209]. Как замечает И. Б. Шатуновский, человек обычно знает, что с ним происходило, поэтому эпистемическое прочтение возможно только, например, при потере памяти или способности ориентироваться в пространстве (*??Я, возможно, в университете*). Выражение эпистемического значения при субъекте в первом лице возможно также с предикатами, означающими состояния, наступление которых не подвластно контролю субъекта (*Я, возможно / должно быть, болен / устал*) [Kiefer 1981: 177] (о контроле см. раздел 2.5 ниже).

Невозможность выражения эпистемического значения при субъекте во втором лице объясняется прагматическими причинами. Если говорящий «не уверен в каких-то Р с участием адресата, то

просто спросит его об этом» [Шатуновский 1996: 209]. Эпистемическое прочтение может возникнуть только в специальных контекстах, например, на допросе у следователя (*Но вы могли зайти домой* 1. ‘имели возможность’, 2. ‘может быть, вы зашли домой’), или в том случае, если при коммуникации говорящий не видит адресата (*Ты, должно быть, пишешь письмо?*), а также в предложениях с ментальными предикатами (говорящий не может знать то, о чем, например, думает его собеседник, например, *Ты, наверное, думаешь о своей Марине*) [Kiefer 1981: 178].

При субъекте в третьем лице возможно выражение как эпистемического, так и неэпистемического значения. Ср. рус. *Он может прийти* ‘Он в состоянии прийти’, ‘Обстоятельства позволяют ему прийти’, ‘Возможно, он придет’.

2.3.2. Безличные предложения и предложения с нулевым субъектом. Предложения с нулевым субъектом в определенных контекстах могут выражать как неэпистемическую (*It can be raining for two weeks and when that sun comes out you just see a change in people’s attitudes* (http://www.defense.gov/News/NewsArticle.aspx?ID=47243) ‘{Там такой климат, что} дождь может продолжаться две недели, и когда выходит это солнце, можно заметить перемену в человеческих взаимоотношениях’), так и эпистемическую модальность (*It can be raining outside* ‘{Возьми зонтик} на улице, возможно, дождь’).

В безличных предложениях[5] также может выражаться как эпистемическая, так и неэпистемическая модальность. Ср. *В этих районах могут ограбить* ‘{Если вы пойдете туда и будете неосторожны,} Возможно, [вас] ограбят в этих районах’ и ‘{Здесь проживает много преступников.} Этим районам свойственны частые ограбления’.

Как кажется, в безличных предложениях может выражаться только один из подтипов неэпистемической модальности, а именно, внешняя модальность (в терминологии работы [van der Auwera, Plungian 1998]). Внутренняя модальность, ориентированная на первого участника ситуации, не может быть выражена в этом типе предложениях по формальным причинам: в безличных предложениях первый частник обязательно устранен.

[5] Под безличными предложениями здесь имеются в виду случаи полного устранения первого участника ситуации (субъекта).

2.4. Экзистенциальные предложения

В экзистенциальных предложениях модальность, как правило, становится эпистемической, ср. *Он может существовать* ‘Возможно, он существует’ *‘Он способен существовать’ *‘Он существует, если захочет’ ?‘Внешние обстоятельства позволяют ему существовать’. Однако, при добавлении специального контекста, в экзистенциальном предложении возможно выражение и не-эпистемической модальности, ср. *Эти бактерии могут существовать даже в таких сложных климатических условиях* ‘Такие сложные климатические условия не представляют угрозы существованию бактерий’.

2.5. Контролируемость ситуации и одушевленность субъекта

Наиболее важной особенностью неэпистемической модальности является невозможность (или сильная ограниченность) ее выражения в полностью неконтролируемых контекстах. Чем более контролируемой со стороны субъекта является ситуация, тем больше вероятность того, что предложение с модальным показателем будет передавать неэпистемическую модальность [Coats 1983: 245; Heine 1995: 29]. В полностью неконтролируемых предложениях возможно выражение только эпистемической модальности. Ср., например, характерное поведение глагола *умирать*, который является неконтролируемым и обычно допускает выражение только эпистемической модальности: *У меня больное сердце, я могу умереть в любой момент* ‘В любой момент возможно наступление моей смерти’, *‘В любой момент я способен умереть’, *‘Если я захочу, я умру в любой момент’[6].

Заметим, что затрудненность выражения эпистемической модальности в первом и втором лице (раздел 2.3), а также сложность выражения неэпистемической модальности в экзистенциальных предложениях (раздел 2.4) объясняется контролируемостью/неконтролируемостью ситуации.

Со свойством контролируемости связана также одушевленность субъекта. Если при одушевленном субъекте возможно выражение как эпистемической, так и неэпистемической модальности, то при неодушевленном субъекте модальное предложение имеет, как правило, только эпистемическое значение (*Может*

[6] Однако полного запрета на выражение неэпистемической модальности с глаголом *умирать* нет. Ср. *Ты оскорбил царя и должен умереть*.

пойти дождь; *Это старое дерево может когда-нибудь упасть на твой автомобиль, если ты будешь всегда парковаться здесь*). В отдельных случаях при неодушевленном субъекте (когда субъектом является механизм, прибор) возможно выражение и неэпистемической модальности, например: *Ничего не понимаю, согласно инструкции при таком напряжении прибор должен выдавать больше мощности, чем сейчас на датчиках*.

2.6. Косвенное наклонение

В русском языке эпистемическое значение невозможно при глаголе в сослагательном наклонении (*Он мог бы и позвонить* ‘Он был в состоянии позвонить’, ‘Обстоятельства позволяли ему позвонить’, *‘Возможно, он бы позвонил’) [Шатуновский 1996: 209]. «Употребление формы со значением ирреальности предполагает, что Г (говорящий — *А. В.*) знает, как реально обстоит дело, ибо откуда он может знать, что Р ирреально?» [там же]. Наблюдение И. Б. Шатуновского, однако, не подтверждается на материале других языков. Например, во французском такого ограничения нет, см. про возможность употребления косвенных наклонений при эпистемическом *pouvoir* ‘мочь’ в работе [Корди 1988: 37], и *devoir* ‘быть должным’, например, в работах [Kronning 1996; Dendale 2001]; в осетинском языке некоторые косвенные наклонения сами могут использоваться для выражения эпистемической модальности [Выдрин 2011].

2.7 Фокус

На материале русского языка отмечается [Шатуновский 1996: 209], что предикат, имеющий значение эпистемической возможности, не может находиться в коммуникативном фокусе (*Он мóг зайти домой* ‘мог зайти, но не зашел’, *‘может быть, он зашел’). Однако, как было показано выше, в разделе 2.1, в вопросительных предложениях общего вопроса, где модальный глагол как раз становится коммуникативным фокусом предложения, модальность всего предложения может быть как неэпистемической, так и эпистемической.

2.8. Акциональность

В ряде языков, например, в немецком [Heine 1995] или венгерском [Kiefer 1981: 174–175], благоприятным условием для появления эпистемического значения является принадлежность главного предиката к классу стативных глаголов. Тем не менее, данное

свойство не представляет собой типологической универсалии. В некоторых языках, например, в русском, при стативном глаголе могут выражаться оба основных модальных значения. Ср. примеры ниже со стативными глаголами, принадлежащими к разным классам.

(3) *Только там было пунктов 8: секс, физические нагрузки, музыка. Остальные я, к сожалению, запамятовал. smirnov_yuriy. Их может быть и 10*. [Депресняк, депресуха и просто депрессия (форум) (2006–2007)] ‘Возможно, их 10’ (эпистемическая модальность)

(4) *Он всю неделю может быть пьян* ‘Он в состоянии быть пьяным всю неделю’ (неэпистемическая модальность)

(5) *Как ты думаешь, когда мы придем домой, в какой комнате будет папа? — Не знаю, он может сидеть в кресле перед телевизором, а может и спать на диване* (эпистемическая модальность)

(6) *Наш папа может сидеть в кресле весь вечер и смотреть детские мультфильмы по каналу 2Х2* (неэпистемическая)

(7) *Деньги могут находиться у Маши в кармане* (эпистемическая)

(8) *Ваня не мог находиться на даче больше двух дней, его все время тянуло в город. А его сосед Миша любил природу и мог быть на даче хоть все лето* (неэпистемическая)

2.9. Аспектуальная характеристика предложения

В отдельных языках, например, в немецком [Heine 1995: 24–25], при употреблении полисемичного модального показателя в предложении со смысловым глаголом в форме перфекта или прогрессива модальность всего предложения обычно становится эпистемической:

(9) Перфект
Er muß gekommen sein ‘Он, должно быть, уже пришел’.

(10) Прогрессив
Er muß am Kommen sein ‘Должно быть, он скоро придет’.

Однако аспектуальную характеристику предложения также нельзя считать универсальным фактором, способным однозначно

определить модальность предложения с полисемичной модальной языковой единицей. Например, в английском языке далеко не всегда смысловой глагол в форме перфекта гарантирует именно эпистемическое прочтение предложения, содержащего полисемичный модальный глагол:

(11) *He could have come* ‘Он, возможно, уже пришел’, ‘Он мог (имел возможность / ему разрешили) прийти’. (http://english.stackexchange.com/questions/64374/might-have-vs-could-have)

Прогрессив намного реже, чем перфект, может употребляться в контекстах неэпистемической модальности. Однако жесткого запрета на такое употребление у этой аспектуальной формы тоже нет:

(12) *To qualify you must be running now — preferably competitively*. ‘Чтобы пройти квалификацию, ты должен уже сейчас бегать — лучше на время’. (объявление о «Клинике бега» в США)

Тем не менее, нужно признать, что подобные контексты встречаются редко и, как правило, при употреблении модального показателя со смысловым глаголом в форме прогрессива модальность всего предложения становится эпистемической.

2.10. Сложные предложения

2.10.1. Условные. В ряде работ отмечается, что в отдельных языках показатели эпистемической модальности не могут употребляться в зависимой части условных предложений [Lyons 1977; Kiefer 1981; Hengeveld 1988]. Ср.:

(13) ***If possibly John will come, I am going home*** [Hengeveld 1988: 236]

(14) *Если Вася может прийти, я сбегаю за еще одной бутылкой водки.*
‘Если Вася в состоянии прийти…’,
‘Если внешние обстоятельства позволят Васе прийти…’
*‘Если Вася, возможно, придет…’

П. Пьетрандреа [Pietrandrea 2005: 49–50] считает это свойство эпистемических показателей типологической универсалией.

Значение условных конструкций заключается в том, что одна ситуация является условием осуществления другой; если говорящий ставит под сомнение само условие, становится неясно, зачем из него выводить следствие.

Тем не менее, материал русского языка, где встречаются употребления лексических показателей эпистемической модальности в протасисе условных предложений, не позволяет нам согласиться с П. Пьетрандреа. Однако оговоримся, что в русском языке в одних случаях сфера действия показателя не распространяется на все зависимое предложение, а в других употребление эпистемического показателя ассоциируется с разговорным языком и некоторыми носителями языка оценивается как речевая ошибка. Ср. примеры ниже, где в первом примере в сферу действия модального *вероятно* попадет только часть придаточного условного, а во втором, хотя *может быть* и выражает эпистемическую модальность, такое употребление *может быть* нехарактерно для литературного языка.

(15) *Подлежавшая, по постановлению московского следователя, содержанию под стражей Митрофания была перевезена в Москву, где,* ***если верить ее, вероятно преувеличенному, заявлению*** *на суде, ни сану, ни полу, ни возрасту ее не было оказано уважения и законного снисхождения.* [А. Ф. Кони. Игуменья Митрофания (Из записок и воспоминаний судебного деятеля) (1908)]

(16) *Если Вы,* ***может быть,*** *поедете в Крым, то обязательно заезжайте ко мне.* [Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)]

Нужно заметить, что в отдельных языках эпистемическая модальность может быть выражена в зависимой части условных предложений с помощью грамматических средств. Например, в осетинском[7] языке в протасисе условных предложений реального условия при референции ситуации к плану будущего главный предикат обычно находится в форме конъюнктива. Однако для выражения эпистемической уверенности говорящего в том, что

[7] При сборе данных осетинского языка использовался Национальный корпус осетинского языка http://corpus.ossetic-studies.org.

ситуация, описанная в протасисе, будет иметь место, главный предикат протасиса ставится в форму будущего времени:

(17) *Кæд райсом* ***уар-а*** / ***уар-дзæн***
если завтра дождить-CONJ.3SG дождить-FUT.3SG
уæд никуыдæм а-цæу-дзы-стæм
тогда никуда PREF-идти-FUT-1PL
'Если завтра будет дождь, мы никуда не поедем'. / 'Раз будет дождь, мы никуда не поедем'.

В персидском языке в условных конструкциях с реальным условием в придаточном обычно используется сослагательное наклонение:

(18) *agar emruz tåblo-hå-rå na-bin-am*
если сегодня картина-PL-ACC NEG-видеть.PRS.SUBJ-1SG
digar forsat na-xåh-am kard
другой случай NEG-хотеть.PRS-1SG делать.PST.3SG
'Если сегодня же не увижу картины, то мне уже больше не представится удобный случай'. [Рубинчик 2001: 539]

Однако в протасисе может употребляться также прошедшее время, при этом, как отмечает грамматика [Рубинчик 2001: 540], предложение получает дополнительное значение уверенности говорящего в том, что ситуация, выраженная в протасисе, будет иметь место. Например:

(19) *omidvår-am ke agar dust-ån*
надеющийся-быть.PRS.1SG что если друг-PL
va dånešmand-ån xatå-hå va eštebåh-åt-i dar in
и ученый-PL ошибка-PL и ошибка-PL-i[8] в этот
molåheze farmud-and *lotfan nevisande-rå*
наблюдение приказывать.PST-3PL пожалуйста автор-ACC
ågåh farmåy-and
уведомленный приказывать.PRS-3PL
'Я надеюсь, что если друзья и ученые обнаружат (букв. обнаружили) в нем [в словаре] ошибки, то любезно сообщат об этом автору'. [Рубинчик 2001: 540]

[8] Показатель детерминации с большим количеством функций (см. [Выдрин 2006]).

Наконец, в английском языке при реальном условии в будущем в протасисе может употребляться модальный глагол (*If John should come, Bill will leave* ‘Если, возможно, Джон придет, Билл уйдет’). Употребление вспомогательного глагола в данном случае связано с меньшей уверенностью говорящего в том, что ситуация, описанная в условии, будет иметь место (при этом важно подчеркнуть, что тип условия остается реальным) [Palmer 2001: 202]. Отметим также, что в английском языке в условных предложениях с реальным условием в будущем может употребляться как настоящее время, так и прошедшее время. Ср.:

(20а) *If John comes tomorrow, I will give him the money.*

(20б) *If John came tomorrow, I would give him the money.*

Эпистемически нейтральным является употребление настоящего времени. Прошедшее временя используется для выражения эпистемической неуверенности говорящего [James 1982: 388].

Таким образом, вопреки общепринятому мнению об универсальности запрета на выражение эпистемического значения в зависимой части условных конструкций, в протасисе условных конструкций все-таки возможно выражение эпистемической оценки говорящего.

2.10.2. Временные и целевые конструкции. Помимо придаточных условных, в типологически ориентированных работах по модальности практически не освещается вопрос о невозможности выражения эпистемической модальности в придаточных других сложных предложений, в частности, в придаточных временных и целевых. Ср. следующие примеры из русского языка, где невозможно выражение эпистемической модальности.

(21) **Когда, возможно, они были заграницей, у нас в России был дождь.*

(22) **Чтобы Кирилл, возможно, выиграл соревнования, ему все лето нужно упорно тренироваться*.

Отметим наблюдение Е. Е. Корди [1988: 35–39] о свойствах французского модального глагола *pouvoir*, который обладает значением неэпистемической и эпистемической возможности, однако употребление *pouvoir* в эпистемическом значении невозможно

не только в придаточных условных, но и в придаточных целевых и временных.

Невозможность употребления эпистемических показателей в придаточных, временных, вероятно объясняется тем, что говорящий всегда уверен в истинности ситуации, описанной в придаточном.

В целевых конструкциях одна ситуация является необходимым и единственным условием для осуществления другой. Предложение *Чтобы Кирилл выиграл соревнования, ему все лето нужно упорно тренироваться* означает, что для осуществления ситуации ‘Кирилл выиграет соревнования’ (далее ситуация Б) необходимым условием является осуществление ситуации ‘Кирилл упорно тренируется все лето’ (далее ситуация А). При произнесении целевой конструкции, описывающей ситуацию в будущем, говорящий ставит своей целью донести до слушающего все те необходимые условия (ситуация А), при осуществлении которых произойдет ситуация Б. Такая семантика целевой конструкции не позволяет говорящему поставить под сомнение саму ситуацию Б. Если говорящий поставит под сомнение ситуацию Б, конструкция неминуемо изменится с целевой на условную, где в аподосисе возможно выражение эпистемической оценки (*Если Кирилл будет тренироваться все лето, он, возможно, выиграет соревнования*).

2.11. Экстралингвистические факторы

Как было показано в предыдущих разделах, факторов, всегда однозначно определяющих модальность предложения с модальным показателем как эпистемическую или как неэпистемическую, крайне мало (не исключено, что при их перепроверке на широкой выборке языков, обнаружится, что типологически универсальных факторов такого рода не существует в принципе). В связи с этим некоторые исследователи склонны считать, что большую роль в определении модальности предложения играют экстралингвистические факторы, например, метафизический, культурный, нравственный и проч. контекст. Например, Б. Хайне отмечает, что «любая попытка определить отношения между этими двумя типами модальности (т. е. между неэпистемической и эпистемической — *А. В.*) исключительно в терминах лингвистических категорий, с которыми они коррелируют, обречена на провал и даст только лишь вероятностный результат» [Heine 1995: 27]. При отнесении предложения с модальным глаголом к эпистемической или

неэпистемической модальности значительную роль играет ‘контекстуальная рамка’ или ‘дедуктивная рамка’, или просто ‘рамка’ (contextual frame, inferential schema, frame), под которой имеется в виду «совокупность знаний, к которым прибегает пользователь языка для того, чтобы обеспечить дедуктивную базу для понимания предложения» [Levinson 1983: 281; Heine 1995: 28].

К сожалению, Б. Хайне подробно не рассматривает составляющие контекстуальной рамки и ограничивается только несколькими примерами. Например, знания о мире: предложение *It must be three o’clock* является исключительно эпистемическим потому, что мы не можем контролировать время и тем самым неэпистемическая интерпретация предложения невозможна. Социальные нормы: мы уверены, что большинство людей ведут себя, исходя из общественных норм и установок. Поэтому предложение *He must be brave* (букв. ‘Он должен быть храбрым’) выражает и эпистемическую (‘Должно быть, он храбрый’), и неэпистемическую модальность (‘Он должен быть храбрым {чтобы победить врага}’). В то время как предложение He must be a coward (букв. ‘Он должен быть трусом’) — только эпистемическую модальность (‘Должно быть, он трус’); контекст, в котором кто-то хочет, чтобы человек вел себя как трус (‘Он должен быть трусом {чтобы не умереть на поле боя}’), в принципе, возможен, но является крайне периферийным. Приведем еще один пример из работы [Heine 1995: 28]:

(23) *Er muß seine Frau schlagen*
he must his wife beat
‘He is said to beat his wife’. (‘Должно быть, он бьет свою жену’ букв. «он должен бить свою жену»).

Модальность приведенного примера по формальным признакам должна была быть неэпистемической, однако из-за контекстуальной рамки (социально ненормально хотеть, чтобы кто-то бил свою жену) предложение получает эпистемическое прочтение.

2.12. Вывод

В статье была рассмотрена возможность употребления показателей эпистемической и неэпистемической модальности в следующих контекстах: вопросительные предложения, отрицание, постановка субъекта в первое, второе или третье лицо, нулевой субъект, безличные предложения, экзистенциальные предложения,

контролируемая ситуация, одушевленный субъект, предложения с фокусом на модальном предикате, смысловой предикат в косвенном наклонении, смысловым предикатом является стативный глагол, смысловой предикат находится в форме перфекта или прогрессива, зависимая часть некоторых сложных предложений. Рассмотренный материал показывает, что только неэпистемическая модальность может выражаться в частных вопросах, при фокусе на лексическом модальном показателе в утвердительных предложениях, в придаточных целевых и временных. Из рассмотренных контекстов ни один не «принадлежит» только эпистемической модальности. Как было показано, во всех случаях при специальных контекстах возможно выражение неэпистемической модальности.

Большинство факторов, выделенных в ряде предыдущих работ [Kiefer 1981; Heine 1995; Coats 1995; Шатуновский 1996; Pietrandrea 2005], свидетельствуют лишь о частотности выражения эпистемического или неэпистемического значения в тех или иных контекстах. Например, в случае стативного предиката, предиката в перфекте, прогрессиве, неконтролируемой ситуации или неодушевленном субъекте модальность предложения чаще является эпистемической. В случае субъекта в первом и втором лице, при употреблении модального показателя в протасисе условных предложений, а также при контролируемой со стороны субъекта ситуации модальность обычно является неэпистемической. Некоторые из рассмотренных в статье факторов могут влиять на выбор эпистемического или неэпистемического прочтения модального предложения только в отдельных языках. Такими факторами являются отрицание и нахождение предиката в косвенном наклонении.

Таким образом, лишь несколько языковых факторов влияют на однозначную интерпретацию модальности предложения как эпистемическую или неэпистемическую, остальные же являются лишь благоприятными условиями для выражения одного или другого модального значения.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; CONJ — конъюнктив; FUT — будущее; MOD — модальный глагол; NEG — отрицание; PL — множественное; PREF — преверб;

PRS — настоящее; PST — прошедшее; SG — единственное; SUBJ — сослагательное.

Литература

Выдрин 2006 — А. П. Выдрин. Прямое дополнение и сложные глаголы в современном персидском языке: грамматический и лексикографический аспекты. Магистерская диссертация. СПбГУ, СПб., 2006.

Выдрин 2011 — А. П. Выдрин. Система модальности осетинского языка в типологическом освещении. Дисс. … канд. филол. наук. ИЛИ РАН, СПб., 2011.

Корди 1988 — Е. Е. Корди. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. Л.: Наука, 1988.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Рубинчик 2001 — Ю. А. Рубинчик. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Восточная литература, 2001.

Шатуновский 1996 — И. Б. Шатуновский. Семантика предложения и нереферентные слова. М.: Языки славянской культуры, 1996.

Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago — London: University of Chicago Press, 1994.

Coats 1983 — J. Coats. The Semantics of the Modal Auxiliaries. London — Canberra: Croom Helm, 1983.

Coats 1995 — J. Coats. The Expression of root and epistemic possibility in English // J. Bybee, S. Fleischman (eds.). Modality in Grammar and Discourse [Typological Studies in Language 32]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1995. P. 55–66.

Dendale 2001 — P. Dendale. Le futur conjectural *versus devoir* épistémique: différences de valeur et restrictions d'emploi // Le Français Moderne 69, 1, 2001. P. 1–20.

de Haan 1997 — F. de Haan. The Interaction of Modality and Negation. A typological study. New York — London: Garland Publishing Inc., 1997.

Heine 1995 — B. Heine. Agent-oriented vs. epistemic modality: Some observations on German modals // J. Bybee, S. Fleischman (eds.). Modality in Grammar and Discourse [Typological Studies in Language 32]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1995. P. 17–54.

Hengeveld 1988 — K. Hengeveld. Illocution, mood and modality in a functional grammar of Spanish // Journal of Semantics 6, 1988. P. 227–269.

James 1982 — D. James. Past tense and the hypothetical: A cross-linguistic study // Studies in Language 6, 3, 1982. P. 375–403.

Kiefer 1981 — F. Kiefer. What is possible in Hungarian? // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae 31, 1–4, 1981. P. 147–185.

Kronning 1996 — H. Kronning. Modalité, cognition et polysémie: Sémantique du verbe modal ‘devoir’ [Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Romanica Upsaliensia 54]. Uppsala: Uppsala University, 1996.

Levinson 1983 — S. C. Levinson. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Lyons 1977 — J. Lyons. Semantics. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

Nuyts 2005 — J. Nuyts. The modal confusion: On terminology and the concepts behind it // A. Klinge, H. H. Müller (eds.). Modality: Studies in Form and Function. London: Equinox, 2005. P. 5–38.

Nuyts 2006 — J. Nuyts. Modality: Overview and linguistic issues // W. Frawley (ed.). The Expression of Modality. The Expression of Cognitive Categories I. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2006. P. 1–26.

Palmer 1995 — F. R. Palmer. Negation and the modals of possibility and necessity // J. Bybee, S. Fleischman (eds.). Modality in Grammar and Discourse [Typological Studies in Language 32]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1995. P. 453–472.

Palmer 2001 — F. R. Palmer. Mood and Modality. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Pietrandrea 2005 — P. Pietrandrea. Epistemic Modality: Functional Properties and the Italian System [Studies in Language Companion Series 74]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2005.

van der Auwera et al. 2005 — J. van der Auwera, A. Ammann, S. Kindt. Modal polyfunctionality and Standard Average European // A. Klinge, H. H. Müller (eds.). Modality: Studies in Form and Function. London: Equinox, 2005. P. 247–272.

van der Auwera, Plungian 1998 — J. van der Auwera, V. Plungian. Modality’s semantic map // Linguistic Typology 2, 1, 1998. P. 79–124.

Э. Ш. Генюшене

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

КОНВЕРБЫ В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

В лингвистическом архиве В. П. Недялкова (1928–2009) находится машинопись коллективной монографии «Типология зависимого таксиса: деепричастные конструкции» (отв. ред. В. П. Недялков), датированная концом 1992 г. (судя по приложенной Выписке из протокола № 18 заседания Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН от 1 декабря 1992 г., где обсуждалась названная работа). Работа над этой монографией не была завершена и книга не была опубликована. В машинописи объемом более 500 страниц содержится 16 статей, в числе которых я обнаружила и свою статью «Деепричастия в литовском языке». Эта статья нигде до сих пор не публиковалась, и ниже предлагается несколько переработанный вариант.

Как известно, идея исследования типологии зависимого таксиса не была забыта, и в 2009 г. Лаборатория типологического изучения языков ИЛИ РАН издала объемную коллективную монографию «Типология таксисных конструкций» под редакцией В. С. Храковского, посвященную не только деепричастиям, но и другим видам таксисных конструкций. В этой монографии также содержится глава «Таксис в литовском языке» [Вимер 2009: 161–216], где, согласно идеологии монографии, рассматриваются различные способы выражения таксисных отношений в языке, включая и неличные формы глагола, выше названные деепричастиями, а в статье именуемые причастиями в соответствии с литовской грамматической традицией. Предлагаемая статья лишь частично пересекается по объекту исследования с работой Б. Вимера.

1. Конвербы

Для описания интересующих меня неличных форм глагола представляется удобным термин ‘конвербы’, определяемый

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-03406).

следующим образом: «As a first approximation, we can define a converb as a verb form which depends syntactically on another verb form, but is not its syntactic actant, i. e., does not realize its semantic valencies. Thus, a **canonical** (i. e. noncombined) converb can occupy (1) the position of an adjunct, i. e. an advebial, but cannot occupy the positions: (2) of the only predicate of a simple sentence (without additional auxiliary elements); (3) of nominal attributes; (4) of a clausal actant (i. e., it cannot depend on verbs such as *begin*, *order*, etc.); (5) of a nominal actant (i. e., it does not occur in subject and object position)» [Nedjalkov 1995: 97]. Таким образом, конверб определяется по его синтаксической адвербиальной функции со значением второстепенного зависимого действия при опорном (главном) глаголе, чаще всего сказуемом. В литовских грамматиках формы в этой функции именуются полупредикативными (лит. *šalutinio veiksmo reikšmės*; см. [Амбразас (ред.) 1985: 298; Амбразас 1990: 98–180; Ambrazas (red.) 1996: 373–377, 380–381]).

В литовском языке адвербиальную функцию при опорном глаголе могут выполнять три неличных формы глагола: (1) активное причастие (*dalyvis*) прошедшего времени, имеющее, как и причастия настоящего и других времен, согласовательные окончания по роду, лицу и числу, но в отличие от других временных форм причастия согласующееся только с подлежащим в номинативе; (2) полупричастие (*pusdalyvis*), маркируемое суффиксом ***-dam-*** и согласующееся с именем в номинативе в роде, лице и числе, как и собственно активное причастие; (3) форма (*padalyvis*), иногда называемая в переводе на русский деепричастием, а в переводе на английский *gerund* [Ambrazas (ed.) 1997: 339–340] — представленная четырьмя несогласуемыми с именем временными формами. В литовской грамматической традиции первые две формы — собственно причастие и полупричастие — чаще объединяются под общим термином *причастия*, а третья форма (*padalyvis*) рассматривается отдельно (см., например, [Амбразас (ред.) 1985: 290–317, 317–321; Амбразас 1990: 46–49, 98–103; Ambrazas (red.) 1996: 354–361], но иногда и *падаливис* включается в число причастий (ср., например, [Ambrazas (ed.) 1997: 326–340]). В этой связи показательно и мнение Б. Вимера, придерживающегося последней точки зрения и выделяющего три типа причастий: тип I — собственно причастия, тип II — ‘деепричастия’ (которые он справедливо считает

антиподами русских деепричастий по релевантным признакам, о которых речь ниже) и тип III — полупричастия, т. е. формы на ***-dam-*** [Вимер 2009: 179–184]. Следует упомянуть и еще одно мнение: Мустейкис [1972: 201–224, 224–229] различает причастия и деепричастия, причем в класс деепричастий он включает не только несклоняемые формы (*padalyvis*), но и полупричастия (*pusdalyvis*), т. е. формы, функционально соответствующие русским деепричастиям — очевидно, под влиянием русской грамматики.

В соответствии с приведенным выше определением, все три указанные неличные формы глагола при адвербиальном употреблении ниже именуются конвербами с таким разбиением на типы:

1.1. Конверб 1 (CONV1) — это несогласуемая, несклоняемая и неспрягаемая неличная форма глагола, образуемая от глагольных основ и сочетающая признаки глагола (значение действия или состояния и категория относительного — настоящего или прошедшего — времени) и наречия, а именно обстоятельственную функцию последнего. Иначе конверб 1 условно именуется здесь деепричастием (*padalyvis*). Эта форма выделяется как главный тип конвербов, поскольку она является *несовмещенной* и в качестве главной и практически единственной имеет адвербиальную функцию (см., однако, случаи 2) и 3) в разделе 5); ср.:

(1) *Dien-os* *trumpėja*
день-F.PL.NOM становиться.короче.PRES
*rudenėja-**nt**.*
наступать(об осени)-CONV1.PRES
‘Дни становятся короче, когда наступает осень (букв. ‘становясь осени’, от безличного глагола)’[2].

(2) *Prireik-**us*** *jis*
понадобиться-CONV1.PST он.NOM
tau *padė-s.*
ты.DAT помочь-FUT.3
‘Если будет нужно (букв. понадобившись), он тебе поможет’.

Надо сказать, что деепричастия относительного настоящего времени свободно образуются и от глаголов совершенного вида

[2] Источники примеров в статье не указываются, так как все они представляют собой упрощенные варианты из текстов или составлены информантами.

(вернее, имеющих значение совершенного вида в инфинитиве, прошедшем однократном и будущем времени), и в этой временно́й форме (как и в личной форме настоящего времени) значение совершенного вида нейтрализуется: деепричастие настоящего времени приобретает значение несовершенного вида и означает незавершенное действие, одновременное с действием опорного глагола; ср.:

(3) *Daug* *nam-ų* *buvo* *parduo-t-a*
много дом-M.PL.GEN быть.PST продать-PASS-NT
*pa-žeidžia-**nt*** *įstatym-us.*
PFV-нарушать-CONV1.PRES закон-M.PL.ACC
‘Много домов было продано с нарушением (букв. нарушая) законов’.

Деепричастия прошедшего (однократного) времени обычно обозначают законченное зависимое действие, предшествующее главному:

(4) *Atlik-**us*** *sudėting-ą*
выполнить-CONV1.PST сложный-F.SG.ACC
operacij-ą, *ligon-is*
операция-F.SG.ACC больной-M.SG.NOM
pasveik-o.
выздороветь-PST.3
букв. ‘Выполнив сложную операцию, больной выздоровел’, т. е. ‘После сложной операции больной выздоровел’.

Деепричастия прошедшего времени образуются свободно и от глаголов несовершенного вида; иначе говоря, вид глагола не накладывает ограничений на образование конвербов с тем или иным относительным временным значением (так же как и на образование различных временных форм главного сказуемого), хотя в целом наблюдается определенная корреляция — предпочтение глаголов совершенного вида в одних временных формах (например, прошедшего однократного) и глаголов несовершенного вида в других.

Категория относительного времени у конвербов 1 выражается в формах, параллельных четырем временам личных форм глагола — настоящего, прошедшего однократного, прошедшего многократного и будущего (замечу попутно, что активное причастие также имеет четыре относительных временных формы). Таксисное значение одновременности или предшествования деепричастия

устанавливается только по отношению к времени главного глагола-сказуемого.

Как упоминалось, для этих конвербов характерна адвербиальная функция. Литовские ‘деепричастия’ не соответствуют деепричастиям русского языка: в литовском они называют действия, разносубъектные с действием глагола-сказуемого, а в русском — односубъектные действия, для чего в литовском используются адвербиальные причастия и полупричастия. Вне контекста этот вид конвербов часто удобно переводить на русский язык посредством деепричастий (ср. *atej-**us*** ‘придя’, *ateina-**nt*** ‘приходя’), однако литературный перевод предложений обычно требует использования придаточного предложения с личной формой глагола в качестве смыслового эквивалента деепричастного оборота, что обусловливается разносубъектностью зависимого и главного действий.

Конвербы 1 образуются от тех же глагольных основ, что и активные причастия соответствующих времен. Традиционно временные формы конверба 1 описываются следующим образом.

1) Конвербы «настоящего времени» называют действия, одновременные с действием личного глагола-сказуемого (ср. (1)). Они образуются от глагольных основ настоящего времени посредством суффикса ***-nt***: *dirba* ‘работает’ — *dirba-**nt*** ‘работая’, *nori* ‘хочет, желает’ — *nori-**nt*** ‘желая’, *šaukia* ‘кричит, зовет’ — *šaukia-**nt*** ‘крича, зовя’, но: *rašo* ‘пишет’ — *raš-**ant*** ‘во время писания’ (букв. ‘пиша’) — у подобных глаголов III спряжения с основой на ***-o*** тематический гласный основы замещается на гласный ***-a***.

2) Конвербы «прошедшего однократного времени» образуются от глагольных основ прошедшего однократного времени без тематического гласного посредством суффикса ***-(i)us***, например: *dirb-o* ‘работал’ — *dirb-**us*** ‘работав’, *gėr-ė* ‘пил’ — *gėr-**us*** букв. ‘пив(ши)’, *tikėj-o* ‘верил’ — *tikėj-**us*** ‘верив(ши)’; коренные согласные ***-t-***, ***-d-*** перед суффиксом ***-ius*** чередуются с ***-č-***, ***-dž-***, ср. *skait-ė* ‘читал’ — *skaič-**ius*** ‘читав(ши)’, *sklaid-ė* ‘листал’ — *sklaidž-**ius*** ‘листав(ши)’. Эта форма называет действие, предшествующее действию опорного глагола во временно́м плане.

3) Конвербы «прошедшего многократного времени» образуются от глагольных основ прошедшего многократного времени, включающих суффикс ***-dav-*** — показатель многократного «времени», без тематического гласного посредством добавления суффикса ***-us***, ср.: *dirb-dav-o* ‘(часто, постоянно) работал’ — *dirb-dav-**us***

‘(часто, постоянно) работав(ши)’, *tikė-dav-o* ‘(часто, всегда) верил’ — *tikė-dav-**us*** ‘(часто, всегда) верив’, *rašy-dav-o* ‘(часто, постоянно) писал’ — *rašy-dav-**us*** ‘(часто, постоянно) писав’. Как и конвербы «прошедшего однократного времени», эта форма означает действие, предшествующее действию опорного глагола (сказуемого). В отличие от первых, она очень редка в употреблении.

4) Конвербы «будущего времени». Эти деепричастия образуются от основ инфинитива посредством сложного суффикса ***-si-a-nt***, состоящего из показателя будущего времени ***-si-*** и суффикса причастия ***-ant-*** с промежуточным гласным ***-a-***; ср.: *dirb-ti* ‘работать’ — *dirb-**siant*** ‘когда будет работать’, *rašy-ti* ‘писать’ — *rašy-**siant*** ‘когда будет писать’ (см. [Ambrazas (red.) 1996: 379; Ambrazas (ed.) 1997: 340]). Эта форма употребляется для обозначения зависимого действия при сказуемом в будущем времени при одновременности обоих действий. Однако эта форма также исключительно редка в обстоятельственном употреблении.

В ГЛЯ ([Амбразас (ред.) 1985: 318]; см. также [317–321]) предлагается и более упрощенное и унифицированное объяснение образования форм всех деепричастий: образование этих форм «можно представить и в упрощенном виде, считая, что они образуются от винительного падежа соответствующих (временных) активных причастий путем отбрасывания окончания ***-į*** ⟨…⟩»; например:

(5) *dirb-**ant**-į* ‘работающего’ — *dirb-**ant*** ‘работая’
*dirb-**us**-į* ‘работавшего’ — *dirb-**us*** ‘работав’
*dirbdav-**us**-į* ‘(часто, постоянно) работавшего’ — *dirbdav-**us*** ‘(часто, постоянно) работав’
*dirbs-**iant**-į* ‘того, кто будет работать’ — *dirbs-**iant*** ‘работая (в будущем)’.

1.2. Конверб 2 (CONV2), или полупричастие (*pusdalyvis*), — как упоминалось, эта неличная форма глагола образуется посредством суффикса ***-dam-*** и серии окончаний, которые маркируют согласование в роде (мужском или женском), числе и падеже с именем. В отличие от причастий, данная форма имеет только форму именительного падежа, согласуясь с подлежащим опорного сказуемого. Полупричастие, имея только форму относительного «настоящего времени», т. е. единственную «временную» форму, используется исключительно в обстоятельственной функции при сказуемом предложения. Таким образом, эта сугубо адвербиальная

форма также является *несовмещенной* и выражает одновременное с главным зависимое действие, односубъектное с действием сказуемого.

Вот примеры согласования полупричастия с подлежащим:

(6а) *Ei-**dam**-**as*** *namo,*
идти-CONV2-M.SG.NOM домой
jis *sutik-o* *draug-ą.*
он.NOM встретить-PST.3 друг-M.SG.ACC
‘Идя домой, он встретил друга’.

(6б) *Ei-**dam**-**i*** *namo,*
идти-CONV2-M.PL.NOM домой
jie *sutinka* *draug-us.*
они.M.NOM встречать.PRES друг-M.PL.ACC
‘Идя домой, они (M) встречают друзей’.

(6в) *Ei-**dam**-**a*** *namo,*
идти-CONV2-F.SG.NOM домой
ji *sutik-s* *draug-ę.*
она.NOM встретить-FUT друг-F.SG.ACC
‘Идя домой, она встретит подругу’.

(6г) *Ei-**dam**-**os*** *namo*
идти-CONV2-F.PL.NOM домой
jos *sutik-o* *draug-es*
они.F.NOM встретить-PST.3 друг-F.PL.ACC
‘Идя домой, они (F) встретили подруг’.

На русский язык рассматриваемая форма всегда переводится деепричастием.

Как видим, конвербы на ***-dam-*** употребляются в адвербиальной функции как зависимые предикаты. Они чаще образуются от глаголов несовершенного вида, называющих незавершенное действие (7), хотя не исключено их образование и от глаголов совершенного вида (8):

(7) *Ji* *gulėjo* *lov-oje*
она.NOM лежать.PST кровать-LOC
tyliai *verk-**dam**-a.*
тихо плакать-CONV2-F.SG.NOM
‘Она лежала в постели, тихо плача’.

(8) *Išjung-**dam**-a* *švies-ą*
выключить-CONV2-F.SG.NOM свет-ACC
ji *pažiūrėj-o* *atgal.*
она.NOM посмотреть-PST назад
‘Выключая свет, она посмотрела назад’.

Конвербы 2 от двувидовых глаголов имеют значение несовершенного вида (ср. (44)).

В зависимости от лексического и аспектуального значения основы, полупричастие может называть и следующее за главным зависимое действие:

(9) *Durys* *atsidar-ė,*
дверь.F.PL.NOM открыться-PST.3
*įleis-**dam**-os* *šunį.*
впустить-CONV2-F.PL.NOM собака.M.SG.ACC
‘Дверь открылась, впуская собаку’.

Возможно, что и здесь допустимо трактовать зависимое и главное действия как одновременные, хотя это предложение можно перефразировать следующим образом, где действия последовательны:

(10) *Durys* *atsidar-ė*
дверь.F.PL.NOM открыться-PST.3
ir *įleid-o* *šun-į.*
и впустить-PST.3SG.PL собака-M.SG.ACC
‘Дверь открылась и впустила собаку’.

В разговорной речи и фольклоре полупричастия, как и собственно причастия в адвербиальной функции, могут использоваться для подчеркивания называемого сказуемым действия, будучи одноосно́вными с последним:

(11) *Dirb-k* *dirb-**dam**-as,*
работать-IMP.2SG работать-CONV2-M.SG.NOM
ne-žiūrė-k, *kas* *kur* *šnek-a.*
не-смотреть-IMP.2SG кто где говорить-PRES.3
‘Работай, работай (букв. ‘Работай, работая’), не смотри, кто где говорит’.

1.3. Конверб 3 (CONV3) — это активные причастия прошедшего (однократного) времени. Это причастие образуется посредством серии согласовательных окончаний от основы прошедшего однократного времени глагола. Будучи употребленным в обстоятельственной функции для выражения зависимого действия и подчиняясь сказуемому, оно согласуется с подлежащим в роде, числе и (именительном) падеже; во временном плане оно называет действие, предшествующее действию, называемому сказуемым, и односубъектное с последним, ср.:

(12) *Pamat-**ęs*** *draug-ą,*
увидеть-M.1SG.NOM друг-M.SG.ACC
Petr-as *priėj-o* *prie* *jo.*
Петр-NOM подойти-PST.3 к он.GEN
‘Увидев друга, Петр подошел к нему’.

Таким образом, причастный конверб 3 противостоит конвербу 2 по признаку предшествования/одновременности называемого зависимого действия.

Стоит заметить, что все активные причастия склоняются и имеют формы всех падежей. У причастий настоящего, будущего и прошедшего многократного времени, основной функцией является атрибутивная и отсутствует адвербиальная. Относительно причастия прошедшего (однократного) времени высказывается мнение, что его главной функцией является обстоятельственная, вернее полупредикативная, включая и изъяснительную функцию (ср. [Амбразас (ред.) 1985: 312; Амбразас 1990: 98; Вимер 2009: 180]). Здесь рассматривается только обстоятельственная функция.

Пассивные причастия — настоящего и прошедшего времени — в обстоятельственных деепричастных функциях как правило не употребляются: им присуще атрибутивное и предикативное употребление в качестве сказуемого, причем в последнем случае они обычно имеют неродовую — так называемую форму среднего рода с показателем ***-a*** и собственной системой ударений, совпадающей с формой винительного падежа единственного числа мужского рода. Аналогичную неродовую форму имеют и все активные причастия — эта форма также употребляется (только) предикативно — в безличных предложениях и при отсутствии согласования с именем-подлежащим.

2. Референтость субъектов опорного сказуемого и зависимого конверба

Субъект действия, называемого конвербами 2 и 3, всегда кореферентен субъекту опорного глагола, так что здесь не возникает особых проблем.

Иначе обстоит дело с конвербом 1, который в принципе разносубъектен с опорным глаголом. Разносубъектность имеет следствием проблему оформления субъектов обоих глаголов в случае их выражения, либо возможность/обязательность их невыражения. Можно отметить такие варианты.

1) ‘Каноническим’ можно считать случай, когда субъекты обоих глаголов выражены подлежащим в номинативе при опорном личном глаголе в активном залоге и дативом при конвербе 1; ср.:

(13) *Sveči-ams* *atvyk-**us**,*
гость-M.PL.DAT прибыть-CONV1.PST
visi *pralinksmėj-o*.
все.M.PL.NOM повеселеть-PST.3
‘Когда гости прибыли, все повеселели’.

2) В личных предложениях допускается также частичное совпадение субъекта действия деепричастия и опорного сказуемого без их эксплицитного выражения при деепричастии, как в следующем предложении:

(14) *Juo-du* *dar* *pasišnekučiavo*
они-два еще поговорить.PST.3
valandėl-ę, *o* *atsisveikina-**nt**,*
минутка-F.SG.ACC а прощаться-CONV1.PRES
sen-is *palydėj-o*
старик-M.SG.NOM проводить-PST.3
mokytoj-ą *iki* *vart-ų*.
учительница-F.SG.ACC до ворота-PL.GEN
‘Они поговорили еще минутку, а прощаясь, старик проводил учительницу до ворот’.

2) Оба субъекта могут быть выражены — причем дативом — при безличном сказуемом, допускающем выражение субъекта:

(15) *Sveči-**ams** atvyk-**us**,*
гость-M.PL.DAT прибыть-CONV1.PST
***visiems** pasidarė linksma*.
все.M.PL.DAT сделаться.PST.3 весело.ADV
‘Когда гости прибыли, всем стало весело’.

3) При безличном глаголе с валентностью на дативный субъект в позиции опорного сказуемого (часто в обобщенных высказываниях с модальным опорным словом) субъект может быть выражен, но это факультативно; ср.:

(16) *Vaik-ui miega-**nt***
ребенок-DAT спать-CONV1.PRES
[***visiems***] *reikia laikytis tyl-os*.
всем надо держаться.INF тишина-F.SG.GEN
‘Когда ребенок спит, [всем] надо соблюдать тишину’.

Ср. также:

(17) *Tėv-ams išvažiav-**us** galima atsipalaiduo-ti*.
отец-M.PL.DAT уехать-CONV1.PST можно расслабиться-INF
‘Когда родители в отъезде, можно расслабиться’.

(18) *Mums atvažiav-**us** į Palang-ą*
мы.DAT приехать-CONV1.PST в Паланга-ACC
[*oras*] *labai atšal-o*.
погода очень похолодать-PST.3
‘Когда мы приехали в Палангу, очень похолодало (погода похолодала)’.

4) Естественно, субъект при конвербе 1 не выражается, если это неопределенно-личный или обобщенный субъект или он не требуется контекстом и ситуацией; пример обстоятельственного конвербального оборота без экспликации субъекта дативом:

(19) *Uždar-**ant** duris*
закрыть-CONV1.PRES дверь.ACC
(*su*)*lūž-o spyn-a*.
(с)ломаться-PST.3 замок-F.SG.ACC
‘Когда дверь закрывали, замок сломался’.

5) В следующем интересном случае субъект деепричастия не выражается, хотя здесь, возможно, ‘скрытая’ или по крайней

мере частичная однореферентность. Прочтение предложения как разносубъектного (избирательная комиссия и представители партий — не члены комиссии) также кажется допустимым в зависимости от экстралингвистического фактора — правил подсчета голосов:

(20) *Skaičiuoja-**nt*** *bals-us,* *dalyvav-o*
считать-CONV1.PRES голос-M.PL.ACC участвовать-PST.3
vis-ų *partij-ų* *atstov-ai*.
все-PL.GEN партия-F.PL.GEN представитель-PL.NOM
‘При подсчете голосов (букв. ‘считая голоса’) участвовали представители всех партий’.

Но есть случаи, когда субъект фактически не может быть выражен или не выражается во избежание дублирования, а именно:

6) Если конверб образован от безличного глагола, при котором в принципе не может быть подлежащего — это тривиальный случай; ср.:

(21) *Gerai* *įdienoj-**us**,*
хорошо.ADV стать(о дне)-CONV1.PST
abu *grįž-o* *namo*.
оба.M.NOM вернуться-PST.3 домой
‘Когда уже давно наступил день, оба вернулись домой’.

7) Субъект при конвербе не выражается, если он назван при опорном сказуемом дополнением или другим способом; ср.:

(22) *Įženg-**us*** *į* *trobą,*
войти-CONV1.PST в изба.ACC
jų *lauk-ė* *bais-us* *vaizd-as*.
они.PL.GEN ждать-PST.3 ужасный-M.SG.NOM вид-M.SG.NOM
‘Когда (они) вошли в избу, их ожидал ужасный вид’.

(23) *Tai* *girdi-**nt***
это.NT слышать-CONV1.PRES
jam *nugar-a* *nuėjo* *pagaug-ais*.
он.DAT спина-F.SG.NOM пойти.PST дрожь-INST
‘Когда он это слушал, у него по спине прошла дрожь’.

Повтор референта возможен, если необходимо уточнение; ср.:

(24) *Visi* *būr-ė-si*
все.M.PL.NOM собираться-PST-REFL
apie ***Biront-ą,***
вокруг Биронт-M.SG.ACC
šiam *visai* *to* *ne-nori-**nt***.
этот.DAT совсем то.M.SG.GEN не-желать-CONV1.PRES
‘Все толклись вокруг Биронтаса, хотя он совсем того не хотел’.

3. Референтность субъекта конверба при опорном глаголе в пассиве

До сих пор речь шла о предложениях с опорным сказуемым в активном залоге. Если же учитывать возможность опорного сказуемого в пассиве, то речь должна идти скорее о референтности подлежащего-объекта опорного сказуемого и субъекта конверба. Разнореферентность здесь касается именно их; в следующем примере субъект конверба не назван, но он очевидным образом не однореферентен с подлежащим опорного сказуемого:

(25) ***Nam-ai*** *grąžina-m-i*
дом-M.PL.NOM вернуть-PRES.PASS-M.PL.NOM
savinink-ams, *suteik-**us***
владелец-M.PL.DAT предоставить-CONV1.PST
but-us *nuominink-ams*.
квартира-M.PL.ACC съемщик-PL.DAT
‘Дома возвращаются владельцам, предоставляя квартиры жильцам’.

4. Синтаксические функции конвербальных оборотов

При обозначении зависимого действия конвербы в предложениях со сказуемым, называющим опорное действие, могут иметь следующие синтаксические функции:

а) обстоятельства времени,

б) обстоятельства причины,

в) обстоятельства сопутствующего действия,

г) обстоятельства образа действия.

Рассмотрим названные функции конвербов 1 (деепричастия) и отдельно конвербов 2 и 3, т. е. полупричастий и собственно причастий прошедшего времени.

4.1. Адвербиальные функции конвербов 1

Проиллюстрируем обнаруженные случаи.

1) Деепричастные обороты в функции обстоятельства времени указывают на одновременность зависимого действия с главным, если конверб имеет форму настоящего времени, и предшествование при форме относительного прошедшего времени; ср. соответственно:

(26) *Jis* *išėj-o*
он.NOM выйти-PST.3
liet-ui *lyja-**nt***.
дождь-DAT лить-CONV1.PRES
‘Он ушел, когда лил дождь’ (букв. ‘лья дождю’).

(27) *Baig-**us*** *ly-ti,*
кончить-CONV1.PST лить-INF
jis *išėj-o* *pasivaikščio-ti*.
он.NOM выйти-PST.3 погулять-INF
‘Когда кончился дождь (букв. ‘кончившись лить’ (о дожде)), он пошел прогуляться’.

Возможно, это наиболее частая обстоятельственная функция, в которой употребляются деепричастия.

2) Обстоятельство причины — в этом случае деепричастие обозначает, естественно, предшествующее действие-причину.

(28) *Ne-pavyk-**us*** *jų* *reform-oms,*
не-удасться-CONV1.PST они.PL.GEN реформа-F.PL.DAT
jie *pralaimėj-o* *rinkim-us*.
они.M.NOM проиграть-PST выборы-M.PL.ACC
‘Поскольку их реформы провалились (букв. ‘не удавшись их реформам’), они проиграли выборы’.

(29) *Nutrauk-**us*** *subsidij-as,*
прервать-CONV1.PST субсидия-F.PL.ACC
kain-os *pakil-o* *du* *kart-us*.
цена-F.PL.NOM подняться-PST два раз-PL.ACC
‘Из-за прекращения субсидий (букв. ‘прекратив субсидии’) цены выросли вдвое’.

К обстоятельствам причины близко обстоятельство условия, которое можно усмотреть в следующем случае:

(30) *Šį* *sprendim-ą* *galima* *priim-ti,*
это.M.SG.ACC решение-M.SG.ACC можно принять-INF
gerai *išnagrinėj-**us***
хорошо проанализировать-CONV1.PST
vis-as *galimyb-es*.
все-F.PL.ACC возможность-F.PL.ACC
‘Это решение можно принять, хорошо проанализировав все возможности’.

3) Функция сопутствующего действия близка к функции обстоятельства времени, но при этом ни одно из двух действий — главного и зависимого — не служит фоном, указателем времени для другого — они должны быть независимы и логически мало связаны, например:

(31) *Berniuk-ai* *žaid-ė* *kareivėli-ais,*
мальчик-M.PL.NOM играть-PST.3 солдатик-M.PL.INST
mergait-ėms *žaidžia-**nt*** *su* *lėl-ėm*.
девочка-F.PL.DAT играть-CONV1.PRES с кукла-F.PL:INST
‘Мальчики играли в солдатики, а девочки играли с куклами (букв. ‘девочкам играя’)’.

Здесь конверб обычно имеет форму относительного настоящего времени, так как одновременность ожидаема для данной синтаксической функции.

4) Деепричастия могут служить обстоятельствами образа действия при пассивной форме опорного глагола-сказуемого, когда имеет место одинореферентность не названного субъекта зависимого и главного действия и разнореферентность подлежащего-объекта опорного глагола и (неназванного субъекта) зависимого конверба:

(32) *Daug* *nam-ų* *buvo* *parduo-t-a*
много дом-M.PL.GEN быть.PST.3 продать-PASS-NT
*nesilaik-**ant*** *įstatym-ų*.
нарушать-CONV1.PRES закон-M.PL.GEN
‘Много домов было продано, нарушая законы’.

(33) *Šis* *nutarim-as* *priim-t-as,*
этот закон-M.SG.NOM принять-PASS.PST-M.SG.NOM
*ne-įvertin-**us*** *vis-ų* *padarin-ių*.
не-оценить-CONV1.PST все-PL.GEN последствие-M.PL.GEN
‘Это решение принято, не оценив всех последствий’.

Выше был приведен пример (24), в котором конверб имеет скорее уступительное значение.

При адвербиальном употреблении некоторые часто употребляемые деепричастия теряют значение второстепенного действия и приближаются по значению к наречиям, т. е. адвербиализуются. Так, формы *bematant*, *beregint* могут иметь не только деепричастное значение ‘когда (если) видит (кто-н.)’, но и наречное ‘сейчас же’, ‘тотчас’, *verkiant* — не только ‘плача’, ‘когда (если) плачет’, но и ‘обязательно’, ‘очень’; *netrukus* обычно употребляется в значении наречия ‘вскоре’, ‘скоро’, *išskyrus* ‘выделив’ — в значении ‘кроме’, ‘за исключением’, *prireikus* ‘если понадобится’, и т. п. Некоторые, с зависимыми словами или без них, широко употребляются в качестве вводных слов, например: *nesigiriant* ‘не хвалясь’, *taip sakant* ‘так сказать’ (букв. ‘так говоря’), *tiesą pasakius* ‘по правде говоря’ (букв. ‘правду сказавши’), *antra* (*kita*) *vertus* ‘с другой стороны’, *reikalui esant* ‘если есть необходимость’, ‘в случае необходимости’. Слова *nepaisant* ‘несмотря на’, *neskaitant* ‘не считая’, *išskyrus* ‘исключая, за исключением’ и ряд других, сохраняя глагольное управление, фактически употребляются как предлоги.

4.2. Синтаксические функции конвербов 2 (полупричастий) и 3 (причастий)

Эти конвербы имеет смысл рассматривать одновременно, поскольку их объединяет односубъектность с опорным глаголом — сказуемым и различает отношение дополнительной дистрибуции по признаку одновременности/предшествования опорному действию. В отношении обстоятельственных функций эти две формы возможны в двух функциях — обстоятельства времени или обстоятельства причины, а конверб 2 употребляется еще в качестве обстоятельства образа действия или сопутствующего действия, вследствие временного значения каждого. Проиллюстрируем их основные функции.

1) Как полупричастия на ***-dam-***, так и причастия прошедшего времени могут служить обстоятельствами времени: имея форму относительного настоящего и прошедшего времени соответственно, первые называют зависимое одновременное с опорным действием, вторые — предшествующее действие; например:

(34) *Rašy-**dam**-as* *laišk-ą,*
писать-CONV2-M.SG.NOM письмо-M.SG.ACC
jis *garsiai* *švilpavo*.
он.NOM громко свистеть.PST.3
‘Когда он писал письмо, он громко насвистывал’.

(35) *Grįž-**ęs*** *namo,*
вернуться-CONV3.M.SG.NOM домой
jis *persireng-ė*.
он.NOM переодеться-PST.3
‘Вернувшись домой, он переоделся’.

2) В роли обстоятельства причины чаще выступают причастия прошедшего времени, называя предшествующее действие; ср.:

(36) *Išgėr-**ęs*** *šalt-o*
выпить-CONV3.PST.M.SG.NOM холодный-M.SG.GEN
vand-ens, *jis* *užkim-o*.
вода-M.SG.GEN он охрипнуть-PST.3
‘Выпив холодной воды, он охрип’.

В (36) причина вполне логично выражается причастием прошедшего времени: причина предшествует событию-следствию.

Конвербы 2 (полупричастия), имея только форму относительного настоящего времени, могут употребляться в функции обстоятельства причины, если есть указания на итеративность; ср.:

(37) *Žadė-**dam**-a* *aplanky-ti* *mus* *ji*
обещать-CONV2-F.SG.NOM навестить-INF мы.ACC она.NOM
visada *sukel-dav-o* *vaik-ų* *džiaugsm-ą*.
всегда вызвать-FREQ-PST.3 ребенок-PL.GEN радость-M.SG.ACC
‘Обещая навестить нас, она всегда вызывала радость у детей’.

Возможно также выражение причины полупричастием, называющим одновременное — формально — вторичное действие, в зависимости от лексического и видового значения зависимого и/или опорного глагола, ср.:

(38) *Protestuo-**dam**-as* *prieš* *nutarim-ą,*
протестовать-CONV2-M.SG.NOM против решение-M.SG.ACC
jis *paskelb-ė* *bad-o* *streik-ą*.
он объявить-PST.3 голод-GEN забастовка-M.SG.ACC
‘Протестуя против решения, он объявил голодную забастовку’.

Причинно-следственная связь между опорным и зависимым действием может стать обратной: сказуемое называет причину, а следствие называется полупричастным оборотом — в настоящем времени:

(39) *Cistern-a* *apvirt-o* *ir* *užsideg-ė,*
цистерна-F.SG.NOM перевернуться-PST.3 и загореться-PST.3
*padeg-**dam**-a* *mišk-ą*.
поджечь-CONV2-F.SG.NOM лес-M.SG.ACC
‘Цистерна опрокинулась и загорелась, и подожгла лес’.

3) Значение обстоятельства сопутствующего действия предполагает одновременность с главным действием, поэтому в этой функции выступают полупричастия, т. е. несклоняемые причастия; эта функция очень близка к обстоятельству образа действия и времени, и разграничить их порой трудно — это в значительной мере зависит от характера лексического значения и взаимодействия опорного глагола и глагола в полупричастной форме. Следующий пример можно, видимо, трактовать как содержащий названное обстоятельство; ср.:

(40а) *Ji* *sup-o-si* *kėdė-je,*
она качаться-PST-REFL стул-LOC
*žiūrė-**dam**-a* *televizorių*.
смотреть-CONV2-F.SG.NOM телевизор.ACC
‘Она качалась в кресле, смотря телевизор’.

Здесь оба действия одновременны, параллельны и мало связаны между собой, что и позволяет трактовать (40а) указанным образом. В таком случае полупричастный оборот может быть заменен личной формой глагола:

(40б) *Ji* *sup-o-si* *kėdėje*
она качаться-PST.3-REFL стул.LOC
ir *žiūrėj-o* *televizorių*.
и смотреть-PST.3 телевизор.ACC
‘Она качалась в кресле и смотрела телевизор’.

4) Обстоятельство образа действия выражается полупричастием благодаря его значению одновременности, при подчиненности зависимого действия главному на уровне лексических значений:

(41) *Jis* *ėj-o*
он.M.SG.NOM идти-PST.3
*šlubuo-**dam**-as*.
хромать-CONV2-M.SG.NOM
‘Он шел хромая’.

(42) *Blog-as* *vadov-as*
плохой-M.SG.NOM руководитель-M.SG.NOM
savo *autoritet-ą* *stengiasi*
свой авторитет-M.SG.ACC стараться.PRES
įtvirtin-ti *slopin-**dam**-as*
утвердить-INF подавлять-CONV2-M.SG.NOM
kit-ų *nuomon-ę*.
другой-PL.GEN мнение-F.SG.ACC
‘Плохой руководитель старается утвердить свой авторитет, подавляя мнение других’.

Видимо, можно выделить и обстоятельства условия с причастием прошедшего времени, хотя их трудно отделить от причинных обстоятельств; ср.:

(43) *Padėj-**ęs*** *kit-iems*
помочь-CONV3.M.SG.NOM другой-PL.DAT
padė-si *sau*.
помочь-FUT.2SG себя.DAT
‘Если поможешь (оказав помощь) другим, поможешь и себе’.

Допустимо, наверное, аналогичным образом трактовать и некоторые случаи с полупричастием — при обобщенном, вневременном значении:

(44) *Padė-**dam**-as* *kit-iems*
помочь-CONV2-M.SG.NOM другой-PL.DAT
paded-i *sau*.
помочь-PRES.2SG себя.DAT
‘Помогая другим, помогаешь и себе’ = ‘Если помогаешь другим, тем самым помогаешь и себе’.

Стоит, пожалуй, отметить, что конвербы 2 и 3 часто употребляются при одном опорном сказуемом как однородные обстоятельства; ср.:

(45) *Nė ne-lauk-**dam**-i Velyk-ų,*
даже не-ждать-CONV2-M.PL.NOM Пасха-PL.GEN
*o tik sulauk-**ę***
а только дождаться-CONV3.M.PL.NOM
šilt-os dien-os,
теплый-F.SG.GEN день-F.SG.GEN
jie išvyk-o į Vilni-ų.
они.M.PL.NOM выехать-PST.3 в Вильнюс-ACC
‘Даже не дожидаясь Пасхи, а только дождавшись теплого дня, они выехали в Вильнюс’.

(46) ⟨…⟩ *ji apsiašaroj-**usi***
она.F.NOM заплакать-CONV3.F.SG.NOM
*ir klyk-**dam**-a pabėg-o.*
и кричать-CONV2-F.SG.NOM убежать-PST.3
‘⟨…⟩ она, заплакав (заплаканная?) и крича, убежала’.

5. Некоторые особенности адвербиального употребления конвербов

Отмечу некоторые любопытные случаи.

1) Конвербы в принципе могут употребляться с предлогами ***prieš*** ‘перед тем как’, прежде чем’ и ***iki*** ‘до того как’; первый показывает, что зависимое действие происходит непосредственно перед главным, а второй на то, что зависимое действие происходило в течение какого-то относительно долгого периода. Возможно употребление с союзным словом ***užuot*** ‘вместо того чтобы’. Выбор конверба зависит от одно- или разносубъектности и одновременности или разновременности зависимого и опорного действий. Пример с разносубъектным деепричастием:

(47) *Prieš eina-**nt** gul-t*
перед идти-CONV1.PRES лечь-INF
reikia pravėdin-ti
быть.необходимым.PRES проветрить-INF
kambar-į.
комната-F.SG.ACC
‘Прежде чем лечь (букв. ‘прежде чем идя лечь’), надо проветрить комнату’.

Примеры с полупричастием:

(48а) *Prieš* *ei-**dam**-as* *gul-t,*
перед идти-CONV2-M.SG.NOM лечь-INF
jis *kiek* *paskait-ė.*
он.SG.NOM немного почитать-PST.3
‘Перед тем как лечь, он немного почитал’.

Ср.:

(48б) *Prieš* *ei-**dam**-as* *gul-t,*
перед идти-CONV2-M.SG.NOM лечь-INF
jis *visada* *skait-o.*
он всегда читать-PRES.3
‘Перед тем как лечь, он всегда читает’.

В (48) интересное временно́е соотношение главного и зависимого действий, при этом предложения (48а) и (48б) различаются видом и временем главного сказуемого, а зависимое действие выражается полупричастием глагола несовершенного вида. Как видно из (48а), полупричастие образуется и от глаголов совершенного вида, обычно приставочных, но видовое значение, видимо, нивелируется.

Следующие примеры иллюстрируют употребление конвербов с предлогом ***iki*** ‘до (того как)’:

(49а) *Privaloma* *padary-ti* *tai*
обязательно сделать-INF это
iki *išvažiuoja-**nt**.*
до уехать-CONV1.PRES
‘Надо обязательно сделать это до отъезда’.

(49б) *Tur-iu* *padary-ti* *tai*
быть.должным-PRES.1SG сделать-INF это
iki *išvažiuo-**dam**-as.*
до уехать-CONV2-M.SG.NOM
‘Я должен сделать это до отъезда’.

2) Еще одна особенность некоторых деепричастий прошедшего (однократного) времени — возможность употребления в предложениях (фактически безличных) в зависимой позиции при прилагательном неродовой формы или именном сказуемом (ср. (50), (51)). В этом случае можно усомниться в обстоятельственной функции конверба, но тем не менее близость несомненна.

(50) *Gana* *gaiš-**us**!*
достаточно время.терять-CONV1.PST
‘Хватит медлить (букв. ‘медливши’)’.

(51) *Gal* *geriau* *būtų*
может лучше быть.COND.3
namo *grįž-**us***.
домой вернуться-CONV1.PST
‘Может, лучше было бы домой вернуться (букв. ‘вернувшись’)’.

Здесь они близки по употреблению к инфинитиву, как и в случае 3).

3) Кроме того, деепричастия могут употребляться в качестве сказуемого с вопросительными и относительными местоимениями, наречиями и частицами, при отсутствии личного сказуемого. Это побочное употребление конвербов 1, характерное для разговорной речи. Тем не менее оно может служить аргументом против того, чтобы считать эти конвербы несовмещенными, как предложено выше (см. раздел 1.1).

(52) *Ką* *čia* *dar* *sugalvoj-**us***
что.ACC здесь еще придумать-CONV1.PST
(*išsigalvoj-**us***)*?*
напридумать-CONV1.PST
‘Что бы тут еще придумать (напридумывать)?’

(53) *Kaip* *man* *dabar* *pasielg-**us**?*
как я.DAT теперь поступить-CONV1.PST
‘Как мне теперь поступить (букв. ‘поступивши’)?’

Употребляются деепричастия и с частицей ***kad*** ‘вот бы’ при выражении (нереального) желания:

(54) *Kad* *taip* *išloš-**us*** *milijon-ą!*
вот.бы так выиграть-CONV1.PST миллион-M.SG.ACC
‘Вот бы так и выиграть миллион (букв. ‘выигравши’)!’

Естественно, все эти деепричастные обороты характерны для эмоциональной устной речи.

4) Интересны и следующие случаи употребления причастий прошедшего времени в обстоятельственной функции в застывшей конструкции.

а) Причастия с отрицанием при личной форме того же или связанного по смыслу глагола часто употребляются для выражения альтернативы или противопоставления; ср. соответственно:

(55) *Galvo-k* *ne-galvoj-**ęs**,*
думать-IMP.2SG не-думать-CONV3.M.SG.NOM
vis *tas* *pats*.
все то.M.SG.NOM самое.M.SG.NOM
‘Думай не думай (букв. ‘думай не думавший’), все одно и то же’.

(56) *Nutil-k* *ne-raudoj-**ęs***.
замолчать-IMP.2SG не-причитать-CONV3.M.SG.NOM
‘Замолчи, не причитай’ (букв. ‘замолчи не причитавший’).

б) Причастия без отрицания при личной форме того же глагола в разговорной речи употребляются для эмфазы:

(57) *Laksty-k* *belaksč-**iusi***.
бегать-IMP.2SG бегать-CONV3.F.SG.NOM
‘Бегай, бегай (букв. ‘бегай как бегавшая’)’; ‘Бегай как бегала’.

6. К вопросу о частотности превербов

В заключение приведу данные об относительной частотности обстоятельственного употребления трех видов конвербов в небольшой сплошной выборке (стр. 5–109) из романа К. Сабаляускайте (K. Sabaliauskaitė. *Silva Rerum*. Vilnius: Baltos lankos, 2009):

Конверб 1	160 употреблений	24%
Конверб 2	258	37,5%
Конверб 3	265	38,5%
Всего:	683	100%.

Этот роман характеризуется усложненным синтаксисом с обилием обстоятельственных оборотов, и столь высокая частотность конвербов может быть нетипичной для художественных текстов, однако само процентное соотношение частотности всех трех конвербов достаточно представительно для художественных текстов.

Следует отметить, что в литовском языке конвербы достаточно употребительны в разговорной речи в отличие от деепричастий в русском языке.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; ADV — адвербиальный суффикс; COND — кондиционал; CONV1 — конверб 1 (‘деепричастие’); CONV2 — конверб 2 (полупричастие); CONV3 — конверб 3 (причастие); DAT — датив; F — женский род; FREQ — фреквентатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; INF — инфинитив; INST — инструменталис; LOC — локатив; M — мужской род; NOM — номинатив; NT — средний род; PASS — пассив; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRES — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

Амбразас 1990 — В. Амбразас. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс: Мокслас, 1990.

Вимер 2009 — Б. Вимер. Таксис в литовском языке // В. С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 161–216.

Мустейкис 1972 — К. Мустейкис. Сопоставительная морфология русского и литовского языков. Вильнюс: Минтис, 1972.

Амбразас (ред.) 1985 — В. Амбразас (ред.). Грамматика литовского языка. Вильнюс: Мокслас, 1985.

Ambrazas (ed.) 1997 — V. Ambrazas (ed.). Lithuanian Grammar. Vilnius: Baltos lankos, 1997.

Ambrazas (red.) 1996 — V. Ambrazas (red.). Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996.

Nedjalkov 1995 — V. P. Nedjalkov. Some typological parameters of converbs // M. Haspelmath, E. König (eds.). Converbs in Cross-Linguistic Perspective. Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms — Adverbial Participles, Gerunds. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 97–136.

Е. В. Горбова

СПбГУ, Санкт-Петербург

ЗАМЕТКИ О ВИДООБРАЗОВАНИИ РУССКОГО ГЛАГОЛА И СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНОЙ ТРАКТОВКЕ ВИДА[1]

1. Введение. Проблемы словоизменительной трактовки вида

Во время работы Международного семинара «Внутри- и межъязыковое взаимодействие» (Тарту, декабрь 2011 г.), Виктор Самуилович Храковский задал мне в кулуарах вопрос, имевший отношение к обсуждавшимся в моем докладе и статье [Горбова 2011] материям[2]: «Что же делать с фактом множественности глагольных приставок в приставочных видовых парах?» Контекст для правильного понимания этого вопроса таков: если мы склонны признавать их, наряду с суффиксальными (и супплетивными), (чисто)видовыми парами на основе функциональной, семантической и акциональной общности. Понятно, что для словоизменительной трактовки русского вида наличие более полутора десятков различных перфективирующих префиксов (к тому же на фоне нескольких имперфективирующих суффиксов) является проблемой.

---

[1] Исследование осуществлено в рамках Гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю С. Маслова» НШ-1778.2014.6 и входит в Тематический план фундаментальных НИР СПбГУ «Петербургская лингвистическая традиция в свете современных направлений мировой лингвистики».

[2] В работе предлагался обладающий рекурсивным характером механизм определения видовой коррелятивности с учетом морфологического типа прототипических (суффиксальных) видовых пар, акциональных свойств глаголов и функционального критерия Маслова, причем при совпадении акциональной характеристики префиксальной пары с выделенными ранее прототипическими, она включалась в (чисто)видовые на тех же правах, что и суффиксальная.

В поисках ответа на поставленный вопрос видятся два пути, обсуждению которых и посвящены предлагаемые заметки.

Первое возможное решение имеет отношение к префиксально образуемому СВ. Учитывая эффект Вея-Схоневелда[3], представляется возможным ввести понятие приставочного форманта-перфективатора с единым планом содержания и общей функцией (ограничителя, или телисизатора, в соответствии с [Плунгян 2011: 401]), но с переменным, подверженным варьированию, планом выражения. Это варьирование обусловливается лексической семантикой исходного (бесприставочного) глагола НСВ. Предлагаемое решение представляется достаточно простым, к нему мы вернемся после обсуждения проблемы избыточности видовой парадигмы (см. [Апресян 1995]) — еще одной проблемы словоизменительной трактовки вида.

Хорошо известно, что в истории изучения русского вида как бинарной грамматической категории (XX век) имеется направление, предъявляющее достаточно ригористичные требования к видовой паре. Приведем некоторые суждения по данному вопросу.

Мнение С. Карцевского:

> Теоретически каждому приставочному глаголу соответствует глагол 2-й ступени, идентичный с ним в отношении приставки и значения, но противопоставленный ему как глагол несовершенного вида. Именно так формируются пары типа *выиграть*/*выигрывать*» [Карцевский 1962: 221];
>
> ⟨…⟩ такой глагол, как *выигрывать*, отличается от *выиграть* лишь своим видом и ⟨…⟩ оба составляют пару, члены которой находятся в отношении видовой оппозиции. Эта оппозиция носит исключительно грамматический характер без какой-либо примеси семантического различия. Так образуются грамматические видовые пары, отражающие операцию развертывания во времени предварительно перфективированного процесса» [там же: 227].

[3] Структурная модель Вея-Схоневелда [Vey 1952; van Schooneveld 1958; Кронгауз 1998: 80–82; Плунгян 2011: 413] объясняет нулевой семантический эффект от присоединения приставки при перфективации исходного глагола НСВ не асемантичностью приставки, а совпадением ее значения со значением производящей основы, семантическим дублированием. Думается, что данная модель обладает нужной объяснительной силой и способна предсказать перфективную форму исходного бесприставочного глагола НСВ на основе семантического анализа глагола и учета его актантов.

Относительно первичных имперфективов:

понимание любого процесса как развертывающегося во времени, т. е. имеющего длительность, настолько естественно, что несовершенное значение исходных глаголов представляется первичным фактом, чем-то непосредственно данным и не подлежащим объяснению с точки зрения современного языка. Но будучи «естественным», несовершенное значение исходных глаголов не является подчеркнутым [там же: 226];

А. В. Исаченко:

В системе славянского видообразования приемы имперфективации занимают центральное место. Видовое соотношение СВ/НСВ проявляется в наиболее чистом виде именно у глагольных пар, возникших с помощью имперфективации исходного глагола с/в [СВ. — *Е. Г.*], ср. *переписать* // *переписывать*. ⟨…⟩ Можно безоговорочно утверждать, что оба члена глагольной пары [образованной путем вторичной имперфективации. — *Е. Г.*] представляют собой грамматические формы одного глагола-лексемы [Исаченко 2003: 176][4];

А. А. Барентсена:

Именно морфологический процесс имперфективации составляет основу категории вида в современном русском языке. В семантическом смысле суть этого процесса заключается в том, что вторичные глаголы НСВ сохраняют признак, который входит в значение всех глаголов СВ в русском языке, а именно — наличие

[4] А. В. Исаченко настаивал на «одновидовости простых глаголов НСВ» (см. соответствующий раздел в [Исаченко 2003: 172–175]), сочувственно цитируя одну из ранних работ Ю. С. Маслова: «То, что называют перфективацией, есть в громадном большинстве случаев чисто словообразовательный прием, прием создания нового глагола» [Маслов 1958]. Также А. В. Исаченко приводит «два формальных признака этих одновидовых глаголов»: 1) от парных глаголов НСВ (ср. *переписывать* // *переписать*, *открывать* // *открыть*, *бросать* // *бросить*) в русском литературном языке не образуются формы деепричастия на *-в* или на *-вши*; 2) от переходных парных глаголов НСВ не образуется, как правило, страдательное причастие прошедшего времени на *-н*/*-т-*» [Исаченко 2003: 174]. С опорой на [Ясаи 2001: 111; Чуйкова 2012: 156–157, 180] можно добавить еще один признак: прямое дополнение оформляется родительным падежом с партитивным значением преимущественно у вторичных имперфективов.

В наши дни подход А. В. Исаченко поддерживает и развивает Х. Томмола, см., напр., [Томмола 2008].

> представления о некоторой «единице», определяющей рамки действия. Суть этой «единицы» определяется семантикой данного глагола [Barentsen 1985: 431][5]

и В. А. Плунгяна, в общем придерживающегося словоклассифицирующей трактовки русского вида:

> Элементами одной парадигмы (= формами одной лексемы) могут более или менее ненасильственно считаться пары типа *упаковать ~ упаковывать*» [Плунгян 2011: 301].

Правомерность же утверждения о том, что «число их недостаточно велико для того, чтобы трактовать вид как словоизменительную категорию» [там же], зависит, думается, от нашего отношения к языковому материалу, иллюстрирующему два известных в русской аспектологии явления — суффиксальную (в том числе вторичную) имперфективацию и видовые тройки[6]. Эти явления порождают проблему соотношения первичного (непроизводного) и вторичного (суффиксально производного от СВ) имперфектива. Рассмотрим эти взаимосвязанные явления, обратившись вначале к тем вторичным имперфективам, которые названы здесь неконвенциональными[7].

---

[5] В семиологической грамматике Ю. С. Степанова [Степанов 1981/2004] развитие категории вида в РЯ рассматривается в «самой тесной связи» с переходностью/непереходностью глагола: обязательность выражения прямого объекта при вторичных, приставочных глаголах СВ (*выиграть*, *выбрить*; *разыграть*, *расписать*; *проиграть*, *пробрить* и т. под.) и признание в качестве «полностью видовых» пар типа *выпить — выпивать* служит, по мысли автора, обоснованием данной взаимосвязи [там же: 302–303] и, на мой взгляд, эксплицирует мысль А. Барентсена о «некоторой “единице”, определяющей рамки действия».

[6] В следующем понимании: «бесприставочный глагол НЕСОВ — приставочный глагол СОВ — приставочный глагол НЕСОВ, образованный от формы СОВ вторичной имперфективацией» [Апресян 1995: 105]. В [Зализняк, Микаэлян 2010] для обозначения соответствующего явления использован термин «видовые морфологические биимперфективные тройки».

[7] В [Гловинская 2010: 173; Петрухина 2000: 100] соответствующие образования (типа *разбуживать*, *написывать*, *сделывать*) обозначены как потенциальные («потенциальные глагольные формы», «потенциальные видовые корреляты»), в [Зализняк, Микаэлян 2010] — как окказиональные, в [Зубова 2008] — как авторские.

2. Неконвенциональные вторичные имперфективы

Известно, что суффиксальная имперфективация включает в себя два случая:

1. имперфективацию двувидового глагола с помощью суффиксов *-ива-*/*-ыва-*, ср.: *арестовать — арестовывать*, *организовать — организовывать*, *образовать — образовывать*, см., напр., в [Гловинская 2008: 190];
2. так называемую вторичную имперфективацию («глагол 2-ой ступени» по С. Карцевскому), т. е. суффиксальное образование имперфективной формы от приставочной перфективной (при помощи, в основном, тех же суффиксов: *-ива-*/*-ыва-*, но и *-ва-*, *-а-*), ср.: *переписать — переписывать*, *открыть — открывать*, *снять — снимать*.

В центре нашего внимания будет второй случай, т. е. вторичная имперфективация. И в первую очередь — неконвенциональные вторичные имперфективы. Толчком для обращения к этому вопросу явился материал, (довольно неожиданно) полученный в рамках лингвистического эксперимента по изучению видовой коррелятивности русского глагола в зависимости от акциональности (= лексического вида, ситуационного типа, характера действия) глагольной лексемы.

Описание эксперимента. Эксперимент был проведен в марте 2011 года, в нем участвовали студенты различных отделений 1 курса Филологического факультета СПбГУ, носители русского языка (была заполнена 81 анкета). Задание имело две части, каждая сопровождалась отдельной инструкцией. 1-ая часть была направлена на реализацию граммемы НЕСОВ(ершенного) в футуральном контексте с единичной интерпретацией, 2-ая — на ее реализацию в претеритальном контексте при итеративности. Отобранные формы СОВ(ершенного вида) репрезентировали все акциональные классы русского глагола и соответствующие им типы видовых пар (в том числе гипотетические), а также основные морфологические типы видовой коррелятивности (суффиксальные и приставочные, а также супплетивные пары). Были даны следующие инструкции:

- К первой (футуральной) части эксперимента: «I. Вам дают поручение (или задание), которое Вы не намерены выполнять прямо сейчас. Пообещайте сделать то, о чем

идет речь, в будущем: *завтра*, *послезавтра*, *на следующей неделе*, *потом* и так далее, используя в ответной реплике слова «я буду». Например: *Тебе нужно это доделать — Я завтра буду доделывать.* Ответ запишите ниже (если Вы считаете, что получающийся ответ скорее относится к категории «так по-русски сказать нельзя», отметьте его вопросительным знаком — «?»)».

- Ко второй (итеративной) части эксперимента: «II. Вам (или кому-то другому) дают совет сделать что-то, что Вы (или кто-то другой) уже сделали. Откажитесь следовать совету, мотивируя свой отказ тем, что это действие уже неоднократно совершалось (*два раза*, *много раз*, *сто раз*, *тысячу раз*, *Бог знает*, *сколько раз* и т. п.). Например: *Тебе обязательно нужно это увидеть! — Я уже сто раз видел*(*а*).»

Приведем стимульный материал к обеим частям задания.

Первая (футуральная) часть:

1. *Тебе нужно переписать домашнее задание.* 2. *Тебе обязательно нужно поскорее выздороветь.* 3. *Тогда ты должен ее очаровать.* 4. *Ты должен еще раз всё проверить.* 5. *Ты ведь еще должен написать отзыв.* 6. *Значит, тебе его нужно разбудить.* 7. *Тебе ведь еще нужно покрасить кухню.* 8. *Нам ведь еще нужно постричь кошке когти.* 9. *Ты должен погулять с ребенком.* 10. *Нужно ведь еще поесть.* 11. *Тебе над этим нужно еще поработать.* 12. *Нам ведь еще нужно их поблагодарить.* 13. *Тебе нужно заняться чем-нибудь полезным.* 14. *Тебе нужно сохранить всё, как есть.* 15. *Тогда тебе нужно на это возразить.* 16. *Тебе еще нужно посидеть над этой задачей.* 17. *Так ты должен только порадоваться этому.* 18. *Тебе нужно найти правильное решение в этой ситуации.*

Вторая (итеративная):

1. *Тебе обязательно нужно еще раз сюда прийти!* 2. *Значит, нужно найти правильное решение.* 3. *Чтобы успокоиться, ему нужно возглавить что-нибудь*; 4. *Тебе нужно заняться чем-нибудь полезным!* 5. *Тогда остается единственное средство: тебе нужно ее обнять!* 6. *Ей нужно сохранить всё, как есть!* 7. *Тебе нужно прыгнуть с более высокой вышки.* 8. *Не гаснут? Нужно дунуть еще раз, и посильнее!* 9. *Значит, нужно плюнуть на это дело, и всё.* 10. *Нужно еще посидеть над этим проектом.*

11. *Ну вот, можно и порадоваться по этому поводу!* 12. *Тогда его нужно как следует обидеть.* 13. *Но ведь еще можно возразить!* 14. *Тебе обязательно нужно посмотреть этот фильм!* 15. *Ты должен, просто обязан это ощутить!* 16. *Этим следует насладиться!* 17. *Она должна рассердиться на эти слова.* 18. *Ты должен* (*должна*) *его увидеть.*

В анкетах информантов в контексте будущего НЕСОВ (будущего сложного) при выражении единичности были обнаружены следующие образования[8]: 5) *написывать* (4), 6) *разбуживать* (5), 7) *покрашивать* (4), 8) *подстригивать* (1), 9) *погуливать* (5), 10) *поедать* (5), 11) *порабатывать* (3) (с вариантом *поработывать* (1)), 12) *поблагодаривать* (5), 14) *сохранивать* (1), 16) *посиживать* (4) (с вариантом *посаживать* (1)), 17) *порадовываться* (2) (с вариантами: *порадываться* (1) и *порадовлиться* (1)) — всего 11 неконвенциональных лексем (без учета вариантности) с 43 вхождениями. В претеритальном контексте с показателями итеративности зафиксированы следующие образования: 10) *посиживала* (1), 14) *посматривала* (1), 17) *рассерживалась* (7) — всего 3 неконвенциональных лексемы с 9 вхождениями.

Итого: 13 неконвенциональных лексем (при вариантности плана выражения)[9] с 53 вхождениями. Примечательно, что среди них имеются вторичные имперфективы от СВ с префиксом *по-* с диапазоном значений от бесспорного делимитативного до возможного результативного: *поработать* → *порабатывать*, *порадоваться* → *порадовываться*, *посидеть* → *посиживать*, *погулять* → *погуливать*, *поесть* → *поедать*, что демонстрирует наличие единого морфологического механизма при сходной (если учесть заданные в эксперименте условия) семантической модификации.

[8] Цифра перед словоформой указывает на порядковый номер соответствующего стимула в анкете, в скобках справа дано количество вхождений в анкетах информантов.

[9] 13, а не 14, потому что лексема *посиживать* фигурирует в ответах на обе части анкеты. В дальнейшем образования *посиживать*, *посаживать*, *поедать*, *погуливать*, *порадываться*, *порадовлиться* не рассматриваются по разным причинам: как реализующие, скорее, другие значения (первые четыре глагола), как относящиеся к СВ (*порадываться*, искаженное *порадоваться*), как образованные по незакономерной модели (*порадовлиться*).

Проверка по НКРЯ и поисковым системам (Яндекс и Google) дала следующие результаты, см. Таблицу 1.

Таблица 1. Вторичные имперфективы в ответах информантов и по данным НКРЯ и поисковых систем сети Интернет

№	Вторичный имперфектив	Вхождения в ответах информантов (в какой части)	НКРЯ	Яндекс / Google (только на РЯ) / Google (только на РЯ, за год)	Дата обращения к поисковым системам
1.	*написывать*[10]	4 (1)	0	2 тыс. / 33400 / 394	13.07.2012
2.	*разбуживать*	5 (1)	1	4 тыс / 11700 / 9	13.07.2012
3.	*покрашивать*	4 (1)	0	515 / 17100 / 23	13.07.2012
4.	*подстригивать*	1 (1)	0	4 / 7 / 1	13.07.2012
5.	*порабатывать*	3 (1)	0	644 / 15300 / 31	13.07.2012
	поработывать	1 (1)	1	531 / 15600 / 6	13.07.2012
6.	*поблагодаривать*	5 (1)	0	14 / 20 / 2	13.07.2012
7.	*сохранивать*	1 (1)	0	1 / 11 / 4	13.07.2012
8.	*порадовываться*	2 (1)	0	10 / 71 / 0	13.07.2012
9.	*посматривать*	1 (2)	2626	1 млн / 499 тыс. / 12600	13.07.2012
10.	*рассерживаться*	7 (2)	2	203 / 83 / 0	13.07.2012

[10] Относительно этого глагола нельзя утверждать, что все вхождения реализуют одну и ту же — соответствующую перфективному корреляту *написать* — семантику. Хотя такие реализации также встречаются (см. примеры (1) и (2)), они составляют меньшинство. В большинстве случаев реализуется кумулятивная семантика, как в (3) и (4); по [Зализняк, Шмелев 2000: 115] — имперфективация перфективного кумулятивного СД, как в *наварить — наваривать*. Также имеются «переходные» случаи, когда установить в точности той или иной тип семантики непросто, см. (5). Вопрос о трактовке взаимоотношений между этими значениями и, соответственно, о полисемии или омонимии, на данный момент остается открытым.

Небезынтересен тот факт, что количество вхождений имперфектива *написывать* стремительно увеличивается: на 25.10.2013 поисковые системы дают уже следующие результаты: 4 тыс. / 53600 / 510.

Приведем иллюстрации из НКРЯ и сети Интернет:

(1) *НАПИСАТЬ, **написывать** что, кончить писаньем, совершить письмом, т. е. начертаньем грамотным, или картинным, пером или кистью.* [http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый словарь Даля/НАПИСАТЬ]

(2) *А я, случается, пишу не один вечер и **написываю** целую кучу. Куда же мне посылать всю эту кучу?* (А. П. Чехов — Н. А. Лейкину, 4 июня 1883 г.) [chehov.niv.ru/chehov/letters/1875-1886/letter-044.htm]

(3) *⟨…⟩ в роде договоров, постановлений, прибегали к помощи такого материала, как камень, бронза и т. д., на котором буквы нужно было не **написывать**, а вырезать*. [http://www.vehi.net/brokgauz/all/076/76288.shtml]

(4) *Я что должна каждые 5 минут **написывать**-названивать с вопросами-заклинаниями типа: ты меня любишь?* [natellina.livejournal.com]

(5) *А что толку сейчас уже **написывать** отзыв, прав по плевому делу все равно лишили! Адвокат Л. Титова — никакой, когда она говорит, что все зависит от судьи, меня уже сразу это немного повергло в небольшой шок!* [http://www.yell.ru/moscow/com/avtoyurist-ooo_5358835]

(6) *Пролетая, они стегали вагон плетками — и секли по спящим слепым его оконцам, как по глазам, что дико было Матюшину понимать, видеть, но никого они все же не **разбуживали**.* [Олег Павлов. Дело Матюшина (1996)] (НКРЯ, запрос: разбужива*)

(7) *Что чувствовал, что думал, что хотел: Не надо ничего **разбуживать**, любовь бывает разная.* [www.24open.ru/qa/situation/43053/?page=5]

(8) *И началась ржа :(Придется зачищать и **покрашивать**.* [www.ladadriver.ru/message-21497451.htm]

(9) *цвет красивый, НО для того чтобы он был, приходится очень много наносить и подушечкой (я тени обычно наношу кистью). Очень быстро стираются, приходится **покрашивать** чуть*

ли не каждый час. [http://ru.oriflame.com/products/product-detail.jhtml?prodCode=20394&tab=1&start=41&pHowMany=20]

(10) *Первые цирюльники появились в Риме около 300 г. до н.э., приехав из Сицилии. Но лишь около ста лет спустя вошло в обычай* ***подстригивать*** *волосы и* ⟨…⟩ [www.russianplanet.ru/filolog/horatius/carmina/1_12.htm]

(11) *А у меня один день заходит видный мужчина и спрашивает подстричься, я его усадила и так засмотрелась, что начала его* ***подстригивать*** *без пелерины.* [www.kraso-vizast.ru/kosmetika/begjbkrasota-kosmetika2-228149.htm]

(12) *Всегда и везде необходимо потрудиться, попариться себе в убыток, имя там заработать, а потом уже начинать капусту* ***подстригивать***. [http://www.google.ru]

(13) *С нынешнего лета начинаю напольную работу* ***поработывать***. [А. Ф. Писемский. Леший (1853)] (НКРЯ)

(14) *Ну вот и я, когда буду на пенсии, начну* ***порабатывать*** *этим хобби на жизнь. Шучу! До пенсии ещё далеко, а расслабляет и разгружает голову от «ненужного» это хобби — однозначно.* [http://www.baku.ru/frmpst-view.php?nd=0&frmpst_id=6640634&id=6663830#6663830]

(15) *Не, нужно как-то* ***порабатывать*** *помимо основной деятельности* ⟨…⟩ *молодая семья все-таки* [www.forum.lancer-club.ru/index.php?s…showtopic=67528…]

(16) *И вообще я в комментарии своём хотела* ***поблагодаривать*** *Вадима за помощь МНЕ и не хотела никого склонять идти учиться в эту автошколу* [otzyvy.by/avtomobilnye/14774/comments/29538.html]

(17) *— Хочу* ***поблагодаривать*** *Вас — с Вами приятно и интересно было общаться, несмотря на некоторые разногласия.* [clubs.ya.ru/polit/replies.xml?item_no=107029&parent_id…]

(18) *Типа, выдерживает паузу. Пытается* ***сохранивать*** *мордулица…* [www.gsc-game.com/…/main.php?t…s...]

(19) *почитываю Вас — пораду…порадова..***порадовываюсь** (*ой, можно ли так сказать?)* [jefi-jun.livejournal.com›106557.html]

(20) *нет ну можно сначала за девушку* ***порадовываться****… потом с критикой лезть.* [www.liveinternet.ru/users/aurora_borealis/post21030078/]

(21) *В последнее время не могу* ***посматривать*** *фильмы на внутреннем ресурсе сети* [http://www.google.ru]

(22) *На один миг* ***рассерживался****, но не более.* [В. Т. Нарежный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)] (НКРЯ)

(23) *И начинают* ***рассерживаться****… А покровитель будет говорить, гладя по головке… не сердите дитя, оно неразумное, и укусить может.* [www.cornelius.ru/GB/daily.php?date=24.07.2010]

(24) *Царица полная истеричка. Когда она* ***рассерживалась****, то бросала зеркальце, которое было дано ей в приданое. Царевна же — наоборот. Она была красивее, и характер был у нее другой.* [http://znanija.com]

Аналогичный материал не был обойден вниманием, причем в рамках различных лингвистических направлений: диалектологии [Ровнова 1998, 2011], онтолингвистики [Цейтлин 1975, 2009; Пупынин 1996, 1998; Гвоздев 1949/2007; Гагарина 2008], лексикографии [Апресян 1995, 1997; Клобуков, Рыжих 1998; Ремчукова 2008], изучении поэтического языка [Зубова 2008], мониторинга активных грамматических процессов в русском языке, переходящего в собственно аспектологию [Гловинская 2008, 2010; Ясаи 2001; Храковский 2005, 2006; Петрухина 2000: 90–100, 2009; Зализняк, Микаэлян 2010[11]; Зализняк и др. 2010; Татевосов 2010]. Приведем основные положения и/или выводы упомянутых исследований.

В посвященной имперфективации в русских диалектах[12] работе [Ровнова 1998] на основе обширного материала (диал. *запеленывать*, *задушивать*, *спевать*, *вскипячивать*, *задавливать*, *украдывать*, *умариваться*, *растолстевать* [Ровнова 1998: 397–398])

[11] Широкомасштабное исследование на материале НКРЯ и языка сети Интернет, ср.: «мы брали подряд весь словник словаря Ожегова-Шведовой и проверяли потенциальные тройки при помощи поиска в НКРЯ и в Яндексе» [Зализняк, Микаэлян 2010].

[12] См. также приведенную в данной работе библиографию.

формулируются следующие положения: «вторичную имперфективацию глаголов СВ с чистовидовыми приставками можно считать системным явлением в русских говорах» [там же: 397]; «разговорная и диалектная речь как системы, не связанные кодифицированной нормой, характеризуются в целом большей свободой образования имперфективов путем суффиксации» [там же: 398]. Далее отмечается, что «суффикс *-ива-* стремится быть монопольным средством имперфективации диалектного глагола» [там же: 400], замещая суффикс *-ва-* (*прода́ивали* вместо *продавали*, *разда́ивал* вместо *раздавал*)[13]. Констатируется также результирующая «избыточность аспектуальной парадигмы диалектного глагола: одному приставочному глаголу СВ соответствуют два глагола НСВ — бесприставочный и приставочно-суффиксальный» [Ровнова 1998: 397]. К последнему выводу мы еще вернемся.

Онтолингвистика, активно освещающая становление видовременной системы русского глагола в речи ребенка, также дает некоторые сведения о вторичной имперфективации, ср.:

- *сделывать* — «Дети могут образовать вторичный имперфектив и от глагола «сделать» в том случае, если им нужно специально подчеркнуть результативность действия: *Помнишь, как мы с тобой на даче бумажные кораблики* ***сделывали****?*» ([Цейтлин 1975: 132–134], цит. по [Полс 1993: 10]);
- *сжаливаться — Мария Ефимовна часто ставит Елохина в угол, но потом* ***сжаливается*** (7 лет), ([Цейтлин 1975: 137], цит. по [Полс 1993: 331]);
- *очучиваться*, *постеливать* ‘стелить’: «Эти потенции могут быть реализованы в шутливой речи взрослых, в поэтической речи, но в речи детей они непроизвольны и очень естественны» (из доклада С. Н. Цейтлин «Идеальная грамматика и детская речь» 24.01.2012 в ИЛИ РАН).
- *расхрумкивать* — «Р.: *Вот они* (сыроежки) *такие хрустяшечки, вот видишь, как* ***расхрумкиваются***? (Лиза 4;00)

[13] Подобно *сохранивать* вместо *сохранять* в ответах информантов в описанном эксперименте, т. е. здесь мы имеем дело с вариантностью морфологических моделей (в [Апресян 1995: 102] — первый основной аспектуальный тип, характеризующийся вариативностью суффиксов; см. также [Полс 1993]).

> Глагол *расхрумкиваться* не существует в нормативном языке; ребенок самостоятельно образует форму НСВ, имеющую итеративное значение, префиксально-суффиксальным способом[14]. ⟨…⟩ Такие примеры детского языкового творчества свидетельствуют о продуктивной деятельности по конструированию грамматических форм» [Гагарина 2008: 32].

При этом, по-видимому, суффиксальная имперфективация возникает на поздних этапах усвоения языка. Приведем соответствующее свидетельство: «Анализ видовых пар показал, что первичные их употребления относятся к началу продуктивного использования личных форм глагола. Первые пары образованы префиксацией: *ломать — сломать*, *рисовать — нарисовать* (Витя), суффиксацией: *одевать — одеть* (Лиза) и супплетивно: *садиться — сесть* (Витя)» [Гагарина 2008: 134].

В работах лексикографической направленности интересующее нас явление также становилось предметом анализа. В частности, в работе [Клобуков, Рыжих 1998], посвященной глаголам-неологизмам в словарях новой русской лексики 1950–1980-х гг., отмечается, что «наиболее регулярно новые видовые пары образуются путем имперфективации (таких пар — около 75%)[15]». Также авторы указывают, что «наиболее продуктивным имперфективирующим средством продолжает оставаться суффиксальный морф *-ива-*» (при этом «соотношение морфов *-ива-*/*-ыва-* и *-ва-*» трактуется как «проявление алломорфии одного суффикса, тогда как имперфективирующий суффикс *-а-* составляет особую морфему») [там же: 188]. В качестве примеров видовых пар, полученных при помощи морфа *-ива-*/*-ыва-* приводится следующий перечень форм (с языковыми иллюстрациями, здесь опущенными): *зашкаливать* ← *зашкалить*, *заорганизовывать* ← *заорганизовать*, *обездвиживать* ← *обездвижить*, *раскавычивать* ← *раскавычить* [там же: 188–189]. Лексикографическую направленность имеют и работы

[14] Судя по предложенному контексту (*вот видишь, как*…), здесь реализовано актуально-длительное значение обсуждаемого глагола, образованного, по-видимому, как и все вторичные имперфективы, с помощью суффиксального форманта от СВ *расхрумкаться*.

[15] От корпуса объемом около 300 единиц, см. [Клобуков, Рыжих 1998: 183].

[Апресян 1995, 1997], но они будут рассмотрены в следующем разделе.

По свидетельству Л. В. Зубовой, «наибольшее количество примеров авторских видовых форм демонстрируют вторичную имперфективацию» [Зубова 2008: 78], что признается естественным на фоне двух авторитетных мнений: мнения Ю. С. Маслова о том, что «именно суффиксальная имперфективация была и остается по сей день главным стержнем всего морфологического механизма глагольного вида во всех без исключения славянских языках» [Маслов 1984: 110], и Е. Н. Ремчуковой, утверждающей, что «в современном русском языке идет тотальное и абсолютно свободное образование вторичных имперфективов от приставочных глаголов СВ» [Ремчукова 2005: 176] (цитирую по [Зубова 2008: 78]). Интересно, что тут же мы обнаруживаем понятие «ненормативной вторичной имперфективации», при которой «глаголы неизбежно актуализируются в текстах», что приводит к тому, что «читателю предлагается сосредоточить внимание именно на длительности действия» [там же]. Многочисленные примеры неконвенциональной вторичной имперфективации приведены ниже, см. [там же: 79–85]. Среди приведенных иллюстраций нередки и случаи реализации актуально-длительного значения НСВ, ср., например:

(25) *Шмель сладостно зудит внутри цветка* / *и* ***взрёвывает****, как бомбардировщик* (Владимир Строчков); *Так воздух, поверху летя,* / *То возгласом, то всхлипом клейким* / ***Вылепливает****, как дитя,* / *Воспоминания о флейте* (Д. А. Пригов) [там же: 79].

Полностью соглашаясь с тем, что «категория вида — живая, во все обозримые периоды эволюции языка, в том числе и сейчас, она находится в становлении» [Зубова 2008: 101], не могу солидаризироваться с основным выводом автора: «поэтические видовые неологизмы, не допускающие десемантизации приставок и суффиксов, тяготеют к словообразованию» [там же: 102]. Представляется, что вторичная имперфективация, наоборот, «работает» на словоизменительный характер русского вида.

В работах М. Я. Гловинской, посвященных мониторингу активных грамматических процессов в русском разговорном языке рубежа веков [Гловинская 2008, 2010], также обсуждается вопрос о вторичной имперфективации — в терминах потенциальности

имперфективных видовых коррелятов, напр.: «*сболтнуть* (*лишнее*) — *сбалтывать*: потенциальный НЕСОВ» [Гловинская 2010: 171–172]. Соответствующий процесс (включая и формирование нового приставочного глагола СОВ с последующей вторичной имперфективацией, ср.: *прикупить* в значении ‘купить’ — *прикупать*) охарактеризован как «движение к более регулярному видообразованию, а именно, созданию в конечном счете суффиксальной пары с помощью вторичной имперфективации» [Гловинская 2008: 197]. В число критериев потенциального видового коррелята включены: 1) выводимость по продуктивным правилам системы; 2) отсутствие в узусе; 3) «странность» для носителя языка [Гловинская 2010: 172–175]. При этом последний критерий специфичен, поскольку отличает потенциальные видовые корреляты как реализацию грамматической потенциальности от словообразовательной — потенциальных дериватов типа *суперцена* или *рейганизм*, которые «с самого начала не казались странными словами» [там же: 175][16].

[16] В [Ремчукова 2011: 132] «странность» вторичных имперфективов подвергается сомнению: «можно говорить не об искусственности имперфектива, а об искусственности самого запрета, поскольку он является постоянно нарушаемым. Наши наблюдения подтверждают, что имперфективация приставочных глаголов ⟨…⟩, за редким исключением, не является ни морфологической, ни словообразовательной проблемой. Проблема возникает в лексикографической практике, так как решить, какие из имперфективов (ниже, на с. 149, они названы *перфективными имперфективами. — Е. Г.*) «достойны» отражения в словарной статье, а какие сиюминутны и могут остаться за ее пределами, не просто. Но сам критерий «искусственности» глагола несовершенного вида представляется весьма спорным, а следовательно, сам круг вторичной имперфективации не может быть строго очерчен». Ср. также с приведенным выше мнением С. Карцевского о теоретической тотальности вторичной имперфективации русского глагола. А также: «Оценка приемлемости $НСВ_2$ очень сильно варьирует в зависимости от: 1) времени (меняется с течением времени); 2) социальной, профессиональной, возрастной и пр. группы говорящих; 3) идиолекта. Те глаголы, которые кажутся «искусственными», «тяжеловесными», «неуклюжими» и т. д. одним говорящим (исследователям), другим представляются совершенно обычными словами русского языка. Не говоря уже о том, что даже самые причудливые имперфективы в огромном количестве встречаются в Интернете (такие как *заблуживаться*, *заподазривать*, *встрепеныватьсяся*…)» [Зализняк, Микаэлян 2010].

Отмечено также, что «в разговорной речи возникновение потенциальных форм большей частью связано ⟨…⟩ с коммуникативной потребностью: благодаря потенциальной форме говорящий создает для себя возможность употребить более простую синтаксическую конструкцию и точнее выразить нужный смысл» [там же: 173].

Подводя итоги исследованию, автор констатирует, что «в последние десятилетия можно также говорить о повышении активности вторичной имперфективации» [Гловинская 2010: 191] и приводит, со ссылками на литературу, перечень фактов, свидетельствующих об этом. В их число входит: 1) продолжение дифференциации по виду двувидовых глаголов не только с помощью приставок (ср. *спрогнозировать*), но и путем вторичной имперфективации (*аккредитовывать*, *демобилизовывать*, *легализовывать*, *нормализовывать*, *нейтрализовавыть*); 2) активное употребление этих форм в современной литературе и разговорной речи (со ссылкой на [Ремчукова 2005/2011]); 3) обилие этих форм в языке современной поэзии (со ссылкой на [Зубова 2008]); 4) широкое употребление этих форм в Интернете, (ссылка на [Зализняк, Микаэлян 2010]). В последнем мы имели возможность убедиться: все образованные в ходе нашего эксперимента неконвенциональные формы НЕСОВ были обнаружены при помощи поиска в Интернете (при довольно частотном их отсутствии в НКРЯ).

Итак, представляется оправданным ставить вопрос о неконвенциональной вторичной имперфективации (и о соответствующих имперфективах) как о важнейшей составляющей видового формообразования РЯ, обнаруживающей системный характер. Далее могут быть поставлены следующие вопросы:

a) о направлении развития вторичной имперфективации: имеет ли место усиление или угасание этого процесса в настоящий момент, и каковы прогнозы на будущее?

b) о теоретических следствиях учета неконвенциональной вторичной имперфективации: корректирует ли учет этого процесса представление об устройстве видовой оппозиции русского глагола?

Для того чтобы ответить на первый вопрос, следует провести дополнительное диахроническое исследование, поскольку из нашего материала и современной литературы вытекает, что в настоящее время вторичная имперфективация явно активизирована

(см. [Клобуков, Рыжих 1998; Ровнова 1998; Гловинская 2008, 2010; Зализняк, Микаэлян 2010, 2012; Ремчукова 2005/2011]). Однако может оказаться, что активизирована она всего лишь на фоне предыдущих десятилетий, а в более ранние периоды это явление было распространено либо так же, либо в еще большей степени. Достаточно обратиться к [Даль 1863–1866], чтобы убедиться в том, что вторичные имперфективы типа *разбуживать* там представлены (приведенная форма — как первая в ряду имперфективных вариантов, куда также входят *разбужать* и *разбуждать*); аналогичные наблюдения находим в [Зализняк, Микаэлян 2010].

Однако вне зависимости от решения вопроса о направленности и интенсивности процесса вторичной имперфективации, потенциальное формообразование типа *разбудить — разбуживать* ставит, как представляется, первичный, непроизводный имперфектив типа *будить* вне регулярного видового формообразования и особым образом решает проблему видовых троек: *будить*, будучи немаркированным (в первую очередь — с точки зрения формы) глаголом, способным (при необходимости) служить (квази)синонимом вторичного имперфектива *разбуживать*, оказывается за пределами видового формообразования. Роль первичного НСВ в биимперфективных тройках с вторичным имперфективом Ю. Д. Апресян охарактеризовал так: «Это — своего рода «джокер», выполняющий чужие функции: ср. *бить* (*врага*) — *побить — побивать*; *бить* (*Часы бьют*) — *пробить — пробивать*; *бить* (*посуду*) — *разбить — разбивать*; *бить* (*масло*) — *сбить — сбивать*» [Апресян 1995: 106][17]. Ср. также с комментарием из [Зализняк и др. 2010: 20]: «Здесь (после примеров: *рвать* <мосты> вместо *взрывать*; *рвать* <зубы> вместо *вырывать*; *бить* <масло> вместо *взбивать*; *писать* <на пленку> вместо *записывать*; *крепить* <балку> вместо *прикреплять*. — *Е. Г.*) везде часть значения, уточняющая характер действия, которая вносится приставкой, опускается как не стоящая упоминания, либо как очевидная, известная посвященным (по принципу “sapienti sat”)»; сходные соображения по поводу *связывать* и *вязать* находим в [Зализняк, Микаэлян 2012: 56]: «[т]ривиальный факт, что результатом действия *связывать* является *связать*; менее тривиальный — что иногда вместо глагола *связывать* **в том**

[17] Здесь высказывание Ю. Д. Апресяна применяется расширительно: в указанной работе оно характеризовало нормативные случаи.

же значении может быть употреблен глагол *вязать*, и только в силу этого мы можем судить о том, что бесприставочный глагол *вязать* приобретает идею «TOGETHER» и, соответственно, вступает в видовую корреляцию с *связать*».

3. Что избыточно в видовой тройке?

Вопрос о биимперфективных тройках довольно активно обсуждается в последние два десятилетия: достаточно упомянуть работы [Апресян 1995, 1997; Петрухина 2000, 2009; Зализняк, Шмелев 2000; Ясаи 2001; Храковский 2005, 2006; Зализняк, Микаэлян 2010; Татевосов 2010; Зализняк и др. 2010]. Интерес лингвистов к феномену аспектуальных троек закономерен при учете никем сегодня не оспариваемой бинарности видовой оппозиции в РЯ и особенно обостряется при словоизменительной трактовке вида (в частности, у Е. В. Падучевой, см., напр., [Падучева 1996: 95], в работах Ю. Д. Апресяна). Следовательно, закономерна постановка вопроса об избыточности одной из форм в видовой тройке или, в терминах Ю. Д. Апресяна, об избыточности видовой парадигмы. Далее мы рассмотрим постановку проблемы избыточности и предложения по ее решению в [Апресян 1995, 1997], затем — основные обсуждаемые в литературе различия первичного и вторичного имперфектива ($НСВ_1$ и $НСВ_2$ — обозначения из [Зализняк, Микаэлян 2010]) в рамках данного типа троек.

В упомянутых работах Ю. Д. Апресяна, посвященных проблемам лексикографической трактовки вида, в ряду других обсуждается вопрос об избыточности видовой парадигмы. Дается определение данного понятия: «Парадигма называется избыточной, когда в ней есть варианты — либо формы НСВ, либо формы СВ». Вариантом же признается «такой элемент парадигмы, который в каких-то отношениях ущербен: либо он архаичен, либо мало употребителен, либо потенциален, т. е. выводится исключительно по правилам системы, но отсутствует в узусе, либо, может быть, будучи формально возможным, он имеет меньшую семантическую парадигму[18] соответствующей формы, чем его конкурент» [Апресян 1997: 13].

[18] В определенном чуть ниже автором смысле как «меньший набор грамматических значений, в принципе свойственный данной грамме» [Апресян 1997: 13].

Один из основных аспектуальных типов, обнаруживающих избыточность в определенном выше понимании, в [Апресян 1997] назван префиксальным (в [Апресян 1995: 105] — вторым основным аспектуальным) типом[19] и иллюстрируется тройкой *множиться — умножаться — умножиться* [Апресян 1997: 14]. Автор полагает, что за внешним единством в соответствующих случаях скрывается «очень разнородный материал, который разбивается по крайней мере на четыре разных типа» [там же]. Следствием анализа семантической парадигмы обеих форм НСВ в тройках является разбиение материала на четыре типа, в зависимости от вхождения в репрезентирующую одну лексему видовую пару или первичного (бесприставочного) НСВ, или образованного путем вторичной имперфективации [там же: 14–15]. Предлагается различать следующие случаи:

1. *таять — растаять — растаивать: таять ~ растаять* — «одна глагольная лексема, а *растаивать* — это вариант формы *таять*, который выведен по правилам системы, но реально не существует»; основание — отсутствие актуально-длительного значения у вторичного имперфектива: **Смотри, снег растаивает* [Апресян 1997: 14];
2. *Молоко бежит — Молоко убегает — Молоко убежало* — обе формы НСВ признаются равноправными, поскольку отсутствует основание для признания одной из форм НСВ главной, а второй — ее вариантом. «В системе русского языка глагол *бежать* является глаголом класса Imperfectiva tantum, и есть пара *убегать — убежать*. Но в узусе при необходимости образовать форму СВ от лексемы *бежать* используется форма *убежать*. Что же происходит на самом деле? На самом деле происходит восполнение дефектной парадигмы (глагола *бежать. — Е. Г.*) за счет синонимичного слова» [Апресян 1997: 15];
3. *Полено горит — сгорает — сгорело*. «Пара есть только для *сгорать — сгореть*, а глагол *гореть* принадлежит классу Imperfectiva tantum, и дефектность этой аспектуальной

[19] Для него «характерны тройки вида “бесприставочный глагол НЕСОВ — приставочный глагол СОВ — приставочный глагол НЕСОВ, образованный от формы СОВ вторичной имперфективацией”» [Апресян 1995: 105].

парадигмы ничем не может быть восполнена»; основание — серьезность семантических различий между *гореть* и *сгорать*, поскольку «они ни при каких обстоятельствах не выражают одного комплекса идей» [там же];

4. *Читать — прочитать — прочитывать книгу*. «На самом деле пару образует парадоксальным образом бесприставочный глагол и его приставочная производная форма СВ *прочитать*, а *прочитывать* — это глагол Imperfectiva tantum, хотя бы на том основании, что основных значений НСВ (процессных, общефактических, профетического, потенциального) у него нет» [там же].[20]

Думается, что существуют некоторые основания для объединения 1-ого и 4-ого типа, поскольку в обоих случаях вторичный имперфектив отвергается как видовой коррелят для СВ по причине отсутствия характерных для НСВ значений: актуально-длительного в 1-ом типе и более длинного списка — в 4-ом. 2-ой и 3-ий классы также обнаруживают больше общности, чем различий[21]. В частности, потому что глубина различий между двумя имперфективами в 3-ем типе представляется несколько преувеличенной, ср. их взаимозаменяемость в следующем контексте: *Рукопись сгорала / горела у нее на глазах, но она, как зачарованная, не могла пошевельнуться*[22].

[20] Предложенная классификация вызвала широкий отклик в литературе, обозначив новый этап обсуждения вопросов сосуществования первичных и вторичных имперфективов, см., в частности, [Храковский 2005; Петрухина 2000, 2009; Зализняк, Микаэлян 2010; Татевосов 2010].

[21] Отмечу, что для меня высказывание ???*Молоко бежит* звучит достаточно странно, в отличие от *Молоко убегает*: второе нейтрально, а первое — на грани приемлемости. Проверка по НКРЯ (запрос «молоко бежит» на расстоянии 1) дала отрицательный результат — реализации в значении ‘кипя, бурля, литься через край, убегать’ (толкование из [Ушаков 1935–1940]) не зафиксировано. Обращение к поисковой системе Яндекс с тем же запросом дало следующий результат: в первых 30 выдачах 27 раз глаголом *бежит* было реализовано значение ‘течь, литься’ (толкование из [там же]) и 3 раза — значение ‘кипя, бурля, литься через край, убегать’, но все 3 случая явились цитированием словаря [Ушаков 1935–1940].

[22] С другой стороны, как отметила А. А. Зализняк (личное сообщение), вариант с первичным имперфективом *горела* (однако не с вторичным

Относительно же утверждения об отсутствии у вторичных имперфективов 1 и 4 типа процессных значений ср. также: «Самый типичный разряд имперфективов в русском языке — глаголы с суффиксом *-ива-* (*-ыва-*) — едва ли не сплошь употребляются не только в значении протекания процесса, направленного на достижение предела [разрядка моя. — *Е. Г.*], но и в сочетании с наречиями обычности, регулярности и т. п. ⟨…⟩ — *всегда*, *часто* и др., например: *устраивать*, *наклеивать*, *выхаживать*, *перепиливать*, *раскидывать*, *заглядывать*, *подсказывать*, *подлизывать*, *обвязывать* и т. д.» [Карпухин 2011: 15]; «Чаще их [потенциальных имперфективов. — *Е. Г.*] использование ограничено контекстами многократного, затем — узуального, и реже — конкретно-процессного значения [Ремчукова 2011: 148] (со ссылкой на то, что «это, безусловно, зависит и от лексической семантики самого глагола» [там же, сноска]); а также приведенное выше мнение Л. В. Зубовой о функциях «авторских» вторичных имперфективов — актуализации, привлечения внимание читателя к длительности. Таким образом, не один исследователь выражает мнение о реализации вторичными имперфективами процессных значений, и актуально-длительного в том числе. См. также примеры (11) и (25) выше и (26) ниже с реализацией актуально-длительного значения. (Впрочем, не исключено, что отмеченные случаи имеют отношение исключительно ко 2-ому и 3-ему типу выявленных в [Апресян 1997] троек).

В связи с этим утверждения типа «у вторичного имперфектива отсутствует актуально-длительное значение, которое считается основным значением глаголов НСВ» [Храковский 2006: 204] представляются излишне категоричными[23], хотя невозможно не

сгорала) может иметь продолжение *но чудесным образом оставалась нетронутой*. Это верно, но, на мой взгляд, лишь подтверждает бóльшую простоту событийного и семантического устройства первичного имперфектива, не имеющего эксплицитного маркера соотнесенности с пределом — глагольного префикса-телисизатора. Отсутствие этого маркера и позволяет в данном случае несколько снизить остроту семантического конфликта между развивающимся в сторону достижения естественного предела процессом «горения-сгорания» и «нетронутостью» рукописи, одновременно понижая степень «чудесности» данной ситуации.

[23] Там же автор признает, что в прохибитивном императиве «возможно и однократное прочтение: *Не выпивай весь сок!*» [Храковский 2006: 204].

согласиться с тем, что «переходя во вторичный имперфектив, ⟨…⟩ приставка сохраняет свои свойства и обеспечивает событийное прочтение вторичного имперфектива» [Храковский 2006: 203–204]. Таким образом, возникает закономерный вопрос: совместимы ли событийность, наследуемая от приставочного перфектива, и процессное прочтение, привнесенное имперфективацией? На мой взгляд, совместимы. С одной стороны, не представляет труда сконструировать высказывания типа (26).

(26) {*— А что Петя делает?*} *— Да вот, сидит и свежий журнал* ***просматривает*** (***пролистывает***).

(Аналогично в [Татевосов 2010: 303] отмечается, что «мы без труда находим и такие вторичные имперфективы, которые актуально-длительное значение допускают без затруднений:

(27а) *Володя скручивает самокрутку.*

(27б) *Надя примеряет туфли.*

(27в) *Феликс сгибает медный пятак*».)[24]

С другой стороны, типологически такая комбинация имперфективности и перфективности не является уникальной, ср. с имперфективно-перфективными видо-временными формами испанского глагола, возникающими в результате комбинирования граммемы Прогрессива с граммемами Перфекта (Аориста, Плюсквамперфекта), см. в [Горбова 2009].

Итак, одним из обсуждаемых различий между $НСВ_1$ и $НСВ_2$ является неравнообъемность их семантического потенциала, и главным образом — сомнения в способности $НСВ_2$ реализовать основное процессное значение — актуально-длительное[25]. Однако это различие не является единственным. К нему можно добавить синтаксическое: $НСВ_2$ в переходных биимперфективных тройках имеет обязательную валентность на прямое дополнение, см. [Храковский 2005: 55, 57; Татевосов 2010: 309–310, 315–316]. Показателен полученный С. Г. Татевосовым результат проверки по НКРЯ:

[24] См. также примеры на реализацию актуально-длительного значения в [Петрухина 2000: 90–100].

[25] В [Ясаи 2001: 108] как нехарактерное для $НСВ_2$ упоминается и общефактическое значение.

«Частотность вторичных имперфективов без прямого дополнения постоянна — 0%; по-видимому, такие употребления следует признать невозможными» [Татевосов 2010: 316].

В работе [Татевосов 2010] при обсуждении той же классификации Ю. Д. Апресяна (по [Апресян 1995]) акцент в значимости различий между первичными и вторичными имперфективами перенесен со способности/неспособности выражать актуально-длительное значение [Татевосов 2010: 303] на различие в их событийной структуре: первым сопоставлена «структура деятельностей», где «событие предстает как неразложимое целое», а вторым — «структура свершений, где событие представляет собой сумму двух компонентов, события и состояния, связанных каузальным отношением» [там же: 306]. Результатом обсуждения событийной структуры обоих имперфективов в тройках с привлечением данных о двух типах явлений — сфере действия отрицания и наречия *почти* с одной стороны, и ограничениях на синтаксическую реализацию аргументов, с другой, явился ряд выводов. Один из них — обнаружение «двух групп» биимперфективных троек (не совпадающих с какими бы то ни было классами в [Апресян 1995, 1997]): «1) троек типа *читать — прочитать — прочитывать*, у которых первичный имперфектив состоит из единственного подсобытия и имеет структуру деятельностей, а глагол СВ и вторичный имперфектив содержат в себе два подсобытия, образующих структуру событий; 2) троек типа *гибнуть — погибнуть — погибать*, у которых различия в составе подсобытийных компонентов глагольного предиката при применении выбранных критериев не обнаруживаются»[26] [Татевосов 2010: 319]. Далее, было установлено, что «для широкого класса случаев» (имеются в виду тройки 1-ого типа), «внутреннее устройство первичного и вторичного

[26] Эскизно возможно следующее объяснение различий в двух обозначенных типах троек: тройки 1-ого типа — терминативы (свершения), у этого акционального класса подсобытия связаны каузативно; тройки 2-ого типа — представители двухкомпонентного непредельно-моментативного класса, спецификой которого является отсутствие каузативной связи между подсобытиями. Следовательно, отсутствует и характерная для терминативов (1-ый тип) узкая сфера действия при отрицании и в сочетании с наречием *почти*. Подробнее см. в [Горбова 2010: 26–28; Горбова 2013: 360–364].

имперфективного предикатов различается весьма значительно» — «вторичный имперфектив семантически ближе к глаголу СВ, чем первичный. Говорить об избыточных аспектуальных парадигмах, как это делает Ю. Д. Апресян в связи с тройками типа *косить — скосить — скашивать* (см. (1)), в этом случае уместно лишь со значительной долей огрубления» [там же].

Отметим, что этот убедительно аргументированный вывод несколько расходится не только с положениями работ [Апресян 1995, 1997], но и с основанными на сравнительном анализе словарных толкований $НСВ_1$ и $НСВ_2$ выводами В. С. Храковского о единстве лексического значения у всех членов биимперфективной тройки при наличествующих аспектуальных различиях, что дает автору основание «трактовать исходный имперфектив и вторичных имперфектив как варианты одного инварианта» [Храковский 2006: 204]. Думается, что это заключение позволяет сделать вывод об отсутствии корреляции между единством лексического значения и единством событийной структуры (из которого вытекают акциональные различия).

Вернемся к вопросу об избыточности в аспектуальных биимперфективных тройках. Первый возможный вопрос: есть ли избыточность? Второй — при положительном ответе на предыдущий — какой компонент тройки ($НСВ_1$ или $НСВ_2$) избыточен? На первый вопрос в литературе находим оба возможных ответа: избыточность в тройке имеет место (в частности, в [Апресян 1995, 1997; Падучева 1996; Ровнова 1998; Карцевский 1962; Исаченко 2003; Зубова 2008; Томмола 2008]); она отсутствует (в том смысле, что наличие двух имперфективов при одном перфективе не представляется фактором, угрожающим бинарности русского вида и понятию видовой пары) — см. [Ясаи 2001; Петрухина 2000, 2009; Храковский 2005, 2006[27]; Зализняк, Шмелев 2000; Зализняк, Микаэлян 2010; Зализняк и др. 2010; Зализняк, Микаэлян 2012: 57–64].

[27] В [Храковский 2005: 57] отмечено, что «вторичные имперфективы с перфективной семантикой составляют периферию имперфективных глаголов НСВ», а также что перфектив «соотносится с обоими имперфективами. С первичным производящим имперфективом соотношение вполне стандартное, а со вторым — нестандартное, поскольку перфектив передает имперфективу свою перфективную семантику».

В случае признания избыточности в биимперфективной тройке возникают различные мнения по вопросу о том, какой из двух имперфективов является «третьим лишним». В [Апресян 1997] лишним оказывается то $НСВ_1$ (3-ий и, с оговорками, 2-ой тип), то $НСВ_2$ (1-ый и 4-ый типы). В [Зубова 2008], судя по основному выводу (см. цитату выше) — всегда $НСВ_2$, в [Карцевский 1962; Исаченко 2003; Падучева 1996; Томмола 2008] (и, рискну предположить, [Татевосов 2010]) — $НСВ_1$.

Думается, что с учетом проведенного акционального (а значит, и семантико-синтаксического сочетаемостного) анализа в [Татевосов 2010], а также обсуждения материала, предоставленного ответами информантов и поисковыми системами сети Интернет, следует признать, что каждый раз, когда мы имеем дело с биимперфективной тройкой, избыточным с точки зрения системы является первичный имперфектив. При этом исходный в деривационном отношении $НСВ_1$ всегда может сыграть роль «джокера» (понятие, введенное в [Апресян 1995: 106], см. цитату выше), являясь достаточно близким (с точностью до значения префикса и вытекающих из его присутствия аспектуально-акциональных последствий) синонимом однокоренного вторичного имперфектива.

4. Заключение

Вернемся к поставленному Виктором Самуиловичем вопросу о множественности глагольных приставок у перфективов, их статусе в видовой паре и предложениям относительно видовой парности, высказанным в [Горбова 2011]. Рассмотренные выше вопросы о вторичных имперфективах и оценке их места в аспектуальных тройках (избыточности видовой парадигмы) дают основания несколько скорректировать и дополнить сформулированные ранее положения.

Учитывая распространение вторичной имперфективации в современной русской речи, порождающее неконвенциональные имперфективы (см. примеры выше), представляется возможным ставить вопрос о словоизменительном характере русского вида и его основной единице — видовой паре, формируемой имеющими одну и ту же приставку формой СВ и суффиксально образованной от нее формой НСВ. При этом первичные (непроизводные) имперфективы типа *писать*, *сидеть*, *рвать*, *лгать*, *читать* играют

роль базы, «питательной среды», для дальнейшего развития видовой оппозиции, на уровне нормы пока не охватившей всей непроизводной глагольной лексики[28].

Здесь уместно привести понятия и термины из Таблицы 1 в [Зализняк, Микаэлян 2010, 2012], демонстрирующие «место видовых троек в аспектуальной системе русского языка»: 1) образцовая суффиксальная пара [[*писать*]] — *записать* <на пленку> — *записывать*, 2) суффиксальная пара с потенциальным НСВ$_1$ [*рвать*] — *вырвать* <*зуб*> — *вырывать*, 3) образцовая тройка *читать* — *прочитать* — *прочитывать*, 4) префиксальная пара с потенциальным НСВ$_2$ *писать* — *написать* — [$^{??}$*написывать*] и 5) образцовая префиксальная пара *лгать* — *солгать* — [$^{???}$*солгивать*][29]. Есть основания полагать, что русский вид развивается в направлении от образцовой префиксальной пары к образцовой суффиксальной — с уменьшением доли первого экстремума за счет увеличения доли второго. Относительно классов 1), 2) и 3) имеет смысл, по-видимому, ставить вопрос о том, что первичный имперфектив (НСВ$_1$) играет в них роль «джокера», способного — реализуя стремление говорящего к экономии — заменить, при благоприятных контекстных условиях, однокоренной вторичный имперфектив (НСВ$_2$). Следует также подчеркнуть, что зачастую НСВ$_1$, обладая более простой (с одним подсобытием) акциональной структурой, оказывается даже более предпочтительным в случае

[28] Ср. с суждением Х. Томмолы: «как только появляется вторичный имперфектив, исчезает потребность обсуждать вопрос, является ли исходный глагол видовым партнером приставочного перфектива. Исходный глагол НСВ тогда оказывается просто исходным глаголом, лишенным обязанности компенсировать видовую дефектность приставочного глагола» [Томмола 2008: 223].

[29] Графическое оформление (скобки) принадлежит авторам цитируемой работы, в отличие от материала; для иллюстрации последней группы у меня было намерение взять тройку *видеть* — *увидеть* — $^{???}$*увидевать*, но оказалось, что поисковая система Яндекс на запрос о последнем инфинитиве выдала 46 иллюстраций, а Google — 67 (с различными финитными и нефинитными формами, дата обращения — 11.07.2012). Поэтому пришлось заменить ее на тройку с (пока?) не зарегистрированным в Интернете вторичным имперфективом *солгивать* (*салгивать*, *слыгивать* — ?).

необходимости обозначения актуально-длящейся ситуации, что неоднократно отмечалось в литературе (см. также приведенное в разделе 1 рассуждение С. Карцевского о первичных имперфективах). Относительно же классов 4) и 5) с неконвенциональными или попросту отсутствующими имперфективами, на данном этапе развития системы и находясь в рамках нормы, представляется целесообразным сохранить понятие префиксальной пары. В такой паре СВ образуется от исходного $НСВ_1$ с помощью приставочного форманта-перфективатора с переменным планом выражения, о котором шла речь в первом разделе.

Таким образом, по сравнению с решениями, предложенными в [Горбова 2011], оказываются изменены акценты, поскольку вторичная (суффиксальная) имперфективация оценивается теперь не только как прототипический (вслед за [Бондарко 1997]), но и как основной и перспективный способ видового формообразования, а также вводится понятие единого префиксального видового форманта-перфективатора. В общем, предложенный здесь взгляд на русский вид обнаруживает близость идеям С. Карцевского, А. В. Исаченко, раннего Ю. С. Маслова, Х. Томмолы.

Словари

Даль 1863–1866 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1863–1866. (http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый словарь Даля, дата обращения — 18.07.2012)

Ушаков 1935–1940 — Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка. М., 1935–1940. (http://www.dict.t-mm.ru/ushakov, дата обращения — 18.07.2012)

Литература

Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 103–114.

Апресян 1997 — Ю. Д. Апресян. Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи // М. Ю. Черткова (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 2. М.: МГУ, 1997. С. 7–20.

Бондарко 1997 — А. В. Бондарко. Ответ на «Анкету аспектологического семинара филологического факультета МГУ» // М. Ю. Черткова

(ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 2. М.: МГУ, 1997. С. 143–145.

Гагарина 2008 — Н. В. Гагарина. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008.

Гвоздев 1949/2007 — Н. А. Гвоздев. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. Ч. 1–2. М.: АПН РСФСР, 1949. (Н. А. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. СПб.: Детство-Пресс, 2007. С. 149–467.)

Гловинская 2008 — М. Я. Гловинская. Активные процессы в грамматике. Глагол // Л. П. Крысин (ред.). Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 189–224.

Гловинская 2010 — М. Я. Гловинская. Потенциальные глагольные формы // Л. П. Крысин (ред.). Современный русский язык: Система — норма — узус. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 171–199.

Горбова 2009 — Е. В. Горбова. Акциональная характеристика испанских глаголов, частотно реализуемых в перфективно-имперфективных формах // Вопросы языкознания 3, 2009. С. 50–71.

Горбова 2010 — Е. В. Горбова. Акциональность глагольной лексики и аспектуальные граммемы: вопросы взаимодействия. СПб.: СПбГУ, 2010.

Горбова 2011 — Е. В. Горбова. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания 4, 2011. С. 20–45.

Горбова 2013 — Е. В. Горбова. Акциональная таксономия и естественная классификация // А. В. Бондарко, В. В. Казаковская (ред.). Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 339–364.

Зализняк, Микаэлян 2010 — Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян. О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка. Доклад на конференции «Диалог 2010». (http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/21.htm, дата обращения — 04.07.2012)

Зализняк, Микаэлян 2012 — Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания 6, 2012. С. 48–65.

Зализняк и др. 2010 — Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания 1, 2010. С. 3–23.

Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.

Зубова 2008 — Л. В. Зубова. Категория вида в поэтических экспериментах // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской

филологии. Лингвистика XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте. Тарту, 2008. С. 74–107.

Исаченко 2003 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Т. I–II. 2-ое изд. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Карпухин 2011 — С. А. Карпухин. Семантика русского глагольного вида. 2-ое изд., исп. и доп., Самара, 2011. (http://dosamara.ru/docs/ofernio/diss-karpuhin.htm, дата обращения — 15.03.2012)

Карцевский 1962 — С. Карцевский. [Из книги «Система русского глагола»]. IV. Вид // Вопросы глагольного вида. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 218–230.

Клобуков, Рыжих 1998 — Е. В. Клобуков, Ю. М. Рыжих. К изучению продуктивных типов видовой соотносительности русских глаголов // М. Ю. Черткова (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 182–193.

Кронгауз 1998 — М. А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998.

Маслов 1958/2004 — Ю. С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Доклады IV Международного съезда славистов, 5, М.: АН СССР, 1958. (Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 445–476.)

Маслов 1984 — Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л.: ЛГУ, 1984.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.

Петрухина 2000 — Е. В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками). М.: МГУ, 2000.

Петрухина 2009 — Е. В. Петрухина. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М.: МАКС Пресс, 2009.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Полс 1993 — А. Полс. Варианты приставочных глаголов несовершенного вида в русском языке. Амстердам: Родопи, 1993.

Пупынин 1996 — Ю. А. Пупынин. Усвоение системы русских глагольных форм ребенком (ранние этапы) // Вопросы языкознания 3, 1996. С. 84–94.

Пупынин 1998 — Ю. А. Пупынин. Элементы видо-временной системы в детской речи // Вопросы языкознания 2, 1996. С. 102–117.

Ремчукова 2005/2011 — Е. Н. Ремчукова. Креативный потенциал русской грамматики. 2-ое изд., испр. и доп. М.: URSS, 2011.

Ремчукова 2008 — Е. Н. Ремчукова. Проблемы префиксальной видовой пары в современном толковом словаре // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте. Тарту, 2008. С. 199–217.

Ровнова 1998 — О. Г. Ровнова. Имперфективация глагола в русских диалектах (с точки зрения синхронии и диахронии) // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 396–404.

Ровнова 2011 — О. Г. Ровнова. Аспектуальная омонимия: литературный язык и диалекты // Тезисы III Конференции комиссии по аспектологии Международного Комитета Славистов «Глагольный вид: грамматическое значение и контекст, 30.09–4.10.2011. Падуя: Universiteta degli studi di Padova, 2011. С. 63–64.

Степанов 1981/2004 — Ю. С. Степанов. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Татевосов 2010 — С. Г. Татевосов. Первичное и вторичное в структуре имперфективов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследования РАН VI, 2 [Избыточность в грамматическом строе языка], 2010. С. 299–321.

Томмола 2008 — Х. Томмола. Аспектуально-значимые способы действия. К реабилитации чистоты пары // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте. Тарту, 2008. С. 218–232.

Храковский 2005 — В. С. Храковский. Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении 9, 2005. С. 46–59.

Храковский 2006 — В. С. Храковский. Аспектологические заметки // В. Б. Касевич, И. В. Мурин, В. Н. Троян (ред.). Филология. Русский язык. Образование. Сборник статей, посвященный юбилею проф. Л. А. Вербицкой. СПб.: Изд-во СПбГУ, Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 202–213.

Цейтлин 1975 — С. Н. Цейтлин. О некоторых особенностях имперфективации в детской речи // Известия Воронежского государственного педагогического института 146, 1975. С. 132–137.

Цейтлин 2009 — С. Н. Цейтлин. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.

Чуйкова 2012 — О. Ю. Чуйкова. Вариативность оформления прямого дополнения при русском глаголе. ВКР бакалавра. СПб., 2012. (http://www.genling.nw.ru/papers, дата обращения — 16.07.2012)

Ясаи 2001 — Л. Ясаи. О специфике вторичных имперфективов видовых корреляций // С. А. Шубик (ред.). Исследования по языкознанию. Сборник статей к 70-летию А. В. Бондарко. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 106–118.

Barentsen 1985 — A. A. Barentsen. 'Tijd', 'Aspect' en de conjunctie *poka*. Over betekenis en gebruik van enkele vormen in het moderne Russisch. Academisch proefschrift. Amsterdam, 1985.

van Schooneveld 1958 — C. H. van Schooneveld. The so-called 'préverbes vides' and neutralization // C. L. Ebeling (ed.). Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. The Hague: Mouton, 1958. P. 159–161.

Vey 1952 — M. Vey. Les préverbes 'vides' en tchèque moderne // Revue des études slaves 29, 1952. P. 82–107.

В. Ю. Гусев

Институт языкознания РАН, Москва

ОТ ЦИТАТИВА К «НОВОМУ ЗНАНИЮ»: эволюция цитативной частицы в тунгусо-маньчжурских языках Нижнего Амура[1]

Четыре тунгусо-маньчжурских языка: нанайский с двумя сильно отличающимися диалектами, амурским (собственно нанайским) и кур-урмийским, а также удэгейский, орочский и ульчский — образуют диалектный континуум в Приморском и южной части Хабаровского края, преимущественно по берегам Амура и его притоков. Вместе с распространенным на Сахалине уйльтинским (орокским) языком они традиционно относятся к южной (нанийской) группе тунгусской ветви тунгусо-маньчжурской семьи. На севере и западе эти языки контактируют с юго-восточными диалектами эвенкийского и с негидальским (северная группа тунгусской ветви), а на северо-востоке — с нивхским. С юга к ним примыкает китайская территория.

В большинстве из этих четырех языков имеется эвиденциальная частица, происходящая от глагола ‘говорить’. Ее первое значение, разумеется, цитативное, то есть указание на то, что информация передается с чужих слов. Но, помимо цитативности, она приобрела функцию маркирования «новой информации», обычно получаемой говорящим непосредственно, и таким образом в определенном смысле сменила значение на противоположное — с цитатива на непосредственную, в том числе визуальную засвидетельствованность. Различные употребления этой частицы будут рассмотрены в данной статье.

По языкам эта частица имеет следующий вид:

ульчский	*wəndə*
нанайский амурский	*undə*
нанайский кур-урмийский	*unə*
удэгейский	*gune* (и другие варианты)
орочский	*gune*

[1] Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 11-06-00371а.

В дальнейшем мы будем для краткости называть эту частицу по нанайской ее форме *ундэ*.

Для разных языков у нас есть разное количество материала, взятого из опубликованных текстов, а для ульчского и кур-урмийского нанайского — и из полевых записей. Именно для двух последних языков мы располагаем наибольшим количеством примеров, но, вероятно, не только из-за наличия современных полевых материалов: и в опубликованных текстах рассматриваемая частица представлена богаче, чем в амурском нанайском, орочском и удэгейском. Отметим, что ульчский и кур-урмийский максимально удалены друг от друга в пределах нанийской языковой территории. С другой стороны, и текстов на других языках в нашем распоряжении было явно недостаточно, чтобы делать достоверные суждения об относительной частотности *ундэ*.

Несмотря на небольшое число примеров, во всех этих языках представлены все основные употребления частицы *ундэ*. Это позволяет нам предположить — вероятно, несколько огрубляя картину, — что ее история в южных тунгусских языках была едина, и рассматривать их в этом отношении как один язык.

1. Употребление *ундэ* в прямом значении

Морфологически *ундэ* представляет собой форму так называемого «разновременного деепричастия» на *-rə*/*-də* от основы ‘говорить’. Форма на *-rə*/*-də* широко представлена в тунгусо-маньчжурских языках и, помимо выражения предшествования, употребляется в отрицательных конструкциях, а также как финитная форма в значении настоящего времени. Это последнее употребление (оно же, вероятно, и самое древнее, см. [Суник 1962: 313–319]), очевидно, и стало непосредственным источником перехода формы в ренарративную частицу.

Примеры (1)–(3) иллюстрируют употребление *ундэ* в значении деепричастия:

УЛЬЧСКИЙ [Суник 1985]

(1) *Гэ, ти̇ **вэн-дэ,***
ну так сказать-CONV.PRAET
ти̇ мапа ти̇ кэвэ очу̇-ха.
тот старик тот нет стать-PRAES
‘Так **сказав**, старик исчез’.

НАНАЙСКИЙ КУР-УРМИЙСКИЙ [Суник 1958]

(2) *Туj* ***ун-э,***
так сказать-CONV**.**PRAET
хам *хало-ха-нӣ,* *мэргэ*^{н} *эни-ни*
шумно вдохнуть-PRAET-3SG молодец мать-3SG
мама *баj* *сэбгэри=гдэ*
старуха совсем мигом=PTCL
фуʒи^{н} *амŋа-ла-нӣ* *чул* *иŋэ-хэ*^{н}*,*
девушка рот-LOC-3SG прямо войти-PRAET
фуʒи^{н} *аба=гда* *энэ-ткэ=мэ.*
девушка нет=PTCL уйти-PRAET2=PTCL
‘Так **сказав**, [девица] с шумом вдохнула, мать молодца старуха мигом в рот девицы вошла, и девица исчезла’.

НАНАЙСКИЙ АМУРСКИЙ [НФ: 396–397]

(3) *Тотара* *мапа* *бируэ-вэ* *иси-пи,*
потом старик село-ACC дойти-CONV
уjкэ *нихэли-рэ,* *«пāчи,* *дек»*
дверь открыть-CONV.PRAET колотушка INTERJ
ун-дэ *ŋаŋгала-ха-ни.*
сказать-CONV**.**PRAET бросить-PRAET-3SG
‘Старик дошел до селения, открыл дверь [дома] и, **сказав** «колотушка, бей», бросил [колотушку]’.

Об употреблении деепричастия на *-rə*/*-də* в орочском см. [Аврорин, Болдырев 2001: 368–369]; в удэгейском оно редко употребляется и образуется лишь от небольшого круга глаголов ([Nikolaeva, Tolskaya 2001: 238–239]; у И. В. Кормушина [1998: 97–98] эта форма вообще не упоминается).

В финитном употреблении в южных тунгусо-маньжурских языках эта форма встречается реже. В амурском нанайском, отмечая ее низкую частотность, ее обсуждает В. А. Аврорин [1961: 102–109], для ульчского в энциклопедическом очерке вскользь упоминает О. П. Суник [1997: 255], при том что в монографии [Суник 1985] о ней не говорится вообще. В удэгейском языках ее в ряде случаев трудно отличить от форм, восходящих к причастию настоящего времени. Тем не менее, финитные употребления встречаются, в том числе, от глагола ‘говорить’, ср. нанайский и орочский примеры:

НАНАЙСКИЙ КУР-УРМИЙСКИЙ [Суник 1958: Текст 2]

(4) *Тӯнэкэрэ фузи^{и}* ***ун-э****:*
потом девица говорить-CONV.PRAET
«Сэвэ^{и}-хэj би-ʒэрэ, сэвэ^{и} сэукиси-мэ».
сэвэн-PTCL быть-FUT сэвэн угощать-IMP.1PL
‘Тогда девица **говорит**: «Сэвэн, наверное, (послал болезнь), надо сэвэна накормить (уговорить)»’.

ОРОЧСКИЙ [Аврорин, Лебедева (сост.) 1966: Текст 4]

(5) *Эн'э хитэ-н'и jā-ва* ***гун-ӣ****?*
мать ребенок-3SG что-ACC говорить-CONV.PRAET
‘Что там **говорит** маменькин сынок?’

В «Нанайско-русском словаре» приводится частица *ундӣл* ‘говорят’, представляющая собой множественное число от *ундэ*:

НАНАЙСКИЙ АМУРСКИЙ [Оненко 1985: 431]

(6) *орхода тэнг улӣн окто* ***ундӣл***
женьшень очень хороший лекарство говорят
‘**говорят**, что женьшень очень хорошее лекарство’

В примере (7) отметим отсутствие согласования по числу, хотя при подлежащем «два брата» ожидалось бы множественное число глагола:

НАНАЙСКИЙ КУР-УРМИЙСКИЙ [Суник 1958: Текст 2]

(7) *ʒӯ аки-ни эн’э-м,* ***ун-э****,*
два старший.брат-2SG мать-ACC говорить-CONV.PRAET
тиj фузим-нэ,
тот девица-ACC
нэкун-ти эн’э эси^{и} ун-э.
младший.брат-3PL мать NEG говорить-CONV.PRAET
‘Два старших брата мамой **называют** эту красавицу, а младший не называет’.

2. *Ундэ* в функции цитативной частицы

В примере (6) мы видели, что *ундӣл*, сохраняя формальные показатели финитной глагольной формы — показатель множественного числа субъекта, — употребляется как ссылка на неконкретный источник информации (как русское *говорят*); при этом

пример (7) показывает, что возможна и обратная ситуация: отсутствие согласования при конкретном множественном субъекте. В приводимом ниже фрагменте из удэгейского текста форма *gune* используется еще в качестве финитного глагола, а не в качестве частицы, но отсылает к неконкретному источнику информации (это видно из перевода) и уже не имеет показателей лица и числа[2].

УДЭГЕЙСКИЙ [Шнейдер 1937][3]

(8) *emus'e xuli-hi nii-we,*
один ходить-PT.PRAES человек-ACC
ute-bede buji wa-ha-ni
этот-как дикий.зверь убить-PT.PRAET-3SG
osi-ni, uti xaña-la saa-uji
появляться-3SG этот душа-LOC знать-PT.PRAES.PASS
suu ineŋi bi-si
солнце днем быть-PT.PRAET
bi-isi-ni ineŋi bi-se ***gune****.*
быть-CONV-3SG днем быть-PF сказать
Sikegi-li-he-ni bi-si bi-isi-ni
вечереть-INCH-PT.PRAET-3SG быть-PT.PRAET быть-CONV-3SG
"sikegi-li-he-ni bi-se" ***gune****.*
вечереть-INCH-PT.PRAET-3SG быть-PF сказать
'Если зверь убил человека, когда тот был один, это становится известным от души умершего. Если это было при свете солнца, «днем было», **говорят**. Если это было после наступления вечера, «начинало вечереть», **говорят'**.

Из примера (8) понятно, что *gune* здесь — самостоятельный глагол, а форма *bise* 'было' оба раза входит в прямую речь; при другой интерпретации этим предложениям трудно придать разумный смысл. В примерах ниже формы *вэндэ* и *унэ* уже функционируют как частицы, сопровождающие финитный глагол.

Как известно, в разных языках цитатив может отсылать как к словам конкретного человека, так и неконкретному источнику

[2] Опущение окончания 3 л. ед. ч. *-ni* возможно, но в значении 'говорят' ожидалось бы множественное число, как и показывает нанайский пример выше.

[3] Материалы Е. Р. Шнейдера приводятся по корпусу удэгейских текстов, подготовленному Е. В. Перехвальской (corpora.iling-ran.ru).

(значение первого типа, по А. Ю. Айхенвальд, называется «quotative», второго — «hearsay» или «secondhand» [Aikhenvald 2004: 177]). Рассматриваемая частица употребляется в обоих типах случаев.

Пример (9) иллюстрирует отсылку к конкретному источнику.

КУР-УРМИЙСКИЙ НАНАЙСКИЙ[4]

(9) *Tɪj futə asɪ futə=təndə*
этот ребенок женщина ребенок=PTCL
ńī-wə=də əskələ tudul:
человек-ACC=PTCL не.хотеть всегда
tɪ-n' bəgdi-ni ənusi ***unə,***
этот-3SG нога-3SG больной EVID
tɪmu ēsal-nɪ əxələ ***unə,*** *tɪmu bəjə=tən*
тот глаз-3PL плохой EVID тот человек=PTCL
niruktə-ni=də aba ***unə.***
волосы-3SG=PTCL нет EVID
'Эта девушка никого никогда [из женихов] не принимает: у того **[мол]** ноги больные, у того глаза больные, у того — волос нет'.

В примере (10) частица *унэ* отсылает к не конкретно-референтному источнику; в (11), (12) и (13) источник вообще не указывается.

КУР-УРМИЙСКИЙ НАНАЙСКИЙ

(10) *Sagdɪ gurũ xəsu-j-n':*
старый люди говорить-PRAES-3SG
čačaka ozera-nɪ bi-rə əjdu.
цветок озеро-3SG быть-CONV.PRAET здесь
Tɪ čačaka ozera-du-n'=təndə
тот цветок озеро-DAT-3SG=PTCL
ālɪptɪ ximur bi-čə-ni ***unə.***
давно дракон быть-PRAET-3SG EVID
'Старые люди говорили, здесь есть цветочное озеро. И в этом озере, **говорят**, раньше жили крокодилы'.

[4] Здесь и далее без ссылки даются полевые материалы, собранные Е. Ю. Калининой, Н. С. Сумбатовой, С. Ю. Толдовой и автором настоящей статьи в 2005–2011 гг. в экспедициях в рамках проекта ELDP № MDP0151.

УЛЬЧСКИЙ

(11) *Balana Aʊr-dʊ* первый.пожар *bi-či-n* ***wəndə***.
давно Аури-DAT быть-PRAET-3SG EVID
Bū bi-m=də kəwə-pu.
мы быть-CONV.PRAES=PTCL нет-1PL
Tara tɪ gasa ǯəgdi-du-n
потом тот деревня гореть.PRAES-DAT-3SG
buju-səli čʊpal ǯəgdi-xə-t ***wəndə***.
медведь-PL весь гореть-PRAET-3PL EVID
‘Давно в Аури первый пожар, **говорят**, был. Нас вообще еще не было. Когда деревня горела, медведи тоже все сгорели’.

УЛЬЧСКИЙ

(12) Петух *xārsi-n=də ǯulekin tā-rə,*
кричать.PRAES-3SG=PTCL до встать-CONV.PRAET
молиться-*la-wʊ.* Петух *xārsi-n ǯulēkin…*
-INCH-PASS кричать.PRAES-3SG до
бог *ujsi tōqʊ-nɪ* ***wəndə***. 12 часов-*du*
вверх подниматься-3SG EVID -DAT
əuri-n, ***wəndə***, *pəjs əuri-ni.*
спускаться.PRAES-3SG EVID вниз спускаться.PRAES-3SG
Tɪtapɪ guč xagdʊ-kɪ ī-pəči-n ***wəndə***.
потом опять дом-PROL входить-MULT.PRAES-3SG EVID
‘Раньше крика петухов надо встать и начинать молиться. Раньше крика петухов… бог наверх поднимается, **говорят**. В 12 часов спускается, **говорят**, вниз спускается. Потом в дома заходит, **говорят**’.

КУР-УРМИЙСКИЙ НАНАЙСКИЙ

(13) *Ńaka-sal uski kaltɪ bī-ni*
китаец-PL сюда близко быть.PRAES-3SG
aja bi-čə-ni. —
хорошо быть-PL-3SG
A Buri-du bi-čə-ti ***unə***.
а Хабаровск-DAT быть-PRAET-3PL EVID
‘Хорошо, что китайцы близко жили. — А **говорят**, что они жили в Хабаровске’.

По-разному можно трактовать пример (14).

УЛЬЧСКИЙ

(14) *Tɪ kočol-wa taʊčʊ-xam-bɪ, nā-tɪ*
тот смородина-ACC собирать-PRAET-1SG он-3PL
moročɪ-xa-tɪ bi čʊpal taʊčɪ-xam-bɪ ***wəndə****.*
думать-PRAET-3PL я все собирать-PRAET-1SG EVID
A bi=gdəl mān iči-i taʊčɪ-xam=guni.
а я=CONTR сам видеть.PRAES-1SG собирать-PRAES.1SG=PTCL
‘Смородину собирала, они думали, что я все собрала. А я собирала то, что видела’.

Если бы *вэндэ* стояло сразу после *морочихати* ‘думали’, то это был бы несомненный цитатив. Но частица стоит после *таӯчихамби* ‘я собрала’. Возможно, это тем не менее, цитатив, который оформляет все предложение целиком: ‘[они думали, что я все собрала] говорят’; традиционный ульчский синтаксис требовал бы постановки вершинного предиката *морочихати* на последнее место, а при таком разговорном и, очевидно, русифицированном порядке слов, как в данном примере, *вэндэ* оказалось оторванным от глагола, к которому оно относится. Но возможна и другая трактовка, при которой *вэндэ* относится к *таӯчихамби* и в этом случае передает, разумеется, не цитативность, но «непрямой», не непосредственный способ получения информации: ‘они думали, что [[я все собрала], «говорят»]’, где *вэндэ* правильнее было бы передавать не как «говорят», но как «по-видимому», «вероятно» и пр.

3. *Ундэ*, маркирующее «новое знание»

Понятие новой информации, или «нового знания», было введено С. ДеЛанси [DeLancey 1997: 35]. Это значение близко к (ад)миративности и часто не отличается от нее — как в языках, так и в лингвистических работах. Тем не менее, это отдельное значение. Если адмиративность предполагает, что наблюдаемый факт является неожиданным для говорящего, в чем-то опровергает его ожидания (достаточно точно эту семантику передает русское *оказывается*), то граммема «нового знания» маркирует только новизну информации. В определенном смысле «новое знание» — это ослабленный адмиратив, и этим объясняется частое совмещение этих двух грамматических значений в одном грамматическом показателе (но ср. ниже пример удэгейского языка, в котором

«новое знание» и адмиратив не только выражаются по-разному, но и могут встречаться одновременно). Из-за этого же во многих случаях их трудно различить в текстах.

Для рассматриваемой частицы выражение «нового знания» (как кажется, все же не адмиратива) очень характерно. Поскольку эта новая информация обычно бывает получена говорящим или персонажем путем непосредственного восприятия — визуального или с помощью других органов чувств, — это употребление частицы *ундэ* оказывается в определенном смысле антонимично рассмотренному выше ее же цитативному употреблению. В ряде описаний (например, [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 461] значение этой частицы и описывается как сенсорное (обычно визуальное) восприятие; но, по-видимому, главное здесь не в способе восприятия как таковом — поскольку, разумеется, она употребляется далеко не во всех случаях, когда речь идет о непосредственно наблюдаемом факте.

Приведем примеры.

УЛЬЧСКИЙ [Суник 1985]

(15) *Э-э, таванчи́ ичэ-хэ-ти:*
INTERJ оттуда видеть-PRAES-3PL
ти́ на̄-ти́ бӣ-ни ӈой-ла-ни́=гда
тот он-3PL быть.PRAES-3SG берег-LOC-3SG=PTCL
н'ӣ=гдэли мэнӡэку мэнӡи-ти ***вэндэ,***
человек=PTCL состязание состязаться.PRAES-3PL EVID
да̄и́ ӡоло-ва эвур-нэси-ти.
большой камень-ACC поднимать-MULT.PRAES-3PL
‘Оттуда увидели: от них вниз (к реке) люди состязание устроили, говорят, большой камень поднимают’.

НАНАЙСКИЙ КУР-УРМИЙСКИЙ [Суник 1958: Текст 5]

(16) *Тӯнэкэрэ зо уткэ-ни зафаку̇-ду̇-ні*
потом дом дверь-3SG ручка-DAT-3SG
зао-ра, тата-ха-ні. Дулэ
взять-CONV.PRAET тянуть-PRAET-3SG оказывается
бај би зо бӣ-чэ, ***унэ.***
простой быть.PART.PRAES дом быть-PRAET EVID
‘Взялась за ручку двери и потянула (открыла). Оказалось — обыкновенный дом’.

НАНАЙСКИЙ АМУРСКИЙ [НФ 244–245, 248–249]

(17а) *Хэрэ-э-э, чимӣ эрдэ вайси эу-хэ-ни.*
INTERJ утро рано к.берегу спускаться-PRAET-3SG
Хэрэ-э, сапси кира-доа-ни=ла эм дяи=да
INTERJ берег край-DAT-3SG=PTCL один оморочка=PTCL
бӣ, ***ундэ****. Чэк: мэлбуэ-ни,*
быть.PART.PRAES EVID наготове маленькое.весло-3SG
сои-л-ни, дёгбо-ни, сугбэ-ни,
двухлопастное.весло-PL-3SG гарпун-3SG копье-3SG
хэм чэк бӣ, ***ундэ****.*
все наготове быть.PART.PRAES EVID
‘Хэрэ-э-э, рано утром спустился он к берегу. Хэрэ-э-э, а на берегу какая-то берестяная лодка стоит наготове: и маленькие двухлопастные весла, гарпун и копье — все наготове’.

(17б) *И-хэ-ни. И-рэ, тэй=лэ кэркичэ*
войти-PRAET-3SG войти-PART.PRAET тот=PTCL кэркичэ
модан-дола-ни=ла эм мама ао-ра, ***ундэ****.*
край-LOC-3SG=PTCL один старуха спать-PART.PRAET EVID
‘Вошел. Входя, [видит]: на кэркичэ[5] спит какая-то старуха’.

УДЭГЕЙСКИЙ [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 462]

(18а) *Ei ŋene:-ni. Te: unakta due-le-ni*
тот идти.PRAET-3SG хорошо участок.реки конец-LOC-3SG
p’aga bie ***gune****.*
черный быть.PRAES.HAB EVID
‘Так он идет. Ну, в конце участка реки что-то черное [виднеется]’.

(18б) *Ŋene-si:-ni um’a-la-ni omo-s’o*
идти-CONV.IMPF-3SG крючок-LOC-3SG один-ADJ
ta:-ni ***gune****.*
попасться.PRAET-3SG EVID
‘Он шел [и увидел]: одна [рыба] попалась на его крючок’.

Новые факты могут восприниматься не только зрением, но и другими органами чувств, в том числе несколькими одновременно:

[5] Части кана, примыкающие к очагу, которые занимали обычно старшие женщины в семье [Оненко 1985: 240].

УДЭГЕЙСКИЙ [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 463]

(19) *Ña xokono-li-ge* ***gune*** *uti oto.*
также стонать-INCH-PF EVID тот один
‘Он начал стонать’.

НАНАЙСКИЙ КУР-УРМИЙСКИЙ [Суник 1958: Текст 5]

(20) *Эс’э ок’іа͡ гојда-мі бичэлэи ēма-ка*
теперь немного длиться-CONV.PRAES побыв что-то
амңа-ва-ні дэмэр-дэмэр нэкэ-рэ ***унэ****.*
рот-ACC-3SG щекотать делать-CONV.PRAET EVID
Е-лі доскі тамі-ні дулэ
это-PROL внутри облизать.PRAES-3SG оказывается
дōда-ні јэбэлэ ō-да, ***унэ****.*
внутри-3SG лучше становиться-CONV.PRAET EVID
‘Через некоторое время как будто что-то ее губы щекочет. И когда она оближет [губы], внутри ее сразу легче становится’.

НАНАЙСКИЙ АМУРСКИЙ [НФ: 122–123]

(21) *Э, эм иргэн, даи иргэн тои-дола-ни=ла*
э одно село большой село берег-LOC-3SG=PTCL
гуси-ни=лэ умэкэчи-ми
дядя-3SG=PTCL ловить.удочкой-CONV.PRAES
дяри-ни, ***ундэ****.*
петь.PRAES-3SG EVID
Э-э-э, эси-дэ, эси, туй дяри-ни, ***ундэ****.*
INTERJ INTERJ INTERJ тот петь.PRAES-3SG EVID
‘На берегу селения, большого селения рыбачит [с удочкой] и поет его дядя. Э-э-э, эси-лэ, эси, поет он так’.

Интересно то, что, помимо вариантов цитативной частицы, в удэгейском языке имеется отдельная адмиративная частица, которая может совмещаться с частицей *gune* в одном предложении:

УДЭГЕЙСКИЙ [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 463]

(22) *Ɉene:-ni nada-zi käu-käu*
идти.PRAET-3SG семь=INSTR все-все
maga:-ti ***gune bube****.*
убить.PRAET-3PL EVID ADM
‘Она пошла [и увидела]: все семеро были убиты’.

Интересное развитие той же семантики можно наблюдать в рассказах о снах, где «новым знанием» для говорящего может быть его собственные действия или состояние. См. примеры из ульчского (взятые из разных рассказов, принадлежащих разным людям):

УЛЬЧСКИЙ

(23а) *Bi ičə-xəm dolbo… tolčɪ-wa ičə-xəm.*
я видеть-PRAET.1SG ночь сон-ACC видеть-PRAET.1SG
Tɪ poqto biskə…
тот дорога есть.ведь
Mun xurə-pu, tɪ pəži-ki-n poqto biskə…
мы сопка-1PL тот под-PROL-3SG дорога есть.ведь
*Tɪdʊ bi ɪlsɪ-ɪ **wəndə**.*
там я стоять.PRAES-1SG EVID
‘Я видела ночью сон. Дорога была. Вон, под нашей сопкой дорога проходит. Там я стою’.

(23б) *Tarā bi ta-pɪ tolčɪ-čɪ-ɪ. anajɪ:*
потом я делать-CONV.COND сон-VBLZ.PRAES-1SG INTERJ
pəulə-wə… taqto, nāńi taqto-nɪ.
вешала-ACC амбар ульч амбар-3SG
*Tɪ taqto pəulə-du-n ɪlsɪ-ɪ **wəndə**.*
тот амбар вешала-LOC-3SG стоять.PRAES-1SG EVID
‘Потом я вижу сон. Вижу: вешала и амбар, ульчский амбар. Возле вешалов я стою **вроде**’.

В следующем примере *вэндэ* можно трактовать двояко: и как маркер цитации (рассказ о сне передается с чужих слов), и как указание на «новую информацию»:

УЛЬЧСКИЙ

(24) *Tɪj tɪdʊ dolbo tolčɪ-čɪ-n:*
тот там ночь видеть.сон-PRAET-3SG
*ī-xə-n **wəndə**… mun* комната отдельно было,
входить-PRAET-3SG EVID наш
tɪdʊ əkəsə-l bī-ti,
там женщина-PL быть.PRAES-3PL
*tawasɪ di-či-n **wəndə** mapa.*
туда дойти-PRAET-3SG EVID старик

Tara əməndi=də широкая койка=*gun,* Анна Ильинична
потом такой=PTCL =PTCL
ǯūnɪ aʊ-rɪ-pʊ. Tɪj tapa irə-rə,
вдвоем спать-PRAES-3SG тот старик войти-CONV.PRAET
tɪ Анна Павловна *bəgdi-du-n ilsu-m*
тот нога-LOC-3SG стоять-CONV.PRAES
wən-di-ni: Əпəпə ŋʊsa xaj=kə, xaj=kə
говорить-PRAES-3SG INTERJ не.знаю что=то что=то
o-čɪ=nu ǯʊg-du, xaj=kə ***wəndə****=nu.*
стать-PRAES=INTERR дом-LOC что=то EVID=INTERR
‘Ночью видит сон: вошел, говорит… наша комната отдельно была, там женщины были, туда старик зашел, говорит, старик. Вот такая широкая койка была — мы вдвоем с Анной Ильиничной спали. Этот старик зашел, у ног Анны Павловны встал и говорит: Ой, что-то случилось дома’.

4. Нарративное употребление *ундэ*

В предыдущем разделе мы видели, что эвиденциальная частица *ундэ* может употребляется для маркирования информации, новой для говорящего или (в нарративе) для персонажа. Очевидно, на основе этой ее функции развился еще один тип употреблений: зачастую в повествовании она употребляется при описании событий, когда нет персонажа, с чьей точкой зрения могла бы ассоциироваться новизна информации. Остается предположить, что новой эта информация является для слушателей; иными словами, эта частица служит для рассказчика способом маркировать событие, обратить на него внимание слушателей, подчеркнув тем самым его важность в сюжете.

НАНАЙСКИЙ АМУРСКИЙ [НФ: 128–129]

(25) *Э-э-э, пондадē-ри=ла борти*
э-э-э сестра-REFL.PL=PTCL навсегда
дидю-й-дуэ-ни=лэ колā калта
уходить-PT.PRAES-LOC-3SG=PTCL труба пополам
пудэ-мэри, туй дидю-й-ни, ***ундэ****.*
дать.приданое-CONV.PL так уходить-PRAES-3PL EVID
‘Э-э-э, когда младшая сестра навсегда от них уходила, братья отдали ей половину имущества. Так отправились они дальше’.

ОРОЧСКИЙ [НФ 128–129]

(26) *Мапа* *тōјо* *мапāча*
медведь потом старик
дили-ва-н'и *иктэмэӈ-ки-н'и.*
голова-ACC-3SG кусать-PRAET-3SG
тāдẏ *тӯ* *сӕа-ха-н'и.* *сӕа-мдикā*
потом так грызть-PRAET-3SG грызть-CONV.PRAET.DUR
оди-ха-н'и, ***гунэ.***
кончать-PRAET-3SG EVID
‘Медведь придавил его лапой, вцепился зубами в его голову и стал грызть. Потом, **говорят**, отпустил его’.

Употребление частицы *ундэ* необязательно. Во многих текстах ее нет вообще, зато в некоторых ее частотность очень высока. Очевидно, частица является принадлежностью индивидуального стиля рассказчика.

Приведем в заключение два больших тектовых фрагмента, содержащих частицу *ундэ*. Как видно, не всегда можно однозначно определить ее значение — собственно эвиденциальное (цитативное), «новой информации» или нарративное: в ряде случаев несколько значений очевидно совмещены.

Из-за большого объема мы не глоссируем приводимые фрагменты, а выделяем в тексте частицу вместе с предшествующим глаголом, а в переводе — соответствующую глагольную форму. «Говорят» в переводе остается там, где было в тексте источника.

(27) УЛЬЧСКИЙ

Tı bi əs aldačıı tı, min ənbi wəndini, tı geʊlıdʊńı, дедушка *ńəukči, əkəsəl geʊlı daʊxattən taıkı tı bajsı daʊrıt tı. Tıgdəl əs Aʊrǯı* сторона-*gdəl* ***didin wəndə*** катер, темный катер. *Didərə* прямо *nāntıtı dičin wəndə. Tara tı mapa ban pansıt bilə, xajwa wəndin, tı mapa=də utiləsin-gun lʊča xəsəwən. Min əńə=də utiləsi. Tara pərgiti, xajrıt bilə, tı lʊčasal* белогвардейцы-*səl*

Я сейчас расскажу, мать рассказывала, так на веслах, дедушка рулит, а женщины гребут, так поехали на остров. На ту сторону переехали. Когда переезжали, видят: со стороны Аури едет темный катер. Прямо к ним **подошел**. У старика спрашивают, а он что скажет, он не умеет же по-русски разговаривать. Мама тоже не умеет. Они думают, что эти русские

bičit wəndə *tɪ,* катер-*dʊ. Tɪsaldə ičit bilə: mapa, mamasalɪ, əkəsəli, puruli. Tara tɪsalba tɪ* отпустил*, tɪ ŋənəxət.* Они-*gdəl,* волны, катер волны *ŋələčumər, tɪ tajtɪ daʊxatɪ. Tɪ daʊra tɪdʊ tɪ* спрятал*,* ***sirxət wəndə*** *bāčadʊ. Tɪ bāčadʊ tɪdʊ tɪ* ***bičit wəndə****.* Прямо *didi, gasaŋkɪt* ***pulsit wəndə****.* Эти, белогвардейцы-*səl. Xajwa gələžuit-nu, xajwa-dəxum žoločɪ, xajwa-dəxum* ***gələžui tɪɪt wəndə****. Ŋələpsul bičini wəndisəl-kə. Mun Aʊrdʊ tɪ* ***taxat wəndə****. Ōmʊ lʊčaka bičin-tən, ʊm* семья*, ʊm mapažɪ mamažɪ* ***bičit wəndə*** *Aʊrdʊ. Tɪsal-də orgɪwa nəučixəti. Tʊ orgɪŋgʊwan žɪŋ-žɪŋ* ***meotɪlaxat wəndə****. Meotɪlam wāxatɪ.* [*Tɪ diči gursəli?*] *Inā, tɪ* белогвардейцы-*salɪ. Tara tɪ majak ban tōro,* ***ičədit wəndə*** *binoklžɪ. A Maŋgʊkɪ-gdələ sɪsa* канонерка *tɪ* судно ***didin wəndə*** *jəki. Puskažɪtɪ m'aotʊčamar ŋəniti. Mun* маяк-*wa m'aotʊčaxatɪ. Bū ńūčkəduj iči bičəpu, pūl'a tučuxan əməti tɪ* камни *ban.* [Маяк скала-*dʊn* крест *biskə. Tɪ* японское судно *tɪ* ***m'aotʊčaxan wəndə****.*] *Saŋna-saŋna bičin əməti žɪŋ-žɪŋ* пуля попада-*xan čʊpal tɪ. Tɪ sagde tʊčažʊmar, kateržɪ tʊčažʊmar ŋəniti.* Эти, белогвардейцы-*sal tʊčažʊmar, ŋənəmər,* каждый село *tɪ taxat* ***wəndə****.*

были белогвардейцы, на катере. Те видят, наверное: старик, старушки, женщины, дети. Отпустили их, так уехали. Они испугались волн от катера, дальше поплыли. Переехали и там **спрятались, говорят**, на острове. На острове так и **жили, говорят**. (А те, на катере) прямо пошли к деревне и по деревне **ходят**. Эти самые, белогвардейцы. Что они ищут — все бросают, все **ищут, говорят**. Страшно было, говорят. В Аури тоже так же **делали, говорят**. Один русский там жил, одна семья, старик со старухой **жили, говорят**, в Аури. Они свиней держали. Свинью **застрелили, говорят**. Из ружья убили. [Эти, которые приехали?] Ну да, эти белогвардейцы. Потом залезли на маяк, **смотрят** в бинокль. А по Амуру японская канонерка **идет**. Из пушки стреляют и идут. По нашему маяку стреляли. Когда мы маленькие были, тоже видели (выбоины), пули попадали по камням. [На скале, где маяк, крест был. По нему, **говорят**, японское судно **стреляло**.] Прямо-прямо было видно, как пули попадали. Белые убегают, на катер сели и убегают. Эти белогвардейцы отступая, уходя, в каждом селе так **делали**.

(28) КУР-УРМИЙСКИЙ НАНАЙСКИЙ [Суник 1958]

Гэ, сиксэгихэни, еткоандў бэjэ баj хўана, саман=да тадў ***бирэ, унэ****. Фэн'тэр фузи*^{н} *унэjни: «Гэ, фузи*^{н} *нэку, бэjэ долбо одйкйтй, мў бāрофў=ма мāхо*^{н} *гуру*^{н} *афйŋагйзара-укйн. Си халзазасйм, си ми енан фузиндулэ афйŋахан=да аjа». Фузи*^{н} *унэjни: «Аjам, энэхэн=дэ аjа».*

Вот наступил вечер, в помещении для поминок люди собрались, и шаман там, **говорят**. Девица (жена устроителя поминок) говорит (нашей девице): «Ну, девица-сестрица, люди ночью закончат, много народу к нам ночевать придет, ты будешь стесняться, хорошо было бы, если бы ты пошла ночевать к девице-свояченице (младшей сестры моего мужа)». Девица говорит: «Ладно, можно пойти».

Гэ, тй зў фургилэукэн футэсэлди гэсэ энэjти, фэн'тэр фузи^{н} *гисурэхэни аос=да энэури фоктова. Туj энэмэри дэрухэти. Туj энэхэj, ӭм зōла есеŋахатй. Иŋэjти — ӭм фузи*^{н} ***бичэ, унэ****. Ти-тэни фидукэн=тэн аjанй, гузигдини. Туj jаналам огдолаханй. Зэфудэj улухэни. Зэпкити. Тй зо эзэни фузи*^{н}*=тэни тй фузимнэ аjасйн=танй маŋганй. Афйŋгйха*^{н}*. Геа*^{н} *темакй тэ̄хэ*^{н}*. Фузи*^{н} *фэн'тэр фузин бāронй угихэни. Ичэjни — кама, фэн'тэр тулдэдуни дэхи дэрэ нэухэ*^{н}*, санзахава аŋгодай. Тй керавани даламйнаўрй ӭм мэргэмнэ* ***элгэгирэ, унэ****. Ти=тэн мэргэн=тэни елгаронй, геандаронй. Тй керавани асевани* ***элгэрэ, унэ****. Тй*

Вот идут вместе с теми двумя остриженными девочками, а дорогу, куда идти, хозяйка-девица (жена хозяина поминок) рассказала. Так и пошли. Шли, шли и дошли до одного дома. Входят — (там) одна девица **была**. И девица та очень хорошая, красивая. Так приветливо встретила. Поесть приготовила. Поели. Девица — хозяйка дома ту (нашу, пришедшую) девицу очень жалует. Легли спать. Рано утром поднялись. Девица (наша) отправилась к девице (хозяйке поминок). Видит — перед домом хозяина поминок расставлено сорок столов для приготовления мучных изделий (печенья). Возле них одного молодца в качестве распорядителя **водят**. А молодец этот нарядный, разукрашенный. Возле него его жену **ведут**. И она такая нарядная,

хас туј елгарӯ, геандарӯ ***бичэ, унэ****. Гэ, дэрэ токондӯнӣ дэрэ даламдӣнӣ тэ̄гихэти. Гэ, ē̄ма хачӣ*^{н} *фуʒинсэл, ē̄ма хачӣ*^{н} *геандарӯ, елгарӯ фуʒинсэл* ***аба, унэ****. Туј санʒахава* ***аӈгора, унэ****.*

Тӯнэкэрэ аӈгој гурунду хō̄ва хэр'эмэри дэрухэ^{н}*, элчиусэл диргини фадӣ, фуʒинсэлм ʒиргини фаʒӣ. Гэ, туј* ***хэр'эрэ, унэ****. Фуʒин=тэни нӣ алојванӣ чуӈну ʒаӯј,* ***омӣ нэкэрэ, унэ****. Елгарӯ мэргэ*^{н} *ичэјни — теӈ н'оанӣ асӣн=ма* ***бирэ, унэ****. Тӯнэкэрэ мэргэ*^{н} *хоӣ хэр'эми дэрухэни. Туј хэр'эхэј, тӣ фуʒиндулэ есеӈара, алогӣмӣ мохоханӣ. Фуʒин=тэни мэнэ аӈгојдӣ аӈгора, хэсуј=гдэ хэсурэ, инэктэјди* ***инэктэрэ, унэ****, тэ̄чи=гдэ тэ̄чирэ. Туј алочӣхај, фургилэкту футэкэ*^{н} *ʒаора, унэјни: «Мэргэн, бај алочӣсӣ, му экинфу с'андӣ=да долʒē̄рā̄сӣ, насалдӣ=да ичэрэ̄си». Фургиулэкэ*^{н} *футэ омера, чендаханӣ. Тӯнэкэрэ мэргэ*^{н} *кэчэрэгими, буӈундулэи энихэни. Туј ичэдирэ, фудин бā̄ронӣ. Ичэјни — бај би элчиусэл бујвэни омӣ: хэсукини, хэсуј, инэктэј* ***нэкэрэ, унэ****.*

разукрашенная **была**. Вот посредине стола уселись распорядитель стола (и его жена). И каких там только девиц, по-разному наряженных девиц, **не было**! Так мучные изделия **делают**. ⟨Все, что делает девица (наша), кладут для шаманского гадания.⟩

Потом начали наливать чарки для людей, делающих (печенье). Рабам — отдельно их ряду, девицам — отдельно их ряду **[наливают]**. Вот так и **наливают** (угощают водкой). Девица (наша) все, что ей подают, **берет и пьет**. Нарядный молодец видит — прямо будто его жена (первая) **[сидит]**. Затем молодец начал наливать чарку (и обходить с ней). Так ходит наливает и подошел к той (нашей) девице, но подать не смог. Девица свое дело делает, разговоры разговаривает, улыбается да **смеется**, сидит себе да посиживает. Когда так протягивает (молодец чарку), стриженая девочка взяли и говорит: «Молодец, зря подаешь, наша старшая сестра и ушами не слышит, и глазами не видит». Стриженая девочка выпила и отпустила (мо́лодца). Затем молодец повернулся, на свое место ушел. Смотрит так на девицу. Видит — простой раб дает — она пьет, если говорит, она разговаривает, **смеется**. Как ни смотрит молодец — его жена,

Мэргэ[и] он=да ичэјни=дэ, — н'оани асени, мудилэјни. Эрдэнугэ, бэјэ балдихан=да бэдэрни.

думает. Интересно, будто такой же второй человек родился.

5. Другие языки нижнеамурского ареала

Ближайшим родственником нанайского, ульчского, орочского и удэгейского языков является орокский (уйльтинский) язык на Сахалине. Соответствующая форма глагола ‘говорить’ *ундэ* в нем существует, однако в качестве цитативной или какой-либо другой частицы не употребляется. С другой стороны, в уйльтинском языке имеется частица *ундэкэле*, образованная от *ундэ* и используемая в цитативной функции:

УЙЛЬТИНСКИЙ

(29а) *тара=ŋачи* *јāја-ха-чи* ***ундэкэле***
тот=как петь-PRAET-3SG EVID
‘Так песню пели, **говорят**’.

(29б) *тари* *амба* *би-тчи-ни* ***ундэкэле***
тот черт быть-PRAET-3SG EVID
{Один человек поехал туда ночью на оленях и обратно бегом прибежал, даже не ночевал там.} ‘Это черт был, **говорит**’.

Но *ундэкэле*, насколько известно, не имеет употреблений за пределами цитатива. Поэтому можно сказать, что частица *ундэ* в том виде, как она описана в настоящей статье, является принадлежностью только материковых нанийских языков. Не исключено, что она приобрела цитативное употребление еще до отделения уйльтинского языка, в котором уже независимо к ней добавилась еще одна частица *-кэле*. В остальных же языках *ундэ* расширила круг своих употреблений, включив в него «новое знание» и нарративные употребления.

С севера с нанийскими языками соприкасается негидальский, также достаточно близко родственный им, но относящийся к другой ветви тунгусских языков (северной, вместе с эвенкийским, эвенским и солонским). В нем имеется этимологически соответствующая нанайскому *ундэ* частица *гӣнэ*, которая употребляется цитативно, ср. пример (30). Однако примеров расширенного употребления этой частицы в опубликованных текстах

(в книгах [Цинциус 1982] и [Хасанова, Певнов 2003]) нам найти не удалось.

НЕГИДАЛЬСКИЙ [Цинциус 1982: 115]

(30) *Чукчагил эвуйе-ӈи-тин сагди-л тᾱлуӈ-ду-тин*
Чукчагил озеро-ALIEN-3PL старик-PL рассказ-DAT-3PL
бэ$_o$йэ балди-чᾱ-ки-нин, бэ$_o$йэ
человек родиться-PRAET-PPF-3SG человек
исэв-чᾱ-нин эвуйен ***гӯнэ***.
расти-PRAET-3SG озеро EVID
‘В рассказах стариков говорится, [что] Чукчагирское озеро — место, [где] родились [и] выросли Чукчагили (букв. люди)’.

Последний язык этого ареала, вовсе не родственный тунгусо-маньчжурским, однако давно и тесно контактировавший с ними, — эти нивхский. В нем имеется частица *фуру* ‘говорят, сказано’, образованная от корня *фур- ~ п'ур-* ‘говорить, рассказывать’ и употребляющаяся цитативно [Панфилов 1965, II: 123; Недялков, Отаина 2012: 94] и как заключительная формула повествования («сказано», см. многочисленные примеры в материалах Л. Я. Штернберга [1908: 13 и др.]), ср., например:

НИВХСКИЙ [Панфилов 1965, II: 123; Недялков, Отаина 2012: 94]

(31а) *Ӯмыв н'ивх ных тутх п'ры-ны-д'* ***фуру***.
храбрый человек сегодня сюда прийти-FUT-IND EVID
‘**Говорят**, храбрый человек сегодня сюда придет’.

(31б) *Тыф* ***п‘уру***
дом EVID
‘Тоже мне дом, **называется**’.

Однако в нивхском, как и в негидальском, свидетельств расширенного употребления цитативной частицы нам найти не удалось.

6. Заключение

В статье мы постарались показать путь, который прошла форма *ундэ*/*унэ*/*вэндэ*/*гуне* в тунгусских языках Нижнего Амура — от настоящего времени глагола ‘говорить’ через функцию показателя цитатива к маркированию новой информации и, далее, к чисто нарративному употреблению для выделения ключевых точек повествования. При этом все перечисленные значения

существуют одновременно, и иногда сложно понять, какое из них актуализировано в данном случае (возможно, что несколько одновременно).

Типологически такое развитие, насколько известно, не очень распространено. Значение адмиратива/новой информации часто развивается у эвиденциальных показателей (см. [Aikhenvald 2004: 195–200]), однако обычно на основе инференциального значения (как русское *оказывается*); тунгусские же языки интересны в этом отношении тем, что цитативная частица в них, насколько можно судить, не имеет инференциальных употреблений и приобрела функции маркирования новой информации «напрямую». С другой стороны, и маркеры новой информации далеко не во всех языках приобретают нарративные употребления.

Что касается данного ареала, то цитативная частица, происходящая от глагола ‘говорить’, свойственна всем языкам Нижнего Амура — и южным тунгусским, и негидальскому, и нивхскому. (Было бы интересно исследовать в этом отношении местные эвенкийские диалекты; в известном описании [Василевич 1948] мы не нашли упоминания о ней.) Однако расширение ее значения произошло, насколько можно судить, только в материковых нанийских языках.

Список сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; ADJ — адъективный суффикс; ADM — адмиратив; ALIEN — отчуждаемая принадлежность; COND — условная форма; CONTR — контрастивная клитика; CONV — деепричастие; DAT — датив; DUR — дуратив; EVID — эвиденциальная частица; FUT — будущее время; HAB — хабитуалис; IMP — императив; IMPF — имперфект; INCH — инхоатив; IND — индикатив; INSTR — инструменталис; INTERJ — междометие; INTERR — вопросительная частица; LOC — локатив; MULT — мультипликатив; NEG — отрицательный показатель; PART — причастие; PASS — пассив; PF — перфект; PL — множественное число; PPF — плюсквамперфект; PRAES — настоящее время; PRAET — прошедшее время; PROL — пролатив; PT — причастие; PTCL — частица; REFL — рефлексив; SG — единственное число; VBLZ — вербализатор.

Литература

Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М. — Л.: АН СССР, 1961.

Аврорин, Болдырев 2001 — В. А. Аврорин, Б. В. Болдырев. Грамматика орочского языка. Новосибирск: СО РАН, 2001.

Аврорин, Лебедева (сост.) 1966 — В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева (сост.). Орочские сказки и мифы. Новосибирск, 1966.

Василевич 1948 — Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1948.

Кормушин 1998 — И. В. Кормушин. Удэхейский язык. М.: Наука, 1998.

Недялков, Отаина 2012 — В. П. Недялков, Г. А. Отаина. Очерки по синтаксису нивхского языка. М.: Знак, 2012.

Оненко 1985 — С. Н. Оненко. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1985.

НФ — Нанайский фольклор: Нингман, сиохор, тэлунгу [Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока 11]. Новосибирск: Наука, 1996.

Панфилов 1965 — В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. В 2 т. М. — Л.: Наука, 1965.

Суник 1958 — О. П. Суник. Кур-урмийский диалект: Исследования и материалы по нанайскому языку. Л: Учпедгиз, 1958.

Суник 1962 — О. П. Суник. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках: Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М. — Л.: АН СССР, 1962.

Суник 1985 — О. П. Суник. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985.

Суник 1997 — О. П. Суник. Ульчский язык // В. М. Алпатов и др. (ред.). Языки мира: Монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки, японский язык, корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 236–248.

Хасанова, Певнов 2003 — М. Хасанова, А. Певнов. Мифы и сказки негидальцев [Исследования по тунгусоведению 21]. 2003.

Цинциус 1982 — В. И. Цинциус. Негидальский язык. Л.: Наука, 1982.

Шнейдер 1937 — Е. Р. Шнейдер. Материалы по языку анюйских удэ. М. — Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937.

Штернберг 1908 — Л. Я. Штернберг. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1908.

Aikhenvald 2004 — A. Yu. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.

DeLancey 1997 — S. DeLancey. Mirativity: The grammatical marking of unexpected information // Linguistic Typology 1, 1997. P. 33–52.

Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. A Grammar of Udihe [Mouton Grammar Library 22]. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2001.

Н. М. Заика

ИЛИ РАН — СПбГУ, Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ПАДЕЖЕЙ В БАСКСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

1. Введение

В статье рассмотрен ряд проблем, связанных с составом именной парадигмы баскского языка.

Выявление количества падежей в конкретном языке достаточно часто представляет определенную проблему[2]. Однако если при определении состава, например, русской именной парадигмы разногласия часто возникают из-за маргинальности того или иного падежа, то в баскском языке спорным является статус форм, которые сами по себе являются достаточно распространенными.

Традиционно считается, что баскский язык обладает богатой падежной системой[3]. Кроме падежей, в языке имеются многочисленные послелоги.

Далее мы будем рассматривать склонение не имени существительного, прилагательного или местоимения, а склонение именной группы в целом, поскольку в баскском языке показатели склонения и послелоги постпозиционно присоединяются ко всей именной группе. Дейктические местоимения имеют тот же набор падежных форм, что и именные группы определенного склонения.

---

[1] Исследование было поддержано грантом РГНФ «Вариативность аргументной структуры глаголов и классификация глагольной лексики в разноструктурных языках» (№ 11-04-00179а).

[2] Ср. традиционные обсуждения второго родительного, второго предложного и некоторых других форм в русском языке, например, [Зализняк 1973].

[3] Достаточно большой набор падежей, как это часто происходит, включает ряд падежей, имеющих локативное значение.

2. Существующие описания падежной системы баскского языка

Прежде всего, рассмотрим уже существующие описания падежной системы в баскском языке. Поскольку язык оформился в качестве литературного лишь во второй половине XX века, в описаниях, предшествующих этому периоду, нам придется иметь дело с диалектным материалом, что, впрочем, не должно оказать влияния на выводы нашего исследования, поскольку падежные системы в диалектах баскского языка устроены сходным образом.

Ж. Итурри в конце XIX века[4] в грамматике лабурдинского диалекта, близкого к литературному баскскому языку, описывает в своей грамматике следующие 11 падежей[5]: номинатив (= абсолютив)[6] (∅)[7], актив (= эргатив) (*-k*), датив (*-i*), социатив

[4] Анализ падежной парадигмы в работах XVIII–XIX вв. (М. Ларраменди, Ф. Леклюз, Ж.-П. Дарриголь, А. Шао, Ж. Дювуазен, Л. Л. Бонапарт) см. в [Campión 1884/1977: 177–191].

[5] Здесь и далее, при описании падежных парадигм у разных авторов мы приводим лишь показатели неодушевленного склонения (неопределенной субпарадигмы) как насчитывающей максимальное количество форм, причем мы рассматриваем лишь некоторые из возможных алломорфов, появление которых обусловлено тем, заканчивается ли основа на гласную или на согласную. В парадигме определенного склонения отсутствуют партитив и пролатив. В парадигме одушевленного склонения отсутствует генитив места. Наше морфемное членение не всегда совпадает с морфемным членением автора, предложенным Ж. Итурри.

[6] Термины абсолютив, эргатив, датив, комитатив, инессив, аблатив, аллатив, инструменталис, генитив (собственно генитив, или притяжательный генитив) соответствуют традиционным описаниям в типологической литературе, партитив употребляется вместо абсолютива в вопросительных, отрицательных и некоторых других конструкциях, пролатив имеет значение ‘в качестве чего-то’, дестинатив — ‘для чего-то’, мотиватив — ‘из-за чего-то’, показатель *-ko* (генитив места) при присоединении к основе обозначает отношение связанное с местом, ср. *etxeko horma* ‘стена дома’ (данный показатель также может присоединяться к другим падежным показателям), аллатив цели имеет значение ‘до чего-то’, аллатив направления — ‘по направлению к чему-то’. В скобках после знака равенства мы приводим современные, в той или иной степени общепринятые названия падежей.

[7] Нулевой показатель.

(= комитатив) (*-ekin*), инессив (*-n*), элатив (= аблатив) (*-rik*[8]), аллатив (= аллатив) (*-rat*[9]), лимитатив (= аллатив цели) (*-raino*), медиатив (= инструменталис) (*-z*), партитив (*-ik*) и пролатив (*-tzat*)[10] [Ithurry 1979: 2–3].

Формы на *-ko* (в традиционной терминологии — генитив места) Итурри относит к производным (относительным) прилагательным, которые образуются путем прибавления данного показателя к комитативу, инессиву, аблативу, аллативу, аллативу цели, инструменталису и партитиву, и, очевидно, исходя из дистрибуции морфемы, не относит ее к падежным показателям. С другой стороны, менее обоснованно, он не относит к падежной парадигме и притяжательный генитив на *-en*, который не способен присоединяться к разным падежным показателям, считая его относительным прилагательным [ibid.: 7–10]. Вероятно, такая трактовка вызвана тем, что генитивные формы могут присоединять показатели склонения и определенности или числа, хотя в данном случае речь идет о двух именных группах, одна из которых входит в состав другой, ср. [[*lagun-aren*]-*a*] (друг-GEN.SG[ABS]-SG) ‘тот, который относится к другу’ (формы такого типа во французской традиции называются суперсклонением).

С. Ароцарена выделяет в баскском склонении следующие 13 падежей: номинатив (= абсолютив) (∅), партитив (*-ik*), пролатив (*-tzat*), актив (= эргатив) (*-k*), датив (*-i*), медиатив (= инструменталис) (*-z*), унитив (= комитатив) (*-ekin*), инессив (*-n*), адитив (= аллатив) (*-rat*, *-ra*), лимитатив (= аллатив цели) (*-raino*)[11], элатив (= аблатив) (*-tik*, *-rik*), местный генитив (*-ko*)[12] и притяжательный генитив (*-en*) [Arotçarena 1951: 29–30]. Формы, относимые рядом

[8] Литературный вариант *-tik*.

[9] Диалектный вариант. Автор также упоминает более распространенный ныне вариант на *-ra*.

[10] Итурри также отмечает, что если речь идет о лицах, то падежные суффиксы инессива, аблатива, аллатива и аллатива цели заменяются частицами *baithan* (современный литературный вариант *baitan*), *ganik* и др. О некоторой разнице в употреблении показателей *-gan-* и *-baita-* см. в [Creissels, Mounole 2011: 172–175].

[11] В некоторых парадигмах автор опускает данный падеж.

[12] Рассматривая присоединение данного суффикса к другим падежным показателя, автор не называет его падежным и трактует как отдельную сущность.

современных грамматик к дестинативным, (-*entzat*) Ароцарена рассматривает как пролатив от притяжательного генитива [ibid: 65].

П. Лафитт, автор баскской грамматики наварро-лабурдинского литературного диалекта, выделяет следующие 12 падежей: номинатив (= абсолютив (∅), актив (= эргатив) (-*k*), медиатив (= инструменталис) (-*z*), инессив (-*n*), элатив (= аблатив) (-*tik*, -*rik*[13]), адлатив (= аллатив) (-*rat*[14]), генитив места (-*ko*), притяжательный генитив (-*en*), датив (-*i*), унитив (= комитатив) (-*ekin*), партитив (-*ik*) и пролатив (-*tzat*). С существительными, обозначающими лиц, местные падежи, под которыми Лафитт подразумевает инессив, аблатив и аллатив, заменяются послелогами, которым предшествует номинатив или притяжательный генитив [Lafitte 1962: 54, 55, 57].

Отдельно Лафитт описывает ряд маргинальных форм, различаемых далеко не всеми авторами грамматик, что связано с тем, что некоторые падежные формы адвербиализировались, а часть выступает в отношениях свободного варьирования с вышеописанными падежами[15]. Так, автор рассматривает в качестве «дополнений к склонению» разновидность инструменталиса с особым показателем -*taz*, обозначающим не причину или средство, а тему высказывания, показатель -*kila*, обозначающий цель движения для присоединения к кому-то, а также разводит два вида аллатива (на -*rat* и на -*ra*), утверждая, что первый обозначает движение без возвращения, а второе — с возвращением. В ту же группу Лафитт помещает аппроксиматив (= аллатив цели) (-*raino*/-*radino*), который образуется путем добавления дополнительных показателей к форме на -*ra* и который автор называет «производным падежом». Пролатив (= дестинатив) (-*rentzat*) относится им к случаям «суперсклонения» («surdéclinaison»), поскольку формально он состоит из показателя генитива (-*ren*) и показателя пролатива (-*tzat*) [ibid.: 59–61].

Л. Вильясанте выделяет в баскской именной парадигме следующие 14 падежей[16], среди которых первые три связаны с

[13] В современном литературном языке только -*tik*.

[14] Вариант, характерный для Французской Страны басков. В современном литературном языке в данном значении используется суффикс -*ra*.

[15] Статус части из них близок к тому, что в терминологии А. А. Зализняка называется факультативными падежами [Зализняк 1973: 640].

[16] Мы приводим не все названия автора.

полиперсональным спряжением, а последние шесть — с локализацией объекта: пациенс (= абсолютив) (∅), эргатив (*-k*), датив (*-i*), партитив (*-ik*), посессив (= притяжательный генитив) (*-en*), дестинатив (*-entzat*, *-entzako*), социатив (= комитатив) (*-ekin*), инструменталис (*-z*), инессив (*-n*), делимитатив (= генитив места) (*-ko*), аблатив (*-tik*), аллатив (*-ra*), аллатив направления (*-rantz*), аллатив цели (*-raino*).

Однако автор добавляет, что можно провести различие между собственно падежами и послелогами, приводя пример одушевленного существительного в инессиве (*gizonar*(*en*)*gan* ‘в мужчине’), но, не уточняя, какие именно из вышеназванных падежей можно считать конструкциями с послелогами. С большой долей вероятности можно предположить, что речь идет о падежах, содержащих показатель одушевленности *-gan-* (см. раздел 4) [Villasante 1972: 18–22].

Обратимся теперь к более современным описаниям падежной системы баскского языка.

И. Лака в своих работах выделяет лишь три падежа (абсолютив) (∅), эргатив (*-k*) и датив (*-i*)), признавая остальные единицы послеложными [Laka 1996, 2006].

П. Уркису выделяет 13 падежей, из которых два имеют особый статус: номинатив (= абсолютив) (∅), эргатив (*-k*), датив (*-i*), посессив (= притяжательный генитив) (*-en*), локатив (= генитив места) (*-ko*), социатив (= комитатив) (*-ekin*), инструменталис (*-z*), инессив (*-n*), аллатив (*-ra*), аблатив (*-tik*), партитив (*-ik*). Аллатив цели (*-raino*) и аллатив направления (*-rantz*) исследователь относит к «падежам, производным от аллатива». Еще три показателя Уркису описывает, избегая упоминания их грамматического статуса, отмечая, что существуют суффиксы мотиватива (-(*ar*)*engatik*), дестинатива (-(*ar*)*entzat*/*endako*) и пролатива (*-tzat*). [Urquizu 1996: 157–164].

Р. Л. Траск перечисляет следующие 13 падежей: абсолютив (-), эргатив (*-k*), датив (*-i*), инструменталис (*-z*); комитатив (*-ekin*), генитив (*-en*), локатив (= инессив) (*-n*), аблатив (*-tik*), аллатив (-(*r*)*a*), бенефактив (= дестинатив) (*-entzat*), дестинатив (*-rako*), терминатив (= аллатив цели) (*-raino*), дирекционалис (= аллатив направления) (*-rantz*). Последние четыре падежа он называет «составными по форме» и выражающими все характерные особенности падежей, от которых они образованы. Таким образом, исследователь

считает их полноценными членами падежной парадигмы баскского языка [Trask 1997: 92–93].

В то же время Траск отказывается признавать падежными показателями показатели партитива (*-ik*) и пролатива[17] (*-tzat*), которые он считает определителями, поскольку они не могут присоединяться к полной именной группе, содержащей определитель, традиционный местный генитив (*-ko*), показатель которого он рассматривает как суффикс со значением отношения, а также мотиватив/каузалис (*-gatik*), показатель которого исследователь считает послелогом, не комментируя данное грамматическое решение [ibid.: 93–94].

Для поздних работ, в которых уделяется внимание именной парадигме, характерно выделение групп падежей, основанное на грамматических признаках.

Академическая грамматика баскского языка выделяет следующие 15 падежей: грамматические падежи: абсолютив (∅), эргатив (*-k*), датив (*-i*); падежи времени и места: инессив (*-n*), генитив места (*-ko*), аллатив (*-ra*), падеж направления (= аллатив направления) (*-rantz*), аллатив цели (*-raino*), аблатив (*-tik*); «оставшиеся падежи»: партитив (*-ik*), генитив (*-en*), социатив (= комитатив) (*-ekin*), инструменталис (*-z*), мотиватив (*-gatik*), дестинатив (*-entzat*) [Altuna at al. (arg.) 1991: 216–217].

Пролатив не выделяется в качестве отдельного падежа, поскольку при присоединении соответствующего показателя не происходит морфонологических изменений, характерных для баскского языка — появления эпентетического *e* между основой и аффиксом, а также поскольку соответствующий показатель встречается только в т. н. неопределенном склонении [ibid.: 305]. Следует, однако, отметить, что в баскской именной парадигме встречаются и другие падежи, в которых появление эпентетического *e* не обязательно, ср. варианты *Paris*(*e*)*-tik* и *Paris-tik* в аблативе. Партитив, который также встречается только в неопределенной форме, включен авторами в падежную парадигму.

Те же 15 падежей выделены в «Краткой грамматике баскского языка». Однако в качестве вариантов дестинатива, кроме самого падежа на *-entzat* (*-endako*), приводятся формы с адъективирующим показателем *-ko* (*-ko*, *-rako*), а также пролатив (*-tzat*) [Altuna et al. 2002: 503–524].

[17] В терминологии Траска — эссив/транслатив.

И. Ибаррече-Антуняно, опираясь на Академическую грамматику баскского языка [Altuna at al. (arg.) 1991], рассматривает следующие 17 падежей: грамматические — абсолютив (∅), эргатив (*-k*), датив (*-i*); местные падежи: дестинатив[18] (*-rako*), инессив (*-n*), аблатив (*-tik*), аллатив (*-ra*), аллатив цели (*-raino*), дирекционалис (= аллатив направления) (*-rantz*), местный генитив (*-ko*); остальные падежи: генитив (*-en*), комитатив (*-ekin*), бенефактив (= дестинатив) (*-entzat*), инструменталис (*-z*), каузалис (= мотиватив) (*-gatik*), пролатив (*-tzat*), партитив (*-ik*) [Ibarretxe-Antuñano 2001: 3–4]. Те же падежи рассматриваются в учебной грамматике баскского языка Патрика и Субири [Patrick, Zubiri Ibarrondo 2001: 51–100][19].

Х. И. Уальде в грамматике баскского языка выделяет следующие 15 падежей[20]: абсолютив (∅), эргатив (*-k*), датив (*-i*), генитив (*-en*), бенефактив (= дестинатив) (*-tzat* + генитивная основа), комитатив (*-kin*), инструменталис (*-z*), пролатив (*-tzat* + основа), партитив (*-ik*); локативные падежи: локатив (= инессив) (*-an*), аблатив (*-tik*), аллатив (*-ra*), дирекционалис (= аллатив направления) (*-rantz*) и терминатив (= аллатив цели) (*-raino*), а также относительный падеж («relational» *-ko*), имеющий промежуточный статус и рассматривающийся отдельно. Мотиватив (*-gatik*) признается послелогом [Hualde, Ortiz de Urbina 2003: 179–186, 144–148, 742].

А. Альберди выделяет следующие 16 падежей, разбивая их на группы: грамматические падежи[21] (именные группы в этих падежах согласуются с глаголом) абсолютив (-), эргатив (*-k*) и датив (*-i*), падежи времени и места инессив (*-n*), местный генитив (*-ko*), аллатив (*-ra*), аллатив направления (*-rantz*), аллатив цели (*-raino*), аблатив (*-tik*); остальные падежи: партитив (*-ik*), притяжательный

[18] В других работах может иметь другие названия или вообще не рассматриваться как падеж. Обозначает отношение, связанное с направлением, напр. *mendi-ra-ko bide-a* (гора-ALL-KO дорога[ABS]-SG ‘дорога в гору’).

[19] Аналогичная падежная система представлена в [Zubiri 2000]. Локативные падежи одушевленных существительных в обеих работах представлены отдельно, однако в [Patrick, Zubiri Ibarrondo 2001] они имеют те же названия, что и для неодушевленных существительных.

[20] Тот же набор падежей выделяется в [Sagües 1980].

[21] В качестве названия автор приводит один из вариантов баскских названий падежей, представляющие собой вопросительные местоимения в данном падеже, например *NORI* ‘кому’, *NOREKIN* ‘с кем’.

генитив (*-en*), комитатив (*-ekin*), инструменталис (*-z*), мотиватив (*-gatik*), дестинатив (*-entzat*) и «особый падеж»[22] — пролатив (*-tzat*) [Alberdi 2008: 168–176]. В то же время автор отдельно останавливается на показателе *-ko*, который может присоединяться ко многим падежам и глагольным формам, таким образом, одна и та же форма рассматривается одной стороны как падежная, а с другой стороны как форма на *-ko* от инессива [ibid.: 123, 170][23].

Р. де Рейк выделяет в своей дидактической грамматике 14 падежей, среди которых имеются основные падежи — абсолютив (∅), эргатив (*-k*), датив (*-i*), социатив (= комитатив) (*-ekin*), генитив (*-en*) и инструменталис (*-z*), а также два падежа, образованных на базе генитива (бенефактив (= дестинатив) (*-tzat*)[24], мотиватив (*-gatik*)) — и локативная система (инессив (*-an*)[25], элатив, или аблатив (*-tik*), аллатив (*-ra*) и его производные на (*-raino*) и (*-rantz*)[26]): отдельно в качестве падежа рассматривается партитив (*-ik*). Пролатив (*-tzat*) рассматривается в качестве разновидности бенефактива.

С точки зрения исследователя, формы, выделяемые в качестве падежных в баскском языке, с синтаксической точки зрения являются промежуточным случаем между морфологическими падежными формами и формами с предлогами в индоевропейских языках[27]. Генитивный формант *-ko* исследователь считает не падежным, а адъективным показателем. Также в дальнейшем

[22] Автор считает его «особым» на основании некоторых грамматических и морфонологических характеристик.

[23] Те же 16 падежей с практически совпадающим делением на группы выделяет Чильярдеги, не проводя, однако, различия между разными функциями показателя *-ko* [Txillardegi 1978].

[24] Судя по описанию де Рейка, прииенной аллатив (*-rako*) находится в отношениях, близких к отношениям дополнительной дистрибуции с дестинативом на *-tzat*: первый из них употребляется с неодушевленными существительными, а второй — преимущественно с одушевленными [de Rijk 2008: 94].

[25] Показатель в единственном числе.

[26] В терминах де Рейка соответственно «terminal» и «tendential».

[27] Ср. мнение А. Кампиона, который один из немногих исследователей в конце XIX века утверждал, что в баскском языке отсутствует склонение, а выражение абстрактных значений, соответствующих падежному склонению или предлогам в других языках, осуществляется с помощью суффиксов [Campión 1884/1977: 177].

адъективным показателем признается генитивный формант *-en*, который отличается от других падежных показателей тем, что соответстсвующая форма (наряду с формой на *-ko*) зависит от имени, а не от глагола, может выступать в роли именной части сказуемого и способна образовывать формы суперсклонения [de Rijk 2008: 31–35, 45, 88, 94, 98][28].

Ж. Ребюски выделяет 10 основных падежей: абсолютив (∅), эргатив (*-k*) и датив (*-i*), генитив-1 (*-en*), социатив (= комитатив) (*-ekin*), инессив (*-an*), аблатив (*-tik*), аллатив (*-ra*), генитив-2 (*-ko*), инструменталис (*-z*). Однако, по утверждению исследователя, данный список ограничивают лишь произвольные критерии. Партитив (*-ik*) Ребюски относит не к падежным показателям, а к определителям. Пролатив, несмотря на морфонологические отличия, выделяется как падеж, являясь, таким образом, одиннадцатым падежом. Дирекционалис (= аллатив направления) (*-rantz*) и терминатив (=аллатив цели) (*-raino*) признаются расширениями аллатива. Первый их элемент является явно падежным, тогда как статус второго менее очевиден. Падеж, традиционно называемый дестинативом (*-en-tzat*), рассматривается в качестве генитива1, за которым следует показатель пролатива [Rebuschi 1984: 109, 124, 148, 154, 156–162].

Из приведенных описаний (ср. Таблицу 1) становится очевидно, что наряду с падежами, которые признают все или большинство исследователей (абсолютив, эргатив, датив, комитатив, инессив, аблатив, аллатив, инструменталис, притяжательный генитив), в баскском языке есть формы, признаваемые падежными не всеми (партитив, пролатив, генитив места, дестинатив, мотиватив и, в некоторых случаях, другие производные от основных падежей).

3. Критерии разграничения постпозитивных[29] показателей в баскском языке

3.1. Общие замечания

Очевидно, основная проблема при определении состава баскской падежной парадигмы состоит в том, что некоторые

[28] См. также обширный библиографический комментарий, посвященный показателю *-ko* в [de Rijk 2008: 103–105].

[29] Под постпозитивными показателями мы понимаем любые показатели, стоящие в конце именной группы, т. е. не исключительно послеложные показатели (ср. англ. «postposition»).

Таблица 1. Падежная система баскского языка в различных современных описаниях

	[Laka 1996, 2006]	[Ithurry: 1979]	[Rebuschi 1984]	[Lafitte 1962]	[Urquizu 1996].	[Trask 1997]	[Arotçarena 1951]	[de Rijk 2008]	Villasante 1972]	[Altuna at al. (arg.) 1991]	[Altuna et al. 2002]	[Hualde, Ortiz de Urbina 2003]	[Alberdi 2008]	[Txillardegi 1978]	[Ibarretxe-Antuñano 2001; Patrick, Zubiri Ibarrondo 2001]
количество падежей	3	11	11	12	13	13	13	14	14	15	15	15	16	16	17
-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-k	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-i	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-ekin	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-n	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-rik/*tik*	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-ra/*rat*	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-z	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-en	-	-	+	+	+	+	+	(+)	+	+	+	+	+	+	+
-raino	-	+	-	(ПП)	+ПП	+ПП	+	+ПП	+	+	+	+	+	+	+
-rantz	-	-	-	-	+ПП	+ПП	-	+ПП	+	+	+	+	+	+	+
-ik	-	+	-	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-tzat	-	+	+	+	C	-	+	-Д+	-	-	-Д+	+	+	+	+
-entzat	-	-	-	-	C	+ПП	-	+ПП	+[30]	+	+	+	+	+	+
-rako (*-ra-ko*)	-	-	-	-	-	+ПП	-	-	-	-	-Д+	-	-	-	+
-gatik	-	-	-	-	C	-	-	+ПП	-	+	+	-	+	+	+
ko_1	-	-	+	+	+	-	+	-	+	+	+	(+)	+	+	+
ko_2	-	*0*	*0*	*0*	*0*	*0*	*0*	*0*	*0*	*0*	-Д+	*0*	-	*0*	*0*

Примечания:

(ПП) — Показатель производного падежа, рассматриваемого вне падежной парадигмы.

[30] В качестве одного из показателей дестинатива Вильясанте приводит *-entzako*, состоящий из дестинативного показателя и показателя *-ko*, который у него рассматривается как делимитатив.

ПП — Показатель производного (составного) падежа, рассматриваемого в рамках парадигмы.

С — суффикс, рассматриваемый вне падежной парадигмы.

Д+ — Показатель подтипа дестинатива.

ko$_1$ — падежный суффикс *-ko*.

ko$_2$ — суффикс *-ko*, рассматриваемый вне падежной парадигмы (0 — не рассматривается отдельно, - — рассматривается вне падежной парадигмы).

грамматические единицы системы обладают дистрибутивными свойствами, которые отличают их от прототипических падежей, признаваемых практически всеми исследователями. В значительной части случаев речь идет о большей или меньшей степени спаянности с основой. При выделении в системе именного словоизменения более чем одного класса постпозитивных единиц, имеющих одну и ту же функцию, часто их принято разграничивать на падежные показатели (разновидность суффиксов) и послелоги (разновидность клитик). Таким образом, в грамматиках конкретных языков падежные суффиксы и послелоги часто определяются не исходя из общетипологических предпосылок, а как два разряда единиц, более или менее тесно спаянных с основой[31]. Для выяснения того, являются ли показатели падежными аффиксами или послелогами, исследователи традиционно определяют, являются ли они грамматически более автономными, чем остальные аффиксы, или менее автономными, чем остальные послелоги.

Очевидно, что проблема выделения падежных аффиксов и адлогов касается преимущественно языков с послелогами, поскольку для многих языков с предлогами характерны не падежные префиксы, а падежные суффиксы, которые, вообще в языках мира распространены гораздо шире[32].

С другой стороны, определенные дистрибутивные отличия могут не приниматься исследователями во внимание. Так, напри-

[31] Ряд исследователей использует для отделения послелогов от суффиксов лингвоспецифичные критерии. Так, в корейском языке, по утверждению исследователей, послелоги являются облигаторными, в отличие от падежных аффиксов, которые в некоторых контекстах могут опускаться [Kwang-sup 2005].

[32] Ср. однако, универсалию Гринберга 27 [Гринберг 1970] и WALS [Chapter 51, 85].

мер, в венгерском языке падежные суффиксы и послелоги может разграничивать критерий гармонии гласных [Trommer 2008: 403]. Сам автор статьи утверждает, что эти две сущности являются единицами одного класса, на основании того, что синтаксически они ведут себя практически одинаково. Разница заключается в том, что в сочинительных конструкциях при использовании послелогов, но не падежных суффиксов, возможен эллипсис вершинного существительного при координации послелогов, а также эллипсис послелога при координации именных групп [ibid.]. Считается, что в баскском языке возможность/невозможность эллипсиса вершинного существительного при координации послелогов достаточна для того, чтобы выделить два класса грамматических единиц, ср. пример (55).

Для выявления того, какие именно падежи входят в именную парадигму в баскском языке, необходимо рассмотреть возможные критерии отделения падежных суффиксов от послелогов[33] (существенный вклад в решение данной проблемы внесла работа [Zwicky, Pullum 1983], ср. также ряд критериев в [Lapointe 1996], в нашем исследовании мы будем также прибегать к другим критериям). Ряд типологически релевантных критериев отделения единиц двух типов не будет действовать на материале баскского языка.

Проблема отделения одних постпозитивных грамматических единиц от других представляется весьма актуальной для целого ряда языков, ср., например, венгерский[34], цыганский[35], тюркские[36]

[33] Принято считать, что сами падежные суффиксы в баскском языке по происхождению, являются послелогами [Hualde 2002: 337].

[34] «The inventory of cases is a matter for dispute and ranges from 17 (including the zero-marked nominative) to 28 ⟨…⟩»; «I argue that case markers in Hungarian are best thought of as 'fused postpositions'» (далее Спенсер отказывается от понятия падежного аффикса в венгерском языке, постулируя в нем два вида аффиксов, отличающихся своими синтаксическими свойствами) [Spencer 2008: 35, 49]; «I will argue, on the basis of Hungarian data, that no clear line can be drawn between case suffixes and adpositions» [Asbury 2005: 72, 74].

[35] «[W]e have reason to suspect that Romani has made the transition from postpositional enclitics to agglutinative cases. Most scholars present these affixes either as cases ⟨…⟩ or as postpositions without addressing the question of why one view is preferable to the other» [Friedman 1991: 58];

языки. Зачастую она сводится к тому, что все единицы одного класса признаются либо падежными аффиксами, либо послелогами.

Очевидно, при отделении падежных суффиксов от послелогов проблемы могут быть связаны и с тем, что иногда существует более, чем две градации по степени спаянности именной группы и суффикса/послелога. Так, в эстонском языке, наряду с падежными суффиксами оформляющими как существительные, так и прилагательные, и послелогами, существуют показатели, оформляющие лишь последнее прилагательное именной группы, что позволяет исследователям сомневаться в их суффиксальном статусе [Baerman et al. 2002: 23]. Возможность троякой градации именных групп также предлагает М. Драер:

> «In general, the difference between case affixes and adpositions is that the former are phonologically attached to nouns, while the latter are separate words that combine syntactically with noun phrases. Adpositional clitics are intermediate between these two in that, while they attach phonologically to some word, the word they attach to need not be a noun, and which word they attach to is determined syntactically» [WALS: Chapter 51].

Следует особо оговорить, что нас будет интересовать скорее не выделение двух или трех классов единиц (суффиксов и послелогов; аффиксов, фразовых аффиксов и клитик и т. п.), ср. дискуссию о неуниверсальности некоторых грамматических категорий в [Haspelmath 2007], а выделение набора признаков, которыми одни грамматические единицы могут отличаться от других. Таким образом, при комбинации этих признаков может выделяться не два, а гораздо большее число классов. Также нас будет интересовать, представляют ли данные признаки или, по крайней мере, некоторые из них иерархию.

При выделении единиц разных классов нас будут интересовать не описательные, а конструктивные критерии, используя которые, можно отделить единицы одного класса от другого.

«case suffixes were not always easily distinguishable from postpositions» (о немецком диалекте цыганского языка) [Plank 1995: 12].

[36] Ср. «For one thing, in Turkic languages, the boundary between affix and postposition is not always clear, since some postpositions can also be attached to (the last word of) their complements (and are sometimes seen as case suffixes)» [Libert 2008: 230].

Приведем пример описательного подхода при разграничении адлогов и падежных суффиксов у К. Ажежа. Так, некоторыми (естественным образом, не единственными) критериями, отличающих адлоги от падежных суффиксов, согласно Ажежу, является их объединение в парадигмы, которые способны претерпевать в качестве единого подмножества определенные исторические изменения, тот факт, что падежные аффиксы, как правило, короче адлогов, а также семантические и прагматические критерии. [Hagège 2010: 25, 29, 34][37]. Несмотря на безусловную ценность такого рода описательного подхода, мы не будем его придерживаться в нашем исследовании. Мы также признаем как типологически релевантные, так и лингвоспецифические критерии[38].

Наиболее часто могут вызывать неоднозначность трактовки следующие грамматические единицы:

1. -(*en*/*a*)*gatik* — показатель мотиватива (падежный суффикс либо показатель абсолютивно- или генитивно-послеложной конструкции).

2. -*aren*(-)*tzat* — показатель дестинатива (падежный суффикс либо показатель генитивно-послеложной конструкции).

3. -*ra*(-)*ino*, -*ra*(-)*ntz* — показатели аллатива цели и аллатива направления (падежный суффикс либо показатель аллативно-послеложной конструкции).

4. -*ko* — показатель генитива места (падежный суффикс либо деривационный показатель).

5. -*gan*-(*a*), -*gan*-(*dik*), -*gan*-(*aino*) — показатель одушевленности (суффикс либо послелог).

Кроме этого, при рассмотрении адекватности тех или иных критериев мы проанализируем ряд послелогов и локативных имен, способных изменяться по падежам.

---

[37] Ср. также другой пример описательного подхода к определению категорий в [WALS: Chapter 85]: «A word is treated here as an adposition (preposition or postposition) if it combines with a noun phrase and indicates the grammatical or semantic relationship of that noun phrase to the verb in the clause», ср. в той же главе: «In some languages, some or all of the functions of adpositions are carried by case affixes on nouns».

[38] Так, для дравидийских языков С. Малассери отмечает, что падежные аффиксы не могут быть отделены от именной группы другими морфемами, тогда как послелоги могут [Mallassery 1994: 93].

3.2. Критерии, нерелевантные для баскского языка

Баскские падежные показатели и послелоги и некоторые из их свойств уже рассматривались Х. И. Уальде, проанализировавшем относительные (локативные) имена, «настоящие послелоги», послелоги, способные управлять абсолютивной ИГ, и некоторые суффиксы, обратив внимание на нечеткость границы между послелогами и суффиксами [Hualde 2002]. Мы же попытаемся привлечь внимание к аспекту, которому он не уделил внимания — проблеме их отделимости в именных группах и сочинительных конструкциях.

Перейдем к вопросу о том, корректно ли считать единицы, традиционно и бесспорно выделяемые в качестве падежных суффиксов, послелогами. Аргументом в пользу этого является критерий отделимости[39]: как мы уже упоминали во введении, в баскском языке показателем или показателями определенности, падежа и числа оформляется не отдельно существительное, прилагательное или детерминант, а вся именная группа в целом, таким образом, вставка полноценных лексических единиц возможна вне зависимости от того, идет ли речь о суффиксе или послелоге, а значит, сам по себе данный критерий не является диагностическим ни для того, чтобы отделить суффиксы от послелогов, ни для того, чтобы провести морфемную границу в падежно-послеложной конструкции или установить, что данная граница отсутствует, ср.:

- падежный суффикс

(1) *emakume-a-z* (женщина-SG-INS)‘о женщине’[40]

(2) *emakume ederr-a-z* (женщина красивый-SG-INS) ‘о красивой женщине’

(3) *emakume eder har-taz* (женщина красивый этот[SG]-INS) ‘об этой красивой женщине’

- падежно-послеложная конструкция

(4) *emakume-a-ri buruz* (женщина-SG-DAT про) ‘про женщину’

[39] Ср. критерий «лексической цельности» (lexical integrity) в работе [Zwicky, Pullum 1983: 504] и контрпримеры в [Heggie, Ordóñez 2005: 4].

[40] Примеры, источник которых не указан, были проверены на носителях баскского языка.

(5) *emakume ederr-a-ri buruz* (женщина красивый-SG-DAT про) ‘про красивую женщину’

(6) *emakume eder har-i buruz* (женщина красивый этот[SG]-DAT про) ‘про эту красивую женщину’

- падежный аффикс / падежно-послеложная конструкция (?)

(7) *emakume-a-rentzat* (женщина-SG-DEST) vs. *emakume-a-ren-tzat*? (женщина-SG-GEN-DEST[41]) ‘для женщины’

(8) *emakume ederr-a-rentzat* (женщина красивый-SG-DEST) vs. *emakume ederr-a-ren-tzat* (женщина красивый-SG-GEN-DEST?) ‘для красивой женщины’

(9) *emakume eder har-entzat* (женщина красивый этот[SG]-DEST) vs. *emakume eder har-en-tzat* (женщина красивый этот[SG]-GEN-DEST?) ‘для этой красивой женщины’

Имеются и другие критерии, используемые в лингвистической литературе и позволяющие отделить аффиксы от клитик, которые также не дают результата на материале бакского языка.

- Непосредственное присоединение к ИГ, к которой показатели семантически относится (ср. [Lapointe 1996: 76] — критерий 4).
- Отсутствие лакун в парадигмах ([Zwicky, Pullum 1983: 505] — критерий B[42]).
- Семантическая идиосинкразия ([Zwicky, Pullum 1983: 505] — критерий[43] D), под которой понимается как несводимость значению образованной составляющей к значению входящих в нее элементов[44].

[41] При данном анализе под «DEST» мы понимаем не падежный, а послеложный показатель.

[42] Ср. контпримеры данного критерия (появление лакун при комбинации клитик) в [Spencer, Luís 2012: 118].

[43] В работе исследователей является скорее тенденцией, чем критерием в строгом смысле слова.

[44] А. Спенсер и А. Р. Луис рассматривают данные критерий как наличие у показателя одного (для аффиксов) или нескольких (для клитик) показателей [Spencer, Luís 2012: 110]. См. контрпример данного критерия Цвики и Пуллума в [Heggie, Ordóñez 2005: 5].

3.3. Согласование в рамках именной и глагольной группы

Одним из критериев, позволяющим отделять клитики от аффиксов, может признаваться согласование в рамках именной группы. В случае его наличия спорная грамматическая единица считается словоизменительным аффиксом, а при его отсутствии — адлогом[45], что достаточно хорошо коррелирует с другими критериями отделимости. Для баскского языка рассматриваемый критерий неприменим из-за строения именной группы, которая оформляется один раз, ср. примеры (1)–(3).

С другой стороны, адлоги также могут повторяться при нескольких составляющих в именной группе, так, например, как могут удваиваться предлоги в древнерусском языке.

Более конструктивным критерием для баскского языка может считаться согласование именных групп с финитным глаголом[46] (в баскском языке с ним согласуется абсолютивная, эргативная и дативная именные группы). Среди баскологов данный критерий использует И. Лака, признающая абсолютив, датив и эргатив падежами, а остальные формы именных групп — послеложными [Laka 1996, 2006].

3.4. Селективность

С точки зрения селективности, то есть выбора синтаксического хозяина, к которому присоединятся показатель, практически все рассматриваемые нами единицы ведут себя одинаково, демонстрируя низкую степень селективности и присоединяясь к именным группам и только к ним (ср. [Zwicky, Pullum 1983: 503] — критерий A), см. примеры (1)–(9). При этом прототипические падежные показатели присоединяются непосредственно к именной группе, другие (традиционно называемые послелогами) могут присоединяться к падежному показателю; также может существовать конкуренция между формами с присоединением показателя непосредственно к именной группе и показателю генитива.

[45] Ср. «The inflection-word distinction is sometimes applied to cases and adpositions on the basis that agreement can be seen with inflectional categories (e.g. Latin adjectives have case suffixes agreeing with the noun), whereas independent words do not agree» [Asbury et al. 2006: 8].

[46] К. Ажеж также отмечает, что для падежных аффиксов более характерен контроль глагольного согласования, чем для адлогов [Hagège 2010: 34].

Исключения составляют показатель *-ko* с крайне широкой дистрибуцией, способный присоединятся к показателям, традиционно называемым падежными, послеложными и даже к финитным глаголам [Trask 1997: 101–102], а также показатель аблатива *-tik*, способный, кроме именных групп, присоединяться к некоторым наречиям времени и места, и показатель аллатива *-ra*, способный присоединяться к некоторым наречиям места:

(10) *hemen-dik* (здесь-ABL) ‘отсюда’

(11) *atzo-tik* (вчера-ABL) ‘начиная со вчерашнего дня’

Отдельно имеет смысл рассмотреть присоединение морфемы *-ko* к именной группе. Данная морфема может присоединяться к инессивной, аллативной, аблативной, комитативной и инструментальной именным группам как с сохранением, так и с удалением падежного показателя, причем, если в инессивной конструкции такое удаление является обязательным, то в других падежах зависит от семантики [de Rijk 2008: 91–96]. Приведем примеры удаления инессивного, аблативного и комитативного показателя из работы де Рейка:

(12) *mendi-ko* *herri-a*
гора-KO село[ABS]-SG
‘горное село’ (букв. ‘село на горе’)

(13) *ni-re* *bihotz-eko* *agur* *bero-a*
я-GEN сердце-KO прощание горячий[ABS]-SG
‘горячее сердечное прощание’ (букв. ‘горячее прощание из моего сердца’)

(14) *sudur* *handi-ko* *gizon-a*
нос большой-KO мужчина[ABS]-SG
‘мужчина с большим носом’ [ibid.]

3.5. Морфонологические изменения

Согласно критерию С А. Цвики и Дж. Пуллума [Zwicky, Pullum 1983: 505], нетривиальные фонологические изменения более характерны для аффиксов, чем для клитик. В баскском языке показатели, ∅, *-k*, *-i*, *-ra*, *-n*, *-tik*, *-z*, *-ekin*, *-en*, традиционно считаемые падежными, влияют на выбор показателя множественного числа (показатель *-ak* в абсолютиве, показатель *-e-* в эргативе, дативе и

инструменталисе, показатель *-eta-* в аллативе, аблативе и инессиве и нулевой показатель, в отличие от эксплицитно выраженного показателя единственного числа в комитативе и генитиве). При присоединении показателей, традиционно считающихся послеложными, изменений, отличных от морфонологических, не происходит:

(15) *etxe-eta-n* (дом-PL-IN) ‘в домах’

(16) *etxe-e-i buruz* (дом-PL-DAT про) ‘про дома’.

Что касается показателя *-ko*, то при его присоединении к падежным показателям происходят закономерные морфонологические изменения, тогда как при присоединении данного показателя непосредственно к основе (ср. пример (12)) мы, с одной стороны, можем считать, что он влияет на выбор показателя множественного числа, а с другой стороны, признавать, что в данной конструкции присоединение данного показателя происходит не непосредственно к основе именной группы, а к инессивному показателю, который затем удаляется, и таким образом, именно инессивный показатель, а не показатель *-ko* влияет на выбор показателя множественного числа.

3.6. Сочинительные конструкции (сочинение именных групп)

Далее рассмотрим критерии, описывающие дистрибуцию служебных морфем в сочинительных конструкциях. Согласно критериям С. Лапойнта, лексические аффиксы и фразовые аффиксы (в отличие от клитик) способны присоединяться к каждому элементу сочинительной конструкции, а фразовые аффиксы и клитики (в отличие от лексических аффиксов) способны присоединяться ко всей сочинительной конструкции в целом [Lapointe 1996: 76]. В данном отношении в баскском языке и падежные аффиксы, и послелоги, в отличие от показателя *-ko* (местного генитива) способны присоединяться как к каждому элементу сочинительной конструкции, так и ко всей конструкции в целом, являясь, таким образом, согласно данным критериям, Лапойнта фразовым аффиксом:

- падежный суффикс

(17) *liburu eta disko-ak* (книга и диск-ABS.PL) ‘книги и диски’

(18) *liburu-ak eta disko-ak* (книга-ABS.PL и диск-ABS.PL) ‘книги и диски’

- падежно-послеложная конструкция

(19) *liburu eta disko-e-i buruz* (книга и диск-PL-DAT про) ‘про книги и диски’

(20) *liburu-e-i eta disko-e-i buruz* (книга-PL-DAT и диск-PL-DAT про) ‘про книги и диски’

(21) *liburu-e-i buruz eta disko-e-i buruz* (книга-PL-DAT про и диск-PL-DAT про) ‘про книги и диски’

Показатель *-ko* отделяется в сочинительных конструкциях другими именными группами достаточно плохо, отличаясь по своей дистрибуции от падежных показателей и послелогов баскского языка:

(22) ^{OK}*urre eta zilarre-z-ko txanpoi-ak*
золото и серебро-INS-KO монета-ABS.SG
‘золотые и серебряные монеты’

(23) ^{OK}*urre-z-ko eta zilarre-z-ko txanpoi-ak*
золото-INS-KO и серебро-INS-KO монета-ABS.SG
‘золотые и серебряные монеты’

(24) $^{??}$*urre-z eta zilarre-z-ko txanpoi-ak*
золото-INS и серебро-INS-KO монета-ABS.SG
‘золотые и серебряные монеты’

Исключения достаточно редки и встречаются преимущественно с аллативом и комитативом, причем некоторые носители не признают такие примеры грамматичными:

(25) *Kongresu-ra eta Senatu-ra-ko*
Конгресс-ALL и Сенат-ALL-KO
hauteskunde-e-i begira
выборы-PL-DAT смотря
‘Принимая во внимание выборы в Конгресс и Сенат’. (EPG, 2004)

(26) *IAEA-rekin eta Europa-ko Batasuna-reki-ko*
МАГАТЭ-COM и Европа-KO союз-COM-KO
negoziazio-eta-n
переговоры-PL-IN
‘В переговорах с МАГАТЭ и Евросоюзом’ (EPG, 2004)

Падежные аффиксы в некоторых контекстах демонстрируют свойства сочетаемости с сочинительными конструкциями, отличающиеся от вышеописанных[47].

Так, очевидно, является невозможным присоединение падежного аффикса к показателю одушевленности *-gan-*, ср.

(27) ^{OK}*aita eta ama-ren-gan-dik* (отец и мать[SG]-GEN-ANIM-ABL) ‘от отца и матери’

(28) ^{OK} *aita-ren eta ama-ren-gan-dik* (отец[SG]-GEN и мать[SG]-GEN-ANIM-ABL) ‘от отца и матери’

(29) **aita-ren-gan eta ama-ren-gan-dik* (отец[SG]-GEN-ANIM и мать [SG]-GEN-ANIM-ABL) ‘от отца и матери’

(30) *okaita-ren-gan-dik eta ama-ren-gan-dik* (отец[SG]-GEN-ANIM-ABL и мать[SG]-GEN-ANIM-ABL) ‘от отца и матери’

Очевидно, невозможность употребления конструкции (29) в значении ‘от отца и матери’ связана с тем, что форма на *-ren-gan* имеет инессивное значение (*aitaren-gan* ‘отец[SG]-ANIM[IN]’). Также затруднены сочинительные конструкции с локативными именами, которые иногда трактуются как послелоги:

(31) **etxe-a-ren* *aure* *eta* *atze-a-n*[48]
дом-SG-GEN передняя.часть и задняя.часть-SG-IN
‘спереди и сзади дома’

(32) ^{OK}*etxe-a-ren* *aure-a-n* *eta* *atze-a-n*
дом-SG-GEN передняя.часть-SG-IN и задняя.часть-SG-IN
‘спереди и сзади дома’

Данный критерий, не позволяя отделить суффиксы от послелогов, позволяет провести границу для ряда спорных единиц.

Рассмотрим поведение показателя *-entzat*, традиционно называемого дестинативным. В текстах встречаются и носителями признаются правильными следующие конструкции, в которых показатель *-tzat* присоединяется либо к каждой составляющей

[47] Ср. свойства португальских мезоклитик (интраклитик), которые в зависимости от конструкции проявляют свойства клитик либо аффиксов [Spencer, Luís 2012: 205–206].

[48] Однако некоторые носители признают грамматичной конструкцию *etxe aure eta atzean*.

сочинительной конструкции, либо присоединяется ко всей сочинительной конструкции в целом, но лишь совместно с показателем *-en*.

(33) *liburu-entzat eta disko-entzat* (книга[PL]-DEST и диск[PL]-DEST) ‘для книг и статей’

(34) *liburu eta disko-entzat* (книга и диск[PL]-DEST) ‘для книг и статей’

Исключения встречаются в корпусе текстов достаточно редко. Приведем, однако, такие примеры.

(35) *hainbeste jende hurbil-du zen*
столько люди[ABS] приближаться-PFV AUX
hil-aren ikus-te-ko non ez bait-zen
мертвый-GEN.SG видеть-IPFV-KO что не EMPH-AUX
batzu-en eta beste-en-tzat *toki-rik*
одни.PL-GEN.PL и другой-GEN.PL-DEST место-PART
‘На покойника подошло посмотреть столько людей, что ни для кого не было места’. (EPG, 2006)

(36) ***Aginte-en edo konpaini-en-tzat*** *lan*
власти[PL]-GEN или компания[PL]-GEN-DEST работа
egi-ten dute.
делать-IPFV AUX
‘Они работают для властей или для компаний’ (EPG, 2004)

Таким образом, если не принимать во внимание исключения, мы можем рассматривать *-tzat* в данном контексте либо как суффикс, присоединяемый к другому суффиксу/фразовому суффиксу, либо как часть падежной морфемы.

Отделение показателей -(*ra*)*ino* и -(*ra*)*ntz* еще более затруднительно, чем отделение показателя *-tzat*[49]. Д. Крессель называет падежи «морфологически сложными», включающими падежный показатель и «расширение» [Cresseils 2009: 619]. Х. Леман их рассматривает в качестве суффиксов, присоединяемых к суффиксу аллатива [Lehmann 2002: 75].

[49] Сочинение показателя *-ntz* с другими затрудняется также тем, что в отличие от традиционно признаваемых послелогов, он не является слоговым.

Показатель *-raino* является по происхождению сочетанием аллативного показателя *-ra* и послелога *gino* (*giño*) / *dino*. Употребление данного послелога как с аллативом, так и с абсолютивом, инессивом и некоторыми наречиями[50] засвидетельствовано в старобаскских и диалектных баскских текстах, как в пространственном, так и во временном значениях:

(37) *orain giño bizitze-a*
сейчас до жизнь[ABS]-SG
‘жизнь до сих пор’(klasikoak, 1802)

(38) *Jesu Kristo gu-re Jaunaren Bizitze-a bere*
Иисус Христос мы-GEN господин жизнь[ABS]-SG его
Jaiotza-tik Bateo giño
рождение-ABL крещение до
‘Жизнь Господа нашего Иисуса Христа от рождения до крещения’ (klasikoak, 1804–1821)’.

(39) *eriotza-ra giño*
смерть-ALL до
‘до смерти’ (klasikoak, 1821)

Поскольку подобного рода конструкции встречаются в небольшом количестве и у ограниченного круга авторов, найти сочинительную конструкцию, оформленную с помощью показателя *gino* (*giño*) представляется затруднительным, однако нам удалось обнаружить один пример в корпусе старобаскских текстов:

(40) *joan-go liteke Londres, ta Paris giño bere*
ехать-FUT AUX.MOD Лондон и Париж до даже
‘он бы мог добраться до Лондона и даже до Парижа’ (klasikoak, 1803)

Вариант *dino* употребляется реже, чем *gino*:

(41) *Larrañe-tik Kostalde-ra-dino*
Ларранье-ABL побережье-ALL-до
‘от Ларранье до побережья’ (EPG, 2001–2005)

[50] Следует отметить, что подобная конкуренция аллатива, абсолютива и в редких случаях инессива, а также некоторых наречий характерна также при другой единице, удовлетворяющей критериям послеложности — *arte* ‘до’.

(42) *eta gero juie-ak ema-n ziozkaten, Samuel*
и потом судья-ABS.PL давать-PFV AUX Самуил
profeta-ra dino
пророк-ALL до
‘и потом давал им судей до пророка Самуила’

Таким образом, показатель -(*ra*)*ino* является, вероятно, единственным, процесс грамматикализации которого от послелога к аффиксу можно наблюдать в письменный период[51]: кроме вышеописанных фонологических изменений, произошло изменение дистрибуции показателя — у *gino*/*dino* засвидетельствована возможность сочетания только с аллативным показателем из нескольких ранее возможных, вероятно, в связи с этим он практически не сочетается с сочинительными именными группами.

Для показателя -antz в корпусе [EPG] примеров на сочетание именных групп обнаружить практически не удается. В ряде случаев найденные нами примеры с аллативными именными группами, как кажется, допускают, двоякое толкование:

(43) *Arrauna-ren eskutoki-a* ***behe-ra*** ***eta***
весло-GEN ручка[ABS]-SG низ-ALL и
atze-ra-ntz *ekar-tzen zuten*.
задняя.часть-ALL-NTZ нести-IPFV AUX
‘Они перемещали ручку весла вниз и назад’ (EPG, 2001)

С помощью поисковой системы Google, однако, обнаруживаются редкие примеры такого рода:

(44) *alde hori makil bat-ekin*
сторона этот[ABS.SG] палка один-COM
go-ra eta behe-ra-ntz igurtzi-z
верх-ALL и низ-ALL-NTZ тереть-INS
soinu-a lor-tzen da
звук[ABS]-SG получать-IPFV AUX
‘если потереть эту сторону палочкой вверх-вниз, получается звук’ [о музыкальном инструменте]

(45) *kanpo-ra eta barru-ra-ntz* (наружная.часть-ALL и внутренняя. часть-ALL-NTZ) ‘внутрь и наружу’

[51] Первый баскский текст, достаточно репрезентативный для исследования грамматики, появляется в 1545 году.

(46) *aurrera eta atzerantz* (передняя.часть-ALL и задняя.часть-ALL-NTZ) ‘взад-вперед’

(47) *alde bate-ra eta beste-ra-ntz* (сторона один-ALL и другой-ALL-NTZ) ‘туда-сюда’

Вероятно, возможность их употребления связана с тем, что у локативных имен абсолютив (*goi* ‘верхняя часть’, *kanpo* ‘наружная часть’, *aurre* ‘передняя часть’) используется гораздо реже, чем одна из падежных форм, и аллативная форма воспринимается в качестве базовой.

Принципиально иная дистрибуция характерна для мотивативного показателя, который присоединяется к генитивному или абсолютивному, причем в сочинительной конструкции одна из именных групп может быть генитивной, а вторая — абсолютивной:

(48) *Zortzi urte-ko kartzela zigorr-a*
восемь год-KO тюрьма наказание[ABS]-SG
tratu ***txarr-ak*** ***eta*** ***bortxaketa-gatik***
торговля плохой-ABS.PL и нарушение[ABS.SG]-MOT
‘Наказание в восемь лет тюрьмы за незаконную торговлю и нарушения’ (EPG, 2004)

(49) *%3,6-ek beste herrialde batzu-eta-ra*
3,6%-ERG другой страна некоторый-PL-ALL
joa-n behar dute,
ехать-PFV должен AUX
lan-a ***edo*** ***ikasket-en-gatik***
работа[ABS]-SG или учеба[PL]-GEN-MOT
‘3,6 % вынуждены уехать в другие страны из-за работы или учебы’ (EPG, 2004)

Таким образом в сочинительных конструкциях показатель мотиватива ведет себя как типичный послелог (19)–(21), имея возможность присоединяться: 1). один раз вместе с генитивным или абсолютивным показателем ко всей именной группе целиком (50); 2) один раз к именной группе, каждая составляющая которой оформлена абсолютивом или генитивом (48)–(49); 3) к каждому компоненту именной группы (51).

(50) *inguru-an* *zegoen* *giro* *eta*
рядом-IN находиться.PST.ABS.3SG атмосфера и
informazio-a-gatik
информация[ABS]-SG-MOT
‘он находился рядом ради атмосферы и информации’ (EPG, 2004)

(51) *Jende-a* ***lan-a-gatik*** ***eta*** ***ikasket-en-gatik***
люди-[ABS]-SG работа[ABS]-SG-MOT и учеба[PL]-GEN-MOT
mugi-tzen *da*.
переезжать-IPFV AUX
‘Люди переезжают из-за работы и из-за учебы’. (EPG, 2004)

Данные примеры демонстрируют, что конструкции с показателями -(*ren*)*tzat*, -*gatik*, а в редких случаях и -(*ra*)*ino*, -(*ra*)*ntz*, в современном баскском языке могут вести себя как типичные послеложные конструкции при сочинении.

3.7. Сочинительные конструкции (сочинение служебных морфем)

Единственным существенным признаком отличия послелогов от суффиксов, который приводится в грамматиках баскского языка является то, что для послелогов возможно сочинение, тогда как суффиксы (-*gan*-, -*gatik*, -*entzat*) сочиняться не могут[52], ср.

(52) *zu-re* *kontra* *ala* *alde* *azal-du* *da?*
ты-GEN *против* или за выражаться-PFV AUX
‘Он выступил за или против тебя’

(53) **ama-ren-gan* *ala* *gatik* *aurki-tu* *duzu*
мать[SG]-GEN-ANIM[IN] или MOT найти-PFV AUX
laguntza?
помощь[ABS.SG]
‘ты нашел помощь у своей матери или получил помощь из-за матери?’ [Altuna at al. (arg.) 1991: 304; Altuna et al. 2002: 501]

[52] Однако в бискайском диалекте, по мнению Уальде, данный показатель является свободной формой, также как и показатель аллатива границы, поскольку имеет свое ударение [Hualde 2002: 332]. Мы не рассматриваем данный случай в нашем исследовании. С акцентологической точки зрения, послелоги и суффиксы в большинстве диалектов баскского языка ведут себя одинаково, не получая самостоятельного ударения.

С нашей точки зрения, в данном контексте критерий не может считаться релевантным из-за семантики рассматриваемых единиц: неприемлемый пример с сочинением суффиксов менее приемлем и прагматически, в отличие от более естественной ситуации с сочинением послелогов, где зачастую они имеют либо синонимическое, либо антонимическое значение. Относительно других послелогов, таких, например, как *truk* ‘в обмен на’ или *eske* ‘требуя’ нельзя утверждать, что они свободно сочетаются друг с другом (очевидно, также из-за семантики), однако это не приводит к тому, что авторы грамматик считают их падежными показателями. Также на возможность образования сочинительной конструкции с двумя послелогами влияет количество послелогов, которые способны управлять тем или иным падежом (например, количество послелогов, управляющих дативом гораздо меньше, чем управляющих в баскском языке генитивом). Признаем, однако, что в случае использования данного критерия нам пришлось бы расширить падежную парадигму баскского языка, что, хотя, возможно и противоречит интуиции, не может быть полностью отвергнуто.

Следует отметить, что в ряде языков адлоги могут различаться по способности к сочинению. Так, например, согласно Д. Кибли, в турецком, тагальском, нивхском и русском языках возможно сочинение одних адлогов и невозможно сочинение других (ср. *за и перед ним*, но **в и на ящике*) [Kilby 1981: 106, 110-111], цит. по [Hagège 2010: 23–24].

При применении в качестве критерия сочинительных конструкций для отделения единиц разных классов играет роль лишь позиция второго элемента сочинительной конструкции, поскольку в баскском языке возможно сочинение суффиксов и послелогов:

(54) *saltsa-rekin* *ala* *gabe*
соус-COM или без
‘с соусом или без’

(55) **saltsa* *gabe* *ala* (*r*)*ekin*
соус без или COM
‘Ожид.: ‘с соусом или без’

Одним из показателей, вызывающим наибольшую неоднозначность трактовки среди исследователей, является мотивативный

показатель *-gatik*. В старобаскских текстах, а также в некоторых современных, он пишется раздельно[53]:

(56) *Ez uste iza-n halere, adin-a-ren gatik*
не мнение иметь-PFV однако возраст-SG-GEN MOT
de-la hori bakarrik.
AUX-COMP это только
‘Однако не думай, что это только из-за возраста’. (EPG, 2001)

В современных и в старобаскских текстах, однако, обнаруживаются примеры, когда показатель *-gatik* входит в сочинительную конструкцию:

(57) *paper hon-i esker edo gatik*
бумага этот-DAT благодаря или MOT
‘благодаря этой бумаге или из-за нее’ (http://iparraldekohitza.info/2012/02/24/hutsak)

(58) *Naturaleza geldi dago,*
природа[ABS.SG] спокойный находиться.PRS.ABS.3SG
haize-a-k damaio-n
ветер-SG-ERG давать.PRS.ABS.3SG.DAT.3SG-REL
higidur-a-ren arren edo gatik.
движение-SG-GEN из-за или MOT
‘Природа спокойна из-за того движения или по причине того движения, которое придает ей ветер’. (http://www.armiarma.com/emailuak/hitz-berdeak/hitz101.htm)

(59) *Jainko-a-ren gan-dik*
Бог-SG-GEN ANIM-ABL
eta gatik arreraz-ten zaio-n-a.
и MOT умолять-IPFV AUX-REL-[ABS]SG
‘То, о чем его умоляли Богом и ради Бога’. (http://andima.armiarma.com/eugo/eugo31/eugo3115.htm)

По крайней мере некоторыми носителями языка (естественно, не считая самих авторов данных текстов) данные конструкции

[53] Традиционно суффиксы пишутся слитно, а адлоги раздельно, ср., однако, «It is not uncommon to find dependent-marking elements that are written as one word together with their hosts described as “postpositions”, and vice versa separately spelled elements are often described in terms of “case”» [Haspelmath 2009: 507].

признаются естественными, причем менее естественными они становятся в том случае, если послелоги управляют разными падежами (ср. пример (57), где *esker* управляет дативом, а *gatik* — абсолютивом либо генитивом). Однако другие носители языка признают примеры (57)–(59) странными или неестественными.

Координация бенефактивного показателя *-tzat* с другим показателем, используемым после генитивного, по всей видимости, невозможна.

3.8. Присоединение к другим постпозитивным показателям и присоединение других постпозитивных показателей

Достаточно часто исследователи признают, что непосредственно присоединяться к основе могут лишь суффиксы. В случае, если две единицы могут последовательно присоединяться к основе[54], одна из них считается падежным показателем (аффиксом), а другая — послелогом (клитикой)[55]. Данный критерий в своей работе используют А. Цвики и Дж. Пуллум ([Zwicky, Pullum 1983: 504] — критерий F)[56]. Однако примеры сочетаний клитики и аффикса обнаружены в романских языках, ср. пример из португальского:

(60) *dar-me-á*
дать-мне-3SG.FUT
‘он мне даст’ [Мельчук 1997: 214–215]

И. А. Мельчук рассматривает показатель *me* в португальском в качестве клитики (интраклитики); Р. Диксон и А. Айхенвальд также в аналогичной конструкции *procur´a=lo=ei* ‘я буду это искать’ отмечают, что последний показатель является клитикой, а не аффиксом [Dixon, Aikhenvald 2003: 19], такой же трактовки для

[54] Ср. понятие «Complex adposition» (сочетание падежного показателя с соответствующим послелогом) в терминологии Ажежа [Hagège 2010: 38–39].

[55] Ср., однако, контрпримеры из лезгинского, демонстрирующие сочетание падежных показателей в [Riemsdijk, Huybregts 2001], цит. по [Asbury 2008: 48].

[56] Согласно данному критерию, клитики, в отличие от аффиксов, могут присоединяться к материалу уже содержащему клитики. Однако еще в 1977 году Цвики рассматривает понятие эндоклитики — клитики, которая появляется внутри слов, между аффиксальными морфемами [Zwicky 1977: 8].

подобного рода примера из карибского испанского придерживаются Л. Хегги и Ф. Ордоньес [Heggie, Ordóñez 2005: 3].

Среди анализируемых нами единиц могут (и в некоторых случаях должны) присоединяться к аффиксам показатели *-ko*, -(*ra*)-*ino*, -(*ra*)-*ntz*, -(*ren*)*tzat*, а также показатели, которые пишутся раздельно и традиционно называются послелогами (*truk* ‘в обмен на’, *esker* ‘благодаря’, *alde* ‘за’ и т. п.) и локативные имена (*aurre*(*an*) ‘впереди’, *barru*(*an*) ‘внутри’ и т. п.).

Возможностью присоединения постпозитивных показателей, обладают лишь локативные имена[57], что объединяет их с другими именами в баскском языке[58]:

(61) *etxe-a-ren* *aurre-a-n*
дом-SG-GEN передняя.часть-SG-IN
‘перед домом’

(62) *etxe-a-ren* *aurre-tik*
дом-SG-GEN передняя.часть-ABL
‘из места перед домом’

3.9. Дистрибуционные свойства постпозитивных показателей в баскском языке

Представим в виде таблицы свойства баскских именных постпозитивных показателей, характерные для суффиксов vs. послелогов (см. Таблицу 2 на следующей странице).

Как видно из таблицы, ряд дистрибуционных свойств баскских постпозитивных показателей достаточно хорошо укладывается в иерархию (из наличия одних свойств следует наличие других, ср. первые пять строчек таблицы). Шкала (иерархия грамматикализации) для баскской именной парадигмы может быть представлена следующим образом: суффиксы падежей, согласующихся с глаголом — суффиксы остальных падежей — послелоги, неспособные к сочинению — послелоги, способные к сочинению — локативные имена — существительные.

Кроме того, имеются единицы, дистрибуционные свойства которых не вписываются в данную иерархию. С одной стороны,

[57] Речь идет о присоединении показателей с локативным значением (*-ra*, *-an*, *-tik*).

[58] Однако некоторые дистибутивные свойства локативных имен (ср. пример (31)) отличают их от других имен в баскском языке.

Таблица 2. Дистрибуционные свойства постпозитивных показателей в баскском языке

	-, *-k*, *-i*	*-ra*, *-n*, *-tik-z*, *ekin*, *-en*	*-tzat*$_1$*-ik*	*-ko*	*-(ra)-ino*, *-(ra)-ntz*	*-(ren)tzat*[2]	*truk* ‘в обмен на’, …	*kontra* ‘против’, *alde* ‘за’, *gatik*[59] ‘из-за’, …	*aurre(an)* ‘впереди’, *barru(an)* ‘внутри’ …
Согласование с глаголом	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Влияние на выражение показателя числа, ср. [Lapointe 1996: 76] — критерий 2, [Zwicky, Pullum 1983: 503] — Критерий C	+	+	-	+-	-	-	-	-	-
Невозможность присоединение к другому (формально), правому, падежному показателю — [Lapointe 1996: 76] — критерий 3	+	+	+	-	-	-	-	-	-
Невозможность употребления в сочинительной конструкции с суффиксом или послелогом после союза (*bere alde ala kontra*)	+	+	+	+	+	+	+	-	-
Невозможность присоединения локативных показателей слева	+	+	+	+	+	+	+	+	-
Возможность использования один раз и отнесения к каждой составляющей в сочинительных конструкциях [Lapointe 1996: 76] — критерий 6	+	+	+	+-	(-)	/+/	+	+	+
Селективность показателя ([Zwicky, Pullum 1983: 503] — Критерий A): присоединение к именной группе целиком и только к ней[60]	+	+-[61]	+	-	+	+	+	+	+

[59] В зависимости от того, возможна ли в речи конкретного носителя баскского языка сочинительная конструкция показателя *gatik* с другими показателями, этот показатель должен находиться в восьмой либо девятой колонке.

[60] Сочинительные конструкции рассматриваются отдельно.

[61] Показатель *-tik* также способен присоединяться к наречиям времени и места.

Примечания к таблице

1. (-) — Зафиксированы лишь отдельные случаи употребления.

2. /+/ — Зафиксирован в небольшом количестве случаев.

3. Мы признаем -*tzat*$_1$ и -*tzat*$_2$ разными морфемами, учитывая разницу как в их значении, так и в дистрибуции.

4. В показателях типа *aurre*(*an*) — мы имеем в виду исключительно случаи с зависимым существительным.

это показатели аллатива цели и аллатива направления, а также дестинатива, которые не способны настолько же свободно присоединяться к сочинительным именным группам, как другие послелоги. С другой стороны, это показатель -*ko*, традиционно называемый генитивом места, релятивным показателем либо адъективирующим показателем, который, в отличие от других, оформляющих лишь именную группу, способен присоединяться к группам различных типов.

4. Одушевленные именные группы: критерии выделения падежей

Далее рассмотрим вопрос правомерности объединения в один падеж (одну падежно-послеложную форму) некоторых форм с локативным значением (инессив, аблатив, аллатив, аллатив цели и аллатив направления) у одушевленных и неодушевленных именных групп. Падежи с таким значением у одушевленных существительных содержат показатель — -*gan*-[62], который в отличие от неодушевленных именных групп, в одушевленных именных группах присоединяется не непосредственно к основе, а к генитиву или абсолютиву[63]. Исследователи отмечают, что для некоторых

[62] В том же значении также используется показатель *baitan* (преимущественно во Французской Стране басков), который, согласно нормам современной орфографии, в отличие от показателя -*gan*- пишется раздельно, однако морфосинтаксические свойства двух данных единиц не позволяют отнести их к двум разным классам. Мы рассматриваем данный показатель отдельно от падежных и послеложных из-за семантической разницы между ними.

[63] Заметим, что в корпусе баскского языка [EPG] падежи с локативным значением у одушевленных существительных выделяются как отдельные формы.

из данных падежей, в частности, для инессива и аллатива, характерно употребление скорее в метафорическом, чем в пространственном значении [Creissels, Mounole 2011: 170–171].

Следует отметить, что одушевленные именные группы в инессиве способны образовывать формы как одушевленного, так и неодушевленного склонения с разницей в значении (*mutil-en-gan* ‘(быть) в мальчиках’ vs. *mutil-eta-n* ‘среди мальчиков’), ср. [Ibarretxe-Antuñano 2004: 272]. Данное явление можно сопоставить с известным примером из русского языка *пойти в солдаты*, проанализированном А. А. Зализняком [Зализняк 1967/2002: 50–52].

Данные падежи являются полноправными членами парадигмы во многих грамматиках, ср., например, наиболее авторитетную баскскую грамматику [Hualde, Ortiz de Urbina 2003]. Представляется, что включение данных падежей в именную парадигму объясняется традицией их слитного написания, которая впрочем, не была постоянной на протяжении веков вплоть до настоящего времени[64]:

(63) *Ethorr-i* *da* *gu-re* *gan-at,* *Bethleeme-ko*
приходить-PFV AUX мы-GEN ANIM-ALL Вифлеем-KO
Haur *ezti-a.*
дитя милый[ABS]-SG
‘Оно пришло к нам, милое дитя из Вифлеема’ (klasikoak, 1891)

(64) *Hori* *dugu* *zu-re* ***gan-dik*** *igurika-tzen* *dugu-n*
это AUX ты-GEN ANIM-ABL ждать-IPFV AUX-REL
fagore-a.
милость[ABS]-SG
‘Вот та милость, которой мы ждем от тебя’ (EPG, 2002)

Несмотря на параллелизм в значении с неодушевленными именными группами, показатели одушевленных именных групп более близки по своим дистрибутивным свойствам к послелогам. Они часто присоединяются не к основе, а к генитивной форме, как это свойственно послелогам.

[64] Заметим, что Р. Лафон признает данные формы на *-gan-* послелогами, не аргументируя свое решение [Lafon 1933: 150], ср. сходную трактовку в [Rebuschi 1984: 178].

(65) *gizaki-en eta animalien-gan ere izan dezake*
человек-GEN и животное-ANIM[IN] тоже иметь AUX.POT
eragin-a
влияние[ABS]-SG
‘это также может повлиять на людей и животных’ (EPG, 2004)

(66) *aita-ren eta ama-ren-gan-dik sor-tu-a*
отец-GEN и мать-GEN-ANIM-ABL родиться-PFV-[ABS]SG
nintzen
AUX
‘я родился от своих отца и матери?’ (EPG, 2005)

Сходные примеры мы находим как в современных, так и в более старых текстах, с раздельным написанием ср.:

(67) *Eta Moise xuti-tu zen eta goa-n zen*
и Моисей встать-PFV AUX и идти-PFV AUX
Dathan-en eta Abiron-en gan-a
Дафан-GEN и Авирон-GEN ANIM-ALL
‘И встал Моисей, и пошел к Дафану и Авирону’ (klasikoak, 1859–1865)

С другой стороны, показатели, включающие *-gan-*, в отличие от некоторых послелогов, по-видимому, не всегда способны использоваться в сочинительных конструкциях, ср. (68), что, вероятно, связано с упомянутым выше ограничением на семантику аблатива у одушевленных существительных.

(68) *??ama-ren-gan-a ala gan-dik?*
мама[SG]-GEN-ANIM-ALL или ANIM-ABL
‘к маме или от мамы?’[65]

(69) *OKama-ren alde ala kontra?*
мама[SG]-GEN за или против
‘за маму или против мамы?’

При анализе одушевленных существительных следует учесть, что из общесистемных соображений у слова не может быть двух

[65] Ср. аналогичную конструкцию с показателем *baita* во Французской Стране басков: **ama-ren baita-ra ala baita-tik* (мама[SG]-GEN в-ALL или в-ABL) ‘к маме или от мамы’.

падежных аффиксов по возможном отдельном употреблении каждого из них. Следовательно, речь идет о клитике со значением одушевленности, которая сама по себе может изменяться по падежам.

Можно ли рассматривать показатель *-gan-* в качестве клитики, допускающей словоизменение? Такое решение может постулироваться в ряде примеров для того, чтобы избежать типологически редкой ситуации, когда клитика появляется в цепочке аффиксов, ср. [Spencer, Luís 2012: 212–214]. Такие случаи считаются типологически нетривиальными, ср., однако, примеры из [Hagège 2010: 28–29] Достаточно часто в качестве таковых рассматриваются имена, обозначающие место (например, в баскском языке, ср. также примеры из финно-угорских языков [Grünthal 2003 74–75]).

В итоге можно постулировать, что одушевленные и неодушевленные именные группы в баскском языке обладают разной падежной парадигмой, и это, несмотря на непривычность трактовки, не противоречит критериям выделения падежей. Сходным образом, например, в романских языках у имен существительных и у местоимений падежная парадигма представлена по-разному: у первых она вообще отсутствует, тогда как у вторых имеется небольшая парадигма, состоящая из трех падежей[66]. Также разными падежными парадигмами в баскском языке обладают именные группы в определенном и неопределенном типе склонения, поскольку в парадигме последних отсутствуют такие падежи, как партитив и пролатив.

С другой стороны, можно постулировать наличие в баскском языке категории, которая может выражаться как синтетически, так и аналитически (ср. примеры синтетического и аналитического выражения категорий ТАМ, а также синтетический и аналитический способ образования форм сравнительной и превосходной степени в английском языке [Hopper, Traugott 2003: 7]). В области именного склонения такое решение менее распространено, чем в области глагольного словоизменения (в именной морфологии скорее принято выделять суффиксы и послелоги, отличные по своим свойствам), однако такое решение теоретически ничему не противоречит.

[66] Более подробно случаи асимметрии падежных систем см. в [WALS: Chapter 50].

5. Выводы

Разницу в трактовке падежной системы у разных исследователей можно объяснить тем, что рассмотренные нами показатели обладают разными дистрибутивными свойствами, каждое из которых позволяет отнести их к одному из двух классов. Вследствие этого есть основания выделить больше, чем две группы, которые традиционно называются падежными аффиксами и послелогами.

Возможно, что со временем послелоги потеряют характерные им свойства и станут полноценными падежными показателями[67]. Процессу грамматикализации способствует тот факт, что как суффикс, так и послелог присоединяется к именной группе лишь один раз. Однако данный процесс проходит достаточно медленно: со времени появления первых репрезентативных для наших целей текстов на баскском языке в середине XVI века в системе склонения не произошло сильных изменений (исключением является грамматикализация показателя аллатива цели, бывшего в некоторых диалектах послелогом и приобретшего свойства суффикса, в отличие от показателя аллатива границы).

Подводя итоги, скажем, что при желании выделить набор единиц, обладающих сходными свойствами, в состав именной парадигмы в баскском языке можно включить следующие падежи: абсолютив, эргатив, датив, инструменталис, комитатив, аллатив, аблатив и генитив, как обладающие наиболее сходной дистрибуцией, причем в ряде отношений данные единицы ведут себя не так, как прототипические падежи в языках мира.

Список условных сокращений

3 — третье лицо; ABL — аблатив; ABS — абсолютив; ALL — аллатив; ANIM — одушевленность; AUX — вспомогательный глагол; COM — комитатив; COMP — показатель изъяснительного придаточного предложения; DAT — датив; DEST — дестинатив; EMPH — эмфаза; ERG —

[67] Данный путь грамматикализации является вполне признанным, ср., однако, «It may appear that — historically — clitics represent an intermediary stage of a development path, from ‘full’ words to ‘full’ affixes. Historical and comparative studies show, however, that this is not the case» [Aikhenvald 2003: 57].

эргатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; IN — инессив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; KO — адъективный показатель (генитив места); MOD — модальный глагол; MOT — мотиватив; NTZ — показатель аллатив направления; PART — партитив; PFV — перфектив; PL — множественное число; POT — потенциалис; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REL — показатель относительного придаточного предложения; SG — единственное число.

Литература

Гринберг 1970 — Дж. Гринберг. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике 5. М., 1970. С. 114–162.

Зализняк 1967 — А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение // А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 1–370. (1-ое изд. — 1967.)

Зализняк 1973 — А. А. Зализняк. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002 (первое издание — 1973). С. 613–647.

Мельчук 1997 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. I. М. — Вена: Языки русской культуры, Wiener Slawistischer Almanach, Прогресс, 1997.

Aikhenvald 2003 — A. Y. Aikhenvald. Typological parameters for the study of clitics, with special reference to Tariana // R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). Word. A Cross-Linguistic Typology. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 42–78.

Alberdi 2008 — A. Alberdi. Oinarrizko gramatika. Donostia: Elkar, 2008.

Altuna et al. 2002 — P. Altuna et al. Euskal Gramatika Laburra: Perpaus Bakuna. Bilbo: Euskaltzaindia, 2002.

Arotçarena 1951 — Abbé S. Arotçarena. Grammaire basque (Dialectes Navarro-Labourdins). Tours: Maison Mame, 1951.

Asbury 2005 — A. Asbury. Adpositions as case realizations. Structures and consequences // M. Salzmann, L. Vicente (eds.). Leiden Papers in Linguistics 2, 3, 2005. P. 69–92.

Asbury 2008 — A. Asbury. The Morphosyntax of Case and Adpositions. Utrecht: LOT Janskerkhof, 2008.

Asbury et al. 2006 — A. Asbury, B. Gehrke, V. Hegedűs. One size fits all: prefixes, particles, adpositions and cases as members of the category P, 2006. (http://parles.upf.edu/llocs/bgehrke/home/PsAsbGehHeg3011.pdf)

Baerman et al. 2002 — M. Baerman, D. Brown, G. Corbett. Case syncretism in and out of Indo-European // M. Andronis et al. (eds.). Papers from the 37th Meeting of the Chicago Linguistic Society. Vol. 2. Chicago: Chicago Linguistic Society, 2002. P. 15–28.

Campión 1884/1977 — A. Campión. Gramática de los cuatro dialectos literarios de la lengua euskara. Vol. 1. Bilbao: La gran encyclopedia vasca, 1977. (1-ое изд. — 1884).

Cresseils 2009 — D. Cresseils. Spatial cases // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). The Oxford Handbook of Case. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 609–625.

Creissels, Mounole 2011 — D. Creissels, C. Mounole. Animacy and spatial cases. Typological tendencies, and the case of Basque // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). Case, Animacy and Semantic Roles. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 157–182.

Dixon, Aikhenvald 2003 — R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald. Word: a typological framework // R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). Word. A Cross-Linguistic Typology. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 1–41.

Altuna at al. (arg.) 1991 — Altuna at al. (arg.). Euskal gramatika: Lehen urratsak. Bilbo: Gramatika batzordea, Euzkaltzaindia, 1991.

EPG — Ereduzko proza gaur (корпус современных текстов на баскском языке) (http://www.ehu.es/euskara-orria/euskara/ereduzkoa).

Friedman 1991 — V. A. Friedman. Romani nominal inflection: Cases or postpositions? // Problemy opisu gramatycznego języków słowiańskych [Studia gramatyczne 11]. Warsaw: Polish Academy of Sciences, 1991. P. 57–64.

Grünthal 2003 — R. Grünthal. Finnic Adpositions and Cases in Change. Helsinki: Société finno-ougrienne, 2003.

Hagège 2010 — C. Hagège. Adpositions. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Haspelmath 2007 — M. Haspelmath. Pre-established categories don't exist. Consequences for language description and typology // Linguistic Typology 11, 2007. P. 119–132.

Haspelmath 2009 — M. Haspelmath. Terminology of case // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). The Oxford Handbook of Case. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 505–517.

Heggie, Ordóñez 2005 — L. Heggie, F. Ordóñez. Clitic ordering phenomena. The path to generalizations // L. Heggie, F. Ordóñez (eds.). Clitic and Affix Combinations: Theoretical perspectives. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 1–29.

Hopper, Traugott 2003 — P. H. Hopper, E. C. Traugott. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Hualde 2002 — J. I. Hualde. Regarding Basque postpositions and related matters // X. Artiagoitia, P. Goenaga, J. Lakarra (eds.). Erramu Boneta: A Festschrift for Rudolf P.G. de Rijk, Bilbao: Univ. del País Vasco/ Euskal Herriko Unib [Supplements of ASJU 44], 2002. P. 325–339.

Hualde, Ortiz de Urbina 2003 — J. I. Hualde, J. Ortiz de Urbina (eds.). A Grammar of Basque. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2003.

Ibarretxe-Antuñano 2001 — I. Ibarretxe-Antuñano. Overview of Basque Locational Cases: Old Descriptions, New Approaches [International Computer Science Institute Technical Report No. 01-006], 2001. (http://ftp.icsi.berkeley.edu/ftp/pub/techreports/2001/tr-01-006.pdf)

Ibarretxe-Antuñano 2004 — I. Ibarretxe-Antuñano. Polysemy in Basque Locational Cases. Belgian Journal of Linguistics 18, 2004. P. 271–298.

Ithurry 1895 — J. Ithurry. Grammaire basque. Dialecte labourdin. San Sebastián: Ediciones vascas, 1979. (1-ое изд. — 1895.)

Kilby 1981 — D. Kilby. On case markers // Lingua 54, 2–3, 1981. P. 101–133.

Klasikoak — Klasikoen gordailua (http://klasikoak.armiarma.com).

Kwang-sup 2005 — K. Kwang-sup. Missing affixes // Studies in Generative Grammar 15, 7, 2005. P. 275–292.

Lafitte 1962 — P. Lafitte. Grammaire basque (navarro-labourdin littéraire). Bayonne: Editions des “Amis du Musée Basque” et “Ikas”, 1962.

Lafon 1933 — R. Lafon. Basque et langues kartvèles: à propos des postpositions basques formées au moyen de *-gan* // Revista internacional de los estudios vascos 24, 2, 1933. P. 150–172.

Laka 1996 — I. Laka. A Brief Grammar of Euskara, the Basque Language. Gasteiz: EHU, 1996.

Laka 2006 — I. Laka. Deriving split ergativity in the progressive. The case of Basque // A. Johns et al. (eds.). Ergativity. Emerging Issues. Dordrecht — Berlin: Springer, 2006. P. 173–195.

Lapointe 1996 — S. G. Lapointe. Comments on Cho and Sells: “A lexical account of inflectional suffixes in Korean” // Journal of East Asian Linguistics 5, 1, 1996. P. 73–100.

Lehmann 2002 — Ch. Lehmann. Thoughts on Grammaticalization. Erfurt: Seminar für Sprachwissenschaft der Universität, 2002.

Libert 2008 — A. R. Libert. Case marking of Turkic adpositional objects // D. Kurzon, S. Adler (eds.). Adpositions: Pragmatic, Semantic and Syntactic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 229–255.

Mallassery 1994 — S. R. Mallassery. Postpositions in a Dravidian language. New Deli: Nav Prabhat Printing Press, 1994.

Patrick, Zubiri Ibarrondo 2001 — J. D. Patrick, I. Zubiri. Ibarrondo. A Student Grammar of Euskara. München: Lincom Europa, 2001.

Plank 1995 — F. Plank. (Re-)introducing Suffixaufnahme // F. Plank (ed.). Double Case: Agreement by Suffixaufnahme. New York — Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 3–110.

Rebuschi 1984 — G. Rebuschi. Structure de l'énoncé en basque. Paris: SELAF, 1984.

Riemsdijk, Huybregts 2001 — H. van Riemsdijk, R. Huybregts. Location and locality // M. van Oostendorp, E. Anagnostopoulou (eds.). Progress in Grammar. Amsterdam: Roccade, Utrecht and Meertens Institute, 2001. P. 1–23.

de Rijk 2008 — R. P. G. de Rijk. Standard Basque. A Progressive Grammar. Cambridge, London: The MIT Press, 2008.

Sagües 1980 — M. Sagües. Gramatica elemental vasca. Gramatica comparada. San Sebastián: Txtertoa, 1980.

Spencer 2008 — A. Spencer. Does Hungarian have a case system? // G. G. Corbett, M. Noonan (eds.). Case and Grammatical Relations. Studies in honor of Bernard Comrie. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 35–56.

Spencer, Luís 2012 — A. Spencer, A. R. Luís. Clitic. An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Trask 1997 — R. L. Trask. The History of Basque. London — New-York: Routledge, 1997.

Trommer 2008 — J. Trommer. "Case suffixes", postpositions, and the phonological word in Hungarian // Linguistics 46, 2, 2008. P. 403–437.

Txillardegi 1978 — Txillardegi (J. L. Alvarez Enparantza). Euskal gramatika. Bilbo: Ediciones Vascas, 1978.

Urquizu 1996 — P. Urquizu. Gramática de la Lengua Vasca. Madrid: UNED, 1996.

Villasante 1972 — L. Villasante. La declinación del vasco literario común. Oñate: Arantzazu, 1972.

WALS — The World Atlas of Linguistic Structures Online (wals.info).

Zubiri 2000 — I. Zubiri. Gramática didáctica del euskera. Bilbo: Didaktiker, 2000.

Zwicky 1977 — A. M. Zwicky. On Clitics. Bloomington: Indiana University Linguistic Club, 1977.

Zwicky, Pullum 1983 — A. M. Zwicky, G. K. Pullum. Cliticization vs. inflection: English *n't* // Language 59, 3, 1983, P. 502–513.

Н. В. Зорихина-Нильссон

GU/SU, Гетеборг — Стокгольм

ТАКСИСНЫЕ ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ СТАНДАРТНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Вводные замечания

Среди акциональных классов глаголов, описываемых в рамках коллективного проекта «Типология акциональных классов», был выделен класс глаголов пространственных положений, получивший название «глаголы стандартного положения в пространстве». К глаголам, обозначающим базовые стандартные положения, относятся глаголы *стоять*, *сидеть*, *лежать*[1]. В свою очередь, эти глаголы входят в толкования значений глаголов тематического класса «нестандартных пространственных положений тела человека» типа *прислоняться*/*прислониться*, *облокачиваться*/*облокотиться*; *нагибаться*/*нагнуться*, *наклоняться*/*наклониться* и т. п. [Храковский 2007; Дмитренко, Храковский 2012: 27].

Следует отметить, что в последние десятилетия глаголы стандартного положения в пространстве в языках различного строя являлись предметом неослабевающего научного интереса представителей разных лингвистических направлений (см., например, [Serra Borneto 1996; Зорихина 1998; Рахилина 1998, 2001; Newman (ed.) 2002, 2009; Kortteinen 2008] и др.). Интерес именно к этой группе глаголов был вызван прежде всего их достаточно разветвленной полисемией и сочетаемостью, позволяющей выявить общие и специфические черты развития значений в том или ином языке, определить, в частности, основные пути их метафоризации. Интересна эта группа глаголов и с точки зрения теории грамматикализации [Kuteva 1999, 2001; Berthele 2004; Майсак 2005].

Глаголы положения в пространстве (*висеть*, *лежать*, *сидеть*, *стоять*, *касаться*, *опираться* и т. п.) входят в фундаментальную классификацию глаголов, предложенную Ю. Д. Апресяном,

[1] Ср. английский термин «cardinal posture verbs» [Newman 2009].

и представляют собой один из более 15 выделяемых в ней главных глагольных классов [Апресян 2003: 8–10, 2009: 37]. Если предшествующие классификации имели аспектуальную ориентацию, то предлагаемая исследователем классификация имеет семантические основания, которые, однако, «нацелены на выявление закономерных связей между семантическим классом глаголов и всеми прочими свойствами входящих в него лексем» [Апресян 2009: 36]. В работе [Храковский 2007] на примере анализа грамматических и сочетаемостных свойств лексем *строить*, *сидеть* и *любить* было показано, что выявленные различия обусловливаются принадлежностью этих лексем к разным акциональным классам, а именно, классам действий, положений и состояний. Лексемы характеризовались, в частности, по их валентностному составу, видовой принадлежности, особенностям образования залоговых форм, форм императива. К диагностическим контекстам были отнесены также и контексты целевых, фазовых, итеративных конструкций.

В настоящей статье предлагается еще один параметр для сравнения, а именно участие глаголов того или иного акционального класса в таксисных конструкциях с деепричастиями. Цель статьи — показать на примере анализа предложений с деепричастными конструкциями и глаголами стандартного положения в пространстве особенности поведения отдельного акционального класса глаголов в этих конструкциях.

Перед тем как перейти к конкретному языковому материалу, сделаем необходимое отступление, кратко остановившись на вопросах, связанных с общими проблемами определения значения деепричастной формы.

2. Проблема определения значения деепричастия

В работах, посвященных семантике деепричастий, неоднократно отмечался тот факт, что между зависимой ситуацией, называемой деепричастием (Р1), и главной ситуацией, содержащей, как правило, финитную форму глагола (Р2), могут существовать различные смысловые отношения. Разными авторами и в разном объеме помимо основных таксисных значений предшествования, одновременности, следования выделяются и значения обусловленности: причины, следствия, условия, уступки, цели, средства, места, зависимости времени одного действия от времени другого,

а также значения характеризации, в частности значение образа действия (см., например, [Пешковский 1956; Дерибас 1962; Богуславский 1977; Арбатский 1980; Апресян 1983; Бондарко 1987; Акимова, Козинцева 1987; Барентсен, Хиндрикс 1988; Weiss 1995; Храковский 2006; Birzer 2010] и др.):

(1а) *Переправившись через реку, всадник посмотрел направо.* (предшествование)

(2а) *Переправляясь через реку, всадник посмотрел направо.* (одновременность)

(3а) *Любя лесть, он окружил себя подхалимами.* (причина)

(4а) *Претендуя на эту должность, надо обладать талантом.* (условие)

(5а) *Остановитесь не переходя площади.* (место)

(примеры из работы [Апресян 1983: 336–338]).

Заметим, что только предложения (1а) и (2а) допускают свободную трансформацию в сложноподчиненные предложения с придаточными времени (1б) и (2б). Деепричастный оборот со значением причины в примере (3а) невозможно заменить на придаточное времени (3в), в то время как примеры (4а) и (5а) в известной степени при некоторой модификации контекста допускают и актуализацию временного плана, которая сосуществует с соответствующими значениями условия (4в) и места (5в):

(1б) *Когда/после того как всадник переправился через реку, он посмотрел направо.* (предшествование)

(2б) *Когда/в то время как всадник переправлялся через реку, он посмотрел направо.* (одновременность)

(3б) *Так как он любил/любит лесть, он окружил себя подхалимами.* (причина)

(3в) **Когда он любил лесть, он окружил себя подхалимами*.

(4б) *Если претендуешь на эту должность, надо обладать талантом.* (условие)

(4в) *Когда претендуешь на ?эту* (но: *такую*) *должность, надо обладать талантом.*

(5б) *Остановитесь не переходя площади.* (место)

(5в) Ср. возможность задать вопрос: *Где* (*когда*) *нам остановиться?*

В работе [Апресян 1983: 335] было также отмечено, что в том случае, если деепричастный оборот находится не в сирконстантной, а в актантной зависимости от глагола-сказуемого, то деепричастие не реализует специфических значений. Так, у глаголов *заблуждаться*, *ошибаться*, которые впоследствии были отнесены к классу интерпретационных глаголов, валентность содержания заполняется деепричастием:

(6) *Вы заблуждаетесь <ошибаетесь>, утверждая, что работа завершена.* (пример из [Апресян 1983: 335][2])

В ряде работ [Богуславский 1977; Апресян 1983; Акимова, Козинцева 1987; Birzer 2010] была также сделана попытка определить, хотя и с разной степенью детализации, языковые условия реализации того или иного значения деепричастия. Так, И. М. Богуславский отметил, что употребление деепричастия в препозиции или постпозиции к основному глаголу может изменять семантику деепричастной конструкции. В том случае, если деепричастие стоит после основного глагола и выделяется незначительной паузой при произнесении, которая может не отмечаться на письме запятой, оно, как правило, характеризует действие, выраженное основным глаголом, т. е. имеет значение образа действия[3] (7б). Если деепричастие стоит перед основным глаголом,

[2] По поводу отнесения примеров типа (6) к таксису существуют различные точки зрения. См., например, [Бондарко 1987: 236]. В теории таксиса, предложенной В. С. Храковским, конструкции с деепричастиями при интерпретационных глаголах могут быть отнесены к особому типу таксисных отношений — валентностному таксису. О различных типах таксиса см. [Храковский 2001a, b].

[3] Значение образа действия понимается И. М. Богуславским широко — как любое лексическое наполнение синтаксической позиции обстоятельства образа действия. См., однако, другую точку зрения, согласно которой необходимо разграничивать значение образа действия («manner») и значение сопутствующих обстоятельств («attendant circumstance») у деепричастий («converbs») в работе [König 1995: 65–66]. Если в первом случае с разных сторон характеризуется одно событие, то во

то оно, как правило, выступает в предложении в роли обстоятельства времени (7а):

(7а) *Волнуясь, он ходит по комнате*.

(7б) *Он ходит по комнате, волнуясь*. [Богуславский 1977: 276]

Ср. также:

(8а) *Работая, он сидит* (одновременность — *Когда он работает, он сидит*).

(8б) *Он сидит, улыбаясь.* (обстоятельство образа действия)

Заметим, что описанные автором семантические отношения между основной и деепричастной формой глагола, часто наталкиваются на сопротивление соотношения конкретных лексических значений этих форм. Так, в минимальном контексте без распространителей представляются странными предложения (9а–б) и (10а):

(9а) *?Улыбаясь, он сидит*.

(9б) *?Он улыбается сидя.*

(10а) *?Он сидит, работая.*

(10б) *Он работает сидя.*

Относительно значения образа действия или сопутствующих обстоятельств, которое может актуализироваться у деепричастия, в работе [Апресян 1983] было сделано важное уточнение: реализации этого значения способствует совпадение семантического класса глагола и зависимого от него деепричастия, при этом деепричастие может даже предшествовать основному глаголу. Заметим, однако, что если глагол-сказуемое и глагол, от которого образовано деепричастие, принадлежат различным классам, то попрежнему остается открытым вопрос о том, почему одни глаголы в благоприятной для реализации значения образа действия синтаксической позиции после основновного глагола могут свободно приобретать это значение (см. (7б), (8б), (10б)), а другие нет (см. (9б), (10а)).

втором описываются два независимых друг от друга события [Там же]. См. также [Акимова, Козинцева 1987: 263–265].

Постпозиция деепричастия не исключает также и возможности реализации других значений. Так, деепричастие от глагола состояния *любить* в постпозиции к основному глаголу-сказуемому, принадлежащему другому семантическому классу, может, например, приобретать значения образа действия или сопутствующего обстоятельства (11), уступки (12) и причины (13):

(11) *Перестаньте кричать, ненавидя и презирая, кричите* ***любя****, — вам ли, рождающим страдая, не понимать удивительной силы сострадания к человеку!* (М. Горький)[4]

(12) *Замуж за Ивана Владимировича она вышла,* ***любя*** *другого, брак с которым был невозможен…* (А. Эфрон)

(13) *— А потому, вашескобродие, что я не из-за денег за вашим сыном ходил, а* ***любя****…* (К. Станюкович)

Таким образом, актуальным остается изучение взаимодействия различных условий (порядка слов, соотношения семантики глагола и деепричастия, наличия распространителей при деепричастии и т. п.), влияющих на выбор деепричастной и основной форм обоих глаголов. По-прежнему актуальна и проблема разграничения контекстуальных и языковых значений деепричастий. На наш взгляд, возможны два подхода. В первом случае исследования должны быть нацелены на дальнейший, более детальный, анализ языковых условий реализации каждого из выделенных значений, учитывающий, в частности, семантические особенности глагольных классов. Во втором случае предметом анализа может быть отдельный глагольный класс и особенности его поведения в таксисных конструкциях. Пример второго подхода и предлагается в данной статье.

3. Таксис одновременности

Известно, что одним из условий выражения таксисного значения одновременности в предложениях, содержащих деепричастные конструкции, является принадлежность деепричастия к НСВ. Это условие является основным, но не всеобщим. Так, в частности, в итеративных контекстах при наличии в зависимой ситуации

[4] Примеры из русской художественной литературы получены из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) (www.ruscorpora.ru).

деепричастия НСВ, образованного от предельного глагола, может выражаться и предшествование зависимой ситуации по отношению к главной, содержащей глагол НСВ.

(14а) *Каждый раз, **приходя**:НСВ к нам, он **брал**:НСВ на руки кошку Агафью и нежил ее в течение всего визита*. (Е. Гинзбург)

В редких случаях, при особой контекстной поддержке, в зависимой части возможна и форма деепричастия непредельного глагола. При этом, если главная ситуация содержит глагол СВ, то выражается таксис предшествования однократных действий (15а), при наличии глагола НСВ в главной ситуации может выражаться и таксис повторяемого предшествования (15б):

(15а) *Всю зиму **работая**:НСВ без выходных, он **закончил**:СВ книгу в конце весны.* (пример из [Богуславский 1977: 273])

(15б) *Каждый раз, все лето **работая**:НСВ без отпуска, он к осени **заканчивал**:НСВ по две-три начатые ранее статьи.*

Анализируемые здесь глаголы положения в пространстве являются непредельными глаголами НСВ, поэтому, употребляясь в форме деепричастия (16а) или личного глагола (16б), они прототипически участвуют в выражении таксисных отношений одновременности как однократных, так и повторяющихся ситуаций (16):

(16а) *Иной раз перед лекцией, **стоя**:НСВ за дверью, она даже **слышала**:НСВ этот дружный хохот, смолкавший, когда она входила.* (И. Грекова)

(16б) *И Найда обычно **лежит**:НСВ на крыльце, приветливо **постукивая**:НСВ хвостом каждому прохожему.* (Ю. Коваль)

В дальнейшем в речь пойдет прежде всего об однократных действиях.

При классификации таксисных отношений В. С. Храковский отмечает, что существует три логические возможности одновременного[5] существования зависимой ситуации Р1 и главной ситуации Р2:

[5] Заметим также, что отношение одновременности «предполагает, что действия А и В, сопоставляемые друг с другом в пределах некоторого отрезка *t*, не отрицают друг друга» [Полянский 1987: 247].

1) Ситуация Р1 занимает тот же временной период, что и ситуация Р2 (полная одновременность);

2) Ситуация Р2 локализуется в рамках временного периода, занимаемого ситуацией Р1 (неполная одновременность);

3) Ситуация Р1 локализуется в рамках временного периода, занимаемого ситуацией Р2 (неполная одновременность) [Храковский 2006: 368].

Глаголы положения в описываемых предложениях могут стоять либо в форме деепричастия (Р1), либо являться сказуемым главной ситуации (Р2). Рассмотрим эти типы употребления отдельно.

3.1. V fin. + Ger. глагол положения

В том случае, если зависимая часть содержит деепричастия от глагола стандартного положения или деепричастный оборот с такой формой, в высказывании прототипически выражается либо полная одновременность двух ситуаций (глагол главной ситуации употребляется в форме НСВ), либо неполная одновременность: ситуация Р2, называемая глаголом СВ, локализуется в рамках ситуации Р1.

Отметим особенности выражения отношений одновременности в предложениях с деепричастиями, образованными от глаголов положения.

3.1.1. Значение одиночного деепричастия глагола положения. Глагол положения, употребляясь без распространителей, имеет позиционное значение, т. е. он обозначает нахождение субъекта в том или ином положении. В этом случае синтаксически может реализоваться лишь семантическая валентность агенса:

(17) *Он не **сидел** во время концерта, так как не нашел свободного места, он все время **стоял**.*

Изолированное деепричастие, совмещающее в своем категориальном значении признаки глагола и наречия, актуализирует это позиционное значение. Заметим, что деепричастия *стоя*, *лежа*, *сидя* в словарях снабжаются либо особым комментарием «в зн. наречия. В сидячем/стоячем/лежачем положении» [БАС 1998], либо получают отдельную словарную статью, а принадлежность к наречию выделяется отдельным значением наряду со значением деепричастия [МАС 1984]. В связи с различной лексикографической

трактовкой возникает вопрос: в каких случаях рассматривать указанные лексемы как деепричастия, а в каких как наречия.

Очевидно, что одиночная деепричастная форма, не имеющая распространителей, в абсолютной постпозиции, т. е. в ударной рематической позиции после основного глагола в конце предложения или синтагмы, является безусловным кандидатом на такое «наречное употребление».

(18а) *Разведчик Климов докладывал Грекову не по форме,* ***стоя****,* ⟨…⟩ (В. Гроссман)

(18б) *«Но ему ведь не придется стоять — он будет вести машину* ***сидя****!»* (Н. Воронель)

Возможность задать вопрос «каким образом», а также синонимическая замена на словосочетания «в сидячем / стоячем / лежачем положении» говорит в пользу трактовки этих форм как наречий в современном русском языке.

Эту форму, однако, можно встретить и в препозиции к основному глаголу как в диалоге (19а), так и в описательном контексте (19б). Препозитивное употребление деепричастной формы получает поддержку и в особом интонационном выделении: в повышении тона при произнесении формы и более длительной паузе после нее:

(19а) *— Вы же знаете,* ***стоя*** *я разговаривать не буду.* (Ю. Домбровский)

(19б) *Через несколько минут во двор влетел открытый таксомотор, в котором,* ***стоя****, летел Баквалин.* (М. Булгаков)

Утрачивает ли эта форма в этих контекстах свои деепричастные свойства полностью? На наш взгляд, нет. Положение, называемое этой формой, по прежнему служит временным фоном для основного действия: оно одновременно этому действию. Особенность одиночных словоформ *стоя*, *сидя*, *лежа* заключается в том, что значение образа действия в них при любой позиции в предложении, как правило, преобладает над значением одновременности основному действию, и в этом смысле может быть отнесено к лексическим, что и отмечается в словарях. Заметим, однако, что значение образа действия может сосуществовать и с

другими значениями, возникающими в том или ином контексте, например: в контексте будущего времени — со значением условия (19а), в контексте обобщенной узуальности — со значением временной обусловленности (20):

(20а) *Выберите фразу и произносите ее различным образом в различных положениях, например:* ***сидя, лежа, стоя, прохаживаясь*** *по комнате,* ***прислонившись*** *к стене,* ***глядя*** *в окно,* ***открывая*** *и* ***закрывая*** *дверь,* ***входя*** *в комнату и* ***выходя*** *из нее,* ***беря, кладя*** *и* ***отбрасывая*** *предметы, и т. п.* (М. А. Чехов)

Ср.:

(20б) ⟨…⟩ *произносите ее различным образом и в различных положениях, например, когда сидите*/*будете сидеть* ⟨…⟩

Употребление одиночной деепричастной формы в начале предложения может быть обусловлено и ее тематической ролью, обеспечивающей связь с предыдущим контекстом[6]:

(21а) *Старшина* ***начал вставать —*** *видно было, устало и неохотно.* ***Сидя****, вдел руки в лямки вещевого мешка, встал на одно колено, потом на другое.* (В. Быков)

Ср.:

(21б) ⟨…⟩ *Продолжая сидеть*/*в то время как он еще сидел, он вдел руки в лямки вещевого мешка* ⟨…⟩

Таким образом, одиночная форма деепричастия-наречия от глагола положения, имеющая значение образа действия, вовлекается в контекстные условия более высшего порядка, среди которых синтаксическая позиция этой формы и лексико-грамматическое наполнение главного предложения занимают немаловажное место.

3.1.2. Реализация валентности рабочей части и значение деепричастия глагола положения. Глаголы положения, помимо валентности агенса, опоры (*сидеть на стуле*, *стоять на полу*), имеют и валентность рабочей части (*стоять на ногах*, *лежать на боку* и т. п.). Степень проявления значения образа действия в

[6] О текстовой функции деепричастий см., в частности, [Зорихина-Нильссон, Пупынин 2002].

анализируемых деепричастиях, имеющих при себе распространители, выражающие валентность рабочей части, также зависит от позиции деепричастного оборота в высказывании. При постпозиции вероятность актуализации этого значения велика (22а), в то время как в интерпозиции, т. е. после агенса-подлежащего, но перед основным глаголом, в деепричастном обороте актуализируется значение «сопутствующего обстоятельства» — значение, которое можно передать словосочетанием ‘при этом’ (22б):

(22а) *Он плыл, **стоя на ногах**, и ловко работал одним веслом — настоящие рыбаки все так плавают на своих лодках-однодерёвках* ⟨…⟩ (Д. Мамин-Сибиряк)

(22б) *Вовка, **лежа на боку**, крутил приемничек* ⟨…⟩ (В. Маканин)

3.1.3. Реализация валентности опоры или места и значение деепричастия глагола положения. В том случае, если деепричастие от глагола положения имеет при себе локализатор (валентность опоры или места), сообщение о позиционности субъекта отходит на второй план. Деепричастная конструкция сообщает о нахождении агенса где-либо, представляя это нахождение как второстепенный фон для основного действия (деятельности, состояния). Контекстуальное значение данной конструкции можно отнести к значениям, передающим *статическую локальность*[7].

Деепричастная конструкция, как правило, стоит в препозиции к главному предложению (23а) или в интерпозиции: после субъекта-агенса главного предложения, перед глаголом в личной форме (23б):

(23а) ***Лежа в постели**, я увидел, как за столом сидел тот же я и, полуулыбаясь, быстро писал.* (В. Отрошенко)

(23б) *Марвич и Валера, **стоя в дверях**, разглядывали убийц*. (В. Аксенов)

Позиция деепричастного оборота зависит от темарематической организации высказывания. Абсолютная препозиция деепричастного оборота и в этом случае, как правило, связана с выражением темы сообщаемого и служит средством связности текста.

[7] Ср. со значением динамической локальности [Арбатский 1980: 113].

(24а) *В это время пришла Надя.* ***Стоя в передней****, она быстро спросила: — Папа пошёл каяться?* (В. Гроссман)

Ср.:

(24б) *В это время пришла Надя.* [???]*Она,* ***стоя в передней****, быстро спросила* ⟨…⟩

Значительно реже описываемая деепричастная конструкция следует за основным глаголом. Такое положение деепричастия не характеризует протекание основного действия как в п. 3.1.1., а по-прежнему является фоном для основного действия (состояния); значение одновременности деепричастия основному действию может, в частности, осложняться дополнительными значениями: значением временной обусловленности одного действия другим (25а) или значением «сопутствующего обстоятельства» (26а):

(25а) *Мы слушали «Свободу» вместе,* ***сидя у автора на кухне***. (А. Боссарт)

Ср.:

(25б) *Мы слушали «Свободу» вместе, когда сидели у автора на кухне*.

(26а) *Митя не спеша ел тульский печатный пряник,* ***сидя почти в пустом вагоне*** (И. Бунин).

Ср.:

(26б) [???]*Митя не спеша ел тульский печатный пряник, когда сидел почти в пустом вагоне*.

3.2. Vfin глагол положения + Ger. ipf

В том случае, если главная ситуация содержит финитный глагол стандартного положения, а зависимая ситуация содержит деепричастие НСВ, в высказывании прототипически выражается полная одновременность двух ситуаций. Рассмотрим более подробно, какие значения (контекстуальные и языковые) может выражать деепричастие при глаголах положения и какие глагольные классы могут принимать форму деепричастия в сочетании с глаголами положения.

В форме деепричастия при глаголе положения употребляется глагол, обозначающий второстепенные по отношению к

глаголу положения действие, состояние и деятельность. Как правило, деепричастная форма занимает позицию после глагола положения.

3.2.1. Деепричастия от глаголов нестандартного положения, глаголов движения различных частей тела. Глаголы стандартного положения сочетаются с деепричастными формами НСВ от глаголов нестандартного положения в пространстве: *стоять, нагибаясь над чем-л.*; *сидеть облокачиваясь обо что-л.* и т. п. Глагол нестандартного положения в пространстве вносит дополнительную информацию, конкретизирует способ положения; наличие значения образа действия у деепричастной формы подтверждается возможностью поставить вопрос «каким образом»:

(27) *Старик сидел на корточках, **опираясь** на приступку, и курил трубочку* (Б. Хазанов).

К глаголам нестандартного положения примыкают глаголы, обозначающие движения различных частей тела — действия, не зависимые от того или иного положения, которые, однако, как правило, воспринимаются наблюдателем в совокупности с положением:

(28а) *Дядя сидел, **постукивая** пальцами по столу, и о чём-то думал* (Ю. Домбровский).

(28б) *Жена сидела на кухне **морща** лобик, **загибая** пальцы, что-то **бормоча*** (В. Попов).

Деепричастия могут характеризрвать, подвижность/неподвижность тела или его частей (*не двигаясь*, *не шевелясь*, *не вставая*, *не поднимая головы* и т. п.):

(29а) *На сцене МХАТа второго стоял, **шатаясь**, Михаил Чехов — Гамлет* (Г. Козинцев).

(29б) *Даша упала на кровать ничком. Лежала **не двигаясь**.* (А. Н. Толстой).

При замене формы деепричастия на личную форму глагола в сочинительной конструкции действие, обозначаемое деепричастием, из второстепенного превращается в основное. Ср.: *сидела и морщила лобик*, *стоял и шатался.* Тем самым создается излишний акцент на само действие, его длительность при неизменности

лексического значения глагола. При грамматической правильности сочинительной конструкции с этими глаголами можно лишь говорить о ее семантической нежелательности в русском языке в высказываниях, описывающих нормальное положение вещей, в которых, говорящий не ставит перед собой цели дополнительно выделить второстепенное действие. Ср., однако:

(30) *Вот за столом, держа перед собой двумя руками портфель,* ***стоит*** *Председатель и* ***кивает*** *яйцеобразной своей головой* (В. Войнович).

3.2.2. Деепричастия от глаголов проявления. Существуют, однако, глаголы, которые в одном из своих значений могут употребляться только в форме деепричастия при глаголах положения. Трансформация деепричастной конструкции в сочинительную в этих случаях невозможна. Это, в частности, некоторые глаголы, которые могут обозначать неконтролируемое положение вещей. Например:

(31а) *Стояли вокруг, один Рубин сидел,* ***посвечивая*** *им своей просветляющейся лысиной* (А. Солженицын).

Ср.:

(31б) **⟨…⟩ Рубин сидел и* ***посвечивал*** *им своей просветляющей лысиной*.

(32а) *Всегда и неизменно, вечер за вечером стояла ты* (бабушка) *там, в сенях,* ***отбрасывая*** *на нашу кухню свою грозную тень*. (С. Дельбланк. Пример из работы [Зорихина 1998: 126]

Ср.:

(32б) **⟨…⟩ вечер за вечером* ***стояла*** *ты ⟨…⟩ и* ***отбрасывала*** *свою грозную тень*[8].

[8] Ср. отсутствие таких ограничений, например, в шведском языке. Предложение примера (32б), содержащее деепричастие *отбрасывая*, является переводом шведского предложения, в котором употреблена претеритальная финитная форма глагола *kasta* ‘бросать, отбрасывать’: *Alltid, alltid, kväll efter kväll* ***stod*** *du därutanför farstun och* ***kastade*** *din hotande skugga in i vårt kök* (S. Delblanc. Kära farmor). Ср. букв. перевод: **Всегда, всегда, вечер за вечером ты* ***стояла*** *там, в сенях, и* ***отбрасывала*** *твою*

Глаголы *посвечивать*, *отбрасывать* (*тень*), которые употребляются в форме деепричастия в анализируемых высказываниях, можно отнести к классу глаголов проявления[9]. В контексте сочинительной конструкции с глаголом положения они воспринимаются в другом из своих значений — акциональном: возникает комический эффект контролируемости: невольное проявление превращается в волевое, что и делает эти предложения неправильными.

3.2.3. Деепричастия от глаголов восприятия. Другую значительную группу глаголов, принимающих форму деепричастия при глаголах положения, составляют глаголы восприятия: *слушать*, *вслушиваться*, *слышать*, *рассматривать*, *глядеть* и т. п.:

(33) *Он лежал,* ***слушая****, как колотится его сердце не только в груди, но и в голове и в ушах.* (М. Булгаков)

Употребляясь в форме деепричастия, глаголы восприятия при глаголах положения имеют значение сопутствующего обстоятельства. Они обладают большей «самостоятельностью» (отсутствием семантической связанности с глаголом положения) по сравнению с глаголами нестандартного положения и движения тела и его частей, поэтому они достаточно свободно употребляются в сочинительной конструкции. Ср. с (33): *Он лежал и слушал* ⟨…⟩ Среди глаголов зрительного восприятия (*смотреть*, *видеть*, *глядеть*) в деепричастной форме при глаголах положения чаще всего стоит глагол *глядеть*:

(34) *Я лежал некоторое время,* ***глядя*** *в раскрытое окно* ⟨…⟩ (Ю. Трифонов)

3.2.4. Деепричастия от глаголов эмоционального состояния и отношения, ментального состояния и деятельности. В форме деепричастия могут стоять также глаголы состояния, включающие глаголы эмоционального состояния и отношения (*восхищаться*, *презирать*, *бояться* и т. п.), глаголы ментального состояния (*знать*,

грозную тень на нашу кухню (С. Дельбланк. Дорогая бабушка). См. еще примеры в работе [Зорихина-Нильссон 2006: 58–59].

[9] См. определение: «Проявление — это свойство, состояние или процесс, актуально воспринимаемые наблюдателем» [Апресян 2009: 44].

понимать) и деятельности (*размышлять*, *думать*, *вспоминать* и т. д.), глагол *ожидать*.

(35а) *И вот он по памяти закончил портрет Нины и сидел перед ним,* ***любуясь*** *и* ***не зная****, что оригинал стоит за дверью.* (А. Слаповский)

(35б) *В первом часу ночи я всё ещё сидел у телефона,* ***злясь*** *и* ***нервничая****.* (А. Волос)

(35в) *Саша сидел равнодушно,* ***понимая****, что может убить этого мужика.* (З. Прилепин)

Если зависимая ситуация (Р1) содержит деепричастие от глагола *бояться*, а главная ситуация (Р2) — глагол положения, имеющий при себе контекстные распространители, характеризующие это положение, то ситуация Р1, называемая деепричастным оборотом, как правило, выражает причину существования ситуации Р2. Значение одновременности двух ситуаций отходит на второй план: в таких случаях предложения с деепричастным оборотом могут трансформироваться в сложноподчиненные предложения с придаточными причины.

(36а) *Вообще, все сидели притихшие,* ***боясь*** *вспышки гнева родственниц жениха.* (С. Спивакова)

Ср.:

(36б) ⟨…⟩ *все сидели притихшие,* ***так как боялись*** *вспышки гнева…*

(37а) *Сидел не шелохнувшись,* ***боясь*** *выдать свое присутствие.* (Р. Ахмедов)

Ср.:

(37б) *Сидел не шелохнувшись,* ***так как боялся*** *выдать свое присутствие.*

3.2.5. Деепричастия от глаголов физической деятельности и занятия. Глаголы, обозначающие физическую деятельность (*работать*, *торговать* и т. п.), глаголы занятия (*читать*, *играть в карты* и т. п.), как правило, не вступают в отношения характеризации (ударная рематическая позиция) с глаголом положения.

Их «семантический вес» по отношению к глаголу положения является настолько коммуникативно более значимым, что деепричастие, подчеркивающее второстепенность действия, часто оказывается неподходящей грамматической формой для глагола деятельности в анализируемых высказываниях.

(38а) *Они сидели и работали/читали.*

(38б) ???*Они сидели,* ***работая/читая****.*

Национальный корпус русского языка содержит, например, лишь десяток предложений с сочетаниями «сидеть, работая», несколько больше примеров с сочетаниями «сидеть, читая/играя» в абсолютной рематической позиции в конце предложения.

(39а) *Белокурая купорщица Вера сидела на табуретке у машины и читала какую-то сильно потрепанную книжку. Другие тоже сидели* ***не работая****.* (А. Пантелеев)

(39б) *В зале было пусто. Только у дверей сидел орденоносец Решетов,* ***читая*** *книгу.* (С. Довлатов)

(39в) *Митя сидел за компьютером,* ***играя*** *в цветной «Тетрис».* (А. Житков)

Если деепричастие обозначает деятельность или занятие, которыми субъект занимается обычно в том или ином положении, и если они оказываются не в ударной позиции, например, в середине высказывания, или в контексте других деепричастий, то возможность их употребления при глаголе положения не вызывает никаких сомнений:

(40а) *Поодаль, на углу стола, сидели,* ***беседуя****, двое мужчин, один постарше, другой помладше.* (Л. Зорин)

(40б) *У входа на пляж сидел,* ***торгуя*** *тремя лакированными шишками, чинный старичок в белой панаме.* (М. Дяченко, С. Дяченко)

Заметим, что в интродуктивных высказываниях типа (40) в рематической позиции стоит номинативная группа с субъектом-агенсом высказывания и помещение деепричастия в абсолютную рематическую позицию в конец предложения не представляется здесь правильным с коммуникативной точки зрения.

4. Одновременность результативного состояния и положения. V fin.глагол положения + Ger. pf

В том случае, если главная ситуация содержит финитный глагол стандартного положения, а зависимая ситуация содержит деепричастие СВ, в высказывании выражается одновременность двух ситуаций; при этом само действие, обозначаемое деепричастием, могло начаться раньше занятия агенсом того или иного положения. Эта потенциальная возможность находится в пресуппозиции значения деепричастия СВ и отличает предложения с этими деепричастиями (41а) от предложений с соответствующими деепричастиями НСВ (41б), которые к тому же значительно уступают по своей частотности употребления деепричастиям СВ[10].

(41а) *Он сидит* ***прислонившись*** / ***нагнувшись*** / ***облокотясь***…

(41б) *Он сидит* ***прислоняясь*** / ***нагибаясь*** / ***облокачиваясь***…

На способность деепричастий СВ выступать в результативно-перфектном или результативном значении [Birzer 2010] и выражать одновременное главному действию-процессу или положению состояние обращали внимание многие исследователи (См., например, [Дерибас 1962; Васева-Кадынкова 1961; Виноградов 1986; Акимова, Козинцева 1987: 260]. Описывая особенности ряда деепричастий СВ, В. В. Виноградов отмечал их близость к наречиям: «В этих случаях [*облокотясь*, *обнявшись* и т. д. — *Н. З.*] деепричастие выражает скорее признак основного действия ⟨…⟩. В качестве основного глагола, к которому примыкает деепричастие совершенного вида со значением сопровождающего обстоятельства, чаще всего бывают или глаголы состояния: *сидеть*, *лежать*, *стоять*, *ходить*, — или глаголы речи и чувства» [Виноградов 1986: 323].

Образуя цельное, слитное словосочетание, деепричастия СВ стоят, как правило, после глагола положения. В описываемую конструкцию входят деепричастия, образуемые:

[10] Так, например, в НКРЯ при любой форме глагола *сидеть* деепричастие от глагола *прислониться* (СВ) встретилось 90 раз, в то время как деепричастие от глагола *прислоняться* всего 4 раза; от глагола *облокотиться* (СВ) — 117 раз, а от *облокачиваться* — всего 2 раза. Поиск производился по всему корпусу (209 203 107 слов) и на рассстоянии 4 от глагола *сидеть* в постпозиции.

а) от непереходных глаголов со значением нестандартного положения в пространстве и — шире — со значением ‘движения тела и его частей’: *прислониться*, *прижаться*, *отвернуться*, *вцепиться*, *выпрямиться*, *вытянуться*, *согнуться*, *облокотиться*, *обернуться*, *опереться* и т. д.:

(42) *Он* [Берлиоз] ***развалившись*** *сидел.* (М. Булгаков)

б) от переходных глаголов со значением ‘изменения положения различных частей тела’:

- ноги: *вытянуть*, *поджать под себя*, *поднять*, *положить*, *опустить*, *раздвинуть*, *расставить*, *растопырить*, *свесить*, *скрестить*, *спустить* и т. п.[11]:

(43) *Второй кочегар, стоя у колонки, широко* ***расставив*** *ноги с закатанными штанами, усердно мыл бутылки и складывал их в ящики.* (Ф. Искандер)

- руки: *закинуть*, *засунуть*, *опустить*, *поднять*, *подсунуть*, *скрестить*, *сложить*, *подпереть*, *разметать*, *раскинуть*, *уронить* и т. п.

(44) *Он лежал на своём месте,* ***заложив*** *руки за голову, и глядел в потолок, по которому ползла какая-то живая чёрная точка* (В. Пелевин).

- голова: *вскинуть*, *втянуть* (*в плечи*), *задрать*, *закинуть*, *запрокинуть*, *наклонить*, *опустить*, *свесить*, *склонить*, *повесить*, *повернуть*, *поднять*, *положить*, *понурить*, *потупить*, *пригнуть*, *опустить*, *склонить* и т. п.

(45) *Она стояла на обочине* ***опустив*** *голову и как будто кого-то ждала* (Ю. Домбровский).

Этот список можно продолжить такими существительными, как лицо (*закрыть*, *опустить*, *поднять*, *прижать*, *уткнуть*); рот (*открыть*, *разинуть*, *раскрыть*, *скривить*); глаза (*выкатить*, *выпучить*, *вытаращить*, *зажмурить*, *закрыть*); брови (*насупить*,

[11] Здесь и далее в качестве иллюстрации приводится список глаголов, участвующих в выражении семантики «изменения положения тела и его частей». Список этот не является замкнутым, глаголы, перечисляемые в одной группе, могут в ряде случаев употребляться и в других группах.

приподнять); пальцы (*разжать*, *сжать*, *сцепить*), шея (*вытянуть*, *наклонить*, *повернуть*), грудь (*выпрямить*, *наклонить*) и т. п.

Следует отметить, что приводимые глаголы связаны в различной степени с глаголами положения в пространстве: в одних случаях деепричастные формы СВ характеризуют само положение (*облокотившись*, *нагнувшись* и т. п.), в других случаях деепричастия обозначают сопутствующие обстоятельства (*открыв рот*, *зажмурив глаза*, *разжав пальцы* и т. п.).

Большая часть описываемых деепричастных конструкций может быть с изменением смысла трансформирована в глагольную сочинительную конструкцию, первый глагол которой выражает в комплексе действие, момент произведения которого действительно предшествует состоянию (препозиция в сочинительной конструкции), и одновременность результата действия и состояния.

(46а) ***Стою***, ***вцепившись*** *в барьер, худо мне, руки потные.* (А. Буданов)

Ср.:

(46б) *А я в это время* ***вцепился*** *в барьер и* ***стою***.

Глагол положения в постпозиции имеет, как правило, либо распространитель, «уравновешивающий» коммуникативный вес высказывания (47), либо выделяется интонационно (46б):

(47) *Он замолчал и опять, как тогда,* ***сгорбился*** *и* ***сидел*** *перед ними, остриженный под машинку, словно малолетний преступник, почему-то с чернильным пятном на голове.* (Г. Бакланов)

Сравнение с сочинительной конструкцией и в данном случае позволяет выявить ряд случаев, в которых замена деепричастия личной формой глагола невозможна, что, в свою очередь, говорит в пользу выделения словосочетания с деепричастной формой как связного в словарной статье соответствующего глагола. Так, по-русски можно *стоять*, *свесив*/*повесив руки*; *лежать*, *разбросав ноги*/*руки*, но не **свесить*/*повесить руки и стоять*; **разбросать руки*/*ноги и лежать*:

(48а) *Фомин стоял,* ***свесив*** *вдоль бедер руки, машинально сжимая пальцами остатки твердого стеклянного горлышка.* (Б. Губер)

(48б) *Помощник стоял на коленях,* ***разбросав*** *синие беспомощные руки и с пришпиленной к штырю головой.* (В. Отрошенко)

Ср. еще:

(49) *Никогда не забуду одной сцены, шёл я мимо и заглянул в окно; Бэла сидела на лежанке,* ***повесив*** *голову на грудь, а Григорий Александрович стоял перед нею.* (М. Лермонтов)

в) Описание деепричастных конструкций с деепричастиями глаголов СВ при глаголах положения будет неполным, если не перечислить другие намного реже[12] встречающиеся глагольные классы, от которых образуются деепричастия в данных конструкциях. К ним относятся глаголы состояния (50а) и действия, часто связанного с движением (50б). Глаголы состояния обозначают, как правило, в комплексе эмоциональное состояние, связанное с физическим состоянием неподвижности (*замереть*, *обомлеть*, *онеметь*, *окаменеть*, *оцепенеть* и т. п.), или состояние, связанное с пребыванием в том или ином положении и/или с сопровождающей его мимикой (*понуриться*, *потупиться*, *надуться*, *набычиться* и т. п.):

(50а) *Испуганная смотрительница подбегает к Звереву и замирает. Так и стоит* ***обомлев****, не произнося ни звука.* (З. Плавинская)

(50б) *Во время обыска заключённые стояли,* ***построившись*** *в шеренгу.* (В. Гроссман)

Сочетаемость с глаголами состояния говорит о том, что положение/состояние неподвижности тесно связано в русском языке с состоянием изумления, страха, печали и недовольства.

5. Заключение

В данной статье были проанализированы основные особенности поведения класса глаголов стандартного положения в

[12] Среди 70 примеров с деепричастиями СВ в постпозиции к глаголу *стоять* в любой форме в НКРЯ (в подкорпусе со снятой морфологической омонимией) встретилось всего 5 деепричастий от глаголов состояния и одно от глагола движения. Поиск производился на расстоянии 1, общее количество слов 5 944 188.

пространстве в предложениях, содержащих деепричастные конструкции. Было выделено два основных типа конструкций в зависимости от того, стоит ли глагол положения в пространстве в форме деепричастия или в финитной форме.

В первом случае в высказывании прототипически выражается либо полная одновременность двух ситуаций (глагол, называющий главную ситуацию употребляется в форме НСВ), либо неполная одновременность: ситуация Р2, называемая глаголом СВ, локализуется в рамках ситуации Р1. Во втором случае, когда главная часть содержит финитный глагол положения, а зависимая часть содержит деепричастие НСВ, в высказывании прототипически выражается только полная одновременность двух ситуаций. Отдельно были рассмотрены предложения с деепричастной формой СВ, с помощью которой выражается одновременность результативного состояния и положения. Таксисные значения одновременности являются основными значениями, которые всегда в той или иной степени выражаются в анализируемых предложениях.

Особое внимание было уделено различным условиям реализации контекстуальных значений деепричастий: соотношению семантических классов финитной и деепричастной формы, наличию распространителей при деепричастии, а также позиции деепричастной формы в высказывании.

К основным контекстуальным значениям деепричастий от глаголов положения были отнесены *значения образа действия и сопутствующих обстоятельств, значение статической локальности*, которые, в свою очередь, могут сосуществовать с другими значениями, например, со *значениями временной обусловленности* и *условия*. Было отмечено, что только значение образа действия у одиночных деепричастий *стоя*, *сидя*, *лежа* можно, как правило, отнести к языковым. В случае, если главное предложение содержит финитную форму глагола положения, то и в этом случае к основным контекстным значениям относятся *значения образа действия и сопутствующих обстоятельств.* Кандидатом на языковое *значение причины* могут в данном типе служить предложения с деепричастной формой от глагола *бояться.* Последнее наблюдение требует дальнейших уточнений.

Было отмечено, что деепричастная конструкция, стоящая, как правило, после глагола положения, обозначающая действие,

второстепенное по отношению к глаголу положения, оказывается чувствительной к лексическому наполнению глагольной формы. Наиболее представлены в нашем материале два типа зависимых ситуаций:

1) ситуации характеризации положения (глаголы нестандартного положения и глаголы движения тела и его частей): *Мать стоит, склонившись над кроваткой*;

2) ситуации, представляющие второстепенное действие (состояние) как дополнительное, сопутствующее нахождению (глаголы восприятия и, реже, глаголы состояния): *Он долго стоит, глядя вдаль. Дочь сидит надувшись.*

Глаголы конкретного физического действия, деятельности и занятия всегда имеют больший коммуникативный вес по сравнению с глаголом положения, и поэтому употребление деепричастной формы от этих глаголов при глаголе положения требует особых контекстных условий.

Мы привели лишь основные наблюдения, касающиеся употребления глаголов положения в форме деепричастия и в финитной форме с деепричастными конструкциями, содержащими другие глаголы. Но уже проведенный анализ показывает, что подход, учитывающий взаимодействие семантики глаголов, их позиции в высказывании, а также наличие различных распространителей при деепричастной форме, может служить одним из возможных путей дальнейшего изучения как поведения отдельного глагольного класса, так и особенностей реализации категории таксиса в высказывании в языках различного типа в рамках функционального типологического описания языков.

Словари и источники

БТС 1998 — С. А. Кузнецов (отв. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.

МАС 1984 — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка в 4-х томах. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Русский язык, 1984.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (http://www.ruscorpora.ru).

Литература

Акимова, Козинцева 1987 — Т. Г. Акимова, Н. А. Козинцева. Аспектуально-таксисные ситуации. Зависимый таксис (на материале деепричастных конструкций) // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 256–274.

Апресян 1983 — Ю. Д. Апресян. О структуре значений языковых единиц // T. Dobryńska, E. Janus (red.). Tekst i zdanie. *Wroclaw*: Ossolineum, 1983. С. 313–339.

Апресян 2003 — Ю. Д. Апресян. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // В. С. Храковский (ред.). Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. СПб.: Наука, 2003. С. 7–21.

Апресян 2009 — Ю. Д. Апресян. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1. Парадигматика. Москва: Языки славянских культур, 2009.

Арбатский 1980 — Д. И. Арбатский. О лексическом значении деепричастий // Вопросы языкознания 4, 1980. С 108–118.

Барентсен, Хиндрикс 1988 — А. Барентсен, Й. Хиндрикс. Деепричастие и совершенный вид в современном русском литературном языке // A. A. Barentsen, B. M. Groen, R. Sprenger (eds.). Dutch Contributions to the Tenth International Congress of Slavists, Linguistics [SSGL 11]. Amsterdam: Rodopi, 1988. P. 1–40.

Богуславский 1977 — И. М. Богуславский. О семантическом описании русских деепричастий: неопределенность или многозначность? // Известия АН. Серия литературы и языка 36, 3, 1977. С. 270–281.

Бондарко 1987 — А. В. Бондарко. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 234–242.

Васева-Кадынкова 1961 — И. Васева-Кадынкова. Деепричастия совершенного вида с перфектным значением // Русский язык в школе 6, 1961. С. 20–24.

Виноградов 1986 — В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986.

Дерибас 1962 — Л. А. Дерибас. О замене деепричастных оборотов синонимичными конструкциями (из наблюдений над синтаксической синонимией) // Русский язык в школе 5, 1962. С. 18–22.

Дмитренко, Храковский 2012 — С. Ю. Дмитренко, В. С. Храковский. Видовые значения финитных и нефинитных форм глаголов нестандартных пространственных положений // Материалы II Междуна-

родного научного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире». М.: МАКС Пресс, 2012. С. 27.

Зорихина 1998 — Н. В. Зорихина. Глаголы положения в пространстве. Семантика слова и высказывания. Докт. дисс. Göteborg, 1998.

Зорихина-Нильссон 2006 — Н. В. Зорихина-Нильссон. К вопросу о лексико-грамматическом центре зависимого таксиса одновременности в русском языке // И. П. Матханова и др. (ред.). Филологические этюды. Сборник научных статей памяти Ю. А. Пупынина. Новосибирск: НГПУ, 2006. С. 54–79.

Зорихина-Нильссон, Пупынин 2002 — Н. В. Зорихина-Нильссон, Ю. А. Пупынин. О текстовой функции деепричастий совершенного вида в русском языке // Исследования по славянским языкам. № 7. Сеул, 2002. С. 307–324.

Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.

Пешковский 1956 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Просвещение, 1956.

Полянский 1987 — С. М. Полянский. Одновременность/разновременность и другие типы таксисных отношений // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 243–252.

Рахилина 1998 — Е. В. Рахилина. Семантика русских «позиционных» предикатов: *стоять*, *лежать*, *сидеть* и *висеть* // Вопросы языкознания 6, 1998. С. 69–80.

Рахилина 2000 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000.

Храковский 2001a — Таксис (история вопроса, определение и типология форм) // A. Barentsen, Y. Poupynin. (eds.). Functional Grammar: Aspect and Aspectuality. Tense and Temporality. Essays in honour of Alexander Bondarko [Lincom Studies in Theoretical Linguistics 23]. München: Lincom Europa, 2001. P. 133–142.

Храковский 2001b — В. С. Храковский. Классификация таксисных конструкций: валентностный таксис, невалентностный таксис, фоновый таксис // Язык и речевая деятельность 1, 2001. С. 42–56.

Храковский 2006 — В. С. Храковский. Вид и таксис (деепричастие СВ и союз *пока* на шкале таксисных значений // Ф. Леман (ред.). Глагольный вид и лексикография. Семантика и структура славянского вида IV. München: Verlag Otto Sagner, 2006. С. 367–384.

Храковский 2007 — В. С. Храковский. Грамматический потенциал глагольной лексемы // Зборник Матице српске за славистику 71–72, 2007. С. 73–88.

Berthele 2004 — R. Berthele. The typology of motion and posture verbs: A variationist account // B. Kortmann (ed). Dialectology Meets Typology: Dialect Grammar from a Cross-Linguistic Perspective [Trends in Linguistics. Studies and Monographs 153]. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 2004. P. 93–126.

Birzer 2010 — S. Birzer. Русское деепричастие. Процессы грамматикализации и лексикализации [Slavolinguistica 11]. München — Berlin: Otto Sagner, 2010.

Kortteinen 2008 — P. Kortteinen. Les verbes de position suédois *stå*, *sitta*, *ligga* et leurs équivalents français. Étude contrastive [Romanica Gothoburgensia LX]. Göteborg: Göteborgs universitet, 2008.

Kuteva 1999 — T. Kuteva. On 'sit' / 'stand' / 'lie' auxilation // Linguistics 37, 2. 1999. P. 191–213.

Kuteva 2001 — T. Kuteva. Auxilation: An Enquiry into the Nature of Grammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 2001.

König 1995 — E. König. The meaning of converb constructions // M. Haspelmath, E. König (eds.). Converbs in Cross-Linguistic Perspective: Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms — Adverbial Participles, Gerunds. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 1995. P. 57–96.

Newman (ed.) 2002 — J. Newman (ed.). The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying [Typological Studies in Language 51]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2002.

Newman 2009 — J. Newman. English posture verbs. An experientially grounded approach // Annual Review of Cognitive Linguistics 7, 2009. P. 30–57.

Serra Borneto 1996 — C. Serra Borneto. *Liegen* and *stehen* in German: A study in horizontality and verticality // E. H. Casad (ed.). Cognitive linguistics in the Redwoods: The expantion of a new paradigm in linguistics. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 459–506.

Weiss 1995 — D. Weiss. Russian converbs: A typological outline // M. Haspelmath, E. König (eds.). Converbs in Cross-Linguistic Perspective: Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms — Adverbial Participles, Gerunds. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 1995. P. 239–282.

Н. Н. Казанский

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ДИАЛЕКТНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ И ЯЗЫКОВОЙ ИНВАРИАНТ: ОФОРМЛЕНИЕ УСЛОВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ДИАЛЕКТАХ[1]

Традиционно в грамматиках древнегреческого языка «по значению, равно как и по форме, условные периоды разделяются на следующие четыре группы» [Соболевский 1948: 316]: неопределенные, проспективные (эвентуальные), потенциальные и ирреальные[2].

Для нас существенно, что εἰ с optativus выражает случай, когда «говорящий высказывает предположение, относящееся к будущему, и притом субъективно, т. е. давая понять в скрытом виде, что он **не** ожидает исполнения этого предположения в действительности» [Соболевский 1948: 317]. Этот случай употребления, как мы увидим, остается устойчивым и повсеместно засвидетельствован в клятвах, ср. εἰ δ' ἐφιορκοίην ‘а если я не сдержу клятву’ (дающий клятву не предполагает ее нарушить)[3].

При анализе распределения по областям распространения греческих диалектов нами в качестве материала были выбраны достаточно многочисленные тексты клятв, которые повсеместно строятся почти по одной модели. Чаще всего клятва завершается

---

[1] Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 13-04-00023а «Морфологическая структура и семантика глагольных форм в индоевропейских языках». Автор благодарит М. Л. Кисилиера за советы и комментарии.

[2] Такое описание восходит к немецкой традиции [Kühner, Gerth 1898–1904]. В современной терминологии [Meier-Brügger 1992: 167]. М. Майер-Брюггер приводит принятую классификацию по [Bornemann, Risch 1978: 289–294]. См. также: [Wakker 1994; Rijkbaron 2002].

[3] То же самое наблюдается и в манумиссиях (текстах вольных грамот), напр. SIG. 445 εἰ δέ τις ἐπιλαμβάνοιτο αὐτῶν ἢ καταδουλίζοιτο ⟨…⟩ ποτα[π]οτι[ζά]τω ὁ καταδουλιζόμενος μνᾶς τριάκοντα ‘если же кто захватит их и обратит в рабство ⟨…⟩ пусть обративший в рабство заплатит тридцать мин’. Очевидно, что отпускающий раба на свободу не хочет, чтобы он был кем-то вновь обращен в рабство [Larfeld 1892: 357–624].

формулой [ϵ]ὐο[ρ]κῶντι μέμ μοι ϵἴη πολ[λ]ὰ καὶ ἀγαθά, ϵἰ δὲ [μή], τἀναντία — ‘мне, сдержавшему клятву (букв. ‘хорошо поклявшемуся’), да будет мне многое и доброе, а если нет, — то противоположное’. Возможно и усиление, такое как в Милетской клятве καί μοι ϵὐορκοῦντι μὲν ϵὖ ϵἴη, ϵἰ δ' ἐφιορκοίην, ἐξώλης ϵἴην καὶ αὐτὸς καὶ τἀμά ‘и мне хорошо поклявшемуся да будет благо, а если я не сдержу клятву, да будет гибель и мне самому, и тем, кто вместе со мной’.

Один только раз в клятве гортинцев на Крите сказано: ϵἰ δ' ἐπιορκίοιμεν, μή[τε ἁμῖν γᾶν μήτε δένδρεα καρπὸς φέρεν μ]ήτε γυναῖκας τίκτεν κατὰ φ[ύσιν τῶι τε πολέμωι νικῶσθαι καὶ κα]κίστωι ὀλέθρωι ἐξόλλυσ[θαι αὐτοί τε καὶ - - - ‘а если мы не сдержим клятву (букв. обклянемся), то чтобы ни земля, ни деревья не несли плодов, ни чтобы жены не рожали по природе и чтобы быть нам побежденными в войне и сгинуть (букв. сгубиться) наихудшей гибелью — нам самим и ⟨…⟩’[4].

Здесь же употребление форм оптатива и отрицания μή говорит в пользу выражения пожелания или воли [Chantraine 1953: 213].

Подобные клятвы совершенно идентичны по содержанию[5], сохраняют единство и на уровне выражения противопоставлений

[4] Значительная часть восстановлений соответствует тому, что читается в клятве партнеров гортинцев несколькими строками ниже. Эта манера проклятия встречается и в других культурах, ср. завершение новофригийской надгробной надписи βϵκος με βϵρϵτ ‘чтобы (земля) не давала хлеба’ тому, кто разрушит надгробие [Нерознак 1978: 121, 140].

[5] Начинается клятва с перечисления божеств, включая и тех, которые нигде за пределами данного ареала не засвидетельствованы и никогда не входили в число олимпийских. Так, на том же Крите этот список выглядит так: ὀμνύω τὰν Ἱστίαν καὶ Τῆνα Κρηταγενέα καὶ Τῆνα] [Ταλλαῖον κ]αὶ Τῆνα Βιδάταν καὶ Τῆνα [Μοννίτιον καὶ τὰν Ἥραν καὶ Ἀθαναίαν Πολιάδα καὶ Ἀπέλλω]να Πύτ[ι]ον καὶ Λατὼν καὶ [Ἄ]ρ[τεμιν καὶ Ἄρια καὶ τὰν Ἀφροδίταν καὶ Ἑρμᾶν καὶ] [Ἄλιον? κ]αὶ Βρ[ιτ]όμαρτιν καὶ τὸς ἄ[λλος θιὸς πάντας καὶ πάσας ‘Клянусь Гестией и Зевсом, рожденным на Крите, и Зевсом Талайским, и Зевсом Видатом и Зевсом Моннитием, и Герой, Афиной Полиадой, Аполлоном Пифийским, Латоной, Артемидой, Ареем и Афродитой, Гермесом и Гелиосом, и Бритомартидой и всеми другими богами и богинями’. В Милете список богов, напротив, завершает клятву, а не открывает ее νὴ τὸ[ν] Ἀπόλλωνα τὸν Διδυμέ<α> καὶ τὴν Ἑστίαν τὴν Βουλαίαν καὶ τὸν Δία καὶ τὴν Ἀθηνᾶν καὶ τοὺς

форм εὐορκοῦντι vs. ἐφιορκοῦντι (‘а если я сдержу / не сдержу клятву’), но в отличие от defixionum tabellae, разобранных на уровне синтагм и устойчивых выражений в книге Е. Г. Кагарова [Кагаров 1918], структура этих текстов подробно никем не разбиралась. Вообще эпиграфические клише древнегреческих надписей подробнее всего рассматривались в первом издании [Larfeld 1892: 357–624] пособия по греческой эпиграфике В. Ларфельда, но позднее это направление исследований не получило достойного продолжения.

Общая тенденция изменения в рамках греческого языка с учетом индивидуального развития по греческим диалектам была сформулирована уже давно К. Д. Баком: «Оптатив в условных предложениях сохраняется во многих диалектах, хотя, за исключением элейского, он намного менее частотен, чем конъюнктив»[6]. При этом значение формы конъюнктива далеко не везде можно отличить от значения оптатива, а в самом представительном диалектном тексте — в гортинском законодательстве — согласно подсчетам Бака на 50 оптативных форм в условных предложениях приходится 80 конъюнктивных. Отдельно Бак указывает на случаи, когда употребление форм конъюнктива и оптатива показывает их семантическую идентичность, ср. напр., в таких дельфийских примерах на условные придаточные предложения, где в пределах одной фразы без разбора употреблены формы оптатива и конъюнктива:

> εἰ δέ κα μὴ ποιῆ ἢ μὴ παραμένοιvs. εἰ δὲ μὴ ποιέοι ἢ μὴ παραμένη. В обоих случаях значение ‘а если не будет делать (как велено) и не останется (на службе) ⟨…⟩’.

ἄλλους θεούς ‘Клянусь Дидимским Аполлоном и Булейской Гестией и Зевсом и Афиной и другими богами’. Завершение клятвы судей: οὕτως τοὶ τ[ῶ] Ἀπόλλωνος τοῦ Π[υ]θίου καὶ τᾶς Λατῶς καὶ τᾶς Ἀρτάμι[τος ὑπίσχομαι, καὶ εὐορκέοντι μέμ μοι πολ]λὰ [καὶ] τἀγαθά, αἰ δ' ἐφιορκέοιμι, τὰ κακὰ ἀντὶ τῶν ἀγαθῶν ‘Вот таким образом обращаюсь к Аполлону Пифийскому, к Латоне и Артемиде, и мне хорошо поклявшемуся да будет благо, а если я не сдержу клятву, пусть будет плохое вместо хорошего’.

[6] «The optative in conditional clauses survives in several dialects, although, except in Elean, it is much less frequent than the subjonctive, and indeed is is almost wholly eliminated in favor of the subjunctive in Attic-Ionic inscriptions, and in majority of dialects» [Buck 1955: 138].

В гортинском тексте наблюдается примерно то же (IX 18 opt. = VI, 25 conj.):

> IX, 18 αἰ δ᾽ ὁ ἀντίμ̄ολος ἀπομ[̄ολ]ίοι ἀ[νπ]ὶ τὸ κρέος ἕι κ᾽ ἀνπίμ̄ολίο̄ντι
>
> VI, 25 αἰ δέ κ᾽ ὁ ἀντίμ̄ολος ἀπομ̄ολῆι ἀνπὶ τὸ κρέος ἕι κ᾽ ἀνπίμ̄ολίο̄ντι
>
> В обоих случаях значение ‘а если ответчик будет оспаривать (в суде решение) по поводу имущества ⟨…⟩’.

Вопрос, какое значение наклонений, союзов и частиц является для греческого диалектного синтаксиса первоначальным, ставился неоднократно, причем отмечалось, что частицы и условные союзы изначально не имели связи с условием[7]. Наблюдая картину развития условных предложений по греческим диалектам, К. Бак считал, что в них по большей части наблюдается элиминация оптатива с заменой его конъюнктивными конструкциями, и только элейский диалект в полной мере сохраняет древнее противопоставление конъюнктива и оптатива. Микенские тексты, представленные только хозяйственными записями, по понятным причинам не содержат модальных форм, а гомеровские данные, напротив, многочисленны и во многом противоречивы, как показывает специальное исследование И. А. Перельмутера [Перельмутер 1998: 245], предложившего дихотомию, которую он обозначил терминами *условная конструкция «воображаемой ситуации»* и *условная конструкция «возможной ситуации»* в рамках которых он рассматривает все примеры без исключения, в то же время замечая, что одним из путей возникновения условной конструкции могло быть ее развитие из двух самостоятельных предложений[8].

[7] Так, П. Шантрен отмечал, что союз εἰ у Гомера мог употребляться как частица с императивом, а не только с оптативом, выражающим пожелание (ср. [Chantraine 1953: 214]). Собственно, как в грамматиках [Schwyzer, Debrunner 1950: 557, 683], так и в словарях [LSJ] эта идея представлена как развитие от междометия (в обращении) к усилительной частице (в пожелании) и далее к союзу, вводящему условные предложения, и к частице, вводящей косвенный вопрос [Chantraine 1968: 316]. При этом этимология остается непроясненной, так же, как и для частицы ἀν.

[8] «У Гомера нередко встречаются два следующих одно за другим предложения, которые можно рассматривать как формально самостоя-

Представляется важным рассмотреть на материале по возможности широкого круга древнегреческих диалектных текстов, каким образом шло развитие условных конструкций в засвидетельствованных диалектах древнегреческого языка.

В нашем распоряжении имеется достаточно длинный список древнегреческих текстов, в которых предусмотрительный законодатель определяет возможные жизненные случаи, сопровождая каждый из них рекомендациями к действию. Иногда выстраиваются достаточно длинные цепочки, но иногда в тексте упоминается только один отдельно взятый случай. Предложенный еще полвека тому назад Вальтером Николаи термин «Katalogform und Kasuistik» для случаев употребления в греческих текстах выражений εἰ γάρ τις и ὅς τε[9], как кажется, удачно выделяет особый тип условного предложения, в котором нет ни ирреализа, ни потенциализа, а есть с одной стороны надежда на то, что названное не случится (все предупреждены, что такое случаться не должно), и указание на последствия, если все-таки предусмотренное данным постановлением или законом случилось.

В качестве примера Николаи использовал стих 280 «Трудов и дней» Гесиода:

ἀνθρώποισι δ' ἔδωκε δίκην, ἣ πολλὸν ἀρίστη
γίνεται· **εἰ γάρ τίς** κ' ἐθέλῃ τὰ δίκαι' ἀγορεῦσαι 280
γινώσκων, τῷ μέν τ' ὄλβον διδοῖ εὐρύοπα Ζεύς·
ὅς δέ κε μαρτυρίῃσιν ἑκὼν ἐπίορκον ὀμόσσας
ψεύσεται, ἐν δὲ δίκην βλάψας νήκεστον ἀασθῇ,

тельные, но которые связаны между собой по смыслу таким образом, что их совокупность можно было бы интерпретировать и как целостную условную конструкцию. Первое из таких предложений выражает желание, в качестве глагольного предиката в нем выступает форма оптатива в значении optativus cupitivus. Второе предложение обозначает ту ситуацию, которая могла бы явиться следствием исполнения этого желания; во втором предложении используется форма оптатива в значении optativus potentialis в сочетании с модальной частицей» [Перельмутер 1998: 253].

[9] «Katalogform und Kasuistik (εἰ γάρ τις 321; ὅς τε 327 ff.) sind wohl wirklichen Gesetzesaufzeichnungen nachgebildet» [Nicolai 1964: 77] со ссылкой на различные виды законов, включая Законы Хаммурапи, хеттские законы и древнегреческое (критское) Гортинское законодательство).

τοῦ δέ τ' ἀμαυροτέρη γενεὴ μετόπισθε λέλειπται·
ἀνδρὸς δ' εὐόρκου γενεὴ μετόπισθεν ἀμείνων.
'Людям же правду Кронид даровал — высочайшее благо.
Если кто, истину зная, правдиво дает показанья —
Счастье тому посылает Кронион широкоглядящий.
Кто ж в показаньях с намереньем лжет и неправо клянется,
Тот, справедливость разя, самого себя ранит жестоко.
Жалким, ничтожным у мужа такого бывает потомство;
А доброклятвенный муж и потомков оставит хороших'.
(Перевод В. В. Вересаева)

В отличие от многих других грамматических конструкций в древнегреческом языке, описанный вид условной конструкции доступен нам не только в виде дошедших текстов на аттическом[10], ионийском или дорийском диалектах, но и практически повсеместно представлен в надписях — на самых разных диалектах и на протяжении достаточно длительного времени.

Изучение диалектного синтаксиса представляет собой по-прежнему важную задачу, несмотря на то, что имеются давние традиции его изучения, в том числе и в России. Для русских диалектов можно назвать многочисленные труды начиная с XX в. (см., например, [Шахматов 2010]) и несколько школ грамматического описания синтаксических особенностей русских народных говоров, включая учеников проф. Б. А. Ларина[11], научного руководителя Виктора Самуиловича Храковского в его аспирантские годы. Тем не менее, представление о ярких диалектных отличиях синтаксических структур порой бывает несколько преувеличено,

[10] Уже в законах Дракона обнаруживается такая конструкция (ср. IG 13, 1–2. 104, 11 καὶ ἐὰμ μὲ 'κ ἐκ [π]ρονοί[α]ς [κ]π[έ]νει τίς τινα, φεύγ[ε]ιν 'а если кто убьет кого без умысла, подвергнуть изгнанию'), что находит параллель в цитируемом Демосфеном законе (Demosth. In Aristocrat. 22, 3–6) из числа законов об убийстве, подлежащих ведению Ареопага (ΝΟΜΟΣ ΕΚ ΤΩΝ ΦΟΝΙΚΩΝ ΝΟΜΩΝ ΤΩΝ ΕΞ ΑΡΕΙΟΥ ΠΑΓΟΥ): Δικάζειν δὲ τὴν βουλὴν τὴν ἐν Ἀρείῳ πάγῳ φόνου καὶ τραύματος ἐκ προνοίας καὶ πυρκαϊᾶς καὶ φαρμάκων, ἐάν τις ἀποκτείνῃ δούς 'Чтобы Совет на Ареопаге судил об убийстве и о членовредительстве по умыслу, а также о поджоге и отравлении, если кто убьет, дав (яд)'. Эти тексты сопоставлены уже в статье [Miller 1905: 1652]; см. также [Threatte 1996].

[11] См., например: [Трубинский 1984]; сам Б. А. Ларин [Ларин 1963] разбирал синтаксическую конструкцию типа *земля пахать*.

особенно имея в виду, что далеко не всегда возможно отграничить факты, относящиеся к диалекту, от просторечия. При этом следует иметь в виду, что каждый из диалектов формировался в условиях многочисленых разновременных контактов и во взаимодействии с эталонными текстами (для западноевропейских языков таким эталоном оставалась латынь, для большинства восточноевропейских — греческий и для ряда славянских языков, объединенных единой традицией, — старославянский).

Классификация диалектов остается трудным вопросом даже для живого языка. Для древнегреческого материала уже Геродот, а вслед за ним и александрийские филологи выделяли четыре группы диалектов — ионийско-аттический, эолийский, дорийский (см.: [Фрейденберг (ред.) 1936]). В XIX в. удалось к ним добавить также аркадо-кипрскую группу, родственную, как обнаружилось после дешифровки линейного письма В Майклом Вентрисом в 1952 г., по целому ряду признаков древнегреческому языку II тыс. до н. э. — языку крито-микенских надписей [Ruijgh 1957]. В отдельную группу были выделены и северно-греческие диалекты, близкие по многим лингвистическим параметрам к дорийской группе. Как можно видеть (см. Таблицу 1), это деление может быть описано в немногих противопоставлениях.

Так, на смену громоздким, но более детальным описаниям греческих диалектов, хорошо известным в России благодаря начальным главам книги И. М. Тронского «Вопросы языкового развития в античном обществе» [Тронский 1973][12], пришла краткая схема [Ruijgh 1996: 228; Bartoněk 1991; Petit 2007: 34], включающая лишь три показателя: 1) наличие ассибиляции; 2) развитие слогового сонанта *-r̥- в середине слова и 3) развитие интервокальной группы *-sm-. Этих трех особенностей достаточно, чтобы доказать наличие четырехчастного деления древнегреческих диалектов:

Таблица 1

Диалекты	ассибиляция	развитие *-r̥-	развитие *-sm-
Прото-ионийский	φησι	*k^{w}ετρα-	εἰμι
Прото-ахейский	φᾶσι	*k^{w}ετρο-	ἦμι
Прото-эолийский	φᾶτι	*k^{w}ετρο-	ἔμμι
Прото-дорийский	φᾶτι	k^{w}ετρα-	ἦμι

[12] Более современный обзор положения дел в греческой диалектологии см. в книге Р. Шмитта [Schmitt 2001].

Разумеется, то, с чем мы имеем дело, — диалекты письменные, обладающие своей особой и уже до определенной степени установившейся нормой письменной речи полиса (города-государства). Поэтому приходится признать, что самих диалектов древнегреческого языка мы не знаем и можем только предполагать, что их было не менее 90[13].

Следы взаимного влияния диалектов при становлении письменной нормы полиса обнаруживаются в первую очередь в использовании знаков местных алфавитов, распространение которых не совпадает с диалектными границами. Самым грубым образом архаические алфавиты объединяются в две группы — западную и восточную, хотя многие местные алфавиты имеют свои особенности начертания [Schmitt 2001; Jeffery 1961; Παναγιώτου 2001].

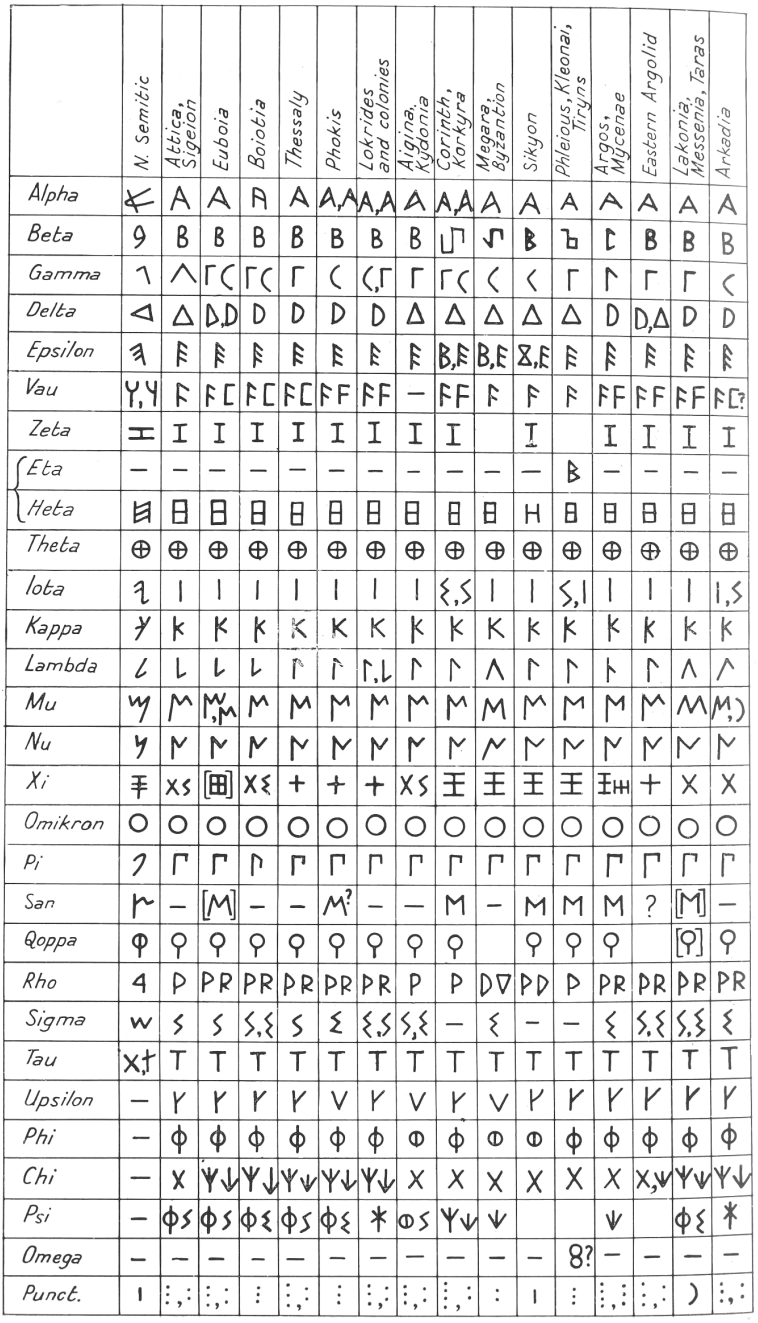
При этом следует учесть не только форму отдельных знаков, таких, например, как лунарная *гамма* в противовес обычной угловой в ряде архаических диалектов, но и обозначение фонемы /k^h/ то с помощью отдельного знака χ или ψ, то с помощью диграфа ΚΗ.

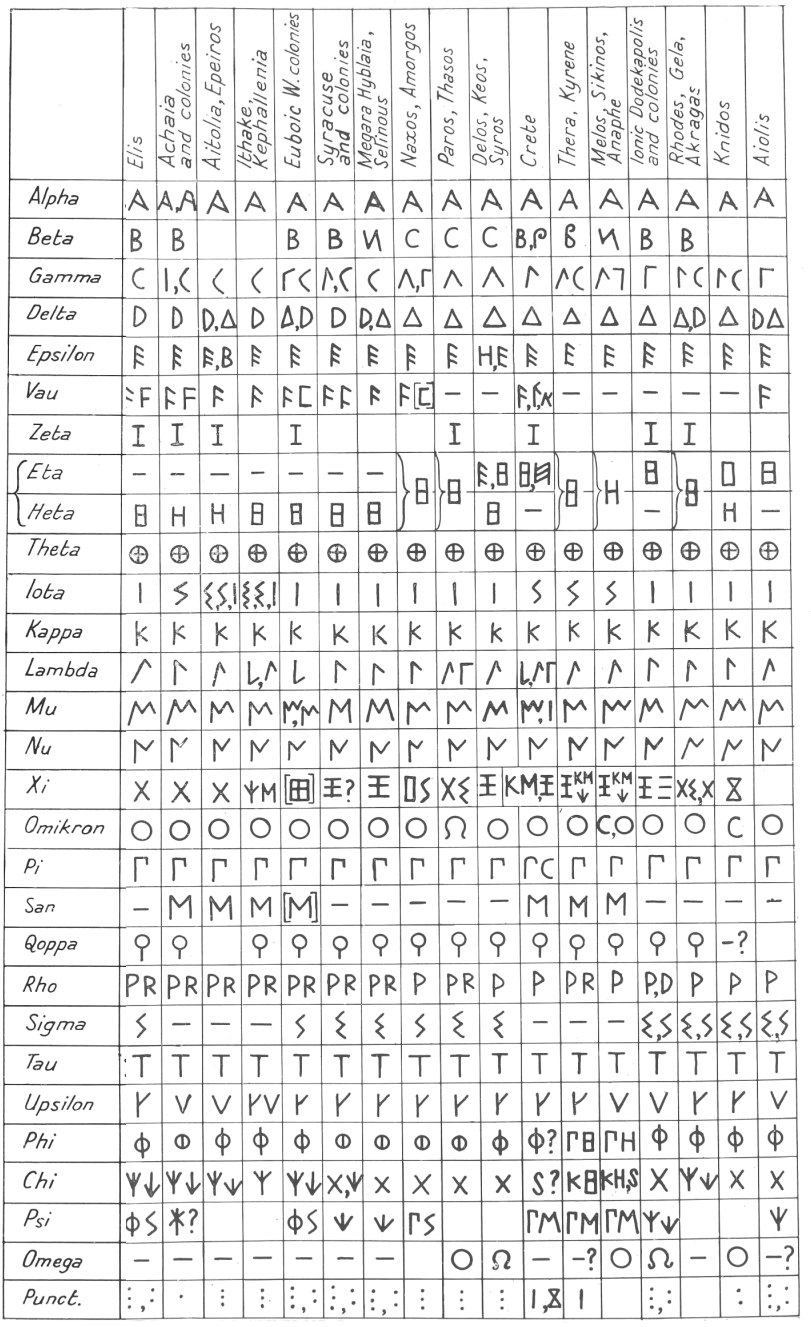
Использование графических вариантов и комбинаций графем можно достаточно легко противопоставить на основе Таблицы 2 на следующем развороте, в которой учтены архаические написания (по [Jeffery 1961]). Границы между диалектами и распространение вариантов написаний очень часто не совпадают, показывая культурное единство и единство социальных установлений, которые не могли не оказать влияние на выработку, в том числе, и языковой нормы, принятой в том или ином городе-государстве.

Помимо особенностей начертания букв, показательны стандартные формулы юридических текстов, в которых встречаются свои способы передачи одного содержания с помощью нескольких устойчивых и присущих каждому из диалектов клише. Любопытно, что по содержанию и даже по своей внутренней форме они почти идентичны, однако выражение мысли может внешне отличаться. Так, начальные строки постановления бывают двух видов:

[13] «В пособиях по греческой диалектологии насчитывается свыше тридцати диалектов и поддиалектов, однако это число, несомненно, гораздо меньше их действительного количества» [Тронский 1973: 9]. Можно предполагать, что до нас дошло не более 1/3 прямых свидетельств.

Таблица 2


N. Semitic
Attica, Sigeion
Euboia
Boiotia
Thessaly
Phokis
Lokrides and colonies
Aigina, Kydonia
Corinth, Korkyra
Megara, Byzantion
Sikyon
Phleious, Kleonai, Tiryns
Argos, Mykenae
Eastern Argolid
Lakonia, Messenia, Taras
Arkadia
Alpha
Beta
Gamma
Delta
Epsilon
Vau
Zeta
Eta
Heta
Theta
Iota
Kappa
Lambda
Mu
Nu
Xi
Omikron
Pi
San
Qoppa
Rho
Sigma
Tau
Upsilon
Phi
Chi
Psi
Omega
Punct.


Elis
Achaia and colonies
Aitolia, Epeiros
Ithake, Kephallenia
Euboic W. colonies
Syracuse and colonies
Megara Hyblaia, Selinous
Naxos, Amorgos
Paros, Thasos
Delos, Keos, Syros
Crete
Thera, Kyrene
Melos, Sikinos, Anaphe
Ionic Dodekapolis and colonies
Rhodes, Gela, Akragas
Knidos
Aiolis
Alpha
Beta
Gamma
Delta
Epsilon
Vau
Zeta
Eta
Heta
Theta
Iota
Kappa
Lambda
Mu
Nu
Xi
Omikron
Pi
San
Qoppa
Rho
Sigma
Tau
Upsilon
Phi
Chi
Psi
Omega
Punct.

букв. ‘Вот как понравилось городу’ (ἅδ᾽ ἔϝαδε πόλι)[14] vs. ‘Вот как показалось народу и совету’ (ἔδοκε τῶι δήμωι καὶ τῆι βουλῆι ...)[15]. Оба высказывания передают один смысл: ‘Совет и народ постановили’.

Любопытно с этой точки зрения пересмотреть юридические формулы по диалектам (см. Таблицу 3). Преимущество состоит в том, что недостатка в материале для всех диалектов фактически нет.

Таблица 3

аттический	ἤν ἐάν		(ἄν)	τις τις			
ионийский	αι		κέ				
аркадский	εἰκ		(κέ)	τις	ἐπὶ δῶμα πῦρ	ἐποίσε[16]	
кипрский	ἦ		κέ	τις	Ονασίλον ...	ἐξορύξη[17]	
лесбосский	αἰ αἴ	δέ	κέ κέ	τις τις	δίκαν παρὰ ταῦτα	γράφηται[18] ἁλισκηται[19]	498, 7
гомеровский	αἰ		κέν	τι φόως	Δαναοῖσι	γένηαι	Λ 797
фессалийский	αἰ	μά	κέ	κις		κατασπάσει	1229,27
	αι		κέ				
этолийский	εἰ	δέ		τις κα		ἄγη ἢ ῥυσιάξη ἢ ἀποβιάζαιτο ἢ διεγγυάση	D3 306, 11
	εἰ		κα	τις	αὐτὸν	ἀδικῆι[20]	
беотийский	ἠ ἦ	δέ	κα τις	τις κα		κατιστάει βείλειτη	Редко обычн.
дорийский	αι		κέ	τὸν Ϝασστὸν κις		Ϝαλίσκε͂ται[21]	1226, 2
памфилийский [Brixhe 1976: 130]	НО		КА				

[14] В критских надписях, ср. Buck № 116.

[15] В большей части греческих далектов, включая аттический и ионийский.

[16] ‘Если подле храма кто-то устроит огонь’.

[17] ‘Если же кто-то Онасила изгонит’.

[18] ‘А если кто-то напишет закон’.

[19] ‘А если кто-то вопреки этому захватит’.

[20] ‘Если кто-то его обидит’.

[21] ‘Если кто-то из граждан будет захвачен’.

Конъюнктив может встречаться в относительном предложении и без частицы κϵ как в лесбосском, так и в кипрском, ионийском и западно-греческих диалектах [Bechtel 1921: 113, § 184]:

κῆν᾽ ὄττω τις ἔραται Sapph. OP X 22 Fr 1 Col. I, 14[22]

τοῖς ἀγώνεσσι οἵπερ ἀ πόλις συντελέη M III 152 a, 12[23]

Как можно видеть, структуры этих высказываний в пределах одного языка близки, иногда даже идентичны, но описание этого внутреннего единства при выстраивании единой линии с точки зрения исторического развития языковых форм наталкивается на значительные трудности. Может быть нигде с такой ясностью не видна произвольность языкового знака как в приведенных примерах, где общее выражение грамматического значения (грамматического инварианта) сохраняется, при значительном разнообразии форм, выражающих это значение.

Грамматика языка и лексика существуют в постоянном взаимодействии, а грамматическое и лексическое значения могут практически дублировать друг друга. Так, в языках, где представлен пермиссив, он вполне уживается с лексическим значением глагола «позволять» (фр. *c'est permis*/*il n'est pas permis de faire qu. chose* Vs. *ne le laissez pas faire*/*laissez le faire* etc.) [Казанский 2003: 19–34].

Таким образом, на структурном уровне имеется инвариант, который можно записать с помощью формулы Conjunctio + (Copula) + Conjunctivus/Optativus. При этом в плане выражения мы сталкиваемся с набором различных союзов и частиц, которые свести к единым праформам невозможно (в ряде диалектов к тому же частицы могут отсутствовать — примеры приводятся в [Bechtel 1921: 113]).

Так, аттический условный союз ϵἰ невозможно возвести к единой праформе с союзом αἰ, даже при том, что вторая часть дифтонга совпадает. Реконструкция тембра гласного /e/, которая подтверждается кипрской формой ᾐ с долгой ступенью гласного, также препятствует общегреческой реконструкции, включающей форму αἰ.

Точно так же аттическая частица ἀν не может быть возведена к одной праформе с частицей κϵ, хотя такого рода попытки

[22] 'Если кого любой полюбит'.

[23] '⟨…⟩ в соревнованиях, если в них принимает участие город'.

предпринимались. В частности, попытались связать воедино κεν, κα, возводя κα к праформе *kn̥, однако и здесь совпадение ограничивается только конечным слоговым сонантом при различной огласовке самой частицы. Отсутствие форм с конечным *-n* в формах подобных κε препятствует общегреческой реконструкции на формальном уровне.

Сложнее обстоит дело с вариантностью форм конъюнктива и оптатива, поскольку здесь особенным образом проявляются свойства древнегреческой глагольной системы. Как известно, нигде в древних индоевропейских языках нет форм конъюнктива будущего времени (поскольку формы индикатива будущего времени, как правило, восходят к формам конъюнктива). Оптатив будущего времени также употреблялся не на всем протяжении истории греческого языка: эти формы появляются лишь ненадолго и только у пуристов в аттическом диалекте V в. до н. э. [Меликова-Толстая 1952: 219–246]. Тем самым, при вариантности форм конъюнктива и оптатива в зависимости от диалекта, наблюдается сохранение внутреннего единства и особенностей, свойственных единому греческому языку, т. е. мы имеем дело с одной конструкцией, стилистически оформленной по-разному, но и по содержанию, и по структуре, и даже метрически полностью совпадающей. Вполне правдоподобно, что общий способ оформления отражает, в конечном счете, единую фразовую интонацию. Не исключено (хотя это объяснение строится на недоступном непосредственному наблюдению материале), что, по крайней мере, на уровне фразовой интонации, в предложениях этого типа не было существенных различий по диалектам[24]. Те различия, которые прослеживаются достаточно легко, сводятся к последовательности атонных элементов в начале фразы, где безударные элементы (подобно греческой частице δέ) стараются занять вторую позицию в предложении. Сложнее определить и преференции в постановке безударной формы неопределенного местоимения до или после частицы, которая в ряде случаев может опускаться.

Таким образом, интонация предложения и семантика сложной грамматической формы, конституирующей предложение, —

[24] Из основных работ см.: [Fraenkel 1933: 319–354; Fraenkel 1966: 65–68; Horrocks 1990: 35–52; Janse 2000: 231–258; Παναγιώτου 2001: 299–307].

вот та основа, на которую мы можем ориентироваться при интерпретации синтаксической конструкции. Речь не идет здесь, безусловно, об инварианте как таковом, поскольку в самой синтаксической структуре древнегреческого языка, обладающего свободным порядком слов, заложена определенная вариативность. Тем не менее, жестко организованная последовательность трех языковых знаков, передающая единое содержание, отражает важное внутреннее единство, несмотря на то, что от диалекта к диалекту сами знаки могут отличаться по форме (и, вероятно, по происхождению). Последовательность может быть восстановлена в качестве инварианта Coniunctio (условн.) — Copula — Pronomen indef. — Vb (conj., opt.), но при несводимых диалектных вариантах условных союзов (αἰ, εἰ, ἢ, ἤν = ἐάν) и частиц (ἄν, κα, κέ, κέν).

Любопытно, что возможно фактически поморфемное на уровне частиц переложение текста с одного диалекта на другой с сохранением общего смысла, то есть не только семантический инвариант неизменен, и даже его выражение сохраняет единство структуры при сильном различии в форме его отдельных частей.

Литература

Кагаров 1918 — Е. Г. Кагаров. Греческие таблички с проклятиями. Харьков: Типо-литография Г. П. Радовильского, 1918.

Казанский 2003 — Н. Н. Казанский. Пермиссив в древнегреческом языке // И. А. Седакова, Т. В. Цивьян (ред.). Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М.: Индрик, 2003. С. 19–34.

Ларин 1963 — Б. А. Ларин. Об одной славяно-балто-финской изглоссе // Вопросы литовского языкознания 6, 1963. С. 87–107.

Меликова-Толстая 1952 — С. В. Меликова-Толстая. Будущее время в греческом языке // Ученые записки ЛГУ 156, 1952. С. 219–246.

Нерознак 1978 — В. П. Нерознак. Палеобалканские языки. М.: Наука, 1978.

Перельмутер 1998 — И. А. Перельмутер. Условные конструкции в древнегреческом языке (язык Гомера) // В. С. Храковский (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 226–256.

Соболевский 1948 — С. И. Соболевский. Древнегреческий язык. Учебник для высших учебных заведений. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948.

Тронский 1973 — И. М. Тронский. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л.: Наука, 1973.

Трубинский 1984 — В. И. Трубинский. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: ЛГУ, 1984.

Фрейденберг (ред.) 1936 — О. М. Фрейденберг (ред.). Античные теории языка и стиля. М. — Л.: Соцэкгиз, 1936.

Шахматов 2010 — А. А. Шахматов. Русская диалектология: лекции / под ред. Б. А. Ларина. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010.

Παναγιώτου 2001 — Α. Παναγιώτου. ᾽Ιωνική και ἀττική // Α.-Φ. Χριστίδης. (ἐπιστ. ἐπιμ.). ῾Ιστορία της ῾Ελληνικής γλώσσας. ᾽Από της ἀρχές έως την ύστερη ἀρχαιότητα. Θεσσαλονίκη: Κέντρο῾ Ελληνικής Γλώσσας & ᾽Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών [῾Ιδρυμσα Μανόλη Τριανταφυλλίδη], 2001. Σ. 299–307.

Bartoněk 1991 — A. Bartoněk. Grundzüge der altgriechischen mundartlichen Frühgeschichte [Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft 50]. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1991.

Bechtel 1921 — Fr. Bechtel. Die griechischen Dialekte. Bd. 1. Berlin: Weidmannische Buchhandlung, 1921.

Bornemann, Risch 1978 — E. Bornemann, E. Risch. Griechische Grammatik. 2. Aufl. Frankfurt am Main — Berlin — München: Verlag Moritz Diesterweg, 1978.

Brixhe 1976 — Cl. Brixhe. Le dialecte grec de Pamphylie. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1976.

Buck 1955 — C. D. Buck. The Greek Dialects. Grammar. Selected Inscriptions. Glossary. Chicago: University of Chicago Press, 1955.

Chantraine 1953 — P. Chantraine. Grammaire Homérique. T. II. Syntaxe. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1953.

Chantraine 1968 — P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1968.

Fraenkel 1933 — E. Fraenkel. Kolon und Satz: Beobachtugen zur Gliederung des antiken Satzes II // Nachrichten der Göttinger Gesellschaft der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse. Fachgruppe 1, 19, 1933. S. 319–354.

Fraenkel 1966 — E. Fraenkel. Zur ‘Wackernagelschen’ Stellung von ἡμῖν, ὑμῖν, nobis, vobis // Museum Helveticum 23, 1, 1966. S. 65–68.

Horrocks 1990 — G. C. Horrocks. Clitics in Greek: a Diachronic Review // M. Roussou, S. Panteli (eds.). Greek outside Greece. Vol. 2. Athens: Diaspora books, 1990. P. 35–52.

Janse 2000 — M. Janse. Convergence and Divergence in the Development of the Greek and Latin Clitic Pronouns // R. Sornicola, E. Poppe, A. Shisha Ha-Levy (eds.). Stability and Change of Word-Order Patterns over Time. Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 231–258.

Jeffery 1961 — L. H. Jeffery. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford: Clarendon, 1961.

Kühner, Gerth 1898–1904 — R. Kühner, B. Gerth. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Satzlehre. 3. Aufl. Hannover, 1898–1904.

Larfeld 1892 — W. Larfeld. Griechische Epigraphik // Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft in systematischer Darstellung. Einleitende und Hilfs-Disziplinen. 2. Aufl. München: Beck, 1892. S. 357–624.

LSJ — A Greek-English Lexicon. Ninth Edition with Revised Supplement / H. G. Liddell, R. Scott. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones, with the assistance of Roderick McKenzie, and with the co-operation of many scholars. Supplement edited by P. G. W. Glare. Oxford: Clarendon Press, 1996.

Meier-Brügger 1992 — M. Meier-Brügger. Griechische Sprachwissenschaft. Bd. I. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 1992.

Miller 1905 — J. Miller. Drakon // G. Wissova (Hrsg.). Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. V. Stuttgart: J. B. Metzlerscher Verlag, 1905. Sp. 1648–1662.

Nicolai 1964 — W. Nicolai. Hesiods Erga. Beobachtungen zur Aufbau. Heidelberg: C. Winter Universitaetsverlag, 1964.

Petit 2007 — D. Petit. Archaïsme et innovation dans les langues indo-européennes // Mémoires de la Société de linguistique de Paris XV. NS. 2007. P. 34.

Rijkbaron 2002 — A. Rijkbaron. The Syntax of the Verb in Classical Greek. An Introduction. 3rd ed. Chicago — London: University of Chicago, 2002.

Ruijgh 1957 — C. J. Ruijgh. L'élement achéen dans langue épique. Assen: van Gorcum, 1957.

Ruijgh 1996 — C. J. Ruijgh. Scripta minora ad linguam graecam pertinentia / Ed. A. Rijksbaron, F. M. J. Waanders. Amsterdam: Gieban, 1996.

Schmitt 2001 — R. Schmitt. Einführung in die griechischen Dialekte. 2. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001.

Schwyzer, Debrunner 1950 — E. Schwyzer, A. Debrunner. Griechische Grammatik. Bd. II. München: Beck, 1950.

Threatte 1996 — L. Threatte. The Grammar of Attic Inscriptions. Vol. II. Morphology. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 1996.

Wakker 1994 — G. C. Wakker. Conditions and Conditionals. An Investigation of Ancient Greek. Amsterdam: Gieben, 1994.

В. Б. Касевич

СПбГУ, Санкт-Петербург

ЭЛЛИПСИС И *PRO-DROP*

Термин *pro-drop* был введен, как известно, Н. Хомским в работе, которая заложила основы так называемой Теории управления и связывания (Government and Binding Theory, см. [Chomsky 1981] и др.). В названной теории *pro* («малое *pro*») — это одна из четырех «пустых категорий» (empty categories) наряду со «следом (wh-trace)», который остается при перемещении вопросительного слова в другую позицию (обычно начальную для образования вопросительных структур), «именным следом (NP-trace)», отмечающим позицию, с которой уходит имя при применении трансформации α-перемещения, и, наконец, «большим PRO».

Все пустые категории объединяет их поверхностная невыраженность. Различаются они прежде всего по двум двузначным признакам: «±прономинальность» и «± анафоричность» При этом малое *pro* характеризуется положительным значением первого из указанных признаков и отрицательным — второго. Важнейшим отличием малого *pro* от большого выступает возможность восстановить опущенный элемент, т. е. заменить *pro* на соответствующий материально выраженный элемент, что невозможно в случае большого *PRO*[1]. Нас будет интересовать малое *pro* и класс языков, которые стало традиционным называть в англоязычной литературе «*pro-drop* languages» в противопоставление «*non-pro-drop* languages». Выделение указанного класса языков, к которым причисляют и русский, породило в литературе оживленную дискуссию, которая, впрочем, в последнее время утихла. Но едва ли потому, что проблема решена. В действительности она даже не сформулирована достаточно эксплицитно.

---

[1] Типичный пример на употребление большого *PRO* — англ. *John is eager to please*: считается, что в данном примере опущен субъект при please, который не поддается восстановлению. Оставляем в стороне как то обстоятельство, что «субъект» в таком высказывании не является (потенциальным) подлежащим, так и то, что устранению подлежит отнюдь не местоимение, а существительное (имя собственное) *John*.

Не вполне ясно уже то, что представляет собой опускаемый элемент, устранение которого из поверхностной записи порождает малое *pro*. Достаточно часто класс опускаемых единиц суживают до личных местоимений и, далее, до личных местоимений 1 л. — наконец, до личных местоимений первого лица единственного числа, выступающих в предложении в функции подлежащего. В этом последнем случае прототипическим примером служат высказывания наподобие *Завтра еду в Москву*, где опущено местоименное подлежащее *я*. С этой точки зрения, русский язык оказывается представителем *pro-drop* languages — в отличие от, например, английского, где такое опущение невозможно, ср. **Tomorrow am leaving for Moscow*[2].

В действительности ситуация гораздо более пестра, чем ее принято описывать. Из прямолинейного толкования «про-дропности» должно следовать, что высказывания *Завтра еду в Москву* и *Завтра я еду в Москву* выступают как **полные синонимы**. Однако с этой точки зрения такого рода материал, похоже, не рассматривался. Будучи рассмотрен в этом ракурсе, материал показывает, что при сохранном местоимении, естественно, шире возможности интонирования и, соответственно, возможности варьирования темарематической структуры, ср. *Завтра **я** еду в Москву* [*а не Петров*]. Иначе говоря, полной синонимичности как будто бы нет.

Кажется, в литературе абсолютно не затрагивался вопрос о том, как соотносится понятие *pro-drop* с традиционным понятием ***эллипсиса*** **—** хотя их родственность очевидна; наиболее общая трактовка эллипсиса состоит именно в том, что этот последний предполагает опущение того или иного языкового элемента при возможности его восстановления за счет контекстной избыточности.

Уже авторы первых откликов на теорию *pro-drop* пытались найти объяснение этому феномену в наличии/отсутствии в языке согласования; утверждалось, что в русском, итальянском, испанском языках информация о лице и числе первого актанта (подлежащего)

[2] В действительности определенные стили, прежде всего разговорный английский, ограниченно допускают опущение местоимения в английском языке, ср. *Wanna have a drink?* или *Doesn't make much sense*, но при обсуждении теории *pro-drop* материал этого рода обычно не учитывается.

передается дважды — формой глагола и выбором (реже формой) личного местоимения, в силу чего и возникает возможность опустить последнее. В противоположность этому, в английском или французском аналогичная избыточность не представлена, и, опуская подлежащее, мы безвозвратно утрачиваем важную грамматическую (да и лексическую) информацию.

Разумеется, оппоненты напомнили, что в китайском, японском, в значительном числе других языков согласование отсутствует полностью — при том, что феномен *pro-drop* представлен в гораздо большей степени, чем это наблюдается в английском или французском[3] (см. об этом, например: [Касевич 1996/2004]).

Еще одно обстоятельство (далеко выходящее за пределы исследования проблемы *pro-drop*) хотелось бы здесь упомянуть. Несмотря на достаточное в лингвистической среде понимание центральной роли диалога, звучащей речи, лингвисты традиционно отдают предпочтение письменным текстам, чаще всего художественным, в качестве материала исследования. Но выбор текстов (языкового материала, как называл тексты в этой функции Щерба) в очень большой степени предопределяет результаты исследования. В художественных письменных текстах несомненно преобладают глагольные формы **прошедшего** времени; если речь идет о русском языке, то глагол в прошедшем времени предполагает специфический тип согласования: по роду и числу, а не по лицу и числу. Из этого, в свою очередь, следует, что информация по лицу (очень важная) уже не выражается дважды — что не может не сказываться на уровне избыточности и, стало быть, на возможности опущения местоименного первого актанта (как, впрочем, и других актантов в той же позиции и функции). Действительно, если заменить в самом первом из наших примеров форму глагола, переведя ее в прошедшее время, то мы обнаружим, что опущение подлежащего *я* уже не столь «иррелевантно» для интерпретации данного высказывания, ср. *Вчера ехал в Москву*. Что̀ именно делает опущение менее приемлемым, в чем тонкие семантические различия между высказываниями, отличающимися временем глагола-сказуемого (помимо, естественно, утраты информации о лице

[3] Вообще говоря, уже Хомский упоминал о возможности опущения подлежащего в японском и некоторых других языках, лишенных согласования по лицу, но фактически оставлял эти факты без объяснения.

подлежащего) — это особая проблема, требующая особого же изучения. Но само по себе присутствие различий кажется достаточно очевидным.

Ряд источников ограничений на возможность опущения подлежащных местоимений с сохранением семантики высказывания связан с учетом синтаксических и тема-рематичеких аспектов.

Хотя нельзя утверждать, что текст не может начинаться с местоимения, опущение последнего в начале текста очевидным образом затруднено. Такая тенденция естественна: если мы имеем дело с анафорическим местоимением, то оно обычно предполагает антецедент, нормально присутствующий в предтексте; если же «изъятое» начальное местоимение — дейктическое[4], по крайней мере желательна его прагматическая «привязка» к ситуации речевого акта.

Естественно думать, что тенденция, действительная для начала текста, распространяется — скорее всего, в ослабленном варианте — и на начало абзаца.

Опущение (местоименного) актанта затрудняется также в последней клаузе, если клаузы содержат кореферентные местоименные актанты и последняя из них далеко расположена от той, что содержит соответствующий актант[5].

Очень плохо поддается опущению подлежащее, сказуемое при котором носит связочный характер. Например, в высказывании *Я новичок в этом деле* подлежащее *Я* в принципе опустить можно, ср. *Что с меня взять! Новичок в этом деле*. Однако, как показывают примеры, опущение предполагает наличие достаточно «сильного» восполняющего контекста. Как и в других случаях, местоименный характер подлежащего оказывается непринципиальным, ср. *Иванов новичок в этом деле*.

По-видимому, исключено опущение в том случае, когда местоименное подлежащее выступает в качестве **ремы** (и соответствующим образом интонируется), например: *Это сделал **я***. Здесь опущение местоименного подлежащего (как, впрочем, и любого

[4] Заметим здесь, что довольно часто встречающееся отождествление феномена *pro-drop* с нулевой анафорой очевидным образом некорректно — чаще всего это нулевой дейксис.

[5] Разумеется, необходимо уточнить, что значит «далеко расположена», но это требует особого эмпирического исследования.

другого актанта в той же функции и с теми же свойствами) не просто меняет смысл высказывания — в большинстве контекстов такое высказывание обессмысливается.

Какие предварительные выводы можно сделать из предпринятого выше обсуждения?

Первый, и наиболее общий, заключается в том, что *pro-drop* есть **частный случай эллипсиса**. Сущность эллипсиса, как уже отмечалось выше, заключается именно в том, что, в определенных контекстах, некая единица опускается, но опущение не влияет на возможность адекватной семантической интерпретации соответствующего высказывания, поскольку, с опорой на контекст, опущенная единица может быть восстановлена.

Особенность феномена *pro-drop*, как на то указывает термин, заключается в местоименной природе опускаемой единицы. Понятно, что когда в языке есть согласование подлежащего со сказуемым, то это «поощряет» опущение местоименного подлежащего, которое всегда может быть восстановлено на основе грамматической информации, передаваемой в глаголе-сказуемом, о чем уже говорилось выше. Если сказуемое согласуется не только с подлежащим, но и, скажем, с прямым дополнением, то, естественно, будет опускаться и это последнее[6].

Существительные (неместоименные имена) отчасти также охватываются (могут охватываться) этим процессом: хотя существительные не обладают категорией лица, они в определенном смысле принадлежат 3-му лицу, о чем свидетельствует возможность их замены местоимением *он* (*она*/*оно*/*они*), ср. [Уорф 1972]. Соответственно, возможность опущения имени существительного — равно как и его замены местоимением *он* (*она*/*оно*/*они*) — не гарантирует синонимичности. Например, в высказывании *Завтра едет в Москву* на фоне высказывания *Завтра Петров едет в Москву* сохраняется лишь информация о том, что X завтра едет в Москву, причем X не является ни говорящим, ни слушающим.

[6] Ситуаций, когда есть согласование сказуемого с дополнением, но нет такого же согласования с подлежащим, как будто бы не должно быть в силу немаркированности так называемого субъектного спряжения по отношению к объектному. При субъектно-объектном спряжении возникает проблема предпочтительности опущения подлежащего либо дополнения; нормально решение проблемы в пользу выбора подлежащего.

Как уже упоминалось, наличие согласования «поощряет» *pro-drop* того или иного типа, как и вообще эллипсис, но не делает соответствующее явление обязательным. И наоборот: наличие *pro-drop* не свидетельствует о присутствии согласования.

В тех случаях, когда налицо опущение без согласования, в игру вступает еще один важный фактор — культурологический: по возможности «убирают» *я* носители тех языков, которые обслуживают так называемые *мы*-культуры, не поощряющие индивидуализм, в отличие от *я*-культур (подробнее см. [Касевич 1996/2004]).

Таким образом, *pro-drop* входит в общую систему, регулирующую возможности опущения актантов в соответствующих контекстах. Хотя актанты по определению (по одному из определений) отражают обязательные синтаксические валентности глагола, в (кон)тексте они очевидным образом могут опускаться, но не случайным, а закономерным образом — когда опущения подчиняются определенным правилам.

Главное правило, определяющее возможность/невозможность опущения актанта (любой синтаксемы) — это сохранение семантики высказывания. Существуют, однако, **градации** сохранения семантики. Эти градации, в свою очередь, формально проявляются в вероятности опущения того или иного элемента высказывания. Чем вероятнее опущение, тем больше шансов восстановить опускаемое и тем менее релевантна для общей семантики высказывания та его «часть», которая ассоциирована с опускаемым элементом.

Из сказанного выше следует, что феномен *pro-drop* поддается изучению с привлечением количественных и экспериментальных методов. Ниже представлены результаты предварительного анализа сплошного русского художественного текста — фрагмента рассказа Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии»[7], где повествование ведется от первого лица. Исследовалось «поведение» лишь одного из актантов — местоимения *я*, выступающего в позиции подлежащего, с точки зрения его удержания в тексте или опущения. В таблице, помещенной ниже, представлен материал по 27 первым абзацам рассказа В. Астафьева (из общего числа в 186 абзацев, т. е. проанализировано приблизительно 15 % от общего

[7] Пользуясь случаем, выражаем благодарность Е. В. Ягуновой за предоставление в наше распоряжение частично размеченного варианта текста.

объема рассказа). К сожалению, на момент написания статьи у нас не было возможности обратиться к эксперименту с участием испытуемых — носителей языка; соответственно, заключения относительно возможности/невозможности опущения тех или иных элементов текста делались на основании языковой интуиции автора этой статьи как носителя русского языка.

Предпошлем таблице с полученными данными сводку характеристик и факторов, сказывающихся на вероятности опущения местоименного подлежащего *я* в нашем материале.

1. Факторы, способствующие удержанию *я*:
- Рематическая функция (сокр. R)
- Удаленность от ближайшего кореферентного имени (LD)[8]
- Прошедшее время глагола-сказуемого (PST).
- Начальная позиция *я* в тексте/абзаце (IP)
- Использование подлежащного *я* при связочном сказуемом
- Принадлежность культуры, обслуживаемой данным языком, к *я*-культурам (EGO).

2. Факторы, способствующие опущению *я*:
- Не-прошедшее время глагола-сказуемого (non-PST)
- Принадлежность культуры, обслуживаемой данным языком, к *мы*-культурам (NOS).

В Таблице 1 показано, сколько случаев удержания/опущения *я* приходится на каждый абзац. В колонке 3 указаны факторы, предположительно способствовавшие/препятствовавшие сохранению *я*. Фактор EGO/NOS (см. выше) не учитывался, поскольку анализ проводился в пределах одного данного языка — русского, в целом обслуживающего *мы*-культуру.

Даже небольшая по объему текстовая выборка демонстрирует, что феномен *pro-drop* носит достаточно непростой характер. На все 27 абзацев имеется всего 3 случая опущения подлежащного *я*. Иначе говоря, тенденция удерживать местоимение весьма

[8] Поскольку в нашем случае реально речь идет о *я* — дейктическом местоимении, а не анафоричеом, то указанный параметр реализуется как расстояние между ближайшими кореферентными *я*: чем больше это расстояние, тем больше шансов, что *я* не будет опускаться. Трудно сказать, симметрично ли это отношение с оценкой роли близости двух местоимений — т. е. можно ли предположить, что чем меньше расстояние, меньше вероятности, что *я* будет удалено.

Таблица 1. Количественная оценка наличия/отсутствия феномена pro-drop в русском художественном тексте

1	2	3
Номер абзаца п/п	Число опущенных/сохраненных местоимений *я*	Фактор(ы)
1	2/7	IP; PST
2	0/5	IP; PST
3	0/5	PST
4	0/2	PST
5	0/0	
6	0/0	
7	0/1	PST
8	0/0	
9	0/0	
10	0/1	PST
11	0/0	
12	1/3	PST
13	0/0	
14	0/0	
15	0/1	PST
16	0/0	
17	0/0	
18	0/1	PST
19	0/0	
20	0/0	
21	0/1	PST
22	0/5	PST
23	0/3	PST
24	0/0	
25	0/0	
26	0/1	PST
27	0/1	PST

существенно перевешивает противоположную ей — опускать это местоимение. Этого можно было ожидать уже при сравнении наборов факторов, влияющих на опущение/удержание местоимения: если на удержание соответствующего актанта «работают» 5 факторов, то на опущение — всего один (исключая в обоих случаях культурологические факторы).

При этом уже одного из факторов, способствующих сохранению местоимения, оказывается обычно достаточным для удержания последнего — даже если это такой относительно «слабый» фактор, как прошедшее время глагола-сказуемого (см. таблицу).

Скорее всего, в нашем небольшом сообщении учтены не все факторы и их сочетания[9]. Совсем не отражены структуры текста, сменяющие друг друга по мере развертывания этого последнего — в том числе и прямо относящаяся к нашей теме смена повествования от первого лица повествованием неопределенно-личным и т. д. (отчасти это «проглядывает» в материалах таблицы). Нашей целью было продвинуться в определенной степени в понимании феномена, который отражает такие традиционные понятия, как эллипсис, и одновременно предлагает новые возможности интерпретации структур текста — пока еще не слишком определенные.

Литература

Касевич 1996/2004 — В. Б. Касевич. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996/2004.

Уорф 1972 — Б. Уорф. Грамматическая категория // О. Г. Ревзина (сост.). Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 44–60.

Chomsky 1981 — N. Chomsky. Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris, 1981.

[9] Полностью за рамками нашего обсуждения остался материал, связанный с понятием однородных членов предложения. Так, в примерах наподобие *Я встал и вышел* можно видеть обязательный эллипсис, ср. **Я встал и я вышел*, но специфичность однородных членов столь очевидна, что рассматривать этот материал нужно не там, где соответствующие проблемы «пересекается» с другими, а в его целостности.

Ю. П. Князев

СПбГУ, Санкт-Петербург

ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМ 2-ГО ЛИЦА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ[1]

1. Вступительные замечания

Как известно, во многих языках формы лица, как местоименного, так и глагольного, способны — помимо прямого обозначения отсылки к участникам данного акта речи — выражать и квантворные значения неопределенности и обобщенности. Формы 2-го лица в таком случае выражают обобщенно-личное значение, которое определяется как «соотнесение ситуации, лишенной конкретной референции (ситуации повторяющейся, обычной или "вневременной") и ее участников с обобщенным классом лиц, включающим говорящего» [Бондарко 1991: 10]:

(1) *Я ещё не в том возрасте, когда вскарабкаться на полку — непосильная задача, но уже не в том, когда в с п а р х и в а е ш ь , как птичка.* (И. Грекова. В вагоне)

(2) *Он жалел Ольгу с Игорем: не п о з а в и д у е ш ь родителям, у которых на подросте три невесты.* (В. Распутин. Новая профессия)

Сходное значение (далее для краткости — $ТЫ_{обобщ}$) могут выражать формы 2-го лица и во многих других языках. Примечательно, что среди них есть и языки, где, в отличие от русского языка, лицо обычно выражается лишь формами глагола, например, латинский или польский, ср. примеры (3), (4), так и языки, в которых присутствие подлежащего обязательно, например, английский или французский, ср. (примеры (5), (6)):

[1] Исследование проводилось в рамках Программы фундаментальных исследований президиума РАН «Корпусная лингвистика», проект «Развитие корпусной грамматики русского языка». При подготовке данной работы широко использовался Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).

(3) лат. *Memoria minitiur nisi eam e x e r c e a s* . [Бенвенист 1946/ 1974: 266]
‘Память слабеет если ее не у п р а ж н я е ш ь’.

(4) польск. *Naigorsze to że nikomu nie m o ż e s z wierzyć.* [Siewierska 1984: 240]
‘Хуже всего то, что никому не м о ж е ш ь верить’.

(5) англ. *Y o u never k n o w what to do in such cases.* [Смирницкий 1959: 360]
‘Никогда не з н а е ш ь , что делать в подобных случаях’.

(6) франц. *C’est pas avec des guerres que t u r é u s s i s à faire un pays.* [Laberge, Sankoff 1979: 426]
‘С помощью войн т ы н е с м о ж е ш ь создать страну’.

2. Средства выражения ТЫ$_{\text{обобщ}}$ в русском языке

В русском языке обобщенноличность (как и неопределенноличность) традиционно связывается с односоставностью предложения. В наиболее четкой форме это мнение выразил А. В. Исаченко: «О т с у т с т в и е местоименного показателя *ты*, *они* может снять собственно личное значение глагольной формы и превратить её в форму обобщённо- или неопределённо-личную» [Исаченко 1960: 415]. Однако, как заметил еще А. М. Пешковский, это значение может выражаться и в двусоставных предложениях с местоимением *ты* в качестве подлежащего [Пешковский 1927/ 1956: 372–373], в подтверждение чего он приводит, в частности, следующий пример:

(7) *Наскучило идти — б е р е ш ь извозчика и с и д и ш ь себе, как барин, а не х о ч е ш ь заплатить ему — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и т ы так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет.* (Н. Гоголь. Ревизор)

К аналогичному выводу приходят и современные исследователи; ср.: «Обобщенно-личные предложения не обязательно односоставны: в них может употребляться подлежащее *ты* — тоже с обобщенно-личным значением» [Скобликова 1979: 112].

Вместе с тем нужно заметить, что ТЫ$_{\text{обобщ}}$ в форме именительного падежа используется довольно редко. Как правило, его

присутствие предполагает так или иначе выраженное противопоставление:

(8) *Человек осознаёт свой возраст с опозданием. Вроде того, как с изменой жены: в с е уже всё знают, а т ы н е д о г а д ы в а е ш ь с я*. (Ю. Трифонов. Предварительные итоги)

(9) *Одно из забавных свойств человеческой природы заключается в том, что каждый человек стремится доигрывать собственный образ, навязанный ему окружающими людьми. Иной пищит, а доигрывает. Если, скажем, о к р у ж а ю щ и е захотели увидеть в тебе исполнительного мула, сколько ни сопротивляйся, ничего не получится. Своим сопротивлением т ы , н а о б о р о т , з а к р е п и ш ь с я в этом звании. В м е с т о простого исполнительного мула т ы п р е в р а т и ш ь с я в упорствующего или даже озлобленного мула.* (Ф. Искандер. Начало)

Интересно, что эксплицитная противопоставленность (адверсативность) считается также и одним из основных условий предпочтения двусоставных конструкций типа *Я люблю* определенно-личным конструкциям типа *Люблю* [Breuillard, Fougeron 2001; Николаева 2002: 29–30]. Исходя из сказанного, можно считать вполне обоснованной точку зрения И. А. Мельчука, согласно которой в русском языке существует ненулевая «обобщенно-личная» лексема $ТЫ_2$, а предложения типа *Его не переспоришь* представляют собой неполную (эллиптическую) реализацию полных предложений с местоимением $ТЫ_2$ типа *Ты его не переспоришь* [Mel'čuk 1979/1995: 187].

Дополнительным аргументом в пользу такого решения может служить тот факт, что $ТЫ_{обобщ}$ может употребляться во всех косвенных падежах; два аналогичных семантических варианта есть и у притяжательного местоимения *твой*:

(10) *Я никогда не любил фотографироваться. Особенно в большом фотоателье. По-моему, есть что-то постыдное, когда унылый фотограф, озверевший от мелькания десятков лиц, которые надо рассматривать обязательно пристально и обязательно в фокусе ⟨…⟩ деловито командует:* «*Выпрямитесь, чуть влево, подымите подбородок, улыбнитесь», — а сам про т е б я думает:* «*Морда ведь кирпича просит,*

а тоже желает быть красивым», — а т ы с и д и ш ь и, конечно, д о г а д ы в а е ш ь с я, что думает про т е б я служащий ателье. Но все равно волей-неволей т в о и глаза принимают полумечтательное-полупрезрительное выражение (з н а е ш ь, что это т е б е идет, перед зеркалом проверял), потому что все мы хотим выглядеть хотя бы симпатичными, хотя бы в молодости, — вдруг придется дарить эту фотографию любимой девушке, вдруг сын т в о й через двадцать лет пороется в семейном альбоме и скажет: «*А отец у меня ничего был», — или вообще, когда у м р е ш ь и когда похоронят, то именно эту фотографию возьмут на памятник, и б у д е ш ь т ы в з и р а т ь на грядущие поколения, молодой, красивый, возбуждая элегические раздумья о быстротечности жизни.* (А. Гладилин. История одной компании)

(11) *Вот и тогда он обронил два слова правды, которые, кажется, пустят насмарку всю его жизнь. И надо же было… Он и впрямь забыл, что если и можно что-нибудь сказать одному человеку, то никак не больше чем одному. Если же т е б я услышали двое, трое, то плохи т в о и дела.* (В. Быков. Бедные люди)[2]

Неподлежащные употребления ТЫ$_{\text{обобщ}}$ встречаются и в других языках, например, во французском:

(12) *On ne peut se promener sans que quelqu'un v o u s aborde.* [Бенвенист 1946/1974: 266]
'Невозможно выйти на прогулку, без того чтобы кто-нибудь к в а м не подошел'[3].

Еще один открытый вопрос — возможно ли употребление в обобщенно-личном значении местоимения *вы*, иначе говоря, есть ли у ТЫ$_{\text{обобщ}}$ формы множественного числа? Высказывалось мнение, что в обобщенно-личных предложениях различие между формами единственного и множественного числа «обычно

[2] Предлагались и другие решения этой проблемы [Булыгина, Шмелев 1991: 44; Weiss 1995: 207–209; Падучева 2012: 28].

[3] Замещение специализированного неопределенно-личного местоимения *on* местоимением *vous* 'вы' обусловлено в данном случае тем, что местоимение *on* не используется в функции дополнения [Гак 2004: 253].

нейтрализуется, и с грамматической, и с социально-этикетной точки зрения» [Золотова и др. 1998: 118].

Примеры, в которых формы 2-го. лица единственного лица в значении ТЫ$_{\text{обобщ}}$ в пределах одного фрагмента текста сменяются формами множественного числа без ощутимой разницы в значении, действительно встречаются:

(13) *И с озлобленным отчаянием я думала, что Дом не уничтожить — никому, никогда, — не расторгнуть эту злую и жёсткую связь… Так, стыдясь себе признаться, мы дожидаемся смерти не больно-то любимого человека: он давно уже измучил себя, других; его телесные отправления унизительны, его существование бессмысленно и нелепо, его работа нынче состоит в том, чтобы умирать, он вот-вот умрёт — сию минуту. Однако он продолжает пребывать в прежнем положении месяцами, годами — и возникает нелепая мысль: да полно, уж не бессмертен ли он? Почти у в е р у е ш ь в это, п р и м и р и ш ь с я, даже о т в л е ч ё ш ь с я чем-то, а тут он как раз — будто нарочно — возьми да и помри, словно назло вам и как бы ещё раз показывая, что сие не в в а ш е й воле, а свершается, как и положено, с пугающей внезапностью. И вы уже сожалеете о чём-то… И в первую, ошеломляющую минуту — конечно же, о том, что даже не запомнили как следует, каким он был в последний раз. Итак, в а с снова обманули; в ы остались к этому, как в а м навсегда и положено, постыдно не готовы.* (М. Палей. Поминовение)

Однако гораздо более типично (конечно, за рамками ситуации непосредственного общения) употребление местоимения *вы* в той особой форме художественного повествования, которую Н. А. Кожевникова называет «повествованием в форме второго лица» [Кожевникова 1994: 84]. В этом случае *вы* обозначает условного читателя, глазами которого воспринимается описываемая ситуация. Характерной, хотя и не строго обязательной, приметой этой формы повествования является наличие предложений, предназначенных для выражения речевых актов побуждения и вопроса, которые в своей прямой функции требуют присутствия и реакции адресата:

(14) *Но страх заблудиться по-настоящему был, конечно, сильнее. Куда же я так не хотела возвращаться? П р и о т к р о е м двери моей, как мне тогда казалось, тюрьмы и п о с м о т р и м, что там делается внутри. Если в ы зайдёте в них, постучавшись, то ничего особенного, может быть, и не заметите, — ибо, увидев в а с, мой дед, всю жизнь изображавший сумасшедшего, заговорит с в а м и специально для этого случая приготовленным тошнотворно-интеллигентным голосом. А в а м надо зайти незаметно, и тогда в а ш и представления о такого рода жизни, почерпнутые из относительно доступных литературных источников, допустим, из бабелевского рассказа «В подвале», в котором дядька автора ежедневно сулит домашним, что их глаза вытекут, а дети ещё во чреве матери начнут гнить и распадаться, а бедный дед автора гримасничает «своим синим окостеневшим ртом», — в а ш и представления будут в какой-то мере расширены и приближены к истинной картине нашей жизни.* (М. Палей. Поминовение)

(15) *А теперь п р е д с т а в ь т е с е б е — в ы автор романа. В ы напряжённо б е с е д у е т е с редактором. Х в а с т а е т е лестными отзывами о себе. В ы п я ч и в а е т е достоинства своей книги. Т р е б у е т е максимальных гонораров. То есть в е д ё т е с е б я унизительным и неприличным образом.* (С. Довлатов. Переводные картинки)

(16) *В выходной по улице никогда не б р о д и л и? Или в незнакомом городе не о с т а н а в л и в а л и с ь у фотоателье? Небрежно так не р а с с м а т р и в а л и групповые снимки выпускников 57-й школы, экскурсантов у входа в краеведческий музей, старшеклассников балетного училища? В а ш и впечатления? Если честно? «Что это за сборище эвакуированных, неужели этих девочек кто-то замуж взял, а вот та, с краю, ничего, ей-богу, и вот этот мальчик на киногероя похож». И если еще раз п р о й д е т е мимо витрины, то обязательно в з г л я н е т е на запомнившееся в а м лицо.* (А. Гладилин. История одной компании)

(17) *Вот идет высокая, очень стройная, очень молодая девушка. Вы о т м е ч а е т е про себя, что она здорово одета и ноги*

у нее прямые, чулки дорогие, капроновые, туфли на высоких каблуках. 〈…〉 Она прошла мимо, и десятки мыслей проносятся в в а ш е й голове. В а м представляется, что она спешит на веселую вечеринку или, может, романтическое свидание в парке, у клумбы гладиолусов. Или просто идут воспоминания, как говорится, давно прошедших лет, и в ы, старый, больной человек, с м о т р и т е вслед этой девушке и д у м а е т е: вот так идет молодость. (А. Гладилин. История одной компании)

Поэтому, на мой взгляд, ближе к действительности альтернативная точка зрения, в соответствии с которой формы 2-го лица множественного числа сохраняют «при всяком употреблении характер если не прямого, то "образного" или "завуалированного" обращения» [Шмелев 1961/2002]. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

3. Семантические разновидности ТЫ$_{\text{обобщ}}$

Как следует из общепринятых определений семантики предложений с ТЫ$_{\text{обобщ}}$, обобщение в них происходит по двум линиям: открытым классом является и состав участников ситуации и множество моментов времени, когда она имеет место. Эти два параметра лежат в основе используемой далее классификации употреблений ТЫ$_{\text{обобщ}}$: 1) открытое множество субъектов + открытое множество моментов времени; 2) говорящий + открытое множество моментов времени; 3) говорящий + конкретный единичный момент времени[4].

3.1. Конструкции с обобщенным субъектом

К этому подтипу отнесены предложения с ТЫ$_{\text{обобщ}}$, в которых обозначаемое действие распространяется на любое лицо, которое может оказаться в аналогичных условиях:

[4] 4-ый вариант, т. е. сочетание открытого множества субъектов с конкретным единичным моментом времени, представляется логически противоречивым, поскольку конкретная временная локализованность ситуации предполагает конкретную референтность ее основных участников [Козинцева 1990: 20–21] и наоборот: «общеутвердительные и родовые пропозиции, естественно, соответствуют универсальным и родовым ИГ» [Падучева 1985: 101–102].

(18) *— Лента Мёбиуса, — перебил Петька, — это когда д у м а е ш ь , что сначала — одно, а потом — другое, а оказывается то же самое…* (В. Белоусова. Второй выстрел)

(19) *У нас всё хорошо. Ещё раз тебя прошу, не звони так часто. Только деньги на ветер бросать. Всё равно по телефону ничего толком н е с к а ж е ш ь .* (А. Волос. Недвижимость)

(20) *И Таисия рядом, стареющая быстрее его, вся обратившаяся на детей, позволявшая ему существовать в комфорте жизненных неудобств, потому что все великое прозревается в закутках контор, в лабораториях, где приборы уже не умещаются на столах, где з а п у т а е ш ь с я в паутине проводов, где о т р е ш и ш ь с я от наглых притязаний эпохи.* (А. Азольский. Лопушок)

(21) *— Мужчины здесь особенные, — услышала я от военных женщин. — На гражданке такого отношения не в с т р е т и ш ь . И д е ш ь в шесть утра на вахту, а т е б е — розу.* (Известия, 8.7.2000)

(22) *В феврале я купил себе гитару и стал разыгрывать пьесы старинных итальянских композиторов. Чаще всего я играл пятый этюд Джульяни. Этот этюд играют все начинающие гитаристы. Когда его и г р а е ш ь быстро, звуки сливаются, и выходит — вроде ручеёк журчит.* (Ю. Коваль. Капитан Клюквин)

Такие конструкции можно, видимо, назвать эталонными для $ТЫ_{обобщ}$.

3.2. Обобщение личного опыта говорящего

Данный подтип включает предложения с $ТЫ_{обобщ}$, которые описывают регулярно повторяющиеся события такой высокой степени конкретности, что они могут происходить только с одним человеком; в данном случае — говорящим (повествователем). Такие предложения характерны для воспоминаний и «подведения итогов». Их отличительной особенностью является возможность (не всегда реализуемая) чередования форм 2-го и 1-го лица с совпадающей референцией:

(23) *Знаешь, на работе я так в ы м а т ы в а ю с ь . Е з д и ш ь по Москве со всякими иностранцами, гид-переводчик.* ⟨…⟩

М е н я мутит от звуков английской речи. Сразу в с п о м и н а е ш ь, как эти жиртресты умильно щупают т е б я своими маслеными глазами. Так что до дому д о б е р е ш ь с я — и никуда. (А. Гладилин. История одной компании)

(24) *Сразу после того, как думал ночью о Язгуль, перекинулся на мысли о себе. Это связано неутолимо: как только з а д у м ы в а ю с ь о времени, тут же п е р е с к а к и в а ю на свою дорогую персону. Кто я, что я и так далее. Иногда д у м а е ш ь: все ничего, я в порядке. А иногда — тоска. Нет, д у м а е ш ь, толку не вышло.* (Ю. Трифонов. Предварительные итоги)

(25) *Ушёл, но долго не мог оставить меня в покое. Чего стоили одни Милочкины ночные звонки! Почему-то любила выяснять отношения ночью по телефону, лежа в постели с Борисом. Только з а д р е м л е ш ь — звонок.* (И. Грекова. Перелом)

(26) *Если смотреть со стороны, кажется, что по такому крутому склону не подняться. На самом деле на нём обычно много щелей, бугорков, трещин. Иногда кусты. Ц е п л я е ш ь с я, п р и ж и м а е ш ь с я боком, с т а в и ш ь ногу, п о д т я г и в а е ш ь с я на руках и постепенно в з б и р а е ш ь с я всё выше и выше. Чем трудней подъём, тем сладостней ощущение устойчивости сделанного шага, благодарности земле за её добрую шероховатость. Хочется расправить куст рододендрона с химически фиолетовым цветком, который помог т е б е подтянуться и сделать решительный шаг, или потрепать по шее неожиданный выступ, так славно подвернувшийся тебе. Но, бывает, попадается мёртвое пространство и так долго с т о и ш ь на одном месте в неудобной позе и никак не с о о б р а з и ш ь, как одолеть его.* (Ф. Искандер. Святое озеро)

(27) *Жила я радостно, по-детски — п р о с н е ш ь с я утром и з а п о е ш ь; любила вас, мечтала о славе, а теперь?* (Б. Акунин. Чайка).

Как считает Д. Н. Шмелев, используя таким образом формы 2-го лица, говорящий «намеренно как бы отстраняет себя от названных действий» [Шмелев 1961/2002: 295].

3.3. Говорящий в конкретной единичной ситуации

В эту, ранее не выделявшуюся, разновидность употреблений ТЫ$_{\text{ообобщ}}$ включены немногочисленные примеры, в которых говорящий переходит от 1-го лица ко 2-му при описании единичной ситуации:

(28) *И тут м е н я как в голову ударило — ведь м н е сегодня двадцать пять лет! Веселенький день рождения, нечего сказать… С и д и ш ь в пыли на верхотуре, блохи т е б я жрут, как бобика, а т е б е и покусать в охотку нечего. И не зря ли с и д и ш ь, вот главное…* (В. Богомолов. Момент истины)

(29) *У меня в последний раз шлемофон украли. Прилетел, с и д и ш ь ошарашенный, а с т е б я растаскивают на сувениры — перчатки, гермошлем, часы.* (Эксперт, 2001, № 40, Интервью с Ю. Батуриным)

(30) *Останавливаюсь на каком-то загадочном «Сотe эрб де Прованс». Мне приносят нечто тягучее, рыхлое и бесформенное. Но с мармеладовой розочкой в центре. К о с н ё ш ь с я вилкой: пружинит. Т р о н е ш ь ножом — выделяется жир. Тот самый, который вскоре окажется на голубом пиджаке Льва Халифа. От ужаса я теряю способность есть.* (С. Довлатов. Переводные картинки)

Аналогичные употребления ТЫ$_{\text{ообобщ}}$ встречаются и в третьеличном повествовании; в этом случае они воспринимаются как несобственно-прямая речь:

(31) *Валькирия, вставши на ноги, подумала и для удобства приняла вид вороны (т е б я никто не замечает, а т ы в и д и ш ь всё), а книги, украденные у Амати, она предварительно, ещё в Гималаях, обратила в сухую корку, после чего отправилась на чердак и села изучать эту сухую корку, долбя её клювом.* (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница)

4. Обсуждение результатов

Приведенные примеры дают основания для следующих выводов.

1) Значения, аналогичные тем, которые выражаются односоставными обобщенно-личными предложениями, могут выражаться

и двусоставными предложениями с местоимением *ты* в именительном падеже, этим местоимением в косвенных падежах, а также формами притяжательного местоимения *твой*. Из этого можно сделать вывод, что это значение присуще не синтаксической конструкции, а самим формам 2-го лица. Именно поэтому местоимения 2-го лица в значении $ТЫ_{обобщ}$ могут употребляться, в частности, и в составе неопределенно-личных предложений:

(32) *Камеру он держал наподобие алебарды. Затем поднёс её к лицу. Я потушил сигарету, вышел из-за угла, направился к мосту. Оказалось, что когда т е б я с н и м а ю т, идти неловко.* (С. Довлатов. Чемодан)

(33) *Старика Сташенка тоже подозревали, что он связан с гетто, полицаи уже заглядывали к нему, хотя ничего и не обнаружили. Но если т е б я п о д о з р е в а ю т, значит, т ы всё равно виноват.* (А. Рыбаков. Тяжелый песок)

(34) *Успеваемость даёт стопроцентную… Я делаю ему знаки. Я пытаюсь его остановить. Это очень неудобно, когда т е б я х в а л я т при т е б е же.* (Б. Окуджава. Новенький как с иголочки)

Что же касается неопределенно-личных предложений, то независимое (неанафорическое и недейктическое) употребление местоимения *они* — довольно редкое и стилистически окрашенное явление. Значение, которое оно в таких случаях выражает, хорошо описал в одном из своих интервью Борис Хлебников:

(35) *— Получается, люди, которые хотят эту землю купить, совсем не бандиты? Просто бизнес, ничего личного?*
— Они не злодеи. Они — воплощение государства в той ситуации, когда оно выступает в нашей жизни как некая перемена участи. Мы ведь в повседневной речи про власти, государство, как правило, говорим безлично: « о н и » . Вот это и есть те самые « о н и » . (Известия 18.08.2011)

Приведу в качестве иллюстрации несколько примеров подобного употребления этого местоимения:

(36) *Итоги белгородских выборов заставляют настороженно отнестись к ставшему в последнее время общим местом*

тезису о нарастающем безразличии населения к выборам — мол, все равно « о н и » выберут того, кого им надо. (Известия, 10.07.1999)

(37) 〈…〉 *глубоко укорененный миф о том, что от отдельного человека ничего не зависит, что все решают « о н и ».* (Известия, 21.11.2001)

Поэтому совершенно прав И. П. Распопов, считающий, что «мы не имеем права выделять обобщенно-личные предложения в особый разряд (или тип) синтаксических конструкций в одном классификационном ряду с личными, неопределенно-личными и безличными предложениями» [Распопов 1970: 83].

2) Обобщенно-личное значение характеризуется многообразием средств выражения. Это относится не только к русскому [Осипова 2010: 24–38], но и ко многим другим языкам [Siewierska 1984: 238–254; Гак 1991; Томмола 1998]. Их состав, соотношение и нормы употребления, по-видимому, индивидуальны в каждом языке, причем одним из важных факторов, влияющих на выбор способа выражения обобщенноличности, является соотношение с участниками акта речи. Так, по мнению А. Северской, в английском языке «The indefinite *people*, *they* and *someone* typically exclude both speaker and addressee», тогда как «*Me*, *you* and *one* conversely include speaker and addressee although in various degrees» [Siewierska 1984: 241, 242].

В этом отношении показателен приведенный в [Есперсен 1924/1958: 251] фрагмент из романа Джека Лондона «Мартин Иден», который посвящен вопросу выбора между местоимениями *you* и *one*. Не меньший интерес представляет и его русский опубликованный перевод, демонстрирующий невозможность адекватной передачи собственно лингвистического аспекта этого текста:

(38) *«By the way, Mr Eden, what is booze? You used it several times, you know». «Oh, booze», he laughed. «It's slang. It means whisky and beer — anything that will make y o u drunk».* 〈…〉 *«Don't use y o u when you are impersonal. Y o u is very personal, and your use of it just now was not precisely what you meant». «I don't just see it». «Why, you said just now to me, 'whisky and beer — anything that will make y o u drunk' — make m e drunk, don't you see?». «Well, it would, wouldn't it?».*

«Yes, of course», she smiled, «but it would be nicer not to bring me into it. Substitute o n e for y o u , and you see how much better it sounds».

(39) *«Кстати, мистер Иден, — окликнула она его уже от дверей, — что такое "нализаться"? Вы несколько раз так сказали». «А, нализаться, — засмеялся он. — Жаргон это. Мол, в ы напились виски, пива, или еще чего и захмелели». «И еще одно, — Руфь тоже засмеялась. — Не употребляйте "в ы " в безличных предложениях. "Вы" — очень личное местоимение, и сейчас вы сказали не совсем то, что намеревались». «Не пойму я, о чем вы». «Ну как же, вот вы сказали мне, мол, "в ы напились виски, пива… и захмелели", Получается, что это я захмелела, понимаете?» «А вы бы не захмелели?» «Разумеется, захмелела бы, — с улыбкой ответила Руфь. — Но было бы вежливей, если бы вы ничего подобного мне не приписывали. В таких случаях предпочтительней обходиться без местоимений».* (Р. Облонская)

Примечательно, что для последней — ключевой — фразы этого отрывка (*Substitute o n e for y o u , and you see how much better it sounds* 'Замените y o u на o n e , и вы увидите насколько лучше это звучит') переводчик не нашел никакого русского эквивалента, кроме не имеющего соответствия в оригинале «правила»: *В таких случаях предпочтительней обходиться без местоимений*. В русском переводе в данном случае уместней был бы совет заменить второе лицо на третье[5].

3) Основания для семантического перехода от адресатного *ты* к генерическому ТЫ$_{\text{обобщ}}$ ('все и всегда' или при наличии отрицания 'никто и никогда') очевидны. Как писал Э. Бенвенист, «Необходимо и достаточно представить себе какое-то *лицо*, которое не есть "я", чтобы ему можно было присвоить признак "ты". Таким образом, всякое *лицо*, которое репрезентируют для себя, приобретает форму "ты"; в частности — но это вовсе не обязательно —

[5] А. Северска следующим образом характеризует соотношение между английскими обобщенно-личными *you* и *one*: «The English *one* features primarily in written texts and formal registers. Most speakers regard the use of *one* in colloquial speech as pretentious preferring the indefinite *you*» [Siewierska 1984: 244]; см. об этом также [Томмола 1998: 49].

таковым будет лицо, к которому обращаются с речью» [Бенвенист 1946/1974: 266]. Сходная аргументация приводится и в [Гаспаров 1971: 205–208].

Специфической особенностью русского ТЫ$_{\text{обобщ.}}$ является широко используемая возможность его использования по отношению именно к говорящему, а не к (потенциальным) адресатам. В этом отношении русский язык отличается, например, от словацкого. Так, А. В. Исаченко [Исаченко:1960: 415] в качестве словацкого эквивалента русского (40) приводит не односоставное предложение с ТЫ$_{\text{обобщ}}$ (в словацком языке они тоже употребляются), а конструкцию с прономинализированным *človek* ‘человек’:

(40) [Со мной часто бывает так] *Иногда приходишь, сидишь и не говоришь ни слова.*

(41) *Niekedy človek pride, sedi a nehovori ani slova.*

В чешском в подобных случаях также употребляется не ТЫ$_{\text{обобщ.}}$, а *člověk* [Жажа 1988: 93][6].

Основания для семантического перехода от ‘ты’ (или от ТЫ$_{\text{обобщ}}$) к ‘я’ неясны. Е. В. Падучева, связывая этот переход с общекоммуникативными постулатами, приходит к следующему выводу: «в значении формы 2-го лица элемент обобщенности все-таки присутствует: действие, обозначенное глаголом, приписывается, вообще говоря, произвольному лицу, но говорящему — в первую очередь, поскольку это то лицо, которое занимает выделенное место в денотативном пространстве высказывания» [Падучева 1996: 213][7]. Такое объяснение оставляет без ответа вопрос, почему аналогичный семантический сдвиг не произошел, например, у ТЫ$_{\text{обобщ}}$ в английском или словацком.

Если же выводить перволичные употребления форм 2-го лица непосредственно из их первичного адресатного значения, то

[6] Аналогичное по своей внутренней форме немецкое неопределенно-личное *man* также может, в частности, обозначать и действия говорящего [Томмола 1998: 53–54]. Русское *человек* тоже часто используется в генерическом значении, как в примерах (8), (9), (11), но признаков грамматикализации у него не отмечают.

[7] В другом месте Е. В. Падучева описывает обобщенно-личное значение, отталкиваясь от 1-го лица: ‘мне, как и тебе, и всякому на моем месте’ [Падучева 2012: 38].

в этом случае связующим звеном между ними окажется внутренний монолог — разговор с самим собой [Князев 2008: 374–376]. Такую возможность допускал А. А. Шахматов: «говорящий, проявляя свою личность, говорит в 1-м лице; но уходя в себя, в свои воспоминания, воспроизводя свои внутренние переживания, естественно прибегает ко 2-му лицу, делая себя объектом своей речи» [Шахматов 1925/1941: 73]. О том же он писал и в другом месте: «2-е лицо в этом случае вызывает представление о 1-м лице. Происхождение оборота обязано, вероятно, именно тому, что картина прошлого воскрешается перед мысленным взором самого говорящего, обращающегося к себе, как ко 2-му лицу» [Шахматов 1952: 73]. Сходной позиции придерживался и А. М. Пешковский, считавший, что «в форму обобщения облекаются нередко чисто личные факты, носящие глубоко интимный характер ⟨…⟩ И чем интимнее какое-либо переживание, чем труднее говорящему выставить его напоказ перед всеми, тем охотнее он облекает его в форму обобщения» [Пешковский 1928/1956: 375].

В целом же можно сказать, что, несмотря на уже, как минимум, столетнюю историю изучения обобщенно-личных предложений в русском языке, многие вопросы практически не привлекают внимания исследователей. Среди них наиболее актуальными представляются следующие:

– соотношение между разными способами выражения обобщенности субъекта;

– соотношение между *ты* и *вы* нарративе за рамками ситуации прямого обращения к адресату;

– условия, при которых человек, говоря о себе, переходит от 1-го лица к ТЫ$_{\text{обобщ}}$.

Литература[8]

Бенвенист 1946/1974 — Э. Бенвенист. Структура отношений лица в глаголе // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 259–269.

[8] При ссылках на переводные работы, как правило, указываются две даты — год выхода оригинала и год выхода перевода, разделенные косой чертой; то же относится и к стереотипным переизданиям работ, написанных на русском языке.

Бондарко 1991 — А. В. Бондарко. Семантика лица // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 5–40.

Булыгина, Шмелев 1991 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенноличности и обобщенноличности // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 41–62.

Гак 1991 — В. Г. Гак. Неопределенноличность в плане содержания и в плане выражения // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 72–86.

Гак 2004 — В. Г. Гак. Теоретическая грамматика французского языка. М: Добросвет, 2004.

Гаспаров 1971 — Б. М. Гаспаров. Из курса лекций по синтаксису современного русского языка. Тарту: ТГУ, 1971.

Есперсен 1924/1958 — О. Есперсен. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.

Жажа 1988 — С. Жажа. Глагольные конструкции родственных языков и расхождения в их функционировании (на материале русского и чешского языков) // Ю. Н. Караулов (ред.). Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988. С. 87–98.

Золотова и др. 1998 — Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Филол. ф-т. МГУ, 1998.

Исаченко 1960 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. 2. Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960. Т. 2, 1960.

Князев 2008 — Ю. П. Князев. Адресатное и обобщенно-личное значения форм 2-го лица // Р. И. Розина, Г. И. Кустова (ред.). Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 364–379.

Кожевникова 1994 — Н. А. Кожевникова. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М.: Институт русского языка РАН, 1994.

Козинцева 1990 — Н. А. Козинцева. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л.: Наука, 1990.

Николаева 2002 — Т. М. Николаева. «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания 4, 2002. С. 25–41.

Осипова 2010 — Э. Н. Осипова. Русский синтаксис: Односоставные предложения. Архангельск: Поморский университет, 2010.

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996.

Падучева 2012 — Е. В. Падучева. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания 1, 2012. С. 27–41.

Пешковский 1927/1956 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.

Распопов 1970 — И. П. Распопов. Строение простого предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1970.

Скобликова 1979 — Е. С. Скобликова. Синтаксис простого предложения. М.: Просвещение, 1979.

Смирницкий 1959 — А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959.

Томмола 1998 — Х. Томмола. Заметки к типологии амбиперсонала // Н. А. Козинцева, А. К. Оглоблин (ред.). Типология. Грамматика. Семантика. СПб.: Наука, 1998. С. 41–57.

Шахматов 1925/1941 — А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941.

Шахматов 1952 — Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М.: Учпедгиз, 1952.

Шмелев 1961/2002 — Д. Н. Шмелев. Стилистическое употребление форм лица в современном русском языке // Д. Н. Шмелев. Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 289–310.

Breuillard, Fougeron 2001 — J. Breuillard, I. Fougeron. Avec ou sans *я* // Русский язык: пересекая границы. Дубна: Университет «Дубна», 2001. С. 43–53.

Laberge, Sankoff 1979 — S. Laberge, G. Sankoff. Anything you can do // T. Givón (ed.). Syntax and Semantics. Vol. 12. Discourse and syntax. New York: Academic Press, 1979. P. 419–440.

Mel'čuk 1979/1995 — I. Mel'čuk. Syntactic, or lexical, zero // И. А. Мельчук. Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». М. — Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1995. С. 169–205.

Siewierska 1984 — A. Siewierska. The Passive: A Comparative Linguistic Analysis. London: Croom Helm, 1984.

Weiss 1995 — D. Weiss. Remarks on chapter 7 // И. А. Мельчук. Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». М. — Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1995. P. 206–211.

Е. Е. Корди

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ГРАММАТИКА ГЛАГОЛОВ НЕСТАНДАРТНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ И ПЕРЕХОДА В НЕСТАНДАРТНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕЛА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: семантическая группа *s'appuyer* 'опираться'[1]

1. Вводные замечания

В последние десятилетия прошлого столетия и в начале XXI века получили распространение лингвистические исследования отдельных семантических групп и подклассов глаголов с точки зрения их семантики, сочетаемости и грамматических свойств. В частности, объектом внимания лингвистов явились глаголы, отражающие положение тела человека в пространстве (или позиционные глаголы). Так, например, в работе [Кравченко 1998] рассматриваются свойства глаголов *сидеть*, *стоять*, *лежать* в русском языке, в сборнике статей [Newman (ed.) 2002] эта группа глаголов изучается в типологическом плане на материале разноструктурных языков.

В Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН также ведутся исследования свойств этого подкласса глагольной лексики в различных языках. Данные глаголы рассматривались прежде всего как отражающие позу или положение в пространстве тела человека, исходя из принимаемого нами положения об антропоцентричности семантики естественного языка (см., например, [Рахилина 1994]). В терминологии, принятой в лаборатории, этот подкласс глаголов был обозначен как «глаголы стандартного положения тела человека в пространстве».

Ситуация любого стандартного положения включает следующие компоненты: одушевленный личный Агенс, Опора (предмет, с которым соприкасается тело человека), Рабочая часть (то есть

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-03406).

та часть, которая соприкасается с опорой). Например, если человек стоит, Опорой его обычно является пол или земля, в качестве Рабочей части тела выступают ступни [Дмитренко, Храковский 2011].

Кроме названных, широко распространенных во всех языках глаголов, существуют также глаголы нестандартных положений тела человека в пространстве и перехода из стандартного в нестандартное положение. К ним, в частности, относятся такие русские глаголы как *опираться*, *облокачиваться*, *прислоняться*.

В данной статье мы рассматриваем глаголы этой семантической группы во французском языке. В группу входят глаголы *s'appuyer* 'опираться', *s'adosser* 'прислоняться (спиной)', *s'accouder* 'облокачиваться', *s'accoter* 'прислоняться (сбоку)'.

Каждый глагол этой группы связан семантическими и грамматическими отношениями с родственными ему глаголами, входящими в его суперлексему[2]. Суперлексемы этих глаголов включают, помимо перечисленных местоименных глаголов, переходные глаголы *appuyer* 'опирать', *adosser*, 'прислонять', *accoter* 'прислонять сбоку' и *accouder* 'облокачивать', от которых образуются местоименные глаголы, а также непереходные неместоименные глаголы с тем же планом выражения.

Нашей задачей является определить сферу функционирования каждого из названных глаголов, при этом мы рассматриваем лишь те употребления, которые обозначают положения тела человека в пространстве, не исследуя случаи переносных употреблений (которые мы считаем отдельными омонимичными лексемами).

[2] Мы используем для обозначения совокупности родственных глагольных лексем термин суперлексема, который ввел в оборот А. А. Холодович: «Суперлексемами мы будем называть любую пару лексем ⟨…⟩ между членами которой существует регулярное семантическое (смысловое) и нерегулярное (и поэтому не предсказуемое и не подводимое под какое-либо правило, носящее общий характер) формальное отношение» [Холодович 1979: 28]. Этот термин автор использует для обозначения пары: некаузативный/каузативный глагол в японском языке.

Мы считаем возможным использовать термин «суперлексема» для обозначения пар неместоименного переходного и местоименного непереходного глаголов из рассматриваемого подкласса: *appuyer*/*s'appuyer*, *accouder*/*s'accouder*, *adosser*/*s'adosser* и *accoter*/*s'accoter*.

Кроме того, некоторые из этих суперлексем содержат и третий член — непереходный неместоименный глагол.

Материалом для данного исследования служат примеры из произведений художественной литературы XIX–XXI вв., в том числе примеры, найденные в интернете при помощи поисковой системы Google и выбранные из электронных версий произведений французской литературы, а также примеры, приводимые в словарях французского языка.

2. Семантические отношения в группе глагола *s'appuyer*

Глагол *s'appuyer* ‘опираться’, ‘прислоняться’ из всех лексем данной группы имеет наиболее широкое значение и является самым употребительным.

В словаре «Trésor de la langue française informatisé», доступном в интернете (далее — [Trésor]), этому глаголу дается следующее толкование: *S'appuyer. Se soutenir en s'aidant d'un objet matériel.* ‘Держаться (в равновесии) при помощи некоторого материального объекта’.

С нашей точки зрения, точнее можно было бы определить это значение так: ‘Частично перенести вес своего тела на некоторый материальный объект (Опору) с целью удержаться в равновесии’.

Данный глагол имеет следующие семантические валентности: Агенс, Опора и Рабочая часть, которая представляет собой часть тела человека (Агенса), соприкасающуюся с Опорой.

Семантический анализ глаголов данной группы показал, что двум из них, а именно глаголам *s'appuyer* ‘опираться’ и *s'accoter* ‘прислоняться (сбоку)’ соответствуют две лексемы, только одна из которых входит в рассматриваемую группу. Два глагола (*s'accouder* и *s'adosser*) имеют более узкие значения, поскольку в самих корнях этих глаголов содержится указание на конкретную рабочую часть, при помощи которой Агенс контактирует с Опорой.

3. Грамматика глаголов *appuyer*/*s'appuyer* ‘опирать(ся)’

Глагол *s'appuyer* обозначает одно из нестандартных положений тела в пространстве, а также и переход в это положение. Эти значения выражаются разными формами данной лексемы и средствами контекста.

Нестандартные положения, обозначаемые глаголами данной группы, обычно реализуются одновременно с одним из стандартных положений. Действительно, опираться на что-нибудь можно

или стоя, или сидя, или лежа. Находясь в одном из стандартных положений, Агенс занимает или вертикальное, или горизонтальное положение (или положение сидя с опорой на ягодицы), имеет Опору для своего тела. Для того чтобы опереться или прислониться к чему-нибудь, должна существовать вторая Опора, например, Агенс может стоять на полу и опираться на стену или на стол. Кроме того, опираться на что-либо можно и находясь в движении: во время ходьбы, при подъеме на гору, на лестницу, или при спуске с горы, с лестницы. Эта особенность отличает глагол *s'appuyer* от других глаголов, входящих в рассматриваемую группу.

Суперлексема этого глагола содержит следующие глагольные лексемы:

1) переходный глагол *appuyer* 'опирать, прислонять, прижимать';

2) непереходный глагол *appuyer* 'опираться (на), прислоняться (к), нажимать (на)';

3) местоименный глагол *s'appuyer* 'опираться'.

Для всех перечисленных глаголов данной группы мы считаем, что наиболее простое исходное значение, выражающее положение тела человека в пространстве или переход в это положение, имеют местоименные глаголы, которые, с другой стороны, являются более сложными морфологически. Описание каждой суперлексемы мы начинаем с местоименного глагола.

Местоименный глагол s'appuyer *'опираться'*

Местоименный непереходный глагол *s'appuyer* 'опираться' является производным от переходного глагола *appuyer.* Он обозначает переход от стандартного положения тела (с одной Опорой) к нестандартному положению с двумя Опорами или нахождение тела в нестандартном положении. Подлежащим глагола *s'appuyer* в значении 'опираться', 'прислоняться' является одушевленное личное имя:

(1) *Nendaz se lève, Nendaz* ***s'appuie*** *sur sa canne, il sort sur le perron, il descend l'escalier.*
'Нанда встает, Нанда опирается на свою трость, он выходит на крыльцо, спускается по лестнице'. (Ch.-F. Ramuz. Derborence, 1934, p. 228) [Trésor]

Глагол *s'appuyer* обозначает нестандартное положение тела, если он употребляется в тех временных формах, которые

обозначают длительное действие или состояние, чаще всего в презенсе (présent) и в имперфекте (imparfait):

(2) *Marcelle **s'appuyait** d'une main à l'oreiller* ⟨…⟩.
'Марсель одной рукой опиралась на подушку ⟨…⟩'. (J.-P. Sartre. L'âge de raison. Paris, Gallimard, 1945, p. 200)

Переход тела в нестандартное положение передается глаголом *s'appuyer* в простом прошедшем (passé simple), сложном прошедшем (passé composé) и плюсквамперфекте (plus-que-parfait) — временах, которые имеют значение завершенного действия (3)−(5):

(3) *Lola se leva avec effort. Mathieu crut qu'elle allait tomber mais elle **s'appuya** à la table et prit une profonde respiration*.
'Лола с трудом встала. Матье подумал, что она упадет, но она оперлась о стол и сделала глубокий вдох'. (J.-P. Sartre. L'âge de raison. Paris, Gallimard, 1945, p. 241)

(4) *Le bois s'épaissit, l'obscurité devint profonde* ⟨…⟩ *Il enfonçait dans des tas de feuilles mortes, et il **s'appuya** contre un chêne pour haleter un peu*[3].
'Лес стал гуще, наступила глубокая темнота. ⟨…⟩ Он погружался в кучи сухих листьев, потом прислонился к дубу, чтобы немного отдышаться'. (G. Flaubert. Trois contes)

(5) *Il **s'appuya** contre le montant de la porte et pensa: "Elle est là".*
'Он прислонился к дверному косяку и подумал: «Она здесь»'. (J.-P. Sartre. L'âge de raison. Paris, Gallimard, 1945, p. 310)

Примеры (2)–(5) иллюстрируют ситуацию, когда человек опирается на что-либо, находясь в неподвижности, стоя, сидя или лежа. Ниже мы приводим примеры, описывающие ситуацию опоры при движении:

(6) *Les remparts étaient couverts de monde quand Vitellius entra dans la cour. Il **s'appuyait** sur le bras de son interprète, suivi d'une grande litière rouge ornée de panaches et de miroirs* ⟨…⟩.
'Крепостные стены были полны народа, когда Вителлиус вошел во двор. Он опирался на руку своего переводчика, за ним

[3] Ряд примеров из французской художественной литературы получен нами из источников, размещенных в интернете. В таких случаях мы не указываем страницы.

следовали большие красные носилки, украшенные плюмажами и зеркалами ⟨…⟩’. (G. Flaubert. Trois contes)

(7) *Et bientôt, entrèrent dans la chambre, un vieil homme et une vieille femme, courbés, poudreux, en habits de toile, et* ***s’appuyant*** *sur un bâton.*

‘И вскоре вошли в комнату старые мужчина и женщина, сгорбленные, запыленные, одетые в полотнянные одежды и опирающиеся на палку’. (G. Flaubert. Trois contes)

В подобных случаях глагол *s’appuyer* обозначает регулярно повторяющиеся перемещения Опоры при движении. Рабочей частью является рука, а Опорой палка или трость.

Если глагол *s’appuyer* обозначает опору при движении он употребляется в имперфекте, презенсе или в форме причастия 1, то есть в имперфективных формах, которые могут иметь значение многократности.

Поскольку глагол *s’appuyer* в двух описанных случаях (при неподвижности Агенса, когда он находится в одном из стандартных положений и при движении Агенса) описывает различные ситуации и имеет разные грамматические признаки, целесообразно считать, что это две разные лексемы. Поэтому мы приписываем им два разных значения: соответственно *s’appuyer*$_1$ (если Агенс стоит, сидит или лежит), и *s’appuyer*$_2$, (если агенс перемещается).

Глагол *s’appuyer* часто употребляется в неличных формах. В предложении эти формы обозначают не основное, а сопутствующее действие, тогда как основное действие выражается личной формой глагола. В примерах (1)–(6) этот глагол обозначает основное действие и употреблен в личных формах. Употребление причастия 1 (participe présent) (7), герундия (gérondif) (8) и причастия 2 (participe passé) (9),(10) свидетельствует о том, что глагол выражает состояние или положение в пространстве, сопутствующее основному действию:

(8) *En ce moment, le majordome se leva. «Monsieur le docteur boira bien un verre de vin?» dit-il* ***en s’appuyant*** *au dos de mon fauteuil.*

‘В этот момент мажордом встал. «Господин доктор не откажется выпить стаканчик вина?» сказал он, опираясь на спинку моего кресла’. (Erckmann-Chatrian. Contes de la montagne)

Причастие 2 от глагола *s'appuyer* обозначает пространственное положение тела и не может обозначать переход в это положение (9), (10):

(9) — *Entre, mon vieux! je suis seule* ⟨…⟩ *Renvoie ta voiture. Est-elle payée?*
— *Oui, dit le baron en descendant* ***appuyé*** *sur le bras de Josepha.*
'— Входи, дружок! я одна ⟨…⟩ Отошли свою карету. Она оплачена?
— Да, сказал барон, выходя из кареты, опираясь на руку Жозефы'. (H. de Balzac. La cousine Bette)

(10) *Après ces mots mêlés à des larmes, à des sanglots, Mme Hulot trouva la force de monter chez elle,* ***appuyée*** *sur le bras de sa fille et sur celui de Célestine.*
'После этих слов, прерываемых слезами и рыданиями, мадам Юло нашла в себе силы подняться в свою комнату, опираясь на руки дочери и Селестины'. (H. de Balzac. La cousine Bette)

Оборот, состоящий из глагола движения и инфинитива *s'appuyer* (11), обозначает переход в нестандартное положение:

(11) — *Marneffe, mon chat! dit-elle* ***en venant s'appuyer*** *sur l'epaule de son mari,* ⟨…⟩ *il est bien tard pour toi, tu devrais t'aller coucher.*
'— Марнеф, котик! сказала она, подойдя и опершись на плечо своего мужа ⟨…⟩ для тебя уже очень поздно, тебе бы нужно пойти спать'. (H. de Balzac. La cousine Bette)

Приведенные примеры показывают, что стандартное положение тела человека, опирающегося на что-либо, может быть различным. Так, в примерах (3)–(5) Агенс стоит, в примере (2) — сидит или лежит, в примерах (9)–(10) — Агенс находится в движении.

На синтаксическом уровне Агенс представлен подлежащим. Опоре, которая может представлять собой предмет (1)–(5), (7), (8) или часть тела другого человека (6), (9)–(11), соответствует косвенное дополнение. Дополнение вводится предлогами *sur* (1), (7)–(9) и *à* (2), (3), (6), реже встречается предлог *contre* (4), (5). Предлог *sur* употребляется, когда опираются на что-либо сверху, предлог *à* может употребляться в случаях опоры сверху и сбоку, а предлог *contre* имеет значение 'тесно прижимать(ся)'.

Дополнение, обозначающее Рабочую часть, вводится предлогом *de* (2). Опущение этого дополнения (которое встречается часто) может объясняться тем, что оно является избыточным, так как характер Опоры подсказывает, какая часть тела является рабочей. Так, в примерах (4) и (5) понятно, что Агенс прижался к вертикальной Опоре всем телом (спиной или боком). В остальных примерах из контекста ясно, что Рабочей частью является рука (или руки).

Неместоименный переходный глагол appuyer *‘опирать’, ‘подпирать’, ‘прижимать’*

Переходный глагол, входящий в описываемую суперлексему, в том случае, когда он обозначает положение тела человека в пространстве, имеет семантические валентности на Агенса, Рабочую часть, Опору. См., например:

(12) *Elle **appuya** son bras contre celui de Mathieu. Il avait la peau plus blanche que Marcelle.*
‘Она прижала свою руку к руке Матье. У него кожа была белее, чем у нее’. (J.-P. Sartre. L’âge de raison, Paris, Gallimard, 1945, p. 16)

В примере (13) переходный глагол *appuyer* употребляется в форме пассивного причастия 2, входящего в абсолютный причастный оборот, подлежащим которого является имя, обозначающее Рабочую часть (тела человека), а косвенное дополнение обозначает Опору:

(13) *Hulot d’Ervé aperçut ce vieux lion, les cheveux épars comme une crinière, debout à la cheminée, les sourcils contractés, le dos **appuyé** au chambranle et les yeux distraits en apparence.*
‘Юло д’Эрвэ заметил этого старого льва, с волосами, разметавшимися, как грива, нахмуренного, прислонившегося спиной к косяку двери (букв.: со спиной прислоненной к косяку двери) с рассеянным видом’. (H. de Balzac. La cousine Bette)

Переходный глагол *appuyer* может также принимать косвенно-рефлексивную форму с прямым дополнением, обозначающим часть тела человека, и дативным возвратным местоимением:

(14) *Il s’accouda sur le bras du fauteuil, **s’appuya** la tête dans sa main gauche, et resta perdu dans une de ces méditations*

funèbres, dans ces pensées dévorantes dont le secret est emporté par les condamnés à mort.

'Он облокотился на ручку кресла, оперся головой на левую руку (букв.: опер себе голову на левую руку) и сидел, охваченный теми мрачными раздумьями, теми тяжелыми мыслями, секрет которых уносят с собой осужденные на казнь'. (H. de Balzac, La Peau de chagrin)

Обычно переходный глагол *appuyer* по своему значению связан с глаголом *s'appuyer*$_1$, предполагающим нахождение агенса в статике.

Непереходный глагол appuyer *'опираться'*

В рассматриваемую суперлексему входит также непереходный глагол *appuyer* 'опираться'. Словарь [Trésor], дает следующее толкование этому глаголу: *Se servir d'un support, d'un soutien matériel pour garder son équilibre* 'Пользоваться опорой, материальной поддержкой, чтобы сохранить равновесие' и приводит следующий пример:

(15) *Des vieilles se hâtaient à petits pas cassés, une main à la hanche, l'autre* ***appuyant*** *sur un bâton;* ⟨…⟩.

'Старухи торопились, семенили, держа одну руку на бедре и опираясь другой на палку; ⟨…⟩ (букв.: другая опиралась на палку)'. (H. Pourrat, Gaspard des montagnes, Le Château des sept portes, 1922, p. 112) [Trésor]

Различие между местоименным глаголом *s'appuyer* и непереходным глаголом *appuyer* заключается в том**,** что в первом случае подлежащим является имя, обозначающее одушевленного Агенса, а во втором случае подлежащим является наименование Рабочей части (например, руки, пальцев), при помощи которой действие осуществляется. Толкование непереходного глагола *appuyer* включает также роль Опоры, на которую частично переносится вес тела. Непереходный глагол *appuyer* может быть связан семантически как с глаголом *s'appuyer*$_1$*, так и с appuyer*$_2$ (15).

4. Грамматика глаголов *accouder*/*s'accouder* 'облокачивать/облокачиваться'

В суперлексеме глаголов *accouder*/*s'accouder* семантически исходной является местоименная форма глагола, обозначающая

как переход к нестандартному положению тела человека в пространстве, так и само это положение.

В словаре [Trésor] этому глаголу дается следующее толкование: *S'accouder. Poser le coude ou les coudes sur quelque chose qui sert d'appui, s'appuyer du (des) coude(s) contre quelque chose.* 'Поставить локоть или локти на что-то, что служит опорой, опираться локтем (локтями) на что-то'.

Рассматриваемый глагол обозначает нестандартное положение с опорой на какой-нибудь предмет. В отличие от глагола *s'appuyer*, глагол *s'accouder* употребляется только тогда, когда Агенс неподвижен, сидит, стоит или лежит. Иначе говоря, значение глагола *s'accouder* подразумевает статичность, подобно глаголу *s'appuyer*$_1$.

Глагол *s'accouder* в финитных формах, имеющих перфективное значение (passé simple, passé composé, plus-que-parfait), обозначает переход тела в нестандартное положение (16)–(19):

(16) *J'étais là depuis un quart d'heure, quand une main se posa lentement sur mon épaule; je me retournai: la figure calme et le sourire silencieux de Gédéon me saluèrent d'un: «Gouden tâg Fritz!» Puis il* ***s'accouda*** *près de moi, sur la pierre, fumant son bout de pipe.*
'Я был там уже с четверть часа, когда почувствовал, что чья-то рука медленно легла мне на плечо; я обернулся: Гедеон со спокойным лицом и молчаливой улыбкой приветствовал меня: «Добрый день, Фриц!» Потом он облокотился на камень около меня, куря свою трубочку'. (Erckmann-Chatrian. Contes de la montagne)

(17) ⟨…⟩ *ils* ***s'accoudèrent*** *à la fenêtre et se serrèrent doucement la main.*
'⟨…⟩ они облокотились на окно и нежно соединили руки'. (A. de Musset, La Confession d'un enfant du siècle, 1836, p. 373.) [Trésor]

(18) *«⟨…⟩ je* ***me suis accoudé*** *sur le parapet du pont pour voir l'eau tourbillonner sous l'arche et emporter les brins d'herbe qu'elle arrachait sur les bords ⟨…⟩»*
'«⟨…⟩ я облокотился на перила моста, чтобы посмотреть, как вода бурлит под его аркой и уносит траву, которую она

сорвала с берегов ⟨…⟩»’. (G. Flaubert, La Première éducation sentimentale, 1845, p. 117) [Trésor]

(19) *Il **s’accouda** au comptoir: — Bonsoir tout le monde.*
‘Он облокотился на прилавок: «Всем добрый вечер»’. (J.-P. Sartre. L’âge de raison, Paris, Gallimard, 1945, p. 27)

В отличие от перфективных времен, форма имперфекта может выражать длительность (20), или повторяемость (21), на которую указывает контекст. В первом случае он выражает нахождение тела в нестандартном положении, во втором — переход в нестандартное положение:

(20) *— Quand nous vînmes ici pour la première fois, il **s’accoudait** à l’appui de sa pauvre croisée avec une femme en deuil, bien pâle, bien maigre, et qui semblait si faible!*
‘— Когда мы пришли сюда в первый раз, он облокачивался на подоконник своего бедного окошка вместе с женщиной в трауре, очень бледной, очень худой, которая казалась такой слабой!’ (P. Féval, Les habits noirs)

(21) *Un pas vers ces fenêtres où elle **s’accoudait** souvent pour regarder au-dehors: mais non, là il y avait ces treillages de bois, ces grilles de fer qui l’exaspéraient*.
‘Один только шаг до окон, на которые она часто облокачивалась, чтобы посмотреть наружу: но нет, там были деревянные изгороди, металлические решетки, которые ее раздражали’. (P. Loti, Les désenchantées)

Те же два значения могут выражаться и формой презенса.

Подобно глаголу *s’appuyer*, глагол *s’accouder* часто употребляется в неличных формах. В разных формах он может иметь значения либо действия, либо состояния. Инфинитив *s’accouder*, употребленный с глаголом движения (22) или с фазовыми глаголами (23) обозначает переход в нестандартное положение:

(22) *Mathieu ⟨…⟩ **alla s’accouder** au balcon ⟨…⟩*. (J.-P. Sartre. L’âge de raison. Paris, Gallimard, 1945, p. 152)
‘Матье ⟨…⟩ пошел и облокотился на балкон ⟨…⟩’.

(23) *Il n’était pas pressé de partir. Il traînait, le dîner fini, dans son appartement, fumant sa pipe, hésitant à se servir un petit verre*

de prunelle, se campant parfois devant la fenêtre à laquelle il finit par ***s'accouder****.*

'Он не спешил уйти. После обеда он ходил по квартире, куря трубку, сомневаясь, не выпить ли рюмочку сливянки, останавливаясь иногда у окна, на которое он, наконец, облокотился'. (G. Simenon. Maigret tend un piège. 1957, p. 66)

В формах герундия и причастий данный глагол употребляется, когда выражает действие, сопутствующее основному. В следующих примерах герундий (gérondif) (24), причастие 1 (participe présent) (25) и сложное причастие прошедшего времени (participe passé composé) (26) имеют значение перехода в нестандартное положение:

(24) *— Cela m'intéresse, dit vivement d'Artagnan* ***en s'accoudant*** *sur la fenêtre* ⟨…⟩.

'— Это меня интересует, живо ответил д'Артаньян, облокачиваясь на подоконник ⟨…⟩'. (A. Dumas. Trois mousquetaires)

(25) *Elle s'agenouilla,* ***s'accoudant*** *au prie-dieu, les yeux errant d'ogive en ogive, comme si elle les comptait.*

'Она встала на колени, облокотясь на скамеечку для молитвы, ее глаза скользили с одной арки на другую, как будто бы она считала их'. (J. Péladan, Le Vice suprême, 1884, p. 251)

(26) *Enfin, elle releva la tête, essuya ses joues baignées de larmes, et,* ***s'étant accoudée*** *au bras de son fauteuil, la joue dans la main, les yeux fixés sur un portrait suspendu au mur, elle reprit d'une voix lente et mélancolique* ⟨…⟩.

'Наконец, она подняла голову, вытерла щеки, мокрые от слез, и, облокотясь на подлокотник кресла, прижавшись щекой к руке, устремив глаза на портрет, висящий на стене, она заговорила медленно и печально ⟨…⟩'. **(**Erckmann-Chatrian. Contes de la montagne)

Употребленный в форме причастия 2, этот глагол обозначает нахождение Агенса в нестандартном положении (27), (28):

(27) *Pardonnez-moi, madame, d'avoir troublé vos songes. Je vous contemplais. Seule, immobile,* ***accoudée****, vous m'avez semblé l'ange du rêve.*

'Простите мне, мадам, что я нарушил ваш покой. Я любовался вами. Одинокая, облокотившаяся, неподвижная, вы

показались мне ангелом из мечты’. (A. France. L’étui de nacre)

(28) ***Accoudée*** *au mur du jardin, je pouvais gratter du doigt le toit du poulailler.*
‘Облокотившись на изгородь сада, я могла процарапать пальцем крышу курятника’. (Colette. La maison de Claudine, 1922)

Помимо личного агенса, который при финитных формах представлен подлежащим, обязательными семантическими актантами глагола *s’accouder* являются Опора и Рабочая часть. Имя, обозначающее Опору, вводится предлогами *à* (17), (19), (20), (22), (23), (25), (26), (28) или *sur* (16), (18), (24). Что касается Рабочей части, то эта семантическая роль у данного глагола редко получает синтаксическое выражение, поскольку обозначена самим корнем глагола. Если нужно уточнить, на правую или левую руку, или на обе руки агенс облокотился, то дополнение, обозначающее Рабочую часть, вводится предлогами *de* (29) или *sur* (30):

(29) *Il avait un geste familier. Il* ***s’accoudait*** *du bras droit, posait sa joue sur ses doigts et, de l’ongle du petit doigt libre, se touchait une dent rentrée* ⟨…⟩.
‘У него был характерный жест. Он облокачивался на правую руку, ложился щекой на пальцы и ногтем свободного мизинца трогал свой кривой зуб ⟨…⟩’. (J. Renard, Journal, 1897, p. 406) [Trésor]

(30) *Il y en avait parmi nous qui fumaient des cigarettes,* ***accoudés*** *sur les deux bras; c’est la pose que prennent les chasseurs quand ils sont à l’affût du canard.*
‘Некоторые из нас курили сигареты, облокотясь на обе руки; это та поза, которую принимают охотники, подстерегающие утку’. (A. Achard. Récits d’un soldat (1871)

Примечание

Во французском языке глагол *s’accouder* не расширил свою сферу употребления, в отличие от русского глагола *облокотиться* [Дмитренко 2011], поэтому в позиции косвенного дополнения, обозначающего Рабочую часть, может употребляться только слово *le bras* (*les bras*) ‘рука’ (‘руки’).

Причину этого можно видеть в том, что значения ‘опираться’, ‘прислоняться’ распределяются между четырьмя глаголами

названной группы, причем самым широким значением обладает глагол *s'appuyer*, а глагол *s'accouder* сохранил свое первоначальное значение.

Переходный глагол accouder

К рассматриваемой суперлексеме принадлежит также переходный глагол *accouder*, имеющий каузативное значение 'облокотить' или 'заставить облокотиться'. Употребление этого глагола стилистически маркировано и является принадлежностью высокого литературного стиля. Словарь [Trésor] дает всего один пример на его употребление с неодушевленным именем в позиции подлежащего (одушевленному Агенсу в примере (31) соответствует местоименное дополнение *les*):

(31) *Une immense mélancolie les* ***accouda*** [*les deux jeunes princes*] *sur le parapet* [*du fleuve*].
'Тяжелая меланхолия заставила их [двух юных принцев] облокотиться на парапет [реки]'. (G. D'Esparbès, Le Roi, 1901, p. 63) [Trésor]

В суперлексеме *accouder*/*s'accouder* общеупотребительным является только местоименный глагол.

5. Грамматика глаголов *adosser*/*s'adosser* 'прислонять/прислоняться (спиной)

Глагол *s'adosser* 'прислоняться (спиной)' является также одним из глаголов нестандартных положений тела в пространстве и в то же время глаголом перехода в это нестандартное положение. Суперлексема этого глагола состоит из двух глагольных лексем, а именно: переходного глагола *adosser* 'прислонять' и местоименного глагола *s'adosser* 'прислоняться (спиной)'.

В названной суперлексеме семантически исходным является местоименный глагол *s'adosser*, актантная рамка которого включает Агенса, Опору и Рабочую часть. Как и в ситуациях, выражаемых глаголом *s'accouder*, Агенс переходит в нестандартное положение обязательно из одного из стандартных положений (из положений 'стоять', 'сидеть', 'лежать'), при этом его исходное положение остается прежним, но усложняется тем, что он получает дополнительную Опору, например, Агенс стоит на земле (основная Опора) и прислоняется спиной к дереву (дополнительная

Опора). В роли Рабочей части в данном случае (как следует из внутренней формы глагола) выступает спина (*le dos*). При этом обязательных синтаксических валентностей у данного глагола всего две: первая соответствует Агенсу, а вторая — Опоре.

Словарь [Trésor] дает следующее толкование глаголу *s'adosser*: *Appuyer son dos contre quelque chose, se mettre contre quelque chose qui sert d'appui.* 'Опереться спиной на что-либо, поместиться около чего-либо, что служит опорой'.

Значение глагола варьирует в зависимости от того, в какой форме он употреблен: когда глагол употребляется в простом прошедшем времени (passé simple), сложном прошедшем (passé composé), или плюсквамперфекте (plus-que-parfait), он обозначает переход Агенса в нестандартное положение:

(32) *Comme un éblouissement l'aveuglait, il* ***s'adossa*** *à un arbre, les yeux fermés*.
'Ослепленный вспышкой света, он прислонился спиной к дереву, закрыв глаза'. (E. Zola. Ventre de Paris)

(33) *Dans le couloir, il* ***s'adossa*** *au mur et se mit à pleurer à grosses larmes.*
'В коридоре он прислонился к стене и заплакал горькими слезами'. (P. Masle. Anges ou démons)

(34) *Elle* ***s'adossa*** *aux coussins du divan:*
— Comme c'est douillet ⟨…⟩.
'Она откинулась на подушки дивана:
— Как мягко ⟨…⟩'. (J.-P. Sartre. L'âge de raison. Paris, Gallimard, 1945, p. 317)

Имперфект может иметь два значения: значение нестандартного положения, если он обозначает одно длительное состояние (35), и перехода в нестандартное положение, если он имеет грамматическое значение многократности, обычно выводимое из контекста (36), (37):

(35) *Sa toilette terminée, il s'approcha du guichet de la cantine auquel* ***s'adossait*** *un gardien: "Voyons, monsieur, lui dit-il, prêtez-moi vingt francs* ⟨…⟩*".*
'Закончив свой туалет, он подошел к окошечку лавочки, у которого стоял, прислонившись, сторож. «Простите, месье,

сказал он ему, одолжите мне двадцать франков ⟨…⟩»’. (A. Dumas. Le comte de Monte-Cristo)

(36) *Le soir, il mangeait dans une crémerie de la rue Saint-Victor, coupant son pain par petites tranches, mâchant avec lenteur, faisant traîner son repas le plus possible; puis il se renversait, il* ***s’adossait*** *au mur, et fumait sa pipe.*
‘Вечерами он ел в молочном кафе на улице Сен-Виктор, нарезая свой хлеб тонкими кусками, медленно пережевывая, стараясь продлить свой обед как можно дольше; потом откидывался назад, прислонялся к стене и курил трубку’. (E. Zola, Thérèse Raquin*,* 1867, p. 99) [Trésor]

(37) *A nouveau il se taisait, protestait,* ***s’adossait*** *au fauteuil ⟨…⟩, marmonnant qu’il n’en reparlerait jamais, jamais ⟨…⟩.*
‘Он снова умолкал, протестовал, откидывался на спинку кресла ⟨…⟩, бормоча, что он больше никогда, никогда не будет заговаривать об этом ⟨…⟩’. (Ch. Majdalani. Histoire de la grande maison)

Глагол *s’adosser* употребляется только тогда, когда Агенс неподвижен, прислоняться спиной можно стоя, сидя, лежа, но не на ходу (см. примеры (32)–(37)).

Подобно другим глаголам данной группы, глагол *s’adosser* иногда употребляется в неличных формах, обозначая не основное действие Агенса, а добавочное, дополнительное. При этом герундий и причастие 1 (38) обозначают переход Агенса к нестандартному положению тела, а причастие 2 (39), (40) обозначает нестандартное положение Агенса:

(38) *M. Le Campion ⟨…⟩ se leva et* ***s’adossant*** *à la cheminée:*
— Notre administration, dit-il en pesant ses paroles, a l’honneur de compter dans son sein plusieurs littérateurs français ⟨…⟩
‘Господин Ле Кампион ⟨…⟩ встал и, прислоняясь к камину, сказал, подчеркивая свои слова:
— Наша администрация имеет честь насчитывать в своем составе несколько французских литераторов ⟨…⟩’. (E. Gaboriau. Les gens de bureau. Paris, 1877)

(39) *Dans le salon, les membres du comité recevaient leurs hôtes ⟨…⟩ Adeline,* ***adossé*** *à la cheminée, souriant et accueillant,*

avait près de lui le comte de Cheylus, le général Epaminondas et l'ancien ambassadeur ⟨…⟩.
'В салоне члены комитета принимали своих гостей ⟨…⟩. Аделин, прислонившись спиной к камину, улыбающийся и приветливый, стоял в обществе графа Шейлюса, генерала Эпаминондаса и отставного посла ⟨…⟩'. (H. Malot. Baccara, 1886)

(40) *Léon entra, l'air embarrassé et inquiet, regardant autour de lui. — Répondez à tout ce que monsieur vous demandera, dit Adeline en désignant de la main Dantin,* ***adossé*** *à la cheminée.*
'Леон вошел, озираясь с видом смущенным и тревожным. — Ответьте на все вопросы, которые задаст вам этот господин, сказал Аделин, указывая рукой на Дантена, прислонившегося к камину'. (H. Malot. Baccara, 1886)

Сочетание глагола *être* в имперфекте или презенсе с причастием 2 от глагола *s'adosser* является конструкцией субъектного (или активного) результатива [Корди 1974; Недялков 1983] и обозначает нестандартное пространственное положение Агенса:

(41) *Dès la porte cochère, ils entendirent un brouhaha de voix qui partait de l'escalier du cercle, et à travers les glaces de la porte contre laquelle il* ***était adossé*** *ils virent un homme en veste et en calotte blanche, un cuisinier évidemment* ⟨…⟩.
'От самых ворот они услышали шум голосов с лестницы клуба и увидели через стеклянные двери, к которым он прислонялся, человека в белом халате и белой шапочке, по-видимому, повара ⟨…⟩'. (H. Malot. Baccara, 1886)

Дополнение, обозначающее Опору, вводится обычно предлогом à (32)–(40). При тесном контакте с опорой употребляется предлог *contre* (41)–(42):

(42) *Elle* ***s'adossa*** *contre l'évier et porta le breuvage noir à ses lèvres*.
'Она прижалась спиной к раковине и поднесла черную жидкость к губам'. (Huddy, Le défi)

Могут быть и другие способы оформления этого актанта. В частности, при множественном Агенсе возможно оформление при помощи наречного выражения *le long* 'вдоль':

(43) *Les hommes* ***s'adossaient*** *le long du mur.*
'Люди стояли в ряд, прислонясь к стене'. [Trésor]

Кроме того, также с множественным субъектом, этот глагол может употребляться в значении взаимно-возвратном:

(44) ***S'adosser*** *dos à dos.*
'Прислоняться спинами друг к другу'. [Trésor]

Актантная рамка данного глагола включает Рабочую часть, которой, как следует из внутренней формы этого глагола, является спина человека. Поскольку спина является в данном случае Рабочей частью «по умолчанию», этот глагол обычно не предполагает синтаксических актантов, обозначающих Рабочую часть. Тем не менее, такие дополнения иногда возможны и вводятся предлогом *de*:

(45) *Ensuite, il quitta la cuisine et entra dans le petit balcon et* ***s'adossa*** *de tout son corps sur le petit mur en pierre*.
'Затем он вышел из кухни на маленький балкон, где прислонился всем телом к невысокой каменной стене'. (Al-Ahram Hebdo, Littérature)

Переходный глагол adosser *'прислонять'*

Переходный глагол *adosser* 'прислонять' является вторым членом рассматриваемой суперлексемы. По сравнению с глаголом *s'adosser*, он имеет более сложное каузативное значение и предполагает наличие в ситуации Агенса, Пациенса, Рабочей части и Опоры:

(46) *— Allons, du courage, répète Albine. Tu sais que tu m'as promis de faire cinq pas.* ⟨…⟩ *Et elle l'****adossa*** *contre le murier, dans la pluie de soleil tombant des branches.*
'— Ну, смелее, повторяет Альбина. Ты помнишь, что обещал мне сделать пять шагов. ⟨…⟩ И она прислонила его спиной к шелковице под потоками солнечных лучей'. (E. Zola, La Faute de l'abbé Mouret, 1875, p. 1333) [Trésor]

В суперлексеме *adosser*/*s'adosser* наиболее частотным является местоименный глагол.

6. Грамматика глаголов *accoter*/*s'accoter* 'прислонять/прислоняться (сбоку), придвигать/придвигаться'

Семантически в этой суперлексеме наиболее простым значением обладает местоименный глагол *s'accoter*, которому в словаре [Trésor] дается следующее толкование: *Se placer à côté ou au contact de quelqu'un ou de quelque chose pour se soutenir (plus rarement,*

pour soutenir) ‘Занять место рядом или прислониться к кому-нибудь, либо к чему-нибудь, чтобы удержаться на ногах (реже, чтобы удержать, подпереть)’.

Если сравнить его толкование с толкованиями глаголов *s’appuyer*, *s’accouder*, *s’adosser*, выясняется, что имеются и сходства, и различия в значениях. Сходство заключается в наличии одушевленного личного Агенса и в том, что глагол *s’accoter* выражает положение тела Агенса в пространстве относительно некоторого пассивного Объекта неодушевленного или одушевленного, который может быть, но может и не быть Опорой. Дело в том, что контакт между Агенсом и Объектом не обязателен. Человек может стоять рядом, может прислоняться и частично переносить вес своего тела на объект. При наличии контакта между Агенсом и Объектом и в случае частичного переноса веса тела Агенса на Объект, можно говорить о том, что последний является Опорой. В других употреблениях данный глагол должен быть отнесен к другой подгруппе позиционных глаголов. Ниже мы рассмотрим значения этого глагола на примерах.

Глагол *s’accoter* имеет еще одно отличие от других глаголов рассматриваемой группы: в структуру лексемы *s’accoter* входит корень *-cot-*, тот же самый, который образует существительное *le côté* ‘бок’, но, в отличие от глаголов *s’accouder*, *s’adosser*, этот корень в составе данной лексемы обозначает не Рабочую часть, а сторону или бок Опоры (или того Объекта, к которому Агенс придвигается).

Анализ примеров показывает, что этот глагол имеет два разных значения. В некоторых употреблениях глагол *s’accoter*, имеет актантную рамку, включающую личный Агенс, Опору и Рабочую часть (47)–(48):

(47) *Ils s’étayaient sur leurs fusils,* ***s’accotaient*** *aux arbres, bande boueuse d’éclopés qu’aucune volonté ne raidissait plus*.
‘Они опирались на ружья, прислонялись к деревьям, грязная толпа калек, которых больше не поддерживала ничья воля’. (R. Dorgelès. Les croix de bois, 1919, p. 220) [Trésor]

(48) ⟨…⟩ *il perdit l’équilibre et chancela contre le mur* ⟨…⟩. ***Accoté*** *d’une épaule, les jambes fléchissantes, il serrait les crosses au point que ses mains ne les sentaient plus* ⟨…⟩.
‘⟨…⟩ он потерял равновесие и качнулся к стене ⟨…⟩. Прислонясь (к ней) одним плечом, со слабеющими ногами, он

так сжимал свои костыли, что его руки уже не чувствовали их ⟨…⟩'. (A. de Châteaubriand. Monsieur des Lourdines)

Агенс выражается подлежащим, Опора — косвенным дополнением с предлогом *à*, Рабочая часть — косвенным дополнением с предлогом de (48). Глагол *s'accoter* обозначает такое положение тела Агенса, при котором его вес частично переносится на Опору.

Но есть и такие употреблениия, когда *s'accoter* обозначает приближение к некоторому Объекту без опоры на него и даже иногда без контакта:

(49) — *Lorsqu'ils feront ce voyage, la gare de Morcenx passée, lorsque le train à toute vapeur file sur Dax, qu'ils* ***s'accotent*** *à la vitre de droite du compartiment.*
'— Во время этого путешествия, когда они минуют станцию Морсенс и поезд на полном ходу будет приближаться к Даксу, пусть они встанут около правого окна своего купе'. (P. Benoît. Mademoiselle de la Ferté)

(50) *Antoine s'assit près d'elle; mais au lieu de* ***s'accoter*** *à lui, elle appuya son front à la vitre noire*.
'Антуан сел рядом с ней; но вместо того, чтобы придвинуться к нему, она прижалась лбом к черному стеклу'. (R. Martin du Gard, Les Thibault, La Belle saison, 1923, p. 1036) [Trésor]

(51) *Comment tout cela est-il arrivé? demanda-t-il, en allumant flegmatiquement un cigare et* ***en s'accotant*** *pour mieux écouter.*
'Как все это случилось? — спросил он, хладнокровно зажигая сигару и придвигаясь, чтобы лучше слышать'. (G. Le Rouge. Le prisonnier de la planète Mars)

Мы считаем, что в этих двух случаях надо приписать два разных значения глаголу *s'accoter*: в значении $s'accoter_1$ 'прислоняться' он имеет актантную рамку, включающую Агенс, Опору и Рабочую часть и обозначает частичный перенос веса тела Агенса на Опору, в значении $s'accoter_2$ 'придвигаться' его актантная рамка включает Агенс и Пассивный Объект, к которому Агенс придвигается. К рассматриваемой лексической группе принадлежит только глагол $s'accoter_1$ 'прислоняться'.

Во всех своих употреблениях глагол *s'accoter* предполагает нахождение Агенса в статике, он обычно стоит или сидит.

Глагол *s'accoter* имеет грамматические значения перехода к нестандартному положению тела, когда он употребляется в одной из перфективных форм: простом прошедшем (52), сложном прошедшем или плюсквамперфекте:

(52) *Il **s'accota** sous l'auvent d'une boutique, le dos contre la muraille, et n'avança plus*.
'Он прижался под навесом какой-то лавки, спиной к стене, и не пошел дальше'. (G. Flaubert, Salammbô, t. 2, 1863, p. 164) [Trésor]

Будучи употреблен в презенсе или имперфекте, он имеет значение нахождения в нестандартном пространственном положении (47).

Как и все позиционные глаголы, глагол *s'accoter* часто выражает действие или состояние, сопутствующее основному действию и употребляется в формах герундия (53), (54), причастия 1, причастия 2 (48), (55), тогда как основное действие выражается финитными формами глаголов:

(53) *Beaucoup étaient si épuisés qu'ils ne tenaient debout qu'**en s'accotant** deux à deux, épaule contre épaule*.
'Многие были так истощены, что могли стоять только прижимаясь друг к другу по двое, плечом к плечу'. (F. Ambrière. Les grandes vacances, 1946, p. 166) [Trésor]

(54) *Ils eurent une peine extrême à sortir. Le vent les repoussait. Mais enfin, ils y parvinrent, et ne purent se tenir debout qu'**en s'accotant** contre les roches.*
'С огромным трудом они вышли наружу. Ветер не пускал их. Но наконец они выбрались и смогли держаться на ногах, только прижимаясь к скалам'. (Jules Verne. L' île mystérieuse)

(55) *Pencroff songea tout d'abord à utiliser le foyer, en préparant un souper plus nourrissant qu'un plat de lithodomes. Deux douzaines d'oeufs furent apportées par Harbert. Le reporter, **accoté** dans un coin, regardait ces apprêts sans rien dire.*
'Пенкрофф сразу же подумал о том, чтобы использовать очаг, приготовив более питательный ужин, чем блюдо из

моллюсков. Герберт принес две дюжины яиц. Репортер, прислонившийся к уголку, молча смотрел на эти приготовления'. (J. Verne. L'île mystérieuse)

Местоименный глагол *s'accoter*, как и остальные глаголы данной группы, может иметь взаимно-возвратное значение, когда несколько человек взаимно служат опорой один для другого (56):

(56) *Rien n'est plus curieux qu'une barricade qui se prépare à l'assaut. Chacun choisit sa place comme au spectacle. On* ***s'accote****, on s'accoude, on s'épaule.*
'Нет ничего более любопытного, чем баррикада, которая готовится к приступу. Каждый выбирает свое место, как на спектакле. Стоят, тесно прижавшись друг к другу боками, локтями, плечами'. (V. Hugo, Les misérables)

Переходный глагол accoter *'прислонять'*

К суперлексеме этого глагола относится также переходный глагол *accoter* 'прислонять', имеющий каузативное значение. Глагол имеет актантную рамку, включающую Агенс, Пациенс, Опору: (57):

(57) *On se contente de le [le blessé] mettre à l'abri dans un coin, de* ***l'accoter*** *à un arbre ou au revers d'un fossé* ⟨…⟩.
'Ограничиваются тем, что помещают его (раненого) в тихий уголок, прислоняют к дереву, или к склону канавы'. (A. Daudet. Jack)

Пациенс, прислоняемый к опоре, может либо стоять, либо сидеть.

В этой суперлексеме наиболее употребительным является глагол *s'accoter.*

7. Выводы

В статье рассматривается группа из четырех местоименных глаголов, обозначающих нестандартное положение тела человека в пространстве и переход к нестандартному положению: *s'appuyer* 'опираться', *s'accouder* 'облокачиваться', *s'adosser* 'прислоняться спиной' и *s'accoter* 'прислоняться сбоку, придвигаться'.

Все эти глаголы имеют актантную рамку, включающую личного Агенса, Опору, Рабочую часть (тела Агенса). Агенс

представлен подлежащим, Опора и Рабочая часть — косвенными дополнениями.

В пресуппозиции значения глаголов этой группы является исходное стандартное положение Агенса в пространстве: Агенс сидит, стоит или лежит и одновременно прислоняется к Опоре, на которую частично переносится вес тела Агенса.

Два глагола, *s'accouder* 'облокачиваться' и *s'adosser* 'прислоняться спиной', имеют корень, обозначающий Рабочую часть (тела человека), которая находится в контакте с Опорой.

Самое широкое значение свойственно глаголу *s'appuyer*, который может употребляться для обозначения опоры как при стандартном положении Агенса, когда он сидит, стоит или лежит, так и при его движении. Поэтому глаголу *s'appuyer* приписываются два значения, он рассматривается как две лексемы, одна из которых (*s'appuyer*$_1$) входит в рассматриваемую группу.

Глагол *s'accoter* 'прислоняться сбоку, придвигаться' также имеет два значения, но входит в изучаемую лексическую группу только в значении *s'accoter*$_1$ 'прислоняться', а в значении *s'accoter*$_2$ должен входить в другую лексическую группу позиционных глаголов.

Переход Агенса в нестандартное положение и само это положение выражается разными видо-временными формами глаголов. Формы простого прошедшего, сложного прошедшего и плюсквампефекта обозначают переход в пространственное положение, а формы презенса и имперфекта имеют два значения: нахождение в пространственном положении и переход в пространственное положение. Неличные формы употребляются, если позиционный глагол обозначает не главное действие/состояние, а сопутствующее главному. Каждый местоименный глагол имеет родственные неместоименные глаголы, переходные и непереходные, которые образуют его суперлексему.

Литература

Дмитренко 2011 — С. Ю. Дмитренко. Заметки о глаголе *облокотиться* // Л. А. Вербицкая и др. (ред.). Лингвистика от Востока до Запада. Сборник статей к 70-летию проф. В. Б. Касевича. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 388–401.

Дмитренко, Храковский 2011 — С. Ю. Дмитренко, В. С. Храковский. Глаголы стандартных и нестандартных положений в простран-

стве // И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 182–206.

Корди 1974 — Е. Е. Корди. О грамматических значениях аналитической формы *être* + participe passé во французском языке // В. М. Солнцев (ред.). Проблемы семантики. М.: Наука, 1974. С. 181–188.

Кравченко 1998 — И. Н. Кравченко. Когнитивно-семантический анализ глаголов *сидеть*, *стоять* и *лежать* // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология 5, 1998. С. 62–72.

Недялков 1983 — В. П. Недялков. Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983.

Рахилина 1994 — Е. В. Рахилина. Семантика размера // Семиотика и информатика 34, 1994. С. 58–81.

Холодович 1979 — А. А. Холодович. Глагол в современном японском языке // А. А. Холодович. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. С. 8–160.

Newman (ed.) 2002 — J. Newman (ed.). The Linguistics of Sitting, Standing and Lying [Typological Studies in Language 51]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2002.

Trésor — Le trésor de la langue française informatisé (http://atilf.atilf.fr).

А. Б. Летучий

НИУ ВШЭ — ИРЯ РАН, Москва

МЕЖДУ ПАССИВОМ И ДЕКАУЗАТИВОМ: РУССКИЕ МОДАЛЬНЫЕ ПАССИВЫ[1]

Дорогому Виктору Самуиловичу
с огромным уважением

1. Обсуждаемая проблема

В работах Петербургской типологической школы, в особенности В. С. Храковского и В. П. Недялкова, огромное внимание уделяется категориям залога и актантной деривации. В частности, специальный сборник [Холодович (ред.) 1974] посвящен пассивизации. Его определяют как залоговое преобразование, которое понижает статус подлежащего до периферийной именной группы и (не всегда) продвигает в позицию подлежащего исходный прямой объект:

(1а) *Группа исследователей составляет новый словарь.*

(1б) *Новый словарь составляется* (*группой исследователей*).

Эта часть определения — сугубо синтаксическая. Помимо этого, требуются критерии, позволяющие отделить пассив от декаузатива — структур типа *Чашка разбилась*. Именно поэтому большинство исследователей (например, [Холодович (ред.) 1974; Плунгян 2000]) выдвигают дополнительные требования к пассиву. Пассивные конструкции должны содержать в своей семантике указание на то, что в ситуации участвует Агенс (с другой стороны, Е. В. Падучева (2001) отстаивает точку зрения, что и при декаузативе семантика ситуации может содержать Агенс, однако он имеет

[1] Работа выполнена в рамках проекта корпусного описания русской грамматики «Русграм» (rusgram.ru), поддержанного РГНФ (14-04-00264, «Семантико-синтаксический компонент интегрированного корпусного описания русской грамматики») и Программой фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика», 2012–2014.

коммуникативный ранг Ноль и не является существенным для говорящего). Например, предложение *Недавно здесь была разлита какая-то жидкость* не может указывать на ситуацию, в которой из водосточной трубы вылилась вода. Говорящий, употребляя пассивную форму, предполагает, что некоторый Агенс намеренно или случайно вылил жидкость[2].

Напротив, декаузатив (антикаузатив) — актантная деривация, а не залоговое преобразование. Иначе говоря, оно вносит в семантику ситуации существенные изменения. Оно уничтожает исходное подлежащее, продвигает в позицию подлежащего исходный прямой объект и обозначает, что ситуация возникает спонтанно, без участия Агенса [Haspelmath 1993].

(2а) *Мальчик порвал рубашку.*

(2б) *Рубашка порвалась.*

Другим вариантом анализа, как уже было сказано, является такой, при котором Агенс может участвовать в ситуации, но не релевантен для говорящего [Падучева 2001].

На образование декаузатива существуют определенные ограничения, ср. невозможность декаузативов от глаголов типа *мыть*, *резать* и т. д. Это глаголы, в семантике которых есть **агентивно-ориентированные компоненты** (например, обозначается инструмент) по [Haspelmath 1993].

При этом агентивные компоненты позволяют объяснить не все случаи невозможности и возможности декаузатива. Например, М. Хаспельмат указывает, что глагол со значением ‘мыть’ в рассмотренных им языках не образует декаузатива потому, что его семантика включает агентивно-ориентированные компоненты (например, воздействие рук). Ясно, что глагол со значением ‘отмыть’ декаузатив уже образует:

[2] Возможным исключением здесь являются стативы типа *Я вошел в комнату и увидел, что окно открыто*. Данное предложение полностью соответствует и ситуации, когда окна открылись сами или от ветра, и другой, при которой их открыл человек. Однако стативы, при всем внешнем сходстве с пассивами, существенно отличаются от них и семантически, и синтаксически (см. [Падучева 1996]) — в частности, стативы гораздо чаще, чем пассивы, кодируются лабильными глаголами.

(3) *Грязь легко отмылась*.

Можно объяснить возможность (3) отсутствием в значении *отмыть* и его аналогов в некоторых других языках агентивных компонентов. Однако выяснить, **почему** при образовании глагола *отмыть* агентивный компонент исчезает и каким образом это происходит, значительно труднее.

Еще менее очевидно место относительно пассива примеров вроде *Ветер открыл окно* / *Окно открылось от ветра* (см. [Падучева 1996], а также [Levin 1993] о сходных конструкциях в английском языке). По своей внешней форме эти примеры должны были бы анализироваться как пара «исходный глагол / декаузатив»: известно, что пассив не имеет варианта с возвратным глаголом в совершенном виде (используется как правило, конструкция с пассивным причастием (см. [Зельдович 2010], где автор пытается объяснить этот факт)). Однако семантически второе предложение в паре не так уж далеко отстоит от пассива: некоторая сила, обладающая долей активности (пусть и не являющаяся Агенсом) влияет на развертывание ситуации, затрагивающей пациенс.

Настоящая статья посвящена другим случаям, отнести которые бесспорно к декаузативу или к пассиву тоже затруднительно. В русском языке существует большое количество такого рода преобразований. Приведем только некоторые примеры:

(4) *5 не делится на 2.*

(5) *Эта задача не решается.*

(6) *Слово пишется через «а».*

(7) *Стекло легко бьется.*

(8) *У меня что-то дверь не отпирается.*

(9) *Мне не работается.*

(10) *Я хотел спросить, но как-то не спросилось.*

(11) *Старая музыка, а слушается, как будто вчера была написана.*

Так, в примере (6) очевидно сходство с пассивом — ситуация ‘писать (слово)’ вообще не может возникнуть без участия Агенса. Однако ясно, что говорящий, употребляя предложение (6) или похожее на него (7) вовсе не имеет в виду никакого конкретного или

даже неопределенного Агенса. Он просто хочет сказать, что свойство слова (заметим, совершенно независимое от того, как его пишут реальные носители языка) в том, что его следует писать через «а».

С другой стороны, пример (4) вроде бы не обязательно подразумевает наличие Агенса — свойства чисел не зависят от людей. Однако если описывать свойства возвратного глагола *делиться* через его соотношение с исходным глаголом *делить*, становится понятно, что данная конструкция родственна пассивной: **свойство** числа делиться на другое число предполагает операцию деления, которую способен осуществить только некоторый Агенс.

Точно так же неотделима от Агенса и ситуация ‘спросить’. Но в то же время в примере (10) говорящий употребляет возвратную форму (а не пассивную типа *было спрошено*, *был задан вопрос*), чтобы подчеркнуть, что ситуация не полностью зависела от его усилий. Он не спросил то, что хотел, не намеренно, что-то ему помешало это сделать. В (9) говорящий не может работать в силу собственного состояния, также не зависящего от его воли. Наконец, (8) практически тождественно пассиву с точностью до маркирования Агенса: при стандартном пассиве Агенс вводится не сочетанием предлога *у* с родительным падежом, а не творительным, стандартным для Агенса при пассиве.

Нашей задачей не является осветить в статье полный набор преобразований такого рода. Мы будем рассматривать ниже в первую очередь два преобразования — тип *Мне не работается* и тип *У меня статья не пишется*, причем для нас существен сопоставительный подход к их описанию. Наша цель состоит в том, чтобы выяснить ответы на следующие вопросы:

- ⇒ С одним или с несколькими разными преобразованиями мы имеем дело? Как трактовать конструкции *У меня не читается* (*что-л.*) с опущением подлежащего?
- ⇒ Какую роль играет маркирование исходного подлежащего (*у* + Gen vs. Dat)? Позволяет ли оно однозначно отделить друг от друга типы преобразований?
- ⇒ Как соотносятся модальные компоненты в значении конструкций *У меня что-то диплом не пишется* и *Мне не пишется*? Одинаковы они или различаются?

Для удобства мы сразу примем названия для двух конструкций. Конструкцию *Мне не работается* мы будем называть **безличным модальным пассивом**, а конструкцию *У меня диплом*

не пишется — просто **модальным пассивом**. Безусловно, для конструкции типа *Мне не работается* термин **пассив** может показаться не идеальным. Мы выбрали его по двум причинам: во-первых, нам бы хотелось, чтобы термины отражали некоторое сходство между конструкциями, во-вторых, конструкция *Мне не работается* имеет одну черту, чрезвычайно важную для пассива: она понижает статус исходного подлежащего (в данном случае — до дативного дополнения). Впрочем, чаще исследователи предпочитают не называть данное преобразование пассивом, а придавать ему особый статус. Так, N. Gerritsen [1990] относит конструкцию к безличным, но не употребляет относительно нее термина «пассив».

2. Безличный модальный пассив

Как было сказано выше, безличным модальным пассивом (БМП) мы называем конструкции типа *Мне не спится.* Напомним несколько свойств безличного модального пассива. Во-первых, исходное подлежащее при нем маркируется дативом:

(12) *Я не работаю* / *не могу работать.*

(13) *Мне не работается.*

(14) *Мы ехали медленно.*

(15) *В такую погоду едется медленно.*

Во-вторых, дативная группа может быть выражена или опущена. Как во многих таких случаях, ее интерпретация может быть различной — например, она может пониматься как относящаяся к говорящему или адресату, либо как нереферентная:

(16) *Опять не спится*.

(17) *В таком настроении не пишется* (говорящему или любому человеку).

В-третьих, в большинстве случаев, помимо глагола, маркированного показателем *-ся*, и именной группы с ролью Экспериенцера[3], в конструкцию входит отрицание (*не спится*) или наречие (*хорошо работается*).

[3] В данной статье мы не обсуждаем в деталях вопрос о семантической роли исходного подлежащего в рассматриваемых конструкциях.

Ф. Фичи [2010] предлагает даже различать внутри БМП два типа конструкций: с модификатором (наречием) и без модификатора. Как нам кажется, такое деление возможно (тривиальным образом верно, что семантически два варианта различаются, поскольку модификатор вносит свой вклад в семантику конструкции), но не отражает никакого существенного синтаксического разделения.

И Ф. Фичи [2010], и Ф. Фичи и Н. Н. Жукова [2012], и Ю. П. Князев [2007, 2008, 2011] отмечают многообразие модальных значений, представленных в безличном модальном пассиве. Так, Фичи выделяет два таких значения: суждение (оценка качества и интенсивности действия): *мне плохо пелось* = ‘я пел плохо, качество пения было низким’ и расположение (отношение самого говорящего / субъекта сознания к ситуации): *мне не поется* = ‘не хочется петь’. Ю. П. Князев показывает, что в разных славянских языках, имеющих такую же конструкцию, как в русском, два типа модальности представлены в разной мере. Он приводит пример из болгарского языка *Нещо не му се умираше* ‘Ему что-то не умиралось’. В русском языке данный пример (если отбросить в сторону его сильную стилистическую и семантическую маркированность) обозначает ‘Он (пытался, но) не мог умереть’. Напротив, в болгарском он может означать и возможность, и желание (‘Ему не хотелось умирать’).

2.1. Аспектуальные ограничения

Ограничения на образования безличного модального пассива хорошо формулируются в терминах фундаментальной классификации предикатов Ю. Д. Апресяна ([Апресян 2006], а также другие работы). Лучше всего в данной конструкции выступают деятельности и занятия:

(18) *Мне нигде не работалось так легко, как на «Сантьяго Бернабеу»*. [www.sports.ru/football/6672409.html?p=905] (занятие или деятельность)

(19) *И не пишется, и не поется,* // *Струны рву каждый раз, как начну* [В. Высоцкий. И не пишется, и не поется] (занятие).

Мы говорим в обоих случаях об Экспериенцере, хотя, возможно, для конструкции *У меня диплом не пишется* более уместно говорить об Агенсе или некоторой гибридной роли.

Ситуации, относящиеся по фундаментальной классификации к классу положений, также сочетаются с конструкцией:

(20) *Ему не сиделось, он хотел немедленно пойти к ней.*

Впрочем, в современной разговорной речи аспектуальные ограничения на данную конструкцию не слишком строги.

В то же время, безличный модальный пассив не имеет строгих ограничений на роль исходного субъекта (см. комментарий ниже) — во всяком случае, при исходном глаголе субъект может быть как Агенсом (*Мне не работалось*), так и Экспериенцером (*Мне не думалось*)[4].

2.2. Модальный пассив

Модально-пассивная конструкция, анализируемая Е. В. Падучевой в работе 2001 года, находится значительно ближе к собственно пассиву, чем безличный аналог, в том отношении, что имеет подлежащее. Позицию подлежащего занимает исходное прямое дополнение. Само исходное подлежащее выражается группой с предлогом *у* и родительным падежом (далее для краткости мы будем обозначать ее *у* + Gen):

(21) *А диплом не пишется. Так хочется сесть и написать его, чтобы он уже отстал от меня.* [pol-limona.mmm-tasty.ru]

Очень во многих случаях различить стандартный и модальный пассив затруднительно — во всяком случае, они употребляются с одними и теми же глаголами:

(22) *Дверь открывается сторожем каждый день в девять часов.*

(23) *У меня никак не открывалась дверь.*

В первом случае (22) предложение представляет собой стандартный пассив от *Сторож открывает дверь*. Меняются коммуникативные ранги (см. Падучева 1996 о связи пассива с коммуникативной структурой высказывания), однако денотативная часть семантики остается прежней.

[4] Мы почти не обсуждаем здесь аспектуальные ограничения на образование модального пассива в силу того, что в случаях типа *У меня статья написалась* неясно, о декаузативном или пассивном значении стоит говорить. Впрочем, как выясняется, предельность ситуации все же сказывается на степени приемлемости модально-пассивных конструкций.

Напротив, в (23) мы имеем дело с модальным пассивом (отметим, что оформление исходного подлежащего творительным падежом *мной* в этом случае невозможно). Исходное прямое дополнение также становится подлежащим, а исходное подлежащее — периферийным актантом, однако разница в том, что к семантике добавляется модальный компонент — ‘Я не мог открыть дверь’.

Помимо модальной семантики, модальный пассив отличается от стандартного некоторыми лексическими ограничениями. Сравним следующие неприемлемые или находящиеся на грани приемлемости предложения:

(24) **/[???]У меня никак не понимается его гипотеза.*

Ср. возможное *Его гипотеза легко понимается даже школьником* — впрочем, тоже не слишком типичное.

(25) **[???]У меня не прощаются его проступки.*

В данном случае предложения типа *Такие проступки обычно легко прощаются* абсолютно нормальны.

Аналогичным образом, малоприемлемы примеры:

(26) **[???]У меня не разрешается работать ночью.* (‘Я не могу разрешить работать ночью’)

(27) **[???]У меня не осознается, какой я был дурак.*

Существуют семантические и синтаксические ограничения на модальный пассив.

2.3. Семантические ограничения

Основное семантическое ограничение состоит в том, что модальный пассив сочетается с теми ситуациями, для успешности которых требуются некоторые активные действия Агенса (или субъекта с другой семантической ролью), при этом, как правило, ситуация требует его участия на всем своем протекании.

Ситуации с субъектом-Экспериенцером сочетаются с данной конструкцией крайне ограниченно. Ситуация *простить* задействует такого субъекта, поэтому пример (25) и неприемлем (см. далее о конструкции с глаголом *простить* и невыраженным Экспериенцером).

Отметим, что для безличного пассива подобного ограничения, по-видимому, не существует. Предложения типа *Мне не*

думалось. *Голова была пуста, будто и не было ничего.* [ficbook.net], быть может, звучат необычно из-за наличия у глагола *думаться* другой синтаксической модели (*Мне думается, что все не так*), но абсолютно грамматичны.

В действительности ограничение несколько сложнее, чем мы сформулировали выше.Так, следующие примеры выглядят если не неграмматичными, то семантически странными:

(28) ?*«У меня не создается новая государственная система», — сказал президент.*

(29) ?*У меня не обдумывается сегодняшний доклад Храковского.*

Ситуация с (28) и (29) явно иная, чем в (25). Создание государственной системы в (28) — явно действие, требующие от субъекта усилий. То же верно и для (29) — поскольку доклады юбиляра всегда дают почву для раздумий, их обдумывание требует от Экспериенцера некоторых усилий, хотя эти усилия и приятные. Тем самым, под ограничение на модальный пассив, как оно сформулировано выше («модальный пассив сочетается с ситуациями, для успешности которых требуются некоторые активные действия субъекта») эти примеры вроде бы не совпадают.

Стилистическое объяснение также не проходит. Сомнительность (28) может быть связано с соображениями стиля (модальный пассив выглядит сомнительно в публицистическом и, тем более, официально-деловом стиле), однако для (29) такое объяснение было бы явной натяжкой.

Дополнительно ситуацию осложняет тот факт, что близкий к *обдумывать* глагол *придумывать* превосходно сочетается с модально-пассивной конструкцией, ср.:

(30) *Вроде бы не самый глупый человек, а ничего дельного не придумывается*. [Мы в поисках президента // «Общая газета», 1996].

Вероятно, наряду с требованием на наличие усилий субъекта, играет роль аспектуальное ограничение. Модально-пассивная конструкция предпочтительнее с предельными ситуациями. Обдумывание доклада — теоретически бесконечный процесс, не имеющий естественного предела, тогда как придумывание такой предел имеет — он наступает в тот момент, когда результат усилий

достигнут и человеку удается придумать то, к чему он стремился (см. [Vendler 1957; Падучева 1996] о понятии предельности).

Наконец, есть еще одно ограничение. Модальные пассивы в подавляющем большинстве случаев образуются от переходных глаголов, прямой объект которых не одушевлен. Ср., например, грамматичное предложение *У меня не смывается грязь* и сомнительные *У меня не причесывается кошка*, *У меня не кормится ребенок, все время норовит куда-то убежать из-за стола*.

По-видимому, сомнительность этих фраз связана с модальным значением, выражаемым модально-пассивной конструкцией. Как будет показано выше, разграничить значение внутренней модальности ((не)возможности совершить действие, связанной со свойствами/состоянием Экспериенцера) и внешней модальности ((не)возможности совершить действие, связанной со свойствами участников ситуации и внешнего мира в целом) для модально-пассивной конструкции крайне сложно. Однако неприемлемость одушевленных объектов заставляет думать, что внутренняя модальность в семантике конструкции всегда присутствует.

В самом деле, значение внутренней модальности выделяет в ситуации состояние Экспериенцера, отодвигая на второй план остальных участников. Поскольку одушевленные участники играют более активную роль в ситуации, чем неодушевленные, при одушевленном объекте мало вероятно, что (не)возможность того или иного действия связано только со свойствами Экспериенцера. Как правило, играет роль еще и поведение самого одушевленного участника.

2.4. Соотношение с декаузативными конструкциями

При анализе модально-пассивных конструкций возникает вопрос о статусе ситуаций типа *заводиться*:

(31) *У меня машина не заводится.*

Ситуация ‘заводиться’ отличается от приведенных выше тем, что не полностью зависит от воли Агенса. Даже если человек повернул ключ в замке зажигания, машина может не завестись. Это означает, что предложения типа (31) можно интерпретировать и как ‘Я не могу завести машину’ (модальный пассив), и как ‘Моя машина / машина, в которой я сижу, не может завестись’ (декаузатив или подобное ему преобразование). При второй

интерпретации можно предположить, что и Агенс имеет другой статус, чем при первой: при первой, даже если в предложении нет группы *у* + Gen, подразумевается, что Агенс у ситуации имеется. При второй *у* + Gen — это скорее сирконстантная группа с посессивным значением, а предложение *Машина не заводится* обозначает самопроизвольно возникающую или не возникающую ситуацию, и Агенс в семантике отсутствует.

Как проверить, есть ли у предложения декаузативная интерпретация? Хотя надежного теста нет, можно проверить интерпретацию перфективной формы глагола:

(32) *Машина наконец-то завелась.*

(33) *Картинка наконец-то приклеилась.*

(34) *Молния наконец-то застегнулась.*

(35) *Диплом наконец-то написался.*

В первых двух предложениях возвратный глагол — это совершенно нейтральный декаузатив от переходного глагола. Предполагается, что у ситуации есть некоторая фаза, когда она не зависит от воздействия Агенса: например, говоря о (33), Агенс намазал картинку клеем, а затем оставил, и она приклеилась. Наречие *наконец-то* показывает, что эта самопроизвольная фаза оказалась долгой и кончилась позже, чем предполагал говорящий или наблюдатель.

Напротив, в (34) и (35) подразумевается, что Агенс не мог осуществить действие. Наречие *наконец-то* относится к тому, что его усилия наконец-то увенчались успехом, хотя долгое время были тщетны, то есть долгой была не самопроизвольная фаза, а сами усилия Агенса (ниже мы не обсуждаем такого рода примеры, а ограничиваемся примерами с глаголом несовершенного вида). Ситуации, имеющие в перфективе интерпретацию типа (32) и (33), не образуют модального пассива, либо нужно считать, что в семантике возвратного глагола несовершенного вида всегда совмещены модально-пассивное и декаузативное значения.

2.5. Синтаксическое ограничение

Синтаксическое ограничение на образование модального пассива связано с синтаксическими типами актантов. Если прямым объектом исходного глагола является сентенциальный актант, то

образование модального пассива в некоторых случаях невозможно или затруднено. Можно показать, что один и тот же глагол иногда образует МП при именном дополнении и не образует при сентенциальном[5]:

(36) *Он написал, что деньги украл Петя.*

(37) *Он написал, кто украл деньги.*

(38) *Он написал фразу.*

(39) **У меня никак не пишется, что деньги украл Петя.*

(40) **У меня никак не пишется, кто украл деньи.*

(41) *У него эта фраза никак не пишется.*

Однако этот запрет не носит абсолютного характера. Например, возможно предложение:

(42) *У меня никак не придумывается, что приготовить на ужин.*

Впрочем, и в этом случае более характерны модальные конструкции с именным актантом:

(43) *У меня никак не придумывается сюжет.*

2.6. Сочетаемость конструкций с наречиями

Две конструкции, которые мы анализируем, сильно различаются по сочетаемости с наречиями. Сочетаемость безличного модального пассива с адвербиалами сильно ограничено. В примерах, приводимых разными авторами (например, [Градинарова 2009; Фичи 2010; Князев 2007, 2008, 2011], прежде всего, выступают наречия качества и легкости/трудности:

(44) *Сегодня пишется легко.*

(45) *Мне плохо пелось.*

Однако другие наречия, например, со значением скорости (*быстро*) или содержательных свойств (*интересно*) с данной конструкции не сочетается:

(46) *Мне не читается.*

[5] См. [Летучий 2012] о различиях в свойствах именных и сентенциальных актантов в русском языке.

(47) *??Мне читается быстро.*

(48) **Мне пишется интересно* (= ‘то, что я пишу, интересно’).

Впрочем, существуют и исключения, где *быстро* сочетается с безличными модальными пассивами.

(49) *Работалось быстро, жадно, настроение было легкое и подвижное*. [Зоя Масленикова. Разговоры с Пастернаком (2001)]

Напротив, модально-пассивная конструкция сочетается с той же группой наречий гораздо свободнее. Так, наречие *быстро* комбинируется с данным типом возвратных глаголов:

(50) *Потому что роман писался быстро, но эмоции, вложенные в него, аукнулись мне месяцем бессонницы после его написания.* [allaserova.web-box.ru]

Ср. также:

(51) **Мне читалось со скрипом.*

(52) *Вторая книга уже читалась со скрипом. За третью браться не хочется что-то.* [rflib.ru›book/veter-peremen-zagovor-sudby-1.html]

Отметим здесь, что структуры типа *читалось быстро* иногда возможны:

(53) *Читалось быстро и легко, интересная повесть* [www.livelib.ru/review/90747].

Однако в этом случае мы имеем дело с контекстами типа (52), то есть изначально от переходного глагола *читать книгу* образован модальный пассив *Книга читалась быстро*. Затем подлежащее *книга* опускается, а глагол становится формально безличным — но сохраняет сочетаемость с наречиями, характерную для личного, а не безличного модального пассива. Иначе говоря, способность сочетаться с наречиями типа *быстро* является своего рода тестом для различения собственно безличной и формально безличной конструкций.

Первая, самая естественная, версия состоит в том, что разница между (51) и (52) и подобными парами примеров отражает

семантические различия между конструкциями. Однако напрямую, во всяком случае, она не проходит. В самом деле, *со скрипом* означает ‘с большим трудом’, причем сегодня это наречное сочетание широко сочетается с самыми разными семантическими классами предикатов:

(54) *Экзамены он сдавал со скрипом.*

(55) *Я понял, что он говорил, но с большим скрипом.*

Ни значение БМП, ни значение МП не содержат компонентов, противоречащих значению трудности.

Могло бы оказаться, что невозможность *быстро* или *со скрипом* при безличном модальном пассиве связана с непредельностью глаголов, выступающих в БМП. Они действительно в большинстве случаев непредельны, однако наречие *быстро* прекрасно сочетается с непредельными глаголами: ср. *Мы работали быстро*, *Вася читал быстро* при невозможном *Нам быстро работалось*, *Васе быстро читалось.*

Для некоторых модификаторов причины, скорее всего, лежат в области синтаксиса. Вероятно, наречия и словосочетания со значением трудности/легкости (во всяком случае, некоторые из них) требуют контролирующего их актанта (предпочтительно подлежащего). При модальном пассиве такой участник есть, хотя и неодушевленный (это пациенс, занимающий позицию подлежащего). Напротив, в безличной модальной конструкции подлежащего-Пациенса нет, а Экспериенцер занимает синтаксическую позицию непрямого дативного дополнения, не позволяющего ему контролировать наречия данного типа.

Для наречия *со скрипом* такое поведение объяснимо, исходя из исходной семантики. *Со скрипом* требует чего-то, что «скрипело» в ходе развития ситуации: например, в (52) это книга, а в *Мозги работали со скрипом* — сами мозги. Напротив, одушевленный актант в **Мне работалось со скрипом* не может интерпретироваться таким образом. Естественно, для *быстро* такой же запрет не получает столь красивого объяснения.

Вероятно, нужно все же принять аспектуальное объяснение, но модифицировать его. Действительно, *быстро* способно сочетаться с непредельными глаголами, но никогда — с состояниями, поскольку последние не предполагают никаких изменений ни в

одном из участников, никакой передачи энергии от одного участника к другому. Следовательно, нужно считать, что **безличный модальный пассив** образует глагол, принадлежащий к аспектуальному классу Состояние по З. Вендлеру ((1957), см. также [Падучева 1996]), а модальный пассив этого не делает, оставляя глагол в том же аспектуальном классе. Именно поэтому, возможно, существуют примеры типа (34)–(35), где в конструкции, аналогичной модальному пассиву, выступает глагол совершенного вида, а для безличного модального пассива такой конструкции нет. Общеизвестно, что состояния перфективируются гораздо труднее, чем все остальные аспектуальные классы ситуаций.

Нерешенным остается вопрос, почему различным образом ведут себя наречия одной и той же семантической группы (например, *легко* и *со скрипом* — оба наречия обозначают трудность/легкость действия). Эти различия не всегда отражают различия в поведении переходных и непереходных глаголов без *-ся* с аналогичными наречиями: *со скрипом*, например, способно сочетаться и с переходными, и с непереходными глаголами.

2.7. Типы модальности

Поскольку обе рассматриваемых конструкции выражают модальные значения, напрашивается вопрос о том, к какому типу модальности относятся эти значения. Не вдаваясь в подробности, мы классифицируем модальные значения в двух измерениях, ориентируясь на семантическую карту модальности, предложенную В. А. Плунгяном и Й. ван дер Ауверой [1998]: с одной стороны, по типу модальности (желание, возможность, необходимость), с другой стороны, по «источнику» модальности (внешняя/внутренняя).

Для БМП, согласно [Фичи 2010], самым распространенным является случай, когда конструкция выражает внутреннюю модальность возможности или желания (ср. *Мне не работается* ‘Я не могу работать в силу своего состояния’, модальность возможности; *Ему и в Думе неплохо заседается* ‘Ему нравится заседать в Думе’, модальность желания). Данным типам модальности примерно соответствуют выделяемые Ф. Фичи типы «оценка качества и интенсивности» (возможность) и «расположение» (желание).

Менее известен тот факт, что безличные модальные пассивы могут выражать и семантику внешней модальности, например: *Но что-то нам давно не гулялось по Москве, ни пешком, ни на*

великах. С этой предремонтной фигнёй и в эти выходные может не получиться. [club443.ru/arc/lofiversion/index.php/t108105-2750.html] или *Давно не ездилось мне общественным транспортом.* [www.proza.ru/2010/08/17/270]. Правда, данные примеры в слабой мере выражают модальное значение (их можно переформулировать как, например, ‘Мы давно не гуляли по Москве’). Однако дальнейший контекст первого примера (*и в эти выходные не получится*) свидетельствует о том, что модальное значение здесь все же имеется и оно, несомненно относится к внешней модальности (‘не получалось гулять из-за занятости или других обстоятельств’). При этом контексты типа *Мне не работалось из-за шума* не выражают внешней модальности: хотя в них присутствует внешний фактор невозможности работы, подразумевается, что шум был причиной некоторого состояния Экспериенцера из-за которого, в свою очередь, он не работал (т. е. модальность в данном примере внутренняя).

Для модального пассива типа *У меня не пишется диплом* возможна и интерпретация в значении внешней, и в значении внутренней модальности. Так, предложение *У меня диплом не пишется — весна на улице* подразумевает, что из-за весны у Экспериенцера возникло особое состояние, мешающее ему писать диплом. Пример *У меня пальто никак не надевается* может отсылать как к состоянию субъекта, так и к свойствам рубашки. Вероятно, распределение внешней и внутренней модальности связано с семантической ролью подлежащего. Если оно имеет семантическую роль Креатива (создаваемого объекта, как в *У меня диплом не пишется*), то конструкция тяготеет к внутренне-модальной интерпретации. Если же подлежащим является стандартный Пациенс (*У меня пуговица не застегивается*), то невозможность совершить действие может быть связано со свойствами Пациенса и, соответственно, возникает значение внешней модальности. Впрочем, эта тенденция явно не носит характера жесткого правила.

Однако, по-видимому, почти не бывает примеров, где модальный пассив интерпретировался бы только в значении внутренней модальности. Возьмем предложение *У меня такие вещи не пишутся*. Несомненно, речь идет о некоторых свойствах содержания, которое говорящий не может написать, однако в то же время — о свойствах самого говорящего. И в данном случае

модальный пассив абсолютно параллелен по своим свойствам безличному модальному пассиву. Но все-таки встречаются примеры типа *Диплом у меня не пишется, потому что я по уши загружен работой* — по-видимому, здесь о внутренней модальности речи идти не может. Однако примеры такого рода всегда промежуточны между модально-пассивным значением (‘я не могу / с трудом могу писать диплом’) и собственно пассивным (‘я не пишу диплом’).

Отдельно стоит говорить о контекстах, где в роли внешнего фактора, блокирующего или облегчающего исполнения действия, выступает работа некоторой техники. Если в предложениях типа *У меня не открывается страница* можно говорить о декаузативном употреблении, то конструкции типа *У меня не входится на страницу* под определение декаузатива не подпадают, поскольку безличны. Такого рода конструкции рассматриваются в следующем разделе.

В целом же можно сказать, что обе рассматриваемые конструкции, несомненно, более склонны к выражению внутренней модальности. При этом примеры, где модальность — только внешняя, для безличного модального пассива не найдены, а для модального пассива с подлежащим вроде бы обнаруживаются. Однако неприемлемость фраз типа *У меня не кормится ребенок* показывает, видимо, что значение внутренней модальности присутствует даже в примерах, где на первом плане все же внешняя модальность.

2.8. Нестандартное выражение Экспериенцера

2.8.1. «Компьютерные» контексты. Казалось бы, распределение типов маркирования Экспериенцера (исходного подлежащего) по конструкциям достаточно строгое. Безличная конструкция допускает только дативное оформление, а личная модальная — только группу с предлогом *у*. Однако есть группа современных контекстов, нарушающая стройную картину. Это контексты с непереходными глаголами, где Говорящий или Наблюдатель не может сделать чего-либо не в силу своего внутреннего состояния, а в силу неудовлетворительной работы какого-нибудь устройства.

В контекстах такого рода стандартные конструкции с дативом невозможны (или, если возможны, имеют другое прочтение):

(56) *Мне не заходится на мою страничку*.

Употребить (56) в значении ‘плохо работает интернет, поэтому войти на страничку не получается, явно невозможно’. Напротив, при невыраженном Экспериенцере конструкция выглядит нормально, хотя и разговорно:

(57) *Хотела написать в ЖэЖе, с компа не заходится, а с телефона без проблем, что бы это значило.* [http://plohayamam.livejournal.com/25872.html]

Чаще всего встречаются контексты, где исходное подлежащее не выражено вообще. Однако если оно выражается, то именно конструкцией с *у* + GEN:

(58) *У меня не заходится на мой профиль.* [beon.ru]

Аналогичным образом, например, употребляются глаголы *входить* и *писать*:

(59) *Друзья подскажите мне почему у меня не пишется в блоге* [forum.allnokia.ru/…]

(60) #*Мне не пишется в блоге*.

Конечно, вне компьютерных контекстов главным является вариант *мне не пишется*, хотя в современном языке существуют исключения (см. о них следующий раздел).

Естественно, аналогичные конструкции возможны, если речь идет не о компьютере, а о другом устройстве, однако в интернете практически не встречаются. Напомним, что появление большого количества устройств, способных некоторое время действовать без сопровождения человека, принесло в грамматику русской возвратности и другие изменения — например, упомянутые В. И. Гавриловой [2000] новые декаузативы или квазипассивы (61), которые, конечно, были бы невозможны, если бы имелось в виду, что текст набивает на пишущей машинке человек.

(61) *Файл напечатался*.

«Компьютерная» конструкция весьма важна для анализа модальных пассивных конструкций, хотя и относится исключительно к современному разговорному языку. Она позволяет понять, как распределяются зоны ответственности различных компонентов конструкции.

Изначально мы приняли гипотезу о том, что существуют две разных конструкции: одна из них — безличная, образованная от непереходных глаголов и присоединяющая исходное подлежащее с ролью Агенса или Экспериенцера в дательном падеже; другая — личная, образованная от переходных глаголов, в которой место подлежащего занимает исходное прямое дополнение, а исходное подлежащее выражается предложной группой *у* + Gen.

Как преобразовать эту систему в связи с «компьютерной» конструкцией? Конечно, самый прямолинейный путь — постулировать третью конструкцию. Однако очевидно, что «компьютерная» конструкция наследует от двух основных семантику и синтаксис, поэтому лучше считать, что это гибрид безличной и личной пассивных конструкций. С одной стороны, эта конструкция безличная, как и та, которая представлена в примерах типа *Мне не работается*. Это логично, поскольку в позицию подлежащего в русском языке при образовании возвратных глаголов продвигается только прямое дополнение, а глаголы типа *заходить* или употребление *писать* в (57) — непереходные.

С другой стороны, употребление *у* + Gen, а не дательного падежа, объясняется тем, что возможность или невозможность совершить действия в «компьютерных» контекстах связана не с состоянием Экспериенцера, а с внешними факторами (функционированием техники).

Тем самым, исходная оппозиция между способами маркирования исходного субъекта, скоррелированная с переходностью, стирается. В некоторых современных контекстах способ маркирования выполняет семантическую функцию и обозначает конкретный тип модальности, обозначаемый возвратным глаголом (внутренняя vs. внешняя).

Новая конструкция из языка Интернета выражает значение, стандартно не выражаемое безличным модальным пассивом, а именно, значение внешней возможности. Комбинация «внутренняя возможность + переходный глагол» выражается стандартной конструкцией типа *У меня диплом не пишется*. Однако в литературном языке, причем не только современного периода, можно найти ситуации, когда стандартное дативное маркирование при БМП от непереходного глагола нежелательно, и Экспериенцер не выражается вообще, либо не употребляется БМП в целом.

Например, представим себе две ситуации: в ситуации А человек не может работать, поскольку думает о предстоящем свидании, а в ситуации В — потому, что из-за перепадов напряжения выключается. Ясно, что сказать в первой ситуации *Мне не работалось (потому что я думал о свидании с Зиной)* абсолютно нормально. Предложение же *Мне не работалось, потому что компьютер все время выключался* совершенно аномально, если только в его смысл не включается опять же внутренняя модальность (‘Я не мог работать, потому что у меня было неподходящее внутреннее состояние, а оно было таким потому, что выключался компьютер’).

2.8.2. Датив при конструкции от переходных глаголов. Существует и обратный случай, когда Экспериенцер в конструкции, где исходный глагол — переходный, маркируется дативом, т. е. способом, типичным для конструкции с исходным непереходным глаголом. В случаях, когда личная конструкция образована от переходного глагола с субъектом-Экспериенцером, носители иногда употребляют датив, а не предлог *у* с генитивом (выше говорилось, что глаголы с Экспериенцером сравнительно плохо сочетаются с модальным пассивом:

(62) *Мне не понимаются Ваши рецензии порой, ну да ладно.* [www.stihi.ru/comments.html …]

(63) *Многие его книги имелись в библиотеке. А мне не читаются, и точка.* [livejournal.com]

Интересно, что второй пример допускает вариант с *у* + Gen, то для первого он кажется невозможным, независимо от функционального стиля:

(64) *У меня книги по воспитанию не читаются* [www.babyblog.ru]

(65) **У меня не понимаются Ваши рецензии порой*.

Неграмматичность (65) обусловлена отмеченным выше семантическим ограничением. Напомним, что модальный пассив очень часто невозможен или сомнителен при глаголах, подразумевающих некоторые мыслительные или когнитивные усилия Экспериенцера и не имеющих Агенса.

Тем самым, и здесь, хотя и в меньшей мере, чем в компьютерной конструкции, маркирование Экспериенцера несет не только

синтаксическую нагрузку (связь с переходностью исходного глагола), но и семантическую (агентивность/неагентивность ситуации).

Другим фактором, создающим условия для ненормативного употребления датива при личной конструкции от переходных глаголов, может становиться неканоническое прямое дополнение исходного глагола — например, местоимение *ничего*: *Мне ничего не писалось (в сумасбродной Москве до поэм ли?)* [www.piiter.ru/authors2.php?aid=119&pid=3081].

2.8.3. Конструкции с невозможностью выразить Экспериенцера. Как было сказано выше, для обоих рассматриваемых конструкций есть возможность выразить Экспериенцера (для БМП — дательный падеж, а для МП — конструкция с предлогом *у*). Однако существуют отдельные примеры, весьма близкие к данным двум конструкциям, где исходное подлежащее выражено быть не может.

Как правило, это примеры, где исходный объект, ставший при возвратном глаголе подлежащим, по каким-то соображениям опускается. Примером может служить глагол *простить*:

(66) *Хочется простить, но* (**мне* / **у меня*) *не прощается.*

(67) *И, наверное, Вы правы, нет вещей, которые нельзя было бы не простить. Но не прощается.* [nevolia.ru/lyubyashchaya/2012/07/02/prozrenie]

(68) *Прочитала недавно книжку Оксаны Робски «Эта ТЕТА» про инопланетян на Рублевке.* (#*Мне* / **У меня*) *читалось быстро* ⟨…⟩ [sapfir.do.am/forum/8-185-5]

Глагол *простить* — переходный. Конструкция с дательным падежом может быть употреблена, только если у глагола есть непереходное употребление, однако это не так. Конструкция с *у* невозможна по другой причине. Как говорилось выше, прототипически употребление этой конструкции требует агентивности глагола (хотя это не всегда так), и *прощать* в ней не употребляется как глагол с субъектом-Экспериенцером.

Примеры (66)–(68) содержат безличную конструкцию (это очевидно, например, поскольку в (68) единственным возможным антецедентом нулевого подлежащего, если бы оно вообще было, было бы слово *книга*, однако оно не среднего, а женского рода, а в примерах с глаголом *прощать* в близком контексте зачастую

вообще нет антецедента). Тем самым, синтаксически они ближе к БМП, но отличаются невозможностью выразить Экспериенцер.

Заметим при этом, что если восстановить опущенное подлежащее, то модальная конструкция образована быть не может. Предложения типа *Такие поступки не прощаются* или *Иван не прощается* несут значение не модального (‘не может быть прощен’), а стандартного пассива (‘его не прощают’). Это связано с тем, что свойства БМП не допускают выраженного подлежащего — а значит, модальное значение исчезает.

Сходные примеры могут существовать с глаголом *осуждать* (*стоит, конечно, это осудить, но как-то не осуждается*).

Несколько другая ситуация возникает с глаголом *читать* в (68). В этом примере, конечно, можно выразить Экспериенцера дательным падежом — во всяком случае, это не приведет к неграмматичности. Однако, во-первых, полученное предложение все же будет шероховатым, а во-вторых, вероятно, слово *читалось* будет относиться к процессу чтения и связанным с ним состоянием говорящего (= ‘я был в таком состоянии, когда мог быстро читать’).

Напротив, в данном примере, конечно, имеется в виду, что читалась быстро конкретная книга. Средний род употреблен именно потому, что опущено подлежащее, и конструкция становится формально безличной, не имеет подлежащего. Аналогичную структуру можно наблюдать, например, в (69):

(69) *Вчера послушал новую песню «Машины времени». Не понравилось.*

Данное преобразование само по себе необычно тем, что к безличности приводит всего лишь опущение именной группы. Актантная структура глаголов *понравиться* и *читаться*, несомненно, содержит подлежащее с ролью Стимула, просто в примерах (68) и (69) оно не выражено.

Примеры с (66) по (68) важны потому, что доказывают общность двух конструкций — модального пассива и безличного модального пассива. Если бы это были две независимых и полностью различных конструкции, мы бы ожидали, что примеры с невыраженным Экспериенцером будут невозможны: независимо от выражения Экспериенцера в предложении, конструкция не удовлетворяет как условиям употребления МП, так и БМП. Однако

в действительности оказывается, что при опущении Экспериенцера конструкции типа (66)–(68) возможны. Это означает, что существует некоторая общая зона модального пассива, не разделяемая бинарной оппозицией двух конструкций. Конструкции с невыраженным Экспериенцером занимают промежуточное положение внутри этой зоны.

2.9. Особые конструкции, расширяющие употребление безличного пассива

Хотя на употребление каждой из двух конструкций существуют довольно строгие ограничения, имеются контексты (конструкции с дополнительными компонентами), снимающие или смягчающие эти ограничения. Назовем их **расширяющими контекстами**.

Среди них, в частности, конструкция *Р пока Р-ся.* Рассмотрим несколько примеров:

(70) *Люби, покуда любится, терпи, покуда терпится, прощай, пока прощается.* [Н. А. Некрасов. Зеленый шум].

В данном примере только первый глагол с оговорками образует БМП (примеры типа (71), конечно, нетипичны, но и не запрещены):

(71) *Мне сейчас не любится*.

Глагол *терпеть* употребляется только в отрицательной конструкции *кому-л. не терпится* (гораздо хуже, например, *Мне терпится туда поехать* в значении ‘Мне не обязательно ехать туда срочно’). О лексеме *прощать* шла речь выше — ее синтаксические свойства позволяют выступать только в модальной конструкции без выраженного Экспериенцера.

Возможно, свойства конструкции *Р пока Р-ся* также связаны с тем, что Экспериенцер в ней обычно не выражается. Так, (72) гораздо лучше, чем (73):

(72) *Иди, пока идется*.

(73) *Иди, пока тебе идется*.

Другим контекстом, впрочем, в меньшей мере влияющим на сочетаемость безличного модального пассива, является конструкция *Как тебе Р*:

(74) *Как тебе отдыхалось?*

(75) *Как тебе председательствуется?*

Хорошая сочетаемость этого контекста с БМП связана с тем, что вариант с активным глаголом (*Как ты председательствуешь?*) зачастую имеет другую семантику — ‘Каким образом ты делаешь Р?’, а не ‘Какие эмоции у тебя вызывает ситуация Р, в которой ты участвуешь?’

Третья конструкция такого же типа — *Что тебе не Р.* Она также расширяет сочетаемость безличного модального пассива, включая в конструкцию контексты, которые при стандартном безличном модальном пассиве редко употребляются.

(76) *И что тебе не лежалось в твоем Аугсбурге?* [Виктор Левашов. Заговор патриота (2000)]

(77) *Чего ты, зуда, зудишь? Чего тебе не сидится смирно?.. Мать, уйди от греха в чулан…* [И. Е. Вольнов (И. Е. Владимиров). Повесть о днях моей жизни (1912)]

Безусловно, глаголы *сидеть* и *лежать* допускают образование БМП. Однако, во-первых, вне конструкции *что тебе не Р* их сочетаемость более ограничена (ср. странное *Мне не сиделось смирно*). Во-вторых, в рамках данной конструкции меняется и их семантика.

Следующие примеры задействуют лексемы, которые редко выступают в составе БМП:

(78) *И чего тебе не жилось в России?* [Александр Сокуров и др. Дни затмения, к/ф (1988)]

(79) *Что тебе не пилось втихую? Вспомнил обо мне, в кои-то веки.* [www.proza.ru/2008/02/11/200]

(80) *Что тебе не работалось на новом паровозе?! Видишь, какую рухлядь взял, рассыплется ведь…* [smena-online.ru/stories/druzya-tovarishchi-0/page/2]

Контекст *Мне не жилось в России* маргинален. Вообще глагол *жить* выступает в конструкции типа *Как тебе живется*, то есть в безличном модальном пассиве употребляется обычно лексема *жить* ‘существовать’, а не ‘проживать где-л.’

Основное отличие данной конструкции от стандартной заключается в **широкой сфере действия показателя *-ся***. Если в стандартной конструкции сфера действия возвратного показателя и собственно модального значения включает, как правило, только глагол (*Мне не спалось* встречается чаще, чем *Мне не спалось на кровати*), то конструкция *что тебе не Р* способна модифицировать составляющие любого объема:

(81) *Слышь Саня, ну ты уже просто заколебал своими клонами… Что тебе не пишется под одним ником?* [sevastopol.su/news.php?id=28706] (ср. странное *Мне не писалось под одним ником*)

(82) *Почему влюбленной паре не гулялось спокойно по ночному городу 3 июня, объяснить не может никто, даже они.* [www.newarzamas.ru › Новости Арзамаса] (ср. странное *Было тепло, но им не гулялось спокойно по ночному городу* — лучше *Было тепло, но им не гулялось*).

Причина данного различия лежит скорее в области семантики, нежели синтаксиса. Напомним, что безличный модальный пассив выражает, прежде всего, внутреннюю возможность (реже — желания): некоторое состояние Экспериенцера позволяет или не позволяет ему участвовать в некоторой ситуации. Конечно, теоретически у человека может быть сколько угодно состояний, однако прототипически такое состояние фиксируется относительно некоторой обобщенной ситуации (например, легче себе представить состояние, благоприятное для сидения, чем для сидения на кровати).

С другой стороны, в конструкции *Что тебе не Р* модальная семантика отчасти стирается. Фраза «Что тебе не пишется» не подразумевает, что говорящий знает о состоянии адресата, мешающем ему писать. Он просто **интерпретирует** соответствующим образом поступки адресата: из того, что (1) адресат не пишет и (2) нет очевидных причин, мешающих адресату писать он заключает, что мешает прежде всего нежелание или неспособность адресата выполнить некоторое действие — однако природа этого нежелания или неспособности неясна. Грубо говоря, фраза *Что тебе не пишется под одним ником* означает просто ‘Что мешает тебе писать под одним ником’. Семантика внутреннего состояния

ослабевает, поэтому и ограничение на объем модифицируемой составляющей тоже исчезает.

2.10. Место глаголов мысли, эмоций и восприятия относительно двух рассматриваемых конструкций

Особую проблему составляют глаголы эмоций и восприятия. Она связана с тем, что при глаголах эмоций более широко, чем при агентивно-пациентивных глаголах, распространены конструкции с дативным актантом:

(83) *Мне думается, что постановка провалилась не случайно.*

(84) *Мне представляется совсем простая штука.*

(85) *Как-то мне не верится, что власть станет лучше.*

(86) *В темноте мне слышались страшные звуки.*

(87) *Бывают специфические, «частные» кризисы — такой в 1998 г. нам устроила власть, но сегодня не верится, что она пойдёт на повторение прибыльного для многих, однако самоубийственного мероприятия.* [Александр Дейкин. Своя игра (2003) // «Время МН», 2003.08.02]

(88) *В страдании Гамлета нам чувствуется что-то и несвободное и даже не лунатичное.* [И. Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909)]

В (83)–(88) конструкция образована от глаголов *думать*, *представлять*, *верить*, *слышать* и *чувствовать*.

С одной стороны, очень соблазнительно было бы сблизить примеры типа (83)–(88) с безличными модальными пассивами. Действительно, в обоих случаях мы имеем дериваты на *-ся*, причем при прибавлении возвратного суффикса появляется дативный актант с ролью Экспериенцера.

Однако есть и другая сторона. Считать эти глаголы подтипом БМП мешает синтаксический тип исходного глагола. Если безличный модальный пассив сочетается только с непереходными глаголами, то три предиката в примерах выше либо только переходные (как *представлять*), либо могут быть переходными или непереходными (как *думать* и *слышать*). Непереходным является только глагол *верить*, для которого, тем самым, вопрос «Безличные

модальные пассивы или отдельная конструкция?» становится в большой мере схоластическим.

Но дополнительное обстоятельство заключается в том, что эти переходные глаголы в (83)–(88) выступают с сентенциальными актантами, а с именными их употребление более редко. С глаголом *думать* различие еще заметнее: в отличие от (83), предложения типа (89) или (90) не полностью грамматичны:

(89) ??*А тебе что думается?*

(90) ??*В темноте мне думались разные глупости.*

При этом те же примеры (за исключением, пожалуй, предложений, где аргументом глагола является местоимение *что*) без дативной именной группы совершенно нормальны, хотя встречаются редко:

(91) *Потому-то и думы думаются такие, и сны видятся такие, — потому как только во сне и в мыслях человек для себя бессмертен и свободен*. [Чингиз Айтматов. Пегий пес, бегущий краем моря (1977)]

Как кажется, примеры с глаголами эмоций, восприятия и мысли неоднородны. Глагол *думать* явно иллюстрирует безличный модальный пассив. Примеры с ним важны еще и потому, что дают интересную информацию о поведении сентенциальных актантов в русском языке: оказывается, что сентенциальные актанты не по всем критериям являются «настоящими актантами» (в нашем случае — прямыми объектами). Тот факт, что (89) и (90) не совсем грамматичны, а (83) нормально, показывает, что требование непереходности БМП не нарушается сентенциальным актантом.

При этом в (91) нужно усматривать не БМП, а стандартный пассив. Единственное его отличие от примеров типа *Дом строится рабочими* — в невозможности выражения Агенса творительным падежом, однако и от БМП он отличается, дативное оформление также невозможно:

(92) **Мне думается одна мысль.*

Недостаток такого анализа, при котором *мне думается* считается безличным модальным пассивом, — в том, что примеры

типа (83) не несут никакой модальной семантики: (83) явно не значит ‘Я могу думать, что постановка провалилась не случайно’. Однако семантическое отличие от *я думаю* у *мне думается* явно есть: оно состоит в меньшей степени уверенности говорящего — возможно, это и есть след модальной семантики.

Еще более бесспорно к БМП относится конструкция с глаголом *вериться*: она явно несет модальную семантику, и *мне не верится* значительно отличается от *я не верю* именно значением ‘я не могу верить’.

Напротив, конструкции с глаголами типа *помниться* или *видеться* явно относятся к стандартным пассивам. В них дативное оформление исходного подлежащего возможно даже при именном актанте (исходном прямом дополнении, переходящем в разряд подлежащих):

(93) *Мне помнится один разговор с Павлом Ивановичем.*

Однако тот факт, что для разных глаголов эмоций конструкция с дативной ИГ и именным подлежащим частотна в разной мере, показывает, что БМП влияет на пассивизацию и этих глаголов эмоций. Так, для *помнить* приемлемость и частотность пассивной конструкции с дательным падежом и именным оформлением актанта с ролью Содержания явно ниже, чем для аналогичной пассивной конструкции.

3. Заключение

Итак, мы рассмотрели две русских конструкции — безличную пассивную типа *Мне не работается* и личную типа *У меня диплом не пишется*.

Как оказалось, сопоставление данных двух конструкций может дать новые результаты. В частности, выяснилось, что помимо двух основных, существует промежуточная конструкция, которая безлична, образуется от непереходных глаголов, но исходное подлежащее в ней маркируется предложной группой *у* + Gen, а не дативом. Реже встречается обратный вариант — конструкции от переходных глаголов, где исходное подлежащее получает дативное оформление.

Отсюда можно сделать два вывода. Во-первых, две рассматриваемых конструкции близки и способны объединять свои свойства

в промежуточной конструкции. Во-вторых, часть семантической нагрузки выполняет не прочтение возвратного постфикса, а маркирование Экспериенцера.

Еще один аргумент в пользу сравнительного анализа состоит в том, что промежуточное положение занимают конструкции с невыраженным Экспериенцером. Они безличны, но способны выступать с глаголами типа *простить*, которые при стандартном безличном модальном пассиве невозможны. Это означает, что, помимо двух стандартных конструкций, существует зона, промежуточная между ними.

Конструкции типа *Хочется простить, но не прощается*, где выразить Экспериенцера невозможно, важны еще в одном отношении. Они свидетельствуют о том, что предложения русского языка с невыраженными синтаксическими актантами не всегда имеют «полную» пару. Есть случаи, когда единственная возможность — использовать конструкцию с невыраженным актантом, поскольку любое возможное выражение актанта будет противоречить правилам грамматики.

Однако между двумя конструкциями и двумя прочтениями модального постфикса существуют существенные различия. Помимо са́мых очевидных из них — разного маркирования Экспериенцера и разной сочетаемости с синтаксическими типами глаголов — это тип выражаемой модальности и аспектуальные свойства. Обе конструкции выражают, как правило, внутреннюю модальность, но для МП выражение внешней модальности характерно в большей мере, чем для БМП.

Что же касается аспектуальных свойств, то БМП, вероятно, всегда обозначает состояние, тогда как для МП это неверно. Предшествующие описания безличной модальной пассивной конструкции, как правило, содержат слово «состояние», а предложенный нами тест на сочетаемость с наречиями позволяет более уверенно говорить о статальном значении БМП. Более того, модально-пассивная конструкция склонна к маркированию предельных ситуаций — именно это ограничение объясняет маргинальность конструкций типа *У меня не обдумывается сегодняшний доклад.*

Наконец, выяснилось, что существуют конструкции «малого синтаксиса» - конструкции с фиксированными компонентами типа *Что тебе не Р?* и *Р, пока Р-ся*, снимающие часть ограничений на

употребления «больших» конструкций — модального пассива и безличного модального пассива (мы назвали их **расширяющими контекстами**). Возможность снятия ограничений в контексте может быть существенна для лингвистического анализа производных глаголов и конструкций в целом. **Расширяющие контексты** показывают, что производные (в данном случае модально-пассивные и безличные модально-пассивные) глаголы со своими семантико-синтаксическими свойствами не обязательно являются конечным продуктом деривации. На свойства производных глаголов могут влиять и дополнительные элементы контекста, и конструкция в целом. Безусловно, этот факт также показывает релевантность аппарата грамматики конструкций для анализа механизмов актантной деривации.

Литература

Апресян 2006 — Ю. Д. Апресян. Часть первая. Основания системной лексикографии. Глава 2. Фундаментальная классификация предикатов // Ю. Д. Апресян (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 75–109.

Гаврилова 2003 — В. И. Гаврилова. Квазипассивное значение русских возвратных глаголов как отражение закономерного, извечно данного порядка вещей // Н. Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Космос и хаос. М.: Индрик, 2003. С. 256–285.

Градинарова 2009 — А. А. Градинарова. Славянский рефлексивный имперсонал: к проблеме описания значений // Acta Linguistica 3, 2, 2009. С. 49–63.

Зельдович 2010 — Г. М. Зельдович. Синтетический пассив совершенного вида на *-ся*: почему его (почти) нет // Вопросы языкознания 2, 2010. С. 3–36.

Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.

Князев 2008 — Ю. П. Князев. Русский безличный пассив // Н. Д. Светозарова (ред.). Научные чтения. Материалы конференции. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 116–122.

Князев 2011 — Ю. П. Князев. Пассивные и пассивоподобные возвратные конструкции с глаголами совершенного вида в русском языке // В. С. Храковский и др. (ред.). Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 94–99.

Летучий 2012 — А. Б. Летучий. О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке // Вопросы языкознания 5. 2012. С. 57–87.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.

Падучева 2001 — Е. В. Падучева. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении 1, 2001. С. 52–79.

Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Фичи 2010 — Ф. Фичи. Об одной модальной функции рефлексивных конструкций // И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). Слово и язык. Сборник статей к 80-летию Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 645–652.

Фичи 2012 — Ф. Фичи., Н. Н. Жукова. О грамматико-семантических свойствах конструкций типа *Вчера мне легко работалось*. Русский язык в научном освещении 23, 2012. С. 18–38.

Холодович (ред.) 1974 — А. А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л.: Наука, 1974.

Gerritsen 1990 — H. Gerritsen. Russian Reflexive Verbs: In Search of Unity in Diversity. Amsterdam — Atlanta: Rodopi, 1990.

Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). Causatives and Transitivity. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1993. P. 87–120.

Levin 1993 — B. Levin. English Verb Classes and Alternations. Chicago: Chicago University Press, 1993.

van der Auwera, Plungian 1998 — J. van der Auwera, V. A. Plungian. Modality's semantic map // Linguistic typology 2, 1, 1998. P. 79–124.

Vendler 1957 — Z. Vendler. Verbs and times // The Philosophical Review 66, 2, 1957. P. 143–160.

Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова
ИЯз РАН — МГУ, МГППУ — ИЯз РАН, Москва

КОНСТРУКЦИИ С ПОВТОРОМ ГЛАГОЛА В АГУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

1. Редупликация и повторы в агульском языке

В последние годы интерес к явлению редупликации, давно и хорошо известному языковедам, не только не спадает, но даже усиливается. Появляются как обобщающие работы по различным типам редупликации в языках мира [Hurch (ed.) 2005], так и углубленные исследования отдельных ее разновидностей [Stolz et al. 2011]; предлагаются новые теоретические подходы к явлению редупликации [Inkelas, Zoll 2005]; вышла в свет и первая монография на русском языке, посвященная данному явлению [Рожанский 2011].

Для некоторых из работ последних лет характерно стремление рассмотреть редупликацию (как повтор на уровне слова или его части) в более широком контексте. Так, в [Inkelas, Zoll 2005] и [Минлос 2004] проводятся параллели между редупликацией и парными словами, состоящими из синонимов или квазисинонимов; в работах [Gil 2005] и особенно [Рожанский 2011] делается попытка определить критерии, по которым различаются собственно редупликация и другие типы повторов.

В традиции описания языков нахско-дагестанской семьи редупликация никогда не занимала значительного места. Тем не менее, в этих языках представлен достаточно широкий круг явлений, связанных с повторами как на уровне слова и его частей, так и на уровне предложения и дискурсивных единиц более высокого уровня. Не является исключением и а г у л ь с к и й я з ы к — один из восточнокавказских языков лезгинской группы, распространенный в Южном Дагестане и насчитывающий порядка 30 тыс.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-04-00345. За замечания к первоначальной версии статьи выражаем свою искреннюю признательность В. С. Мальцевой и Ф. И. Рожанскому.

носителей[2]. Дальнейшее изложение основано на одном из агульских говоров — говоре с. Хпюк, расположенного в Курахском районе.

Бесспорных и сразу же бросающихся в глаза примеров морфологической редупликации в агульском не так много. Один из таких случаев, отмечаемый во всех грамматических очерках языка, — это образование р а с п р е д е л и т е л ь н ы х ч и с л и т е л ь н ы х. Данный разряд образуется при помощи частичной либо полной редупликации основ количественных числительных; сразу скажем, что это наиболее яркий (и один из немногих) случай использования в агульском частичной редупликации. У непроизводных числительных первого десятка редупликации подвергается первый слог основы: ср. *xi~xibu* ‘по 3’ (< *xibu* ‘3’), *ʕa~ʕafu* ‘по 5’ (< *ʕafu* ‘5’), *je~jerxi* ‘по 6’ (< *jerxi* ‘6’), *mu~muja* ‘по 8’ (< *muja* ‘8’), *i~ic’u* ‘по 10’ (< *ic’u* ‘10’) и пр. При этом у односложных числительных, имеющих структуру основы CV, частичная редупликация неотличима от полной, поскольку повторяется их единственный слог: *sa~sa* ‘по 1’ (< *sa* ‘1’), *ʔu~ʔu* ‘по 2’ (< *ʔu* ‘2’), ср. также *qːa~qːa* ‘по 20’ (< *qːa* ‘20’). Частичную редупликацию используют также числительные ‘60’ и ‘80’, образованные по двадцатеричной системе (‘3×20’, ‘4×20’): ср. *xi~xibuqːa* ‘по 60’ (< *xibu-qːa* ‘60’, букв. ‘3-20’), *je~jeq’uqːa* ‘по 80’ (< *jaq’u-qːa* ‘80’, букв. ‘4-20’). Производные числительные от ‘11’ до ‘19’ и ‘40’, исторически включающие корень *c’a-*/*c’e-*/*c’u-* ‘10’, допускают образование распределительного разряда при помощи как частичной, так и полной редупликации: ср. *c’a~c’asa*/*c’asa~c’asa* ‘по 11’ (< *c’asa* ‘11’), *c’a~c’aʕfu*/*c’aʕfu~c’aʕfu* ‘по 15’ (< *c’aʕfu* ‘15’), *je~jaχc’ur*/*jaχc’ur~jaχc’ur* ‘по 40’ (< *jaχc’ur* ‘40’) и пр.; функционально обе распределительные формы эквивалентны. Путем полной редупликации происходит и образование распределительных числительных от *ʕ̥erš* ‘100’ и *авгur* ‘1000’, которые морфологически относятся к классу существительных.

В качестве примера использования распределительного числительного ср. (1), в котором редупликация выражает значение, известное в литературе как *distributive-share* [Gil 1995; Татевосов 2002: 69–70]. Составляющая, которая маркируется редупликацией,

[2] По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в стране проживает 29 287 носителей агульского языка (общее число агулов составляет 34 160 чел.), см. http://www.perepis-2010.ru.

обозначает «долю распределения» — то множество (в данном случае — рублей), которое распределяется между элементами другого множества (в данном случае — коньяков).

(1) *ʁuš.u-ne* *je~jeri* *manat* *i-na* *ʔu*
брать.PF-AOR RDP:семь рубль давать:PF-CONV два
коньяк=ra, *fajš.u-ne* *zun.*
коньяк=ADD уносить.PF-AOR я(ERG)
‘Я купил два коньяка по семь рублей (букв. дав по семь рублей) и отнес’.

Редупликация, как известно, является наиболее распространенным способом образования распределительных числительных в языках мира, причем Кавказ — один из ареалов, где данная стратегия преобладает[3].

Другой заметный пример редупликации в агульском также имеет ареальный характер: речь идет об эхо-редуплика ции с фиксированным начальным согласным *m-*. При повторе существительного образуется парное слово, в котором начальный согласный прикрытого слога заменяется на *m-*, а начальный неприкрытый слог получает приступ *m-*, ср. *gur~mur* ‘чашки или другая посуда’ (< *gur* ‘чашка’), *kːel~mel* ‘ягнята или нечто подобное’ (< *kːel* ‘ягненок’), *ütː~mütː* ‘мед или что-нибудь еще сладкое’ (< *ütː* ‘мед’) и т. п., а также очень распространенные сочетания *še?~me?* и *zat’~mat’* ‘что-нибудь, какие-нибудь вещи’ от синонимичных слов *še?* и *zat’* со значением ‘вещь’. Как видно по примерам, этот тип редупликации выражает значение «репрезентативной множественности» — в отличие от стандартного множественного числа, здесь в рассмотрение вводится «не совокупность однородных предметов, а называемый в основе предмет и функционально относящиеся к тому же классу другие предметы», причем «редуплицированная форма всегда имеет несколько сниженную окраску»

[3] По данным обобщающего типологического очерка [Gil 2013], распределительные числительные, образованные при помощи редупликации, отмечаются почти в 45% языков мира среди тех, в которых в принципе выделяется подобный разряд числительных. (В действительности доля языков, использующих в данном случае редупликацию, даже чуть выше, поскольку те случаи, когда редупликация совмещена с другим средством, например, аффиксацией, Д. Гил выделяет в отдельную группу.)

[Мерданова 2004: 188]. Эхо-редупликация на *m-* отмечается также в других языках лезгинской группы [Алисултанов 2007, 2011: 50–64] и в целом характерна для значительного евразийского ареала с центром в Малой Азии[4].

В качестве достаточно тривиального примера агульской полной редупликации можно указать на повтор прилагательного, используемый при выражении высокой степени качества: ср. *bic'i~bic'i šünük:* 'совсем маленький ребенок' (< *bic'i* 'маленький'), *baha~baha t'ubal* 'очень дорогое кольцо' (< *baha* 'дорогой') и т. п. Основа прилагательного повторяется и в некоторых наречиях, образуемых от прилагательных при помощи показателя *-di*: ср. *deχi~deχi-di* 'очень быстро' (< *deχi* 'быстрый'), *jawaš~jawaš-t:i* 'очень тихо, медленно' (< *jawaš* 'тихий, медленный').

В дальнейшей части статьи мы остановимся на повторах, которые отмечаются у глагольных форм. Число таких повторов достаточно велико, а статус их различен: к ним относится как полная редупликация глагольных основ (формально аналогичная редупликации прилагательных), так и, например, повтор глагола в нефинитной форме при топикализации предиката (конструкция типа «сделать-то он сделал…»). Мы намеренно не стали ограничивать рассматриваемые конструкции строгими формальными рамками, чтобы представить глагольные повторы в агульском языке в их многообразии. Порядок изложения ниже следует принципу: от редупликации на уровне слова — к синтаксическим и дискурсивным повторам.

2. Повтор причастия: дистрибутивность

Полная редупликация причастия используется при выражении дистрибутивного значения: как и в упомянутом выше случае числительных, речь идет о значении *distributive-share*. В агульском языке причастия являются основным средством оформления относительных предложений; в нейтральном случае относительная

[4] Как предполагается, диффузия *m*-редупликации происходила «из тюркского центра к не-тюркской периферии, преимущественно в границах бывшей Османской империи», при этом наряду с прямым калькированием из турецкого данная модель повтора могла дополнительно распространяться под влиянием тюркских языков Кавказа и других регионов Евразии [Stolz 2008: 120].

клауза предшествует вершине именной группы и содержит форму причастия в конце (ср. [*zun uɬu*] *gaf* ‘сказанное мной слово’, букв. ‘мной сказанное слово’). Соответственно, при дистрибутивной редупликации «долей распределения» является референт, описываемый именной группой, и распределение происходит по ситуациям, обозначенным главным глаголом. Так, в (2) сказанные говорящим слова распределены по ситуациям прерывания говорящего адресатом; в (3) надетые пасынком вещи распределены по ситуациям выбрасывания их мачехой. В (4) употреблено субстантивированное причастие в дательном падеже, и референты данной ИГ (‘каждый, кто приходил’) распределены по ситуациям рассказа девушки о том, что с ней произошло.

(2) *wun* *zun* *uɬ.u~uɬ.u* *gaf*
ты(ERG) я(ERG) говорить.PF~говорить.PF слово
fas *at’.a-je-f-e?*
почему резать.IPF-PT:PRS-S-COP
‘Ты зачем прерываешь все, что я говорю (букв. каждое сказанное слово)?’

(3) *daχu* *gada.ji* *lik’.i~lik’.i* *še?*
неродной сын(ERG) надевать.PF~надевать.PF вещь
fatːix.a-j *x.u-ne* *baw.a.*
бросать.IPF-CONV стать.PF-AOR мать(ERG)
‘Мачеха выбрасывала все, что ни надевал пасынок’.

(4) *ruš.a* *ad.i~ad.i-tː.i-s*
девушка(ERG) приходить.PF~приходить.PF-S-DAT
qatːaq’.a-j *x.u-ne* *uč.i-s* *x.u* *kar.*
рассказывать.IPF-CONV стать.PF-AOR сам-DAT стать.PF дело
‘Девушка каждому, кто приходил, рассказывала о том, что с ней случилось’.

Вершинное имя в конструкции с редуплицированным причастием, как правило, имеет форму единственного числа. Множественное число вершины (ср. *uɬu~uɬu gaf-ar*, *lik’i~lik’i še?-er*, *adi~adi-tː-ar-is* с суффиксом множественного числа *-ar*/*-er*) также допустимо и не меняет значение конструкции, однако менее употребительно. Финитный глагол в дистрибутивной конструкции обычно имеет одну из презентных форм или дуративных форм прошедшего времени.

Агульские причастия не ориентированы на определенный аргумент глагола (т. е. не являются «активными» или «пассивными»): интерпретация мишени релятивизации достаточно свободна и ограничена скорее прагматически, нежели синтаксически. В примерах (2) и (3) мы видим релятивизацию пациенса, в (4) — субъекта одноместного глагола. В первом из следующих двух примеров мишенью релятивизации является экспериенцер глагола ‘видеть’, во втором — стимул того же глагола:

(5) *ag.u~ag.u* *gada.ji-s*
видеть.PF~видеть.PF парень-DAT
k:an-x.a-ji *ruš.*
любить-стать.IPF-PST девушка
‘Каждый парень, видевший девушку, влюблялся в нее’.

(6) *ag.u~ag.u* *še?* *ʁuš* *aʁ.a-j*
видеть.PF~видеть.PF вещь брать(IMP) говорить.IPF-CONV
liš.i-ne *šuw.a-l* *xir.*
приставать.PF-AOR муж-SUPER жена
‘Жена стала приставать к мужу, (говоря,) чтобы он покупал все, что она ни видела’.

Всего в хпюкском диалекте имеется семь причастий: по три аспектуальных причастия каждого из двух видов — совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ), — и оптативное причастие (формально входящее в систему НСВ); см. парадигму в Таблице 1. Два из них — простое причастие СВ и простое причастие НСВ — совпадают с видовыми основами; остальные причастия образуются при помощи особых суффиксов и диахронически восходят к аналитическим формам (деепричастие или инфинитив плюс причастие вспомогательного глагола)[5].

Дистрибутивная редупликация свойственна прежде всего простому причастию СВ (см. примеры выше)[6]. Она также возможна,

[5] О системе причастий в хпюкском диалекте см. подробнее [Майсак 2012а].

[6] Редуплицированное простое причастие СВ от глагола *xas* ‘стать’ в качестве отдельного входа даже вошло в словарь М. Р. Рамазанова (базирующийся на центральной группе агульских говоров), ср.: «ХЬУ-ХЬУФ — каждый ставший, ставши-ставший (обычно речь о ставших кем-л., возглавивших что-л.); *хIуькуматтин ахIаф* ***хьу-хьутти*** *халкь*

Таблица 1. Система причастий (глагол *aq'as* ‘делать’).

От основы СВ	От основы НСВ
aq'.u делать.PF Простое причастие СВ (RDP: *aq'u~aq'u*)	*aq'.a* делать.IPF Простое причастие НСВ (RDP: *aq'a~aq'a*)
aq'.u-naje делать.PF-PT:PRF Перфектное причастие	*aq'.a-je* делать.IPF-PT:PRS Презентное причастие
aq'.u-nde делать.PF-PT:AOR Аористное причастие (RDP: *aq'u~aq'unde*)	*aq'.a-jde* делать.IPF-PT:HAB Хабитуальное причастие
—	*aq'.a-ǯe* делать.IPF-PT:OPT Оптативное причастие

хотя и редка, у простого причастия НСВ: ср. (7) с соответствующим аспектуальным значением (сочетание с причастием СВ *aq'u~aq'u kar* означало бы ‘каждое сделанное дело’). Допустимо образование редуплицированной формы у аористного причастия, причем повтору в этом случае подвергается только аспектуальная основа, а не вся словоформа (ср. *upu~upunde* от глагола ‘говорить’, *agu~agunde* от глагола ‘видеть’); такие образования, однако, еще менее употребительны.

(7) *aq'.a~aq'.a* *kar*
делать.IPF~делать.IPF дело
ilsan-ʕ̬el.i-l-di *aq'-e.*
человек-ABSTR-SUPER-LAT делать-IMP
‘Каждое дело (которое ты делаешь / должен делать) делай по-человечески’.

В целом, конструкция с редуплицированным причастием не относится к частотным в речи. Наиболее характерна она для нескольких употребительных глаголов (таких, как ‘приходить’ или ‘делать’). Со стативными глаголами конструкция практически не используется, за исключением единичных случаев (ср. *k:ane~k:ane*

алдатмиш акьая ‘каждый возглавивший государство обманывает народ’» [Рамазанов 2010: 646].

‘все, кого любишь’, *qaje~qaje* ‘все, кто у тебя есть’), применимость которых ограничена некоторыми формульными выражениями проклятий.

Заметим, что полная редупликация с дистрибутивным значением не ограничена числительными и глаголами — она отмечается также у прилагательных и существительных. Именные группы с редупликацией прилагательных — как правило, выражающих положительную оценку, — обозначают множество лучших объектов среди обладающих определенным качеством, ср. *baba~baba ʁ̥anar* ‘все самые большие камни’, *ire~ire нач̌ar* ‘все самые красные яблоки’, *iže~iže šünükːar* ‘все самые хорошие дети’ (вершина всегда множественного числа). Используются такие ИГ в роли пациенса с предикатами типа ‘брать’, ‘выбирать’, в ситуации отбора элементов множества по одному. Полная редупликация свойственна также некоторым существительным, обозначающим емкости (ср. *bedra~bedra* ‘ведро за ведром’, *čanta~čanta* ‘мешок за мешком’) и элементы однородных множеств (ср. *ud~ud* ‘по зернышку’, *t’ink’~t’ink’* ‘капля за каплей’, *tika~tika* ‘на мелкие кусочки’ и пр.).

3. Повтор причастия с частицей *=na*: превосходная степень

Следующий тип повтора также встречается и у глаголов, и у прилагательных, однако он, в отличие от предыдущего, для глаголов крайне периферии. У прилагательных полный повтор, при котором первая часть сопровождается сочинительной частицей *=na*, имеет значение превосходной степени (суперлатива), ср.:

(8) *ire=na* *ire* *нач̌*
красный=и красный яблоко
‘самое красное яблоко’

(9) *baha=na* *baha* *k’eb*
дорогой=и дорогой платок
‘самый дорогой платок’

Данный тип повтора относится, по терминологии Ф. И. Рожанского, к дистантным, т. е. таким, у которых «между двумя повторенными сегментами появляется третий, не имеющий непосредственного отношения к повтору» [Рожанский 2011: 50]. Энклитика

=na, выступающая в данном случае в роли «третьего элемента», используется главным образом при сочинении именных групп и образовании сложных числительных, ср.:

(10) *sa* *idemi=na* *ʔu* *xir*
один мужчина=и два женщина
‘один мужчина и две женщины’

(11) *aʁzur=na* *jarč’̥a* *ʕ̥erš=na* *jaq’uqːa-n=na*
тысяча=и девять сто=и 80-S=и
jarč’̥a-d-pu *is.a*
девять-S-ORD год(TMR)
‘в 1989-м году (букв. в тысяча и девятьсот и восемьдесят и девятом году)’

Суперлативный повтор прилагательных не полностью продуктивен, он употребителен (и даже возможен) далеко не от любой лексемы: ср. приемлемые сочетания типа *iǯe=na iǯe* ‘самый хороший’, *ʔaje=na ʔaje* ‘самый плохой’, *baba=na baba* ‘самый крупный’, однако спорные *ˀbat’ar=na bat’ar* ‘самый красивый’, *ˀbic’i=na bic’i* ‘самый маленький’ и неприемлемые *ˀˀbaχtːlu=na baχtːlu* ‘самый счастливый’ или *ˀˀdadlu=na dadlu* ‘самый вкусный’ (оба последних прилагательных являются заимствованными и содержат азербайджанский атрибутивный суффикс).

Глагольный суперлативный повтор зафиксирован только у причастий некоторых стативов, прежде всего локативного статива *ʕaa* ‘находиться внутри / между’ (содержит префикс локализации INTER): ср. выражение *ʕaj(e)=na ʕaje* ‘самый лучший (из множества)’, гласная в первом компоненте которого, как правило, усекается (12). Из других стативов повтор возможен для глагола обладания *qaa*, ср. субстантивированную форму множественного числа *qaje=na qajetːar* ‘самые близкие, родные’, однако его употребление представимо разве что в формуле проклятия.

(12) *ʕa-j=na* *ʕa-je* *berнет* *wun*
{INTER}быть-PT=и {INTER}быть-PT платье ты(ERG)
wa-s *ʁuš.u-ne.*
ты-DAT брать.PF-AOR
‘Самое лучшее платье (из имеющихся) ты забрала себе’.

Суперлативный повтор представлен также в нескольких лексикализованных наречных выражениях, в которых повторяется либо собственно наречие (13), либо исходная форма существительного, входящего в состав наречного выражения в косвенном падеже (14).

(13а) *p:ara=na* *p:ara*
много=и много
‘больше всего’

(13б) *sift:a=na* *sift:a*
сначала=и сначала
‘в самом начале’

(14а) *ja?=na* *ja?.ani*
середина=и середина(IN)
‘в самом центре’

(14б) *k’uk’=na* *k’uk’.a-l*
верхушка=и верхушка-SUPER
‘на самой верхушке’

4. Повтор деепричастия НСВ: интенсивность/многократность

Повтор достаточно распространен у деепричастий несовершенного вида, которые обычно используются при введении в рассмотрение фонового процесса, сопутствующего основной ситуации (описываемой в главном предложении). Так, в (15) речь идет о том, что женщина постоянно плакала во время своего рассказа, подчеркивается интенсивность ее плача; в (16) сообщается, что на протяжении путешествия герои многократно останавливались.

(15) *le* *xir.a* *ʔaš.a-j~ʔaš.a-j*
DEML жена(ERG) плакать.IPF-CONV~плакать.IPF-CONV
qat:q’.a-ji *uč.i-n* *gada.ji-k-as.*
рассказывать.IPF-PST сам-GEN сын-SUB/CONT-ELAT
‘Эта женщина рассказывала о своем сыне, непрерывно плача’.

(16) *čin* *ʁuz.a-j~ʁuz.a-j*
мы(EXCL) останавливаться.IPF-CONV~останавливаться.IPF-CONV
lak.u *ʕ̥.a-ji* *q:uruh-t:i.*
нога(ERG) идти.IPF-PST Курах-LAT
‘Пешком, время от времени останавливаясь, мы шли в Курах’.

В (17) имеет место повтор деепричастия в отрицательной форме: соответственно, в нем утверждается, что на протяжении всего периода воспитания детей невесткой имела место ситуация ‘не разговаривать со свекровью’:

(17) *sus.a* *q:ari-qaj*
невеста(ERG) старуха-COMIT
da-raχ.a-j~da-raχ.a-j
NEG-разговаривать.IPF-CONV~NEG-разговаривать.IPF-CONV
ана-q’.u-f-e *šünük:-ar.*
большой-делать.PF-S-COP ребенок-PL
‘Невестка вырастила детей, не разговаривая со свекровью’.

Обозначение одновременной ситуации — одна из основных функций деепричастия НСВ и без повтора. Использование же удвоенной формы является средством подчеркнуть интенсивность или многократность сопутствующего процесса и его, так сказать, равномерное «распределение» по времени длительности основной ситуации. Так, если пример (18) сообщает, что в момент наблюдения одновременно с ситуацией движения имела место ситуация разговора, то в (19) утверждается, что ситуация разговора происходила на всем протяжении перемещения.

(18) *gada* *raχ.a-j* *ʕ̥.a-ji.*
парень разговаривать.IPF-CONV идти.IPF-PST
‘Мальчик шел и разговаривал {в момент наблюдения}’.

(19) *gada* *raχ.a-j~raχ.a-j*
парень разговаривать.IPF-CONV~разговаривать.IPF-CONV
ʕ̥.a-ji.
идти.IPF-PST
‘Мальчик шел и все время разговаривал {на протяжении всего пути}’.

В данном типе повтора мы, таким образом, вновь встречаемся с разновидностью свойственного редупликации дистрибутивного значения: здесь «доля распределения» — это моменты осуществления сопутствующей ситуации, которые распределены по моментам осуществления основной ситуации.

У стативных глаголов, единственное деепричастие которых морфологически и функционально параллельно деепричастию НСВ

стандартных глаголов, повтор используется при указании на противопоставление двух ситуаций. Клауза с удвоенным деепричастием статива выполняет роль топика, вводящего определенное состояние, тогда как главное предложение содержит указание на противоречие этому состоянию[7]:

(20) *itːa-j~itːa-j* *ad.i-ne* *baw*
болеть-CONV~болеть-CONV приходить.PF-AOR мать
ze *bugu-s.*
мой рядом-DAT
‘Мама приехала ко мне, хотя и болела (букв. болея-болея)’.

(21) *da-kːandi-j~da-kːandi-j* *š.u-f-e*
NEG-любить-CONV~NEG-любить-CONV уходить.PF-S-COP
gi-s *ruš.*
DEMG-DAT девушка
‘Хоть девушка его и не любила (букв. не любя — не любя), а вышла за него’.

(22) *čajdan.i* *xed* *a-j~a-j,*
чайник(IN) вода {IN}быть-CONV~{IN}быть-CONV
xed *naj-č*
вода какой-LAT
qa-at’.a-je-f-e *wun?*
RE-{IN}лить.IPF-PT:PRS-S-COP ты(ERG)
‘Раз в чайнике и так есть вода (букв. находясь-находясь), зачем ты его еще наполняешь?’

Удвоенные деепричастия некоторых частотных глаголов используются как лексикализованные выражения со значением образа действия, ср. *ʕ̣aj~ʕ̣aj* ‘постепенно’ (букв. ‘идя-идя’), *agaj~agaj* ‘открыто, явно; на виду, на глазах’ (букв. ‘видя-видя’), а также образованные от стативов *guč’aj~guč’aj* ‘очень осторожно’ (букв. ‘боясь-боясь’), *qaj~qaj* ‘подряд’ (букв. ‘будучи сзади — будучи сзади’), *qamij~qamij* ‘сразу следом друг за другом’ (букв. ‘оставаясь сзади — оставаясь сзади’).

[7] Учитывая, что в конструкции с топикализацией предиката некоторые стативы также выступают в форме деепричастия (см. раздел 7), можно предполагать связь удвоения деепричастия статива с конструкцией топикализации.

5. Повтор деепричастия СВ: аугментативность

Повтор деепричастия совершенного вида (типа «сделав-сделав») используется при выражении такой разновидности интенсивности действия, которую можно назвать а у г м е н т а т и в н о й (‘делать много’). Повышенная интенсивность может быть связана как с большим количеством времени осуществления ситуации (или большим количеством ее повторений), так и с большим количеством охваченного ситуацией объекта (при переходном глаголе). Например, в (23) речь идет о неоднократном повторении говорения, в (24) о длительном и интенсивном дожде, в (25) об охвате большого количества объекта при печении хлеба.

(23) *fas* *aʁ.a-j-e* *zun?* *up.u-na~*
почему говорить.IPF-CONV-COP я(ERG) говорить.PF-CONV~
up.u-na *am-e-f-e* *gi-s.*
говорить.PF-CONV {IN}оставаться-PT-S-COP DEMG-DAT
‘Почему я должен (что-то еще) говорить? Уже много раз ему было сказано’.

(24) *ʁ.u-na~ʁ.u-na* *sel-ler*
дождить.PF-CONV~дождить.PF-CONV ливень-PL
ad.i-ne, *küče.ji-l-di*
приходить.PF-AOR улица-SUPER-LAT
lak *at:̥.a-s* *x.a-dawa.*
нога {IN}вынимать.IPF-INF мочь.IPF-PRS:NEG
‘Так долго (и сильно) шел дождь, что сошли потоки воды, на улицу не выйдешь (букв. на улицу ногу не высунешь)’.

(25) *uǯ.u-na~uǯ.u-na* *guni-war* *at.u-ne*
печь.PF-CONV~печь.PF-CONV хлеб-PL оставлять.PF-AOR
zun *χizan.i-s* *ʕut’.a-f* *x.a-χildi.*
я(ERG) семья-DAT есть.IPF-S стать.IPF-PURP
‘Я напекла много хлеба и оставила, чтобы семье хватило еды (в мое отсутствие)’.

В (26) используется та же удвоенная форма, что и в (25), однако с другой интерпретацией: речь идет уже о превышенном времени осуществления ситуации ‘печь хлеб’. Данная пара примеров показывает, что то или иное значение повтора не обязательно фиксировано, но может зависеть от более широкого контекста.

(26) *uǯ.u-na~uǯ.u-na* *wun* *mi-k-as*
печь.PF-CONV~печь.PF-CONV ты(ERG) DEMM-SUB/CONT-ELAT
baχtːa *qʼ.u-ne* *χi.*
бахтта делать.PF-AOR PTCL
‘Ты так его перепекла, что сделала его как бахтта {более сухой и твердый тип хлеба, чем обычная лепешка}’.

К лексикализованным повторам деепричастия СВ можно отнести сочетание *adina~adina* (супплетивная форма от глагола ‘идти, приходить’), имеющая адвербиальное значение ‘в итоге; ко всему прочему’:

(27) *ad.i-na~ad.i-na* *me=ra*
приходить.PF-CONV~приходить.PF-CONV DEMM=ADD
za-l *fatːix.a-a.*
я-SUPER бросать.IPF-PRS
‘В результате вы еще и это (дело) на меня сбрасываете!’

6. Повтор причастия/деепричастия в отрицательной форме

В рассмотренных выше повторах форма причастия или деепричастия удваивается без изменения. Распространен также и такой тип повтора, при котором второе вхождение глагольной формы несет отрицание (тогда как первая не маркирована отрицательным показателем)[8]. Такой повтор характерен для деепричастия несовершенного вида (или статива), а также простых причастий несовершенного и совершенного видов.

Значение повтора деепричастия НСВ/статива достаточно прозрачно — в этом случае речь идет о положении дел, не полностью соответствующем ни наличию, ни отсутствию ситуации, обозначаемой глаголом. Так, в (28) «зная — не зная» означает ‘не зная наверняка, зная неточно’; в (29) с глаголом ‘мочь’ имеется в виду, что участие субъекта в ситуации было не полноценным, а происходило через силу; в (30) с глаголом ‘есть’

[8] В агульском языке отрицание у нефинитных форм выражается при помощи префикса *d-* (перед основой на согласный *da-*), ср. формы в примерах (17), (21). У большинства же финитных форм отрицание маркируется в форме постпозитивного — и, как правило, морфологизованного, — вспомогательного глагола, ср. *xa-dawa* ‘не может’ в (24).

утверждается, что в разное время верно то наличие ситуации, то ее отсутствие.

(28) *на-j~da-на-j* *fas* *e* *wun*
знать-CONV~NEG-знать-CONV почему COP ты(ERG)
ав.а-je-f?
говорить.IPF-PT:PRS-S
‘Точно не зная, зачем говоришь?’

(29) *x.a-j~da-x.a-j*
мочь.IPF-CONV~NEG-мочь.IPF-CONV
ана-q’.u-f-e *zun* *ze* *šünük:.*
большой-делать.PF-S-COP я(ERG) мой ребенок
‘Я с трудом, на грани возможностей вырастила ребенка’.

(30) *ʕut’.a-j~da-ʕut’.a-j,* *har* *ǯüre*
есть.IPF-CONV~NEG-есть.IPF-CONV каждый сорт
x.a-j-e.
стать.IPF-CONV-COP
{— Как ваш ребенок, хорошо ли ест?} ‘— И ест, и не ест, по-разному бывает’.

Ср. также идиоматичное наречное выражение *ag̱aj~dag̱aj* (букв. видя — не видя) ‘незаметно’, ‘не успели оглянуться, как…’.

Повтор утвердительной и отрицательной основы причастия НСВ отмечен у глаголов ‘делать’ и ‘говорить’, причем лишь в специфическом контексте — в сентенциальном дополнении при глаголе ‘знать’ в отрицательной форме. Предложения типа (31) имеют идиоматичное значение и как семантически, так и синтаксически отличаются от повтора утвердительного и отрицательного субстантивированных причастий (32).

(31) *aq’.a~d-aq’.a-f* /
делать.IPF~NEG-делать.IPF-S
ав.а~d-ав.а-f *на-dawa.*
говорить.IPF~NEG-говорить.IPF-S знать-PRS:NEG
‘Даже не знаю, что сказать/сделать (в такой ситуации)’.

(32) *ав.а-f,* *d-ав.а-f* *на-dawa.*
говорить.IPF-S NEG-говорить.IPF-S знать-PRS:NEG
‘Не знаю, что сказать, чего не говорить’.

Повтор утвердительного и отрицательного причастия СВ возможен у чуть более широкого класса глаголов и используется при выражении неопределенной референции в вопросах типа (33)–(34). По всей видимости, в данном случае повтор форм, различающихся по полярности, связан с тем, что говорящий в равной степени допускает оба варианта ответа на свой вопрос, утвердительный и отрицательный.

(33) *gi-č* *uš.u~d-uš.u-f*
DEMG-LAT уходить.PF~NEG-уходить.PF-S
a-je-f-e-wa *xe* *нür.i-??*
{IN}быть-PT-S-COP наш(INCL) село-IN
‘Есть ли у нас в селе кто-нибудь, кто туда ходил (букв. ходивший-неходивший)?’

(34) *ag.u~d-ag.u* *kas*
видеть.PF~NEG-видеть.PF человек
x.u-ne-wa?
стать.PF-AOR-Q
‘{При расспросах после поездки:} ‘Ну как там, видел ты кого-нибудь (букв. были ли виденные-невиденные)?’

Повтор причастий некоторых глаголов в субстантивированной форме передает значение всеобщности, ср. причастие стативного глагола ‘знать’ *наf~данаf* (букв. знаемое-незнаемое), а также причастия СВ глаголов ‘видеть’ *aguf~daguf* (букв. виденное-невиденное) и ‘говорить’ *upuf~dupuf* (букв. сказанное-несказанное). Все эти сочетания означают ‘всё вместе’, ‘и одно, и другое’ — соответственно, о знаемом, увиденном либо сказанном.

Подобные повторы, как кажется, связаны с характерными для агульской речи конструкциями, когда при выражении всеобщности применительно к ситуациям используется утвердительная и отрицательная формы глагола. Так, в высказывании (35) выражена просьба рассказать обо всем, что имело место, хотя буквально адресату предлагается сообщить и о том, что было, и о том, чего не было[9]:

[9] Ср. в этой связи характерный для агульских сказок зачин с повтором утвердительной и отрицательной формы глагола типа *xune, xundawa sa insan…* ‘Жил-был (букв. был, не был) один человек’.

(35) *qatːaq’* *fi-štːi* *x.u-ne,* *fi-štːi*
рассказывать(IMP) что-ADV стать.PF-AOR что-ADV
x.u-ndawa, *fiš* *ag.u-ne,*
стать.PF-AOR:NEG кто видеть.PF-AOR
fiš *ag.u-ndawa…*
кто видеть.PF-AOR:NEG
‘Расскажи, как там было (букв. как было, как не было), кого ты видел (букв. кого видел, кого не видел)’.

7. Синтаксическое дублирование: инфинитив при топикализации

Одна из специфических разновидностей повтора используется в агульском языке при т о п и к а л и з а ц и и предиката, т. е. при помещении предиката в позицию топика («темы», «данного») высказывания. Конструкция с топикализацией предиката состоит из двух частей: в первой вводится собственно предикатный топик (‘что касается Р, …’), во второй делается утверждение относительно данной ситуации. В агульском имеется конструкция топикализации, в которой одна и та же глагольная лексема используется дважды: в первой части она употребляется в форме инфинитива, во второй части — в финитной форме:

(36) *ʕutʼ.a-s* *gi* *ʕutʼ.a-a,* *amma* *süwe*
есть.IPF-INF DEMG(ERG) есть.IPF-PRS но толстый
x.a-dawa.
стать.IPF-PRS:NEG
‘Есть-то он ест, но не толстеет’.

(37) *ʕ̣.a-s* *ge* *ʕ̣.a-a,* *amma* *mus*
идти.IPF-INF DEMG идти.IPF-PRS но когда
ʕ̣.a-j-či *на-j-dewa* *za-s.*
идти.IPF-CONV-COND знать-CONV-COP:NEG я-DAT
‘Ехать-то он едет (собирается ехать), но не знаю, когда’.

(38) *ав.a-s* *gi* *fi=ra* *ав.a-dawa,*
говорить.IPF-INF DEMG(ERG) что=ADD говорить.IPF-PRS:NEG
amma *gi-s* *pːara* *qːiqːe* *a*
но DEMG-DAT очень тяжелый {IN}быть:PRS
‘Говорить-то он ничего не говорит, но ему очень тяжело’.

Наиболее распространены конструкции, в которых вторая часть выражает лишь истинностную оценку («фокус верификации», ср. также англ. термины *verum focus* или *polarity focus*), т. е. сообщает о том, имеет (36), (37) или не имеет места (38) ситуация. В этом случае описываемая ситуация противопоставляется другому положению дел — другой ситуации или другим параметрам исходной ситуации, — что чаще всего выражается при помощи противительного предложения.

Подобные конструкции с повтором глагола — иногда не вполне точно именуемые также «предикатными клефтами» — отмечаются в целом ряде языков мира, например, в испанском и португальском, в венгерском и идише [Bastos 2002; Landau 2006; Vicente 2007] и пр. Нельзя не отметить сходства и с русской конструкцией — ср. *Прийти-то он пришел, но ничего нам не принес* или *Сказать он ничего не сказал, только кивнул*, — которая уже давно привлекает внимание исследователей (см., среди прочих, [Paillard, Плунгян 1993; Abels 2001]). Во всех названных языках первое вхождение глагола также имеет форму инфинитива[10] и также вводит топикальную часть высказывания; в некоторых языках «предикатные клефты» используются для выражения фокуса и могут включать другую нефинитную форму глагола, отличную от инфинитива.

Как легко видеть, в данном случае мы имеем дело с повтором другого типа, нежели рассмотренные ранее. В частности, этот повтор не является контактным: два вхождения глагольной лексемы могут быть разделены другими составляющими, ср. субъектную именную группу в (36)–(38). Однако более важно другое. Даже в случае, если результатом повторов причастий и деепричастий является не единое слово, а сочетание двух слов (типа *raχaj~raχaj* ‘разговаривая-разговаривая’ или *ирипа~ирипа* ‘сказав-сказав’), входящие в это сочетание слова имеют одну и ту же

[10] Выбор для данной функции именно формы инфинитива, как правило, объясняют тем, что он представляет собой наиболее нейтральную форму, передающую лексическую семантику глагола, однако лишенную какой-либо дополнительной спецификации. По мнению Д. Пайяра и В. А. Плунгяна, в русской конструкции инфинитив «обозначает ситуации, неопределенные в отношении истинностной оценки» — и в этом смысле «называя инфинитив “неопределенной формой”, создатели русской грамматической терминологии сказали, может быть, гораздо больше, чем хотели» [Paillard, Плунгян 1993: 267].

форму и занимают одну и ту же синтаксическую позицию. В случае же конструкции с топикализацией мы не имеем дела с простым удвоением определенной формы — речь идет о выражении того же набора лексических или морфосинтаксических признаков в другой позиции, т. е. о своего рода «дублировании» или «копировании» на уровне синтаксиса (ср. [Barbiers 2008: 15–16])[11].

Использование агульской конструкции с инфинитивным топиком связано с рядом ограничений. Прежде всего, у нескольких стандартных глаголов, имеющих форму инфинитива (которая, напомним, образуется от основы несовершенного вида), конструкция не всегда употребительна с финитными формами совершенного вида во второй части, если основа СВ супплетивна. Так, при приемлемых сочетаниях с презенсом *ʕ̣as ʕ̣aa* ‘идти-то идет’, *χas χaa* ‘нести-то несет’, *aʁas aʁaa* ‘говорить-то говорит’ являются проблематичными сочетания с прошедшим временем, образуемым от другой основы того же глагола, когда финитная форма следует сразу за инфинитивом (??*ʕ̣as adine* ‘прийти-то пришел’, ??*χas fajne* ‘принести-то принес’, ??*aʁas ирпе* ‘сказать-то сказал’). Наличие синтаксического материала между инфинитивом и финитным глаголом делает конструкцию полностью приемлемой (OK*ʕ̣as ge adine* ‘прийти-то он пришел’, OK*χas gi fajne* ‘принести-то он принес’ и пр.).

Кроме того, поскольку в парадигме стативных глаголов сама по себе форма инфинитива отсутствует, с большинством стативов

[11] Неслучайно «предикатные клефты» в последние годы наиболее активно изучаются прежде всего в такой разновидности минималистской парадигмы, как теория копирования (*Copy Theory*), см. работы [Vicente 2007; Kandybowicz 2008] и др. В ней подразумевается, что в результате перемещения составлящей образуется ее копия или несколько копий, однако эти копии, как правило, в дальнейшем уже не произносятся при «озвучивании» (*spell-out*) предложения; конструкции же типа (36) появляются именно тогда, когда произносится более одной копии составляющей. Впрочем, конструкции с инфинитивным топиком отмечались и в более теоретически нейтральных работах по коммуникативной структуре предложения в европейских языках (см. [Maslova, Bernini 2006: 80–83]), хотя специальных функционально-ориентированных типологических исследований по топикализации предиката пока не так много (см., в частности, [Bernini 2009]). Обзор типов конструкций с топикализацией предиката в агульском и других дагестанских языках приводится в [Майсак 2012b].

данная конструкция не может быть использована. У некоторых стативных глаголов топикальная часть выступает в виде деепричастия на *-j*, ср. *faj faa* ‘иметься-то имеется’ (локативный статив *faa* ‘находиться рядом, иметься при себе’). Любопытно, что в некоторых случаях допустимо использование «квазиинфинитива» — формы на *-s*, похожей на инфинитив соответствующей лексемы, однако не функционирующей в качестве такового вне топикальных конструкций. Ср. *axas a* ‘находиться-то находится…’, где употреблен подобный квазиинфинитив от локативного глагола *a* ‘быть, находиться (внутри)’ и *exas e* ‘так-то оно так…’ с квазиинфинитивом от именной связки *e*. В обоих случаях форма, выступающая в топикальной части, представляет собой стяжение основы статива с инфинитивом стандартного глагола *xas* ‘быть, стать’, имеющего полную парадигму.

Конструкция с инфинитивным топиком является не единственным средством топикализации предиката. Еще одна распространенная конструкция такого типа основана не на повторе лексемы, а на использовании глагола-заместителя *aq’as* ‘делать’ во второй части; вершина же топикальной клаузы имеет форму основы совершенного вида[12]. Ср. пример (39), являющийся минимальной парой к (36):

(39) *ʕut’.u* *gi* *q’.a-a,* *amma* *süwe*
есть.PF DEMG(ERG) делать.IPF-PRS но толстый
x.a-dawa.
стать.IPF-PRS:NEG
‘Есть-то он ест, но не поправляется’.

8. Повтор в дискурсе: *tail-head linkage*

Последний из распространенных в агульском языке типов повтора, который мы рассмотрим, также относится к синтаксическим

[12] Данная конструкция рассматривается как одно из средств выражения уступительности в работе [Добрушина, Мерданова 2004]. Заметим, что сосуществование в агульском двух типов конструкций опровергает характерную для минималистских работ идею, согласно которой повтор лексемы в предикативных клефтах происходит как вынужденная мера в силу отсутствия в языке механизма использования «пустого» глагола типа англ. *do-support* (см., в частности, [Kandybowicz 2008: 81]). В агульском обе конструкции в равной степени приемлемы.

повторам, но уже на уровне более высоком, чем предложение. Как считается, разного рода дискурсивные повторы «оказываются средством, используемым исключительно для стилистической организации текста, и не имеют непосредственного отношения к грамматике языка» [Рожанский 2011: 26]. Тем не менее, нам кажется правомерным остановиться и на одном из повторов данного типа, поскольку он отнюдь не является универсальным, а для агульских нарративов как раз в высшей степени характерен.

Речь идет о явлении, известном как *tail-head linkage* («увязывание конца и начала»)[13]: подразумевается под ним «такой способ связывания последовательностей клауз, при котором последняя клауза в цепочке полностью или частично повторяется в первой клаузе следующей цепочки» [de Vries 2005: 363]. Среди языков, в которых данное явление распространено и отмечалось в литературе, можно назвать прежде всего папуасские, австралийские и австронезийские языки, некоторые языки Северной и Южной Америки и некоторые афразийские (в т. ч. разговорный арабский), см. [Guillaume 2011: 111]. Повторное вхождение глагола, как правило, оформляется одной из основных обстоятельственных форм (деепричастий, конвербов). В агульском языке дело обстоит так же, хотя используются в этой функции не наиболее нейтральные по значению деепричастия совершенного вида, а другие формы.

В наиболее распространенном в агульских нарративах типе *tail-head linkage* для повтора вершины клаузы используется форма на *-guna*, имеющая общее темпоральное (‘когда сделал/делает’) либо причинное значение (‘из-за того, что сделал/делает’), ср. изолированное употребление предложения с данной формой (40).

(40) *dad.a* *gi-štːi* *up.u-guna,* *baw.a-s*
отец(ERG) DEMG-ADV говорить.PF-TEMP мать-DAT
qel *ad.i-ne.*
обида приходить.PF-AOR
‘Когда (или: Из-за того, что) отец так сказал, мать обиделась’.

[13] Считая название *tail-head linkage* «потенциально неоднозначным», Р. Диксон предлагает обозначить данное явление как *bridging device* — «средство сопряжения» [Dixon 2009: 8]. К менее употребительным вариантам названия относятся также *recapitulative linkage*, *tail-head recapitulation*, *backgrounding repetition* и некоторые другие.

Пример фрагмента нарратива с *tail-head linkage* приводится в (41): как и в других многочисленных примерах подобного рода, здесь трудно усмотреть темпоральное или причинное значение в чистом виде, речь идет скорее именно об обеспечении связности, когда говорящий вновь упоминает предшествующую ситуацию перед введением в рассмотрение следующей.

(41) *qa-je sa gada.ji-s* ***χ.a-j-e*** ***sus.***
{POST}быть-PT один сын-DAT нести.IPF-CONV-COP невеста
sus ***χ.a-guna*** *me, qa gada.ji-q baw*
невеста нести.IPF-TEMP DEMM PTCL сын-POST мать
qa-du? baw, ***gada.ji-n*** ***baw***
{POST}быть-PRS:NEG:Q мать парень-GEN мать
it:ar-x.a-j-e. ***gada.ji*** ***baw***
болеть-стать.IPF-CONV-COP парень(GEN) мать
it:ar-x.u-guna, *a, me sus.a-s*
болеть-стать.PF-TEMP PTCL DEMM невеста-DAT
ав.а-а=χi, ja baw ав.а-а, ja baw,
говорить.IPF-PRS=PTCL VOC мать говорить.IPF-PRS VOC мать
ав.а-а sus.a, wa-s fi k:and-e?
говорить.IPF-PRS невеста(ERG) ты-DAT что хотеть-COP
‘Единственного сына **женят**. **Женят** его, а у парня же ведь есть мать. Мать, **мать парня заболела**. **Когда мать парня заболела**, то говорит этой невестке… невестка говорит: «Мама, мама, чего тебе хочется?»’

Как правило, *tail-head linkage* используется, чтобы представить как фоновую (*background*) ту ситуацию из основной нарративной линии, которая перед этим была на переднем плане (*foreground*). Тем не менее, встречаются и повторы клауз, не относящихся к основной нарративной линии, ср. фоновое ‘там были голубые цветы’ в (42)[14].

(42) ***ʔürd.i-n*** ***waχt:*** ***e=ʁaj,*** ***čülle*** ***tuk-ar***
зима-GEN время COP=CIT голубой цветок-PL
a-a=ʁaj ***ti-sa-ʔ.*** ***aχp:a*** ***čülle*** ***tuk-ar***
{IN}быть-PRS=CIT DEMT-LOC-IN потом голубой цветок-PL

[14] Наряду с обеспечением связности повествования повтор данного типа служит и своеобразным заполнением паузы в изложении, когда говорящий обдумывает построение следующего фрагмента дискурса.

a-je-gunа ***ti-sa,*** *čip:.i*
{IN}быть-PT-TEMP DEMT-LOC(IN) сам:PL(ERG)
p.u-ne=кaj *čip:.i,* *me*
говорить.PF-AOR=CIT сам:PL(ERG) DEMM
fi *ǯiga* *x.u-raj…*
что место стать.PF-JUSS
‘Была, говорит, зима, а **там были голубые цветы**. **Были там голубые цветы**, и они сказали: «Что же это за место такое?..»’

В другой, более редкой разновидности *tail-head linkage* повторное вхождение глагола имеет субстантивированную форму причастия совершенного вида. Данный повтор используется лишь для событий основной линии повествования и, как правило, при подчеркивании того, что событие имело место непосредственно перед следующим событием в цепочке (‘сразу, как только’).

(43) *кajk.i-nа* *нир:-ar=ra* *ʕut’.a-s* *aq’.a-j,*
гнать.PF-CONV овца-PL=ADD есть.IPF-INF делать.IPF-CONV
uč=ra ***кarx.u-nа-а*** *me* *gada.* ***кarx.u-f,***
сам=ADD ложиться.PF-PRF-PRS DEMM парень ложиться.PF-S
aχp:a *ad.i-nа-а* *mi-č* *sa* *ruš.*
потом приходить.PF-PRF-PRS DEMM-LAT один девушка
‘Он погнал овец на пастбище, а сам **лег спать**, этот парень. **Лег спать**, и приходит туда одна девушка’.

Как видно по примерам, обычно в начале следующего предложения повторяется не только глагол, но и по крайней мере часть его зависимых; может повторяться и клауза целиком, особенно если она небольшая.

9. Заключение

Итак, мы рассмотрели наиболее характерные агульские конструкции с повтором глагола: это простой повтор причастных основ и деепричастий совершенного и несовершенного вида, повтор с сочинительной частицей, повтор формы (дее)причастия с добавлением отрицания, а также повтор при топикализации предиката и при обеспечении дискурсивной связности.

Как легко заметить, в большинстве случаев представлена полная редупликация глагольных форм, когда удвоенная форма входит в ту же составляющую, что и простая форма в конструкции

без удвоения. Частичная редупликация глаголу в агульском языке не свойственна. Другой класс случаев — это конструкции с синтаксическим повтором, в котором «повторяющийся» глагол занимает другую синтаксическую позицию и имеет другую морфологическую форму, однако происходит дублирование самой глагольной лексемы.

Функции глагольных повторов в агульском вполне укладываются в тот набор, который свойствен редупликации и повторам типологически: это выражение дистрибутивности, подчеркивание длительности, превосходная степень признака и увеличенная интенсивность. Повторы типа «утвердительная + отрицательная форма», как правило, выражают неопределенную референцию или значение всеобщности. Обратим внимание на то, что дистрибутивное значение является едва ли не наиболее характерным для агульской редупликации в целом: оно свойственно и существительным, и прилагательным, и числительным, а у глаголов проявляется и при описании референта через признак (у причастий СВ), и при описании процесса, сопутствующего основной ситуации (у деепричастий НСВ).

В данной работе были охвачены все агульские глагольные повторы, которые можно отнести к «грамматическим». За пределами обзора остались различные типы дискурсивных повторов, используемых «для стилистической организации текста», ср. характерный текстовый пример (44) с глаголами движения.

(44) *š.u-ne* *me.* *š.u-ne,* *š.u-ne,*
уходить.PF-AOR DEMM уходить.PF-AOR уходить.PF-AOR
š.u-ne, *š.u-ne,* *ruq'.u-ne*
уходить.PF-AOR уходить.PF-AOR достигать.PF-AOR
ha-ti-č, *ruq'.u-ne.*
HA-DEMT-LAT достигать.PF-AOR
'Пошел он. Шел, шел, шел, добрался туда, дошел'.

С другой стороны, мы не останавливались на таком специфическом явлении, как наличие в лексеме повторяющегося сегмента при отсутствии соответствующего коррелята без повтора: ср., например, агульские существительные *k:ek:u* 'кукушка', *q'urq'* 'горло', *zebz* 'муравей', *q:ereq:il* 'сорока' и пр. Данный тип редупликации (в терминах Ф. И. Рожанского, «немотивированная редупликация») часто имеет звукосимволическую природу и не

всегда признается исследователями. Для лезгинских языков роль редупликации в лексической системе — как в синхронном, так и в диахроническом аспекте, — была исследована в недавней работе [Алисултанов 2012]. Впрочем, как раз глагольным основам данная разновидность звуковых повторов свойственна лишь в очень малой степени.

Список условных сокращений

ABSTR — абстрактное имя; ADD — аддитивная частица; ADV — наречный показатель; AOR — аорист; CIT — пересказывательность; COMIT — комитатив; COND — условная форма глагола; CONV — деепричастие; COP — связка; DAT — датив; DEMG — демонстратив *g*-серии; DEML — демонстратив *l*-серии; DEMM — демонстратив *m*-серии; DEMT — демонстратив *t*-серии; ELAT — элатив; ERG — эргатив; EXCL — эксклюзив; GEN — генитив; HA — дейктический префикс *ha-*; IMP — императив; IN — локализация ‘внутри’; INCL — инклюзив; INF — инфинитив; INTER — локализация ‘в массе; между’; IPF — несовершенный вид; JUSS — юссив; LAT — латив; LOC — локативный демонстратив; NEG — отрицание; ORD — порядковое числительное; PF — совершенный вид; PL — множественное число; POST — локализация ‘сзади’; PRF — перфект/результатив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PT — причастие; PT:AOR — аористное причастие; PT:HAB — хабитуальное причастие; PT:OPT — оптативное причастие; PT:PRS — презентное причастие; PT:PRF — перфектное/результативное причастие; PTCL — частица; PURP — целевое деепричастие; Q — вопросительность; RDP — редупликация; RE — рефактивный префикс; S — показатель субстантивации; SUB/CONT — локализация ‘под’/‘в контакте’; SUPER — локализация ‘сверху’; TEMP — темпоральная форма глагола (‘когда’); TMR — темпоральная форма имени; VOC — вокатив.

Показатели косвенной основы имен и аспектуальных основ глаголов отделяются точкой. Знак = используется для отделения клитик. Локативные префиксы не отделяются и в строке глоссирования обозначаются в фигурных скобках. Немаркированные категории в строке глоссирования не отмечаются (номинатив, единственное число, эссив), а при совпадении с косвенной основой заключаются в круглые скобки (эргатив, локализация IN, генитив, темпоралис). Компоненты контактной редупликации разделяются знаком «~».

Литература

Алисултанов 2007 — А. С. Алисултанов. Эхо-редупликация в лезгинских языках // М. Е. Алексеев (ред.). Кавказский лингвистический сборник. Вып. 19. М.: Academia, 2007. С. 3–20.

Алисултанов 2011 — А. С. Алисултанов. Редупликация как грамматическое средство в лезгинских языках. Махачкала: ДГПУ, 2011.

Алисултанов 2012 — А. С. Алисултанов. Редупликация в лексической системе лезгинских языков. Махачкала: ДГПУ, 2012.

Добрушина, Мерданова 2004 — Н. Р. Добрушина, С. Р. Мерданова. Уступительные конструкции в агульском языке // В. С. Храковский (ред.). Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука, 2004. С. 523–541.

Майсак 2012a — Т. А. Майсак. Причастные формы в видо-временной системе агульского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VIII, 2 [В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. VI. Типология аспектуальных систем и категорий], 2012. С. 228–289.

Майсак 2012b — Т. А. Майсак. Конструкции с топикализацией предиката в дагестанских языках // Контенсивная типология естественных языков. Материалы III международной научно-практической конференции языковедов. Махачкала: ДГУ, 2012. С. 30–39.

Мерданова 2004 — С. Р. Мерданова. Морфология и грамматическая семантика агульского языка (на материале хпюкского говора). М.: Советский писатель, 2004.

Минлос 2004 — Ф. Р. Минлос. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках. Дисс. … канд. филол. наук. М., 2004.

Рамазанов 2010 — М. Р. Рамазанов. Агульско-русский словарь. Махачкала: Лотос, 2010.

Рожанский 2011 — Ф. И. Рожанский. Редупликация: Опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011.

Татевосов 2002 — С. Г. Татевосов. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

Abels 2001 — K. Abels. The predicate cleft construction in Russian // S. Franks, T. King, M. Yadroff (eds.). Formal Approaches to Slavic Linguistics, 9. Bloomington, IN: Michigan Slavic Publications, 2001. P. 1–19.

Barbiers 2008 — S. Barbiers. Microvariation in syntactic doubling. An introduction // S. Barbiers et al. (eds.). Microvariation in Syntactic Doubling. Bingley: Emerald, 2008. P. 1–34.

Bastos 2002 — A. Bastos. Fazer, eu faço! Topicalização de constituentes verbais em portugues brasileiro. MA thesis, Universidade Estadual de Campinas, 2002.

Bernini 2009 — G. Bernini. Constructions with preposed infinitive: Typological and pragmatic notes // L. Mereu (ed.). Information structure and its interfaces. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 105–128.

Dixon 2009 — R. M. W. Dixon. The semantics of clause linking in typological perspective // R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). The Se-

mantics of Clause Linking: A Cross-Linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 1–55.

Gil 1995 — D. Gil. Universal quantifiers and distributivity // E. Bach et al. (eds.). Quantification in Natural Languages. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 321–362.

Gil 2005 — D. Gil. From repetition to reduplication in Riau Indonesian // B. Hurch (ed.). Studies on Reduplictaion. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. P. 31–64.

Gil 2013 — D. Gil. Distributive numerals // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (http://wals.info/chapter/54, accessed on 2013-12-28)

Guillaume 2011 — A. Guillaume. Subordinate clauses, switch-reference and tail-head linkage in Cavineña narratives // R. Gijn, K. Haude, P. Muysken (eds.). Subordination in Native South-American Languages. Amsterdam: John Benjamins, 2011. P. 109–140.

Hurch 2005 — B. Hurch (ed.). Studies on Reduplictaion. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.

Inkelas, Zoll 2005 — S. Inkelas, C. Zoll. Reduplication: Doubling in morphology. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Kandybowicz 2008 — J. Kandybowicz. The Grammar of Repetition: Nupe grammar at the Syntax-Phonology Interface. Amsterdam: John Benjamins, 2008.

Landau 2006 — I. Landau. Chain Resolution in Hebrew V(P)-fronting // Syntax 9, 2006. P. 32–66.

Maslova, Bernini 2006 — E. Maslova, G. Bernini. Sentence topics in the languages of Europe and beyond // G. Bernini, M. L. Schwartz (eds.). Pragmatic Organization of Discourse in the Languages of Europe. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2006. P. 69–120.

Paillard, Плунгян 1993 — D. Paillard, В. А. Плунгян. Об одном типе конструкций с повтором глагола в русском языке // Russian Linguistics 17, 1993. P. 263–277.

Stolz 2008 — T. Stolz. Total reduplication vs. echo-word formation in language contact situations // P. Siemund, N. Kintana (eds.). Language Contact and Contact Languages. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 107–132.

Stolz et al. 2011 — T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. Total Reduplication: The Areal Linguistics of a Potential Universal. Berlin: Akademie Verlag, 2011.

Vicente 2007 — L. Vicente. The Syntax of Heads and Phrases: A Study of Verb (Phrase) Fronting. PhD Thesis. Leiden University, 2007.

de Vries 2005 — L. de Vries. Towards a typology of tail-head linkage in Papuan languages // Studies in Language 29, 2, 2005. P. 363–384.

A. L. Malchukov

ИЛИ РАН, St. Petersburg — JGU, Mainz

CONSTRAINING SYNTAGMATIC GRAMMEME INTERACTION: A SYNOPSIS[1]

«Сочетания различных сем в грамматических значениях не являются целиком произвольными: одни комбинации встречаются в большом количестве языков, тогда как другие, логически вполне возможные, не встречаются почти никогда ⟨…⟩ Было бы крайне заманчиво изучить все подобные тенденции, но мы вынуждены оставить эту проблему в стороне». (И. А. Мельчук [Mel'chuk 1998: 14])

«Таким образом, мы вплотную подошли к очень важному в теоретическом отношении вопросу: проявляется ли каким-либо закономерным образом наличие/отсутствие взаимозависимости категорий, а тем самым и возможность их взаимодействия, в структуре семантического представления словоформы глагола». (В. С. Храковский [Xrakovskij 1996: 26])

1. Introduction: Typology of syntagmatic dependencies between grammatical categories

Although almost any grammatical description of a language contains information about interaction between grammatical categories, there are still few typological studies that focus on this issue. To my knowledge, the only work which explicitly address this issue from a typological point of view are the studies by Viktor Samuilovich Xrakovskij [1990, 1996, 2003], as well as Aikhenvald and Dixon [1998][2]. Xrakovskij [1996] represents a pioneering case study of interaction of verbal categories, focusing on the interaction of mood (in particular, imperative, as opposed to indicative) with tense, aspect, voice and person agreement. He concludes that imperative frequently induces

[1] I acknowledge the Russian Scientific Foundation for financial support (grant 14-18-03406).

[2] Equally few are monographic studies which specifically address category interaction in individual languages or cross-linguistically: in this connection a study by Poupynin [1999] on tense/aspect interaction in Russian, and a typological study by de Haan [1997] on interaction of modality and negation should be mentioned.

changes in the grammemes belonging to other categories, leading to the loss of a category altogether (e.g. tense), of some grammeme of a category (e.g., the passive is normally lacking an imperative), or of some function of a grammeme (as in the case of reinterpretation of aspectual values in the imperative), or else leading to a change in its formal expression (cf. the use of special forms of person agreement in imperative as compared to indicative). Further, Xrakovskij makes the important point that results of grammeme interaction may be asymmetrical: more often than not, (only) one of the grammemes changes its meaning when combined with another grammeme (the one undergoing the semantic shift is called recessive, the one inducing the change is called dominant). With regard to imperative, his conclusion is that imperative normally acts as a dominant category with respect to other categories.

The paper by Aikhenvald and Dixon [1998] is broader in scope, as it studies mutual dependencies between various grammatical categories, both verbal and nominal, in a wide range of languages. One of the most general results of this study is to show that interpretation/availability of nominal categories is more often determined by verbal categories than the other way round (for example, case marking of arguments may depend on choices in the TAM system). Some other unilateral dependencies have been noted as well; for example, negation is found to be more likely to influence availability/realization of other categories, but is hardly affected by other categories itself. However, many other dependencies have been found to be bi-directional; for example either a choice of number or a choice of case system can impose restrictions on members of the other category.

Yet, it seems that further cross-linguistic generalizations can be established in this field once a more fine-grained approach is adopted to category interaction. That is, it is important to distinguish between three distinct albeit related phenomena in the domain of interaction between grammatical categories, which are treated indiscriminately in [Aikhenvald, Dixon 1998].

1) The choice of grammeme X of category x excludes category y (e.g., in imperatives/subjunctives tense distinctions are normally missing);
2) The choice of grammeme X of category x excludes grammeme Y of category y (for example, perfective aspect in many languages is incompatible with the present tense);

3) The choice of grammeme X of category x leads to formal lack of distinction between grammemes Y1 and Y2 of category y (e.g., in many languages there is a larger number of distinct case forms in singular than in plural).

Admittedly, this classification may be less clear-cut in certain cases; for example, if the number of grammemes is restricted to two, the first case is indistinguishable from the third. On the other hand, if a grammeme X may exclude (possibly, for different reasons) all grammemes of y, then the second case converges with the first one. Yet these cases should be kept distinct, since the motivation behind these types of category interaction may be different. In particular, the third case, dealing with neutralization/syncretism, has usually been related to markedness: combinations of unmarked members of categories are known to be less restricted, as compared to the marked one (see §5). This is different from the case of the second type, which is – inasmuch as it is cross-linguistically recurrent – due to functional incompatibility: here we are dealing with absolute restrictions on certain combinations rather than with relative preferences. The first case is probably the most complex, since exclusion of different members of a certain grammaticcal category may be due to both factors (see 6.2 below for an account of gender/number dependencies, or tense/mood dependencies).

The present paper continues the typological research into category interaction initiated by Viktor Samuilovich Xrakovskij, as well as earlier studies under the rubric of markedness (see, e.g., [Plank, Schellinger 1997]). Here I shall mostly concentrate on the cases of the second kind (called hereafter 'infelicitous combinations', occasionally abbreviated as IC), where grammemes X and Y are functionally incompatible and therefore a combination of these values is systematically excluded.

In the following section I exemplify different types of infelicitous combinations as well as outcomes of grammeme conflicts. In section 3 I will discuss one of the most spectacular case of infelicitous combination, the case of perfective presents, in more detail (see [Malchukov 2011] for discussion of other infelicitous combinations in the domain of verbal categories). Section 4 provides a brief discussion of the factors determining the resolution of infelicitous combinations, while Section 5 summarizes the factors, constraining grammeme combinations in general. Section 6 provides a unified picture of the interacting factors relying on the notion of local markedness and markedness hierarchy. Finally,

section 7 summarizes the main results of the study and poses questions for further research.

2. Types of infelicitous combinations and their outcomes: some illustrations

Note that since infelicitous combinations are infelicitous for functional reasons, effects of grammeme conflicts will be observed independently of the mode of expression of the respective categories. Yet the outcome of a grammeme conflict may be different depending on the structural properties of the language. If the respective values are expressed cumulatively, as is typically the case in a fusional language, one should expect that the infelicitous combination will not be expressed at all, which will result in a paradigm gap. For example, in Romance languages the distinction between perfective and imperfective (aorist/imperfect) is restricted to past tense and is not found in the present (see below for further discussion). If categories are expressed independently, as is often the case in agglutinative languages, the outcome may be more diverse.

In the latter case we can imagine three primary techniques for conflict resolution of infelicitous combinations: 1) the infelicitous combination is not available at all, due to the mutual incompatibility of the categories in question; 2) the infelicitous combination is available, but involves a change of meaning of one of the grammemes (the 'recessive' grammeme, in the terms of [Xrakovskij 1996]); 3) the infelicitous combination is available, but involves a change of meaning in both grammemes.

In the first case the resolution rules are similar to what we observed in cases of cumulative expression: semantic incompatibility leads to a gap in a paradigm. Consider, for example, the interaction between modal categories in Korean, as described in [Sohn 1994]. In Korean, the categories of (epistemic) mood and illocutionary force, which cross-linguistically are most often expressed cumulatively, constitute independent categories. Yet not all theoretically possible combinations of moods (indicative, retrospective, requestive and suppositive) and illocutionary force markers (declarative, interrogative, imperative and propositive) are found. While declaratives and interrogatives combine with indicative and "retrospective" (i.e. experiential) moods (see (1)–(3)), imperatives and propositives (the latter expressing the 'let's do V' meaning) share the requestive mood (see (4)–(5)):

KOREAN [Sohn 1994: 338, 339, 342, 40, 45]

(1) *Ka-n-ta / ka-te-ta.*
go-IND-DC go-RETR-DC
'S/he goes/went (I noticed)'.

(2) *Mek-ess-n-unya*
eat-PST-IND-INT.PLN
'Did (s/he) eat?'

(3) *W-ass-te-la.*
come-PST-RETR-DC
'S/he came (I noticed)'.

(4) *Po-si-p-si-o!*
see-SH-AH-REQ-IMP.DEF
'Please, look!'

(5) *Wuli ilccik ttena-si-p-si-ta!*
we early leave-SH-AH-REQ-PROP
'Let's leave early!'

Notably, other theoretically conceivable combinations (declaratives and interrogatives with requestive mood, or imperatives and propositives with indicative and retrospective moods) are not found [Sohn 1994]. Such patterns, where only "natural" combinations of grammemes are available, while less natural combinations are avoided, will be explained as instantiations of local markedness in 6 below.

The second case, where one grammeme (the recessive one) undergoes a semantic shift when combined with another grammeme (the dominant grammeme), is illustrated here with case of imperative-person interaction from the Tungusic languages Even [Malchukov 2001]. As is well known, the combination of the imperative with the first person is functionally infelicitous: most languages disallow this combination [Birjulin, Xrakovskij 1992; van der Auwera et al. 2004], or else one of the grammeme (or both, as in Even) can be reinterpreted. Thus, for Even, in combinations of 1st person forms with the 'second' (distant) imperative in *-dA-* either grammeme may be dominant. On the one hand, in combination with the 1st person singular, forms in *-dA-* have developed the future tense function. This reinterpretation is clear from the fact that form in *-dA-ku* may be used in questions:

EVEN
(6) *Hör-de-j!*
go-IMP-REF.SG
'Go (later)'

(7) *Hör-de-ku? Inge, hör-li-e!*
go-IMP-1SG OK go-IMP-PTCL
'May I go? OK, go'

On the other hand, the combination of the distant imperative with the 1st p. pl. exclusive marker -(*k*)*un*, which in other moods indicates a set of persons excluding the hearer (cf. *Hör-ri-vun* 'We left (without you)' vs. *Hör-ri-t* 'We left (with you)'), results in reinterpretation of the person marker. The latter has developed an inclusive reading, which is semantically more compatible with the function of the imperative speech act:

EVEN
(8) *Hör-de-kun!*
go-IMP-1PL.EXCL
'Let's go!'

To conclude: if two grammemes are functionally incompatible, the infelicitous combination will either not be available at all, or else cause a shift in meaning on the part of one or both of the grammemes. In what follows, I shall focus primarily on the second case of asymmetric infelicitous combinations, which involves a 'dominant' and a 'recessive' grammeme. Cases of the first type (exclusion) will be also relevant for the following discussion, inasmuch as recurrent cross-linguistic incompatibility is a hallmark of an infelicitous combination and thus can be used as a diagnostic for an infelicitous combination.

3. Infelicitous combinations in the domain of verbal categories: a case of perfective presents

One of the best studied cases of infelicitous combinations in the aspecto-temporal domain is the semantic incompatibility of perfective aspect with the present tense[3]. As repeatedly noted in the literature

[3] There are different explanations for incompatibility of present and perfective proposed in the semantic literature. In my view, the most straightforward explanation has been outlined by Eckardt [2002: 35] in her brief

[Comrie 1976; Bybee et al. 1994: 83; Bache 1995], this grammeme combination is systematically avoided, due to the semantic incompatibility of the perfective aspect, which imposes a bounded, 'closed' view of the situation, and the (central) meaning of the present tense, locating an event at the moment of speech. The effects of this semantic incompatibility can be observed irrespective of the mode of expression of tense/aspect categories. Thus, in flectional languages, where aspecto-temporal values are expressed cumulatively, this feature combination is not found; compare the situation in the Romance languages, where the perfective has past time reference only [Comrie 1976]. Where categories of tense and aspect are expressed independently, as in Slavic languages, this grammeme combination is available, but involves reinterpretation of one or the other of the two grammemes.

As is well known, Slavic languages differ in the way that perfective presents are interpreted (see, e.g., [Bondarko 1971: 250ff.; Comrie 1976: 66–71; Breu 1994])[4]. In South Slavic languages, such as Bulgarian and Serbo-Croatian, the default meaning of a perfective present is generic present (narrative or habitual); see [Comrie 1976: 66–71; Breu 1994]:

BULGARIAN [Comrie 1976: 69]:

(9) *Spoglednet se, pousmixnet, devojki* ⟨…⟩
glance.PFV.PRES.3PL REFL smile.PFV.PRES.3PL girls
'The girls (used to) look at one another, smile at one another…'

By contrast, in East Slavic languages, such as Russian, a perfective present is normally interpreted as future:

---

discussion of the meaning of the simple present in English. Eckardt assumes a Reichenbachian framework, coupled with some additional assumptions, which are fairly standard in the literature. Within this approach, present is defined as identity of Reference (topic) Time to the Time of Utterance (R=S), perfective aspect is defined as running Time of Event included into the Reference Time (e ⊂ R), and it is further assumed (with Hinrichs [1986] and Klein [1994]) that the Time of Utterance (S) is a point, while the Time of the Event (e) is an interval. Given these assumptions it is clear that the present can't combine with the perfective, as the point of time can't include an interval.

[4] There is a vast literature on the interaction of tense and aspect in Slavic; my account is closest to [Breu 1994] (and from a more general perspective to other "interactional" approaches to the aspecto-temporal domain, such as [Bache 1995; Smith 1997; Johanson 2000]).

RUSSIAN

(10a) *On* *idët.*
he go.IMFV.PRES.3SG
'He goes'.

(10b) *On* *pri-dët.*
he PFV-go.PRES.3SG
'He will come'.

Only in certain contexts (such as in the presence of the habitual particle *byvalo* or modal negation *nikak ne* (see [Bondarko 1996] for other contexts) can the present perfective forms have a generic interpretation:

RUSSIAN

(11) *On* *byvalo* *pri-dët,* *skažet* ⟨…⟩.
he PTCL PFV-go.PRES.3SG say.PFV.PRES.3SG
'He used to come and say ⟨…⟩'

As the tense form in (12)–(13) is used to refer to the present when derived from imperfective verbs, and to the future or generic present when combined with perfectives, the meaning of this form in Russian is traditionally defined as non-past or as ambiguous between present and future (see [Bondarko 1971]). Yet formally, we are dealing here with a present form, which is completely parallel to the present forms in South Slavic. Note also that while perfective presents can refer to the (generic) present[5], imperfective presents cannot (cases of temporal transposition aside) refer to the future. Also in diachronic perspective it is clear that the present was originally the basic meaning of this form [Bondarko 1971: 51; Comrie 1976]; hence the rise of the future meaning can be attributed to the clash with the perfective value within an emerging aspectual opposition.

Breu [1994] also attributes the difference between South Slavic and East Slavic languages to the fact that in South Slavic the (present) tense is dominant with respect to the aspect, while in East Slavic the aspectual meaning (perfective) is dominant with respect to the temporal one. In our terms, the difference between Slavic languages relates to

[5] And even to actual present when the incompatibility between present and perfective is suspended in special contexts, such as in performative use; *Poprošu vyjti* [ask.PFV.1SG leave] 'I ask you to leave'.

the fact that in Bulgarian the (present) tense is a dominant category and the (perfective) aspect is a recessive category while in Russian the aspectual grammeme (perfective) is dominant while the temporal one is recessive[6].

Since the infelicity of the perfective present combination is semantically motivated, IC effects will be observed independently of the concrete mode of expression of tense and aspect categories in the particular language. In this context it is instructive to compare Russian to Finnish, as the outcome of the grammeme conflict is similar in these two languages, even though Finnish differs radically from Russian in the expression of aspectual distinctions. As is well known, Finnish lacks verbal aspect, but an aspectual distinction can be rendered through a case alternation on the object (therefore one sometimes speaks of "aspectual case" in Finnish). The accusative marking of the object as in (12) is used to express perfective meaning, while the use of the partitive case as in (13) is used to express imperfective meaning:

FINNISH [Sulkala, Karjalainen 1992: 306,308]

(12) *Outi* *luki* *kirjan.*
Outi read.PAST.3SG book.ACC
'Outi read a book'.

(13) *Outi* *luki* *kirjaa.*
Outi read.PAST.3SG book.PART
'Outi was reading a book'.

Notably, if a verb is in the (unmarked) present, rather than in the imperfect (past) as in the above examples, the use of the perfective construction (with the object in the accusative) yields the future meaning, similarly to what we observed for Russian:

[6] This characterization somewhat simplifies the pattern of tense-aspect interaction in Bulgarian. According to Maslov [1984: 153–178], while imperfect tense of perfective verbs predictably expresses iterative meaning (mostly in subordinate clauses), the aorist tense of imperfective verbs can both express delimitative or perdurative meaning, but also have iterative or 'general factual' uses. The latter uses are not expected on the scope approach, but can be arguably attributed to the unmarked status of the imperfective aspect in the aspectual opposition (cf. the 'general factual' use of imperfective aspect in Russian).

FINNISH [Sulkala, Karjalainen 1992: 308, 306]

(14) *Outi lukee kirjaa.*
Outi read.PRES.3SG book.PART
'Outi reads/is reading a book'.

(15) *Outi lukee kirjan.*
Outi read.PRES.3SG book.ACC
'Outi will read a book'.

Thus, resolution of the perfective present combination in Finnish proceeds similarly to Russian, even though aspect is expressed by a syntactic construction in Finnish rather than an inflectional category as in Russian: in both cases tense is a recessive category, and aspect is dominant.

The same effects can also be observed in languages which have a category of aspect but lack a category of tense altogether. In these languages, a category with the perfective meaning cannot be interpreted as referring to present even in strong contexts. Maltese Arabic is instructive in this respect. Maltese lacks tense, but uses aspectual (perfective/imperfective) forms to render tense distinctions. Notably, the perfective normally refers to the past, in strong contexts it can refer to the future, but it never refers to the present [Borg, Azzopardi-Alexander 1997: 234]. In Lango, too, which distinguishes between perfective, habitual and progressive aspects, the perfective aspect may refer to either past or future, but not to the present [Noonan 1992: 138].

Similar restrictions may be observed even if one or both grammemes in the perfective present combination are unmarked. Consider an example from Limbu (Tibeto-Burman), which makes a distinction between unmarked non-past and marked past (preterite) in the temporal system and between unmarked perfective and marked imperfective in the aspectual system; all combinations of tenses and aspects are possible. Notably, the present (non-preterite) perfective, a combination of the two unmarked categories, is ambiguous between the future and general present [van Driem 1987: 115]:

LIMBU [van Driem 1987: 115]

(16) *Hɛn kɛ-dzok-ø-ø?*
what you-do(-NPRET-PFV)
'What do you (generally) do?'
or 'What are you going to do?'

(17) *Hɛn* *kɛ-dzok-ø-pa?*
what you-do(-NPRET-IPFV)
'What are you doing (now)?'

The examples above show that when a grammeme is (structurally) unmarked it is open to more interpretations, and is more likely to be a recessive category. We shall return to the role of markedness for the outcome of grammeme conflicts in the next section.

4. Resolution of infelicitous combinations

It is interesting to consider what factors determine which grammeme "wins" in an unfelicitous combination, that is which grammeme is dominant, and which is recessive, in terms of Xrakovskij. In [Malchukov 2009, 2011] I proposed two general factors: markedness and scope. The first factor predicts that the unmarked category will be recessive and the marked category will be dominant (all other things being equal). While markedness is a notoriously complex and heterogeneous notion (see [Haspelmath 2006] on markedness mismatches), for the present purposes I concentrate on cases where markedness is manifested through formal markedness (alternation of an overt with a zero marker), or is otherwise uncontroversial. Thus, it is arguably the case that the unmarked grammeme (the form which is zero marked and more general in meaning) is more likely to be recessive, while the marked member (with a more specific meaning) is more likely to be dominant. Similar suggestions, which relate results of interaction to markedness of the respective categories, have been made by Bache [1995] with respect to tense/aspect interaction and by Apresjan [2004] with respect to interaction between aspect and voice.

The role of this factor can be best demonstrated for the case of present perfectives discussed above. This combination provides a good testing ground, as languages show variation with regard to which member of the aspectual paradigm (perfective or imperfective) is unmarked. Thus, it can be shown that perfective aspect is more likely to cause reinterpretation of tense in the present perfective when it is the marked member in the aspectual opposition. This can account for the fact that in Russian perfective presents are reinterpreted as future, as perfective is traditionally considered to be the marked aspect and imperfective unmarked [Jakobson 1957; Bondarko 1971; Mel'čuk 1998: 28].

On the other hand, unmarked perfectives (in particular, those lacking overt marking)[7] are more likely to be recessive when combined with the present. Itelmen (Paleosiberian) is instructive in this respect. Itelmen has perfective as an unmarked member in the aspectual paradigm (imperfective is marked by the suffix *-kz-*), while in the tense paradigm the past is unmarked and the present is a marked category (with the *-s-* marker) [Volodin 1976]. Notably, a combination of the unmarked perfective and the marked present performs the function of a present:

ITELMEN [Volodin 1976: 248]

(18) *T-entxla-ø-s-kicen.*
1SG-lead-ASP-PRS-3SG.O
'I lead him'.

In accordance with the markedness pattern, the marked category is dominant here, while the unmarked one is recessive. Of course, the same point can be made with respect to English, if we follow Smith [1991, 1997] in her assumption that the aspectual paradigm in English includes a (marked) imperfective (progressive) as opposed to an unmarked perfective (indefinite) forms. As expected, present perfective (present indefinite) forms have a generic present interpretation when derived from telic verbs. A similar proposal relating the outcome of grammeme conflict to markedness in the tense and aspect system was made by Bache [1995: 190] in his discussion of perfective presents in English and Russian[8]. Finally it can be observed that, when both present and perfective are unmarked, as in case of Limbu in (16), either grammeme may be dominant or recessive (hence the ambiguous interpretation of (16)).

Yet, markedness is not sufficient to account for all cases of category interaction. Thus, if the interpretation of the perfective present

[7] Although there may be mismatches between formal and functional markedness, we use here formal (un)markedness as a diagnostic for functional (un)markedness, on iconicity assumption that the two usually go together. See [van der Auwera et al. 2009] for a similar approach.

[8] Cf.: "In Russian, the use of the present perfective form for future rather than present temporality supports the status of the perfective as the marked member of the Russian aspect opposition. In English, the occasional use of the simple (perfective) present for the expression of present temporality (e.g. present stative or habitual meaning) indicates that the simple form is the unmarked member of the English aspect opposition" [Bache 1995: 190].

combination is due solely to markedness, it is not clear how this explanation applies to Bulgarian, where the outcome of the grammeme conflict is quite different. Note that there is no way to argue that in Bulgarian the perfective is less marked; in fact, if anything, the perfective aspect in Bulgarian is semantically richer (more specific), being more lexical and less grammaticalized than aspect in East Slavic (Russian). This, however, provides a clue as to why the aspectual grammeme is recessive in Bulgarian. As mentioned in 3 above and elaborated below, in case of a conflict between the meaning of an inflectional and a lexical (or derivational) category, the conflict is usually resolved in favor of the inflectional category. Below this observation will be related to the general principle of scope.

Another relevant factor that has a bearing on the resolution of infelicitous combinations, which emerges the study of interaction of grammemes within the aspecto-temporal domain, even though this principle is rarely formulated in general terms in the typological literature, is semantic scope (cf. [Rice 2000])[9]. It appears that, other things being equal, a grammeme with a wider scope is more likely to be dominant. Thus, according to Breu [1994], in Bulgarian inflectional aspecto-temporal forms override the values of the derivationally expressed aspect in "non-harmonic" combinations. Thus, imperfective verbs in the aorist receive delimitative interpretation (e.g., *vslušva* [listen.IMFV.AOR.3SG] 'listen (for some time)'), while perfective verbs in the imperfect receive an iterative reading (*krivneše* [turn.PFV.IMP.3SG] '(repeatedly) turn').

The effects of scope are particularly clear when a grammatical category overrides the lexical one, as for the cases where statives acquire an inchoative interpretation when used in perfective aspect. Breu [1994] proposed the following rules of actional reinterpretation on the basis of data from European languages (here illustrated with Russian and Italian):

a) Atelic verbs (states and activities), if occurring in perfective aspect, receive an inchoative (cf. Rus. *znat'*/*uznat'*, It. *sapeva*/*seppe* 'know/learn') or a delimitative interpretation (cf. Rus. *rabotat'*/*porabotat'*, It. *lavorava*/*lavorò* 'work/work for a while');

[9] A general definition of scope provided by Rice [2000: 24] appeals to semantic compositionality: given three items X, Y and Z, Z is said to have a scope over X and Y, if the semantics of Z is added to that of X and Y as a unit.

b) Achievements (‘find’, etc.), if occurring in imperfective aspect, receive an iterative interpretation (Rus. *naxodit’*/*najti*, It. *trovava*/*travò* ‘find repeatedly/find’).

Malchukov [2011] shows the same rules are at work in the domain of non-finite (converbial) forms, which carry an intrinsic aspectual value. This is illustrated below for Even, which has about a dozen converbial forms, some of which are aspectually neutral, while others have an inherent imperfective or perfective value [Malchukov 1995]. Thus, the “successive” converb in in *-mnin* has an intrinsic perfective value, and expectedly, usually combines with telic verbs to represent a (quick) succession of events:

EVEN

(19) *Eme-mnin,* *göön-ni*
come-CONV say-AOR.3SG
‘As soon as he came, he said’.

In those (infrequent) cases the successive converb is found with statives, it imposes an inchoative interpretation on the stative verb:

EVEN

(20) *Haa-mnin,* *göön-ni.*
know-CONV say-AOR.3SG
‘As soon as he learned, he said’.

In other languages, however, such non-harmonic combinations are disallowed. Thus, as is well-known, in Modern Russian simultaneous converbs can normally be built only from imperfective verbs, while anterior converbs can be derived only from perfective verbs (cf. *Delaj-a* (**s-delaj-a*) *uroki* ‘doing homework’; *s-dela-v* (**dela-v*) *uroki* ‘having done homework’)[10]. Interestingly, in Old Russian (as used in the 15–17th century) all combinations of converbs and actionality classes were possible, but later the infelicitous combinations simultaneous/perfective and anterior/imperfective fell into disuse [Kuz’mina, Nemčenko 1982: 342–346].

In the abovementioned cases, the aspectual marker may change actionality of the verbs stem. Such cases, have been analysed in

[10] For some exceptions to this rule, representing residues of earlier stages of the language’s development, see [Švedova (ed.) 1970: 422–423; Knjazev 1998].

the semantic literature in terms of **coercion**, an argument is reinterpreted to meet the selectional restrictions of its functor [De Swart 1998]. A similar reinterpretation may arise from an infelicitous combination with an adverbial, as noted by Smith [1991], among others. Smith [1991] introduces a special rule (dubbed "external override") which states that in case of a conflict between aspectual features of a verb and an adverb, the latter wins out. For example, the verb *know* is basically a stative, but when combined with punctual time adverbials like *suddenly*, it is reinterpreted as an achievement (*Suddenly I knew the answer*). A more general version of the Override Principle to the effect that the meaning of the lexical item adjusts to the meaning of the structure in which it is embedded has been proposed by Michaelis [2004: 268].

To conclude: the resolution of infelicitous combinations is determined by consideration of markedness and scope. The unmarked category is more likely to be recessive than the marked one, and the wide scope category is more likely to dominant than the narrow scope one. When the two factors strengthen each other the outcome of the competition is cross-linguistically predictable (a wide scope marked category will be always dominant, and a narrow scope unmarked category always recessive). When the two principles are in conflict (a wide scope category is unmarked, and an inner scope category is marked) the result is more variable. Thus the data on present perfective presents reviewed above suggests that either markedness or scope may determine the competition (cf. the situation in Russian and Bulgarian). Note that I deliberately leave open a possibility that an "internal" (narrow-scope) category can affect an "external" (wide scope) category. This seems to go against the received conception to the effect that coercion works in one direction: a predicate may reinterpret its argument, but not the other way around. Yet, it seems that type-shifting can work in both directions. Thus, in parallel to cases of "external override" by an adverb discussed by Smith [1997], there are well-known cases when interpretation of the predicate depends on the properties of the argument (as in familiar cases from English, where actionality class of the predicate is determined by definiteness/specificity of its object; *He ate apples*/*the apple*). Furthermore, the assumption that a verb meaning can be reinterpreted by the (properties of the) argument structure, is one of the tenets of Construction Grammar (see [Goldberg 1995] and related work).

5. Factors underlying grammeme (in)compatibility

Above we have considered some factors underlying grammeme (in)compatibility, focusing on cases in which compatibility is semantically motivated. However, semantics is clearly not the only factor constraining syntagmatic combinability between categories. Such factors can be divided into function-related, form-related, and more complex cases which involve both function and form.

The functional factors are generally of more interest is typological studies, as these factors can be generalizable cross-linguistically. Among the functional factors discussed in [Malchukov 2011] the two are of most importance: **semantic compatibility**, and **relevance**. The effects of semantic compatibility, have been illustrated above for perfective presents. As shown above, grammemes expressing conflicting values would either not combine at all, or if the relevant combination is found then either of them or both will be reinterpreted. The other examples of infelicitous combinations and their resolution from the domain of verbal categories discussed in [Malchukov 2011] are past tense imperatives, passive imperatives, 1st person imperatives, 1st person indirect evidentials and the like. Some of these combinations might not be strictly speaking semantically incompatible as in case of perfective presents, but highly unlikely for pragmatic reasons (as 1st person imperative directing a command to oneself). This links us to a second factor that of relevance, which is formulated as follows [Malchukov 2011]:

> *Regularity of co-occurrence between the members of grammatical categories reflects the degree of their mutual relevance.*

The role of this factor can be illustrated from the domain of tense-aspect interaction. A well-known cross-linguistic generalization due to Comrie [1976] states that aspectual distinctions are more often observed in the domain of past tenses. In particular, Comrie [1976: 71–72] cites examples from Romance languages where the aspectual distinction between perfective and imperfective is restricted to the past (aorist vs. imperfect). Other examples are not difficult to come by. For example, in Hixkaryana the tense/aspect system includes, apart from the nonpast in *-yaha*, three different forms referring to the past: immediate past in *-no*, recent past completive in *-yako* and recent past continuative in *-yakonano*. In Mangarayi, the aspectual distinction (punctual/continuous) is also restricted to the past. Comrie's explanation for this asymmetry

invokes the notion of relevance: aspectual qualification is less relevant for actions that have not (yet) occurred [Comrie 1976].

Other examples showing the impact of relevance on category interaction, involves cases when temporal/aspectual distinctions are lost in the negative forms (cf. [Aikhenvald, Dixon 1998], and irrealis moods [Malchukov 2011]. One straightforward case, which can be attributed to relevance is the partial neutralization of aspectual distinctions in imperatives in Russian, discussed by Xrakovskij [1990]. As noted by Xrakovskij, although both perfective and imperfective forms are available for the imperative in Russian, the imperfective imperative forms need not have a progressive meaning ("Continue V-ing!"), which is a primary function of imperfective indicative forms. Thus, *Delaj uroki* "Do (imperfective) homework" does not necessarily imply that the addressee is already in the process of doing homework ("continue doing"), unlike imperfective indicative forms; cf. *Delaet uroki* "(S/he) is doing (imperfective) homework"[11]. This may be taken as an indication that universally the imperative aligns with the perfective rather than the imperfective, as it focuses on the accomplishment of a command rather than on the process itself. This neutralization is fairly common across languages, and can be attributed to the 'perfective bias' of imperatives (see [van der Auwera et al. 2009] for more discussion and exemplification of the 'perfective bias' of imperatives).

The factors of semantic compatibility and relevance are the most important functional factors which determine combinability of grammemes across languages. Since the two factors are related to each other they would be later integrated into a markedness hierarchy (see section 5). Apart from these factors there are factors of a systemic nature, which appeal not only to the function but also the mode of expression of individual categories. Among the two systemic factors discussed in greater detail in [Malchukov 2011] are (again!) markedness, as well as redundancy/economy. As for the first factor, it is well-known that

[11] The neutralization is only partial, though, as residual aspectual distinctions are preserved in the imperative. Thus, in cases where the action is continued, only the imperfective imperative form can be used. Similarly, the imperfective form is preferred if the action is imminent or the preparatory phases are completed; thus *Zaxodi* "Come in (imperfective)!" is used in preference to *Zajdi* "Come in (perfective)!" when the addressee is already standing in the doorway [Birjulin, Xrakovskij 1992: 33; Padučeva 1996: 66ff].

(overtly) marked categories are subject to much more restrictions than unmarked categories [Greenberg 1966; Croft 1990; Aikhenvald, Dixon 1998; Mel'čuk 1998; Croft 2003]. For example, Mel'čuk [1998: 26] notes that a combination of two marked categories is avoided citing a spectacular case of Koryak (Paleosiberian), where case forms are distinguished only in the unmarked (singular) number, while numbers are distinguished in the unmarked (absolutive) case. Some other authors even build this generalization into the definition of markedness (in this case one speaks of "distributional markedness"). Thus, both Greenberg [1966] and Croft [1990: 157, 2003: 95–97] have observed that the number of cross-cutting inflectional distinctions of the unmarked gram is larger as compared to the marked one. Croft [2003: 97] refers to 'inflectional potential' and 'distributional potential' as manifestations of 'behavioral potential', which he considers one of the diagnostics for (typological) markedness. Aikhenvald and Dixon [1998] come to the same conclusion in their study of dependencies between grammatical categories. For Russian, markedness has been invoked as an explanation of neutralization of aspectual distinctions in (marked) diathesis. Thus, there are restrictions on the combination of both synthetic (reflexive) and periphrastic passive with aspects and further restrictions on what specific meanings of aspect are available in passive forms [Poupynin 1999; Apresjan 2004].

The second factor, regulating grammeme combinability, but only in cases of "marked" combinations where both morphemes are overtly expressed, is redundancy/economy. The role of this factor can be illustrated with the case of interaction of imperative with the tense markers. As discussed in [Gusev 2005] and [Aikhenvald 2011] (cf. [Malchukov 2011]), there are restrictions on combinations of imperatives with the tense markers. For reasons of semantic compatibility, it is normally not found in infelicitous imperative past combinations. This does not explain, however, why imperative forms do not combine with the future, as their meanings are perfectly compatible: in fact, the meaning of the imperative implies future time reference. But this provides a clue to an explanation of their incompatibility: expression of future tense is redundant in combination with the imperative, hence its overt encoding is dispensable. A similar observation holds for mood/person interaction in imperatives: cumulative expression of 2nd person imperative forms is definitely favored as compared to independent expression

of these categories, especially in languages with a restricted imperative paradigm [Xrakovskij 1992; van der Auwera et al. 2004].

Thus, the economy constraint on grammeme combinability can be formulated as follows:

> *Overt expression of a semantically redundant grammeme is avoided.*

Note that since economy constraints, unlike constraints due to semantic incompatibility, refer both to form and function, they are only operative in cases where both categories have an overt expression.

These factors are the main factors which are of typological importance in the sense that they can be generalized across languages. Of course, such generalizations should be seen as statistical rather than absolute universals, predicting which combinations are more likely and which are less likely to be found cross-linguistically. There might be always counterexamples, reflecting individual histories of individual languages, which can hardly be generalized. More specifically, such structural factors can be generalized to the extent they represent cross-linguistically recurrent grammaticalization paths.

One example of such a diachronic explanation (from [Malchukov 2011]), is the interdependence between the verbal category of tense and the nominal categories of person and gender. As noted by Aikhenvald and Dixon [1998] in Russian and some other languages past-tense forms distinguish gender/number, while present-tense forms distinguish person. I suggested ([Malchukov 2011]) that the predisposition of past tense for gender agreement, can be explained in terms of three diachronic processes (well-known from the grammaticalization literature), which are stated here in retrospect.

- Past tense forms frequently develop from perfects and "resultatives" [Bybee et al. 1994]
- Resultatives and perfects frequently develop from non-finite participial forms (cf. [Nedjalkov (ed.) 1988])
- Attributive non-finite forms have a predisposition for developing gender agreement, while predicative (finite) forms have a predisposition for developing person agreement (note that person agreement is irrelevant for attributive forms, since the head of an attributive NP is usually 3rd person; [Lehmann 1982]).

Thus three different diachronic processes "conspire" here to produce an asymmetry in combinability of different tense grammemes with

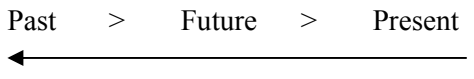
gender and person markers. In many cases, however, such structural constraints being an outcome of language specific diachronic developments do not allow any generalization (see [Malchukov 2011] for more discussion of this point).

6. Infelicitous combinations and markedness: a reconciliation

In the above discussion we have regarded semantic incompatibility and (functional) markedness as distinct phenomena. However, it was also noted that these functional factors can be reconciled with each other as well as with relevance, as all three are related to the notion of local markedness. The phenomenon of **local markedness** is particularly relevant for the study of the interaction between verbal categories, as it pertains to markedness of certain grammeme **combinations**, rather than to markedness of grammemes *per se* in absolute terms. In the literature, local markedness is also known under the name of "markedness reversal" [Croft 1990]. However, given that some categories involve more than one member, patterns of local markedness are better viewed as markedness hierarchies, reflecting the relative naturalness of certain grammeme combinations. This is consistent with Croft's [1990: 150] observation that many markedness reversal patterns turn out on closer inspection to be multivalued hierarchies. These hierarchies extend from most natural (unmarked) combinations, where grammemes are both compatible and highly relevant to each other's content, at the one end, to combinations which are functionally incompatible and hence irrelevant, at the other end. In between we find combinations of categories which, although functionally compatible, are less relevant to one another. On this account the infelicitous combinations discussed in this paper represent the most marked combination of grammemes on the markedness hierarchies.

By way of illustration, I present below the hierarchy pertaining to interaction of tense and aspect (Figure 1) (see [Malchukov 2011] on some other markedness hierarchies pertaining to the domain of imperative-person interaction and (indirect) evidentiality with person).

Figure 1. Tense Hierarchy for perfective aspect



As observed by Comrie [1976: 73] and Dahl [1985: 80], the perfective grammeme (and, more generally, aspectual distinctions involving perfective as a marked member) is not equally compatible with different tenses: it is more often found in the past, less often in the future, and is usually lacking in the present, or else is reinterpreted. As noted above, in Romance languages the aspectual opposition obtains only in the past, while in Greek it is found in both past and future, but not in the present. In the Slavic languages it is extended to the present as well but the present perfective combination is reinterpreted (recall the discussion in 3). Evidence for all parts of the hierarchy can also be found together in one single language. Thus, in ChiBemba (Bantu), the aspectual distinctions (between perfective, imperfective and perfect) found in the past are somewhat reduced in the future (future perfect is lacking), and are completely neutralized in the present, which exists only in the imperfective [Chung, Timberlake 1985: 227–228] citing [Givón 1972]. This pattern is expected, given that aspectual distinctions are most relevant for the past, less relevant for the future, and irrelevant for the present, as the present perfective combination is semantically infelicitous. For imperfective aspect this hierarchy is partially reversed, as imperfective naturally correlates with the present[12], but is partially retained. As noted by Dahl [1985: 110] past imperfective forms are more frequent cross-linguistically than future imperfective forms; this is clearly due to relevance.

Thus, in all cases functional principles underlying relations of local markedness, such as relevance and semantic compatibility, jointly shape the markedness hierarchies. A final qualification concerning the role of economy is in order here. As was noted in 5, certain grammeme combinations which are least marked and most natural may be avoided due to redundancy. However, this restriction pertains only to cases in which the respective categories are overt and independently expressed. In any case the combination of the respective values (not forms!) will always be available, but preferably encoded by a cumulative form in order to comply with economy. It is possible, as suggested in the functional-typological literature [Greenberg 1966; Croft 1990; Haspelmath 2006], that frequency is ultimately the driving force behind

[12] Mel'čuk [1998: 106] notes, for example, that in Uzbek the imperfective/progressive is restricted to the present tense. More examples of progressives restricted to present tense can be found in [Dahl 1985: 94].

markedness relations and more generally behind markedness as a multidimensional correlation. Frequency can also explain the correlation between (local) markedness and economy: the most frequent forms are known to opt for the shortest form, hence the attested economy effects (see [Haspelmath 2006] for further discussion).

7. Conclusion

In this paper I proposed, building on the work by V. S. Xrakovskij, a general approach to the study of infelicitous morpheme combinations and demonstrated its applicability to the domain of verbal categories. I also discussed the factors that determine the outcome of grammeme conflict. "Resolution" of infelicitous combinations has been shown to depend both on the particular structural properties of the given language and on the general principles of markedness and scope. All other things being equal, the category that is (functionally) unmarked is more likely to be recessive, and the category that has a wider scope is more likely to be dominant. Broadening the discussion, I briefly addressed other factors which influence combinability between grammemes – both functional factors, such as relevance and economy, and structural and diachronic factors. Finally, I showed how different factors can be integrated into one model, which crucially relies on the concept of local markedness and markedness hierarchies. On this account, infelicitous combinations represent the most marked combination of values on the markedness hierarchies.

It is clear that the program initiated by Xrakovskij, and followed up in my recent work, can be developed in different directions. Thus, results of category interaction should be studied more systematically on different levels of grammar – at the level of grammatical categories (as in [Aikhenvald, Dixon 1998]), at the level of individual grammemes (as in the present paper), but also at the "sublevels" of forms and functions of individual grammemes (as in [Xrakovskij 2003]). The discussion, mostly confined here to verbal categories, should be extended to include nominal categories (see, e.g., [Plank, Schellinger 1997] on gender/number interaction)[13], as well as to cases of interaction between

[13] Plank and Schellinger [1997] provide a comprehensive cross-linguistic study of interaction between gender and number, with a focus on patterns of syncretism rather than on reinterpretation. Some interesting examples of

grammatical and lexical categories (see, e.g., [Xrakovskij et. al. 2008] on interaction of lexical and grammatical aspect from a perspective similar to the one adopted here). Also, the theory of grammeme interaction outlined here should be embedded into the general theory of (resolution) of grammatical conflicts, as suggested by Moravcsik [2010]. Last but not least, an articulated semantic theory should be proposed to account for reinterpretation of interacting categories (see [Malchukov 2009] for a proposal how to model meaning shifts in Optimality Theory). Yet, I believe that the present article has outlined a general research program for the study of interaction of grammatical categories, which will be hopefully followed up by in-depth typological studies of individual cases of category interaction.

One of the theoretical questions which needs to be resolved in the future work is the relation of the interactional tradition to the study of grammeme interaction to the "selectional" approach relying on general meaning or polysemies (see also [Xrakovskij et. al. 2008] for some discussion). On the latter approach, the interaction does not involve a meaning shift, but rather a selection of an appropriate meaning on the part of a polysemous category. The most articulated approach of this kind for the domain of aspect-actionality interaction is that of Tatevosov [2002, 2005]. On the latter approach, a perfective aspect rather than coercing a state into an (inchoative) achievement is assumed to select the appropriate actional meaning of the "inchoative-stative" verb. This approach is descriptively adequate, but needs to be further developed in order to make typological predictions in a principled rather than stipulative way (i.e. without reliance on the dictionary information about which verbs qualify as "inchoative-stative" in a particular language). On the other hand, the interactional approach, as advocated here, makes clear typological generalizations, predicting meaning shifts or blocking for infelicitous combinations, but it does not predict (in the present form) what would be a result of a shift (apart from the fact that it is a departure from the basic meaning). To achieve the latter goal it should be complemented by constraints capturing effects of a competition between the forms (which can be achieved, for example, through the use

reinterpretation of infelicitous combinations in the nominal domain have been discussed by Daniel [2003], who notes in particular that plural forms of a noun with a unique referent (e.g. kin terms or proper nouns), if available at all, are often reinterpreted as associative plurals (e.g., in Turkic languages).

of bidirectional Optimality Theory). Yet, it seems that ultimately the two approaches need to be integrated at a later stage, and that the notion of semantic compatibility and preferred interpretation will play an important role in this integrated approach to semantic interaction[14].

Abbreviations

ACC — accusative; AH — addressee honorific; AOR — aorist; ASP — aspect; CONV — converb; DC — declarative (mood); DEF — deferential; EXCL — exclusive; IMFV — imperfective; IMP — imperative; IND — indicative; INT — interrogative; IPFV — imperfective; NPRET — non-preterite; O — object; PART — partitive; PAST — past; PFV — perfective; PL — plural; PLN — plain (style); PR(E)S — present; PROP — propositive (mood); PST — past; PTCL — particle; REF — reflexive; REFL — reflexive; REQ — requestive; RETR — retrospective (mood); SG — singular; SH — subject honorific.

References

Aikhenvald 1998 — A. Y. Aikhenvald., R. M. W. Dixon. Dependencies between grammatical systems // Language 74, 1998. P. 56–80.

Aikhenvald 2010 — A. Y. Aikhenvald. Imperatives and commands. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Apresjan 2004 — Ju. Apresjan. Principy organizacii centra i periferii v leksike i grammatike (Principles of organization of center and periphery in grammar and lexicon) // A. P. Volodin (ed.). Tipologičeskoe obosnovanie v grammatike (Typological Explanation in Grammar). Moscow: Znak, 2004. P. 20–36.

Bache 1995 — C. Bache. The Study of Aspect, Tense and Action: Towards a Theory of the Semantics of Grammatical Categories. Frankfurt: Lang, 1995.

Bir'ulin, Xrakovskij 1992 — L. A. Bir'ulin, V. S. Xrakovskij. Povelitel'nye predloženija: problemy teorii (Imperative constructions: theoretical frame-

[14] Still another possibility, still to be explored for the domain of aspectual interaction, is an underspecification approach coupled with rules of pragmatic enrichment [Blutner 2002: 52–56]. In his recent book, Croft [2012: 18–26] also contrasts the polysemy approach to aspectual construal to the "derivational" approach (the coercion analysis), and the vagueness approach (underspecification). He argues for a usage-based approach, which seems to be a compromise between the derivational and vagueness approaches insofar as it makes a distinction between default and non-default (coerced) aspectual construals of a verbal predicate, when supported by the skewing in frequency distributions.

work) // V. S. Xrakovskij (ed.). Tipologija imperativnyx konstrukcij (Typology of Imperative Constructions). St. Petersburg: Nauka, 1992. P. 5–50.

Blutner 2002 — R. Blutner. Lexical semantics and pragmatics // Linguistische Berichte 10, 2002. P. 27–59.

Bondarko 1971 — A. V. Bondarko. Vid i vremja russkogo glagola (Tense and Aspect of the Russian Verb). Leningrad: Nauka, 1971.

Bondarko 1996 — A. V. Bondarko. Problemy grammatičeskoj semantiki i russkoj aspektologii (Issues in Grammatical Semantics and Russian Aspectology). St. Petersburg: St-Petersburg University publishing House, 1996.

Borg, Azzopardi-Alexander 1997 — A. Borg, A. J. Azzopardi-Alexander. Maltese. London: Routledge, 1997.

Breu 1994 — W. Breu. Interactions between lexical, temporal and aspectual meanings // Studies in Language 18, 1, 1994. P. 23–44.

Breu 2000 — W. Breu (ed.). Probleme der Interaktion von Lexik und Aspekt. Tübingen: Niemeyer, 2000.

Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago — London: University of Chicago Press, 1994.

Chung, Timberlake 1985 — S. Chung, A. Timberlake. Tense, aspect and mood // T. Shopen (ed.). Language Typology and Syntactic Description. Vol. 3. Grammatical Categories and the Lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 202–207.

Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Croft 1990 — W. Croft. Typology and Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Croft 2003 — W. Croft. Typology and Universals. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Croft 2012 — W. Croft. Verbs: Aspect and Causal Structure. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Oxford: Basil Blackwell, 1985.

Daniel 2003 — M. A. Daniel. Dva primera vzaimodejstvija grammatičeskix značenij vnutri slovoform (Two cases of categorory interaction within a wordform) // V. S. Xrakovskij. (ed.). Grammatičeskie kategorii, ierarxii, svjazi, vzaimodejstvie. St. Petersburg: Nauka, 2003. P. 52–56.

de Swart 1998 — H. de Swart. Aspect shift and coercion // Natural Language & Linguistic Theory 16, 1998. P. 347–385.

Eckardt 2002 — R. Eckardt. Event semantics // Linguistische Berichte 10, 2002. P. 91–129.

Givón 1972 — T. Givón. Studies in ChiBemba and Bantu grammar // Studies in African Linguistics, Supplement 3, 1972. P. 1–247.

Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: The University of Chicago Press, 1995.

Greenberg 1966 — J. Greenberg. Language Universals with Special Reference to Feature Hierarchies. The Hague: Mouton, 1966.

Gusev 2005 — V. Ju. Gusev. Tipologija specializirovannyx glagol'nyx form imperativa (Typology of Specialized Verbal Imperative Forms). PhD Thesis, Department of Linguistics, Moscow University, 2005.

de Haan 1997 — F. de Haan. The Interaction of Modality and Negation: A Typological Study. New York: Garland, 1997.

Haspelmath 2006 — M. Haspelmath. Against markedness (and what to replace it with) // Journal of Linguistics 42, 1, 2006. P. 25–70.

Hinrichs 1986 — E. Hinrichs. Temporal anaphora in discourses of English // Linguistics and Philosophy 9, 1986. P. 62–82.

Jakobson 1957 — R. Jakobson. Shifters, verbal categories and the Russian verb // R. Jakobson. Selected Writings. Vol. 2. Word and Language. The Hague: Mouton, 1957. P. 130–147.

Johanson 2000 — L. Johanson. Viewpoint operators in European languages // Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin: Mouton, 2000. P. 27–187.

Klein 1994 — W. Klein. Time in Language. London: Routledge, 1994.

Knjazev 1998 — Ju. P. Knjazev. Parametry dlja tipologii vida i russkij vid (Parameters for the typology of aspectual systems and Russian aspect) // Čertkova, M. Ju. (ed.). Tipologija vida (Typology of Aspect). Moscow: Studia Philologica, 1998. P. 193–207.

Kuz'mina, Nemčenko 1982 — I. B. Kuz'mina, E. V. Nemčenko. Istorija pričastij (History of participial forms) // R. I. Avanesov, V. V. Ivanov (eds.). Istoričeskaja grammatika russkogo jazyka. Morfologija. Glagol (Historical Grammar of Russian. Verbal Morphology). Moscow: Nauka, 1982. P. 280–411.

Lehmann 1982 — Ch. Lehmann. Universal and typological aspects of agreement // H. Seiler, F. J. Stochowiak (eds.). Apprehension. Das sprachliche Erfassen von Gegenständen. Teil II. Die Techniken und ihr Zusammenhang in Einzelsprachen. Tübingen: Narr, 1982. P. 201–267.

Malchukov 1995 — A. L. Malchukov. Even. München: Lincom, 1995.

Malchukov 2001 — A. Malchukov. Imperative constructions in Even // V. S. Xrakovskij (ed.). Typology of Imperative Constructions [Lincom Studies in Theoretical Linguistics 9]. München: Lincom Europa, 2001. P. 159–180.

Malchukov 2009 — A. Malchukov. Incompatible categories: Resolving the "present perfective paradox" // L. Hogeweg, H. de Hoop, A. Malchukov

(eds.). Cross-linguistic Semantics of Tense, Aspect and Modality. Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 13–33.

Malchukov 2011 — A. Malchukov. Interaction of verbal categories: Resolution of infelicitous grammeme combinations // Linguistics 49, 1, 2011. P. 229–282.

Maslov 1984 — Ju. S. Maslov. Očerki po aspektologii (Studies in Aspectology). Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1984.

Mel'čuk 1998 — I. A. Mel'čuk. Kurs obščej morfologii (A Course in General Morphology). Vol. 2. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1998.

Michaelis 2004 — L. A. Michaelis. Type Shifting in Construction Grammar: An Integrated Approach to Aspectual Coercion. Cognitive Linguistics 15, 2004. 1–67.

Moravcsik 2010 — E. Moravcsik. Conflict resolution in syntactic theory // Studies in Language 34, 3, 2010. P. 636–669.

Nedjalkov 1988 — V. P. Nedjalkov. (ed.). Typology of Resultative Constructions. Amsterdam: John Benjamins, 1988.

Noonan 1992 — M. Noonan. A Grammar of Lango. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992.

Padučeva 1996 — E. V. Padučeva. Semantičeskie issledovanija (Semantic Research). Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1996.

Plank 1997 — F. Plank, W. Schellinger. The uneven distribution of genders over numbers: Greenberg Nos. 37 and 45 // Linguistic Typology 1, 1997. P. 53–101.

Poupynin 1999 — Ju. A. Poupynin. Interaction Between Aspect and Voice in Russian. Munich: Lincom, 1999.

Rice 2000 — K. Rice. Morpheme Order and Semantic Scope: Word Formation in the Athapaskan Verb. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Smith 1991 — C. Smith. The Parameter of Aspect. Dordrecht: Kluwer, 1991.

Smith 1997 — C. Smith. The Parameter of Aspect. Dordrecht: Kluwer, 1997.

Sohn 1994 — H. Sohn. Korean. London: Routledge, 1994.

Sulkala, Karjalainen 1992 — H. Sulkala, M. Karjalainen. Finnish. London: Routledge, 1992.

Švedova 1970 — N. Ju. Švedova. (ed.). Grammatika sovremennogo russkogo jazyka (Grammar of Modern Russian). Moscow: Nauka, 1970.

Tatevosov 2002 — S. Tatevosov. The parameter of actionality // Linguistic Typology 6, 2002. P. 317–401.

Tatevosov 2005 — S. G. Tatevosov. Akcional'nostj: tipologija i teorija (Actionality: theory and typology) // Voprosy jazykoznanija 10, 2005. P. 108–141.

van der Auwera et al. 2004 — J. van der Auwera, N. Dobrushina, V. Goussev. A semantic map for Imperatives-Hortatives // D. Willems et al. (eds.).

Contrastive Analysis in Language: Identifying Linguistic Units in Comparison. New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 44–69.

van der Auwera et al. 2009 — J. van der Auwera, A. Malchukov, E. Schalley. Thoughts on (im)perfective imperatives // J. Helmbrecht et al. (eds.). Form and Function in Language Research. Festschrift for Christian Lehmann. Berlin: Mouton, 2009. P. 93–107.

van Driem 1987 — G. van Driem. Grammar of Limbu. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987.

Volodin 1976 — A. P. Volodin. Itel'menskij jazyk (Grammar of Itelmen). Leningrad: Nauka, 1976.

Xrakovskij 1990 — V. S. Xrakovskij. Vzaimodejstvie grammatičeskix kategorij glagola: opyt analiza (An analysis of interaction of verbal categories) // Voprosy jazykoznanija 5, 1990. P. 18–36.

Xrakovskij 1996 — V. S. Xrakovskij. Grammatičeskie kategorii glagola: opyt teorii vzaimodejstvija (Grammatical categories of the verb: towards a theory of category interaction) // A. V. Bondarko. (ed.). Mežkategorial'nye svjazi v grammatike. St. Petersburg: Nauka, 1996. P. 22–43.

Xrakovskij 2003 — V. S. Xrakovskij. Grammatičeskie kategorii glagola: svjazi i vzaimodejstvie (Verbal categories: Hierarchies and interaction) // V. S. Xrakovskij (ed.). Grammatičeskie kategorii, ierarxii, svjazi, vzaimodejstvie. St. Petersburg: Nauka, 2003. P. 156–165.

Xrakovskij (ed.) 1992 — V. S. Xrakovskij (ed.). Tipologija imperativnyx konstrukcij (Typology of imperative constructions). St. Petersburg: Nauka, 1992.

Xrakovskij (ed.) 2003 — V. S. Xrakovskij (ed.). Grammatičeskie kategorii, ierarxii, svjazi, vzaimodejstvie. St. Petersburg: Nauka, 2003.

Xrakovskij et al. 2008 — V. S. Xrakovskij, A. L. Malchukov, S. Ju. Dmitrenko. Grammatika akcional'nyx klassov (The grammar of actional classes) // A. V. Bondarko (ed.). Problemy funkcional'noj grammatiki. Kategorizacija semantiki. St. Petersburg: Nauka, 2008.

I. A. Mel'čuk

Université de Montréal, Montréal

THE EAST/SOUTHEAST ASIAN ANSWER TO THE EUROPEAN PASSIVE

Как все мы знаем, он таковский,
Наш славный Виктор Эс. Храковский!
Свой нежный шлю ему привет,
Желаю жить сто двадцать лет![1]

1. The Problem Stated

This paper tries to answer a seemingly simple question: Is there a passive voice in Mandarin Chinese? A number of descriptive grammars, reference books, manuals and special papers speak about the passive voice in Chinese, indicating, however, its particularities with respect to what is called *passive* in many European languages. I will start with a blunt answer:

> No, there is no such a thing as passive voice in Mandarin Chinese.

[1] 'As we all know, he's like that, / Our glorious Viktor Es. Khrakovskij! / I am sending him my tender greetings, / And I wish that he live hundred twenty years!' — However, while formulating this desire, I feel slightly embarrassed. The fact is that way back, in 1948, the Soviet Union was celebrating the 70-th anniversary of the Greatest Leader of all times and peoples, the Most Famous General and the Most Beloved Father of scientists and athletes, as well as the First Linguist, Comrade Joseph V. Stalin. In the middle of the festivities, students of the Moscow Foreign Languages Institute Maurice Thorez prepared, as was the custom, a hand-written wall newspaper dedicated to the event. It featured a poem created by a local Homer, in which the author wished that "the Great Stalin might live hundred thousand years." Everything seemed perfect, when, suddenly, the school's Communist Party Bureau ordered the paper removed from the wall and destroyed. The editor got a Party reprimand. "Why should we limit our greatest Leader longevity?" he was told. Many years later, I have my doubts: Maybe the Party Bureau was right after all? Maybe we really should not limit?

The goal "our" languages achieve by using the passive is reached in Chinese – and several Southeast Asian languages – in quite a different way. The rest of my paper demonstrates why this is so.

What is needed to establish whether there is or is not the passive voice in Chinese? I will try to answer by following the example of a Soviet-era military medical cadet of the last century, who was asked at the final examination at his Academy: "What do you need to give an enema?" He became famous for his prompt answer: "First, you need an enema; second, you need an anus; third, you need to apply the first to the second." In the same vein, I need, first, a definition of the passive; second, a precise description of the relevant Chinese facts; third, I have to apply the first to the second – and bingo!

Consequently, the paper is organized in an obvious way: Section **2** presents a definition of the passive voice; Section **3** describes the construction called *passive* in Chinese; Section **4** applies the definition of the passive to the Chinese facts to achieve and buttress the conclusion that what we see is not the passive voice, but an essentially different phenomenon; Section **5** sketches the situation in a couple of other Southeast Asian languages facing a similar problem; and Section **6** represents the conclusion.

It is not by chance that I chose to write on the passive voice for Xrakovskij's *Festschrift*: Viktor Xrakovskij is one of those scholars who pioneered intensive and extensive investigations into the problems of voice in many languages. He also contributed to the domain several important and influential studies: [Xrakovskij 1974, 1975, 1981], to name but a few (they were republished, with corrections and additions, in [Xrakovskij 1999]); see also his "summing-up" paper [Xrakovskij 2004]. Therefore, my article is a tribute to his long-standing, assiduous and fruitful work in the domain.

2. The Passive Voice

To propose a rigorous definition of the passive voice, four steps are needed: formulating the principles on which such a definition must be based (**2.1**) and then give the definitions of diathesis (**2.2**), of voice (**2.3**), and of the passive (**2.4**).

2.1. Conditions on a Good Definition

Since this paper is essentially based on definitions of the concepts used, it is worthwhile to dwell on the concept of scientific definition

itself. I will consider definitions of **linguistic** concepts, although what is said might well apply in other fields (see [Mel'čuk 2006a]).

2.1.1. Substantive Requirements. First of all, the definition of a concept must satisfy the three substantive requirements related to the question "What exactly is to be defined?":

• A definition of X must be oriented towards **prototypical cases** of X; "deviant" cases are to be covered by additional special conditions.

• The phenomenon X one wants to define must be defined as **a particular case**, or a subclass, of a more general phenomenon Y. In other words, a definition must be strictly deductive – that is, to be an Aristotelian/Boetian analytical definition of the form "X is a Y which is Z," where Y and Z have been defined previously.

• Specific differences Z – properties that define Z as a subclass of Y – must be reduced to the **simplest**[2] **defining features possible**, so that they ensure a systematic hierarchical class inclusion. For instance, consider a commonly used definition of ergative construction:

Definition 1: *Ergative Construction

> Ergative construction [= X] is a transitive verb predicative construction [= Y] such that [= Z]:
> (i) its Direct Object is marked in the same way as the Subject of an intransitive verb;
> (ii) its Direct Object is marked by the nominative case;
> (iii) its Subject is marked by a special case different from the nominative.

This definition satisfies our first and second substantive requirements above, but fails the third one: its Z consists of three independent properties each of which can be absent. Taking out one of them produces a new definition that defines… what? Something for which there is no name and which does not belong to a previously defined subclass. What is indeed a transitive verb predicative construction for which Condition (i) is not satisfied – its Direct Object [= DirO] is **not** marked (under specific circumstances) in the same way as the Subject of an intransitive verb, but Conditions (ii) and (iii) are satisfied? Such a situation is found, for instance, in a Papuan language, Motu [Lister-Turner, Clark 1931: 28–30], in common sentences of type (1b):

[2] 'Simplest' is to be construed liberally enough: simplest, but such that allows for a sensible classification.

(1a) *Sisia+**na*** *vada* *e* *+la*
dog **PATH** PERF 3SG go
'The dog has gone'.

(1b) *Sisia+**ese*** *boroma+**Ø*** *vada* *e* *+kori+a*
dog **ERG** pig **NOM** PERF $3SG_{SUB}$ bite $3SG_{OBJ}$
'The dog has bitten the pig'.

(1c) *Sisia+**ese*** *mero+**na*** *vada* *e* *+kori+a*
dog **ERG** boy **PATH** PERF $3SG_{SUB}$ bite $3SG_{OBJ}$
'The dog has bitten the boy'.

In Motu, the DirO is marked by the nominative, except for human nouns: with them, it is marked by the pathetive case (a special case found also in some Malayo-Polynesian and Australian languages: see [Mel'čuk 1988: 180–181]). The intransitive Subject in Motu is always marked by the pathetive (≠ nominative!), and the transitive Subject, by the ergative case.

According to the letter of Definition 1, (1b) is not an ergative construction (because its DirO is not marked the same way as the intransitive Subject). But what is it? This type of construction clearly belongs to a subclass of transitive verbal constructions that also includes the ergative construction in the sense of Definition 1; however, this subclass has no definition and no name. The construction in (1c), which is very close to (1b), belongs nevertheless to a different subclass (of transitive verbal constructions), to which we cannot refer: it does not have a name, either. Worse, these two subclasses do not form a common subclass within the class of transitive constructions. In order to avoid such violations of step-wise consistent hierarchical classification, I propose to define first the most general subclass of verbal predicative constructions that includes the Definition 1 ergative construction as a particular case (see [Mel'čuk 1988: 182, 251, 258ff; Mel'čuk 2006b: 269ff]).

Definition 2: Ergative Construction

> Ergative construction [= X] is a verbal predicative construction [= Y] whose Subject is marked by a case different from the nominative [= Z][3].

[3] The nominative being, of course, the case of naming.

Proceeding from Definition 2, I would say that in (1a) we have an intransitive ergative construction, in (1b) a transitive ergative construction with a nominative DirO (the most current type), and in (1c) a transitive ergative construction with a non-nominative DirO. The ergative construction in the sense of Definition 1 is then a transitive ergative construction with a nominative DirO that coincides with the intransitive nominative Subject – a very particular case.

This way of defining guarantees a systematic inclusion of concepts in the corresponding subclasses, without missing important intermediate classes.

2.1.2. Formal Requirements. Second, a definition must be formally correct in the three respects, related to the question "How do we define what we define?":

• A definition must be **formal** – that is, it should be applicable verbatim (= mechanically).

• A definition must be **rigorous** – that is, it should contain only concepts which either have been defined prior to it or else are indefinable.

• A definition must be **adequate** – that is, sufficient and necessary, covering all the phenomena that are perceived as subsumable under the corresponding concept, and nothing but such phenomena.

Given my topic, I will not dwell on this question any more, but in the present paper I accept these six conditions as postulates.

2.1.3. Prototypical Passives. As prototypical cases of passives, I take the passive in Latin, Armenian and Swahili:

LATIN

(2a) i. *Serv +i* *reg +em*
slave PL.NOM king SG.ACC
porta+Ø *+nt* ***+Ø***
carry PRES.IND 3PL **ACT**
'The slaves are carrying the king'.

ii. *Rex* *a*(*b*) *serv +is*
king-SG.NOM by slave PL.ABL
porta+Ø *+t* ***+ur***
carry PRES.IND 3SG **PASS**
'The king is being carried by the slaves'.

ARMENIAN

(2b) i. *Ašot +Ø +Ø +ə* *namak+er +Ø +ə*
Ashot SG NOM DEF letter PL NOM DEF
*gr +**Ø** +ec +Ø*
write **ACT** AOR IND.3SG
'Ashot wrote the letters'[4].

ii. *Namak+er +Ø +ə* *gr +**v** +ec +in*
letter PL NOM DEF write **PASS** AOR IND.3PL
Ašot +Ø +i +Ø *koɣmic*
Ashot SG DAT NON-DEF from.side
'The letters were written by Ashot'.

SWAHILI

(2c) i. *Wa+tanzania wa+na +sem +**Ø** +a*
II Tanzania II PRES speak **ACT** DECLAR
Ki+swahili
VII Swahili
'Tanzanians speak Swahili'.

ii. *Ki+swahili ki +na +sem +**w** +a*
VII Swahili VII PRES speak **PASS** DECLAR
na Wa+tanzania
with/by II Tanzania
'Swahili is spoken by Tanzanians'.

Here is what can be stated about these prototypical passives:

1. There is no **propositional semantic difference** between Sentences (i) and (ii). They show, of course, a communicative semantic difference: in Sentence (i), the Actor is the Sem-Theme (= Topic) of the sentence, while in Sentence (ii), the Patient is. The passive is used to express communicative information.

2. The crucial **syntactic difference** between Sentences (i) and (ii) is as follows:

[4] Note the following particularity of the nominal case system in Modern Armenian: it does not have an accusative, so that the Subject and the DirO are both marked by the nominative. A similar situation is found in other languages, for instance, in Romanian and Nivkh. Here, the DirO is case-marked the same way as the Subject of an intransitive verb. However, the transitive predicative construction of these languages is never called ergative!

• In Sentence (i), the Actor is expressed as the Deep-Syntactic Actant **I**/the Surface-Syntactic Subject, and the Patient, as the DSyntA **II**/the Direct Object.

• In Sentence (ii), the Actor is expressed as the Deep-Syntactic actant **II**/the Surface-Syntactic Agent Complement, and the Patient, as the DSyntA **I**/the Subject.

It is impossible to explain here the concepts of Semantic Actant [= SemA], Deep-Syntactic Actant [= DSyntA], and Surface-Syntactic Actant [= SSyntA], even if they are essential for the discussion; see [Mel'čuk 2004a, 2014: Ch. 7].

3. The crucial **morphological difference** between Sentences (i) and (ii) consists in the difference between the forms of the Main Verb: in Sentence (ii), but not in Sentence (i), it has a special suffix, which marks the communicative and syntactic modification, stated above; this suffix is the marker of the passive. As a result, we obtain the opposition of active *vs*. passive forms. All other morphological differences observed in the verb and the actantial nouns are automatic consequences of that difference.

Based on active ~ passive opposition, we must call *passive* such verbal forms that are semantically identical to active forms, but syntactically entail the transformation characterized above. To describe this transformation in formal terms, the concept of diathesis is needed.

2.2. Diathesis

Each lexeme (= a word taken in one well-defined sense) that expresses a predicative meaning has actants: SemAs, DSyntAs and SSyntAs. What interests us here is the correspondence between the SemAs and DSyntAs of a lexeme. For instance, the noun JOY (X'*s joy over* Y) has two SemAs: 'X', who experiences the feeling, and 'Y', which is the cause and the object of that feeling; JOY also has two DSyntAs: DSyntA **I** (implemented on the surface by a possessive form or by a phrase with OF), which expresses 'X', and DSyntA **II** (implemented by a prepositional phrase with OVER), which denotes 'Y'[5].

Definition 3: Diathesis

> The diathesis of a lexeme L is the correspondence between the SemAs and the DSyntAs of L.

[5] There is a huge literature on the concepts of diathesis and voice, which I cannot survey even cursorily. I base this exposition on my own work – in particular, [Mel′čuk 2004b] and [Mel'čuk 2006b: 181–262].

The noun JOY has the following diathesis: X ⇔ **I**, Y ⇔ **II**; it can also be written as

X	Y
I	**II**

In many languages, some verbal lexemes (e.g., transitive verbs) can have more than one diathesis: such is exactly the case in Latin, Armenian, and Swahili. One of the diatheses corresponds to the basic, lexicographic form of the verb, while the other one corresponds to the passive – that is, a form "derived" from the basic form by the corresponding affix. This other diathesis can be written as X ⇔ **II**, Y ⇔ **I**, or as

X	Y
II	**I**

Now we can say that passivization is the following modification of the basic diathesis:

X	Y
I	**II**

⇒

X	Y
II	**I**

Three operations on diatheses – permutation of DSyntAs with respect to SemAs, suppression of DSyntAs, and referential identification of SemAs (with violation of the correspondence between SemAs and DSyntAs in the basic form) – produce, for a binary basic diathesis, 12 possible distinct modifications, including the zero one (see, e.g., [Mel′čuk 2004b: 293–300, 2006a: 184–191, 2006b: 194–209]). The zero modification of the basic diathesis corresponds to the active, and the simplest permutation produces the diathesis that corresponds to the passive.

2.3. Grammatical Voice

At this juncture, the definition of grammatical voice seems straightforward.

Definition 4: Grammatical voice

> Grammatical voice is a verbal inflectional category whose grammemes (= particular voices) mark the modification of the basic diathesis and are themselves formally marked on the verb.

Note that *formally marked on the verb* does not necessarily mean 'marked on the verb by an affix': a modification of the basic diathesis

can be marked by a structural word such as an auxiliary verb (as in (3a)) or an invariable particle (as in (3b)); for instance:

ENGLISH / FRENCH / GERMAN

(3a) *The letter **was written** by John himself.* ≡
*La lettre **a été écrite** par Jean lui-même.* ≡
*Das Brief **wurde** von Hans selbst **geschrieben***
lit. 'The letter became by Hans himself written'.

(3b) ALBANIAN (*ë* = /ə/)

Active	vs.		Passive	
'I open'	*hapa*	~	'I am being opened'	***u** hapa*
'You$_{SG}$ open'	*hape*	~	'You$_{SG}$ are being opened'	***u** hape*
'He opens'	*hapi*	~	'He is being opened'	***u** hap*
'We open'	*hapëm*	~	'We are being opened'	***u** hapëm*
'You$_{PL}$ open'	*hapët*	~	'You$_{PL}$ are being opened'	***u** hapët*
'They open'	*hapën*	~	'They are being opened'	***u** hapën*

Thus, voices can have analytical forms, just like any other inflectional category.

But can there be a change of the basic diathesis that is not marked on the verb, but on one of its actants? Yes, such a situation is logically possible, and it exists, for instance, in Ancient Chinese [Jaxontov 1965: 47, 1974: 201]:

(4a) *Sha ren* '[He] killed [a] man'. ~
*Sha **yu** ren* '[He] was.killed by [a] man'.

(4b) *Cheng bao min, de bao cheng.*
city.walls protect people virtue protect city.walls
'City walls protect people, the virtue protects city walls'.' ~

*Min bao **yu** cheng,*
people be.protected **by** city.walls
*cheng bao **yu** de.*
city.walls be.protected **by** virtue
'People are protected by city walls, city walls are protected by virtue'.

The diathesis of the verbs SHA 'kill' and BAO 'protect' in the first members of the pairs of sentences in (4) changes in their occurrences in the second members of these pairs. However, since this change of

the basic diathesis is not marked on the verb, second sentences of the pairs in (4) do not represent grammatical voice. These sentences manifest the pseudo-passive construction; a genuine passive construction needs a passive verbal form.

2.4. Passive

Definition 5: Passive voice

> Passive is a grammatical voice that marks a change of the basic diathesis such that it involves the permutation of DSyntA **I**.

In other words, a passive voice necessarily entails demotion of DSyntA **I**. Summing up:

> The passive voice of verb V is a synthetic or analytical form of the lexeme V that expresses a change of the basic diathesis of V such that consists in permuting at least V's DSyntA **I**.

We have the first piece of our puzzle. Let's move to the second one.

3. Chinese "Passive Construction"

Unfortunately (for me), I do not know Chinese, and in what follows I proceed strictly from the data available in printed sources. In the first place, these are [Li, Thompson 1981; Hashimoto 1988; Ren 1993; Paris 1998; Huang 1999; Huang et al. 2008], from which I take my examples. (I modified these examples a bit, to make them easier to understand; among other things, I replaced the Chinese human names by English ones. Also, as in many publications, I do not indicate the tones.) Here is a typical example of what is currently called *passive sentence/construction* in Chinese:

(5) *Mary* ***bei*** ***tufei*** ***dasi-le*** ***baba***
bandits kill PERF father
lit. 'Mary BEI bandits killed father'. = 'Mary lost her father to bandits'.

(The lexical unit BEI cannot be properly glossed before its meaning and syntactic function are clarified.)

Huang [1999], following in some respects [Hashimoto 1988], demonstrates that the lexeme BEI, commonly called "the passive marker," is an auxiliary verb with a very vague meaning ≈ '[to] undergo

[that]' or '[to] be affected by', which has a rather syntactic function; generally speaking, what follows BEI is a full normal clause with its own syntactic subject, etc. As a result, sentence (5) is best literally translated as 'Mary «underwent.that» bandits killed father'. Here are Huang's four arguments for this description (again, I slightly reformulated and rearranged them).

1) BEI is not a preposition. In spite of many traditional approaches that classify BEI as a preposition (e.g., [Alleton 1973:121–122; Li, Thompson 1981: 365; Ren 1993: 127ff; Paris 1998: 358ff])[6], the presumed passive marker BEI is by no means a preposition introducing an agent noun complement. Consider, for instance, (6a), a very common type of sentence containing a clause introduced by BEI (= a BEI-clause):

(6a) *Mary zuotian **bei** John da-le*
yesterday underwent hit PERF
'Mary was hit by John yesterday'.

One cannot say that here BEI forms a prepositional phrase with JOHN, for at least three reasons:

– The presumed prepositional phrase **bei John* cannot be positioned in any other slot in the sentence, while normal prepositional phrases can appear in all these slots – except for the position between BEI and the subject of the subordinate clause (**b** *vs*. **c**):

(6b) ***Bei John** Mary zuotian da-le.* /
Mary **bei John zuotian da-le.* /
Mary zuotian da-le **bei John.*

(6c) ***Zai jiali** Mary bei John da-le.* /
at home
*Mary **zai jiali** bei John da-le.* /
*Mary bei John **zai jiali** da-le.* /
*Mary bei John da-le **zai jiali**.*

But not **Mary bei **zai jiali** John da-le*, see below, before (14), on the particularities of the clause introduced by BEI.

– Very often (actually, more often than not) BEI is not followed by a noun, but by the subjectless verb:

[6] As far back as half a century ago, [Solnceva 1962: 66–67] clearly stated that BEI cannot be considered a preposition, but rather represents a defective verbal form.

(6d) *Mary **bei** da-le* 'Mary was beaten'.

In this case, it is customary to speak of an ellipsis of the noun; however, the ellipsis of a noun between a preposition and a verb is a rather exceptional situation in Chinese. Moreover, this is not a contextual ellipsis: the missing indication of the agent is absent from the syntactic (and the semantic) structure of the sentence: it cannot be "restored" from previous context.

– BEI cannot be repeated in coordination, although this repetition is near-obligatory for prepositions in Chinese [Hashimoto 1988: 331–332]:

(7a) *Mary* ***bei*** *quinren huaiyi wairen zhize*
relative suspect stranger criticize
'Mary is suspected by relatives [and] criticized by strangers'.

vs.

Mary **bei quinren huaiyi **bei** wairen zhize*.

(7b) *Mary* ***zai*** *xuexiao xuexi,* ***zai*** *jiali xiuxi*
in school study in home rest

vs.

Mary **zai xuexiao xuexi jiali xiuxi.*

2) Syncategorematic (= subject-oriented) **lexemes in the BEI-clause**.

– The BEI-clause can contain the adverb GUYI 'intentionally', as in (8):

(8) *Mary* ***bei*** *John guyi da -le*
intentionally hit PERF
lit. 'Mary underwent.that John intentionally hit [her]'.

Since GUYI can semantically bear only on the syntactic subject and in (8) it bears on JOHN, the use of GUYI shows that JOHN is the syntactic subject in the BEI-clause.

– The BEI-clause can also contain the reflexive pronoun ZIJI ≈ 'self', which can be coreferential only with the syntactic subject:

(9) *Neifeng xin* ***bei*** *John daihui* ***ziji -de*** *jia qu -le*
this letter bring.back self 's home go PERF
'This letter was brought back by John$_i$ to **his**$_i$ house'.

This gives another indication to the effect that JOHN is the subject of the BEI-clause (rather than the complement of the "preposition" BEI).

3) Syntactic phenomena characteristic of normal clauses. The BEI-clause can feature various constructions that show it to be a normal clause, with a subject, a Main Verb, and even with a DirO:

– Coordination with gapping, illustrated by (10):

(10) *Mary* ***bei*** *John* *ma* *-le* *liang-sheng*
scolded PERF two times
Peter *da -le* *san -xia*
hit PERF three times
'Mary was scolded twice by John and hit three times by Peter'.

– So-called "long-distance dependencies", where the element coreferential with the subject of BEI does not depend on the Main Verb of the BEI-clause directly, but through a string of subsequent dependencies:

(11) *Mary* ***bei*** *zhengfu* *pai* *jingcha* *zhuazou- le*
government send police arrest PERF
lit. 'Mary underwent.that government sent police arrested'. =
'Mary was arrested by the police on government's orders'.

As one can see, the understood (but not expressed) DirO 'her' in the BEI-clause depends on 'arrest', which in its turn depends on 'send'.

– The verb in a BEI-clause can have its own DirO ([Chappell 1986: 274, 277]; this paper specifies the conditions imposed on this DirO):

(12a) *Ta* ***bei*** *diren* *dashang* *-le* *tui*
he enemy hit.wound PERF leg
lit. 'He underwent.that enemy hit.wounded leg'. =
'He had his leg wounded by the enemy's fire'.

(12b) *Ta* ***bei*** *pengyou* *kai* *-le* *yi* *ge* *wanxiao*
he friend play PERF a CLAS joke
lit. 'He underwent.that friends played a joke'. =
'He had a joke played on him by his friends'.

(12c) *Yifu* ***bei*** *shao-le* *yi* *ge* *dong*
cloths burn PERF a CLAS hole
lit. 'Cloths underwent.that [fire] burnt a hole'. =
'The fire burnt a hole in his cloths'.

4) Resumptive pronoun in the BEI-clause. A BEI-clause can contain a resumptive pronoun coreferential with the subject of BEI in the role of DirO – in at least two types of context[7]:

• If the resumptive pronoun is not sentence-final, but is followed by a lexical expression, as in (13a):

(13a) *Mary* ***bei*** *John da -le ta* ***san -xia***
hit PERF she three times
lit. 'Mary underwent.that John hit her three times'.
'Mary was hit by John three times'.

• If the resumptive pronoun is turned into an Affected Object, introduced by the preposition BA and preceding the Main Verb, see (13b):

(13b) *Mary bei John* ***ba ta*** *da -le*
she hit PERF
lit. 'Mary underwent.that John her hit'. = 'Mary was hit by John'.

This would not be possible if the Main Verb of the BEI-clause were (in any sense) passive[8].

Taking all this into consideration, we have to accept Hashimoto's and Huang's proposal, summarizing it in the following two points:

• Syntactically, BEI is the Main Verb of the sentence; it is a bivalent auxiliary verb and roughly means something like 'undergo that' = 'be affected by'.

---

[7] Prof. Yin finds that sentences (13a–b) "do not sound natural".

[8] A resumptive pronoun cannot appear in a BEI-clause as a DirO (coreferential with the subject of BEI) if this pronoun turns out to be clause-final element:

(i) *Mary* ***bei*** *John da-le* ****ta*** lit. 'Mary BEI John hit her'. = 'Mary was hit by John'.

There is still another argument supplied by [Hashimoto 1988: 335] against the sentences with the BEI-clause being a "passive" construction: the possible absence of the "active" counterpart. Thus, for (ii) there is no correspondent sentence without BEI:

(ii) *Kanshou* ***bei*** *fanren pao-le.* '[The] jailer suffered because of [the] criminal's escape'.

This argument is, however, invalid: "passives without actives" are not a rarity at all. Recall the Japanese passive, let alone *verba deponentia* of Classical languages.

• The BEI-clause is a normal "active" clause with a transitive Main Verb, although this clause has a few special properties: it can lack an overt subject not in a contextual controlled ellipsis; its own DirO most often – although by no means always! – has the same referent as the subject of BEI; if this DirO occupies the last linear position in the sentence, it cannot be expressed by a resumptive pronoun, but otherwise it can; its subject cannot be preceded by a prepositional phrase, which otherwise is quite common, cf. (6c) above; etc.[9]

Therefore, a Chinese "passive" sentence is, if literally glossed, something like this:

(14a) *Mary **bei** da-le*
lit. 'Mary underwent.that [some.people] hit [her]'.

(14b) *Mary **bei** John da-le*
lit. 'Mary underwent.that John hit [her]'.

(14c) *Mary **bei** John da-le ta san-xia*
lit. 'Mary underwent.that John hit her three.times'.

BEI is the Main Verb of the whole sentence[10]; the surface-syntactic structure of (14c) is as follows:

---

[9] [Huang 1999: 11]:

(i) *John bei Mary **zai xuexiao** da-le* 'John was hit by Mary at school'.

vs.

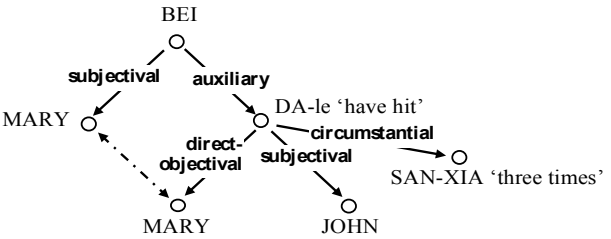
(ii) ***John bei **zai xuexiao** Mary da-le* 'John was hit at school by Mary'.

[10] It is true that BEI does not have several properties of normal Chinese verbs: thus, it does not accept aspect suffixes ***-le***, ***-guo***, ***-zhe***, etc. But then, several Chinese lexemes that are traditionally accepted as auxiliary verbs – for instance, SHI 'let', NENG 'can' or YAO 'want' – do not have these properties, either [Li, Thompson 1981: 172ff; Hashimoto 1988: 339–340]. Also BEI alternates with genuine verbs GEI 'give', JIAO 'be called' and RANG 'let, allow' [Li, Thompson 1981: 506]:

(i) *Wo gei/jiao/rang ta tou -le liang kuai jian*
I got he steal PERF two dollar money
lit. 'I underwent/allowed that he stole two dollars [from me]'.

On the other hand, [Hashimoto 1988: 340] indicates that the continuous aspect suffix ***-zhe*** is found on BEI in texts, even if rarely.

Figure 1. Surface-Syntactic Structure of Sentence (14c)



1. The bidirectional dashed arrow represents the coreferentiality of the two lexemes.
2. The syntactic relation "**auxiliary**" in Chinese is different from analogous Synt-relations in European languages, where "**auxiliary**" SyntRels serves to construct analytical forms of lexemes.

I challenge anybody to produce a different syntactic structure for this sentence; I think this is simply impossible.

The discussion in Section **3** gives us the second piece of the puzzle: the BEI-construction is not passive; it is a normal "active" clause introduced by the auxiliary verb BEI, which has very little semantic content in Modern Chinese and is used mostly for syntactic and communicative purposes. The schematic form of a BEI-clause is as follows:

'X undergoes.that Y Z-s X' $\Leftrightarrow$ X BEI Y $Z_{(V,\ transitive)}$ [X]

Now we have to apply the first piece of the puzzle to the second one. If something does not walk like a duck and does not quack like a duck, why call it duck? Perhaps simply because it reminds us of a duck (for instance, a small goose). Yet this is not a compelling reason. The BEI-construction is not passive at all: it is built around a transitive verb that does not change its only diathesis and, quite naturally, has no marking.

It is interesting to mention a linguistic phenomena happening in Chinese now: BEI begins to be increasingly used to introduce such verbs as ZISHA 'commit suicide' or ZIYUAN 'volunteer', for instance, *Ta bei zisha* lit. 'He underwent committing.suicide', to mean that he was murdered, the murder disguised as a suicide; *Ta bei zuyuan* lit. 'He underwent volunteering' – that is, he was forced to volunteer (see http://news.xinhuanet.com/english2010/indepth/201002/16/c_13176690.htm).

No matter how sporadic such usages, they show that BEI is not perceived by speakers as a preposition.

But it does resemble a passive construction in some essential respects; let us see in which.

4. Affected-Subject Construction in Chinese

The BEI-construction is used when the Speaker wants to speak about X and say about X that Z done by Y happened to X or at least somehow affected X. Suppose that Y Z-ed (e.g., offended) X, and the Speaker chooses to communicate this talking about X; since in Chinese, as a general rule, the syntactic Subject must be the Theme of the sentence, he has to say *X bei Y Z*. In this way, the BEI-construction does two things with one blow: communicatively, it turns 'X' into the Theme; syntactically, it turns 'X' into an Affected Subject. This is what makes this construction similar to the passive of many languages: both the BEI-construction and the passive construction fulfill (almost) the same communicative and syntactic roles. However, the similarity, even identity, of roles fulfilled by two linguistic phenomena does not entail the similarity, let alone identity, of the phenomena themselves. Should we consider English prepositions to be case markers simply because they often play the same role as cases (marking syntactic dependencies)?

The Chinese construction in question should by no means be called passive; I would suggest for it the straightforward name of Affected-Subject Construction. In addition to its being explicit and clear, this term has another advantage: it forms a pair with the name of another Chinese construction, described, e.g., in [Li, Thompson 1981: 463ff]: the BA-construction. Let us start with an example:

(15) *Wo* ***ba*** *chabei* *nongpo-le*
I **as.for** tea.cup break PERF
lit. 'I as.for tea.cup broke'. = 'I broke the tea cup'.

If a nominal N (here, CHABEI 'tea cup') is intended to be the Direct Object, it must follow the Main Verb (here, NONGPO 'break'), as all DirOs do. But, if supplied with the preposition BA ≈ 'as for', it ceases to be a DirO and must precede the verb. (The BA-construction is subject to several constraints: the verb in this construction must express an action that really affects the referent of N; N itself must be definite or generic, but not indefinite specific; etc. This, however, is not relevant for my purposes here.) The sentence element implemented by BA + N cannot be considered a DirO: first, it is difficult to call a nominal

introduced by a preposition a direct object[11], and second, more importantly, a sentence with the BA-construction can contain a genuine DirO (boxed in (16)):

(16a) *Wo* ***ba*** *juzi* *bo* *-le* *pi*
I orange remove PERF skin
lit. 'I orange removed skin'. = 'I removed the skin from the orange'.

(16b) *Wo* ***ba*** *John* *bang* *-le* *liangzhi* *jiao*
I tie.up PERF two foot
lit. 'I John tied up two feet'. = 'I tied up John's two feet'.

Therefore, the BA + N phrase must be given a special name; I propose to call it the Affected Object. The syntactic relation that links it to the Main Verb also cannot be called **direct-objectival**; I propose **affected-objectival**.

The Affected-Object Construction also thematizes the nominal involved, just as the Affected-Subject Construction does; this enhances its similarity with the latter. [Huang et al. 2008: 155–162] emphasizes the parallelism of both constructions in several respects. But of course this parallelism is not complete: to begin with, BA in the BA-construction is a preposition, while BEI in the BEI-construction is a verb; BA does not carry any propositional meaning, and BEI does (albeit not much); there are other differences as well. But this is beyond the limits of our discussion.

5. Affected-Subject Constructions in Southeast Asian Languages

To drive the nail completely home, I will consider what is called "passive" in Vietnamese, based on [Trương 1970] and [Tam 1976]. Here are examples borrowed from [Tam 1976]:

[11] A few cases where a preposition marks a DirO are known. Such is, for instance, the preposition ET in Hebrew, which marks exclusively definite DirOs and does nothing else; the preposition Z- 'as' marking the DirO in Classical Armenian; or the prepositions A in Spanish and PE in Romanian, which are necessary for animate DirOs under particular conditions of referentiality and specificity. However, in none of these cases is the preposition-marked DirO compatible within the clause with another DirO.

(17a) *Nga đánh Nam* 'Nga beat Nam'. ~
*Nam **bị***[12] *Nga đánh* 'Nam was beaten by Nga'.

(17b) *Nga khen Nam* 'Nga congratulated Nam'. ~
*Nam **được** Nga khen* 'Nam was congratulated by Nga'.

BỊ and ĐƯỢC are auxiliary verbs with meanings, respectively, 'undergo, suffer' and 'receive, benefit from'; accordingly, they produce sentences with adversative or beneficial/neutral meaning.

The same situation obtains in Lao, Khmer and Thai [Tam 1976: 442]:

LAO

(18a) *Khacaw khaa muu khoi*
they killed friend I
'They killed my friend'.' ~

*Muu khoi **thyyk** khacaw khaa*
friend I **undergo** they killed
'My friend was killed by them'.

KHMER

(18b) *Kee bɔmbaek kbaal kñom*
they break head I
'They broke my head'.' ~

*Kñom **trəw** kee bɔmbaek kbaal* (*kñom*)
I **undergo** they break head I
'I got my head broken by them'.

THAI

(18c) *Dɛk tii maa*
child hit dog
'The child hit the dog'. ~

*Maa **thuuk** dɛk tii*
dog **undergo** child hit
'The dog was hit by the child'.

A similar situation is observed in Burmese:

[12] The auxiliary verb BỊ represents the Chinese BEI, borrowed into Vietnamese.

(19) *Cuŋdɔ yai'+ði ðu+go*
I hit DECLAR he DirO
'I hit him'. ~

Ðu cuŋdɔi əyai'+go ***khang +ya*** *+ði*
he my blow DirO **experience receive** DECLAR
lit. 'He experience.received my blow'. = 'He was hit by me'.

The difference with the preceding three languages is that what corresponds to the BEI-clause is nominalized in Burmese: 'I hit' ⇒ 'my blow'; however, in our framework this is irrelevant.

6. The Problem Solved

Summing up, the Chinese construction with the marker BEI is not passive; the category of voice does not exist in Chinese. The BEI-construction can be called the Affected-Subject construction. The same recommendation applies to similar constructions in Vietnamese, Thai, Lao, Khmer, and Burmese.

Acknowledgments

The first version of the paper was read and criticized by L. Iordanskaja; the subsequent versions were submitted to M. Alonso Ramos, D. Beck, L. Iordanskaja, S. Kahane, P. Magistry, J. Milićević, A. Polguère, A. Tremblay, Y. L. Wang, and H. Yin. I am deeply grateful to all of them for the proposed corrections and constructive criticisms.

Abbreviations

II/VII — Noun Class II/VII; ABL — ablative case; ACC — accusative case; ACT — active voice; AOR — aorist (a verbal tense); CLAS — classifier; DAT — dative case; DECLAR — declarative mood; DEF — definite; DirO — direct object; ERG — ergative case; IND — indicative mood; NOM — nominative case; NON-DEF — non-definite; PASS — passive voice; PATH — pathetive case; PERF — perfect (a verbal tense); PL — plural; PRES — present (a verbal tense); SG — singular; SG_{OBJ} — singular of the object; SG_{SUB} — singular of the subject.

References

Alleton 1973 — V. Alleton. Grammaire du chinois. Paris: Presses Universitaires de France, 1973.

Chappell 1986 — H. Chappell. The passive of bodily effect in Chinese // Studies in Language 10, 1, 1986. P. 271–296.

Hashimoto 1988 — M. Hashimoto. The structure and typology of the Chinese passive construction // M. Shibatani (ed.). Passive and Voice, Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 329–354.

Huang 1999 — C.-T. J. Huang. Chinese passive in comparative perspective // Tsing Hua Journal of Chinese Studies 29, 1999. P. 423–509.

Huang et al. 2008 — C.-T. J. Huang, Y.-H. A. Li, Y. Li. The Syntax of Chinese. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Iordanskaja, Mel′čuk 2007 — L. Iordanskaja, I. Mel′čuk. Smysl i sočetaemost′ v slovare (Meaning and Cooccurrence in the Lexicon). Moskva: Jazyki russkoj kul′tury, 2007.

Jaxontov 1965 — S. Jaxontov. Drevnekitajskij jazyk (Ancient Chinese). Moskva: Nauka, 1965.

Jaxontov 1974 — S. Jaxontov. Nekotorye passivnye konstrukcii v kitajskom jazyke (Some passive constructions in Chinese) // A. Xolodovič (ed.). Tipologija passivnyx konstrukcij. Diatezy i zalogi, Leningrad: Nauka, 1974. P. 195–202.

Li, Thompson 1981 — Ch. Li, S. Thompson. Mandarin Chinese. A Functional Reference Grammar. Berkeley: University of California Press, 1981.

Lister-Turner, Clark 1931 — R. Lister-Turner, J. B. Clark. A Grammar of the Motu Language of Papua. Sydney: Pettifer, 1931.

Mel'čuk 1988 — I. Mel'čuk. Dependency Syntax. Theory and Practice. Albany, N.Y.: The State University of New York Press, 1988.

Mel'čuk 2004a — I. Mel'čuk. Actants in semantics and syntax. I–II // Linguistics 42, 1, 2004. P. 1–66; 42, 2, 2004. P. 247–291. (See a Russian translation in [Iordanskaja, Mel′čuk 2007: 39–184].)

Mel′čuk 2004b — I. Mel′čuk. Opredelenie kategorii zaloga i isčislenie vozmožnyx zalogov: 30 let spustja (Definition of the category of grammatical voice and a calculus of possible voices: 30 years later) // V. Xrakovskij, A. Mal′čukov, S. Dmitrenko (eds.). 40 let Sankt-Peterburgskoj tipologičeskoj škole. Moskva: Znak, 2004. P. 286–314. (See also in [Iordanskaja, Mel′čuk 2007: 184–210].)

Mel'čuk 2006a — I. Mel'čuk. Calculus of possibilities as a technique in linguistic typology // F. Ameka, A. Dench, N. Evans (eds.). Catching Language. The Standing Challenge of Grammar Writing, Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2006. P. 171–205. (See also: http://olst.ling.umontreal.ca/pdf/Melcuk2006_DixonPaper.pdf)

Mel'čuk 2006b — I. Mel'čuk. Aspects of the Theory of Morphology. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2006.

Mel'čuk 2014 — I. Mel'čuk. Semantics: From Meaning to Text. Vol. 3. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2014.

Paris 1998 — M.-C. Paris. Syntaxe et sémantique de quatre marqueurs de transitivité en chinois standard: *BA*, *BEI*, *JIAO* et *RANG* // A. Rousseau (ed.). La transitivité, Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires de Septentrion, 1998. P. 357–370.

Ren 1993 — X. Ren. Syntaxe des constructions passives en chinois. Paris: Langages Croisés, 1993.

Solnceva 1962 — N. Solnceva. Stradatel′nyj zalog v kitajskom jazyke (Problemy morfologii) (The Passive Voice in Chinese (Morphological Problems)). Moskva: Izdatel′stvo vostočnoj literatury, 1962.

Tam 1976 — Duy Le Tam. Vietnamese passive. Papers from the 12th Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society, 1976. P. 438–449.

Trương 1970 — Văn Chình Trương. Structure de la langue vietnamienne. Paris: Paul Geuthner, 1970.

Xrakovskij 1974 — V. Xrakovskij. Passivnye konstrukcii (Passive constructions) // A. Xolodovič (ed.). Tipologija passivnyx konstrukcij. Diatezy i zalogi. Leningrad: Nauka, 1974. P. 5–45.

Xrakovskij 1975 — V. Xrakovskij. Isčislenie diatez (Diathesis calculus) // Diatezy i zalogi. Leningrad: Leningradskoe otdelenie Instituta jazykoznanija AN SSSR, 1975. P. 34–51.

Xrakovskij 1981 — V. Xrakovskij. Diateza i referentnost′ (Diathesis and referentiality) // V. Xrakovskij (ed.). Zalogovye konstrukcii v raznostrukturnyx jazykax. Leningrad: Nauka, 1981. P. 5–38.

Xrakovskij 1999 — V. Xrakovskij. Teorija jazykoznanija. Russistika. Arabistika (Linguistic Theory. Russianistics. Arabistics). Sankt-Peterburg: Nauka, 1999.

Xrakovskij 2004 — V. Xrakovskij. Koncepcija diatez i zalogov (isxodnye gipotezy — ispytanie vremenem) (Concepts of diathesis and grammatical voice (starting hypotheses and test of time)) // V. Xrakovskij, A. Mal′čukov, S. Dmitrenko (eds.). 40 let Sankt-Peterburgskoj tipologičeskoj škole. Moskva: Znak, 2004. P. 505–519.

И. В. Недялков

СПбГУ — ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ПАССИВА И ДЕКАУЗАТИВА В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ[1]

1. Вводные замечания

Настоящая статья может считаться запоздалым приложением к коллективной монографии «Типология пассивных конструкций (диатезы и залоги)» (Ленинград, 1974), вводную главу к которой написал Виктор Самуилович Храковский [Храковский 1974: 5–45]. Эта выдающаяся работа В. С. Храковского является не только глубоким типологическим обобщением синтаксических и семантических особенностей пассивных конструкций (ПК) в разноструктурных языках, но и одним из первых (по содержанию) типологических вопросников. В этой связи уместно обратить внимание на два обстоятельства, связанных с рассматриваемой проблемой. Во-первых, первый детальный типологический вопросник появился лишь в 1977 году [Comrie, Smith 1977], т. е. через три года после появления «Типологии пассивных конструкций», и, во-вторых, первые широкие типологические разработки проблем пассива в зарубежном языкознании появились лишь в 80-х годах прошлого столетия [Siewierska 1984; Shibatani (ed.) 1988], т. е. через десять лет после опубликования вышеназванной коллективной монографии. Отмечу, что интерес В. С. Храковского к проблемам типологии пассива восходит к концу 60-х годов прошлого столетия (см. [Храковский 1970]).

Прежде чем перейти к рассмотрению языкового материала тунгусо-маньчжурских языков (ТМЯ) необходимо привести их классификацию. При том обилии классификаций ТМЯ, которые были предложены большой группой ученых за более чем двести лет

[1] Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-1348.2012.6 «Петербургская школа функциональной грамматики».

изучения этих языков, для наших целей достаточна классификация, предложенная О. П. Суником, который по лингвистическим основаниям разделил все ТМЯ на две группы (ветви). Первая группа включает тунгусские языки, которые в свою очередь подразделяются на две подгруппы: 1а) эвенкийскую (или эвонкийскую) подгруппу — эвенкийский (эвенк.; здесь и ниже приводятся сокращения названий языков, примеры из которых приводятся в тексте статьи), солонский, негидальский (негид.), и эвенский (эвен.) и 1б) нанайскую (или нанийскую) подгруппу, включающую нанайский (нан.), ульчский (ульч.), орокский (орок.), орочский (ороч.) и удэгейский (удэг.) языки. Во вторую группу входят маньчжурские языки, включающие собственно маньчжурский (маньчж.), а также мертвый чжурчженьский язык [Суник 1962: 18]. В статье приводятся главным образом эвенкийские материалы; примеры из других ТМЯ иллюстрируют наиболее важные обобщения.

Основной целью настоящей статьи является анализ синтаксических и семантических особенностей тунгусо-маньчжурских (ТМ) пассивных (как личных, так и безличных) и декаузативных конструкций с целью определения степени устойчивости категорий пассива и декаузатива в ТМЯ.

Дальнейшее содержание статьи строится по следующему плану. В Разделе 2 приводятся основные формальные и семантические особенности форм пассива и декаузатива в ТМЯ. В Разделе 3 представлен краткий диахронический обзор, показывающий пути грамматикализации тунгусо-маньчжурских пассивных форм на *-бу*/*-в*(*у*)-, восходящих к древним формам каузатива. В этом же разделе приводятся непродуктивные ТМ транзитивы, представляющие собой наследие каузативного прошлого форм на *-в*(*у*)- в тунгусских языках. В Разделе 4 рассматриваются семантические и синтаксические признаки ТМ лично-пассивных (ЛПК) и безлично-пассивных (БПК) конструкций. В Разделе 5 рассматриваются формальные, семантические и синтаксические признаки декаузативных конструкций в ТМ языках, а также непродуктивных форм морфологического рефлексива. В заключительном, шестом, разделе сравниваются пути грамматикализации форм пассива, декаузатива и морфологического рефлексива в ТМЯ и балто-славянских языках.

2. Формальные и семантические особенности пассива и декаузатива в ТМЯ

Обоснованность включения в одну работу двух столь разных по семантическим и синтаксическим характеристикам категорий как пассив и декаузатив обусловлена тем, что в нескольких ТМЯ (эвенкийском, маньчжурском и, скорее всего, солонском) формы пассива и декаузатива, а также непродуктивного морфологического рефлексива (в отличие от других ТМЯ) образуются с помощью одного и того же показателя (в маньчжурском — суффиксом ***-бу***, в эвенкийском — суффиксом ***-в-*** и его фонетически обусловленными вариантами ***-н***/***-му***), например:

МАНЬЧЖУРСКИЙ

(1а) *ва-* ‘убить’ → *ва-бу-* ‘заставить убить’ (каузатив) (см. (5а));

(1б) *ва-* ‘убить’ → *ва-бу-* ‘быть убитым’ (пассив) (см. (5б));

(1в) *нэй-* ‘открыть’ → *нэй-бу-* ‘открыться’ (декаузатив) (последняя форма может иметь и пассивную интерпретацию ‘быть открытым’);

(1г) *лакя-* ‘повесить’ → *лакя-бу-* ‘повеситься’ (рефлексив) (последняя форма может иметь и пассивную интерпретацию ‘быть повешенным’);

ЭВЕНКИЙСКИЙ

(2а) *суру-рэ-н* ‘ушел-он’ → *суру-в-рэ-н* ‘увел-он’ (непродуктивный каузатив; (см. (10));

(2б) *суру-в-рэ-н* ‘увел-он’ → *суру-ву-в-рэ-н* ‘был-уведен-он’ (пассив);

(2в) *нии-рэ-н* ‘открыл-он’ → *нии-в-рэ-н* ‘открылся/открылась/открылось’ (декаузатив) (последняя эвенкийская форма может иметь и пассивную интерпретацию);

(2г) *ваа-ча-н* ‘убил’ → *ваа-в-чан*/*ваа-п-ча-н* ‘поранился, ушибся’ (рефлексив) (последняя эвенкийская форма может иметь и пассивную интерпретацию ‘был убит’).

В последнее время в лингвистических работах, рассматривающих залоговые (например, пассивные) и смежные с ними

глагольные формы, за рамки категории залога справедливо выводятся такие категории, связанные с повышающей или понижающей актантной деривацией (АД), как каузатив, рефлексив и декаузатив [Плунгян 2000: 208–219]. Семантические (в терминологии В. А. Плунгяна) преобразования, «составляющие содержание АД», подразделяются на три типа: 1) повышающая АД (увеличение на единицу числа обязательных семантических и синтаксических актантов исходной ситуации/конструкции), представленная, например, категорией каузатива, 2) понижающая АД (уменьшение на единицу числа обязательных семантических и синтаксических актантов исходной ситуации/конструкции), представленная, в частности, категорией декаузатива, и 3) интерпретирующая деривация (изменение референциальных характеристик или типа актантов, входящих в исходную ситуацию), представленная, в том числе, категорией пассива.

Определяющим признаком АД являются те или иные «изменения в составе и/или референциальных свойствах участников ситуации, т. е. семантические преобразования исходной структуры» [Плунгян 2000: 208]. При этом, между АД и залогом (представленным противопоставлением форм актива и пассива) нет жесткой границы, поскольку перераспределение коммуникативных рангов участников ситуации, «составляющее основное содержание залоговых преобразований, как правило, имеет место и при актантной деривации» [Там же]. Существенным в этом случае является то, что перераспределение коммуникативных рангов участников ситуации в конструкциях с АД не является единственным (как в случае собственно залоговых преобразований), но лишь сопутствующим изменением. По мнению В. А. Плунгяна, залоговые преобразования — это частный случай АД (сравним использование русского постфикса *-ся* как для залогового преобразования, т. е. образования пассивных форм глаголов, так и для образования форм, связанных с актантной деривацией — рефлексивных, реципрокальных и декаузативных).

Как показывают примеры (1) и (2), залоговые и актантно-деривационные преобразования в маньчжурском и эвенкийском языках, осуществляющиеся с помощью диахронически связанных суффиксов *-бу* и *-в*(*у*)- (и их вариантов) соответственно, могут быть нескольких типов: они приводят к образованию либо каузативных (продуктивных в маньчжурском и непродуктивных в тунгусских

языках), либо пассивных (продуктивных во всех ТМЯ), либо декаузативных (непродуктивных во всех ТМЯ) глагольных форм.

Если маньчжурский и эвенкийский языки демонстрируют архаичное состояние в отношении единого средства выражения пассива и декаузатива (*-бу* → *-в*(*у*)), то большинство тунгусских языков на базе общетунгусского развития, произошедшего после отделения прачжурчженеманьчжурских диалектов, т. е. более двух тысяч лет назад [Певнов 1997: 160–161], «постарались» формально разграничить образование форм пассива (личного и/или безличного), с одной стороны, и декаузатива, с другой стороны. Такое разграничение становится очевидным в результате сравнения вариантов показателя пассива, с одной стороны, и вариантов показателя декаузатива, с другой стороны, в большинстве тунгусских языков:

(3) Показатели пассива: эвенк. *-в*(*у*)*-*/*-п-*/*-б-*/*-му-*; эвен. *-в-*/*-у-*/*-м-*; негид. *-в-*/*-му-*; нан. *-ву-*/*-во*; *-бу-*/*-бо*; *-у-*/*-о-*; ульч. *-ву-*/*-бу-*/*-у-*; орок. *-ву-*/*-бу-*/*-пу-*; ороч. *-ву-*/*-бу-*/*-му-*; удэг. *-у-*/*-му-*.

(4) Показатели декаузатива: эвенк. *-в*(*у*)*-*/*-п-*/*-б-*/*-му-*; эвен. *-п-*/*-б-*; негид. *-п-*; нан. *-п-*; ульч. *-п-*; орок. *-пту-*; ороч. *-п*(*та*)/*-п*(*тэ*)*-*/*-п*(*то*)*-*; удэг. *-пта-*/*-птэ-*.

Здесь необходимо указать на два существенных факта. Во-первых, в ряде тунгусских языков (например, в эвенском, нанайском и удэгейском) в специальной литературе отмечены факты формального смешения двух рассматриваемых категорий, в результате которого собственно декаузативные показатели могут образовывать пассивные формы, и наоборот — собственно пассивные показатели могут образовывать декаузативные формы. И, во-вторых, В. А. Аврорин и ряд других тунгусоведов указывают на то, что формы с показателем *-п* (В. А. Аврорин называет эти нанайские формы страдательным залогом) являются относительно более молодыми по сравнению с общетунгусо-маньчжурскими формами собственно страдательного залога на *-бу*/*-ву* [Аврорин 1961: 41]). Очевидным однако является то, что формы декаузатива на *-п* (и его варианты) появились уже на общетунгусской стадии, т. е. через несколько веков после отделения прачжурчжене-маньчжурских диалектов, но до разделения общетунгусских диалектов на отдельные тунгусские языки.

3. Грамматикализация ТМ пассивных форм и наследие каузативного прошлого форм на *-в-* в тунгусских языках

ТМ пассивные формы, как неоднократно отмечалось в специальной литературе, восходят к общетунгусо-маньчжурскому «старому» каузативу на *-бу-*/*-ву-*. По-видимому, первым лингвистом, обратившим внимание на то, что существуют каузативные формы, которые могут выполнять пассивную функцию, был Х. Габеленц [Gabelentz 1861: 516–529], который в числе других языков привлекал и маньчжурские материалы. Такие каузативные формы через семантическую ступень рефлексивной пермиссивности, по линии ‘заставил кого-то / позволил кому-то убить кого-то’ → ‘позволил кому-то убить себя (по неопытности, по оплошности)’ → ‘был убит кем-либо’, могут становиться источником возникновения пассивных форм. Семантические связи пассива и каузатива обсуждались также в работах И. В. Кормушина [Кормушин 1976], А. Л. Мальчукова [Мальчуков 1999], В. П. Недялкова [Недялков 1971] и И. В. Недялкова [Nedjalkov 1991, 1993].

В маньчжурском языке формы с показателем *-бу-* от большого количества глаголов имеют и каузативную, и пассивную интерпретацию, ср.:

МАНЬЧЖУРСКИЙ

(5а) *И бата-бэ* (вин. пад.) *ва-бу-ха* — ‘Он врага убить-заставил’ (каузатив)

(5б) *И бата-дэ* (дат. пад.) *ва-бу-ха* — ‘Он врагом убит’ (пассив; исторически букв. ‘Он врагу убить (себя) позволил’).

Важным, хотя и дискуссионным, представляется предложение И. Захарова сопоставить показатель маньчжурского каузатива/пассива *-бу-* с глагольной основой *бу-* ‘дать’ [Захаров 1879: 159–161]. На типологическую связь пассивных форм и глаголов со значением ‘дать’ обращали внимание многие лингвисты; последовательно эта проблема на материале восточных и юго-восточных языков Азии была рассмотрена в работе Ф. Япа и Ш. Ивасаки [Yap, Iwasaki 2007]. В статье Ф. Ли и Л. Уэйли приводится список языков Азии, Африки и Южной Америки, в которых морфема со значением ‘дать (give)’ грамматикализовалась сначала в каузативный,

а затем в пассивный показатель (эти авторы называют, в частности, следующие языки: тунгусские, китайский, лаху, тви, йоруба, авуту, сенуфо, сранан [Li, Whaley 2012]). «Каузативное наследие» показателя *-в-*/*-б-* представлено в формах непродуктивного каузатива всех девяти тунгусских языков.

Конструкции с показателем «старого» непродуктивного каузатива на *-в-* (и его вариантами) образуются в отдельных тунгусских языках не более чем от 50–80 преимущественно непереходных глагольных основ (многие из исходных и производных форм в разных тунгусских языках либо совпадают, либо близки формально), например:

ЭВЕНКИЙСКИЙ

(6) *эмэ-* ‘прийти’ — *эмэ-в-* ‘принести, привезти, привести’, *суру-* ‘уйти’ — *суру-в-* ‘унести, увезти, увести’, *ии-* ‘войти’ — *ии-в-* ‘внести, ввести, впустить’, *нгэнэ-* ‘идти’ — *нгэнэ-в-* ‘нести, везти, вести’, *ил-* ‘встать’ — *или-в-* ‘поставить’, *тэгэ-* ‘сесть’ — *тэгэ-в-* ‘посадить’, *ару-* ‘очнуться, ожить’ — *ару-в-* ‘оживить’, *аасин-* ‘заснуть’ — *аасин-му-* ‘уложить спать’; *тэт-* ‘надеть (на себя)’ — *тэты-в-* ‘одеть кого-л.’, *уку-* ‘сосать грудь’ — *уку-в-* ‘кормить (ребенка грудью)’, *ум-* ‘пить’ — *уми-в-* ‘напоить’;

ЭВЕНСКИЙ

(7) *ии-* ‘войти’ — *ии-в-* ‘внести, ввести’; *ир-* ‘тащить, волочить’ — *ир-у-* ‘тащить, волочить на чем-либо’; *эм-* ‘приходить’ — *эм-у-* ‘приносить’;

НАНАЙСКИЙ

(8) *аапсин-* ‘лечь спать’ — *аапсим-бо-* ‘уложить спать’; *гуп-* ‘гаснуть’ — *гуп-у-* ‘гасить’; *ии-* ‘входить’ — *ии-ву-* ‘вносить, ввозить, вводить’;

ОРОЧСКИЙ [Аврорин, Болдырев 2001: 278–280]

(9) *аа-* ‘спать’ — *аамбу-* ‘уложить спать’; *нугги-* ‘переселяться, кочевать’ — *нуггу-ву-* ‘переселять’; *тукти-* ‘подниматься (в гору, на дерево)’ — *тукту-* ‘поднять (вверх, в гору)’.

Пример:

ЭВЕНКИЙСКИЙ

(10) *Аси* ***суру-рэ-н*** ‘Женщина ушла’ → *Аси хутэ-ви* ***суру-в-рэ-н*** ‘Женщина ребенка-своего **увела**’.

Приведенные производные глагольные формы, связанные с повышающей актантной деривацией, характеризуется увеличением числа обязательных (семантических и синтаксических) валентностей на единицу. Этот же признак характеризует и следующие три эвенкийских интранзитива движения, присоединение к которым показателя *-в*(*у*)- связано с появлением валентности на средство передвижения: *дэг-* ‘лететь’ — *дэги-в-* ‘лететь’ (на самолете, вертолете, сказочной птице и т. п.), *оло-* ‘идти вброд’ — *оло-в-* ‘ехать вброд’ (на олене, лошади), *хукты-* ‘бежать’ — *хукты-в-* ‘скакать’ (на олене, лошади), например:

ЭВЕНКИЙСКИЙ

(11) *Бэе* ***хукты-син-э-н*** ‘Мужчина побежал’ — *Бэе орон-ду* (дат.п.) ***хукты-ву-син-э-н*** ‘Человек на олене **поехал**’.

Семантика каузации может быть усмотрена в трех вышеприведенных производных глагольных формах (‘каузировать лететь’, ‘каузировать идти вброд’, ‘каузировать бежать’ соответственно), но при этом «каузируемое» средство передвижения выражается именем в дательном падеже, а не в винительном, как это принято для каузируемых объектов в обычных каузативных конструкциях.

Необходимо отметить, что в настоящее время в тунгусских языках используются продуктивные показатели «нового» каузатива, ср. в эвенкийском показатель *-вкАн* (заглавное А в этом и других суффиксах обозначает наличие сингармонирующих вариантов), в нанайском *-ваан*/*-буван*, которые в качестве первого компонента включают элемент *-в*(*у*)- (в качестве второго элемента выступает показатель с неясной семантикой — имеющий либо значение интенсивности, либо диминутивное, либо какое-то иное значение). Рассмотрение продуктивных каузативных форм в ТМЯ не входит в задачи настоящей статьи.

4. Типы пассивных конструкций в ТМЯ

Как было сказано выше, показатель пассива в ТМЯ является исторически единым — *-в*(*у*)-/*-бу-* (ряд других алломорфов обусловлен предшествующим согласным глагольной основы или согласным последующего суффикса). Наиболее общим типом ПК, представленных в ТМЯ, являются лично-пассивные конструкции (ЛПК) с подлежащим в именительном падеже, которые отмечены

во всех ТМЯ. При этом, в солонском и маньчжурском языках в специальной литературе упоминаются только ЛПК. Скорее всего в этих языках БПК вообще отсутствовали всегда.

В специальной литературе по нанайскому и наиболее близкому ему ульчскому языку приводились (хотя и в иной терминологии) только БПК ([Аврорин 1961: 84–92] применительно к найхинскому говору нанайского языка; [Суник 1985: 44] применительно к ульчскому языку). Однако материалы, представленные в текстах по нанайским говорам [Аврорин 1986] и по ульчскому языку [Суник 1985], убедительно свидетельствуют о том, что в этих языках (по крайней мере в некоторых говорах) представлены также и лично-пассивные конструкции, например:

НАНАЙСКИЙ, гаринский говор [Аврорин 1986: 39]

(12) *Ми унгчупум-би, јангпам-би хайди анго-по-ха?* ‘Мой-бубен (и) мой-пояс из-чего сделаны?’;

УЛЬЧСКИЙ [Суник 1985: 63]

(13) *Тиду чупал ингда уй-у-хэн* ‘Там все собаки привязаны’.

Таким образом, большинство ТМЯ (эвенкийский, эвенский, негидальский, нанайский, ульчский, орокский, удэгейский и орочский) имеют оба типа конструкций с пассивными формами — как ЛПК, так и БПК.

4.1. Семантические и синтаксические признаки ТМ лично-пассивных конструкций

Главной функцией эвенкийских ЛПК, как и во многих других разноструктурных языках, является топикализация пациенса или темы с вынесением последних в позицию подлежащего. При этом неизбежным и очевидным сопутствующим обстоятельством является уход агенса с позиции подлежащего. Круг эвенкийских транзитивов, способных функционировать в лично-пассивных конструкциях, достаточно широк и насчитывает не менее нескольких сотен глагольных лексем. Как отметила Е. В. Падучева, в случае употребления пассивных конструкций происходит изменение коммуникативного ранга участников ситуации [Падучева 2004: 425]. Сходным образом определяют прагматические особенности пассивных конструкций (в отличие от соответствующих активных конструкций) И. А. Мельчук [1998: 162] и В. С. Храковский [1974: 45].

Агенс в эвенкийских лично-пассивных конструкциях с глагольными формами, образованными от большинства исходных транзитивов, может быть выражен существительным или местоимением в дательном падеже (см. (14), (15)). Исключение здесь составляют транзитивы чувственного восприятия *ичэ-* ‘увидеть’ и *долды-* ‘услышать’, в которых агенс не может быть выражен вообще (см. (16) и (17)).

ЭВЕНКИЙСКИЙ

(14а) *Тар бэе дю-ва* (вин.п.) *оо-ча-н* ‘Тот человек дом построил’

(14б) *Эр дю* (им.п.) *тар бэе-ду* (дат.п.) ***оо-в-ча*** — букв. ‘Этот дом тем человеком **построен**’;

ЭВЕНКИЙСКИЙ

(15а) *Хуркэкэн улуки-вэ ваа-ча-н* ‘Мальчик убил белку’

(15б) *Улуки* (*хуркэкэн=ду*) ***ваа-в-ча-н***/***ваа-п-ча-н*** ‘Белка убита (мальчиком)’.

(16) *Умнэт дю ичэ-ву-л-лэ-н* ‘Вдруг дом показался’ (букв. ‘начал-быть-видимым’);

(17) ⟨…⟩ *умнэт аса-л икэ-р-тын долды-в-ра-∅* ‘⟨…⟩ вдруг песни женщин послышались’.

Основными значениями, выражаемыми пассивными формами в ТМЯ, являются перфектное (см. (14) и (15)) и результативное (см. (18)), реже передаются акциональное (см. (19)) и пермиссивное (см. (20)) значения, например:

(18) *Дю-ла-ви ис-та-н*, *тыгэ-л-ин тыпа-в-ча-л*, *усэгэни-в-чэ-л.* ‘(Он) до своего дома дошел, (там) чашки-его испачканы, разбросаны’;

(19) *Сулаки аги-ли нгэнэ-де-нэ, этыркэн бэркэн-ду-н гарпа-в-ра-н*. букв. ‘Лиса, по-тайге идя, старика (стариковым) самострелом выстрелена-была’;

(20) *Сулаки нунган-дун э-денгэ буу-в-рэ.* букв. ‘Лиса ему не дается’ (т. е. ‘не позволяет охотнику поймать себя’).

В лично-пассивных конструкциях, приведенных выше, имеет место факультативное или облигаторное уменьшение числа обязательных синтаксических валентностей на единицу. Иными

словами, агентивная валентность либо становится факультативной (с абсолютным большинством транзитивов), либо становится закрытой (с глаголами чувственного восприятия).

С эвенкийскими лично-пассивными конструкциями с пассивными формами, образованными от семи «погодных» интранзитивов, двух интранзитивов движения и нескольких дериватов с результативным показателем *-чА* ситуация противоположная (эти эвенкийские лично-пассивные конструкции подробно рассматриваются в [Недялков 1990]). В них происходит увеличение числа обязательных семантических и синтаксических валентностей на единицу. Такое преобразование, связанное с повышающей актантной деривацией, может характеризовать лично-пассивные глагольные формы этих более редких типов как находящиеся на границе залоговых и актантно-деривационных преобразований. Отмечу еще раз, что список глаголов, участвующих в этих ЛПК, является очень ограниченным. Приведу примеры этих типологически нетривиальных типов пассивных конструкций, представленных также в эвенском, нанайском и удэгейском языках:

ЭВЕНКИЙСКИЙ

(21а) *Удун-дерэ-н* букв. ‘Дождит’ (т. е. ‘Идет дождь’) —

(21б) *Би удун-му-∅-м* ‘Я попал под дождь (и промок)’ (букв. ‘Я обдожден’);

(22а) *Хэвэкэ нэкун-ин суру-рэ-н* ‘Брат Ховоко ушел’ —

(22б) *Хэвэкэ нэкун-ин суру-в-рэ-н Нирумня-л-ду* букв. ‘Брат Ховоко был уйден (т. е. был уведен) Нирумнялями’;

(23а) *Тар дукулан тар книга-ва* (вин.п.) *дуку-дяра-н* (активная конструкция) ‘Тот писатель ту книгу пишет’

(23б) *Тар книга* (**тар дукулан-ди*) *аят дуку-ча-дяра-н* (результативная конструкция; выражение агенса невозможно) букв. ‘Та книга (*тем писателем) хорошо написана’

(23в) *Тар книга тар дукулан-ди аят дуку-ча-в-дяра-н* (пассив от результативной формы; выражение агенса в последней конструкции обязательно) букв. ‘Та книга тем писателем хорошо написана’.

Таким образом можно сделать вывод, что в целом область ЛПК в ТМЯ может быть определена как зона, характеризующаяся определенной синтаксической устойчивостью в течение последних двух тысячелетий развития ТМЯ. При этом, однако, особое место занимают специфические для эвенского и удэгейского языков ЛПК с удержанным прямым дополнением (при наличии агентивного дополнения в дательном падеже), которые скорее всего являются результатом собственного синтаксического развития этих двух языков, например:

ЭВЕНСКИЙ

(24а) *Би накат-ту* (дат.п.) *маа-в-ра-м* ‘Я медведем убит’ →

(24б) *Би накат-ту* (дат.п.) *хин-у* (вин.п.) *маа-в-ра-м* ‘Я медведю тебя дал-убить’ (А. Л. Мальчуков, личное сообщение);

УДЭГЕЙСКИЙ

(25) *Су мама?аса-ŋати-фи ти-у-гэ-ху мэргэ-ду* (дат.п.) букв. ‘Вы невесту-свою отняты-вы героем’, т. е. ‘Герой отнял у вас вашу невесту (по вашей вине)’ (пример Е. Р. Шнейдера из собранного им и неопубликованного сборника удэгейских сказок; знак вопроса в его записях обозначал гортанный смычный).

Подобные конструкции (типа (24б) и (25)) невозможны в остальных тунгусских языках, например, в эвенкийском и орокском.

4.2. Семантические и синтаксические признаки ТМ безлично-пассивных конструкций.

Безличность для ТМЯ может быть определена аналогично безличности в русском и других славянских языках по двум признакам: это, во-первых, отсутствие и невозможность включения в безличную конструкцию подлежащего (имени в именительном падеже), и, во-вторых, отсутствие согласования в лице-числе (или, иначе говоря, изменения по лицам-числам) безличной глагольной формы. Отмечу, что определение безличности для конкретных языков может существенно расходиться с типологическим определением безличности/имперсональности. Сравним определение безличных (имперсональных) конструкций, принятое в типологическом томе «Impersonal Constructions»: это — «constructions lacking a referential subject» [Malchukov, Ogawa 2011: 20]. Такое

типологическое определение безличности позволяет включать в разряд безличных не только собственно безличные (типа *Светает*; *Меня знобит*), но и неопределенно-личные (например: *В дверь постучали*; *Из школы приходили*; *Man sagt*) и обобщенно-личные (*Цыплят по осени считают*) конструкции, а также ряд других конструкций (например, так называемые presentationals). Кроме того, типологическое определение безличности позволяет выявлять безличные конструкции в беспадежных, эргативных, полисинтетических, инкорпорирующих и даже изолирующих языках, что отражено в статьях вышеназванной коллективной монографии «Impersonal Constructions».

Для целей настоящей работы необходимым и достаточным является ‘сильное’ определение безличности, включающее невозможность появления канонического подлежащего — имени в именительном падеже (при наличии развитого падежного словоизменения в ТМЯ), и отсутствие лично-числового согласования в глаголе (при наличии согласовательных показателей у всех видовременных финитных форм рассматриваемых языков), например («нуль» в нижеследующих примерах обозначает отсутствие и невозможность в подобных случаях согласовательных показателей в глаголе):

ЭВЕНКИЙСКИЙ

(26) *Тар амут-ту* ***олломочи-в-дянга-∅***. ‘На том озере **рыбу-ловить-можно**’.

Эвенкийские безлично-пассивные конструкции (БПК) всегда выражают одно из модальных значений: либо значение долженствования, либо значение возможности, в то время как в нанайском языке имеются БПК как с причастием настоящего времени на *-ри*, выступающие в конструкциях с модальным значением необходимости (см. (27)), так и с причастием прошедшего времени на *-ха*(*н*), выражающими перфектное значение, например:

НАНАЙСКИЙ

(27) *Инда-сал-ду* (дат.п.) *далом-ба* (вин.п.) ***бу-ву-ри-∅***. ‘Собакам необходимо давать корм’ (букв. ‘дается корм’).

НАНАЙСКИЙ

(28) *Инда-сал-ду далом-ба* ***бу-ву-хэн***. ‘Собакам был дан корм’.

БПК (в иной терминологии — имперсональные конструкции) находятся на пересечении собственно залоговых и предикатно-актантных конструкций, поскольку в случае БПК имеет место отсутствие соответствующей активной конструкции с тем же набором семантических и синтаксических актантов, ср. эвенкийские конструкции (29) и (30):

(29) *Бэюмимни умун-ду тыргани-ду туннга-ва дэнгке-л-вэ ваа-дянга-н* ‘За один день охотник убьет (может добыть) пять соболей’;

(30) *Умун-ду тыргани-ду туннга-ва дэнгке-л-вэ ваа-в-дянга-∅*. ‘За один день можно добыть пять соболей’.

Существенным отличием эвенкийских, нанайских и удэгейских БПК (для остальных тунгусских языков ввиду недостаточности языковых материалов ситуация остается неясной) является то, что для БПК в отличие от ЛПК практически нет лексических ограничений (за исключением тривиальных семантических, включающих, например, отрицательные модальные глаголы). Пассивные глагольные формы, способные выступать в БПК, образуются не только от большинства переходных глаголов (как и в случае ЛПК, за исключением эвенского языка), но и от большинства непереходных глаголов.

В тунгусских языках представлены два основных типа положительных и отрицательных БПК (периферийные типы БПК, свойственные отдельным ТМЯ, в статье не рассматриваются): первый тип — с пассивной формой модального причастия (или отрицательного глагола э- ‘не быть’) на *-дянга*/*-денгэ* и второй тип — с пассивной формой причастия настоящего времени на *-ри* (и вариантов этого показателя по отдельным языкам: ороч., удэг. *-йи*, негид. *-(в)-ви*).

4.2.1. Утвердительные безлично-пассивные конструкции первого типа

ЭВЕНКИЙСКИЙ

(31) *Сунгта-ли сингилгэн-дули нгэнэ-в-денгэ-∅* — ‘По глубокому снегу можно пройти’ (букв. ‘пройдется’); *Тар сэктэвун-ду аа-в-дянга-∅* ‘На той постели (подстилке из еловых веток) можно спать’;

УДЭГЕЙСКИЙ

(32) *O-du zugdi-we* (вин.п.) *wo-u-zeŋe* ‘Здесь дом необходимо/надо построить’ [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 580].

4.2.2. Отрицательные безлично-пассивные первого типа (со значением невозможности):

ЭВЕНКИЙСКИЙ

(33) *Урэ-ду дю-я э-денгэ хавали-в-ра* — ‘На горе чум нельзя построить’;

УДЭГЕЙСКИЙ

(34) *E-u-zeŋe diga* ‘то, что не может быть съедено’ [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 234].

Отмечу различное расположение показателя пассива в приведенных примерах. Если в эвенкийском примере (33) показатель пассива *-в-* присутствует в форме смыслового глагола *хавал-* ‘работать’ (в данном примере ‘строить’), то в удэгейском примере (34) показатель пассива *-у-* присутствует в форме отрицательного глагола *э-* ‘не быть/не делать’.

4.2.3. Утвердительные безлично-пассивные конструкции второго типа

ОРОЧСКИЙ

(35) *Таанти микки-вэ* (вин.п.) *ваа-ву-йи* ‘Таких змей нужно убивать’ (букв. ‘Таких змей убивается’) [Аврорин, Болдырев 2001: 180]; *Моо тэнгэн-ду-ни* (дат.п.) *аапи-му-йи* ‘Следует лечь под деревом’ (там же);

УДЭГЕЙСКИЙ

(36) *Čaja-wa* (вин.п.) *olokto-u-ji* ‘Чай кипятят’ / ‘Чай должен быть вскипячен’ [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 578].

В якутских говорах эвенкийского языка также засвидетельствованы формы пассивного причастия на *-в-ри*, но употребляются они в лично-пассивных конструкциях с модальным значением необходимости, например:

ЭВЕНКИЙСКИЙ

(37) *Тавар ила-в-ри моо* ‘Это дерево, которое должны использовать на топку’ (букв. ‘Вот-это сжигаемое дерево’) [Романова, Мыреева 1964: 115].

4.2.4. Отрицательные безлично-пассивные конструкции второго типа

ОРОКСКИЙ

(38) *Э-ву-ри омго ча сахурре* (вин.п.) ‘Нельзя забывать этой сказки’ (экспедиционные материалы автора статьи);

УДЭГЕЙСКИЙ

(39) *Suese-we* (вин.п.) *e-u-ji aisi-gi* ‘Этот топор невозможно починить’ [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 578].

Можно сделать вывод, что в отличие от ЛПК область БПК в ТМЯ может быть определена как зона, характеризующаяся синтаксической неустойчивостью, поскольку, во-первых, в маньчжурском и солонском БПК вообще не представлены, и, во-вторых, в остальных тунгусских языках ТМЯ (за исключением вышеприведенных общих структур) БПК характеризуются существенными морфосинтаксическими отличиями, которые нуждаются в дальнейших исследованиях.

5. Формальные, семантические и синтаксические признаки ТМ декаузативных конструкций. Непродуктивные формы морфологического рефлексива в ТМЯ

Как известно, декаузативы обозначают спонтанно произошедшее действие или изменение состояния объекта, которые не подразумевают наличия агенса как сознательно и активно действующего, а также затрачивающего определенные усилия участника выражаемой ситуации (чаще всего человека). Тунгусо-маньчжурские декаузативные формы образуются от весьма ограниченного круга транзитивов (не более пятидесяти). При этом, общими для всех или большинства тунгусских языков являются дериваты со следующими значениями (ниже приводятся эвенкийские формы):

(40) *мана-* ‘закончить’ — *мана-в-*/ *мана-п-* ‘закончиться’;
ула- ‘намочить’ — *ула-п-*/*ула-в-* ‘намокнуть’;
сула- ‘оставить’ — *сула-п-* ‘остаться’;
дас- ‘закрыть, накрыть’ — *даси-в-* ‘закрыться, накрыться’;
нии- ‘открыть’ — *нии-в-* ‘открыться’;
учи- ‘намотать, свить’ — *учи-в-* ‘намотаться, свиться’;
соли- ‘смешать, перемешать’ — *соли-в-*/*соло-п-* ‘смешаться, перемешаться’;

хаю- ‘сломать, разбить’ — *хаю-п-* ‘сломаться, разбиться’;
нянгня- ‘пачкать, мазать’ — *нянгня-в-* ‘(ис)пачкаться, (из)мазаться’ (о посуде);
сии- ‘гасить’ — *сии-в-* ‘гаснуть’

Например:

(41а) *Тар бэе дяв-ва сукча-ра-н.* ‘Тот мужчина поломал/сломал лодку’;

(41б) *Дяв сукча-в-ра-н* ‘Лодка сломалась’ (сама по себе, например, от удара о берег, без вмешательства человека) или же ‘Лодка была сломана (кем-то)’.

(42а) *Нунган ирэксэ-вэ ула-ра-н* — ‘Она шкуру намочила’ (активная конструкция);

(42б) *Ирэксэ ула-п-та-н* — ‘Шкура (сама) намокла’ (декаузатив);

(42в) *Асаткан ула-п-та-н* — ‘Девочка промокла’ (например, под дождем или упав в реку).

Таким образом, некоторые декаузативные конструкции (ср. (41б)) могут иметь и лично-пассивную интерпретацию.

Каждый из ТМЯ имеет дополнительные списки декаузативов. Так, например, в список особых эвенкийских декаузативов (многие из которых могут иметь и пассивное употребление) входят следующие дериваты:

(43) *этэ-в-*/*этэ-п-* ‘кончиться’ (от *этэ-* ‘кончить’), *сукча-в-*/*сукча-п-* ‘сломаться’ (от *сукча-* ‘сломать’), *сокори-в*/*сокори-п-* ‘потеряться’ (от *сокор-* ‘потерять’), *анга-в-*/*анга-п-* ‘открыться’ (от *анга-* ‘открыть’), *ирии-в-*/*ирии-п-* ‘свариться’ (и ‘быть сваренным’; от *ирии-* ‘варить’), *чакили-в-*/*чакили-п-* ‘запутаться, свернуться’ (например, о сетях) (от *чакил-* ‘запутать, свернуть’).

Добавлю, что выделяемый В. А. Аврориным в нанайском языке страдательный залог на *-п-* [Аврорин 1961: 40–42] фактически таковым не является, будучи на самом деле по ряду существенных признаков категорией декаузатива (очень ограниченный охват глаголов, значение спонтанности возникшего состояния и отсутствие Агенса в семантическом представлении выражаемой ситуации), ср. примеры самого В. А. Аврорина:

НАНАЙСКИЙ [Аврорин 1961: 42]

(44а) *Собрание элэ ходи-п-чи* ‘Собрание скоро кончается (кончится)’;

(44б) *Буэ бим-пу улэн баронi кала-п-дяра* ‘Наша жизнь к лучшему изменится’;

(44в) *Муэ-вэ* (вин.п.) *евэриру, тукуру тиас дяло-п-гоани* ‘Воды налей, чтобы бутылка до краев наполнилась’.

В заключение этого раздела скажем несколько слов о категории рефлексива, отметив предварительно, что все ТМЯ образуют рефлексивные конструкции с помощью специализированных местоимений. Например, в эвенкийском языке такими возвратными местоимениями являются элементы мээнми ‘себя’ (для единственного числа всех лиц) и мээрвэр ‘себя’ (для множественного числа всех лиц). При этом, все ТМЯ имеют очень ограниченные списки морфологических форм с показателями пассива/декаузатива *-бу-*/*-в*(*у*)*-*/*-п-* (не более десяти дериватов по отдельным языкам), в которых может быть усмотрено рефлексивное значение, например:

ЭВЕНКИЙСКИЙ

(45) *ай-* ‘спасти’ — *аи-в-* ‘спастись’ (и ‘быть спасенным’); *ваа-* ‘убить’ — *ваа-п-* ‘пораниться, ушибиться’ (и ‘быть убитым’); *тыпа-* ‘запачкать’ — *тыпа-в-* ‘запачкаться’ (и ‘быть запачканным’);

ЭВЕНСКИЙ

(45б) *маа-* ‘убить’ — *маа-п-* ‘убить себя’, ‘пораниться’; *нок-* ‘повесить’ — *нок-у-* ‘повеситься’ (также ‘быть повешенным’); *гаю-* ‘поранить’ — *гаю-п-* ‘пораниться’;

НАНАЙСКИЙ

(45в) *чали-* ‘резать’ — *‘чали-п-* ‘порезаться’, *бэи-* ‘обморозить’ — *бэи-п-* ‘обморозиться’;

ОРОЧСКИЙ

(45г) *няка-* ‘пачкать’ — *няка-п-* ‘испачкаться’, *игди-* ‘причесывать’ — *игди-п-* ‘причесываться’;

МАНЬЧЖУРСКИЙ

(45д) *дали-* ‘закрыть’ — *дали-бу-* ‘закрыться, заслониться’, *бури-* ‘покрыть, накрыть’ — *бури-бу-* ‘покрыться, накрыться’, *ачжа-*

‘надрезать, сделать рану, надрез’ — *ачжа-бу-* ‘порезаться’, *лакя-* ‘повесить’ — *лакя-бу-* ‘повеситься’, например:

ЭВЕНКИЙСКИЙ

(46) *Нунган **аи-в-ра-н***. — ‘Он **спасся**’ (также может означать ‘Он был спасен’).

6. Пути грамматикализации форм пассива, декаузатива и морфологического рефлексива в ТМЯ и балто-славянских языках

В начале этого раздела напомню два существенных обстоятельства. Во-первых, один и тот же тунгусский глагольный показатель *-в*(*у*)- (и его варианты), присоединяясь к глагольным основам разных валентностных типов, может образовывать существенно различающиеся с семантической и синтаксической точек зрения формы, функционирующие в лично-пассивных, имперсональных, каузативных, декаузативных и рефлексивных конструкциях. И, во-вторых, все тунгусские языки характеризуются наличием серьезных лексических ограничений, связанных с производными глагольными формами «старого» каузатива на *-в*(*у*)-, декаузатива на *-в*/*-п*/*-бу* и особенно морфологического рефлексива.

Семантически исходной точкой рассматриваемых форм без сомнения было каузативное значение, преобразовавшееся через значение рефлексивного пермиссива (‘позволить себя убить, ранить’ и т. п.) в пассивное употребление (‘быть убитым’ и т. п.) [Gabelentz 1861: 516–529; Кормушин 1976: 89–31]. В этой связи любопытно сравнить направление семантического развития глагольных форм с рассматриваемыми показателями в ТМЯ в языках других типологических систем, например, в балто-славянских. Как представляется, направление грамматикализации форм пассива зависит от первичной семантики этого суффикса. Если она первично рефлексивна (ср. возвратные формы в балтийских и славянских языках, в частности, русский постфикс *-ся*), то направление семантической эволюции является следующим: «рефлексив → декаузатив → пассив» [Генюшене 1983: 47]. Если же первичная семантика показателя каузативна (как в ТМЯ), то возможный путь семантического развития таков: «каузатив → (+/– рефлексивный) пермиссив → пассив → декаузатив → рефлексив». Иными

словами, направление семантического развития глагольного показателя по пути грамматикализации пассивного форманта может быть противоположным. Проблема семантической мотивировки перехода от одной смысловой ступени к другой (в частности выявление общих смысловых компонентов соседних значений) нуждается в дополнительном исследовании. Но, в любом случае, изложенные сравнительные данные, характеризующие направление грамматикализации пассивного показателя в двух типологически разных группах языков в определенной степени подрывают универсальность принципа однонаправленности семантического развития грамматических показателей.

Литература

Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М. — Л.: АН СССР, 1961.

Аврорин 1986 — В. А. Аврорин. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986.

Аврорин, Аврорин 2001 — В. А. Аврорин, В. А. Аврорин. Грамматика орочского языка. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001.

Генюшене 1983 — Э. Ш. Генюшене. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Автореф. дисс. … докт. филол. наук. Вильнюс, 1983.

Захаров 1879 — И. Захаров. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879.

Кормушин 1976 — И. В. Кормушин. О пассивном значении каузативных глаголов // С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев (ред.). Turcologica. Л.: Наука, 1976. С. 89–93.

Мальчуков 1999 — А. Л. Мальчуков. Синтаксис простого предложения в эвенском языке (структурные и семантические аспекты). СПб.: Наука, 1999.

Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II. Часть вторая: Морфологические значения. Москва — Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998.

Недялков 1971 — В. П. Недялков. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. Л.: Наука, 1971.

Недялков 1990 — И. В. Недялков. Глагольные категории в эвенкийском языке (залог и вид). Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1990.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Диатеза как метонимический сдвиг // В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 424–444.

Певнов 1997 — А. М. Певнов. Чжурчженьский язык // В. М. Алпатов и др. (ред.). Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 260–267.

Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Романова, Мыреева 1964 — А. В. Романова, А. Н. Мыреева. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М. — Л.: Наука, 1964.

Суник 1962 — О. П. Суник. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках: Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М. — Л.: АН СССР, 1962.

Суник 1985 — О. П. Суник. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985.

Храковский 1970 — В. С. Храковский. Конструкции пассивного залога (определение и исчисление) // А. А. Холодович (ред.). Категория залога. Материалы конференции. Л.: ЛО ИЯ АН СССР, 1970. С. 27–41.

Храковский 1974 — В. С. Храковский. Пассивные конструкции // А. А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л.: Наука, 1974. С. 5–45.

Храковский 2004 — В. С. Храковский. Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы — испытание временем) // В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 505–519.

Comrie, Smith 1977 — B. Comrie, N. Smith. Lingua descriptive studies: Questionnaire // Lingua 42, 1, 1977. P. 1–72.

Gabelentz 1861 — H. C. von der Gabelentz. Über das Passivum. Leipzig: Hirzel, 1861.

Li, Whaley 2012 — F. Li, L. Whaley. The grammaticization cycle of causatives in Oroqen Dialects // A. Malchukov, L. Whaley (eds.). Recent Advances in Tungusic Linguistics. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. P. 165–180.

Malchukov, Ogawa 2011 — A. Malchukov, A. Ogawa. Towards a typology of impersonal constructions: A semantic map approach // Impersonal Constructions: A Cross-Linguistic Perspective. Amsterdam: Benjamins, 2011. P. 19–56.

Malchukov, Siewierska (eds.) 2011 — A. Malchukov, A. Siewierska (eds.). Impersonal Constructions: A Cross-Linguistic Perspective. Amsterdam — Philadelphia: Benjamins, 2011.

Nedjalkov 1991 — I. V. Nedjalkov. Recessive-accessive polysemy of verbal suffixes // Languages of the World. Vol. I. München: Lincom Europa, 1991. P. 4–31.

Nedjalkov 1993 — I. V. Nedjalkov. Causative-passive polysemy of the Manchu-Tungusic *-bu*/*-v*(*u*) // Linguistica Antverpiensia XXVII, 1993. P. 193–202.

Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. A Grammar of Udihe. [Mouton Grammar Library 22]. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2001.

Shibatani (ed.) 1988 — M. Shibatani (ed.). Passive and Voice [Typological Studies in Language 16]. Amsterdam: John Benjamins, 1988.

Siewierska 1984 — A. Siewierska. The Passive: A Comparative Linguistic Analysis. London: Croom Helm, 1984.

Yap, Iwaski 2007 — F. Ha Yap, Sh. Iwasaki. The emergence of 'give' passives in East and Southeast Asian languages // M. Alves, P. Sidwell, D. Gil (eds.). Papers From the 8th Meeting of the Southern Asian Linguistic Society. Canberra: Pacific Linguistics, 2007. P. 193–208.

Т. В. Никитина

НИУ ВШЭ, Москва

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ПЕРФЕКТА И ПАССИВА: О ДВУХ ТИПАХ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛАБИЛЬНОСТИ В ЯЗЫКАХ МАНДЕ

1. Вводные замечания

Одной из характерных черт многих языков манде является наличие в них глагольной лабильности, в том числе типологически редкого типа пассивной лабильности. Глагольная лабильность характеризуется употреблением одного и того же глагола, без каких-либо дополнительных показателей, в переходных и непереходных конструкциях. Несмотря на то, что традиционно глагольная лабильность не попадала в круг центральных тем, занимавших петербургских типологов, это явление представляет значительный интерес для исследований типологии актантной деривации и залога. В этой статье мне хотелось бы подчеркнуть сходство между явлениями, описанными в рамках исследований актантных деривaций и залогов в языках с богатой морфологией, и некоторыми явлениями, характеризующими употребление лабильных глаголов в языках манде. В частности, я постараюсь выявить взаимосвязь между типом лабильности и видо-временным значением в языке уан (южные манде) — взаимосвязь, которая не только играет важную роль в грамматике конкретного языка, но которую сложно было бы осмыслить без теоретической работы по обобщению типологического материала, в которую внес столь значительный вклад В. С. Храковский.

2. Обзор структурных особенностей языков манде

Для языков манде характерен типологически редкий порядок слов [Nikitina 2009, 2011]: подлежащее и прямое дополнение предшествуют глаголу, в то время как косвенные дополнения и обстоятельства следуют за ним, как в примере (1) из языка уан.

(1) *Dèlɔ̀tɔ́ séŋgè klā*
Д. нож класть:PAST
tābālí é tā
стол DEF на
‘Делото положил нож на стол’.

Как правило, подлежащее и прямое дополнение не могут опускаться, даже в тех случаях, когда они не отсылают к определенному референту. В языке уан, к примеру, неопределенное подлежащее и неопределенное прямое дополнение выражаются с помощью местоимения 3-го лица множественного числа и существительных с максимально общим значением (*pɔ̄* ‘предмет, нечто’, *mī* ‘человек, некто’), соответственно.

(2а) *a̰ séŋgè klā tābālí é tā*
3PL нож класть:PAST стол DEF на
‘Они положили нож на стол’. / ‘Нож был положен на стол’.

(2б) *Dèlɔ̀tɔ́ á pɔ̄ lɔ́ lé*
Д. COP нечто есть PROG
‘Делото ест’.

Обязательность выражения подлежащего и прямого дополнения позволяют судить с большой степенью уверенности о валентности глагола в каждом конкретном употреблении, при том, что какие-либо другие четкие критерии переходности (такие как, например, согласование) в языке уан отсутствуют.

Для языка уан характерно также отсутствие каких-либо показателей актантных дериваций. Так, например, каузация кодируется в языке уан перифрастически, ср. различные конструкции, описывающие в примерах (3а–в) различные типы каузации (физическую, словесную, неопределенную).

(3а) *nɛ̰́ é pɔ̄ é*
ребенок DEF нечто DEF
lɔ́-á lē é
есть-STAT.PERF женщина DEF
ɔ̀ŋlé (*kpálɛ́wā mì*)
из-за сила по
‘Ребенок был накормлен женщиной (насильно)’.
[физическая каузация]

(3б) *lɛ̄* *é* *gé* *nɛ́* *é* *pɔ̄*
женщина DEF говорить ребенок DEF нечто
é *lɔ́* *kpálɛ́wā* *mì*
DEF есть сила по
‘Женщина заставила ребенка есть’.
(Букв., ‘Женщина велела ребенку есть через силу’.)
[словесная каузация]

(3в) *lɛ̄* *é* *wɔ̄* *bé* *nɛ́*
женщина DEF делать:PAST затем ребенок
é *pɔ̄* *lɔ̄*
DEF нечто есть:PAST
‘Женщина сделала так, что ребенок поел’.
[неопределенный тип каузации]

Реципрокальность и рефлексивность также не выражаются с помощью особых показателей, а кодируются специальными местоимениями в позиции прямого дополнения (те же местоимения могут выполнять функцию косвенного дополнения, посессора и аргумента послелога):

(4) *lɛ̄-nɛ́* *dō* *é* *pōlī* *nɛ̀*
женщина-ребенок один REFL мыть:PAST место
‘В том месте мылась старуха’.

(5) *ā* *ɔ̄ŋ* *biō*
2PL RCPR бить:PAST
‘Они дрались’.

Отсутствие глагольных форм, соответствующих формам актантной деривации, компенсируется в языке уан богатой системой лабильных глаголов. Так, например, переходному употреблению глагола *klá* ‘класть’ (1), (6а) соответствует непереходное употребление в значении ‘прибывать, падать, устраиваться’ (6б).

(6а) *Dèlɔ̀tɔ́* *séŋgè* *klā* *tābālí* *é* *tā*
Д. нож класть:PAST стол DEF на
‘Делото положил нож на стол’.

(6б) *yrɛ́* *klā* *tā*
дерево падать:PAST на
‘На него упало дерево’.

В примерах (7а-б) один и тот же глагол употреблен непереходно в значении ‘входить’ и с прямым дополнением в значении ‘всовывать, вкладывать, укреплять’.

(7а) *è* *wiā* *kú* *é* *wā*
3SG входить:PAST дом DEF под
‘Он вошел в дом’.

(7б) *nə̀ə̀* *sə̀bl̀à* *wiá* *lé*
1SG+COP обувь всовывать PROG
‘Я надеваю обувь’.

Разница в переходности проявляется в данном случае исключительно в количестве синтаксических актантов: благодаря обязательности выражения подлежащего и дополнения, единственный актант в примере (7а) должен соответствовать подлежащему, а два предглагольных актанта в примере (7б) должны соответствовать подлежащему и прямому дополнению. Таким образом, определить валентность глагола в конкретном употреблении в языке уан оказывается в целом достаточно легко.

3. Типы лабильных глаголов

3.1. Агенсная и каузативно-декаузативная лабильность

Несмотря на относительную распространенность в языке уан явления глагольной лабильности, типы отношений между переходным и непереходным употреблениями глаголов оказываются существенно ограничены. Так, в языке уан практически отсутствует так называемая «агенсная» лабильность — тип отношения, при котором единственный актант непереходного употребления глагола соответствовал бы подлежащему того же глагола в переходном употреблении. Данный тип лабильности ограничен чрезвычайно узким набором глаголов. Так, хотя в примере (8а) в значении ‘приветствовать’ может употребляться два практически синонимичных переходных глагола *pótà* и *púlà*, в непереходной конструкции в (8б) употребляется только один из них:

(8а) *lɛ̄* *kɛ̄* *é* *ŋ̀* *pótā* /
женщина тот DEF 1SG приветствовать:PAST
púlā
приветствовать:PAST
‘Эта женщина приветствовала меня’.

(8б) *lɛ̄* *kɛ̄* *é* *pótā* /
женщина тот DEF приветствовать:PAST
**púlā*
приветствовать:PAST
‘Эта женщина произнесла приветствие’.

Основная масса лабильных глаголов относится к «пациенсному» типу лабильности: такие глаголы отождествляют единственного участника непереходного употребления с прямым дополнением переходного употребления. При этом переходное употребление описывает изменение состояния, вызванное внешней причиной (как правило, действиями агенса или природной силы), а непереходное употребление описывает изменение состояния, не обусловленное никакой определенной внешней причиной (агенс отсутствует). Примеры этого типа уже разбирались выше (6а–б); дополнительные примеры приводятся ниже.

(9а) *è* *póŋ̀* *yrɛ́* *é* *àī*
3SG топор дерево DEF ломать:PAST
‘Он сломал топорище’.

(9б) *yrɛ́* *gbɛ̄* *kái* *é* *bī* *ái*
дерево ветка сухой DEF PAST ломать
lé *à* *cɛ̰́* *wā*
PROG 3SG нога под
‘Сухие ветки ломались у него под ногами’.

(10а) *è* *pɔ̄* *dō* *nɔ̰̄nī*
3SG предмет один теряться:PAST
‘Он что-то потерял’.

(10б) *è* *nɔ̰̄nī* *kālɛ̄* *gó*
3SG теряться:PAST лес в
‘Он заблудился в лесу’.

(11а) *à̰* *yò* *mù* *é* *lígī*
3PL культовый.предмет PL DEF гореть:PAST
‘Они сожгли свои приношения’.

(11б) *kú* *é* *lígī*
дом DEF гореть:PAST
‘Дом сгорел’.

Набор лабильных глаголов соответствует универсальной шкале непроизвольности, разработанной на материале морфологически маркированных каузативов и декаузативов в работах [Недялков 1969; Haspelmath 1993]. В основе этой шкалы лежит наблюдение о том, что некоторые ситуации с большей вероятностью описываются переходными глаголами с морфологически маркированным непереходным дериватом (декаузативом), в то время как другие типы ситуаций, напротив, чаще описываются непереходными глаголами с производным переходным дериватом (каузативом).

Расположение отдельных глаголов на этой шкале соответствует вероятности того, что ситуация может возникнуть спонтанно, без непосредственного внешнего воздействия. Так, например, ситуации, описываемые глаголами со значением ‘смеяться’, часто не обусловлены прямым внешним воздействием и не контролируются каким-либо агентивным участником. Ситуации, описываемые глаголом ‘мыть’, напротив, обычно предполагают активную вовлеченность агенса. На отрезке шкалы, приведенном в (12), значениям, выделенным жирным шрифтом (‘таять’, ‘закрывать’), в языке уан соответствуют лабильные глаголы. В соответствии с предсказанием универсальной шкалы непроизвольности, глагол ‘смеяться’ строго непереходный, глагол ‘мыть’ — строго переходный.

(12) ‘смеяться’ > ‘**таять**’ > ‘**закрывать**’ > ‘мыть’

Типы действий, спонтанное совершение которых маловероятно, не имеют в языке уан непереходного употребления (таковы, например, глаголы, описывающие действия, предполагающие активную вовлеченность агенса: *pólì* ‘мыть’, *biò* ‘бить’, *drò* ‘готовить’). Кроме того, переходные глаголы, не обозначающие изменения состояния, также не допускают непереходного употребления (ср., например, глагол говорения *pé* ‘говорить’ или глаголы восприятия *mɔ̰̀* ‘слышать’ и *é* ‘видеть’).

Взаимосвязанность глагольной лабильности и вероятности спонтанного изменения состояния проявляется во всех семантических классах глаголов. Так, например, у глаголов перемещения валентность глагола достаточно четко соотносится с его значением. Перемещения, обусловленные внутренней причиной, строго непереходны. Подлежащее таких глаголов всегда отсылает к предмету,

способному к самостоятельному перемещению, т. е. к одушевленному существу или транспортному средству. Использование таких глаголов в переходной конструкции в каузативном значении невозможно (ср. 13).

(13) **Dèlɔ̀tɔ́ ŋ̀ gā kú wā*
Д. 1SG идти:PAST дом под
Ожид.: ‘Делото сделал так, что я зашел в дом’.

Типы перемещения, которые могут быть как спонтанными, так и вызванными внешним воздействием, описываются с помощью лабильных глаголов, т. е. глаголов, допускающих как переходное, так и непереходное употребление. При этом подлежащее таких глаголов не обязательно отсылает к объекту, способному к самостоятельному перемещению (ср. описание спонтанного падения в (14а) и описание падения, спровоцированного действиями агенса, в 14б).

(14а) *yrɛ́ kɛ̄ é siā*
дерево тот DEF падать:PAST
‘Это дерево упало’.

(14б) *lā ŋ pɔ̄ dō siā*
2SG PERF предмет один падать
‘Ты что-то уронил’.

Наконец, типы перемещения, предполагающие внешнее воздействие, описываются строго переходными глаголами, ср. (15а–б):

(15а) *Dèlɔ̀tɔ́ éé séŋ́gè é bīlā é*
Д. REFL нож DEF тянуть:PAST REFL
tōā gó
карман в
‘Делото вытащил свой нож из кармана’.

(15б) **séŋ́gè é bīlā tōā gó*
нож DEF тянуть:PAST карман в
Ожид.: ‘Нож вытянулся из кармана’.

Итак, при рассмотрении данного типа лабильности обнаруживается, что наличие или отсутствие переходного и непереходного употребления достаточно четко коррелируют с определенными семантическими характеристиками конкретного глагола,

и в этом смысле этот тип лабильности функционирует аналогично актантной деривации в языках с морфологическими показателями каузатива и/или декаузатива. Соответственно, каузативно-декаузативную лабильность можно описывать в терминах относительно регулярной лексической полисемии, как одновременное соответствие одному глаголу двух различных моделей управления.

3.2. Пассивная лабильность

Помимо лабильного употребления каузативно-декаузативного типа, в языке уан засвидетельствован принципиально иной тип лабильности, во многом схожий по своим функциям с залогом в языках с богатой морфологией. Это так называемая «пассивная» лабильность, предполагающая непереходное употребление переходных глаголов без какого-либо существенного переосмысления описываемой ситуации, то есть без изменения глагольного значения. Иными словами, при непереходном употреблении глагола единственный выраженный актант соответствует пациенсу (как и в типичных случаях каузативно-декаузативной лабильности), однако несмотря на то, что агенс остается неназванным, его активное участие в ситуации подразумевается, и изменение состояния отнюдь не воспринимается как происшедшее спонтанно, без активного внешнего воздействия. В языках мира этот тип лабильности встречается достаточно редко [Летучий 2009], однако он широко представлен в центральных манде, где он формально не отличим от других типов лабильности, в частности, от каузативно-декаузативной лабильности. Так, например, в бамана практически любой переходный глагол может быть употреблен непереходно в пассивном значении [Creissels 2010], ср. (16а–б)

(16а) *wùlu* *má* *sògo* *dún*
собака:DEF PERF.NEG мясо:DEF есть
‘Собака не ела мясо’.

(16б) *sògo* *má* *dún* (*wùlu* *fɛ̀*)
мясо:DEF PERF.NEG есть собака:DEF POSTP
‘Мясо не было съедено (собакой)’.

Если в бамана агенс может быть выражен с помощью послеложной группы, то в аналогичной конструкции в мандинка агенс выражен быть не может; в остальном пассивное употребление выглядит точно так же [Creissels 2010].

В какабе все переходные глаголы допускают пассивное употребление, независимо от их семантики [Выдрина 2009: 41]. Пример (17) особенно интересен тем, что он иллюстрирует пассивное употребление глагола, не обозначающего никакого воздействия на пациенса. Пассивное употребление мотивировано в данном случае исключительно способностью глагола сочетаться с каким-либо прямым дополнением, то есть чисто синтаксическими свойствами глагола.

(17а) *Séɛku bati lér kélen kúma Fánta fɛ̂*
С. PERF час один разговаривать Ф. с
‘Секу проговорил с Фантой час’.

(17б) *lér kélen bati kúma*
час один PERF разговаривать
‘[Они] говорили час’ (букв. ‘Час был проговорен’).

В отличие от центральных манде, в которых различные типы глаголов употребляются непереходно в пассивном значении достаточно свободно, в южных манде проявления пассивной лабильности связаны с различного рода ограничениями. В гуро пассивное употребление возможно только с подклассом неодушевленных пациенсов «контролирумых не-деструктивных» воздействий [Кузнецова 2011]. В муан пассивная лабильность не засвидетельствована вовсе (Перехвальская, л. с.). Наконец, в уан действуют достаточно жесткие контекстные ограничения на пассивное употребление переходных глаголов, которые и будут рассмотрены далее.

Ниже приводятся примеры пассивного употребления некоторых глаголов в прошедшем времени (прошедшее время маркируется в языке уан с помощью изменения тона глагола).

(18а) *lɔ́ŋ-pɔ̄ é lɔ̄*
пища DEF есть:PAST
‘Пища была съедена’.

(18б) *bɛ̀ é mīsɛ̄*
слон DEF ранить:PAST
‘Слон был ранен’.

(18в) *lɔ́ŋ-pɔ̄ é drɔ̄*
пища DEF готовить:PAST
‘Пища была приготовлена’.

В отличие от непереходного употребления глаголов каузативного/декаузативного типа, пассивное употребление возможно лишь в ряде контекстов. Так, непереходное употребление, как правило, не встречается в перфекте (19а), в проспективе (19б) и в прогрессиве (19в). Все эти видовые конструкции образуются в языке уан с помощью вспомогательного элемента в позиции после подлежащего и перед глагольной группой [Nikitina 2007; Никитина 2009].

(19а) *??lɔ́ŋ-pɔ̄ é ŋ lɔ́*
пища DEF PERF есть
'Пища съедена'. [перфект]

(19б) **bè é zòŋ mìsɛ́-ŋ*
слон DEF PROSP ранить-PROSP
'Ожид.: 'Слон будет ранен'. [проспектив]

(19в) **lɔ́ŋ-pɔ̄ é á drɔ̀ lé*
пища DEF COP готовить PROG
'Пища готовится'. [прогрессив]

Ограничения такого рода указывают на то, что явление пассивной лабильности не может быть описано исключительно в терминах полисемии глагольной формы, так как такое описание не позволяло бы объяснить дополнительные ограничения на пассивное употребление.

Можно было бы предположить, что эти ограничения могут быть связаны с полифункциональностью отдельно взятой формы — единственной видо-временной формы, допускающей пассивное употребление, то есть формы прошедшего времени. Иными словами, форме прошедшего времени можно было бы приписать дополнительную функцию образования пассива. При ближайшем рассмотрении, однако, такое решение оказывается неудовлетворительным. Дело в том, что непереходное употребление с пассивным значением свойственно, помимо формы прошедшего времени, нефинитным формам глагола, т. е. формам, не являющимся сказуемым предложения. Такое употребление возможно при условии, что подлежащее нефинитной формы совпадает с подлежащим финитного глагола (т. е. в конструкциях с субъектным «контролем» подлежащего нефинитной клаузы). Так, в примере (20а)

подлежащее нефинитного глагола понимается как совпадающее с подлежащим финитного глагола (закончил есть тот, кто ел). В примере (20б) представлено пассивное употребление нефинитного глагола в той же конструкции.

(20а) *ŋ̀* *bō* *pɔ̄* *lɔ́* *yā*
1SG заканчивать:PAST нечто есть POSTP
‘Я закончил есть’.

(20б) *lɔ̀ŋ-pɔ̄* *é* *bō* *lɔ́* *yā*
пища DEF заканчивать:PAST есть POSTP
‘Пищу закончили есть’.

Такого рода примеры указывают на то, что, несмотря на достаточно серьезные контекстные ограничения, пассивное употребление не свойственно лишь отдельно взятой глагольной форме. Кроме того, на пассивное употребление нефинитных глаголов распространяются те же ограничения, что и на финитное употребление. Так, пример (21), отличающийся от примера (20б) лишь использованием перфектной конструкции, не допускает столь же свободного пассивного употребления, как конструкция с прошедшим временем.

(21) ??*lɔ̀ŋ-pɔ̄* *é* *ŋ* *bɔ̀* *lɔ́* *yā*
пища DEF PERF заканчивать есть POSTP
‘Пищу закончили есть’.

Влияние видо-временной формы главного глагола на возможность непереходного употребления зависимого глагола достаточно неожиданно, так как перфектная конструкция в примере (21) не затрагивает напрямую нефинитную клаузу. При этом ограничение на употребление в перфекте снимается в случаях, когда перфект сочетается с отрицанием, ср. пример (22):

(22) *lɔ̀ŋ-pɔ̄* *é* *ŋ* *bɔ̀* *lɔ́* *yā*
пища DEF PERF заканчивать есть POSTP
gbà *ɔ́*
еще NEG
‘Пищу еще не закончили есть’.

В следующем разделе я попытаюсь показать, что данный набор контекстных ограничений отнюдь не случаен, но связан с особыми свойствами пассивного употребления, характерными как

для языка уан, так и для многих языков с морфологическим пассивом. В частности, я постараюсь описать особенности пассивного употребления переходных глаголов с помощью ограничений на видо-временные характеристики высказывания и коммуникативный статус участников описываемой ситуации.

4. Ограничения на пассивное употребление

Ключом к пониманию контекстных ограничений на пассивное употребление в языке уан являются наблюдения над взаимосвязью между пассивной интерпретацией и видо-временной семантикой глагольных форм, сделанные на материале языков с морфологическим пассивом.

Широко известно, что перфект и прошедшее время нередко соотносятся с пассивным и эргативным синтаксисом [Comrie 1976: 84–86, 1981]. Эта соотнесенность проявляется прежде всего в том, что в языках с расщепленной системой маркирования актантов эргативность часто соотносится с перфектом или с прошедшим временем ([Dixon 1979: 93–96; Hopper, Thompson 1980; DeLancey 1981], inter alios). Кроме того, одна и та же форма глагола нередко совмещает значение прошедшего времени (а также результатива и перфекта) со значением пассива ([Недялков, Яхонтов 1983: 31–34], inter alios). Подобное совмещение засвидетельствовано, в частности, для армянской результативной конструкции, которая допускает пассивное прочтение без специального пассивного показателя [Козинцева 1974: 83; Comrie 1981: 73].

Похожее явление встречается в нивхском: пассивное прочтение определенного класса глаголов (глаголов изменения состояния) возможно только в перфектном результативе, при том, что морфологический пассив в нивхском языке отсутствует [Недялков и др. 1974]. Так, в примере (23) представлен обычный перфект. При подстановке в эту конструкцию глагола изменения состояния форма перфекта употребляется непереходно, и подлежащим становится пациенс, ср. (24а) и (24б). При этом в нивхских примерах имеются четкие указания на то, что пациенс выражается подлежащим в (24а), но дополнением в (24б): переходностью глагола определяется чередование его начального согласного, то есть форма перфекта несомненно является непереходной (а не представляет собой, к примеру, случай невыраженного подлежащего).

(23) *Andx p^{h}rə-nə-d’ if yim-ɣəta-d’*
гость приходить-FUT-3SG он обнаруживать-PERF-3SG
‘Он обнаружил, что гость придет’. [актив]

(24а) *Umgu t’us t^{h}a-d’*
женщина мясо жарить-3SG
‘Женщина пожарила мясо’.

(24б) *T’us řa-ɣəta-d’*
мясо жарить-PERF-3SG
‘Мясо пожарено’. [перфектный результатив]

Наконец, похожая зависимость между перфектом и пассивным употреблением засвидетельствована в древнегреческом эпосе: перфект (а также плюсквамперфект) соотносится в языке Гомера с непереходным употреблением ([Chantraine 1927; Перельмутер 1983]; ср. [Kulikov 1999, 2006] о санскрите; [Toyota, Mustafović 2006] о славянских языках). В частности, отдельные переходные глаголы употребляются в перфекте с пациенсом в качестве подлежащего:

(25а) *hôs ho mèn énth’ apólōle* (*Od*. 14. 137)
так он:NOM PRT там уничтожать:PERF.3SG
‘Так он погиб там’. (cf. *apóllumi* ‘уничтожать’)

(25б) *dóru d’ én kradíēi epepḗgei* (*Il*. 13. 442)
копье PRT в сердце:DAT.SG вонзать:PLQU.3SG
‘Копье вонзилось в сердце’. (cf. *pḗgnumi* ‘вонзать’)

Функциональное объяснение взаимосвязи пассивной интерпретации и перфектного/результативного значения было предложено в работе [Comrie 1981: 70–71]. В ней отмечается, что изменение состояния, наступающее в результате действия агенса, затрагивает в первую очередь пациенса двухместного глагола; то есть говоря о свершившемся в прошлом изменении состояния, мы прежде всего описываем состояние пациенса. Это объяснение связывает видо-временные характеристики высказывания и дискурсивные свойства пациенса, и объясняет как особенности пассивного употребления в языках типа нивхского [Comrie 1989: 119], так и ограничения на использование некоторых видо-временных форм в языке уан.

Если предположить, что пассивное употребление в языке уан возможно только при описании состояний, наступивших в

результате воздействия на пациенса, то становится ясно, почему пассивное употребление не сочетается с формами прогрессива и проспектива: эти формы описывают действия, находящиеся в срединной и подготовительной фазе развития, соответственно, и как таковые не могут быть использованы для описания состояния пациенса, наступившего в результате действия. Вероятно, по этой же причине пассивное употребление не сочетается в языке уан с агентивной послеложной группой: пассивное употребление соответствует результативному, стативному значению, которое не предполагает выражения инициатора воздействия.

Таким образом, с помощью взаимосвязанности пассивного употребления (описание состояния пациенса) и видо-временных характеристик высказывания удается объяснить, почему пассивное употребление не встречается в языке уан в контексте прогрессива и проспектива. Остается неясным, однако, почему пассивное употребление ограничено высказываниями в прошедшем времени и не встречается в контексте перфектной конструкции. Для того чтобы объяснить ограничение на пассивное употребление в перфекте, необходимо подробнее рассмотреть семантику и дискурсивную функцию перфектной конструкции, и в частности — особенности ее актуального членения.

В языке уан проявляется тенденция к использованию перфектной конструкции в первую очередь в значении «hot news», часто для передачи сообщений, не встроенных непосредственно в предшествующий дискурс. Как следствие этого, перфектом оформляются в первую очередь коммуникативно нерасчлененные высказывания, не распадающиеся на тему (в частности, тему-подлежащее) и рему (в частности, рему-сказуемое). Соответственно, в перфектной конструкции действуют определенные ограничения на дискурсивные свойства участников (cf. [Kuroda 1972; Sasse 1987]): и подлежащее, и дополнение перфектной конструкции, как правило, входят в состав ремы, как, например, в типичных примерах употребления перфекта в (26а–в). Во всех этих примерах сообщение подается как нерасчленимое целое, не распадающееся на тему и рему.

(26а) *trē* *ŋ* *ziá*
ночь PERF опускаться
‘Темнеет’ (букв. ‘Спустилась ночь’).

(26б) *wātí* *ŋ* *gà* *cɔ̄ŋ*
время PERF идти далеко
‘Уже поздно’ (букв. ‘Время ушло далеко’).

(26в) *lāá* *wèi* *lé* *yrɛ̄ɛ̄,* *nà̰* *ŋ*
2SG+COP говорить PROG тихо 1SG.PERF PERF
mɔ̀-ŋ *ɔ́ŋ*
слышать-NEG NEG
‘Ты говоришь тихо, я не расслышал’.

Ограничениями на дискурсивные свойства объясняется то, что подлежащее перфектной конструкции практически никогда не бывает топиком, а дополнение, как правило, представлено неопределенной именной группой. Пример (27б) отличается от (27а) тем, что подлежащее в нем вынесено в позицию топика; этот пример воспринимается большинством носителей как аномальный.

(27а) *dūtí* *é* *ŋ* *ká*
глава DEF PERF умирать
‘Староста скончался’.

(27б) ??*dūtí* *é,* *è* *ŋ* *ká*
глава DEF 3SG PERF умирать
‘Староста, он скончался’.

Ограничение на коммуникативный статус подлежащего находится в противоречии с особенностями пассивного употребления, которое, как уже обсуждалось выше, описывает состояние пациенса и, по-видимому, предполагает, что пациенс обладает коммуникативным статусом темы. В связи с этим интересно, что предложения с пассивным употреблением в перфекте не воспринимаются носителями языка как абсолютно неприемлемые или «неправильно» построенные (в отличие, например, от предложений с пассивным употреблением в проспективе или прогрессиве), а чаще описываются как аномальные с точки зрения встроенности в контекст: хотя теоретически такое предложение встретиться может, подобрать подходящий контекст, в котором оно могло бы быть употреблено, очень сложно (так как пациенс в нем должен, с одной стороны, обладать достаточно высоким коммуникативным статусом, а с другой стороны, не может при этом являться темой высказывания). Носитель языка обычно предпочитает

перестроить такое предложение, заменив перфектную конструкцию на конструкцию с прошедшим временем.

Важно также отметить тот факт, что при сочетании с отрицанием ограничения на коммуникативные свойства подлежашего перфектной конструкции нейтрализуются. В частности, перфект с отрицанием допускает топикализацию. В примере (28) с помощью отрицания перфектной конструкции описывается состояние старосты на настоящий момент, причем предполагается, что староста тяжело болен или ранен, и что какое-то сообщение о его состоянии ожидалось (ср. также пример (26в), в котором также описывается ситуация, нарушающая ожидания).

(28) *dūtí* *é,* *è* *ŋ* *ká* *gbà* *ɔ́*
глава DEF 3SG PERF умирать еще NEG
‘Староста, он еще жив’.

Различия в коммуникативной структуре перфектной конструкции в утвердительных и отрицательных контекстах соотносятся с различной степенью допустимости пассивного употребления в утвердительных и отрицательных предложениях. Сочетание пассивного употребления и перфектного отрицания в примере (29) связано с эффектом нарушенного ожидания (о чем именно идет речь в этом примере, становится ясно из контекста, то есть подлежащее отсылает к некоторому упомянутому ранее объекту).

(29) *pɔ̄* *é* *ŋ* *pólì* *gbà* *ɔ́*
предмет DEF PERF мыть еще NEG
‘Это еще не выстирано’.

Иными словами, употребление перфекта в утвердительном и отрицательном контекстах несет в языке уан различную функциональную нагрузку, что и отражается в различной сочетаемости перфекта с пассивным употреблением. В то время как утвердительное употребление перфекта связано в первую очередь с передачей коммуникативно нерасчлененных сообщений, перфект с отрицанием используется прежде всего для описания ситуаций, нарушающих ожидание или противоречащих привычному положению дел. Так как пассивное употребление возможно лишь при высоком коммуникативном статусе пациенса (пациенс воспринимается как тема сообщения), оно оказывается затруднено в утвердительном (но не в отрицательном) контексте.

5. Выводы

Несмотря на полное отсутствие каких-либо показателей актантной деривации или залога, в языке уан засвидетельствованы явления, во многом напоминающие функционирование актантной деривации и залога в языках с богатой морфологией. В системе лабильных глаголов языка уан четко выделяются два типа «пациенсной» лабильности: каузативная/декаузативная лабильность и контекстно ограниченное пассивное употребление глаголов изменения состояния («пассивная» лабильность).

Каузативно-декаузативная лабильность языка уан хорошо поддается описанию в терминах лексической полисемии: одному и тому же глаголу соответствуют два типа значения и, соответственно, два типа аргументной структуры, которые различаются наличием/отсутствием семантической роли агенса (ср. [Выдрина 2011; Кузнецова 2011; Макеева 2011]). На пассивное употребление, однако, анализ в терминах глагольной полисемии распространить невозможно, так как пассивное употребление проявляется лишь в ограниченном ряде контекстов, определяемых как видо-аспектуальными характеристиками высказывания, так и коммуникативными свойствами подлежащего конкретной конструкции. В отличие от каузативно-декаузативной лабильности, пассивное употребление обладает свойствами, которые в других языках характеризуют пассивный залог, и в целом напоминает случаи пассивного употребления отдельных глаголов, в качестве исключения, без показателя пассива (ср. примеры «пассивной лабильности» в нивхском).

В заключение нельзя не отметить, что, хотя в данной работе речь шла о явлениях, засвидетельствованных в изолирующем языке без специальных показателей актантной деривации и пассива, адекватное описание этих явлений было бы невозможным без применения результатов исследований рабочей группы, возглавляемой В. С. Храковским.

Список условных сокращений

COP — глагол-связка; DAT — датив; DEF — показатель определенности; FUT — будущее время; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PAST — прошедшее время; PL — множественное число; PLQU — плюсквамперфект; POSTP — послелог, оформляющий сентенциальный актант; PROG — прогрессив; PROSP — проспектив; PRT — частица; RCPR — реципрок; REFL — рефлексив; SG — единственное число; STAT.PERF — стативный перфект.

Литература

Выдрина 2009 — А. В. Выдрина. Аргументная структура и актантные деривации в языке какабе. Диплом, СПбГУ, 2009.

Выдрина 2011 — А. В. Выдрина. Лабильность в языке какабе // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VII, 2, 2011. С. 174–217.

Козинцева 1974 — Н. А. Козинцева. Залоги в армянском языке // А. А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций: диатезы и залоги. Л.: Наука, 1974. С. 73–90.

Кузнецова 2011 — О. В. Кузнецова. Лабильность в языке гуро // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VII, 2, 2011. С. 263–278.

Летучий 2009 — А. Б. Летучий. Типология лабильных глаголов // Вопросы языкознания 4, 2009. С. 41–71.

Макеева 2011 — Н. В. Макеева. Лабильность и актантная деривация в языке кла-дан // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VII, 2, 2011. С. 218–262.

Недялков 1969 — В. П. Недялков. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // И. Ф. Вардуль (ред.). Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. С. 106–114.

Недялков и др. 1974 — В. П. Недялков, Г. А. Отаина, А. А. Холодович. Диатезы и залоги в нивхском языке // А. А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций: диатезы и залоги. Л.: Наука, 1974. С. 232–251.

Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций: результатив, статив, пассив, перфект. Л.: Наука, 1983. С. 5–41.

Перельмутер 1983 — И. А. Перельмутер. Статив, результатив, пассив и перфект в древнегреческом языке (язык Гомера) // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 142–148.

Никитина 2009 — Т. В. Никитина. Таксис в языке уан // В. С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 731–749.

Chantraine 1927 — P. Chantraine. Histoire du parfait grec. Paris: H. Champion, 1927.

Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Comrie 1981 — B. Comrie. Aspect and voice: Some reflections on perfect and passive // Syntax and Semantics 14, 1981. P. 65–78.

Comrie 1989 — B. Comrie. Language Universals and Linguistic Typology, 2nd edition. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.

Creissels 2010 — D. Creissels. 2010. Transitivity alternations in Mandinka. Paper presented at Workshop on Valency Classes. Leipzig, August 21, 2010. Online version.

DeLancey 1981 — S. DeLancey. An interpretation of split ergativity and related patterns // Language 57, 3, 1981. P. 626–657.

Dixon 1979 — R. M. W. Dixon. Ergativity // Language 55, 1979. P. 59–138.

Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). Causatives and Transitivity. Amsterdam: John Benjamins, 1993. P. 87–120.

Hopper, Thompson 1980 — P. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // Language 56, 1980. P. 251–299.

Kulikov 1999 — L. I. Kulikov. Split causativity: Remarks on correlations between transitivity, aspect, and tense // W. Abraham, L. I. Kulikov, V. P. Nedjalkov (eds.). Tense-Aspect, Transitivity and Causativity: Essays in Honour of Vladimir Nedjalkov. Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 21–42.

Kulikov 2006 — L. I. Kulikov. Passive and middle in Indo-European: Reconstructing the early Vedic passive paradigm // W. Abraham, L. Leisiö (eds.). Passivization and Typology: Form and Function. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 62–81.

Kuroda 1972 — S.-Y. Kuroda. The categorical and the thetic judgment: Evidence from Japanese syntax // Foundations of Language 9, 2, 1972. P. 153–185.

Nikitina 2007 — T. Nikitina. Time reference of aspectual forms in Wan (Southeastern Mande) // D. L. Payne, J. Peña (eds.). Selected Proceedings of the 37th Annual Conference on African Linguistics. Somerville, MA: Cascadilla Press, 2007. P. 125–133.

Nikitina 2009 — T. Nikitina. The syntax of postpositional phrases in Wan, an "SOVX" language // Studies in Language 33, 4, 2009. P. 910–933.

Nikitina 2011 — T. Nikitina. Categorial reanalysis and the origin of the S-O-V-X word order in Mande // Journal of African Languages and Linguistics 32, 2, 2011. P. 251–273.

Sasse 1987 — H.-J. Sasse. The thetic/categorical distinction revisited // Linguistics 25, 1987. P. 511–580.

Toyota, Mustafović 2006 — J. Toyota, M. Mustafović. Grammatical voice and tense-aspect in Slavic // W. Abraham, L. Leisiö (eds.). Passivization and Typology: Form and Function. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 191–213.

А. К. Оглоблин

СПбГУ, Санкт-Петербург

О ВЫРАЖЕНИИ РЕАЛИЗОВАННОЙ ВОЗМОЖНОСТИ (на русском и индонезийском материале)[1]

1. Вводные замечания

Среди проблем взаимодействия грамматических глагольных категорий друг с другом и с лексикой особый комплекс составляет взаимодействие модальных и аспектуальных значений. Рассмотрим один случай этого взаимодействия в русском и индонезийском языках, имея в виду варианты положительной корреляции потенциальной модальности с перфективностью и перфектностью. В качестве предварительного примера можно указать на значение возможности у русских страдательных причастий настоящего времени. Значение возможности (как единственное или одно из значений) свойственно ряду причастий со значением НСВ, не имеющих соответствующих СВ: *управляемый*, *спрягаемый*, — и прилагательных, образованных по аналогии: (*не*)*проницаемый*, *незабываемый*, *трудновоспитуемый.* Но при наличии видовой пары причастия НСВ выражают действие, а адъективированные причастия СВ — возможность действия, ср. *заменяемый — заменимый*, *растворяемый — растворимый*, *выражаемый — выразимый*. Такой вариант связи категорий аспектуальности и модальности, очевидно, не единственный. Имеется, например, приблизительная синонимия выражений семантики возможности и, обычно при глаголе НСВ, неопределенной кратности: *может опоздать — иногда опаздывает*.

Реализованная возможность — сочетание значений модальности ‘Р возможно / желательно / необходимо’ и действительности, фактичности ‘Р реализуется, имеет место’. Философия учит, что любое событие есть реализованная возможность и обратно, любая возможность реализуема, но в речевой деятельности существуют градация более и менее вероятных событий и средства

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-03406).

выражения этой градации, с подчеркиванием того, что некое событие с малой или неопределенной вероятностью все же осуществилось, тогда как более вероятные события трактуются как данное, без подчеркивания. Подчеркивание действительности — тоже вид модальности, но мы условимся так называть только значение возможности или потенциальности.

Модальный компонент может быть более сложным, означая ‘X считает P возможным’ или ‘X стремится к P (прилагает усилия для достижения P)’. Вариант ‘приложения усилий’ или упоминание в предтексте других предшествующих событий или действий допускает толкование сочетания двух значений как причины и следствия, а не простой конъюнкции.

Понятие реализованной возможности введено в работе [Корди 1983] по французскому языку, в котором данное значение в конструкциях с глаголом *pouvoir* выражается определенными временными формами. Глаголы, выражающие значение реализованной возможности, называют также обстоятельственными [Касевич, Храковский 1983] или дефинитивными [Сильницкая, Сильницкий 1983]. В фундаментальной классификации предикатов Ю. Д. Апресяна обсуждаемые глаголы включены в класс «события» [Апресян 2003: 10].

2. Глаголы реализованной возможности русского языка и их индонезийские соответствия

Среди этих глаголов различаются неагентивные с подлежащим — именем ситуации, глаголом или придаточным-подлежащим — и агентивные с подлежащим-агенсом и дополнением — именем ситуации, глаголом или придаточной частью. К неагентивным относятся *выйти*, *исполниться*, *осуществиться*, *получиться. реализоваться* (двухвидовой глагол), *сбыться*, *свершиться*, *совершиться*, *состояться*, *удаться*. К агентивным относятся глаголы *добиться. осуществить*, *реализовать* (двухвидовой глагол), *свершить*, *смочь*, *совершить*. Их толкования в словарях русского языка включают ссылки на возможность, действительность, результат, следствие, либо вместо толкования предлагается синонимичный глагол.

Модальный компонент входит в пресуппозицию таких глаголов, сохраняясь при отрицании: *не вышло* = ‘желательно (или: X прилагает усилия) + не имеет места’. Мы не включаем в рассмотрение

глаголы, где пресуппозиция имеет еще более сложную семантику, чем «приложение усилий», как-то *умудриться*, *ухитриться*, *успеть*, *суметь*, *научиться*, включая также глаголы финально-комплетивного способа действия с приставкой *до-*, как *дописать*, *довезти* и т. п. [Бондарко 1987: 76].

Большинство приведенных глаголов СВ употребительны также в НСВ, кроме глагола *состояться*. Среди остальных глаголов некоторые более частотны в форме СВ. Приведем данные НКРЯ по СВ *сбыться*, НСВ *сбываться.*

Таблица 1

сбылся	40	*сбывается*	198
сбылась	252	*сбываются*	229
сбылось	634	*сбывался*	7
сбылись	377	*сбывалась*	27
сбудется	406	*сбывалось*	60
сбудутся	97	*сбывались*	92
ВСЕГО 1806		ВСЕГО 404	

Зависимый глагол (инфинитив) в принципе может быть обоих видов: *должен*/*хочет прийти*/*приходить*, *можете пожаловаться*/*жаловаться*. Данные сравнительной частотности видов в этой позиции нам неизвестны.

В индонезийском языке среди переводных эквивалентов приведенных неагентивных русских глаголов выделяются глаголы с префиксом *ter-* (по данным словаря синонимов [Endarmoko 2007] и других): *tercapai* ‘быть достигутым’, *terlaksana*, *terpenuhi*, *tersampaikan* ‘быть выполненным; осуществиться’ (план, программа, идея, мечта, желание), *terwujud* ‘осуществиться’ (надежда, мечта, замысел и т. п.), *terkabul* ‘быть исполненным’ (просьба) и другие. Они представляют собой дериваты переходных глаголов, ср. (в форме основы, присоединяющей префиксы залога): *-capai* ‘достичь’, *-laksanakan*, *-penuhi*, *-sampaikan* ‘выполнить, исполнить’, *-wujudkan* ‘осуществить’, *-kabulkan* ‘исполнить’ (суффикс переходности *-kan* при деривации часто опускается). Подлежащее в конструкции с этими глаголами означает пациенс действия или субъект состояния или изменения, нередко агенс в них не упомянут и не подразумевается, а событие носит непроизвольный характер (так называемые «пропассивные» конструкции [Оглоблин 2008]).

(1) *Mudah-mudahan harapan Bapak dan Ibu*
дай.бог надежда отец (=Вы) CNJ мать (=Вы)
terhadap saya dapat terwujud di kemudian$_1$ hari$_2$
PREP 1p смочь осуществиться PREP будущее$_{1,2}$
‘Дай бог Ваши надежды в отношении меня осуществятся в будущем’. (частное письмо)

Следующие примеры употребления *ter*-глаголов (2)–(5) взяты из индонезийских переводов русской прозы.

(2) *Dan sekarang, seperti kamu lihat, cita-cita saya* ***terlaksana*** (ACh 143–144)
‘И вот, как видишь, мечты мои **сбылись**’. (Чехов. Скучная история).

В (3) переводчиком использованы отглагольное модальное слово *ternyata* ‘получилось, вышло; на деле, фактически; оказывается, оказалось’, дериват от прилагательного *nyata* ‘явный; действительный’, и глагол *terjadi* ‘произойти’, образованный от непереходного глагола *jadi* ‘стать, сделаться’.

(3) *Tapi ternyata ini yang* ***terjadi****, saya* ***jadi*** *penyebab pertengkaran* (LT 287)
‘И вот **вышло**, что я причиной ссоры’. (Л. Толстой. Анна Каренина, ч. 2, XXXV)
букв. ‘Но на деле вот что ***произошло***, я ***стала*** причиной ссоры’.

В (4) глагол СВ *совершиться* передан как *terjadi*, а НСВ *совершаться* как переходный с префиксом пассивного залога *di-*: *dilakukan* ‘делаться, производиться’.

(4) *pada akhirnya* ⟨…⟩ ***terjadi****lah salah satu perkawinan yang sesungguhnya tidak perlu, bodoh, seperti* ***dilakukan*** *oleh ribuan orang lain* (ACh 213)
‘в конце концов ⟨…⟩ **совершился** бы один из тех ненужных, глупых браков, каких у нас ⟨…⟩ **совершаются** тысячи’ (Чехов. Человек в футляре).
букв. ‘как [они] **производятся** тысячами других людей’.

Имеются соответствия и с другими аффиксами: *kesampaian* ‘исполниться’ (конфикс *ke- -an*, от глагола *sampai* ‘достичь’).

Глагол *удаться* обычно переводится как *berhasil* (префикс *ber-*, *hasil* ‘результат; успех’).

(5) *kamu tidak* ***berhasil*** (LT 300, букв. ты + не иметь результат/успех).
не **удалось** по-твоему (Л. Толстой. Анна Каренина, ч. 3, III)

3. Семантика префикса *ter-*

Индонезийский глагольный префикс *ter-* имеет основные значения самопроизвольности (неконтролируемости), результатива и возможности действия.

3.1. Самопроизвольность (неконтролируемость) изменения или действия

Для этого значения используем термин *инволитив*, вариант термина Р. Айзенгартен Involuntativ [Eisengarten 1987: 35]: *terjatuh* ‘(нечаянно) упасть’, *terhenti* ‘(невольно) остановиться’, *terjerumus* ‘провалиться’, *terheran* ‘изумиться’. У производных дериватов с транзитивным корнем возможно значение так называемого акцидентального пассива. Как поясняется в нормативной грамматике индонезийских авторов, *ter*-глаголы несовместимы с выражением воли, намерения субъекта действия.

(6а) *Saya mau bangun pukul 4.00*
я хотеть встать час 4.00
‘Я собираюсь встать в 4.00’.

(6б) **Saya mau ter-bangun pukul 4.00*
я хотеть INV:ADM-встать час 4.00
Ожид.: ‘Я собираюсь проснуться в 4.00’. [Alwi et al. 1998: 145]

Данное значение более или менее явно сопровождается значением адмиративности, то есть непредвиденности, неожиданности события с точки зрения говорящего. Сочетание неконтролируемости и адмиративности известно и в русском языке, см. о вводном слове *оказывается* [Храковский 2007: 625–629].

(7) *Pabrik F. ter-bakar atau di-bakar*?
фабрика NP INV:ADM-жечь CNJ PV-жечь
‘Фабрика Ф. (сама) сгорела или [ее] сожгли?’ (заголовок, газета)

(8) *Hubungan telepon Jakarta-Medan ter-putus*
связь телефон NP-NP INV:ADM-рваться
‘Телефонная связь между Джакартой и Меданом прервалась’. [Alwi et al. 1998: 132]

(9а) *anak=nya ter-potong di$_1$ tengah$_2$ oleh sapi*
сын=3р:POS INV:ADM-обгонять на.полпути$_{1,2}$ PREP бык
lawan=nya
противник=3р
‘(Это был финальный заезд трех упряжек), и одна из них пошла на обгон упряжки сына’. (перевод О. Матвеева; букв. ‘сын его был обогнан на полпути быком противника его’; J 105)

(9б) *lalu ia lepas*
затем 3р оторваться
ter-seret dan ter-lindas
INV:ADM-волочь CNJ INV:ADM-наехать
oleh sapi yang satu-nya lagi
PREP бык REL один-DEF PTL
‘его поволокло по земле, а следующий бык налетел на него и растоптал’ (продолжение (9а))

(10) *Ia ter-menung dan menekurkan*[*meN-tekurkan*]
3р INV:ADM-думать CNJ AV-потупить
kepala=nya
голова=3р.POS
‘Он задумался и потупил голову’. (J 235)

(11) *Pensiunan itu agak ter-singgung*
пенсионер DEM немного INV:ADM-задеть
‘Пенсионер был немного задет’ (обиделся; PW 33)

(12) *Kedua kapal itu ter-angkat ke atas*
оба корабль DEM INV:ADM-поднять PREP верх
‘Оба корабля подняло вверх’. (ИЯНХ)

(13) *aku ter-pilih dalam regu-regu volley dan*
1р ADM-выбрать PREP команда-PL волейбол CNJ
basket
баскетбол
‘(Вышло так, что) меня выбрали в волейбольную и баскетбольную команды’. (ИЯНХ)

В некоторых контекстах адмиративное значение выступает как единственное.

(14) *tiba-tiba tahanan itu ter-diri*
вдруг арестант DEM ADM-встать
‘Вдруг арестованный встал (чтобы напасть на своего конвоира)’. (KB sv diri)

(15) *Tiga tangan ter-acung*
три рука ADM-вытянуть
‘Поднялись три руки’. (учеников в классе; ИЯНХ)

3.2. Результативное состояние

(16) *Boneka-boneka-nya ter-buat dari kayu*
кукла-PL-DEF RES-делать PREP дерево
‘Куклы [в театре этого вида] сделаны из дерева’. (ИЯНХ)

(17) *Saya harap surat itu masih ter-simpan*
1p надеяться письмо DEM еще RES-класть/хранить
dalam arsip
PREP архив
‘(Я) надеюсь, это письмо еще хранится (сохранено) в архиве’. (PAT)

(18) *Dan sekarang potret prajurit Jepang itu*
CNJ сейчас портрет солдат Япония DEM
ter-gantung di depan-ku
RES-висеть PREP перед=1p
‘А сейчас портрет этого японского солдата висел передо мной’. (LB 174)

(19) *Di tangan mereka ter-genggam*
PREP рука 3p RES-зажать
daptar dosa dan pahala manusia
список грех CNJ заслуга человек
‘В руках у них были (зажаты) списки людских грехов и заслуг’. (J 234)

Аспектуальная интерпретация форм со значениями возможности и инволитива-адмиратива зависит от контекста. В этих значениях *ter*-глаголы часто переводятся по-русски глаголами СВ.

Но считать индонезийский префикс *ter-* показателем СВ не приходится, поскольку он совместим со значениями незаконченности (показатель *masih* ‘еще’), начала и продолжения действия, неоднократности (о сочетаемости со средствами выражения неоднократности см. [Агус Салим 1989, 1990]).

(20) *Di* *sekeliling* *mulai* *ter-dengar*
PREP кругом начаться INV:ADM-слышать
keluhan-keluhan *kelelahan*
жалоба-PL усталость
‘Вокруг начали раздаваться жалобы на усталость’. (ИЯНХ)

(21) *Dan* *masih* *ter-dengar* *oleh=nya*
CNJ еще INV:ADM-слышать PREP=3p
ucapan=nya *yang* *terakhir*
слова=3p:POS REL последний
‘И в ушах его еще звучали ее последние слова’. (R)

(22) *Ketika* *kakek* *ter-diam* *agak* *lama* ⟨…⟩
CNJ дед INV:ADM-молчать довольно долгий
‘Когда дед некоторое время помолчал, {я задал ему вопрос}’. (J 234)

Что касается результатива, то этот термин является, по определению Ю. С. Маслова, другим названием статального перфекта [Маслов 1983: 42], т. е. относится к виду глагола. Следует отметить употребительность одного и того же *ter-*глагола в инволитивно-адмиративном или результативном значениях. Так, *Pintu tertutup* означает ‘Дверь закрылась’ (самопроизвольность, непредвиденность) или ‘Дверь закрыта’ (состояние). Ср. также *tergantung* ‘висеть, быть повешенным’, как в (18) выше, и событийное значение (23).

(23) *parasutis* *itu* *jatuh*
парашютист DEM упасть
ter-gantung *di* *se-buah* *pohon*
INV-вешать PREP один-CLF дерево
yang *tinggi*
REL высокий
‘Парашютист повис на высоком дереве’. (перевод Т. Дорофеевой; LB 200)

3.3. Возможность

В современном языке глагол с этим префиксом чаще употребляется с отрицанием (отмечено в [Kentjono et al. 2004: 123]). Используется пассивная диатеза с подлежащим-пациенсом, и, как вариант, также с агентивным дополнением, которое вводится предлогом *oleh*.

(24) *Harga* *jual* *rumah*
цена продать дом
tidak *ter-jangkau* *oleh* *masyarakat*
NEG MOD-достичь PREP народ
‘Продажная цена дома недоступна для народа’. (ibid.)

Употребление без отрицания характерно для старого малайского языка.

(25) *Ter-pikul-kah* *beban* *itu* *oleh* *tuan?*
MOD-нести-ITRG груз DEM PREP господин.2p
‘Можете ли вы понести этот груз?’ (букв. может ли нестись груз этот господином / вами? Цит. по [Eisengarten 1987: 35])

Достаточно продуктивно в современном языке образование глаголов с потенциальным качественным значением по модели *ter*-(R-*kan*) от глагольных основ с суффиксом переходности *-kan*: *terbakarkan* ‘быть горючим, воспламеняемым’ (KB sv *bakar*). Такие глаголы, кажется, тоже чаще употребляются с отрицанием; *tidak terlupakan* ‘незабываемый’, *tidak tertahankan* ‘невыносимый; неудержимый’ [Оглоблин 2008: 58].

Значение реализованной возможности у инволитива-адмиратива, исторически, как относительно более сложное, могло развиться из значения просто возможности, но не исключено и обратное историческое развитие, поскольку возможность представляется в принципе более поздним значением по сравнению с результатом.

Другие значения префикса *ter-* не собственно глагольные. Во-первых, это качественное значение: *terkenal* ‘известный’ (*kenal* ‘знать’), *teratur* ‘регулярный; в порядке’ (*-atur* ‘располагать, приводить в порядок’). *terhormat* ‘уважаемый’ (*hormat* ‘уважительный’), *terpandang* ‘видный, значительный’ (*-pandang* ‘смотреть’). История таких слов, очевидно, аналогична переходу русских

страдательных причастий настоящего времени в прилагательные (*уважаемый* и т. п.). Во-вторых, *ter-* образует форму превосходной степени качества прилагательных и сходные по смыслу дериваты от локативных и некоторых других имен: *tinggi* ‘высокий’ — *tertinggi* ‘самый высокий, высочайший’, *tua* ‘старый’ — *tertua* ‘самый старый, старейший’, *bawah* ‘низ’ — *terbawah* ‘самый нижний’, *akhir* ‘конец’ — *terakhir* ‘последний’. Ср. также дериват от наречия: *kemudian* ‘потом’ — *terkemudian* ‘позднейший, последующий’. В-третьих, имеется архаичное значение ‘до, достичь’ при единичных именных корнях: *tertulang* ‘до кости’. Исторически последние два значения связаны, по-видимому, с семантикой достижения предела или результата. Есть и лексикализованные глаголы.

4. Выражение реализованной возможности с помощью вспомогательных слов

Глаголы *jadi* и *dapat* относятся к двухаспектным, означающим изменение (переход в состояние) и последующее состояние [Агус Салим, Оглоблин 1983: 177–179; Оглоблин 2008: 121–122, 129–131].

Глагол *jadi* в позиции перед существительным означает приобретение функции ‘стать, сделаться’ (кем/чем-л., часто о должности или профессии).

(26) *Apa mereka masih mau naik becak*
PTL 3p:PL все.еще хотеть ехать велорикша
jika jadi gubernur?
CNJ стать губернатор
‘Поедет ли кто-нибудь из них на велорикше и тогда, когда сделается губернатором?’ (AAZ)

(27) *Sampai tangga-tangga pun jadi tempat tidur*
CNJ трап-PL PTL стать место спать
‘Так что даже трапы стали спальными местами’. (R)

В сочетании с предикативом (прилагательным, глаголом) получается значение перехода в состояние.

(28) *Aku jadi belas kepada=nya*
1p стать сострадательный PREP=3p
‘Мне стало жаль его’. (J 234)

Так же: *jadi kecewa* ‘огорчиться’, *jadi malu* ‘устыдиться, (кому-л.) стало стыдно’, *jadi tertegun* ‘оцепенеть, застыть на месте’, *jadi mengerti* ‘осознать, понять’.

В статальном значении ‘быть, являться’ *jadi* присоединяет существительные (также обычно о должности или профессии): *jadi guru* ‘является/работает учителем’. Но это значение в толковом словаре KB дано последним, а первым приведено как раз значение реализованной возможности: ‘состояться; не быть отмененным’. В переводе может быть СВ или, в общефактическом значении, НСВ основного глагола, допустимо добавление частиц *все же*, *все-таки*, *-таки*.

(29) *kemarin ia jadi pergi ke Bogor*
вчера 3p состояться ехать PREP NP
‘Вчера он (все-таки) поехал/ездил в Богор’. (KB sv *jadi*)

(30) *Bagaimana, jadi main kemarin?*
как состояться играть вчера
Mau-nya kamu ke stadion, bukan?
хотеть-NMR 2p PREP стадион не.так.ли
‘Как вчера, играл? Ты ведь хотел пойти на стадион (букв.: желание + ты + на стадион)’ (Инф[2])

(31) *Kemarin saya berangkat dari rumah=mu,*
вчера 1p уехать PREP дом=2p:POS
cuaca mendung berat.
погода пасмурный тяжелый
Bagaimana di sana, jadi hujan, tidak?
как PREP там состояться идти:дождь NEG
‘Вчера я уезжал от тебя, было очень пасмурно. Был у вас дождь или нет?’ (Инф)

(32) *Kenapa mereka tidak jadi menikah?*
почему 3p NEG состояться жениться
Kan tadinya baik-baik saja, seiya$_1$ sekata$_2$.
PTL до.того хороший-ATT PTL в.полном.согласии$_{1,2}$
‘Почему они не поженились? Ведь до того [все было] хорошо, полное согласие’. (Инф)

[2] Инф — авторский пример, одобренный информантами.

Модальный вспомогательный глагол *dapat* ‘мочь’ имеет грамматический омоним *-dapat* ‘получить, достать’, изменяемый по залогу. Можно предположить, что последнее значение исторически более раннее. В значении реализованной возможности ‘смочь’ *dapat* отчасти синонимичен префиксу *ter-*, но в отличие от него сочетается с глаголами, от которых дериваты с *ter-* не образуются или не соответствуют контексту по диатезе или по стилю.

(33) *Jika aku dapat kembali,*
CNJ 1p смочь вернуться
tentu aku akan kembali kepada=mu
конечно 1p FUT вернуться PREP=2p
‘Если я смогу вернуться, я, конечно, вернусь к тебе’. (дериват **terkembali* отсутствует; ИЯНХ)

(34) *ia dapat menyelami* [*meN-selami*] *suara bumiputra*
3p смочь AV-вникнуть голос коренной.житель
di masa kolonial
PREP период колониальный
‘(Благодаря своему владению малайским просторечием) он смог вникнуть в голоса коренных жителей колониального периода’. (HF 12)

Дериват *terselami* ‘быть тем, во что вникают’ возможен, но характеризуется пассивной диатезой и книжной стилистической окраской. Некоторые подобные употребления *dapat* не требуют особого перевода, достаточно бывает формы CB.

(35) *Kemudian saya dapat*
позже 1p смочь
mengenali [*meN-kenali*] *rumah itu*
AV-узнать дом DEM
‘Позже я узнал этот дом’. (PAT)

(36) *Usaha itu telah*
предприятие DEM PST
dapat mem-beri hidup ⟨…⟩
смочь AV-дать пропитание
60 orang
60 человек
‘Это предприятие дало пропитание 60 людям’. (ibid.)

Итак, в русском языке лексическое значение глаголов реализованной возможности предпочтительно совмещается с грамматическим значением СВ. В индонезийском языке, не располагающем продуктивной категорией вида, реализованная возможность выражается не только знаменательными словами (*berhasil* ‘удаться’), но также средствами морфологии и вспомогательной лексики. Вспомогательные глаголы явно подчеркиваниют реализованную возможность (аналогично франц. *pouvoir* в известных временных формах). Что касается префикса *ter-*, то в определенном контексте у него наиболее наглядно выступает значение непроизвольности, а именно, при контрасте с немодальной пассивной формой, выражаюшей целенаправленное действие, как в примере (7) выше. В других контекстах ввиду многозначности префикса выбор того или иного модального значения не всегда очевиден.

Список условных сокращений

1p, 2p, 3p — 1, 2, 3 лицо; ADM — адмиратив; ATT — аттенуатив, ослабленное значение; AV — активный залог; CLF — классификатор; CNJ — союз; DEF — определенная референция; DEM — указательное местоимение; FUT — будущее время; INV — инволитив; ITRG — вопросительное слово; MOD — потенциальность; NEG — отрицание; NMR — номинализатор; NP — имя собственное; PL — множественность; POS — посессивность; PREP — предлог; PST — прошедшее время; PTL — частица; PV — пассивный залог; REL — релятивизатор; RES — результатив.

Литература

Агус Салим 1989 — Агус Салим. Редупликация и множественность действий в индонезийском языке // И. Б. Долинина и др. (ред.). Взаимосвязи лексики и грамматики. Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калинин: Калининский гос. университет, 1989. С. 4–8.

Агус Салим 1990 — Агус Салим. Аспектуальные типы глаголов и грамматическая семантика редуплицированных форм в индонезийском языке // В. В. Климов и др. (ред.). Сопряженность глагольных категорий. Сборник научных трудов. Калинин: Калининский гос. университет, 1990. С. 4–14.

Агус Салим, Оглоблин 1983 — Агус Салим, А. К. Оглоблин. Результатив в индонезийском языке // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983. С. 172–183.

Апресян 2003 — Ю. Д. Апресян. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // В. С. Храковский. (ред.). Грамматические категории: иерархия, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции. СПб: Наука, 2003. С. 7–21.

Бондарко (ред.) 1987 — А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987.

Касевич, Храковский 1983 — В. Б. Касевич, В. С. Храковский. Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики // В. С. Храковский (ред.). Категории глагола и структура предложения. Л.: Наука, 1983. С. 5–27.

Корди 1983 — Е. Е. Корди. Конструкции с глаголом *pouvoir* в современном французском языке // В. С. Храковский (ред.). Категории глагола и структура предложения. Л.: Наука, 1983. С. 186–198.

Маслов 1983 — Ю. С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983. С. 41–54.

Оглоблин 2008 — А. К. Оглоблин. Грамматика индонезийского литературного языка. СПб: Изд-во СПбГУ, 2008.

Сильницкая, Сильницкий 1983 — Г. В. Сильницкая, Г. Г. Сильницкий. Модель глагольного действия и семантическая классификация глаголов с предикатными актантами // В. С. Храковский (ред.). Категории глагола и структура предложения. Л.: Наука, 1983. С. 28–42.

Храковский 2007 — В. С. Храковский. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // В. С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб: Наука, 2007. С. 600–632.

Alwi et al. 1998 — H. Alwi, S. Dardjowidjojo, H. Lapoliwa, M. A. Moeliono. Tata bahasa baku bahasa Indonesia. Edisi ke-3. Jakarta: Balai Pustaka, 1998.

Eisengarten 1987 — R. Eisengarten. Zur Frage der grammatischen Synonymie des Involuntativs in austrischen Sprachen (auf der Grundlage des ‘ter-’ Formativs in der Bahasa Indonesia) // R. Eisengarten. Konfrontationslinguistische Studien zu austroasiatischen und austronesischen Sprachen. Jena: Friedrich-Schiller-Universität, 1987. S. 25–99.

Endarmoko 2007 — E. Endarmoko. Tesaurus bahasa Indonesia. Jakarta: Gramedia, 2007.

Kentjono et al. 2004 — Dj. Kentjono, F. A. Datang, T. Suhardiyanto, A. Candrayani. Tata bahasa acuan bahasa Indonesia untuk penutur asing. Jakarta: Wedatama Widya Sastra, 2004.

Источники и сокращения

ACh — A. Chekhov. Ruang inap No 6. Sekumpulan cerpen pilihan / K. S. Penerjemah.Toer. Jakarta: Gramedia, 2004.

AAZ — Arman AZ. Tinja Dabo // Suara Karya. 10.01.2009

HF — Farid H[ilmar]. Pramoedya dan historiografi Indonesia (http://hilmarfarid.com/wp/?p=342)

J — H. B. Jassin (ed.). Angkatan 66. Prosa dan puisi. Djakarta: Gunung Agung, 1968.

KB — D. Sugono (ed.). Kamus besar bahasa Indonesia Pusat Bahasa. Edisi ke-4. Jakarta: Gramedia, 2008.

LB — A. Rosidi (ed.). Laut biru langit biru. Bunga rampai sastra Indonesia mutaakhir. Jakarta: Pustaka Jaya, 1977.

LT — L. Tolstoi. Anna Karenina / Penerjemah K. S. Toer. Jakarta: Gramedia, 2007.

PW — P. Wijaya. Es. Kumpulan cerita pendek. Jakarta, 1980.

R — K. H. Ramadan. Royan revolusi. Djakarta: Gunung Agung, 1971.

PAT — P. A. Toer. Surat terbuka Pramoedya Ananta Toer kepada Keith Foulcher // Demi Demokrasi. 1985. No 2.

ИЯНХ — А. К. Оглоблин (сост.). Индонезийский язык. Начальная хрестоматия (комп. набор).

Е. В. Падучева

ВИНИТИ РАН, Москва

ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ И ИХ РЕЖИМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ[1]

Дорогому Виктору Храковскому — с любовью

Согласно общепринятым определениям (см., например, [Aikhenvald 2004] или [Плунгян 2011]), эвиденциальный показатель маркирует источник информации, на основании которого *говорящий* делает *утверждение* о соответствующей ситуации. В [Мельчук 1998: 199] дается следующее определение грамматической эвиденциальности: «Категория эвиденциальности маркирует источники информации, выражаемой говорящим во время речевого сообщения». Это определение не вполне корректно — в двух отношениях.

Первое возражение — почему речь идет только об *утверждениях*? Разве невозможны показатели эвиденциальности, скажем, в контексте *вопроса*, который не есть сообщение информации? Определения эвиденциальности из [Aikhenvald 2004] и [Плунгян 2011] не исправляют этого недостатка. Некоторые предложения в этом направлении рассматриваются, впрочем, в статье [Cohen, Krifka 2011], где речь идет о семантике эвиденциальных показателей в разных типах речевых актов.

Второе возражение касается фигуры *говорящего*. Показатель эвиденциальности — это эгоцентрик (т. е. эгоцентрическая единица). Многие (хотя и не все) эгоцентрические (иначе — индексальные) слова и категории, которые в своем первичном употреблении ориентированы на говорящего, могут употребляться также в контекстах, где подразумеваемым или потенциальным носителем пропозициональной установки является вовсе не говорящий, см. [Падучева 2011]. Есть неканонические коммуникативные ситуации, например, нарратив, где говорящего нет вообще, а есть его

[1] Данная работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-04-00604а.

заместители — это может быть повествователь или персонаж, причем для понимания текста существенно, кто именно. Есть гипотаксический контекст (embedded position). Есть, как уже говорилось, разные типы речевых актов. Употребление эвиденциальных показателей в контекстах, где подразумеваемый носитель пропозициональной установки не совпадает с говорящим, заслуживает внимания.

Вопрос о синтаксической подчинимости (embeddability) эвиденциальных показателей был поставлен в [Schenner 2012], где говорится: “embedded evidentials ⟨…⟩ may give rise to unexpected readings and provide interesting challenges to many purely root-clause-informed approaches to evidentials.” Сейчас имеется уже довольно большая литература о подчинимости вводных слов, см., например, [Падучева 1996: 310–320; Potts 2005] и др. Однако эвиденциальные вводные показатели требуют отдельного исследования. Эвиденциальный показатель — это эгоцентрик, и он должен быть рассмотрен на фоне того, что нам уже известно о других эгоцентрических элементах языка.

Статья посвящена русскому вводному слову *оказывается*, которое было введено в рассмотрение в связи с эвиденциальностью в [Храковский 2007] и названо показателем (ад)миративности. Слово *оказывается*, во вводном употреблении, обладает целым рядом интересных свойств — причем именно в плане подчинимости, а также в плане выбора подразумеваемых субъектов установки и употребления в разных типах речевых актов.

1. «Балканский тип» эвиденциальности

В соответствии с работами [Мельчук 1998; Aikhenvald 2004; Плунгян 2011], в языках с грамматической эвиденциальностью выражаются следующие грамматические противопоставления. Различается **прямой доступ** к информации, который предполагает, что говорящий знает сообщаемое из личного опыта, и **непрямой**, который предполагает, что знания говорящего являются результатом неотчетливого восприятия (**имперцептив**), получены от другого лица (**репортатив**) или получены на базе обращения к причинно-следственным связям и знаниям об устройстве мира (**инферентив**, иначе — **презумптив**).

К числу эвиденциальных показателей относят также слова и категории с **адмиративным** (или **миративным**) значением.

В [Храковский 2007] показано, однако, что (ад)мирaтивный показатель не может быть поставлен в один ряд с вышеперечисленными граммемами эвиденциальности, поскольку семантически совместим с любой из них, а не противопоставлен им. Однако в работе [Friedman 2005] предложена существенно иная схема грамматически выраженных эвиденциальных противопоставлений. Она характерна для целого ряда балканских языков. В соответствии с этой схемой, эвиденциальные показатели могут быть разделены на **конфирмативные** (= показатели засвидетельствованности, 'witnessed') и **неконфирмативные**. Эти последние могут быть успешными (= **нейтральными**) или неуспешными **миративными**. Далее, неконфирмативные неуспешные могут выражать либо п р и я т и е полученной информации, и тогда они выражают **удивление**, т. е. именно адмиративность в собственном смысле слова, либо н е п р и я т и е, и тогда та же самая грамматическая форма выражает **отвержение**, т. е. сомнение, вплоть до сарказма.

Определения из [Aikhenvald 2004] или [Плунгян 2011] располагают миративные показатели на периферии эвиденциальности. Между тем «балканский тип» эвиденциальности, подробно описанный в [Friedman 2005] и [Friedman, in print], выдвигает мирaтивность на более достойное место. Что важно для нашей темы, в работах Виктора Фридмана приводятся данные о возможных различиях в употреблении эвиденциального показателя в утверждении и в вопросе; в диалоге и в нарративе. Иными словами, эти работы прокладывают путь к рассмотрению эвиденциального показателя как полноценного эгоцентрика.

В [Храковский 2007] слово *оказывается* было названо маркером (ад)мирaтивности как особой грамматической категории, хотя и отличной от категории эвиденциальности. Я рассматриваю *оказывается* просто как вводное слово, пусть с эвиденциальным значением. В то же время, система семантических противопоставлений, разработанная в [Friedman 2005] для описания эвиденциальности в балканских языках, оказывается ценной основой для описания семантики этого русского слова и его поведения в разных контекстах.

2. Небуквальная интерпретация *оказывается*

Значение вводного *оказывается* включает следующие два компонента:

оказывается (X, P) =
I. X узнал <от Y>, что P;
II. X удивился, что P (или слабее: X не ожидал, что P).

В отличие от вводного *кажется*, которое с точки зрения своего акционального класса является стативом, вводное *оказывается* обозначает изменение состояния и предполагает не одного субъекта, а, возможно, двух. Возникает основа для сложной интерференции «голосов». В речевом режиме подразумеваемым субъектом *оказывается* будет говорящий[2]:

(1) *Я так рада! Нашлись, нашлись! Они,* ***оказывается****, болели и не подавали весточек!* (Л. Петрушевская. Три девушки в голубом)

В примере (1) лицо X — это говорящий; он является и субъектом нового знания и субъектом удивления. Кроме лица X, в ситуацию может входить лицо Y — Источник сведений-знаний, поскольку узнают чаще всего от кого-то. В (1) Источник за кадром.

Лица Y может и не быть; так, в (2) говорящий получает знание не от участника Источник, а из непосредственного восприятия:

(2) *Вернулся домой, на крылечко взошел, хотел было дверь открыть, а она,* ***оказывается****, изнутри на засов заперта.* (В. Писарев. Волшебные сказки)

Наряду с этими двумя обычными употреблениями, *оказывается* имеет специфическое употребление в контексте нарратива. А именно, может быть так, что участник Y, источник информации, присутствует в контексте ситуации, но полученная от него информация не стала знанием субъекта X. В примере (3) лицо Y (мама) имеет мнение (для Y это знание), которое очевидным образом не разделяется говорящим. Таким образом, говорящий, получив информацию, **не стал субъектом знания**:

(3) *Мама все время пытается воспитывать его* [брата] *на моем положительном примере.* ***Оказывается****, я стал человеком благодаря трудолюбию и настойчивости, которые проявлялись у меня в раннем детстве*. [В. Аксенов. Звездный билет]

[2] Пример (1), равно как и некоторые другие, взят из [Падучева 2006]. Многие примеры взяты из Национального корпуса русского языка (http://www.ruscorpora.ru).

Говорящий мог бы сказать: «По мнению моей мамы, я стал человеком благодаря трудолюбию и настойчивости, ⟨…⟩». Но тогда он должен опустить *оказывается*, и свое несогласие с этим мнением оставить невыраженным. Вместо этого, он предпочитает притвориться, что он разделяет мнение третьего лица, одновременно давая адресату понять, что он это мнение **отвергает**.

Это специфическое употребление *оказывается* хорошо демонстрирует пример, который был приведен (с другой интерпретацией) в докладе В. С. Храковского на заседании Грамматической комиссии при Международном съезде славистов в Марбурге в 2005:

(4) *— Я вам скажу. Хотите откровенно? Я давно замечаю за Вами, Дима. — И тут она понесла такой немыслимый и ошеломляющий вздор, что Глебов онемел от изумления.* ***Оказывается****, он с каким-то особенным вниманием всегда осматривает их квартиру, на кухне его интересовали холодильник под окном и дверь грузового лифта. Однажды он подробно расспрашивал* ⟨…⟩ (Ю. Трифонов)

В [Падучева 2006] примеры этого типа трактовались как несобственная прямая речь. Барбара Парти (личное сообщение) предложила более простую интерпретацию этих примеров. **Буквальное** значение пропозиции P с глаголом *оказывается* сводится к тому, что нечто было неизвестно говорящему ранее, а сейчас стало известно; контекст, тем или иным образом, делает буквальное понимание P невозможным, и тогда у P возникает **ироническая интерпретация**.

Таким образом, сдвиг значения слова *оказывается* может быть описан в рамках теории речевых актов — как ироническая интерпретация, при которой высказывание понимается в противоположном смысле, а именно, как отрицание того, что в нем выражено буквально.

Следует подчеркнуть, что отрицание должно быть понято как **внешнее отрицание** [Kempson 1975]: отрицается не только удивление, которое выражает слово *оказывается* в своем буквальном значении, но и презумпция факта, которую несет в этом значении *оказывается*.

Внешнее отрицание, т. е. отрицание, которое не различает в высказывании презумпций и ассерций, как правило, не соответствует нормальному языковому поведению говорящих. Так, употребить (а) в контексте (б) можно лишь в порядке языковой игры:

(а) *Джон не огорчен, что провалился на экзамене.*

(б) *Джон не огорчен, что провалился на экзамене, — он его сдал.*

Однако предложение, где пропозициональная установка выражена вводным словом, не может быть подвергнута нормальному отрицанию [Paducheva 2011], так что внешнее отрицание остается в этом случае как единственная возможность.

Про ситуацию, которую задает *оказывается* в примере (3) или (4), можно было бы сказать, что говорящий делает вид, что он удивлен: это было бы то же самое, что сказать, что он в своем высказывании имеет в виду прямо обратное тому, что говорит. Обращение к понятию речевого акта, однако, предпочтительно, поскольку тем самым мы помещаем интерпретацию предложения в рамки общепринятой терминологии.

Следует подчеркнуть, что интерпретация отвержения для *оказывается* — как и для всякого (ад)миративного показателя — возможна только в нарративном контексте, когда носитель пропозициональной установки отличен от говорящего. Что и подтверждает сказанное в [Friedman 2005] о том, что адмиративы могут иметь разные интерпретации в разных коммуникативных режимах.

Пример (5) — это фраза из романа Набокова «Машенька»:

(5) *Я, **оказывается**, люблю другую женщину.*

В тексте Набокова говорящий (Ганин) делает это высказывание в ходе небрежного объяснения с надоевшей любовницей. Оно звучит странно. В самом деле, слово *оказывается* здесь описывает получение говорящим новой (и неожиданной) информации о самом себе — что в контексте примера (3) мы сочли **признаком** отсутствия у высказывания прямой интерпретации. Однако здесь нельзя интерпретировать *оказывается* иначе как в прямом смысле — поскольку контекст не предлагает другого лица, от которого это сведение могло бы быть получено и которое говорящий мог бы отвергнуть: фраза интерпретируется в речевом режиме. Как

только мы поместим эту фразу в нарративный контекст, интерпретация отвержения станет возможной. Например, человек может с помощью этой фразы описать другу свое недоумение по поводу упрека, который любимая им женщина сделала ему, сказав, что он любит другую. В этом случае говорящий употребит *оказывается* в ироническом смысле.

Интерпретация отвержения вовсе не обязательно возникает у *оказывается* в высказываниях от первого лица. Достаточно, чтобы ложность ассоциированной пропозиции была очевидна говорящим:

(6) *Эх, кабы китайцам в своё время познакомиться с учением А. Т. Ф.! Не надо было бы строить Великую Китайскую стену — сотни миллионов человеко-лет труда бы сэкономили: ведь никаких страшных монголов вблизи от них,* ***оказывается****, не было!* [А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // «Вопросы языкознания», 2000]

Игру на подразумеваемых субъектах сознания вводного *оказывается* демонстрирует пример (7). Здесь режим интерпретации нарративный; есть два потенциальных субъекта установки — повествователь (Соломон Волков) и персонаж (Лидия Корнеевна Чуковская). Субъект нового знания P — персонаж. Притворное удивление принадлежит повествователю — дело в том, что он слегка переформулировал идею персонажа, после чего она стала слишком тривиальной, чтобы ее можно было счесть удивительной:

(7) *И вот Чуковской представляется, что это весточка из какого-то запредельного мира:* ***оказывается****, что-то где-то происходит и помимо метрополии* (С. Волков. Диалоги с Иосифом Бродским)

Так что пример (7) показывает, что при ироническом употреблении вводного *оказывается* отвергаться может не только компонент (I) буквального значения, но и компонент (II).

Пример (8) еще раз подтверждает зависимость значения *оказывается* от режима интерпретации: в диалоге значения неприятия мнения собеседника у *оказывается* возникнуть не может. В нижеследующем отрывке *оказывается* (в предложении, взятом в кавычки) входит в своего рода внутреннюю речь одного из собеседников, а не в его ответную реплику:

(8) *— Наш папочка предпочитает Руссо-Балт, а, значит, плавное, размеренное движение, не лишенное, однако, стремительности. — Лидочка Нессельроде пыталась удержаться в «стиле Ионеско».*
— Почему? — спросила Варвара Александровна. — Потому что он ваш политический оппонент?
*«Он, **оказывается**, мой политический оппонент!» — Нет, сударыня, я сразу понял, что ваш папочка предпочитает Руссо-Балт, когда я увидел его за рулем Руссо-Балта.* (В. Аксенов. Остров Крым)

Но семантика отвержения у адмиратива *оказывается* демонстрируется на примере (8) весьма наглядно: фразу в кавычках можно перефразировать как сказанное про себя «Ничего подобного!». Это уже не ирония, а сарказм.

3. Гипотаксическая проекция

Подразумеваемый субъект вводного *оказывается* существен не только в случае «отвержительной», но и в случае прямой интерпретации, поскольку *оказывается*, как и другие эгоцентрики, допускает гипотаксическую проекцию [Падучева 2011]. Так, в (9) подразумеваемый субъект *оказывается* — это семантическое подлежащее деепричастия *узнав*, т. е. подлежащее матричного предложения *он*, в конечном счете — *Борис Грибанов*:

(9) *Работник Гослитиздата Борис Грибанов, встретив Владимира Корнилова, стал сетовать, что он всегда уважал Войновича как писателя и порядочного человека, а теперь он* [был] *очень огорчён и разочарован, узнав, что Войнович, **оказывается**, пишет доносы.* [Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)]

В [Храковский 2007] приводятся примеры с *оказывается* в гипотаксическом контексте, например, (10). Говорящий назван здесь субъектом удивления ошибочно — им, очевидным образом, является субъект матричного предложения *он*, а говорящего здесь вообще не видно:

(10) *Еще до войны прочел он поразившую его вещь: **оказывается**, нашествие Чингис-хана предварял целый ряд благоприятных лет* (Г. Бакланов)

Различие существенно, поскольку в другом примере из [Храковский 2007] подразумеваемым субъектом удивления у гипотаксического *оказывается* является именно говорящий:

(11) *И тут он* [спутник, татарин] *высказал мне свою тайную просьбу: купить ему дом в Крыму, но на мое имя, потому что татарам,* ***оказывается****, домов не продают.* (Л. Улицкая)

Пример (12) не показателен, поскольку тут субъект матричного предложения — говорящий:

(12) *Сегодня узнаю, что Ройтман,* ***оказывается****, живёт в этом самом доме.* [Александр Солженицын. В круге первом, т. 1 (1968)]

Пример (10) ясно показывает, однако, что *оказывается* поддается гипотаксической проекции, т. е. ведет себя в гипотаксическом контексте как обычный ВТОРИЧНЫЙ ЭГОЦЕНТРИК [Падучева 1996: 268]. Чье удивление выражает *оказывается* в примере (13) не вполне ясно, но скорее всего гипотаксическая проекция имеет место и здесь:

(13) *Маша говорит, что он,* ***оказывается****, еще и писатель.*

4. Вопросительная проекция

В то же время, вопросительной проекции вводное *оказывается* не допускает — в контексте вопроса оно не употребляется: *оказывается* может выражать отвержение, но не сомнение. Так, фраза с *оказывается* в примере (14) — это не вопрос, обращенный к собеседнику, а удивление «про себя»:

(14) *«Вот как? — удивился про себя Ланэ.* ***— Оказывается****, я на тебя имею право кричать?»* [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 3 (1943–1958)]

Интересно, что слово *неужели*, тоже с семантикой удивления, обладает прямо противоположными свойствами — оно требует, чтобы его ассоциированная пропозиция не являлась фактом, а выражала только сомнение и только в вопросе:

(15) ***Неужели*** *он недоволен?*

Вообще, вводные слова, близкие по смыслу, могут различаться по своей способности употребляться в вопросительном

предложении, и задача предсказать эту способность из лексической семантики слова пока не решена, ср. различие между *явно*, которое может употребляться в вопросе, и *очевидно*, которое не может:

(16а) *Он, **очевидно**, сожалеет о своем поступке?*

(16б) **Он **явно** сожалеет о своем поступке?*

5. Удивление и смежные пропозициональные установки

Можно было бы сказать, что высказывание с *оказывается*, в ироническом употреблении, выражает недоумение говорящего по поводу информации, полученной от другого лица. Именно недоумение, а не удивление, поскольку удивление по поводу P требует пресуппозиции истинности этого P, а недоумение — это реакция несогласия как раз с тем компонентом высказывания, который является в нем пресуппозицией. Следует только удивляться, что недоумение не входит в число основополагающих речевых актов. Впрочем, недоумение — это, в сущности, один из вариантов коммуникативного провала (= коммуникативной неудачи, communication failure, см. [Mustayoki 2012]).

Итак, анализ семантики слова *оказывается* позволяет обнаружить тесную семантическую связь между удивлением и недоумением: удивление вызывает неожиданно узнанный факт, а недоумение возникает тогда, когда нам преподносится как факт то, что не имеет места.

Другой интересный семантический переход связывает удивление со зрительным восприятием. Так, оборот *смотри-ка* включает глагол восприятия; но он может выражать удивление, вовсе не связанное с восприятием:

(17) *Если он еврей, он может в Израиль уехать вместе со мной! Там, говорят, хорошо! И вообще, я же мечтала когда-то за границу уехать! — **Смотри-ка**! — удивилась Нинка. — Я думала, у тебя мозги вообще отшибло, сидит дура дурой. А ты, оказывается, соображаешь!* [Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)]

То, что глагол восприятия может выражать удивление, причем удивление отнюдь не перцептивной, а и чисто ментальной

природы, интересно само по себе и явно не случайно, ср. тот факт, что выражением удивления могут быть широко раскрытые глаза:

Рис. 1. Широко раскрытые глаза

Средством выражения удивления может быть также отрицание возможности: *не может быть*!

6. Несобственная прямая речь

Пример (18) показывает, что *оказывается* может употребляться в контексте несобственной прямой речи: повествователь передает свои права на эгоцентрик персонажу — людям в больнице. Это люди в больнице, которых «взволновал визит преподобного», неожиданно узнали, что «в наших краях есть священники» (NB местоимение 1 лица *наши*):

(18) *Визит преподобного взволновал всю больницу.* ***Оказывается****, в наших краях есть священники! И они исповедуют желающих! В самой большой палате больничной* ⟨…⟩ *говорили только об исповеди тети Поли.* (В. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)).

Здесь интерпретация *оказывается* прямая (факт наличия священников никак не оспаривается), но предположительный субъект пропозициональной установки не говорящий, а персонаж.

6. Заключение

Итак, вводное *оказывается* ведет себя в значительной степени подобно балканским адмиративным показателям, которые законным образом включаются в сферу эвиденциальности. Следующие свойства этого слова представляют несомненный интерес.

1. Вводное *оказывается* допускает ироническую интерпретацию, которая отменяет пресуппозицию факта, свойственную прямому употреблению этого слова — равно как и всем другим словам с семантикой удивления: *удивился тому, что*; *не ожидал, что* и под.

2. Оно по-разному употребляется в диалогическом режиме и в нарративе — ироническая интерпретация возможна только в нарративе и исключена в диалоге.

3. Оно, подобно другим вторичным эгоцентрикам, допускает гипотаксическую проекцию; однако в вопросительном контексте *оказывается* употребить нельзя.

4. В нарративном контексте *оказывается* допускает в качестве подразумеваемого субъекта удивления персонаж, т. е. эффект несобственной прямой речи возможен и при прямом употреблении этого слова.

Как справедливо указано в [Храковский 2007], синонимичные вводные обороты — *как выясняется*, *как оказалось* и даже *оказалось*, которое отличается от *оказывается* только видом, — свойствами 1–4 не обладают.

Литература

Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II, Ч. 2. М. — Вена: Языки русской культуры, 1998.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.

Падучева 2006 — Е. В. Падучева. Вводные глаголы: речевой и нарративный режим интерпретации // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М: Языки славянской культуры, 2006. С. 498–515.

Падучева 2011 — Е. В. Падучева. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания 3, 2011. С. 3–18.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Храковский 2007 — В. С. Храковский. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)мирativность // В. С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб: Наука, 2007. С. 600–632.

Aikhenvald 2004 — A. Y. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Cohen, Krifka 2011 — A. Cohen, M. Krifka. Superlative quantifiers as modifiers of meta-speech acts // B. Partee, M. Glanzberg, J. Skilters (eds.). The Baltic International Yearbook of Cognition, Logic and Communication. Vol. 6. Manhattan, KS: New Prairie Press, 2011. P. 1–56.

Friedman 2005 — V. Friedman. Admirativity: Between modality and evidentiality // Sprachtypologie und Universalienforschung 58, 1, 2005. P. 26–37.

Friedman, in print — V. Friedman. Perhaps mirativity is phlogiston, but admirativity is perfect: On Balkan evidential strategies // Linguistic Typology 16, 3, in print.

Kempson 1975 — R. M. Kempson. Presupposition and the Delimitation of Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.

Mustajoki 2012 — A. Mustajoki. A speaker-oriented multidimentional approach to risks and causes of miscommunication // Language and Dialogue 2, 2, 2012. P. 216–249.

Paducheva 2011 — E. V. Paducheva. Presuppositions: familiarity condition and projection tests. Paper presented at Workshop on Projective Meaning. Presuppositions and semantic typology of projective meanings, EESSLLI-2011 (European Summer School on Logic, Language and information), Ljubljana, Slovenia, 1–12 August 2011.

Potts 2005 — Ch. Potts. The Logic of Conventional Implicatures [Oxford Studies in Theoretical Linguistics]. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Schenner 2012 — M. Schenner. Structures for Interpreting Evidentials. Paper presented at International workshop “The nature of evidentiality”, Leiden, The Netherlands, 14–16 June 2012.

В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина
ИРЯ РАН — МГУ, НИУ ВШЭ — ИРЯ РАН, Москва

ГРАММАТИКА *ПОРЯДКА*[1]

1. Введение

Вопрос о лексических источниках грамматических значений — один из самых обсуждавшихся в теории грамматики (в особенности, естественно, в рамках теории грамматикализации). Считается, что некоторые группы именной и глагольной лексики наиболее часто становятся такими источниками, имея своего рода «предрасположенность» к грамматикализации [Heine, Kuteva 2002, 2007; Hopper, Traugott 2003]. Как правило, в их числе называют части тела [Matsumoto 1999; Svorou 1993; Suutari 2006], глаголы движения и позиции [Майсак 2005], ментальные предикаты [Heine 1993; Frajzyngier 1996]. В этой статье мы хотели бы обратить внимание на нетривиальные модели грамматикализации еще одного лексического значения, не попавшего не только ни в один из названных выше классов, но, как кажется, и вообще в поле зрения грамматистов и лексикологов. Речь пойдет о словах со значением ‘ряд’ (и прежде всего, непосредственно о русском слове *ряд*), которые обладают уникальными семантическими свойствами, и, вследствие этого, уникальным языковым поведением; в этом отношении они действительно недооценены. В частности, в самом известном списке лексических источников грамматических значений — словаре [Heine, Kuteva 2002] — такое значение отсутствует вовсе.

Между тем, если ограничиться даже одним русским *ряд*, богатство и разнообразие его грамматических и квазиграмматических[2]

[1] Работа выполнена в рамках проекта «Семантико-синтаксический компонент интегрированного корпусного описания русской грамматики», поддержанного РГНФ (14-04-00264). В данной работе также использованы результаты проекта «Корпусные технологии в лингвистических и междисциплинарных исследованиях», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

[2] «Квазиграмматическими» принято (вслед за И. А. Мельчуком) называть единицы, близкие к грамматическим по многим своим характеристикам, но не полностью соответствующие эталону грамматичности

производных не может не удивлять. Среди них есть и пространственные (как *рядом*), и количественные (как *изрядно* или [*целый*] *ряд*), и видовременные (как *подряд*), и дискурсивные (как *наряду с*), и модальные (как *вряд ли*). Каждая группа заслуживает внимания, но мы сосредоточимся в основном на группе видовременных значений, которые всегда вызывали особый интерес Виктора Самуиловича, как сами по себе [Храковский (ред.) 1989, 2009], так и в отношении типологической специфики русского материала [Храковский 2001, 2002]. Но первый вопрос, который мы хотели обсудить — конечно, о том, как и почему такое разнообразие вообще возможно.

Лексема *ряд* обозначает особую вытянутую конфигурацию, которую образует множество объектов, расположенных последовательно (ср. толкование в МАС: «совокупность предметов, лиц, расположенных один к одному, друг за другом, в одну линию»[3]).

В этом определении, как и в самом внеязыковом объекте, который оно описывает, заложены разнородные составляющие. В первую очередь, это количественный компонент значения, а именно, идея достаточно большого количества, порождаемая представлением о множестве объектов. Далее следует пространственный компонент значения: он возникает потому, что *ряд* описывает организацию взаимного расположения элементов внутри множества. В соответствии с ней, каждый элемент множества находится в непосредственной близости от своих соседей, а все вместе они выстроены в определенную конфигурацию. Наблюдатель не всегда может зрительно охватить эту конфигурацию целиком, получив, так сказать, «вид сверху»: часто он видит упорядоченные таким образом объекты сбоку, перемещая взгляд и минуя их по одному. В этом случае проявляется и временна́я составляющая семантики ряда: с точки зрения стороннего наблюдателя, находящегося вне множества, пространственное «друг за другом» превращается во временно́е «один за другим».

(главным образом, это несоответствие проявляется в том, что квазиграмматические показатели могут не входить в эквиполентные оппозиции и, тем самым, не обладать явно выраженной обязательностью). Подробнее об этом классе единиц см. [Мельчук 1997: 286–288; Перцов 2001; Плунгян 2011: 66–70].

[3] [МАС 1999: 748–749].

Это «превращение» является простейшим случаем метонимии, возникающей за счет смежности пространства и времени в условиях движения наблюдателя: движение связано с преодолением пространства, т. е. с изменением пространственных координат движущегося субъекта. Одновременно движение в пространстве требует затрат времени, т. е. изменения временных координат субъекта. Таким образом, оно представляет собой чистый случай так называемой «смежности» ситуаций, которая, как известно, является первым признаком метонимического переноса [Peirsman, Geeraerts 2006; Panther, Thornburg 2007]. Этот вид метонимии настолько широко распространен, что его обычно принимают за метафору, причем относящуюся к первичным (*primary*), или базовым и подходящим под формулу Дж. Лакова и М. Джонсона, TIME IS SPACE [Lakoff, Johnson 2003].

Похожих примеров очень много.

Действительно, именно как метонимию, а не метафору, стоит описывать многозначность многих прилагательных, способных выступать и в пространственных, и во временных контекстах, ср. *короткий путь* vs. *короткий день* (или *короткие перебежки*, *короткое забытье*, *короткий ответ*); ср. также *редкие станции* как ‘удаленные в пространстве’ и/или ‘редко встречающиеся’. Тот же эффект возникает и в целом ряде предложных конструкций и (менее грамматикализованных) именных, допускающих как пространственные, так и временные именные группы: *до калитки ~ до пятницы*, *через гору ~ через неделю*; *конец*/*середина поля ~ конец*/*середина июля*. Ср. также сочетания *на каждом углу*/*шагу*, совмещающие значения ‘всегда, все время’ и ‘везде’, часто в одном и том же употреблении (ср. пример из НКРЯ: *В селении едва ли не на каждом шагу встречались знакомые лица* [2003]). Все эти примеры описывают только динамические ситуации, в которых есть субъект движения — или статические, но такие, в которых участвует наблюдатель, как бы переводящий свой взгляд из одной точки в другую, имитируя тем самым обычное перемещение в пространстве (ср. восходящий к Р. Лангакеру и Л. Талми термин «абстрактное движение», который обычно в таких случаях используется; подробнее см. [Рахилина 2010: 374]). В не связанных с движением контекстах метонимия типа ПРОСТРАНСТВО → ВРЕМЯ не возникает.

Подтверждением этому служит и поведение интересующего нас слова *ряд*: свою «врожденную» способность к метонимическому переносу эта лексема реализует вовсе не во всех производных наречиях. Так, апеллирующие к статическим локализациям *рядом с* и *в ряду* остаются исключительно пространственными. Зато *наряду* (*с*) развивает дискурсивное значение функционального равноправия, в некоторых контекстах близкое к одновременности, ср.: ⟨…⟩ ***наряду с*** *дурацкими пропагандистскими фильмами время от времени выходили и альтернативные картины* (НКРЯ, 2002).

Интересно, что во многих случаях оказывается почти невозможно установить направление описанного нами перехода, ср. прежде всего примеры с прилагательным *редкий*, в синхронном описании которого временное значение не в меньшей степени, чем пространственное, может претендовать на то, чтобы считаться исходным. То же верно и для пространственно-временной конструкции *на каждом шагу*: на первый взгляд, она устроена так, как если бы пространственное значение было бы для нее вторичным и развивалось из временного (ее описание на фоне других похожих конструкций дается в [Летучий, Рахилина 2011]). Такие примеры — еще один, дополнительный, аргумент в пользу того, чтобы признать семантический сдвиг, о котором мы говорим, метонимией, а не метафорой: ведь с теоретической точки зрения, метафора SPACE IS TIME как трансформация абстрактной категории времени в конкретную (пространство) трудно представима. Между тем, для метонимии направление сдвига при переносе значения совершенно не важно: теоретики согласны, что в отличие от метафоры, метонимические отношения могут быть двунаправлены [Panther, Thornburg 2007; Barcelona 2011].

Между тем, кажется, что других семантических переходов типа ПРОСТРАНСТВО → ВРЕМЯ, не похожих на динамические ситуации, совмещающие время и пространство, в общем-то, нет (если не считать обычно выделяемую в особый класс метафору контейнера, ср. ***в*** *1911 году*, ***на*** *этой неделе*, ***полный*** *рабочий день* и т. п.; о русском материале см. подробнее [Nesset 2004]) — а значит, по-видимому, нет и самой метафоры этого типа.

Таким образом, источником разнообразия производных значений, связанных с лексемой *ряд*, служит вполне стандартная метонимия.

2. *Ряд* в ряду других

Теперь вернемся к русскому *ряд* и обратим внимание на другие его особенности. Словари свидетельствуют, что и в древне-, и в среднерусском это слово было очень многозначно: так, [Словарь 1997: 281–284] выделяет 20 значений. С некоторой долей условности их можно разделить на три большие группы. Первая и, видимо, главная — это группа пространственных значений — заметим, очень частных и конкретных: ‘ряд, шеренга’ (XIV–XVII вв.)[4]; ‘строй, хоровод’ (XI в.); ‘столбец, страница’(XII–XVI вв.); ‘ярус, уровень’(XII–XVII в.); ‘торговый ряд’ (XII–XVII вв.), ‘торгово-ремесленное поселение’ (XVI в.). Вторую большую группу можно назвать «юридической»: ‘правило, устав, распорядок’ (XI–XVII вв.); ‘договор, условие, соглашение’ (XII–XVII вв.); ‘завещательное распоряжение’ (XII–XVI вв.); ‘хозяйственное поручение’ (XII в.); ‘должность, чин’ (XIII в.); ‘удел, наследство’ (XV в.). Обе эти группы значений достаточно предметны и далеки от грамматических, зато они охватывают очень широкий круг употреблений, и видно, что слово *ряд* было в силу этого фактора частотным — причем на протяжении всего периода XI–XVII вв. Наконец, третий класс употреблений — это временные: ‘очередь, порядок, очередность’ (XI–XVII вв.) и ‘каждый случай повторения’, ‘раз’ (XIV–XVII вв.).

Сама по себе частотность употребления лексемы обычно является довольно мощным фактором, который способствует ее грамматикализации в каких-то прагматически выделенных контекстах (в особенности, если эти значения близки к грамматической зоне, как у лексемы *ряд*) — в таком контексте старое предметное значение слова, как говорят в работах по грамматикализации, «выветривается» и становится более абстрактным. Поэтому уже в XI в. засвидетельствовано *безъ ряду* с дискурсивным смыслом ‘невпопад, некстати’ и известное также в старославянском *поряду* ‘последовательно; следовательно; подряд, непрерывно, и др.’, а в XVI–XVII вв. — временные *въ ряду*, *съ* (*одного*) *ряду* и *сряду* ‘подряд’, *въ рядъ* ‘вместе’.

Заметим, что эти конструкции к настоящему времени практически все утрачены (или маргинальны в литературном языке, как

[4] В скобках указывается датировка примеров, имеющихся на это значение в [Словарь 1997].

сряду), но тенденция, которую мы видим на этих примерах, сохранилась и привела к тому, что значение лексемы *ряд* резко сузилось — в том смысле, что эта лексема лишилась подавляющего большинства своих исходных предметных значений (приобретя взамен за все это время только одно-два новых: ‘кресла в одну линию в театре, кино и др.’ и *ряд* <*петель*> в вязании). Но одновременно с сужением значения слово *ряд* расширило зону своего собственного применения — за счет общих, абстрактных и квазиграмматических употреблений со значением большого количества: *ряд лиц*, *целый ряд*, <*пополнили*> *ряды безработных*, *смятение в рядах недавних победителей*. Сверх того, корень *ряд* успел, как мы уже говорили, закрепиться в довольно большом числе конструкций, и в их контексте грамматикализоваться уже не в количественном, а в пространственном, временном, дискурсивном или модальном значении.

Похожая история случилась и со словообразовательными дериватами этой лексемы. В историческом словаре зафиксировано четыре деривата: *вряд*, *поряду*, *рядом*, *сряду* — все они, за исключением *рядом*, исчезли (как *поряду*) или почти исчезли (как *сряду*) из языка. Зато появились наречие *подряд* и существительное *порядок*, судьбу которых, на фоне других квазиграмматических конструкций с *ряд*, мы бы хотели рассмотреть подробнее.

3. *Подряд* и *порядок*

В современном языке есть два омонимичных деривата от корня *ряд*-: предикатное имя, соотносящееся с ситуацией с достаточно конкретным значением и наречие с очень абстрактной семантикой, реализующей разные пути грамматикализации.

Первое — это отглагольное существительное *подряд*, от глагола *подрядить*/*подрядиться*, в свою очередь образованного с помощью приставки *под*- от глагола *рядить*(*ся*); оно употребляется в основном только в очень узком терминологическом значении (бухгалтерское *договор подряда*), а также (реже) в значении найма на работу, с целевым управлением: *на* +Асс (*взял подряд на сельскохозяйственные работы*). Между тем, прежде это имя, видимо, могло управлять предлогом *под* в проспективном значении, ср. следующий пример XVIII в. из НКРЯ с глагольным коррелятом *подрядиться*:

А буде кто ***подрядится под хмель или под мед****, чтобы поставить ему про царский обиход на дворец или и на кабаки, то тем*

подрядчикам дворцовым брать указы из дворца, а кабацким от камериров. [И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве (1724)].

Тем самым, отглагольное *подряд*, по всей вероятности, реализовывало ту же модель, что и современные *подставка* (*под*), *подкладка* (*под*), *подстежка* (*под*); см. подробнее [Плунгян, Рахилина 2014]. Правда, в сегодняшнем русском это непродуктивная номинализованная конструкция вида X ПОД Y_{Acc}. Ее значение можно описать как «пространственное предназначение»: один объект (X) — мобильный, подпадающий под определение «фигуры», предназначен для того, чтобы находиться под другим (Y) — «фоновым»; X несамостоятелен, он называет такую вещь, которая функционирует не сама по себе, а только в паре с Y (ср. описание отношения «дополнительности» в [Рахилина 2010]). Вспомогательный статус X иконично выражен в словообразовательной модели, по которой строится его деривация: он образуется приставкой *под-*, дублирующей предлог, от узкой группы позиционных глаголов или глаголов каузации позиции; аккузативное именное управление (Y) со стандартной семантикой конечной точки/цели задает предназначение X.

Из того, что *подряд* укладывается в только что описанную словообразовательную модель с точностью до семантики предиката, можно сделать предположение, что когда-то в истории произошло сужение ее семантики: видимо, нам остался только небольшой семантически компактный осколок от более старой конструкции, причем с гораздо более общим значением.

Совсем по другой модели построено омонимичное имени наречие *подряд*, или *под ряд*, как его писали в некоторых старых текстах: ⟨…⟩ *два выстрела под ряд попали во французский корабль.* («Исторический вестник», 1898), и писали не случайно: оно восходит к предложной конструкции, причем с совершенно другой семантикой, чем рассмотренная приставочная. Это конструкция со значением имитации, в современном варианте представленная сочетаниями типа *покрытие под траву*, *под мрамор*, ср. также устаревшее *подделываться под*, как в примере *подделываться под тон приятелей своих* (Н. А. Львов, 1789–1797) или *подделка под*, как в примере *жбан для жженки из чистого серебра, подделка под ведро!* (А. И. Эртель, 1889)[5]. Во всех этих случаях целевой

[5] В определенном смысле продолжают эту семантику и современные сленговые конструкции типа *косить под психа*.

аккузатив вводит идею образца для подражания, в том числе, зрительный образ известного персонажа (*кепка под Маяковского*) или модель для изготовления артефакта (*прическа под бобрик*).

Релевантность этой конструкции для более древнего состояния русского языка доказывает то, что в современном русском сохранилось несколько застывших фразем, которые повторяют ее семантико-синтаксическую структуру, ср.: *<подходит> под цвет*, а также в дативной конструкции: *ему под стать*/*под силу*. По нашей гипотезе, *подряд*, построено по той же модели (< ‘под ряд’, где *ряд* имеет значение ‘очередность’).

В современном русском языке *подряд* используется преимущественно во временном значении иммедиатного следования: *показывает картинки подряд* или (в контексте временных отрезков) непрерывности: *пятнадцать минут подряд*. Позже, из временно́го значения развивается квантификативное, в контексте квантора: ***всё*** *подряд*. Это значение полного охвата, как в *знакомиться со всеми подряд*[6]. Таким образом, *подряд* использует весь метонимический потенциал *ряд*, о котором мы говорили вначале.

Интересно, что тот же метонимический эффект воспроизводится в других европейских языках в сочетаниях со сходной семантикой, но в контексте других локализаций (соответственно, ‘в’, ‘на’ и ‘к’): англ. *in a row*, норв. *på rad*, нем. *der Reihe nach*. Получается, что не так важно, какое именно пространственное расположение предмета относительно ряда было исходным — результат состоит в том, что вместе с остальным рядом он воспринимается как последовательность. Собственно, этот вывод можно сделать и на русском материале — только не синхронном, а историческом: в истории русского языка тоже были близкие конструкции с другими локализациями, в первую очередь, *кряду* и *сряду* (а также *поряду*).

4. *Подряд* и *кряду*

Исходно направительная локативная конструкция *к ряду*, превратившаяся (как и наше *подряд*) в наречие, тоже реализует временно́е значение иммедиатной последовательности. Согласно

[6] В НКРЯ хронологически первый пример — из Л. Н. Толстого [1863]: *читал все подряд*.

НКРЯ, для обоих этих наречий первые употребления такого рода датируются началом XIX в., ср.: *несколько дней* ***подряд*** *получал* (А. В. Никитенко. Дневник, 1826–1855), *несколько часов* ***к ряду*** *с мужеством оные защищавшие* (К. Ф. Толь, 1812), *прикинуться несколько раз* ***кряду*** *Димитрием* ⟨…⟩ (О. И. Сенковский, 1832). Однако, в отличие от *подряд*, *кряду* быстро устаревает: к сегодняшнему дню их относительная частотность отличается примерно в 10 раз: 4198 употреблений для *подряд* против 388 для *кряду*; в более точно отражающем современное состояние газетном корпусе разрыв даже больше: 6410 к 506.

При этом базовая сочетаемость у них очень похожа: оба наречия сочетаются преимущественно со стандартными отрезками времени (*вечер*, *сутки*, *год* и под.). Но если посмотреть, что происходит за пределами этого класса имен, то оказывается, что *кряду* «оккупирован» спортивными журналистами: про матчи, спортивные встречи, геймы, очки, а также победы и поражения предпочитают говорить не *подряд*, а *кряду*. Для всего остального предпочтительнее окажется более нейтральное *подряд*, ср. *человек, трижды подряд избиравшийся градоначальником.*

5. *Сряду*

Временное *сряду* восходит к аблативной конструкции — но скорее, в посессивном, а не пространственном значении (‘принадлежащий ряду’) — и в этом смысле представляет параллельное развитие с итальянским *di fila* (букв. ‘принадлежащий линии’ < лат. *de* с аблативным значением, практически утраченным в современном итальянском). Исходно пространственное значение имеет другой фразеологизм: *из ряда вон <выходящий>*, но он развивается в совершенно другую, оценочную сторону, по той же модели, что и англ. *outstanding*, ср. также *изрядный* в значении ‘большого размера/количества’[7].

В хронологическом отношении, если опираться на корпусные данные, создается впечатление, что *сряду* является чуть более

[7] Подробное описание семантических источников оценочных признаковых слов — и среди них, значений типа ‘выходящий из ряда’ — дается в [Рыжова 2012]. В [Рахилина и др. 2010] описаны семантические механизмы, по которым происходят соответствующие сдвиги в значениях прилагательных и наречий.

ранним вариантом, первоначально более употребительным, но впоследствии практически утраченным: в основном корпусе мы находим 921 употребление, но все они старые, в современных текстах их практически нет, или это стилизация — показательно, что газетный корпус вовсе не дает вхождений этого наречия. Примеры типа *Колено ваше кесарей дало вам* ***сряду*** *четырех тиранов* ⟨…⟩ [Д. И. Фонвизин. Слово похвальное Марку Аврелию, 1777] сейчас воспринимаются как явные архаизмы.

Итак, из трех практически синонимичных предложных конструкций со словом *ряд* в русском языке осталась одна: несмотря на разные источники, в процессе грамматикализации во временное значение они не смогли семантически разойтись настолько, чтобы «не мешать» друг другу. Но сравнивая их между собой, мы не учли еще одну, самую старую пространственную конструкцию с *ряд*: *по ряду*, а она заслуживает отдельного разговора.

6. *По ряду* и *по порядку*

Действительно, история конструкции *по ряду* замечательна уже потому, что она, по-видимому, самая старая из всех, так как засвидетельствована не только в древнерусских памятниках начиная с XI в., но и в старославянском[8]. Исчезнув в современном языке, она в свое время тоже прошла путь грамматикализации из пространственного значения во временное. Замечательно, однако, что значение, индуцированное предлогом *по*, оказалось отличным от того, что мы находим у других локативных конструкций с элементом *ряд.* Те акцентировали идею ***компактности*** (или «плотности») ряда как множества — на основе которой затем развивалась семантика иммедиатности и непрерывности. Здесь же был реализован совершенно другой сценарий: базовой оказалась идея ***отдельности*** элементов и их ***последовательности***, ***упорядоченности***: имея дело с рядом, мы знаем, какой будет его следующий элемент. Из нее возникла семантика — тоже временна́я — очередности и порядка.

[8] Так, именно эта конструкция употреблена в начале славянского перевода Евангелия от Луки, ср.: *Изволи сѧ и мьнѣ хождъшю ис пръва по вьсѣхъ, въ істинѫ* ***по рѧдѫ*** *писати тебѣ, славъны Теофиле* (Лк. 1:3, по Мариинскому евангелию).

Важно, что семантическим источником для представления о компактности ряда как множества (а затем — метонимически — иммедиатности и непрерывности временной ситуации) послужили пространственная локализация СУБ, а также аллативное и посессивное значения. Все три связаны с идеей присоединения к ряду: через достижение контакта в результате движения (в случае динамического *к*), доминантность ряда по отношению к отдельному элементу (в случае *под*) или принадлежность элемента ряду (в случае *с*). Но в случае пролативного *по* опиисывается движение субъекта (фигуры) относительно ряда как фона; в процессе этого движения никакого контакта с самим рядом не возникает, так что значение цельности и непрерывности было бы для сочетания с этим предлогом менее ожидаемым. Зато субъект движения (или наблюдатель), не присоединяясь к ряду, а двигаясь вдоль него, «видит» свойственную ему равномерность и последовательность, т. е., собственно, порядок.

Напомним, что в древнерусском одним из значений слова *ряд* и было ‘порядок’, так что *по ряду* тогда значило ровно то же, что теперь — *по порядку*: ‘в соответствии с очередностью’. Но потом у слова *ряд* это значение утратилось, и, что интересно, для того, чтобы учредить его снова, уже использовавшаяся модель была с воспроизведена с использованием того же морфологического материала (*по-ряд-ок*): порядок в грамматической семантике и предполагает, что в ней нет ничего случайного.

Литература

Летучий, Рахилина 2011 — А. Б. Летучий, Е. В. Рахилина. Значение конструкций в грамматике и грамматика в значении конструкций. Тезисы конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», 2011. (http://iling.spb.ru/confs/programme_rusconstr2011.html)

Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.

МАС 1999 — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка. Т. 3. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999; 4-ое изд., стер.

Мельчук 1997 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. I. М.: Прогресс, 1997.

Перцов 2001 — Н. В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Плунгян, Рахилина 2014 — В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. Семантико-синтаксические свойства русских конструкций с предлогом *под*: прямые (пространственные) и переносные (временны́е) употребления // Die Welt der Slaven LIX, 2014. S. 22–56.

Рахилина 2010 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. 2-ое изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2010.

Рахилина и др. 2010 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, О. С. Карпова. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Е. В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 396–455.

Рыжова 2012 — Д. А. Рыжова. Формирование оценочных значений на базе признаковой лексики. Дипломная работа. МГУ им. М. В. Ломоносова, М., 2012.

Словарь 1997 — Г. А. Богатова (ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М.: Наука, 1997.

Храковский 2001 — В. С. Храковский. Семантика основных значений СВ и НСВ в русском языке // V. S. Chrakovskij, M. Grochovski, G. Hentschel (eds.). Studies on the Syntax and Semantics of Slavonic Languages. Papers in Honour of Andrzej Bogusławski on the Occasion of his 70th Birthday [Studia Slavica Oldenburgensia 9]. Oldenburg: Biblioteks- und Informationssystem der Universität Oldenburg, 2001. P. 89–108.

Храковский 2002 — В. С. Храковский. Русский язык в зеркале типологии: новации в императивной парадигме // Русский язык в научном освещении, 2, 2002. С. 91–101.

Храковский (ред.) 1989 — В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.

Храковский (ред.) 2009 — В. С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009.

Barcelona 2011 — A. Barcelona. Reviewing the properties and prototype structure of metonymy // R. Benczes et al. (eds.). Defining Metonymy in Cognitive Linguistics: Towards a Consensus View. Amsterdam: John Benjamins, 2011. P. 7–58.

Frajzyngier 1996 — Z. Frajzyngier. Grammaticalization of the Complex Sentence: A Case Study in Chadic. Amsterdam: John Benjamins, 1996.

Heine 1993 — B. Heine. Auxiliaries: Cognitive Forces and Grammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 1993.

Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Heine, Kuteva 2007 — B. Heine, T. Kuteva. The Genesis of Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Hopper, Traugott 2003 — P. Hopper, E. Traugott. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2nd ed., 2003.

Lakoff, Johnson 2003 — G. Lakoff, M. Johnson. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 2nd ed., 2003.

Matsumoto 1999 — Yo Matsumoto. On the extension of body-part nouns to object-part nouns and spatial adpositions // B. Fox et al. (eds.). Cognition and Function in Language. Stanford: CSLI, 1999. P. 15–28.

Nesset 2004 — T. Nesset. 2004. Case assignment and image schemas: Russian temporal adverbials // Studies in Language 28, 2, 2004. P. 285–320.

Panther, Thornburg 2007 — K.-U. Panther, L. L. Thornburg. Metonymy // D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.). The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 236–263.

Peirsman, Geeraerts 2006 — Y. Peirsman, D. Geeraerts. Metonymy as a prototypical category // Cognitive Linguistics 17, 3, 2006. P. 269–316.

Suutari 2006 — T. Suutari. Body part names and grammaticalization // M.-L. Helasvuo, L. Campbell (eds.). Grammar From the Human Perspective: Case, Space and Person in Finnish. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 101–128.

Svorou 1993 — S. Svorou. The Grammar of Space. Amsterdam: John Benjamins, 1993.

В. И. Подлесская

РГГУ — ШАГИ РАНХиГС, Москва

О ПРОСОДИЧЕСКИХ СИМПТОМАХ ИНТЕГРАЦИИ В КОНСТРУКЦИЯХ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ[1]

1. Грамматическая типология полипредикативных конструкций — интенсивно разрабатываемая область; за последние десятилетия в ней достигнуты существенные результаты — далеко не в последнюю очередь, благодаря усилиям Виктора Самуиловича Храковского и его коллег. Для предмета моей статьи — конструкций с сентенциальными актантами — важнейшей вехой в исследовании стала, безусловно, монография «Типология конструкций с предикатными актантами» [Храковский (ред.) 1985].

Для конструкций с сентенциальными актантами в число основных типологизирующих параметров включаются обычно те, которые задают меру интеграции конструкции, в том числе, следующие два:

(а) наличие vs. отсутствие грамматического маркера подчинения (комплементайзера или его аналогов); и

(б) мера грамматической автономности компонентов конструкции (наличие vs. отсутствие собственного подлежащего, финитность vs. инфинитность сказуемого, наличие vs. отсутствие «эффектов главной клаузы» и др.).

Изучение просодических параметров пока находится вне типологического «мэйнстрима», хотя исследователи, работающие с «живыми» текстами, так или иначе признают, что просодические средства могут отражать степень семантической интеграции полипредикативной конструкции не в меньшей степени, чем лексико-грамматические средства, см., например, [Croft 1995, 2001; Mithun 1988; Michaelis 1994; Givón 2009; Noonan 2007; Raible 2001] и др. Приведу несколько красноречивых цитат (вольные переводы с английского мои. — *В. П.*):

[1] Исследование поддержано грантом РГНФ (№12-04-00258).

- «Грамматическая единица, которая реализуется как одна интонационная единица, хранится в памяти говорящего и воспроизводится им как целостная конструкция. Именно возможность хранения и воспроизведения в качестве одной интонационной единицы задает верхний предел синтаксической сложности лингвистической единицы хранения. Конструкции, которые при реализации разбиваются на несколько интонационных единиц, не воспроизводятся, а строятся каждый раз заново при речепроизводстве. Разбиение на несколько интонационных единиц требует бóльших усилий при обработке» [Croft 2001: 193].
- «Если событие представлено как концептуально целостное, то внутри [полипредикативной конструкции] нет интонационного шва, если событие представлено как состоящее из нескольких отдельных действий, то описание каждого из действий реализуется в отдельной интонационной единице» [Mithun 1988: 344].
- «Сложное предложение возникает в языке из соположения двух независимых клауз; далее, на промежуточной ступени, эти клаузы объединяются, реализуясь в пределах одного интонационного контура; и, наконец, сливаются — вплоть до ко-лексикализации и превращения в сложное слово» [Givón 2009: 81–118][2].

Однако пока в этой области гораздо больше вопросов, чем ответов. Как просодическое членение полипредикативной конструкции коррелирует с лексико-грамматическим? Почему в одних

[2] «The Grammatical Units that occur in a single Intonation Unit are stored in the mind as whole constructions, thereby putting an upper limit on the syntactic complexity of stored linguistic units ⟨…⟩. Constructions that are broken across multiple Intonation Units are computed, and it is the greater processing load, at least for complex structures, that leads to production in separate intonation units» [Croft 2001:193].

«Conceptually unitary events are presented with no break in intonation; conceptually more distinct actions are separated intonationally» [Mithun 1988: 344].

«The process of creating complex clauses begins with two-clause parataxis, proceeds through an intermediate stage of condensation under a single intonation contour, and may end in co-lexicalization and complex words» [Givón 2009: 81–118].

случаях просодическая автономизация компонентов полипредикативной конструкции обязательна, в других — допустима, но не обязательна, а в третьих — запрещена? Каковы объективные симптомы просодической автономизации компонентов полипредикативной конструкции? В данной статье я попытаюсь сделать небольшой шаг на пути решения этих вопросов применительно к одному классу полипредикативных конструкций — русским конструкциям с сентенциальными актантами.

Работа основывается на материале четырех экспериментальных корпусов устной монологической речи: «Рассказы о сновидениях» (1 час 50 минут звучания), «Истории о подарках и катании на лыжах» (35 минут звучания), «Рассказы сибиряков о жизни» (40 минут звучания) и «Веселые истории из жизни» (1 час 10 минут звучания). Экспериментальные корпуса доступны в пилотном режиме на сайте spokencorpora.ru (разрабатывается коллективом исследователей при участии автора статьи). О деталях транскрипции, использующейся в экспериментальных корпусах см. подробнее [Кибрик, Подлесская 2009]. Для правильной интерпретации просодической нотации в приводимых примерах достаточно знать, что:

- текст разбивается на строки, каждая из которых соответствует элементарной дискурсивной единице (ЭДЕ) — минимальному кванту дискурса, целостность которого задается единым рематическим акцентом;
- движение тона в акцентированном слове указывается перед словом иконически с помощью косых черт;
- ударный слог в слове — носителе фразового (рематического) акцента подчеркивается;
- незавершенность открытого списка нотируется в транскрипте многоточием на границе иллокуции, и знаком «,,,» (три запятых) внутри иллокуции;
- речевой сбой маркируется знаком «==» на границе иллокуции, и знаком «||» внутри иллокуции;

Паузы нотируются с помощью точек (абсолютные) и литер *‘*, *э*, *м* (заполненные). Ссылки на корпуса даются после номера примера в виде сокращений РОС, ИПЛ, РСЖ, ВИЖ соответственно.

2. Я буду рассматривать «тривиальный» класс русских конструкций с сентенциальным актантом: (а) придаточное вводится

с помощью комплементайзера *что*; (б) придаточное располагается справа от главной клаузы; (в) и в вершине главной клаузы, и в вершине зависимой клаузы стоит финитный глагол, ср.:

(1) *Петя знает, что Маша приедет*.

Термин «главная» клауза я употребляю здесь и далее условно, отдавая дань принятой в традиционной русистике терминологии. С точки зрения последовательного анализа в терминах составляющих «остаток» объемлющей клаузы (предложение за вычетом сентенциального актанта, ср. *Петя знает*) ни клаузой, ни вообще синтаксической составляющей не является. Однако он имеет внешнюю оболочку, условно тождественную клаузе, что и отражается в традиционном членении сложного предложения на простые. Эта оговорка существенна, поскольку, когда ниже я буду говорить о просодической автономности главной клаузы, это фактически будет означать, что просодической автономностью наделяются лексико-грамматические фрагменты, не являющиеся составляющей.

Я буду выделять три основных типа просодической организации конструкций с сентенциальным актантом: 1) дефолтный; 2) интегрированный; и 3) дезинтегрированный.

1) В дефолтном типе главная и придаточная клаузы просодически автономны; в частности, каждая из клауз имеет собственную рему, которая реализуется значимым движением тона в собственном фразовом акценте. Кроме того, просодическая автономность подкрепляется наличием очевидной интонационной границы между клаузами, симптомами которой может быть так называемый ресет (начало интонационного движения с базового уровня частоты), а также значимые изменения темпа, громкости и т. д. Связь между клаузами просодически маркирована с помощью интонационного сигнала незавершенности в главной клаузе (обычно это подъем тона во фразовом акценте главной клаузы). Схематически этот тип просодической организации изображен в (2); с помощью фигурных скобок отображено просодическое членение; запятая в конце главной клаузы показывает, что просодически она оформлена как непоследняя в иллокутивной цепочке, т. е. содержит просодический сигнал незавершенности иллокуции; в данном случае это подъем тона на фразовом акценте главной клаузы, оно показано с помощью слэша (как и падение на фразовом акценте

придаточного, сигнализирующее завершение иллокуции, место завершения иллокуции нотировано точкой); гласная в слове-носителе главного фразового (рематического) акцента подчеркнута:

(2) {*Петя /зн<u>а</u>ет,*} {*что Маша \при<u>е</u>дет.*}

В дефолтном типе просодическая организация конструкции прозрачным образом скоррелирована с ее грамматической организацией: (а) просодическая автономность компонентов конструкции прямо соотносится с их грамматической автономностью — наличием финитного предиката в обеих вершинах и наличием собственного подлежащего в обеих клаузах; и (б) наличие грамматического сигнала связи (комплементайзера *что*) и свободной незамещенной валентности у предиката (*знает*) в главной клаузе соотносится с наличием просодического сигнала незавершенности главной клаузы.

2) В интегрированном типе вся полипредикативная конструкция реализуется как одна ЭДЕ: у нее единый фразовый акцент. Модельный пример (1) может реализоваться как интегрированный, например, если приезд Маши уже был введен в поле зрения говорящих, и необходимо лишь подтвердить, что Пете о нем известно, см. (3). В этом случае все предложение имеет единственную, так называемую верификативную, рему. Она реализуется с интенсивным падением тона на сказуемом главного предложения (ИК2 в терминологии интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой, см. раздел «Интонация» в [Шведова (ред.) 1980]):

(3) {*Петя \зн<u>а</u>ет что Маша приедет.*}

В интегрированном типе синтаксическая автономность клауз (финитное сказуемое, собственное подлежащее) не подкрепляется просодической автономностью, как это было в дефолтном типе; фактически, реализуется интонационная модель, которая соответствует моноклаузальности.

3) В дезинтегрированном типе, как и в дефолтном, главная и придаточная клаузы просодически автономны: каждая имеет собственный фразовый (рематический) акцент. Однако — в отличие от дефолтного типа — отсутствует просодический сигнал связи между клаузами: главная клауза произносится так, как если бы она не предполагала продолжения. Типичная просодическая

конфигурация в этом случае — падение тона по типу ИК1 и в реме главной клаузы, и в реме придаточного (точка нотирует завершение иллокуции):

(4) {*Петя \зн<u>а</u>ет.*} {*Что Маша \при<u>е</u>дет.*}

Этот тип возможен, например, в том случае, когда говорящий первоначально считает содержание придаточного уже известным слушающему, но по ходу произнесения начинает сомневаться в этом, и решает все-таки постфактум добавить это придаточное: *Петя знает.* [*Ну, ты понимаешь, что я имею в виду:*] *что Маша приедет*.

Рассмотрим теперь на корпусном материале, как именно реализуются эти три просодических типа.

3. При артикуляции дефолтного типа, как было сказано выше, главная и зависимая клаузы имеют собственный рематический акцент. В типичном случае в реме главной клаузы происходит подъем тона, что является сигналом незавершенности, а в реме зависимой клаузы — падение тона, что является сигналом завершенности:

(5) ИПЛ Т1-3[3]
.... Он ему-у /сказ<u>а</u>л,
что она стоит \мн<u>о</u>го.

Важным симптомом просодической автономности компонентов конструкции является способность к независимой коммуникативно-просодической организации: каждый из компонентов может не только формировать цельную рематическую составляющую, как в примере (5), но и допускать более дробное коммуникативно-просодическое членение. В частности, один или оба компонента, помимо рематической составляющей, могут включать также одну или несколько тематических. Так, в примере (6) в главной клаузе две собственных темы *в один прекрасный солнечный*

[3] Примеры из экспериментальных корпусов даются другим шрифтом (Arial), а не курсивом, как это предусмотрено регламентом данного издания, поскольку курсив в транскриптах задействован для нотирования ускоренного темпа (так называемого «аллегрового» произнесения).

день и *один дядечка*, а в придаточном — одна собственная тема *у жены его*:

(6) ИПЛ Т1-9
.. В один прекрасный солнечный /день .. ээ .. один \/дядечка … ээ /вспомнил,
что-о у /–жены его’ … день \рождения.

Просодический симптом автономности — возможность внутренней коммуникативно-просодической организации компонента конструкции — хорошо согласуется здесь с грамматическими симптомами автономности — наличием в каждом компоненте собственного подлежащего и финитного сказуемого (представленного, впрочем, в придаточном примера (6) нулевой связкой).

В исследованных корпусах дефолтный тип — наиболее частотный: по предварительным подсчетам, не менее половины конструкций с сентенциальным актантом строятся по этой модели.

4. Конструкции интегрированного типа реализуются с единым рематическим акцентом. Чаще всего единая рема располагается в придаточном:

(7) РОС 115n
.. мне почему-то казалось что я должна всё /решить,

(8) РОС 069n
.. я увидел что .. дверь /\взломана!

В следующем показательном примере в последней строке имеется двойное вложение — [*думал* [*что она сказала* [*не слышу*]]] — и единый на три клаузы рематический акцент располагается на сказуемом в прямой речи:

(9) ВИЖ 03_sp
А она мне-е .. так-к .. /тихо —
что’= || .. чтоб только \я услышал,
— .. \говорит:
«**Несвежая**».[4]
.... А я-я ... не /услышал,
... и-и думал что она сказала «**Не \слышу я**.»

[4] Жирным шрифтом нотируется эмфаза.

Возможна реализация единого рематического акцента и в главной клаузе. Это происходит, в частности, если содержание придаточного не является новым (уже было введено в поле зрения говорящих). Так в примере (10) говорящий оправдывается (в предтексте уже обсуждались последствия случившегося), а в примере (11) объем и состав выпивки являются предметом обсуждения:

(10) РОС 092n
Я не \зна<u>л</u> что потом будет!

(11) ВИЖ 10_sp
.. но абсолютно не /–растеря<u>л</u>ся,,,
/–подка<u>ч</u>иваю к ней,,,
–смотр<u>ю</u> что там у неё в бокале,,,

Таким образом, полипредикативные конструкции интегрированного типа следуют просодической модели моноклаузальной конструкции. В приведенных выше примерах вся конструкция целиком формирует цельную рематическую составляющую. Однако, как и в прототипических моноклаузальных конструкциях, в интегрированных полипредикативных возможно внутреннее коммуникативно-просодическое деление: наряду с рематической составляющей в ней возможна одна или несколько тематических. Граница между темой и ремой может проходить как внутри главной клаузы, так и внутри придаточного. Если вернуться к модельному примеру (1), то схематически два основных варианта коммуникативно-просодического членения интегрированной полипредикативной конструкции можно представить следующим образом:

(12) Граница между темой и ремой проходит внутри придаточного
{*Петя знает что /Маша*} {*\прие<u>д</u>ет*}.

(13) Граница между темой и ремой проходит внутри главной клаузы
{*/Петя*} {*знает что Маша \прие<u>д</u>ет*}, или, с другим местом рематического ударения
{*/Петя*} {*\зна<u>е</u>т что Маша приедет*}

Эти варианты представлены в реальном дискурсе, см. границу темы внутри придаточного в (14), (15):

(14) РОС 125n
.. а потом вспоминаю что-о .. /\пирожного-то у меня в руке уже /нет!

(15) ИП RUS T1-3
.... И-и он решил что-о' их б= || семейный /бюджет этого не –\потянет.

— и границу темы внутри главного в (16), (17):

(16) РСЖ 04_ml_m
.. Типа мне там просто /\мужики порекомендовали что типа /\опытный,

(17) РОС 112n
и-и /почему-то-о ··· мне показалось что этоw мм \китаянка.

Интегрированный тип встречается в корпусе реже дефолтного: по предварительным подсчетам, приблизительно 30% конструкций с сентенциальным актантов в исследованных корпусах следуют этой просодической модели.

5. В конструкциях дезинтегрированного типа главная клауза артикулируется с интонацией завершенности, т. е. как последняя в иллокутивной цепочке. Получается, что незаполненная обязательная валентность предиката главной клаузы «обещает» слушающему продолжение, а просодия, напротив, исключает продолжение. В результате сентенциальный актант порождается как независимый, или парцеллированный. В речи основной класс контекстов такого рода составляют случаи, которые в традиционной пунктуации кодируются двоеточием: это введение речи после авторской ремарки и введение детализирующего или уточняющего фрагмента. В частности, дезинтегрированные конструкции с сентенциальным актантом, вводимым глаголом речи/мысли, воспринимаются слушающим так, как если бы говорящий первоначально задумывал прямую речь, но уже после соответствующим образом артикулированной авторской ремарки сменил стратегию и поместил изъяснительное придаточное:

(18) РОС 008z
.... '' А-а б-бабушка /пришла,
и \сказала:
..чтоh .. /*мама не \–приедет*.

(19) ИП RUS T1-3
.... /Дети ему-у \сказ**а**ли:
что-о .. /мама хотела давно \маш**и**ну.

Аналогичным образом, сентенциальный актант обобщающего имени, имеющего незаполненную валентность содержания, парцеллируется и воспринимается слушающим как добавленный постфактум:

(19) ВИЖ 29_sp
.. и потом у нас родилась революционная \ид**е**я:
что нужно поехать в \Н**и**жний.

В следующем примере сентенциальный актант парцеллируется дважды, второй раз — после протяженной парентезы:

(20) 103n
... /Мне приснился \с**о**н:
.. \/что-о .. ээ ... я и= || бегу по /больн**и**цеw,
.. ’’ ээ (/Больница былаw ..не /т**а**,
в которой я \леж**а**ла последний раз,
а \п**е**ред ней.)
... что я бегу по этой /больн**и**це,
никого /н**е**т,
одна \т**е**мень.

Еще один возможный контекст для дезинтегрированных конструкций с сентенциальным актантом — изложение последовательности событий с использованием особой, «перечислительной» стратегии: говорящий монотонно «бубнит», произнося все клаузы, будь то главные или придаточные, с одинаковой интонацией открытого списка. Обычно в рематическом акценте каждой клаузы списка — ровный тон или небольшой пологий подъем тона с последующим ровным участком (ИК6 в терминологии интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой):

(21) РСЖ 04_ml_m
...Ну сегодня на работе .. мужики .. /–руг**а**лись на меня,,,
что типа всего год /отраб**о**тал,
.. а уже четвёртый –разр**я**д,,,

В строгом смысле при перечислительной стратегии нельзя говорить о том, что главная клауза артикулируется с интонацией

завершенности, здесь дезинтеграция связана фактически с отказом противопоставления главной и зависимой клауз по завершенности: и та, и другая становятся равноправными элементами списка.

Дезинтегрированные конструкции — наиболее редкий тип. По предварительной оценке они составляют около 20% всех конструкций с сентенциальным актантом в нашем корпусном массиве.

6. Таким образом, просодические признаки могут служить мерой интеграции полипредикативной конструкции — наряду с ее лексико-грамматическими свойствами. Во-первых, существенно, имеется ли в конструкции просодический сигнал незавершенности первого компонента: вклад этого сигнала в интеграцию конструкции аналогичен вкладу таких лексико-грамматических сигналов, как наличие комплементайзера и наличие незаполненной обязательной валентности вершинного предиката. Во-вторых, существенно, имеется ли отдельный рематический акцент у каждого из компонентов конструкции, и допускают ли компоненты «внутреннее» коммуникативно-просодическое членение. Вклад этих просодических сигналов в интеграцию конструкции аналогичен вкладу таких лексико-грамматических сигналов, как наличие у компонентов собственного подлежащего и финитных предикатов в вершинах компонентов. На примере конструкций с сентенциальным актантом я попыталась продемонстрировать, что при одной и той же лексико-грамматической конфигурации возможна различная степень просодической интеграции: если в дефолтном типе мера лексиграмматической интеграции коррелирует с мерой просодической интеграции, то отсутствие просодического сигнала незавершенности переводит дефолтный тип в дезинтегрированный, а отсутствие собственного рематического акцента на компонентах переводит дефолтный тип в интегрированный.

Анализ реального дискурсивного материала показывает также, что коммуникативно-просодическая составляющая совсем не обязательно совпадает по объему с синтаксической составляющей. На моноклаузальном материале это наблюдение уже делалось, в частности, в работах Т. Е. Янко (см., например, [Янко 2008: 59] о членении предложений типа {*Подстерег*} {*монах девку*}, где рема {*монах девку*} не сводима к единой синтаксической составляющей). Данные конструкций с сентенциальным актантом также иллюстрируют этот феномен. Во-первых, как уже упоминалось

выше, то, что традиционно называется главным предложением в составе сложноподчиненного, фактически не является синтаксической составляющей (группой). Между тем, в дефолтном и дезинтегрированном типах этот фрагмент систематически формирует коммуникативно-просодическую составляющую. Но в дефолтном и дезинтегрированном типах, по крайней мере, зависимая клауза является синтаксической группой, границы которой совпадают с границами коммуникативно-просодической составляющей. Куда более разительное расподобление просодического и синтаксического членения демонстрируют конструкции интегрированного типа, особенно те, где граница темы попадает в придаточное, ср. просодическое членение приведенного выше примера (14):

(14’) {.. а потом вспоминаю что-о .. /\пирожного-то} {у меня в руке уже /нет!}

— здесь ни тема, ни рема не сводимы к единой синтаксической составляющей. Разумеется, тот факт, что такого рода просодические построения оказываются более редкими, чем конструкции дефолтного типа, показывает, что, в целом, говорящий все-таки стремится избегать заметного расподобления синтаксических и просодических границ. Однако сама возможность такого расподобления в арсенале говорящего имеется. Дальнейшее изучение задокументированных образцов живой речи позволит объяснить, в каких случаях говорящий делает выбор в пользу столь маркированного средства, а также понять, регулируется ли этот выбор универсальными или лингвоспецифическими факторами.

Литература

Кибрик, Подлесская (ред.) 2009 — А. А. Кибрик, В. И. Подлесская (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2009.

Шведова (ред.) 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. Т. I–II. М.: Наука, 1980.

Храковский 1985 — В. С. Храковский (ред.). Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука, 1985.

Янко 2008 — Т. Е. Янко. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Croft 1995 — W. Croft. Intonation units and grammatical structure // Linguistics 33, 1995. P. 839–852.

Croft 2001 — W. Croft. Radical Construction Grammar: Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Givón 2009 — T. Givón. 2009. Multiple routes to clause union: The diachrony of complex verb phrases // T. Givón, M. Shibatani (eds.). Syntactic Complexity. Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 81–118.

Michaelis 1994 — S. Michaelis. Komplexe Syntax im Seychellen-Kreol. Verknüpfung von Sachverhaltsdarstellungen zwischen Mündlichkeit und Schriftlichkeit [ScriptOralia 49]. Tübingen: Narr, 1994.

Mithun 1988 — M. Mithun. The grammaticalization of coordination // J. Haiman, S. Thompson (eds.). Clause Combining in Grammar and Discourse [TSL 18]. Amsterdam: John Benjamins, 1988. P. 331–359.

Noonan 2007 — M. Noonan. Complementation // T. Shopen (ed.). Language Typology and Syntactic Description. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 52–150

Raible 2001 — W. Raible. Linking clauses // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Language Typology and Language Universals: An International Handbook. Vol. 1. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 2001. P. 590–617.

С. С. Сай

ИЛИ РАН — СПбГУ, Санкт-Петербург

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО ДРЕЙФА: конструкции с дативным субъектом в русском языке XVIII–XXI веков[1]

1. Определение объекта исследования

Уже в самом начале типологического изучения диатез и залогов создатели Ленинградской/Санкт-Петербургской типологической школы указывали на то, что в принципе исследовать поведение семантических и синтаксических переменных (глагольных) предикатов нужно опираясь не только на интроспекцию (или отталкиваясь от толкования соответствующих лексем в словаре), но и на сведения об употреблении различных актантных конструкций в текстах, см., например [Храковский 1975: 37]. Однако сколько-нибудь полноценная реализация этой программы стала возможна лишь много позже, прежде всего, благодаря возникновению языковых корпусов. Среди прочего, корпус позволяет ставить и решать квантитативные задачи, т. е. выяснять не только то, какие актантные структуры грамматически возможны, но и то, насколько часто они употребляются в текстах при различных условиях.

[1] Исследование было поддержано грантами РГНФ «Вариативность аргументной структуры глаголов и классификация глагольной лексики в разноструктурных языках» (№ 11-04-00179а) и «Материалы к корпусной грамматике русского языка» (№ 10-04-00256а), а также Программой фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» по направлению 1. «Создание и развитие корпусных ресурсов по современному русскому языку», проект «Развитие корпусной справочной системы по синтаксису русского языка». Я хочу выразить свою благодарность М. А. Овсянниковой, И. А. Сержанту, Ю. А. Таран и М. А. Холодиловой, ценные комментарии которых были учтены мною на этапе редактирования. Ответственность за все возможные неточности и ошибки в статье лежит на мне.

Настоящая работа мыслится как опыт корпусного исследования целого семейства актантных структур русского языка, а именно множества конструкций, иногда называемых «конструкциями с дативным субъектом», ср. ***мне*** *не спалось*, ***учителю*** *надоел шум в классе*, ***нам*** *было жаль расставаться*, ***водителю*** *надо выспаться* и т. п.

Дать непротиворечивое теоретически обоснованное **определение** конструкциям с дативным субъектом затруднительно. Вместо определения здесь предлагается не вполне формальная процедура: та или иная конструкция привлекалась к данному исследованию при выполнении двух условий (о дополнительном третьем условии см. 2.4):

1) в составе конструкции имеется участник, маркированный беспредложным дательным падежом;

2) соответствующий актант демонстрирует определенное сходство с каноническими номинативными подлежащими (это условие раскрывается ниже).

В большинстве конструкций, удовлетворяющих названным условиям, дативный участник имеет роль **экспериенцера** (т. е. является носителем физиологического, эмоционального, перцептивного и подобного состояния) или близок экспериенцеру в ролевом отношении, например, является «модальным субъектом» (в терминах [Циммерлинг 2012], ср. ***ему*** *нужно подумать*) или совмещает признаки посессора и экспериенцера (***студенту*** *не хватило времени*).

В существующей литературе конструкции с дативным субъектом получали значительно различающиеся трактовки и обозначались несовпадающими терминами, а сами границы этого класса проводились по-разному [Schoorlemmer 1994; Moore, Perlmutter 2000; Циммерлинг 2012]. Наибольшие сложности связаны с решением вопроса о том, следует ли признавать «дативные субъекты» **подлежащими** (чтобы обойти этот сложный вопрос, условие 2 выше сформулировано несколько обтекаемо). Решение этого вопроса (как и в случае с другими неноминативными актантами) неизбежно отражает не только наблюдаемые факты, но и теоретические взгляды исследователя на проблему грамматических отношений. Можно добавить, что во многих современных подходах принято многофакторное представление о подлежащем, т. е. допускается,

что актант может не только являться или не являться подлежащим, но и демонстрировать определенное подмножество признаков подлежащего. К числу этих логически независимых признаков относится, например, способность контролировать возвратные местоимения, сочинительное сокращение и нули при нефинитных формах (например, русских деепричастиях), способность к нулевой реализации при нефинитных формах и т. д. (см. обзор таких признаков в [Козинский 1983; Тестелец 2001: 317–349; Циммерлинг 2012]). При таком подходе неизбежно признание того, что дативные актанты в ряде конструкций обладают подмножествами от всей совокупности признаков подлежащего и что к тому же эти подмножества не совпадают для разных конструкций (не вполне эксплицитное признание этого факта применительно к способности контролировать деепричастия содержится уже в пионерской работе [Ицкович 1974]). Другой тип недихотомического суждения о подлежащности того или иного дативного актанта — это признание того, что определенная дативная именная группа является подлежащим на одних уровнях репрезентации, но не на других.

Вместо попытки решить обрисованную сложную проблему при определении дативного субъекта на данном этапе исследования используется во многом интуитивное представление о «сходстве» дативного участника с каноническим подлежащим. При выполнении условия 1) будем говорить о «дативном субъекте», если 2а) в конструкции не может быть номинативного участника и/или если 2б) дативный участник систематически занимает линейную позицию до предиката и других актантов и/или если 2в) вся конструкция парадигматически соотносима с такой конструкцией, где соответствующий участник выражается номинативом. В конструкции *мне не спалось* выполняются все три названных условия, а в конструкции *учителю надоел шум в классе* — только условие 2б), однако этого оказывается достаточно для того, чтобы и она также попала в поле рассмотрения.

В традиционной русистике синтаксическим свойствам неноминативных актантов уделяется сравнительно мало внимания, однако нередко противопоставляются «объектное» и «субъектное» **значения** падежей, в частности, дательного (см., например, [Виноградов (ред.) 1953: 124; Шведова (ред.) 1980: 476]). Строгих критериев различения этих значений обычно не предлагается:

противопоставление опирается на интуитивное разграничение случаев, когда действие направлено на предмет, обозначенный именем в дательном падеже, и случаев, когда этот предмет является сам носителем некоего действия или состояния. Можно при этом заметить, что множество случаев, в которых у дативного участника постулируется «субъектное значение», в целом близко набору «конструкций с дативным субъектом» в принятом здесь понимании.

Основная эмпирическая задача исследования состояла в том, чтобы проследить динамику употребления конструкций с дативным субъектом в истории русского языка на том ее участке, который отражается в текстах Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru), т. е. от XVIII века до настоящего времени. На этапе сбора данных в работе устанавливались частотные распределения значений ряда признаков у отдельных конструкций с дативным субъектом[2]. Существенно то, что сами изучаемые признаки в основном логически независимы друг от друга, а анализируемые конструкции часто значительно различаются по полученным распределениям в зависимости от свойств конкретной лексической вершины. Далее исследовались процессы диахронического изменения полученных распределений. На этапе обобщения данных делается попытка увидеть за обнаруженными частными изменениями общие грамматические тенденции.

Дальнейшее изложение строится следующим образом. В разделе 2 перечисляются основные классы конструкций, попавших в поле зрения, при этом конструкции классифицируются на основании частеречных и деривационных свойств предикатов. В разделе 3 конкретизируются задачи исследования и освещается его методологическая основа. Центральным является раздел 4, в котором обсуждаются основные эмпирические результаты, полученные путем обращения к НКРЯ. Наконец, в разделе 5 обобщаются эмпирические итоги исследования и делаются выводы.

[2] Такой метод анализа созвучен исследованиям Л. Янды и ее последователей, нацеленным на выявление так называемых «конструкционных профилей» лексических единиц. Под конструкционным профилем лексемы понимается частотное распределение различных типов конструкций, в которых появляется эта лексема (см., например, [Janda, Solovyev 2009: 367]).

2. Реестр рассматриваемых конструкций

2.1. Глагольные конструкции

2.1.1. Конструкции с «модально-деагентивными» [Недялков 1978: 30–34; Geniušienė 1987: 273; Князев 2007: 298–301] (безличными) возвратными глаголами:

(1а) ***Мне*** *всегда как-то лучше* ***работается*** *за городом, в особенности весной*. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)][3]

Такие возвратные безличные конструкции могут быть синтаксически сопоставлены с нерефлексивными конструкциями, в которых присутствует каноническое номинативное подлежащее:

(1б) ***Я*** *всегда лучше* ***работал*** *за городом* ⟨…⟩. (сконструированный пример, ср. (1а))

При обсуждении характера семантического различия между конструкциями типа (1а) и (1б) исследователи сходятся в том, что использование безличной возвратной конструкции привносит оттенок особенного психологического или модального состояния, связанного с возможностью или невозможностью исполнения действия, см., например, [Chvany 1996: 34].

2.1.2. Конструкции с конверсивными/модальными квазипассивными возвратными глаголами (2а), образованными от глаголов когнитивной сферы (2б) [Храковский 1991: 177; Гото 2008: 45–48]. Как и в предыдущем случае, в этой группе дативный субъект соотносим с каноническим подлежащим при нерефлексивном глаголе.

(2а) *При слове «интурист»* ***Ивану*** *тотчас же* ***вспомнился*** *вчерашний* ***консультант***. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)]

(2б) ***Иван вспомнил*** *вчерашнего* ***консультанта***. (сконструированный пример, ср. (2а))

Конструкции этого типа по ряду признаков отличаются от конструкций, рассмотренных в 2.1.1. Во-первых, в парах типа (2) почти не различается пропозициональное содержание, в частности,

[3] Здесь и далее, если не указано иное, все пронумерованные примеры взяты из НКРЯ.

не привносится столь же ощутимый модальный компонент, как в парах типа (1). Во-вторых, в отличие от модально-деагентивных глаголов, которые всегда относятся к НСВ, в рассматриваемой группе нет ограничений по виду. Наконец, в-третьих, предикаты, участвующие в обсуждаемой альтернации, обязательно двухвалентны и имеют участника с ролью стимула или темы. Если при нерефлексивном глаголе такой участник занимает позицию прямого дополнения в аккузативе, то в рефлексивной конструкции ему может соответствовать актант в номинативе, как в (2а)–(2б). Впрочем, маркирование второго актанта в альтернирующих конструкциях может и совпадать, например, если тема выражена инфинитивом:

(3а) *Тогда Горяев позволил себе пройти в буфет,* ***ему захотелось выпить***. [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]

(3б) ⟨…⟩ ***он захотел выпить***. (сконструированный пример)

2.1.3. Конструкции с глаголами, которые невозможно трактовать как результат актантной деривации, при которых экспериенцер кодируется дативной именной группой, а стимул, если он тоже выражен именной группой, кодируется именительным падежом:

(4) *Как* ***вам понравилась*** *Америка?* [И. А. Ильф, Е. П. Петров. Колумб причаливает к берегу (1936)]

(5) *Бойцам трудового батальона вопрос показался подходящим,* ***им надоело*** *махать лопатами*. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)] (ср. ***им надоела*** *работа*)

В эту группу попадают как рефлексивные, так и нерефлексивные конструкции. По своему собственному устройству конструкции в этой группе мало отличаются от конструкций, рассмотренных в разделе 2.1.2. Различия между этими двумя группами касаются парадигматических связей с другими конструкциями: если в примерах (4) и (5) реализуются базовые диатезы соответствующих предикатов, то структуры типа (2а) и (3а) можно трактовать как реализующие производную (при определенных допущениях — пассивную) диатезу.

Еще о один класс конструкций с вершинами-глаголами обсуждается в разделе 2.4.

2.2. Конструкции с предикативно употребленными прилагательными

Речь идет о таких структурах, в которых в качестве предиката используются краткие формы прилагательных, имеющие[4] валентность на экспериенцера, выражаемого дативной группой:

(6) *Обедал у милых Соколовых* ⟨…⟩ *и* ***мне*** *очень* ***приятно*** *их общество*. [П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. №3 (1924–1925)]

Обычно в таких конструкциях позицию номинативного подлежащего занимают именные группы, которые обозначают объекты, обладающие определенными свойствами, связанными с восприятием или оценкой со стороны экспериенцера, т. е. имеющие роль стимула (*общество* в приведенном примере). В соответствии с общими закономерностями русского синтаксиса при атрибутивном употреблении таких прилагательных объекты-стимулы занимают позицию определяемого, ср. *приятное общество*.

2.3. Предикативы

К этому обширному классу (называемому иногда также «категорией состояния») относятся неспрягаемые лексические единицы, употребляющиеся — самостоятельно или в сочетании со связками — в качестве предикатов в безличных (не имеющих номинативного подлежащего) предложениях. Конструкции с предикативами могут быть разделены на подклассы в зависимости от деривационных связей предикатива с прилагательными (для первых трех подклассов, перечисляемых ниже) или со словами других частей речи (см. об этой классификации подробнее в [Say 2013]).

2.3.1. Предикативы «первого типа». В эту группу отнесены такие предикативы, которые связаны с прилагательными, образующими конструкции, описанные в разделе 2.2. Собственно говоря,

[4] В ряде случаев точно такая же валентность есть и у полных форм прилагательного, ср. пример (6) и возможную структуру типа *приятное мне общество*. Однако фиксируются и случаи, когда дативный экспериенцер регулярно выражается при краткой, но не при полной форме прилагательного. Так, например, обстоит дело с прилагательными *тесный*, *скучный*, *тяжелый*, *странный* (см. подробнее в [Say 2013]).

эти предикативы формально совпадают[5] с краткой формой среднего рода прилагательного, ср. (6) выше и конструкцию с предикативом:

(7) ***Мне*** *было* ***приятно*** *в вашем обществе*. [Юрий Бондарев. Берег (1975)]

Думается, что если бы все русские предикативы были устроены так, как предикативы этой группы, то не было бы необходимости выделять эти единицы в отдельный класс лексем. Действительно, можно было бы считать, что в примерах, подобных (7), используется обычная краткая форма прилагательного, при этом средний род выбирается просто «по умолчанию», из-за отсутствия в составе предложения какой-либо номинативной именной группы, способной вызвать иное согласование. Так, в примере (7) предложная группа *в вашем обществе* обозначает ситуацию, которая является причиной эмоционального состояния экспериенцера, однако в отличие от существительных она не способна вызывать согласование[6].

К описанной группе примыкают предикативы *видно* и *слышно*. Общим здесь является то, что краткие прилагательные, связанные с этими предикативами, как и краткие прилагательные, связанные с предикативами типа *приятно*, имеют дативную валентность на экспериенцера, ср. (8), где употреблен предикатив, и (9), где используется прилагательное:

(8) *Через открытую дверь сеновала* ***мне было видно лавочку****, а на ней трех человек*. [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964)]

(9) *У нашего окна идет драка.* ***Мне видны только ноги***. [Сергей Юрский. Жизнь (1994)]

[5] Здесь и далее не обсуждаются отмечаемые иногда (не в одинаковой мере для разных вариантов русского языка) акцентологические различия между предикативами и краткими формами прилагательного, ср. *ви́дно* и *видно́*, *ма́ло* и *мало́*, *во́льно* и *вольно́*, *ну́жно* и *нужно́* (см. об этом [Пешковский 2001: 150, 357; Циммерлинг 1998: 74]).

[6] Таким образом, соотношение между двумя типами употребления формы *приятно* примерно такое же, как между согласованными и безличными употреблениями глаголов, ср., например, *мне понравилось их общество* и *мне понравилось в их обществе* (такие употребления глаголов как отдельные лексемы, разумеется, не трактуются).

Отличительная же особенность предикативов *видно* и *слышно* состоит в их способности присоединять прямое дополнение, обозначающее стимул (8), т. е. участника, который при соответствующих кратких прилагательных занимает позицию номинативного подлежащего, как в (9). Очевидно, это свойство связано с переходностью глаголов *видеть* и *слышать*.

2.3.2. Предикативы «второго типа». Отличительное свойство этого класса состоит в том, что при кратких формах соотносительных прилагательных экспериенцер занимает позицию номинативного подлежащего (дативная синтаксическая валентность у таких кратких форм отсутствует):

(10а) *Софичка не держала ни на кого обиду, но* ***ей*** *было очень* ***грустно***. [Фазиль Искандер. Софичка (1997)]

(10б) ⟨…⟩ ***она*** *была* ***грустна*** (сконструированный пример)

(10в) **песня была* ***мне грустна*** (сконструированный пример)

В литературе отмечалось, что между конструкциями типа *он весел* и *ему весело* есть семантическое различие: конструкция с краткой формой прилагательного используется тогда, когда эмоциональное состояние экспериенцера имеет внешние проявления, заметные окружающим, а для конструкции с предикативом это безразлично [Guiraud-Weber 1984: 173–174; Zolotova 1987: 684; Кустова 2002: 18].

2.3.3. Предикативы «третьего типа». Особенность предикативов этой группы состоит в том, что у соотносительных прилагательных нет синтаксической валентности на экспериенцера, которая могла бы быть заполнена падежной именной группой, ср. предикатив в (11) и соотносительное краткое прилагательное в (12)[7]:

(11) *Семен Семенович, а неужели* ***тюленям*** *не* ***холодно*** *в такой ледяной воде?* [Валентин Постников. Карандаш и Самоделкин на Северном полюсе (1996)]

[7] По этой причине еще А. М. Пешковский писал именно в связи с конструкциями типа *мне было холодно*, что в них дательный падеж «не связан ни со словом *было*, ни со словом *холодно* в отдельности, а только ⟨…⟩ с **самой безличной конструкцией**» [Пешковский 2001: 356; выделено в источнике].

(12а) *Дух перехватило у него, до того была* ***холодна*** *вода.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)]

(12б) $^{??}\langle\ldots\rangle$ *до того* ***ему*** *была* ***холодна*** *вода.*

Прилагательные, соответствующие предикативам из этой группы, обозначают перцептивно релевантные признаки предметов или окружающей среды, подаваемые как **объективные** их свойства, предикативы же могут обозначать **субъективное** ощущение индивида (см. подробнее ниже).

2.3.4. Прочие предикативы. В последнюю группу по остаточному принципу можно включить конструкции с такими предикативами, которые не связаны регулярными деривационными отношениями с прилагательными (обзор классов можно найти в [Исаченко 2003: 278–297]). Это и такие предикативы, которые внешне выглядят как краткие формы прилагательных среднего рода, но при этом семантически не соотносятся с прилагательными регулярным образом (*жалко*, *мало*, *каково*), и предикативы, омонимичные существительным (*охота*), и предикативы, синхронно не связанные деривационно со словами других частей речи (*надо*).

2.4. Инфинитивные конструкции

Помимо всех перечисленных, к конструкциям с дативным субъектом в русском языке могут быть отнесены и модальные конструкции, в которых позицию вершины занимает инфинитивная форма глагола, а дательным падежом оформляется участник, который в соотносительной финитной конструкции мог бы занять позицию канонического подлежащего:

(13а) *Нет, этого* ***тебе*** *не* ***понять****. Это надо жизнь прожить*. [Булат Окуджава. Новенький как с иголочки (1962)]

(13б) *Этого* ***ты*** *не* ***поймешь****.* (сконструированный пример)

В зависимости от порядка слов, вопросительности, наличия в предложении отрицания, модальных слов и ряда прочих факторов инфинитивно-дативные конструкции могут приобретать множество различных модальных прочтений [Moore, Perlmutter 2000: 386–389; Вежбицкая 1996: 55 и далее; Брицын 1990]. При этом, как отмечали многие исследователи, эти конструкции принципиально отличаются по своим свойствам от всех конструкций с дативными субъектами, перечислявшихся выше [Moore, Perlmutter 2000;

Zimmerling 2009; Циммерлинг 2012: 578]. Среди этих различий для нас существенно то, что инфинитивно-дативные конструкции почти не знают собственно лексических ограничений (те ограничения, которые накладываются на их образование, относятся к области семантики и синтаксиса). Поскольку данное исследование было во многом нацелено на то, чтобы выявить общий грамматический вектор развития у изменений, касающихся употребления отдельных лексических единиц или классов лексических единиц, было принято решение не рассматривать инфинитивно-дативные конструкции в рамках настоящего исследования[8].

3. Исследовательская задача, материал, методы

Даже представленный краткий обзор наглядно показывает, что конструкции с «дативным субъектом» в русском языке весьма разнообразны в плане частеречной принадлежности вершинного предиката и характера его деривационных отношений с другими предикатами. «Дативный субъект» фиксируется при десятках различных предикативов[9], при значительном числе прилагательных и при различных глаголах, как относящихся к одному из нескольких полупродуктивных классов, так и задающих дативную валентность «в индивидуальном порядке». Такая ситуация приводит к возникновению вопроса о единстве или, напротив, разнообразии механизмов, обусловливающих возникновение в синтаксической структуре дативного субъекта. В частности, если использовать принятое во многих современных лингвистических работах противопоставление «лексического» (связанного с требованиями конкретной предикатной лексемы) и «структурного» (связанного с более широкими требованиями структуры простого предложения) падежей (см., например, [Yip et al. 1987] и критический разбор этой дихотомии в [Barðdal 2011]), то не совсем понятно, к какой категории относятся дативные субъекты в различных конструкциях.

[8] Также в рамках настоящей статьи не рассматриваются такие структуры, которые в целом соответствуют принятому пониманию конструкций с дативным субъектом, но вообще не имеют лексической предикативной вершины, ср. *Мне бы сейчас шампанского*, *Как тебе Венеция?*

[9] По оценке А. В. Циммерлинга, число предикативов, имеющих валентность на дательный падеж, приблизительно равно 160 [Циммерлинг 1998: 75].

Существенно то, что в части перечисленных случаев конструкции с дативным субъектом находятся в регулярных отношениях с другими — в каком-то смысле «базовыми» — конструкциями, в которых соотносительный актант кодируется как каноническое подлежащее. Это, например, относится к конструкциям типа *мне вспомнилась юность*, которые можно трактовать как разновидность пассива [Храковский 1991: 177–179; Коломацкий 2009: 231], что для многих подходов предполагает трактовку дативной позиции как возникающей в результате **синтаксической** деривации. В других случаях дативная валентность может считаться лишь особенностью конкретной **лексемы**[10].

Конструкции с дативным субъектом можно классифицировать и по другим, не связанным напрямую с их деривацией, признакам. Так, например, с семантической точки зрения их можно разделить на конструкции с предикатами эмоций (*нравиться*), физиологических ощущений (*холодно*), когнитивной деятельности (*вспоминаться*), а также некоторые другие, при которых датив маркирует не собственно экспериенцера (*надо*, *удаться*, *недоставать*). Если для глаголов семантическая и деривационная классификация оказываются во многом параллельны, то уже для предикативов (их подробную семантическую классификацию можно найти, например, в [Бонч-Осмоловская 2003]) это совсем не так: например, предикативы *приятно*, *грустно*, *скучно*, *жалко* относятся к одной семантической группе эмотивных предикативов, но принципиально различаются по своим деривационным свойствам.

Наконец, как уже упоминалось, едва ли не наиболее широко обсуждаемым и спорным вопросом, касающимся дативных субъектов, является вопрос о том, обладают ли они синтаксическими свойствами подлежащих ([Schoorlemmer 1994; Moore, Perlmutter 2000; Franks 1995: 255; Тестелец 2001: 322–349; Циммерлинг 2012]). Во многом споры по этому вопросу связаны с исходными теоретическими позициями, однако существенно и то, что дативные субъекты, как отмечалось многими в ходе полемики, не образуют гомогенного класса в аспекте подлежащных свойств.

[10] Двумя названными «крайними» интерпретациями список теоретических возможностей далеко не исчерпывается, см. об этом на материале только лишь предикативов [Say 2013].

При такой пестроте картины во всех мыслимых отношениях: лексико-деривационном, семантическом, структурно-синтаксическом — естественно возникает вопрос о том, стои́т ли вообще что-либо существенное за внешним сходством конструкций с дативным субъектом? На современном этапе лингвистики, характеризуемом вниманием к недоступным непосредственному наблюдению сущностям, сходство внешних форм часто не воспринимается всерьез. Несмотря на сказанное, в настоящем исследовании принят как раз традиционный, в каком-то смысле даже наивный подход к синтаксису: здесь будут рассматриваться лишь самые осязаемые, доступные непосредственному наблюдению свойства конструкций с «дативным субъектом».

Как уже было сказано, основная эмпирическая задача этого исследования — проследить, как менялись количественные характеристики («профиль») употреблений конструкций с дативным субъектом на протяжении последних трех веков. Вообще говоря, в последнее время появилась типологическая литература, посвященная диахроническому развитию неканонических подлежащих [Cole et al. 1980; Barðdal, Eythórsson 2005; Haspelmath 2010], в частности, касающаяся и материала славянских языков [Seržant 2013]. В основном в этих работах изучаются изменения в **возможностях** грамматической системы, особенное внимание уделяется порядку появления синтаксических подлежащных свойств (как признаков поведения и контроля, так и свойств, касающихся кодирования) у актантов, которые исторически подлежащими не являлись. Для такой работы необходим анализ обширных временны́х диапазонов: охват нескольких столетий часто просто не дает результатов.

Пафос настоящего исследования состоит, однако, в том, что даже на избранном временном интервале в три века все же можно проследить определенные микроизменения, касающиеся не столько возможностей грамматической системы русского языка, сколько количественных характеристик, **частотностей реализации** этих возможностей. Конечная же цель исследования состоит в том, чтобы выявить содержательную связь между отдельными обнаруженными изменениями.

Итак, в следующем разделе будут обсуждаться изменения частотностей реализации различных наблюдаемых признаков конструкций с дативным субъектом. В частности, будут рассмотрены 1) общая частотность предикатов, допускающих дативный

субъект (4.1), 2) частотность реализации этой валентности в соответствующих конструкциях (4.2), 3) порядок слов (4.3), 4) частотность структур, в которых предикат, принимающий дативный субъект, выступает в форме инфинитива и контролируется иерархически более высокой структурой (4.4), 5) количественное соотношение безличных и личных конструкций (4.5) и 6) контроль дативным участником зависимого инфинитива (4.6).

Все фиксируемые изменения будут оцениваться в следующем аспекте: свидетельствуют ли они об увеличении или об уменьшении синтаксической и прагматической значимости, «выделенности» (salience), дативных экспериенцеров. Аналогичный вопрос будет решаться и применительно к статусу номинативных актантов (с ролью стимула или близкой к ней) в случае их наличия. Такой подход позволит в итоге поставить вопрос о содержательной сонаправленности отдельных изменений.

4. Результаты исследования

4.1. Предикаты, принимающие дативный экспериенцер: лексическая частотность

Первый вопрос, который кажется необходимым исследовать для понимания динамики употреблений конструкций с дативным субъектом в русском языке XVIII–XXI веков, — это вопрос о частотности самих таких конструкций. Однако создать такой запрос (или даже несколько дополняющих друг друга запросов) к НКРЯ, который позволил бы непротиворечиво оценить **суммарную** текстовую частотность конструкций с дативным субъектом, видимо, невозможно, хотя бы из-за разнородности и открытости списка релевантных предикатов и из-за сложности инструментального вычленения нужных конструкций из множества употреблений этих предикатов.

Возможное паллиативное решение — изучение динамики частотности вершинных лексем, которые **могут** использоваться в конструкциях с дативными субъектами. Полный «штучный» список таких лексем был бы чрезвычайно обширен, однако косвенные свидетельства об изменении частотности получить все же можно. Так, например, НКРЯ позволяет проследить динамику текстовой частотности (token frequency) предикативов. Поскольку большинство предикативов в принципе допускают использование с дативными субъектами [Циммерлинг 2012: 577], полученные данные могут

считаться косвенным отражением динамики частотности одного типа конструкций, допускающих использование дативного субъекта.

Таблица 1. Частотность предикативов: данные по корпусу со снятой омонимией[11]

	до 1800	1801–1900	после 1901
объем подкорпуса	105117	431452	5414693
N предикативов	459	2971	34211
ipm	4367	6886	6318

В первой строке обозначены периоды, которые сравнивались друг с другом[12]. Во второй строке показаны объемы соответствующих подкорпусов (в словоформах). В данном случае рассматривались подкорпусы со снятой омонимией; это было сделано, чтобы исключить попадание в выдачи многочисленных единиц (наречий, прилагательных, существительных), омонимичных предикативам. В третьей строке приводится количество вхождений, полученных по запросу. В данном случае отыскивались все предикативы, за исключением слова *нет* — в разметке НКРЯ оно отнесено к предикативам, но по своим синтаксическим свойствам принципиально отличается от большинства слов категории состояния. Наконец в последней строке приводится частотность изучавшихся единиц в пересчете на один миллион словоупотреблений. Такую меру принято называть ipm, items per million (в данном случае ipm округлялось до целых чисел). Аналогичным образом организовано и большинство последующих таблиц.

Как можно заметить, частотность предикативов в текстах XIX века значительно выше, чем в текстах XVIII века, а в XX веке она вновь снижается по сравнению с XIX веком (оставаясь при этом выше, чем в XVIII веке).

Однако основная проблема с таким путем исследования, при котором рассматривается суммарная частотность конструкций,

[11] Данные, отраженные в Таблице 1, были получены в августе 2012 года. То же, если не оговаривается иное, относится к данным в следующих таблицах.

[12] Следует помнить, что (на момент проведения исследования) самые ранние тексты НКРЯ относятся к самому началу XVIII века (1701 год и далее), а самые поздние — к 2011 году (в подкорпусе со снятой омонимией — к 2006).

допускающих дативный субъект, состоит даже не в том, что эту суммарную частотность сложно установить, а в том, что **сводные** количественные данные не слишком показательны для решения задач, связанных с развитием грамматики. Действительно, те конструкции, индивидуальные частотности которых складываются при таком подходе, грамматически очень разнообразны, а суммарная картина, напротив, очень зависима от динамики употребления всего нескольких частотных лексических единиц. Изменения же, пусть даже систематические, касающиеся менее частотных единиц, отражаются на общей картине в гораздо меньшей степени.

Более перспективным представляется исследование **относительной** частотности различных конструкций с дативным субъектом. Здесь можно вспомнить о делении конструкций с «психологическими» предикатами на «унифицирующие» (generalized) и «инвертированные» (inverted), см. об этом противопоставлении [Bossong 1998], а также немного более дробную классификацию в [Haspelmath 2001]. В «унифицирующих» конструкциях одушевленный экспериенцер кодируется так, как обычно кодируется агенс, ср. *Петя любит Машу*; в «инвертированных» конструкциях экспериенцер кодируется теми же средствами, что и обычное прямое или косвенное дополнение, а позицию подлежащего может занимать стимул, ср. *Маша нравится Пете*. Приведенное противопоставление может быть mutatis mutandis распространено и на другие типы предикатов, ср. *мне не спится* (инвертированная конструкция) vs. *я не сплю* (унифицирующая конструкция), так что все русские конструкции с дативным субъектом могут считаться инвертированными.

Отдельная инвертированная конструкция часто оказывается близка по смыслу какой-либо унифицирующей конструкции, а в частном случае в них могут использоваться связанные друг с другом предикаты. Именно для таких случаев интересно прослеживать динамику **относительной** частотности конструкции с дативным субъектом, т. е. той доли, которую она занимает среди общего числа употребления инвертированной и близкой по смыслу унифицирующей структуры. В Таблице 2 приведены соответствующие данные для пары глаголов *дышать* и *дышаться*.

По данным в Таблице 2 видно, что частотность глагола *дышаться* (а следовательно, и соответствующих конструкций с дативным субъектом) в текстах, созданных после начала XIX века, оставалась на уровне около 2 ipm, притом что в текстах НКРЯ

Таблица 2. Частотность инвертированных и унифицирующих конструкций с глаголами *дышать* и *дышаться*

	до 1800	1801–1900	после 1901
дышать (ipm)	27,7	61,1	72,9
дышаться (ipm)	0	2,3	2,1
% инвертированных конструкций	0%	3,6%	2,8%

XVIII века такие конструкции не фиксируются. Впрочем, здесь определенную роль могла сыграть лексическая частотность самого глагола *дышать* (она по каким-то причинам росла все три века), поэтому более показательны данные в последней строке. Мы видим, что относительная частотность инвертированной конструкции изменялась по довольно сложной траектории: качественный рост при переходе от XVIII к XIX веку сменился количественным падением частотности модально-деагентивной конструкции. То, что эта тенденция неслучайна, подтверждается сравнением с данными для других сравнительно частотных модально-деагентивных глаголов, см. Таблицу 3.

Таблица 3. Количество инвертированных конструкций с некоторыми модально-деагентивными глаголами и их относительная частотность

	первая	до 1800		1801–1900		после 1901	
	фиксация	N	%	N	%	N	%
житься	1813	0	0%	544	1,4%	1463	1,1%
спаться	1829	0	0%	304	2,6%	868	2,0%
дышаться	1839	0	0%	92	3,6%	347	2,8%
работаться	1847	0	0%	33	0,5%	344	0,4%

В таблице отражены сведения о дате первой фиксации конструкций с различными модально-деагентивными глаголами, об общем количестве употреблений соответствующих конструкций в разные периоды и об их относительной частотности: например, в текстах НКРЯ XIX века представлено 544 употребления глагола *житься*, что составляет 1,4% от суммарного количества употреблений глаголов *жить* и *житься* (38566).

По данным в Таблице 3 можно видеть, что модально-деагентивные конструкции с изученными глаголами не зафиксированы в текстах НКРЯ, созданных в XVIII веке. Возможно, это тот редкий в рамках настоящего исследования случай, когда мы можем

говорить об изменении грамматических **возможностей** системы: о развитии нового типа конструкций с дативным субъектом[13]. Во всяком случае не подлежит сомнению то, что начиная с XIX века модально-деагентивные глаголы использовались принципиально чаще, чем в XVIII веке[14]. При этом, как и в случае с абсолютной частотностью предикативов, рост частотности в XIX веке сменился падением после начала XX века[15].

Сведения о динамике относительной (по сравнению с унифицирующими конструкциями) частотности были также получены для некоторых конверсивных/модальных квазипассивных возвратных глаголов, образованных от глаголов когнитивной сферы. Как видно по результатам, приведенным в Таблице 4, здесь снова доля инвертированных конструкций в общей частотности неодинакова для разных лексем, однако в целом группа, видимо, демонстрирует единую тенденцию: рост доли конструкций с дативным субъектом[16].

[13] Можно заметить, что в текстах НКРЯ, созданных в XVIII веке, отсутствуют глаголы *спаться*, *житься*, *работаться*, *дышаться*, то есть наиболее частотные глаголы в классе модально-деагентивных рефлексивов. Видимо, соответствующие глаголы не существовали в древнерусском языке, во всяком случае они не представлены в словаре И. И. Срезневского [Срезневский 1893–1912]. В вышедших томах словаря русского языка XVIII века [СРЯ XVIII 1984–2013] представлено лишь по одному примеру на глаголы *дышаться* и *житься*. Обращение к собираемой в Институте лингвистических исследований РАН картотеке, на основе которой выпускается этот словарь, показывает, что глагол *работаться* в эту эпоху, видимо, еще не использовался, а примеры на оставшиеся рассматриваемые глаголы в текстах XVIII века совершенно единичны. Также существенно и то, что синтаксические структуры современного типа становятся возможны при этих глаголах лишь в текстах второй половины XVIII века.

[14] Если сравнивать данные XVIII века с каждым из последующих периодов, то различия для всех рассмотренных глаголов по отдельности, кроме *работаться*, и тем более для их суммы статистически значимы (точный тест Фишера, $p<.05$ во всех случаях).

[15] В этом случае различия между периодами (XIX веком и текстами после начала XX века) статистически значимы для всех рассмотренных глаголов, кроме *работаться* (критерий χ^2, $p<.05$ во всех случаях). Природа зафиксированного обратного движения частотностей требует отдельного изучения.

[16] Среди глаголов, приведенных в таблице, отклонение от общей закономерности фиксируется для глагола *слышаться* (причины требуют

Таблица 4. Динамика доли глаголов типа *хотеться* от суммарной частотности рефлексивной и нерефлексивной конструкций

	до 1800	1801–1900	после 1901
запомнить(*ся*)	0,0%	3,8%	29,7%
верить(*ся*)	0,0%	2,7%	4,5%
вспомнить(*ся*) и *вспоминать*(*ся*)	0,3%	7,8%	8,7%
думать(*ся*)	1,4%	1,7%	2,5%
слышать(*ся*)	2,3%	14,3%	10,6%
хотеть(*ся*)	3,6%	11,2%	14,9%
захотеть(*ся*)	12,2%	22,1%	34,2%

Аналогичное сравнение было проделано для предикативов *весело* и *грустно*, т. е. для таких предикативов, которые образуют инвертированные конструкции, денотативно близкие к конструкциям с номинативным подлежащим и краткой формой соотносительного прилагательного (ср. *Кате весело* и *Катя весела*). В данном случае подсчеты велись по подкорпусу со снятой омонимией — для того, чтобы исключить попадание в выдачи таких примеров, где используются омонимичные наречия или прилагательные.

Таблица 5. Предикативы vs. краткие прилагательные: *грустный* и *веселый* в подкорпусе со снятой омонимией

	до 1800	1801–1900	после 1901
краткие прилагательные	11	22	63
предикативы	1	56	145

По данным в Таблице 5 видно, что в текстах XVIII краткие формы обсуждаемых прилагательных (*грустен* и *весел* соответственно) встречаются больше, чем соотносительные предикативы, а в последующие периоды частотность предикативов превышает

изучения). По той же схеме, что отражена в таблице, данные были получены для всех глаголов рассматриваемой группы, перечисляемых в [Храковский 1991: 177]. В таблицу не включались данные о таких глаголах, для которых заведомо можно говорить о значительном вмешательстве таких возмущающих факторов, как изменение лексического значения глаголов с течением времени (*мечтаться*), систематическая омонимия с неконверсивными рефлексивными дериватами (*представляться*, *видеться*) и т. п.

частотность кратких форм примерно в 2,5 раза[17]. Это наблюдение снова говорит о возрастании относительной частотности конструкций с дативным субъектом при переходе от XVIII века к последующим эпохам[18].

Вопрос о конкуренции инвертированных и унифицированных конструкций можно задавать не только применительно к соотносительным конструкциям с глаголами или применительно к конструкциям с предикативами/краткими прилагательными, но и по отношению к конкуренции между глагольными конструкциями и близкими по смыслу конструкциями с предикативами. Такие подсчеты были проведены для пары *стыдиться* (унифицирующая конструкция) и *стыдно* (инвертированная конструкция с дативным субъектом). При всей условности конкуренции между двумя типами структур полученные данные все же позволяют отметить, что и в этом случае с течением времени относительная частотность конструкций с дативным субъектом возрастает.

Таблица 6. Частотность конструкций с глаголом *стыдиться* и с предикативом *стыдно*

	до 1800		1801–1900		после 1901	
	N	ipm	N	ipm	N	ipm
стыдиться	128	35,8	1389	34,0	2290	13,8
стыдно	111	31,1	2441	59,8	7401	44,5
процент инвертированных конструкций от суммы	46,4%		63,7%		76,4%	

[17] Различия между распределением, полученным для текстов XVIII века, и каждым из двух последующих распределений статистически значимо, применялся двусторонний точный критерий Фишера, $p<.001$ (различие между данными для второго и третьего периодов говорит о том же векторе развития, но не достигает порога статистической значимости).

[18] Изменение соотношения в данном случае во многом обусловлено падением абсолютной частотности кратких форм прилагательных. В литературе отмечалось, что эти формы свойственны книжному языку и речи лиц старшего поколения, что они часто звучат архаично и что все это может говорить о тенденции к сокращению употребительности кратких форм [Исаченко 2003: 197–200; Timberlake 2004: 289 и далее]. Существенно, однако, то, что частотность омонимичных предикативов изменяется по иному сценарию.

Итак, во всех рассмотренных случаях относительная (в сравнении с близкими конструкциями) частотность конструкций с дативным субъектом в XVIII веке была ниже, чем в последующие эпохи, при этом при переходе от текстов XIX века к более поздним текстам наблюдалось либо продолжение роста их частотности, либо уменьшение, не достигшее ни в одном из случаев уровня XVIII века. Любопытно, что эти общие тенденции фиксировались на самом разном материале и при разных исходных соотношениях. Так, например, относительная частотность глагола *хотеться* по сравнению с глаголом *хотеть* остается небольшой на протяжении всего времени, отраженного в текстах НКРЯ (т. е. в данном случае для всех периодов преобладает унифицирующая конструкция). Для пары *стыдно* vs. *стыдиться* соотношение совсем иное: уже в текстах XVIII века конструкции с дативным субъектом весьма частотны. Однако важно то, что в обоих случаях фиксируется увеличение частотности конструкций с дативным субъектом (от 0 до 14,9% в первом случае и от 46,4% до 76,4% во втором). Это наблюдение еще раз подтверждает, что подход, ориентированный на количественное изучение **отдельных** конструкций, в данном случае более иллюстративен, чем гипотетические попытки изучения суммарных частотностей.

4.2. Эксплицитное называние дативного экспериенцера

В разделе 2 были перечислены основные типы предикатов, которые **могут** использоваться в конструкциях с дативным субъектом. Это, разумеется, не означает, что при всех употреблениях этих предикатов действительно имеется дативная именная группа с ролью экспериенцера. Однако в большинстве случаев отсутствие такой именной группы обусловлено какими-либо широкими закономерностями, характеризующими опущение актантов в русском языке. Так, например, дативная валентность может оставаться синтаксически незаполненной, если соответствующий референт восстанавливается по контексту (14), если соответствующий участник получает обобщенно-личную интерпретацию (15) и т. п. (см. подробнее [Guiraud-Weber 1984: 175–177]).

(14) *Как старшая справляется с ролью мамы? Не устала она ещё, не* ***надоело****?* [Наши дети: Подростки (2004)] (имеется в виду ‘не надоело ли «старшей»’)

(15) *Когда **хочется** перекусить чем-нибудь вкусным и питательным, есть «Киндер Дели3».* [Реклама на канале ОРТ (2006)]. (имеется в виду ‘когда хочется произвольному лицу, потенциальному адресату этой рекламы’)

В приведенных примерах все же можно говорить о наличии семантической **валентности** (в других условиях она могла бы быть заполнена дативной именной группой). Значение и ролевая структура предикатов *надоесть* и *хочется* в этих примерах ничем принципиально не отличается от таких случаев, когда при них есть дативные зависимые.

Однако дело обстоит так не всегда. Существует класс предикативных единиц, для которых можно постулировать существование двух конструкций, семантически различающихся наличием/отсутствием экспериенциальной семантики, а синтаксически — наличием/отсутствием валентности на дативный субъект. К числу таких предикатов относится, например, единица *холодно*. Если пользоваться классификацией температурных выражений, предложенной М. Копчевской-Тамм (см., например, [Koptjevskaja-Tamm 2011]), то этот предикатив может использоваться как для оценки «температуры окружающей среды» (‘ambient temperature’) так и для оценки «субъективного температурного ощущения» (‘personal-feeling temperature’).

В первом случае говорящий оценивает **объективную** температуру окружающей среды, хотя и «примеривая» ее на некоего усредненного экспериенцера. Такой потенциальный экспериенцер не может быть выражен, т. е. в таких употреблениях при предикативе нет дативной валентности:

(16) *4 апреля, в день рождения Андрея Тарковского, здесь было ещё **холодно**, накануне ночью выпал снег, отчего и Волга стала совсем белой.* [Иваново. Детство (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06]. Ср. # ⟨…⟩ *здесь всем/нам было еще холодно* ⟨…⟩

В этом своем значении предикатив *холодно* семантически и синтаксически подобен таким предикативам, как, например, *людно*, *солнечно*, *накурено*: использование этих единиц отражает воспринимаемые аспекты внешней действительности, но не предполагает наличие конкретного экспериенцера.

Во втором типе употребления предикатива *холодно* говорящий оценивает **субъективное** температурное ощущение экспериенцера, которое часто обусловлено объективными свойствами среды, но, что существенно, в принципе может обусловливаться и другими факторами:

(17) *Почему **ей не холодно** в **холодной** воде?* (Google)

Передача субъективного температурного ощущения всегда предполагает наличие воспринимающего участника. Этому участнику и соответствует дативная валентность предикатива *холодно* в его втором значении (иногда ее заполняет обозначение части тела экспериенцера, ср. *ногам холодно*).

На примере двух типов употребления предикатива *холодно* интересно проследить то, как изменялось соотношение частотности близких по смыслу конструкций, различающихся по признаку наличия/отсутствия дативной валентности. На основе выдач НКРЯ по запросу с формой *холодно* для четырех разных периодов были вручную сформированы выборки, в которых *холодно* использовалось в качестве предикатива. Отдельно подсчитывались конструкции с дативным субъектом и без него.

Таблица 7. Наличие/отсутствие дативного субъекта при предикативе *холодно* (ручные подсчеты по выборкам, подсчеты мая 2010 года)

	до 1800		1830–1840		1910–1913		1984	
	N	ipm	N	ipm	N	ipm	N	ipm
без дативного субъекта	8	3	50	21,5	77	21,5	95	26,7
с дативным субъектом	0	0	11	4,7	19	5,3	41	11,5
% конструкций с дативом	0%		18,0%		19,8%		30,1%	

Как и в предыдущих случаях, интересны в этих данных не столько сами абсолютные частоты[19], сколько сведения об их динамике, т. е. об увеличении относительной частотности конструкции

[19] Полученные числа нельзя считать точным отражением относительной частотности двух типов конструкций хотя бы потому, что конструкции без эксплицитного дативного субъекта могут выражать значение субъективного температурного ощущения (в случаях опущения представленного на семантическом уровне экспериенцера). Другими словами, относительная частотность конструкций второго типа для всех периодов может быть выше, чем приведенные числа.

с валентностью на дативный субъект. Более того, полученные данные (отсутствие конструкций субъективного температурного ощущения в текстах XVIII века) позволяют предположить, что для предикатива *холодно* значение субъективного температурного ощущения (именно в нем он способен присоединять дативный субъект) явилось результатом семантического развития из первичного для него значения температуры окружающей среды. Предварительные сведения о вторичности «субъективных» значений получены также для предикативов *темно* и *светло*.

4.3. Порядок слов

Как известно, актанты, претендующие на статус неканонических подлежащих, могут демонстрировать различные свойства в зависимости от линейной позиции (см., например [Barðdal 2001]). В частности, в русском языке среди неноминативных актантов больше свойств приоритета (включая некоторые диагностические свойства подлежащих) демонстрируют актанты в начальной позиции, а заглагольные номинативные актанты, напротив, лишены некоторых подлежащных свойств, например способности связывать рефлексив (это показано в [Бонч-Осмоловская 2003: 28]) и контролировать сочинительное сокращение. Последнее характерно и для номинативных актантов конструкций с дативными субъектами: предглагольный актант-стимул в именительном падеже может контролировать сочинительное сокращение (18а), а заглагольный — нет (18б)[20]:

(18а) *Может быть, демократические его* ***убеждения и замашки нравились*** *простонародным певцам и* ***забавляли*** *слушателей.* [Ф. И. Буслаев. Русский народный эпос (1861)]

(18б) **Певцам* ***нравились*** *его* ***убеждения и замашки*** *и* ***забавляли*** *слушателей*. (сконструированный пример)

В рамках настоящего исследования был поставлен вопрос о динамике частотности различных порядковых моделей предложений

[20] Неудивительно в связи со всем сказанным, что и в русской лингвистической традиции дативным предглагольным и заглагольным актантам иногда приписывался различный синтаксический статус, несмотря на совпадение морфологического оформления и ролевой интерпретации [Шведова 1980].

с предикатами, допускающими дативный субъект. Этот вопрос был рассмотрен на материале глагола *нравиться.* В расчет принимались только те его употребления, когда при нем фиксировались два эксплицитно выраженных существительными или местоимениями актанта (т. е. стимул в номинативе и экспериенцер в дативе). Подсчеты частотностей велись вручную по выборкам, созданным на основе выдач по запросу «глагол *нравиться* в любой форме»; сравнивались подкорпусы текстов, созданных в разные периоды времени.

Во всех подкорпусах встретились все шесть теоретически возможных (при заданных условиях) порядковых моделей: экспериенцер-глагол-стимул (19), стимул-глагол-экспериенцер (20) и т. д.

(19) *А Ксении Федоровне нравилась Таня, они виделись раза два летом, в Павлинове*. [Юрий Трифонов. Обмен (1969)]

(20) *Таня нравилась Александре Михайловне все больше*. [В. В. Вересаев. Два конца (1899–1903)]

Для простоты[21] эти шесть порядковых моделей были разбиты на две группы: такие модели, где актант-стимул линейно предшествует актанту-экспериенцеру, и такие модели, где актант-экспериенцер линейно предшествует актанту-стимулу. Данные о динамике частотности реализации двух названных возможностей приводятся в Таблице 8.

Таблица 8. Частотность линейных моделей предложений с глаголом *нравиться* и двумя актантами — именными группами (подсчеты мая 2010 года)

		до 1800	1830–1840	1910–1913	1984
Всего примеров	N	112	128	139	136
Стимул	N	81	78	83	57
до Экспериенцера	%	72,3%	60,9%	59,7%	41,9%
Экспериенцер	N	31	50	56	79
до Стимула	%	**27,7%**	**39,1%**	**40,3%**	**58,1%**

[21] Строго говоря, следовало бы различать вопрос о положении актантов друг относительно друга и вопрос о положении каждого из них относительно глагола. Здесь это не делается для сокращения числа выделяемых позиционных типов. В подавляющем большинстве примеров ядерный актант, предшествующий другому ядерному актанту, занимал начальное положение в составе клаузы.

Данные в таблице показывают, что с течением времени доля конструкций с глаголом *нравиться*, в которых дативная именная группа линейно предшествует номинативной, существенно возрастала[22]: если в текстах XVIII века таких структур чуть больше четверти, то в более современных текстах их доля оказывается уже существенно выше 50%.

Аналогичная динамика изменений фиксируется и для других предикатов, которые были изучены с этой точки зрения, см. Таблицу 9. Приведенные данные были получены путем ручного подсчета по рандомизированным выдачам по запросам *надоесть* или *надоедать* и «краткая форма прилагательного *приятный*, но не форма *приятно*» соответственно.

Таблица 9. Частотность линейных моделей предложений с двумя актантами — именными группами: глаголы *надоесть* и *надоедать*, краткие формы прилагательного *приятный*

			до 1800	1801–1900	после 1901
надоесть / *надоедать*	всего примеров	N	17	100	100
	Экспериенцер до Стимула	N	1	36	49
		%	**6%**	**36%**	**49%**
приятен, *приятна*, *приятны*	всего примеров	N	68	100	100
	Экспериенцер до Стимула	N	17	32	43
		%	**25%**	**32%**	**43%**

4.4. Стимул как партиципант иерархически более высокой единицы

Выше упоминалось, что в клаузах с дативным субъектом, помимо экспериенцера, занимающего дативную позицию, может также присутствовать и стимул. Если стимул выражается именной группой, она обычно оформляется именительным падежом, см. хотя бы примеры (19)–(20).

В этом разделе будут рассмотрены нестандартные свойства стимулов в тех конструкциях, где изучаемые глаголы представлены формой инфинитива и при этом выступают в качестве

[22] Для оценки значимости попарных различий между периодами использовался критерий χ^2. Различия между первым и третьим ($p<.05$), а также третьим и четвертым периодами ($p<.001$) оказались статистически значимым, различие между первым и вторым периодом приближается к порогу статистической значимости ($p<.065$).

сентенциального (предикатного) актанта таких иерархически более высоких единиц, как *хотеть*, *способность*, *умение* и т. п., как в следующем примере с глаголом *нравиться*:

(21) *Тетя*$_i$*, дама лет сорока двух,* ⟨…⟩ *очевидно, молодилась и еще хотела* [____$_i$ *нравиться*]. [А. П. Чехов. В родном углу (1897)]

В подобных контекстах стимул заведомо обладает такой дискурсивной значимостью, которая необязательно наблюдается в других употреблениях. Это связано с тремя аспектами.

Во-первых, синтаксически способность выступать в качестве подразумеваемого участника при инфинитиве и быть кореферентным одному из актантов доминирующей предикации является одним из диагностических свойств подлежащего в русском языке (этим свойством обладают только канонические подлежащие) [Тестелец 2001: 339].

Во-вторых, семантически использование в качестве сентенциального актанта при таких матричных единицах, как *хотеть* или *умение*, говорит о том, что ситуация, описываемая зависимым инфинитивом, в какой-то мере поддается контролю со стороны участника-стимула (этот факт сам по себе показывает, что соответствующий участник в ролевом отношении является не вполне эталонным стимулом). Так, в примере (21) «тетя», очевидно, не столько стимул, на который окружающие реагируют определенным образом, сколько лицо, в какой-то мере целенаправленно каузирующее эту реакцию (как следствие, в обсуждаемых конструкциях стимул не может быть неодушевленным, например, *книга* не может *хотеть нравиться*).

Наконец, в-третьих, с точки зрения организации дискурса в примерах, подобных (21), референт актанта-стимула оказывается семантически представлен в двух элементарных клаузах — матричной и вложенной, — что говорит о его референциальной живучести («persistence»), т. е. в конечном счете о некоторой мере топикальности (см. о подобном понимании топикальности в [Givón 1983]).

В рамках исследования была поставлена задача выяснить, меняется ли на протяжении последних трех веков частотность обсуждаемых употреблений глагола *нравиться*. Полученные сведения представлены в Таблице 10.

Таблица 10. Относительная частотность инфинитива *нравиться* как сентенциального актанта лексем с семантикой контроля

	до 1900		после 1900	
	N	ipm	N	ipm
всего употреблений глагола *нравиться*	4964	112,7	21748	130,9
из них инфинитивов в контексте контроля[23]	47	1,1	88	0,5
процент искомых употреблений	0,95%		0,40%	

Данные, представленные в Таблице 10, являются лишь грубой количественной оценкой реальной картины (см. сноску 23). Однако они весьма показательны в отношении **динамики** искомых употреблений: хорошо видно, что частотность употреблений, в которых *нравиться* ведет себя как контролируемый (в синтаксическом и семантическом смыслах) предикат, падает (различие между двумя периодами статистически значимо, критерий χ^2, $p<.001$). Другими словами, полученные данные отражают падение относительной частотности такого употребления глагола *нравиться*, которое заведомо предполагает выделенность номинативного участника.

Выше отмечалось, что рассматриваемые употребления говорят о выделенности актанта-стимула по крайней мере в трех относительно независимых аспектах. Следует признать, что вопрос о том, какой именно из них стоит (или какие из них стоят) за обсуждаемыми количественными результатами, пока что до конца прояснен не был.

Возможно, дело в первую очередь в падении частотности таких употреблений глагола *нравиться*, в которых «стимул» в определенной мере контролирует ситуацию. В пользу этого предположения говорят предварительные сведения о падении доли одушевленных «стимулов» при этом глаголе: при ручной обработке случайных выборок примеров для текстов, созданных в XVIII веке,

[23] По запросу отыскивались примеры, в которых инфинитив *нравиться* использовался на расстоянии в одну или две словоформы от какой-либо формы одного из слов *хотеть*, *желание*, *умение*, *способность*. Проверка «вручную» показывает, что все найденные примеры удовлетворяют содержательным условиям, т. е. что в них *нравиться* используется как сентенциальный актант в семантическом и синтаксическом контексте контроля. Это не означает, разумеется, что найденными примерами такие контексты исчерпываются.

«стимул» оказался одушевленным в 31% примеров, а для текстов, созданных в 1984 году, он был существенно ниже — 20%.

Возможно, впрочем, данные, приведенные в Таблице 10, являются лишь частным проявлением общей тенденции падения частотности инфинитивов обсуждаемых глаголов (следует помнить, что опущение актанта при инфинитиве является подлежащным свойством независимо от степени контроля). О возможном существовании такой тенденции говорят данные о частотности инфинитивов двух непроизводных глаголов, требующих дативного субъекта.

Таблица 11. Относительная частотность инфинитивов *нравиться*, *надоесть* и *надоедать*

		до 1900	после 1901
надоесть + *надоедать*	всего форм	2189	7358
	из них инфинитив	176	317
	% инфинитивов	8,0%	4,3%
нравиться	всего форм	4964	21748
	из них инфинитив	521	941
	% инфинитивов	10,5%	4,3%

Данные в Таблице 11 показывают, что относительная частотность инфинитивных употреблений для рассматриваемых глаголов со временем падает (различие статистически значимо в обоих случаях, критерий χ^2, $p<.001$). Разумеется, инфинитивы рассматриваемых глаголов используются не только в конструкциях контроля; однако почти всякое употребление инфинитива (исключением являются аналитические формы будущего времени и другие потенциально моноклаузальные употребления) — это такая конструкция, в которой имеется две клаузы и при этом партиципант-стимул представлен в них обеих. Таким образом, доля таких употреблений глаголов, допускающих дативный субъект, при которых участник-стимул является одновременно участником иерархически более высокой структуры, с течением времени падает.

Независимо от того, как в рамках изучаемого сюжета соотнесены аспекты, связанные с одушевленностью, контролем и топикальностью (референциальной живучестью) стимула, ясно, что выявленные диахронические изменения, касающиеся употребления инфинитивных структур, говорят об уменьшении веса актанта-стимула.

4.5. Согласование со стимулом vs. безличность

Многие из предикатов, допускающих дативные субъекты, могут использоваться в двух разных конструкциях: в конструкции, где участник с ролью стимула (или близкий к стимулу) кодируется именной группой в именительном падеже и вызывает согласование на сказуемом, как в примерах (19)–(20) выше, или в безличной конструкции, где сказуемое, если это требуется грамматически, выбирает «дефолтные» согласовательные признаки — третье лицо (в настоящем времени), средний род (в прошедшем времени), единственное число:

(22) *А мне нравилось **в «Брассери»***. [Геннадий Прашкевич, Александр Богдан. Человек «Ч» (2001)]

В подавляющем большинстве таких случаев партиципант, соответствующий стимулу, присутствует в семантической структуре таких предложений, однако выражается какой-либо единицей, не способной вызвать согласование. В примере (22) это локативная группа *в «Брассери»* (см. об интерпретации локативных групп в таких контекстах [Guiraud-Weber 1984: 41]), аналогичная картина наблюдается также в случаях, когда «стимул» выражен инфинитивной конструкцией (23) или придаточным предложением (24)[24]:

(23) *Николай Николаевич учил нас в лаборатории, на семинарах, а **преподавать** ему не нравилось*. [Ю. Б. Харитон. У истоков ядерного дела (1996)]

(24) *Человеку нравится, **когда ему вопросы задают***. [Сергей Довлатов. Солдаты на Невском (1965)]

Предикаты, употребляемые с дативными субъектами, различаются по тому, какие типы синтаксического выражения второго участника оказываются при них возможны. Так, например, при глаголах *удаться*/*удаваться* номинативное подлежащее (25) находится в отношении дополнительной дистрибуции с инфинитивным оборотом (26):

[24] Здесь обходится стороной интересный вопрос о том, насколько различные неименные синтаксические единицы (в частности, инфинитивные обороты и придаточные предложения) могут считаться подлежащими (см. об этом в [Летучий 2012]).

(25) ***Этот странный психологический опыт*** *мне удался, и пари я выиграл*. [Юрий Никулин. Как я учился ходить (1979)]

(26) *Вторым положительным был работник ЦК КПСС, которому мне удалось* ***рассказать эту историю***. [Владимир Войнович. Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)]

Как бы то ни было, всегда, когда недативный ядерный участник выражен какой-либо единицей, кроме именной группы в номинативе, сказуемое принимает дефолтную в смысле согласования форму. Существенно, что реализация такой возможности обычно означает, что релевантный участник занимает сравнительно **низкое положение на онтологической иерархии**: это не лицо и не предмет, а некое место, ситуация и т. п.

В связи с этим может быть поставлен вопрос о частотности реализации двух обозначенных возможностей. Он был рассмотрен на материале глаголов *удаться*, *удаваться* и *нравиться*. Была посчитана та доля, которую занимают формы среднего рода среди всех форм прошедшего времени этих глаголов. Полученные данные сведены в Таблице 12.

Таблица 12. Частотность форм среднего рода среди форм прошедшего времени для нескольких глаголов, допускающих дативный субъект

		до 1800	1801–1900	после 1900
нравиться	форм прош. вр.	51	1844	7838
	из них среднего рода	16	681	3273
	% среднего рода	**31,4%**	**36,9%**	**41,8%**
удаться	форм прош. вр.	113	3091	25655
	из них среднего рода	90	2599	23807
	% среднего рода	**79,6%**	**84,1%**	**92,8%**
удаваться	форм прош. вр.	24	617	4228
	из них среднего рода	19	539	3890
	% среднего рода	**79,2%**	**87,4%**	**92,0%**

Можно увидеть, что в течение последних трех веков для рассмотренных глаголов возрос процент случаев использования среднего рода (различие между результатами для текстов XIX века

и более позднего времени во всех трех случаях преодолело порог статистической значимости, критерий χ^2, p<.001). Как и в некоторых предыдущих случаях, общий вектор развития фиксируется для единиц, значительно различающихся по абсолютным показателям (так, для глаголов *удаваться*/*удаться* формы среднего рода находятся на всем протяжении НКРЯ в большинстве, а для глагола *нравиться* — в меньшинстве).

Следует понимать, что полученные числа нельзя считать прямым указанием на долю безличных употреблений, т. к. в принципе формы среднего рода могут возникать в результате согласования с именной группой среднего рода (*мне нравилось его пение*). К сожалению, получить напрямую количественную оценку доли безличных употреблений путем обращения к НКРЯ сложно (для этого потребовался бы анализ вручную). Однако предварительный ручной анализ показывает, что среди анализируемых конструкций с формами среднего рода доля личных (согласованных с подлежащим) употреблений пренебрежимо мала. Таким образом, наблюдаемое увеличение доли форм среднего рода связано не с изменением соотношения субстантивных подлежащих разных родов, а с увеличением доли безличных употреблений — употреблений, где второй ядерный участник заведомо находится низко на онтологической иерархии.

Ситуацию с личными и безличными употреблениями глаголов типа *нравиться*, как уже было показано в разделе 2.3.1, во многом напоминает и конкуренция между предикативами «первого типа» (*приятно*, *интересно*, *полезно*, *нужно* и т. д.) с краткими формами соответствующих прилагательных: прилагательные используются тогда, когда приятными, полезными, интересными и т. д. оказываются объекты, выраженные полноценными именными группами, а предикативы — в остальных случаях, как в примере (7). Неудивительно в связи с этим, что для этой группы единиц были получены данные, в целом свидетельствующие об увеличении относительной частотности предикативов по сравнению с краткими формами прилагательных[25].

[25] При интерпретации этих данных следует, впрочем, помнить о тенденции к сокращению употребительности кратких прилагательных, см. выше сноску 18.

Отдельная закономерность касается предикативов *видно* и *слышно*: они могут использоваться не только тогда, когда стимул выражен не именной группой (т. е. занимает низкое положение на онтологической иерархии), но и тогда, когда он выражен полноценной именной группой, но она при этом занимает позицию прямого дополнения: ср. *мне видно лавочку* из примера (8). Однако и в этом случае наблюдается систематическая связь, при этом жесткая, между использованием предикатива и более низким статусом «стимула», только на этот раз речь идет о более низком синтаксическом статусе; использование же согласуемого прилагательного, наоборот, предполагает более высокий статус стимула, ср. сконструированную модификацию того же примера (8): *мне видна лавочка*. В Таблице 13 приводятся данные, показывающие, что до середины XIX века форма *слышно* имела меньшую относительную частотность по сравнению с краткими формами прилагательного *слышный* (*слышен*, *слышна*, *слышны*), чем в текстах более позднего времени[26].

Таблица 13. Частотность *слышно* vs. *слышен*, *слышна*, *слышны*

	до 1850	после 1851
слышно (предикатив или краткая форма)	489	8872
слышен / *слышна* / *слышны* (краткие формы)	271	3617
% *слышно* от общего числа	64,3%	71,0%

Различия между данными для двух периодов оказываются статистически значимыми (критерий χ^2, $p<.001$)[27].

Таким образом, для всех рассмотренных в этом разделе конструкций установлено, что с течением времени увеличивается частотность таких употреблений, при которых участник, являющийся стимулом или близкий стимулу, имеет сравнительно низкий онтологический или синтаксический статус.

[26] Впрочем, в данном случае изменение соотношения частотности вписывается в общую тенденцию к сокращению употребительности кратких форм прилагательных (но не предикативов), см. сноску 18.

[27] В целом близкая картина наблюдается для предикатива *видно* и кратких форм прилагательного *видный*, однако в этом случае из-за омонимии с вводным словом *видно* потребовалась многошаговая процедура оценки частотности, которая не воспроизводится для экономии места.

4.6. Дативный субъект как контролер зависимого инфинитива

Все без исключения русские конструкции с дативным субъектом обладают следующим свойством: если при соответствующих предикатах есть зависимый инфинитив, то подразумеваемый субъект при инфинитиве должен быть кореферентен именно дативному актанту при главном предикате:

(27) *Ведь Вася так плохо одет,* ***ему***$_{i}$ *будет* ***холодно*** [____$_{i}$ ***лететь*** *поздней осенью*]. [Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 2 (1975–1977)]

(28а) *Ольге Михайловне*$_{i}$ *нравилось* [____$_{i}$ *молчать, ждать и глядеть на Варвару*]. [А. П. Чехов. Именины (1888)]

Это свойство распространяется и на случаи, когда позиция дативного субъекта в главной клаузе по каким-либо причинам остается незаполнена[28]. Если в главной клаузе соответствующий синтаксический ноль интерпретируется как переменная со значением оператора всеобщности, то нулевой субъект при зависимом инфинитиве оказывается коиндексирован этой переменной:

(29) *Всегда* ∅-DAT$_{i}$ *приятно* [____$_{i}$ *вспомнить о доблести и славе предков*]. [В. М. Дорошевич. Сказки и легенды (1893–1916)]

Напротив, номинативная именная группа в составе конструкций с предикатами, способными присоединять дативный субъект, не может контролировать референцию зависимого инфинитива.

(28б) **Ольга Ивановна*$_{i}$ *нравилась Ивану* [____$_{i}$ *молчать*]. (Сконструированный пример. Предполагаемое значение ‘Ивану нравилось, когда Ольга Ивановна молчит’)

Таким образом, наличие при предикате, присоединяющем дативный субъект, зависимого инфинитива говорит о бóльшей дискурсивной роли экспериенцера, о его семантическом присутствии как минимум в двух единицах клаузального типа. В связи со

[28] У этой закономерности есть интересные последствия для семантической интерпретации предикатива *холодно*: в случае присутствия зависимого инфинитива он обязательно получает интерпретацию субъективного температурного ощущения даже при отсутствии эксплицитного экспериенцера, ср. *Даже в спортивных костюмах* ***холодно лежать*** *на бетоне* ⟨…⟩ [Виктор Мясников. Водка (2000)].

сказанным был поставлен вопрос о том, каким образом менялась частотность употребления изучаемых предикатов с зависимым инфинитивом. Как и в других случаях, точная оценка частотности конструкций с зависимым инфинитивом потребовала бы трудоемкой ручной обработки. Вместо этого для нескольких предикатов была установлена доля таких употреблений, когда в текстах сразу после них без знаков препинания следовал инфинитив. При таком запросе в выдачи попадали не все примеры, при которых у изучаемых предикатов были зависимые инфинитивы, поэтому полученные проценты нельзя считать сколько-нибудь аккуратной оценкой частотности конструкций с инфинитивами при изучаемых предикатах. Тем не менее, полученные числа позволяют увидеть **динамику** частотности конструкций с инфинитивами.

Таблица 14. Относительная частотность конструкций с зависимым инфинитивом при предикатах, допускающих дативный субъект

		до 1800	1801–1900	после 1901
нравиться	всего	205	4802	21748
	с инфинитивом	3	76	1185
	% с инфинитивом	**1,5%**	**1,6%**	**5,4%**
надоесть	всего	14	1733	6480
	с инфинитивом	0	151	907
	% с инфинитивом	–[29]	**8,7%**	**14,0%**
предикативы[30]	всего	28	925	3528
	с инфинитивом	1	99	619
	% с инфинитивом	–	**10,7%**	**17,5%**

[29] В этом и в последующем случаях данных для XVIII века оказалось слишком мало для того, чтобы вычислять процент употреблений с постпозитивным инфинитивом. Тем не менее, можно заметить, что во всех случаях доля употреблений с инфинитивом в текстах XVIII века оказывалась ниже, чем в более поздних текстах.

[30] Приводятся суммарные данные для предикативов *скучно*, *грустно*, *весело*, *приятно*, *холодно*. Доля употреблений с инфинитивами при них различна, однако из экономии места приводятся сводные данные. Некоторые из этих предикативов омонимичны наречиям, поэтому для того, чтобы в выдачи не попадали примеры с наречиями, использовались запросы, в которых предикатив использовался после связки прошедшего времени *было*.

Можно видеть, что скорость изменений и сами количественные показатели принципиально различаются для разных предикатов, но вектор изменения совпадает во всех рассмотренных случаях: доля употреблений с зависимым инфинитивом растет (различие между данными для текстов XIX века и последующего времени статистически значимо, критерий χ^2, $p<.001$)[31].

5. Эмпирические обобщения и выводы

В предшествующем — содержательно центральном — разделе были приведены эмпирические данные, касающиеся диахронических изменений частоты реализации различных признаков конструкций с дативным субъектом. Эти подсчеты не претендуют на полноту охвата потенциального поля исследования. В каждом из случаев рассматривалось лишь определенное подмножество всей совокупности конструкций с дативным субъектом. В какой-то мере это было связано с тем, что некоторые признаки релевантны лишь для части конструкций с дативным субъектом. В какой-то мере неполнота была обусловлена трудоемкостью некоторых из потенциально интересных задач. Наконец, в некоторых случаях в ходе исследования не было выявлено изменений, которые можно было бы считать статистически значимыми, — и такие случаи не попадали в текст статьи. Однако обращает на себя внимание то, что всегда, когда для какого-либо из исследованных предикатов обнаруживались статистически значимые изменения, это сопровождалось тем, что для других предикатов фиксировались изменения с тем же вектором развития (или не фиксировалось изменений) и никогда не фиксировалось изменений в противоположном направлении. Это уже говорит о том, что, хотя изучавшиеся диахронические изменения как будто бы затрагивают отдельные лексические единицы или лексически компактные конструкции, определенная содержательная общность, некая «невидимая рука», среди конструкций с «дативным субъектом» прослеживается.

[31] Та же тенденция была установлена и для пары глаголов *удаться* / *удаваться*. В Таблице 14 не приводятся соответствующие данные, так как во многом они дублируют сведения, представленные в Таблице 12: при наличии зависимого инфинитива используется форма среднего рода, использование же иных форм говорит об отсутствии инфинитива (ср. *ей удался шоколадный торт* / *хитрый трюк*).

Какие же изменения были статистически выявлены для изученных конструкций?

Во-первых, было установлено, что с течением времени возрастает относительная (по сравнению с каноническими конструкциями) частотность нескольких различных конструкций с дативным субъектом (раздел 4.1). Можно предположить, что полученные данные свидетельствуют о возрастании доли случаев, когда экспериенцер кодируется дативом (а не номинативом, как в конструкциях типа *она любит животных*)[32].

Во-вторых, выяснилось, что с течением времени возрастает дискурсивная значимость позиции дативного субъекта. Об этом говорит и то, что со временем увеличивается частотность случаев, когда эта позиция оказывается заполнена — для ряда предикатов это фактически означает, что и сама эта позиция возникает чаще (см. раздел 4.2), — и то, что со временем увеличивается частотность употребления дативного субъекта в начальной позиции, т. е. в позиции, типичной для темы/подлежащего (см. раздел 4.3), и увеличение относительной частотности таких употреблений, где дативный субъект контролирует вложенный инфинитив, т. е. участвует по крайней мере в двух различных клаузах (см. раздел 4.6).

В-третьих, выяснилось, что со временем второй ядерный участник конструкций с дативным субъектом (условно его можно считать «стимулом», хотя во многих случаях он обладает более сложной ролевой характеристикой) начинает реже демонстрировать свойства, которые свидетельствуют о его дискурсивной важности. Действительно, «стимулы» в конструкциях с дативным субъектом со временем реже оказываются партиципантами

[32] Можно вспомнить, что сравнительная распространенность «инвертированных» и «унифицирующих» конструкций, выражающих различные психологические ситуации (эмотивные, перцептивные, когнитивные), — важный параметр количественного межъязыкового варьирования. Так, в [Bossong 1998] было установлено, что языки «среднеевропейского стандарта» (Standard Average European) предпочитают унифицирующую конструкцию, а языки европейской периферии часто отдают предпочтение инвертированным предикатам (среди индоевропейских языков это особенно характерно для русского, исландского, румынского и ирландского). Возможно, данные настоящего исследования можно интерпретировать как диахроническое свидетельство в пользу медленного дрейфа русского языка от среднеевропейского стандарта в изученном отношении.

иерархически более высоких единиц (а такие употребления говорят об определенной степени контроля со стороны соответствующего участника), что согласуется с наблюдениями о том, что со временем увеличивается доля неодушевленных стимулов (см. об этих двух тенденциях в разделе 4.4); помимо этого, со временем увеличивается частотность таких употреблений, когда стимул неспособен вызвать согласование на предикате, т. е. стимулами со временем все чаще оказываются сущности, занимающие низкое положение на онтологической иерархии[33].

Выявленные разнородные диахронические изменения сводимы к единой тенденции: в количественном отношении на протяжении последних трех веков в русском языке увеличивалась дискурсивная значимость так называемых дативных субъектов, что закономерно сопровождалось понижением дискурсивной значимости оставшегося ядерного участника соответствующих конструкций[34].

К этому общему выводу хотелось бы добавить три комментария.

Во-первых, существенно то, что никакой неизбежной логической связи ни между отдельными лексемами, свойства которых изучались, ни между отдельными проявлениями, которые подвергались рассмотрению, по всей видимости, не существует[35]. Тем не

[33] О распределении различных семантико-синтаксических типов стимулов (правда только экспериенциальных глаголов) в современном русском языке см. [Бонч-Осмоловская 2003: 89].

[34] Следует, впрочем, помнить, что из рассмотрения были исключены дативно-инфинитивные конструкции типа *нам не успеть*, *как же нам его повернуть*? и т. п. Выше уже упоминалось мнение о том, что они принципиально отличаются по своим свойствам от рассматривавшихся в исследовании конструкций. Полученные здесь диахронические сведения косвенно подтверждают этот вывод, т. к. применительно к дативно-инфинитивным конструкциям известно, что они существовали уже в древнерусскую эпоху и, видимо, используются сейчас реже, чем в прежние времена [Timberlake 2004: 363].

[35] Впрочем, многие исследователи утверждали, что между различными инвертированными конструкциями русского языка имеется содержательная связь. Так, это наблюдение является неотъемлемой частью суждений А. Вежбицкой об особой «картине мира», отражаемой в русской грамматике, в частности, в разнообразных характерных для русского языка «неагентивных» конструкциях [Вежбицкая 1996: 33–34].

менее, несмотря на то что исследовались изменения в частотности типов употребления отдельных лексических единиц (или групп единиц), в целом они складываются в картину изменений уже не лексического, а грамматического плана.

Во-вторых, замеченные частные изменения свойств конструкций с дативным субъектом, по крайней мере для столь короткого периода, невозможно считать проявлением перехода с одного этапа на другой в рамках существующих стадиальных представлений о развитии «неканонических подлежащих» (см. о них, например [Cole et al. 1980; Haspelmath 2010]). Увеличение дискурсивной значимости «дативных субъектов» само по себе никак не связано с приобретением **способности** использоваться в различных синтаксических конфигурациях, которые обычно считаются диагностическими при определении подлежащего. Помимо этого, следует отметить, что из всех рассмотренных свойств лишь малая часть — участие в иерархически более высокой клаузе, способность вызывать согласование и в какой-то мере начальная линейная позиция — могут считаться подлежащными свойствами. Однако, как уже было сказано, и применительно к этим параметрам не было установлено фактов развития или утраты у участников в конструкции с «дативным субъектом» способности функционировать соответствующим образом.

Наконец, в-третьих, полученные результаты могут быть интересны в методологическом отношении. В исследовании было установлено, что частные зафиксированные изменения складываются в единую картину: перед нами пример грамматического дрейфа, который претерпевает русский язык. Вместе с тем, (почти) все зафиксированные изменения — это лишь **изменения частотностей** реализации тех грамматических возможностей, сам набор которых на изученном отрезке времени принципиально не изменялся. Следует при этом четко понимать, что частотности интересны не сами по себе[36], а как количественные проявления статуса грамматических единиц в индивидуальных грамматиках носителей

[36] Ср.: «[W]e do not regard frequency data as explanatory. In fact we would argue for the opposite: frequency data identifies patterns that must be explained. The usefulness of frequency data (and corpus analysis generally) is that it identifies patterns of use that otherwise often go unnoticed by researchers» [Biber et al. 2004: 376].

(см. о такой связи, например, [Halliday 1993: 3; Schmid 2000: 39]). Понятно при этом, что для решения задач диахронического синтаксиса обращение к компетенции носителей языка (установление границ грамматически допустимого и не допустимого) на разных его исторических срезах невозможно. В этом смысле использованный здесь подход может представлять определенную методологическую ценность.

Литература

Бонч-Осмоловская 2003 — А. А. Бонч-Осмоловская. Конструкции с дативным субъектом в русском языке. Дисс. … канд. филол. наук. МГУ, М., 2003.

Брицын 1990 — В. М. Брицын. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. Киев: Изд-во АН УССР, 1990.

Вежбицкая 1996 — А. Вежбицкая. Русский язык // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 33–88.

Виноградов (ред.) 1953 — В. В. Виноградов (ред.). Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М.: АН СССР, 1953.

Гото 2008 — К. В. Гото. Количественные характеристики классов русских рефлексивных глаголов. Магистерская диссертация. СПбГУ, СПб., 2008.

Исаченко 2003 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Т. I–II. 2-ое изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. (1-ое изд. — 1954–1965).

Ицкович 1974 — В. А. Ицкович. Очерки синтаксической нормы 1–3 // Г. А. Золотова (ред.). Синтаксис и норма. М.: Наука, 1974. С. 43–106.

Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.

Козинский 1983 — И. Ш. Козинский. О категории «подлежащее» в русском языке [Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156]. М.: АН СССР, 1983. Non vidi.

Коломацкий 2009 — Д. И. Коломацкий. Дистрибуция русских пассивных форм: корпусное исследование. Дисс. … канд. филол. наук. МГУ, М., 2009.

Кустова 2002 — Г. И. Кустова. О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой // Вопросы языкознания 2, 2002. С. 16–34.

Летучий 2012 — А. Б. Летучий. О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке // Вопросы языкознания 5, 2012. С. 59–87.

Недялков 1978 — В. П. Недялков. Заметки по типологии рефлексивных деагентивных конструкций // В. С. Храковский (ред.). Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978. С. 28–37.

Пешковский 2001 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Срезневский 1893–1912 — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб: Императорская Академия Наук, 1893–1912.

СРЯ XVIII 1984–2013 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–20. Л., СПб.: Наука. 1984–2013.

Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

Храковский 1975 — В. С. Храковский. Исчисление диатез // Диатезы и залоги. Тезисы конференции «Структурно-типологические методы в синтаксисе разносистемных языков». Л.: ЛО ИЯ АН СССР, 1975. С. 34–51.

Храковский 1991 — В. С. Храковский. Пассивные конструкции // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб: Наука, 1991. С. 141–180.

Циммерлинг 1998 — А. В. Циммерлинг. История одной полемики // Язык и речевая деятельность 1, 1998. С. 65–87.

Циммерлинг 2012 — А. В. Циммерлинг. Неканоническое подлежащее в русском языке // М. Д. Воейкова. (ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 568–590.

Шведова (ред.) 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980.

Barðdal 2001 — J. Barðdal. The perplexity of Dat-Nom verbs in Icelandic // Nordic Journal of Linguistics 24, 2001. P. 47–70.

Barðdal, Eythórsson 2005 — J. Barðdal, Th. Eythórsson. The change that never happened: The story of oblique subjects // Linguistics 39, 2005. P. 439–472.

Barðdal 2011 — J. Barðdal. Lexical vs. structural case: A false dichotomy // Morphology 21, 3–4, 2011. P. 619–654.

Biber 2004 — D. Biber, S. Conrad, V. Cortes. *If you look at…*: Lexical bundles in university teaching and textbooks // Applied Linguistics 25, 3, 2004. P. 371–405.

Bossong 1998 — G. Bossong. Le marquage de l'expérient dans les langues d'Europe // J. Feuillet (ed.). Actance et valence dans les langues de l'Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 259–294.

Chvany 1996 — C. V. Chvany. Deconstructing Agents and subjects // O. T. Yokoyama, E. Klenin (eds.). Selected Essays of Catherine V. Chvany. Columbus: Slavica, 1996. P. 63–95.

Cole et al. 1980 — P. Cole, W. Harbert, G. Hermon, S. N. Sridhar. The acquisition of subjecthood // Language 56, 1980. P. 719–743.

Franks 1995 — S. Franks. Parameters of Slavic Morphosyntax. Oxford: Oxford University Press, 1995.

Geniušienė 1987 — E. Geniušienė. The Typology of Reflexives. Berlin — New York — Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987.

Givón 1983 — T. Givón. Topic continuity in discourse: an introduction // T. Givón (ed.). Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1983. P. 1–41.

Guiraud-Weber 1984 — M. Guiraud-Weber. Les propositions sans nominative en russe moderne. Paris: Institut d'études slaves, 1984.

Halliday 1993 — M. A. K. Halliday. Quantitative studies and probabilities in grammar // M. Hoey (ed.). Data, Description, Discourse. Papers on the English Language in Honour of John McH. Sinclair. London: Harper Collins, 1993. P. 1–25.

Haspelmath 2001 — M. Haspelmath. Non-canonical marking of core arguments in European languages // A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon, M. Onishi (eds.). Non-Canonical Marking of Subjects and Objects [Typological studies in language 46]. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 53–83.

Haspelmath 2010 — M. Haspelmath. The Behaviour-before-coding principle in syntactic change // Franck Floricic (ed.). Essais de typologie et de linguistique generale: Mélanges offerts a Denis Creissels. Lyon: Presses Universitaires de l'École Normale Superieure, 2010. P. 541–554.

Janda, Solovyev 2009 — L. A. Janda, V. Solovyev. What constructional profiles reveal about synonymy: a case study of Russian words for SADNESS and HAPPINESS // Cognitive Linguistics 20, 2, 2009. P. 367–393.

Koptjevskaja-Tamm 2011 — M. Koptjevskaja-Tamm. It's boiling hot! On the structure of the linguistic temperature domain across languages // S. D. Schmid, U. Detges, P. Gévaudan, W. Mihatsch, R. Waltereit (eds.). Rahmen des Sprechens. Beiträge zur Valenztheorie, Varietätenlinguistik, kognitiven und historischen Semantik. Tübingen: Narr, 2011. P. 379–396.

Moore 2000 — J. Moore, D. Perlmutter. What does it take to be a dative subject? // Natural Language and Linguistic Theory 18, 2, 2000. P. 373–416.

Say 2013 — S. Say. On the nature of dative arguments in Russian constructions with "predicatives" // I. Kor Chahine (ed.). Current Studies in Slavic Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 225–245.

Schmid 2000 — H.-J. Schmid. English Abstract Nouns as Conceptual Shells. From Corpus to Cognition. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2000.

Schoorlemmer 1994 — M. Schoorlemmer. Dative subjects in Russian // J. Toman (ed.). Formal Approaches to Slavic Linguistics, Vol. 1. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1994. P. 249–270.

Seržant 2013 — I. A. Seržant. The diachronic typology of non-canonical subjects and subject-like obliques // I. A. Seržant, L. Kulikov (eds.). The Diachronic Typology of Non-Canonical Subjects. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 313–360.

Timberlake 2004 — A. Timberlake. A Reference Grammar of Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Yip et al. 1987 — M. Yip, J. Maling, R. Jackendoff. Case in tiers // Language 63, 2, 1987. P. 217–50.

Zimmerling 2009 — A. Zimmerling. Dative subjects and semi-expletive pronouns in Russian // G. Zybatow et al. (eds.). Studies in Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Information Structure. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. P. 253–268.

Zolotova 1987 — G. A. Zolotova. О дистинктивных значениях синонимических конструкций // Revue des études slaves 59, 3, 1987. P. 681–686.

Е. А. Сведенцова

СПбГУ, Санкт-Петербург

ДА-КОНСТРУКЦИИ И ВРЕМЯ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ИМПЕРАТИВЕ[1]

1. Императивные парадигмы

Обычно в грамматиках и грамматических описаниях старославянского языка представлена одна императивная парадигма, состоящая из шести форм: омонимичных форм 2 и 3 л. ед. ч., неомонимичных форм 1[2] и 2 л. множ. и дв. ч.

Так, для глагола **вести** ‘вести/повести’ в справочных морфологических таблицах Старославянского словаря (по рукописям X–XI веков) под ред. Э. Благовой, Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки [Старославянский словарь 1994: 832] парадигма выглядит следующим образом:

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.		**ведѣвѣ**	**ведѣмъ**
2 л.	**веди**	**ведѣта**	**ведѣте**
3 л.	**веди**		

Однако в старославянском языке существуют простые (= синтетические) формы императива 1 л. ед. ч. и неомонимичные формы 3 л. множ. и дв. ч. Еще в 1948 г. на этот факт указал А. Вайан: «Повелительное наклонение ранее обладало формами всех трех

[1] Данный текст включает в себя уже изложенную в [Сведенцова 2011: 157–163] «отправную точку» исследования, с изменениями и с целью представить исследование в его целостности.

[2] Компонентом значения граммемы 1 л. мн. ч. является ‘исполнитель: я + другие участники речевого акта’, дв. ч. — ‘исполнитель: говорящий и один из участников речевого акта / другой (единственный) участник речевого акта’.

лиц в трех числах. Эти формы сохранились у глагола **быти**» [Вайан 2002: 253–254]:

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.	**бѫдѣмь**	**бѫдѣвѣ**	**бѫдѣмъ**
2 л.	**бѫди**	**бѫдѣта**	**бѫдѣте**
3 л.	**бѫди**	**бѫдѣте**	**бѫдѫ**

Синтетические формы императива 1 л. ед. ч. и (неомонимичные) формы 3 л. множ. и дв. ч. других глаголов также представлены в старославянских текстах, хотя и являются редкими. На это тоже было указано Вайаном. Среди обнаруженных им глагольных форм — форма императива 1 л. ед. ч. глагола **отъпасти** ‘отпасть, отделиться’:

(1) [4] **Гі҃ бж҃е мои ѣще створіхъ се:· Аще есть неправьда вь рѫкоу моѥю: ⁓** [5] **Ащте вьздахъ въздаѭщимъ ми зъло:. Отъпадѣмъ оубо отъ врагъ моіхъ тъщъ:** (Син. пс.)
‘Господи, Боже Мой, если ⟨я⟩ сотворил что… если есть неправда в руках моих, если я воздал зло воздающим мне ⟨зло/добро⟩, да отпаду от врагов моих пустым (= ни с чем)’[3]. — Пс. VII, 4–5 [Вайан 2002: 254]

Только редкостью употребления этих форм можно объяснить невключение их в состав императивной парадигмы в современных грамматических описаниях. Исключением из сложившейся практики является грамматика Р. Айтцетмюллера, где он приводит императивные парадигмы трех глаголов (помимо глагола **быти**) — **знати, носити, дати**, в которых «заполнена клетка» 3 л. дв. ч. [Aitzetmüller 1978: 191]:

[3] В ходе работы был использован корпус «Corpus Cyrillo-Methodianum Helsingiense» (http://www.helsinki.fi/slaavilaiset/ccmh). По техническим причинам в работе, возможно, чаще приводятся примеры из Зографского Четвероевангелия. Указанный недостаток компенсируется приведением разночтений по другим спискам Четвероевангелий. В работе намеренно используется максимально буквальный перевод, позволяющий более адекватно передать особенности языка-оригинала. С трудом передаваемые в переводе глагольные формы глоссируются. В глоссе каждого компонента аналитической формы содержится указание на вхождение его в эту форму.

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.		**знаивѣ**	**знаимъ**
2 л.	**знаи**	**знаита**	**знаите**
3 л.	**знаи**	**знаите**	

Из авторов классических трудов следует упомянуть А. М. Селищева и В. Вондрака. А. М. Селищев также, по-видимому, считал возможным заполнение в императивной парадигме «клетки» 3 л. дв. ч. [Селищев 1952: 177–178]. В. Вондрак фиксирует форму 1 л. ед. ч. **отъпадѣмъ** [Vondrák 1912: 493].

В старославянском языке нет оптативной парадигмы, которая противопоставлялась бы парадигме императива, в отличие, например, от древнегреческого языка. Есть сочетания частицы **да** и всех лично-числовых форм, традиционно называемых формами настоящего времени несовершенного и совершенного вида. А. Вайан называет их «описательными оборотами с **да**», которые **наряду**[4] [выделение мое. — *Е. С.*] с простыми формами передают «значение повелительного наклонения» и «выражают скорее увещание или пожелание, чем приказание» [Вайан 2002: 254]. В. Ф. Иванова считает эти сочетания сложными императивными формами, но заполняющими лишь «пустые» клетки обычно представляемой грамматиками императивной парадигмы простых форм [Иванова 1997: 151]. С нашей точки зрения, сочетания с **да** — это сложные (= аналитические) формы, которые не заполняют «по остаточному принципу» оставшиеся незаполненными клетки парадигмы простых императивных форм. Они сами составляют две императивные парадигмы сложных форм, противопоставленные по временной соотнесенности (о противопоставленности сложных императивных форм по временной соотнесенности см. ниже). Основанием для такого решения служат следующие (типичные для языка) случаи.

А. Простая и сложная императивные формы одного глагола называют одинаковые ситуации.

(2) [3] **въдова же бѣ въ градѣ томь· і҆ прихождаа҆ше къ н҆емоу г҃лѭшти· мьсти мене отъ сѫпьр҆ѣ моего·** [4] **і҆ не хотѣ а҆ше· на дльзѣ же врѣмени· послѣдь рече вь себѣ· а҆ште і҆ б҃га не боѭ сѧ· і҆ ч҃къ не срамл҆ѣѭ сѧ·** [5] **за н҆е творитъ ми**

[4] Ср. замечание А. Вайана: «описательный оборот встречается также и со 2-м лицом» [Вайан 2002: 254].

троудъ въдовица си• да мьштѫ еѩ• да не до коньца приходѧшти застоıтъ мене• (Зогр.)

‘Вдова же была в городе том. И приходила к нему ⟨судье⟩, говоря(щая)[5]: «Защити меня от соперника моего». И ⟨судья⟩ не хотел долгое время. После сказал «в себе»: «Хотя ⟨я⟩ и Бога не боюсь, и людей не стыжусь, но как эта вдова не дает мне покоя, да защищу ее, чтобы она не докучала, приходя(щая), мне больше»’. — Лк. 18, 3–5

Б. Случай разночтения, когда для называния ровно той же ситуации волеизъявления в одном списке Четвероевангелия употреблена сложная императивная форма, в другом — простая того же глагола.

(3) [22] **і҆ се приде единъ отъ а҆р’хисѵнагога• і҆менемь і҆а҆іръ• і҆ видѣвъ ı паде на ногоу его•** [23] **і҆ молѣаше и много гл҃ѧ• ѣко дъшти моѣ на коньчинѣ естъ• да пришьдъ възложиши на н҃ѭ рѫцѣ• да с҃пена бѫдетъ і҆ оживетъ** (Зогр.)

‘И вот, пришел один от начальника синагоги, по имени Иаир, и, увидев Его, упал к ногам Его. И молил Его много, говоря: «Дочь моя при смерти. Пришедши, возложи на нее руки, чтобы она была спасена и ожила»’. — Мк. 5, 22–23

Как можно видеть, в Зографскогом Четвероевангелии употреблена сложная императивная форма глагола **възложити** ‘возложить’. В Мариинском списке «вместо» нее — простая императивная форма **възложи**.

В. Равнозначность простой и сложной императивных форм очевидна: разночтения нет, но сложная форма может быть заменена простой.

(4) **і҃с же мльчааше• і҆ отъвѣштавъ ар’хиѐреи рече емоу• заклинаѭ тѧ б҃мь живъıмь• да речеши намъ• а҆ште тъı еси х҃ъ с҃нъ б҃жıи•** (Зогр.)

‘Иисус же молчал. И, ответив, первосвященник сказал Ему: «Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий»’. — Мф. 26, 63

[5] В старославянском языке краткая форма причастия может иметь как адвербиальную, так и атрибутивную функции, а также являться предикатным именем. В сложных случаях в переводе передается возможность нескольких интерпретаций.

Старославянские сложные императивные формы могут иметь оптативное значение, но так же оптативно могут употребляться и простые императивные формы. Как уже было сказано, старославянском языке нет оптативной парадигмы, которая противопоставлялась бы парадигме императива, и нельзя утверждать, что сложные формы — оптативные, а простые — императивные.

В этом отношении старославянским сложным императивным формам аналогичны болгарские формы конъюнктива, также представляющие собой сочетания служебной частицы *да* и финитных форм настоящего времени и выражающие как значение, «тождественное или **очень близкое** значению повелительного наклонения», так и оптативное значение[6] [Маслов 1981: 286].

Пример оптативного употребления простой императивной формы (равно как и сложной):

(5) **отче приде година. прослави сна своего. да и снъ твои прославитъ тѧ.** (Мар.)
‘Отец! Пришел час. Прославь Сына Своего. И Сын Твой пусть/да прославит Тебя’. — Ин. 17, 1. Это начало молитвы Иисуса к Богу-Отцу после Тайной Вечери перед молитвой в Гефсиманском саду. Данный контекст (как и контекст любой молитвы) полностью исключает повелительную интерпретацию. Императивная форма **прослави** (равно как и **да прославитъ**) здесь имеет значение согласия на осуществление действия — согласие Христа на распятие.

2. Формы настоящего и будущего времени

Рассмотрение употребления старославянских сложных императивных форм, конечно, предполагает владение информацией о формах настоящего и будущего времени старославянских глаголов.

Старославянские глагольные формы настоящего времени традиционно воспринимаются следующим образом: «Форма на-

[6] Болгарские конъюнктивные формы также могут употребляться в контексте с формами повелительного наклонения, но их значение отличается от значения старославянских сложных императивных форм. Ср.: *Ти́ да мълчи́ш!* ‘Ты чтоб молчал’ [Маслов 1981: 286].

стоящего времени несовершенного вида имеет обычно значение настоящего, а форма настоящего времени совершенного вида — значение будущего времени» [Вайан 2002: 376]. Отмечается, что формы «настоящего времени несовершенного вида» тоже могут «иметь значение будущего времени», когда они обозначают длительное или повторяющееся в будущем действие [Вайан 2002: 377]. Заметим, что эти формы могут обозначать и вполне конкретное, завершенное действие, если это формы двувидовых глаголов. Так, для примера (6) с двувидовым глаголом[7] **разоумѣти** ‘понять/понимать’ невозможна интерпретация ‘в тот день будете понимать’.

(6) **въ тъ дьнь разоумѣете вы· ѣко азъ въ отци моемь· і вы въ мьнѣ есте· і азъ въ васъ·** (Зогр.)
‘В тот день поймете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас’. — Ин. 14, 20

Сложные формы будущего времени представлены в языке сочетаниями глаголов **имѣти,** реже **хотѣти, начѧти, вьчѧти**, с инфинитивом глаголов как НСВ, так и СВ, и двувидовых глаголов. Они менее употребительны, чем простые. Так, в Евангелии от Марка в тексте Мариинского Четвероевангелия на 214 простых форм будущего времени приходится 10 сложных[8].

Далее отметим, что в старославянском языке не только формы простого и сложного будущего времени могли быть образованы от глаголов совершенного, несовершенного видов и от двувидовых глаголов, но и формы настоящего[9], как, впрочем, и любые другие глагольные формы в этом языке[10]. В этом отношении аналогия наблюдается в болгарском языке, где также все временные

[7] Двувидовые глаголы составляют 9% в выборке из 1185 глаголов.

[8] При подсчете были исключены формы, являющиеся составляющими **да**-конструкций (см. ниже), и те, для которых равно возможны семантизации настоящего и будущего времени. В число простых форм будущего времени на данный момент входят формы, употребленные в «наглядно-примерных» и «обобщающих» контекстах.

[9] О значениях старославянских форм настоящего совершенного см. [Вайан 2002: 377; Бунина 1959: 157].

[10] Некоторую информацию об этом можно найти в [Сведенцова 2012: 38–39].

формы (в том числе и интересующие нас в данном исследовании формы настоящего времени) образованы от основ и несовершенного, и совершенного вида [Маслов 1981].

Пример употребления старославянского глагола СВ **оузьрѣти** ‘увидеть’ в форме настоящего:

(7) [11] **і гл҃аше имъ вамъ естъ дано вѣдѣти таинаа цр҃ствиѣ бж҃иѣ. Инѣмъ же вънѣшънимь въ притъчахъ вьсѣ бываѭтъ.** [12] **да видѧще видѧтъ и не оузьрѧтъ. і слышѧште слышѧтъ. і не разоумѣваѭтъ.** (Мар.)
‘И ⟨Иисус⟩ сказал им ⟨апостолам⟩: вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем «внешним» все в притчах бывает, так что они «видя» видят и не «увидевают» и слыша слышат и не «уразумевают»’. **—** Мк 4, 11–12

Здесь необходимо подчеркнуть, что речь идет о формах настоящего от глаголов СВ, которые **не могут быть «реинтерпретированы»** в простые формы будущего.

Так выглядит, в самом приближенном виде, передача семантики будущего времени старославянскими глагольными формами индикатива. В данном контексте исключительно для полноты картины добавим, что в старославянском языке есть формы второго будущего (= предбудущего) времени. На этом факте будет уместнее остановиться ниже.

3. Время в старославянском императиве?

Как в старославянском языке совмещаются императивное значение и значение времени? Сама постановка вопроса была вызвана случаями (оптативных) употреблений сложных императивных форм глагола **быти: да естъ — да бѫдетъ** и **да сѫтъ — да бѫдѫтъ**, не противопоставленных друг другу (внутри пар) по виду.

(8а) [15] **аще кто любитъ мѧ. и̑ заповѣди моѧ съблюдетъ.** [16] **и̑ азъ оумолѭ о҃ца. и̑ и̑ного оутѣшьника дастъ вамъ. да съ вами е̑стъ вь вѣкъ.** (Сав. кн.; л. 25)
‘Если кто любит Меня, и заповеди Мои соблюдет. И Я умолю Отца, иного Утешителя даст вам, да пребывает с вами вовек’. **—** Ин. 14, 15–16. В той же Саввиной книге в другом чтении того же Евангельского текста:

(9а) [15] **аще любите мѧ. заповѣди моѧ̑ съблюдѣте.** [16] **и̑ азъ ѹмолѫ оц҃а моего̑. и̑ и̑ного параклита дастъ вамъ. да бѫдетъ съ вами вь вѣкы** (Сав. кн.; л. 100 об.–101)
‘Если любите Меня, заповеди мои «соблюдите». И Я умолю Отца Моего, иного Утешителя даст вам, да будет (пребывать) с вами вовек’. — Ин. 14, 15–16. В Зографском, Мариинском и Ассеманиевом Четвероевангелиях — форма **да бѫдетъ**.

Во всех списках **вь вѣкъ** указывает на то, что обе глагольные формы — несовершенного вида. Естественно предположить, что различие между формами **да естъ** и **да бѫдетъ** — во временной отнесенности: **да естъ** ‘да пребывает’ и **да бѫдетъ** ‘да будет пребывать’[11]. Подтверждение предположения находим в текстах, непосредственно следующих за приведенными выше (за текстом примера (8а) следует текст примера (8б), за текстом примера (9а) — текст примера (9б)), где находим разночтение **индикативных** форм **естъ** и **бѫдетъ**, с тем же, на этот раз предельно очевидным, различием во времени:

(8б) [17] **дх҃ъ и̑стиньнъ. и̑ е̑го же вьсь миръ. не можетъ приѧ̑ти. ıако не видѧ(тъ сего и̑) не разоумѣѭтъ е̑го. вы же разоумѣе̑те ı. ıако съ вами прѣбываетъ. и̑ оу васъ е̑стъ.** (Сав. кн.; л. 25)
‘Духа истины, Его же весь мир не может принять, потому что не видят Его и не понимают Его. Вы же понимаете Его, потому что ⟨Он⟩ с вами пребывает и у вас есть’. — Ин. 14, 17

(9б) [17] **дх҃ъ и̑стиньны. е̑го же миръ не можетъ приѧ̑ти. ıако не видитъ е̑го. ни знае̑тъ е̑го вы же знае̑те и̑. ıако въ васъ прѣбывае̑тъ. и̑ въ васъ бѫдетъ.** (Сав. кн.; л. 101)
‘Духа истины, Его же мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его. Вы же знаете Его, потому что ⟨Он⟩ в вас пребывает и в вас будет’. — Ин. 14, 17[12]

---

[11] Форма **да естъ** не является опиской, так как в четырех списках Четвероевангелий в других местах были найдены формы глагола-связки **быти: да сѫтъ** (**да вьси едино сѫтъ**) и **да бѫдѫтъ** (**да вьси едино бѫдѫтъ**).

[12] Комментарий к (8б), (9б). Неувязки в понимании не возникает: «до сих пор Утешителем верных был Христос. **параклитъ** (ὁ παράκλητος)

Непосредственное следование за императивными формами индикативных, с нашей точки зрения, доказывает наличие тех же временных признаков соответственно в значениях форм императивных. Наличие же разночтений объясняется тем, что в приведенных отрывках представлены контекстные ситуации, когда **равно возможны** две разные глагольные формы: в первом случае аналитические императивные, с оптативным значением, различающиеся значеним временной отнесенности (**да єстъ** и **да бѫдєтъ**), во втором случае индикативные настоящего и простого будущего времени (**єстъ** и **бѫдєтъ**).

Разночтениям в приведенных выше примерах (8а)–(9а) и (8б)–(9б) аналогично разночтение **вьзлюбленъ бѫдєтъ** // **вьзлюбленъ є҆стъ** в двух чтениях одного и того же Евангельского текста в Саввиной книге (примеры (10а)–(10б)):

(10а) **и҆мѣѧ҆і заповѣди моѧ҆ и҆ хранѧ ѧ҆. тъ є҆стъ любѧі мѧ. и҆ любѧі же мѧ. вьзлюбленъ бѫдєтъ оц҃ьмь моімь. и҆ азъ вьзлюблѫ є҆го. и҆ ꙗвлѫ сѧ є҆моу самъ** (Сав. кн.; л. 25 об.)
‘Имеющий заповеди Мои и хранящий их — тот есть любящий Меня. И любящий же Меня возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам’. — Ин. 14, 21

(10б) **и҆мѣѧ҆і заповѣди моѧ҆ и҆ съблюдаѧ҆і тъ є҆стъ любѧі мѧ. а любѧі мѧ. вьзлюбленъ є҆стъ оц҃емъ моімь. и҆ азъ вьзлюблѫ і и҆ ꙗвлѫ сѧ є҆моу самъ** (Сав. кн.; л. 101)
‘Имеющий заповеди Мои и соблюдающий их — тот есть любящий Меня. А любящий Меня возлюблен есть Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам’. — Ин. 14, 21

В типологических исследованиях отражен факт наличия в языках времени в императиве[13]. Императивные формы, соотнесен-

---

‘Заступник, Ходатай, Утешитель’» [Ключ к пониманию Священного Писания, 1982: 311].

Блж. Феофилакт Болгарский: «Ибо Я попрошу, то есть умолю Отца, и Он пошлет вам иного Утешителя, иного, **но такого же, как Меня**… И Дух есть Утешитель, подобно как и Сын… Дух, единосущный Сыну… единосущен и Отцу» [Благовестник 2008: 310].

[13] Императивные временные/видовременные формы есть в тунгусо-маньчжурских, чукотско-камчатских языках, латыни [Храковский,

ные по времени, часто рассматриваются выражающими категорию временной дистанции. В. А. Плунгян отмечает, что формальное выражение императивными формами побуждения к действию разной степени отдаленности от момента побуждения встречается чаще, чем выражение степени отдаленности от момента речи в индикативных глагольных формах [Плунгян 2000: 270–271]. Однако бóльшая встречаемость временных императивных форм по сравнению с индикативными может объясняться широким использованием понятия «временная дистанция». См. [Fleishman 1989].

Если исходить из того, что граммемами категории временной дистанции принято считать значения, формально выраженные в глаголе и противопоставленные по степени отдаленности во времени локализации данного факта по отношению к речевому акту (См., например, [Мельчук 1998: 73–75; Плунгян 2000: 269–271]), то, по-видимому, у нас есть больше оснований выделять категорию временной дистанции в тех языках, которые имеют несколько граммем, выражающих разные степени отдаленности какого-либо локализованного факта от момента речи. Особенно наглядно существование категории временной дистанции, когда она сочетается с категорией времени. (См., например, [Мельчук 1998: 73–75].)

Так, И. А. Мельчук приводит парадигму глагола языка бафия, демонстрируя представленность категории временной дистанции в языках банту. В языке бафия глагол в настоящем, прошедшем и будущем «систематически различает три временные дистанции:

- ‘ближайшая’: описываемый факт отделен от момента ‘сейчас’ не более чем одним днем (грубо говоря, ‘сегодня’, ‘вчера’ или ‘завтра’);
- ‘близкая’: факт отделен от ‘сейчас’ не более чем одной неделей (‘на прошлой неделе’, ‘на будущей неделе’);
- ‘отдаленная’: факт отделен от ‘сейчас’ более чем одной неделей» [Мельчук 1998: 73].

Эта ситуация отличается от другой, когда в языках глагольная форма, выражающая определенную степень (иногда близкую к «нулевой») отдаленности от момента речи, противопоставлена форме «нейтральной», выражающей отсутствие признака.

Володин 2001: 26; Бирюлин, Храковский 1992: 32–33]. В. Ю. Гусев [Гусев 2005: 7] со ссылкой на [Franklin 1971: 39] упоминает язык кева.

Применительно к этим языкам, вероятно, можно говорить о соотнесенности форм по временному признаку. Такова, с нашей точки зрения, ситуация в латинском императиве, ительменском и старославянском.

Для более ясного представления ситуации в старославянском императиве рассмотрим фрагменты систем императивных форм в латинском и ительменском языках.

Общеизвестно, что в латинском языке, помимо императивной формы настоящего времени, имеющей «широкое употребление»: она «может быть поставлена почти во всех случаях, в которых по-русски ставится повелительное наклонение» [Соболевский 1948: 189] **—** существует императивная форма будущего времени. Хорошо известно, что футуральный императив передает побуждение к исполнению действия через промежуток времени[14].

В контексте данного исследования важно подчеркнуть следующее. Во-первых, форма презентного императива в латинском языке является не формой, передающей значение ‘ближайшего будущего’, а **формой нейтральной**. Ср.: «Употребление второй формы [= imperatīvus futūri. — *E. C.*] почти обязательно, когда приказание, (просьба и т. п.) должно быть исполнено лишь после исполнения другого действия, которое бывает выражено придаточным предложением (временным, условным, относительным) с будущим временем. ⟨…⟩ Если нет такого придаточного предложения (или если оно есть, но в нем поставлено не будущее время), то по большей части употребляется **первая форма императива** [= **imperatīvus praesentis** — *E. C.*], будет ли приказание или наставление обращено к определенному, или к неопределенному лицу, **ожидается ли исполнение приказания в ближайшем времени, или в будущем более отдаленном** [выделение мое. **—** *E. C.*]» [Соболевский 1948: 189–190].

Во-вторых, форма футурального императива не всегда имеет значение побуждения к действию через промежуток времени и не всегда употребляется в контекстах, передающих это значение. Так, С. И. Соболевский в главе, посвященной латинскому императиву, приводит пример: Si nos omnes amas, confirmā te (Cic. Fam.

[14] По данным выборки В. Ю. Гусева, которая включает в себя 200 языков, этот тип императива распространен примерно в 15 % языков [Гусев 2005: 7].

16, 3, 1) ‘Если ты любишь нас всех, укрепи[15] свое здоровье’ [Соболевский 1948: 191]. Интересен его комментарий: «Здесь поставлена первая форма [imperatīvus praesentis. — *Е. С.*] в просьбе, касающейся будущего времени; возможно было бы поставить и вторую форму [= imperatīvus futūri. — *Е. С.*]». Ниже приводим максимально широкий контекст этого места в письме Цицерона, для иллюстрации того, что, с точки зрения Соболевского, форму футурального императива «возможно было бы поставить» там, где нет значения побуждения к действию через промежуток времени[16].

(11) nos apud Alyziam, ex quo loco tibi litteras ante dederamus, unum diem commorati sumus, quod Quintus nos consecutus non erat. is dies fuit non. Nov. Inde ante lucem proficiscentes ante diem viii Idus Nov. has litteras dedimus. tu si nos omnis amas et praecipue me, magistrum tuum, confirma te. [2] ego valde suspenso animo exspecto primum te scilicet, deinde Marionem cum tuis litteris. omnes cupimus, ego in primis, quam primum te videre sed, mi Tiro, valentem. qua re nihil properaris; satis cito te videro, si valebis[17].

‘1. Мы задержались на день у Ализии — из этого места я уже отправил тебе письмо, — потому что Квинт нас не догнал. Это были ноябрьские ноны. Это письмо отправлено за семь дней до ноябрьских ид, выезжая оттуда на рассвете. Если ты любишь нас, а особенно меня, своего учителя, укрепляй свое здоровье.

2. Я с большим беспокойством ожидаю, во-первых, разумеется, тебя, во-вторых, Мариона с твоим письмом. Мы все, а прежде всего я, жаждем тебя видеть, но, мой Тирон, здоровым. Поэтому не торопись; я увижу тебя достаточно скоро, если ты будешь здоров’. (Пер. В. О. Горенштейна — Письма 1950)

Наконец, приведем комментарий к контексту, поставленного здесь в фокус внимания, И. И. Ибрагимова: «Из контекста следует:

[15] Латинские императивные формы не противопоставлены по виду.

[16] Этим выводом я обязана И. И. Ибрагимову, которому очень признательна за найденный текст и профессиональный комментарий (см. ниже) нужного места в нем.

[17] Электронный ресурс http://perseus.uchicago.edu

Тирон, насколько известно Цицерону на момент написания письма, болен. Цицерон очень желает в будущем увидеть Тирона, но просит его не торопиться с приездом, а сначала поправиться. То есть контекст можно понимать так: “поправляйся, притом не торопись, чтобы поправиться как следует (т. е. пусть процесс затянется и продолжится какое-то время в будущем)”».

В ительменском языке есть императивная форма момента речи [Володин 1976: 248] и нет императивной формы отдаленного будущего, в отличие, например, от эвенского языка (где есть противопоставленные друг другу императивные формы ближайшего и дальнейшего будущего) (см. [Мальчуков 2008: 114–120, 122–123]). Наряду с императивом момента речи в ительменском есть императив завершенного действия, императив незавершенного действия и императив постоянного действия. Значение ‘момент речи’[18] дает «сочетание показателей **недлительного вида** [выделено мной. — *Е. С.*] и настоящего времени». Форма настоящего времени изъявительного наклонения выглядит так: тскӑ-**ø-с-**чен ‘я делаю это (именно сейчас, в момент речи)’» [Володин 1976: 241]. «Выступая в сочетании с императивной парадигмой, настоящее конкретное означает, что субъект побуждается к выполнению действия именно в момент речи:

*м-wетате-**ø-с-**кичен* ‘поработаю-ка я (именно сейчас)’
*к-wетате-**ø-с-**хч* ‘работай (сейчас же)’» [Володин 1976: 248].

Как видно из приводимых ниже примеров, императивные формы «момента речи» (равно как и формы настоящего конкретного изъявительного наклонения) морфологически включают в себя показатель **недлительного вида**, но передают как недлительные, так и длительные действия.

(12) *Кутх мейим кч’ил̂’икнен чай қа’т кӑнқеwӗ-**ø-с-**сх*.
Кутх здорово нажрался чай теперь вскипятите
‘Кутх здорово нажрался, (говорит): чай теперь вскипятите (сразу же)’.

[18] А. П. Володин называет это значение «значением временно́й определенности, конкретности». Сочетание же «показателей длительного вида и настоящего времени дает значение постоянства действия…: *тскқзо-с-чен* ‘я (обычно, постоянно) делаю это’ [Володин 1976: 241].

(13) ⟨…⟩ — *Ăңқа нуи* *кла-ø-с-хчик*.
Чего ну рассказывай
‘⟨…⟩ — Чего, ну, рассказывай (сейчас же)’.

В старославянском языке, как было представлено выше, были обнаружены сложные императивные формы **да естъ** и **да бѫдетъ**, **да сѫтъ** и **да бѫдѫтъ**, различающиеся значеним временной отнесенности. Несмотря на омонимию форм настоящего времени и «простого» будущего всех старославянских глаголов, кроме **быти,** были просмотрены все контексты с императивными формами типа **да поемъ** и **да видимъ** в Евангелии от Марка Зографского Четвероевагелия и Евагелиях от Матфея и Иоанна Ассеманиевого Четвероевангелия. (Первый глагол — **пѣти** — НСВ, второй — **видѣти** — двувидовой; употребления двувидовых глаголов фиксировались здесь в тех случаях, когда они имели значение НСВ или могли иметь значение НСВ и было равно возможно значение СВ). Результатом явился следующий вывод: все формы глаголов типа **да поемъ** и **да видимъ** имеют значение либо: а) желания (в случае оптативного употребления) / побуждения к исполнению действия в ближайшее к моменту побуждения время, либо: б) желания (в случае оптативного употребления) / побуждения к исполнению действия, максимально приближенного к моменту, когда действие может быть исполнено.

Все употребления распались на шесть типов контекстов (об одном исключении будет сказано ниже).

1. ‘Побуждение к действию сразу после момента речи’. В (14) и (16) употреблены двувидовые глаголы **видѣти** ‘видеть/увидеть’ и **мимоити** ‘проходить/пройти мимо, миновать’, в (15) — глагол НСВ **вѣдѣти** ‘знать’.

(14) **Текъ же единъ• і҆ исплънъ҆ гѫбѫ оцьта• вьзньзъ на трьсть• напаѣ҆ăше г҃лѧ• не дѣі҆те да видимъ• ăште придетъ і҆лиѣ• сънѧтъ ĕго•** (Зогр.)[19]
‘Один же побежал и, наполнив губку уксусом, вонзив на трость, поил, говоря: постойте (= «не действуйте»), давайте посмотрим (= да будем видеть), придет ли Илия снять Его’. — Мк. 15, 36

[19] В Мар то же, в Сав, Ас нет стихов.

(15) [8] **і абие разоумѣвъ ис҃ъ д҃хомь своимь. ѣко тако ти помышлѣѭтъ въ себѣ. рече имъ. что тако помышлѣате въ ср҃дцихъ вашихъ.** [9] **что естъ оудобѣе решти ослабленоумоу. отъпоуштаѭтъ ти сѧ грѣси. ли решти въстани и вьзъми одръ твои и ходи.** [10] **нъ да вѣсте ѣко власть иматъ сн҃ъ чл҃вч҃скы. отъпоуштати на земи грѣхы і гл҃а ослабленоумоу.** [11] **тебѣ гл҃ѭ въстани и вьзьми одръ. твои и иди въ домъ твои** (Мар.)[20]

‘И тотчас поняв Иисус духом своим, что они так думают про себя, сказал им: зачем так думаете в сердцах ваших? Что легче: сказать расслабленному «отпускаются тебе грехи» — или сказать «встань и возьми постель твою и ходи»? Но знайте, что Сын Человеческий имеет власть отпускать на земле грехи, — сказал расслабленному, — тебе говорю: встань и возьми постель твою и иди в дом твой’. — Мк. 2, 8–11

(16) **і҆ прѣшьдъ мало паде ниць• молѧ сѧ і҆ гл҃ѧ• о҃че мои• а҆ште възможьно естъ• да мимо і҆детъ отъ мене чаша си• о҆баче не ѣкоже азъ хоштѫ• нъ ѣкоже ты•** (Зогр.)

‘И, «отошедши» немного, пал ниц, молясь и говоря: Отче Мой! Если возможно, да проходит/пройдет мимо Меня чаша эта; однако не как Я хочу, но как Ты’. — Мф. 26, 39

2. ‘Побуждение к действию / пожелание к его исполнению не сразу после момента речи, в момент будущего’.

(17) [14] **Е҆гда же оузьрите мрьзость запоустѣньѣ• реченѫѭ даниломь пророкомь• стоѩштѫ і҆деже не подобаетъ• Чьты да разоумѣетъ• тъгда і҆же бѫдѫтъ въ іюдеі• да бѣгаѭтъ на горы•** [15] **і҆ иже на кровѣ• да не сълазѧтъ въ домъ• ни да вьнидетъ вьзѧтъ чесо о҆тъ домоу своего•** [16] **і҆ сѧі на селѣ• да не възвратитъ сѧ вьспѧть вьзѧти ризъ своі҆хъ•** [17] **Горе же непраздънъімъ і҆ доѩштиімъ въ ты дни•** [18] **молите же сѧ да не бѫдетъ бѣство ваше зимѣ•** (Зогр.)

‘Когда же увидите мерзость запустения, «реченную» пророком Даниилом, стоящую, где «не подобает» — читающий —

[20] Разночтения к форме **да вѣсте** (Мар.): // Ас: **да оу҃вѣсте** // Сав: **оувѣсте** ‘буд.: вы (сейчас) узнаете’. В Зогр то же.

да поймет / да понимает — тогда те, кто будут в Иудее, да бегут в горы; а кто на кровле, «да не слезают» в дом и не войдут взять чего⟨-либо⟩ из дома своего; и сеющий на поле да не возвратится назад взять одежду свою. Горе же беременным и кормящим в те дни! Молитесь же, чтобы не случилось бегство ваше зимой’. — Мк. 13, 14–18

3. ‘Пожелание к исполнению действия не сразу после момента речи, после момента будущего’. В этом контексте таким моментом является распятие Христа.

(18) [30]**южε нε мнογо гл҃ѭ съ вами· грѧдεтъ бо сего мира кънѧзь· і̔ въ мнѣ нε і̔матъ ничесоже·** [31]**нъ да разоумѣεтъ вьсь миръ· ѣко лю҃блѫ҃ ѻ҆ц҃а· і̔ ѣкоже заповѣдѣ мнѣ ѻ҆ц҃ь· тако творѭ· въстанѣте і̔дѣмъ отъ сѫд(оу)·** (Зогр.)

‘Уже немного Мне говорить с вами, ибо идет князь мира сего и во Мне не имеет ничего. Но да поймет весь мир, что ⟨Я⟩ люблю Отца и, как заповедал Мне Отец, так ⟨и⟩ творю. Встаньте, идем отсюда’. — Ин. 14, 30–31

4. ‘Пожелание к исполнению действия, начиная с момента пожелания’. Момент пожелания в (19) — это момент произнесения этого высказывания во время Нагорной проповеди.

(19) **Тебѣ же тв҃ор҃ѧщоу милостъıню· да нε чю҃εтъ шю҃ица· чьто творітъ десница твоѣ·** (Ас.; л. 73[b])

‘Когда же ты «творишь милостыню», пусть не чувствует левая рука, что творит твоя правая рука’. — Мф. 6, 3

Также см. выше пример (8а).

5. ‘Пожелание к исполнению действия, начиная с момента будущего’. В (20) моментом будущего является распятие.

(20) **ѻ҆ч҃е· и҃мѭже далъ є҃сі мнѣ· хощѫ· да и҃деже є҃смъ а҃зъ· и҃ ті бѫдѫтъ съ мноѭ· да видѧтъ славѫ моюѭ·** (Ас.; л. 99[b])

‘Отче! Которых дал ⟨Ты⟩ Мне, хочу, чтобы, где Я, и они были со Мной, да видят славу Мою…’. — Ин. 17, 24

Также см. выше пример (9а).

6. ‘Пожелание к исполнению действия сейчас и всегда’.

(21) **си же естъ заповѣдь моѣ• да лю́бите**[21] **дроугъ дроуга• ѣкоже възлю̂бихъ вы•** (Зогр.)
‘Эта же есть заповедь Моя: люби́те друг друга ⟨так⟩, как ⟨Я⟩ возлюбил вас’. — Ин. 15, 12

Текст следующего примера, со «ссылкой» на Бога-Отца, вполне мог восприниматься как повеление:

(22) **ѐже оубо б҃ъ съчеталъ естъ• ч҃къ да не разлѫчаѐтъ•** (Зогр.)
‘То, что Бог сочетал, человек да не разлучает’. — Мк 10, 9

Сложная императивная форма типа **да поемъ** (представляющая собой сочетание частицы **да** и (исходно) формы настоящего времени НСВ) является «выделенной». Она противопоставлена сложной императивной форме будущего времени типа **да съпоемъ**[22] (представляющей собой сочетание частицы **да** и (исходно) формы настоящего времени СВ, **реинтерпретируемой** в форму будущего времени СВ). В значении последней нет семы ‘близость к настоящему моменту, моменту побуждения/пожелания к исполнению действия, либо к моменту, когда действие может быть исполнено’. Это сложная императивная форма «нейтрального» будущего. Хорошо видно отсутствие привязки значения императивной формы (употребленной оптативно) к определенному моменту будущего в следующем примере:

(23) **і҆ съказахъ і҆мъ і҆мѧ твое• і҆ съкажѫ• да лю̂бы еѭже мѧ еси вьзлю̂билъ• вь н҃ихъ бѫдетъ• і҆ азъ вь н҃ихъ•** (Зогр.)
‘И ⟨Я⟩ сказал им ⟨=апостолам⟩ о Тебе ⟨Боге-Отце⟩, и скажу, да будет в них любовь, которою Ты возлюбил Меня, и Я в них’[23]. — Ин. 17, 26

Как можно видеть из приведенных выше примеров, в старославянском императиве наблюдается тот же тип противопостав-

[21] В тексте памятника знак ударения отсутствует.

[22] Об омонимии этой формы и формы, морфологически представляющей собой сочетание частицы **да** и (исходно) формы настоящего времени СВ, **не реинтерпретируемой** в форму будущего времени СВ, будет сказано ниже.

[23] Это последние слова Иисуса в молитве Богу-Отцу перед Гефсиманской молитвой. Разночтений к форме **да бѫдетъ** нет.

ления, что и в латинском, с той, разумеется, разницей, что в латинском языке «нейтральной» форме императива настоящего времени противопоставлена императивная форма будущего времени (так называемый «отложенный императив» со значением ‘(с)делай через промежуток времени’), в старославянском же, наоборот, «выделенной» формой является императивная форма, морфологически представляющая собой сочетание частицы **да** и (исходно) формы настоящего времени НСВ, включающая в свое значение сему ‘близость к настоящему моменту, моменту побуждения/пожелания к исполнению действия, либо к моменту, когда действие может быть исполнено’. Для этой формы В. Б. Касевичем[24] был предложен более точный термин «проксимальный императив». Нейтральной же является сложная императивная форма будущего времени со значением желания (в оптативном употреблении) / побуждения к исполнению действия в будущем. Также интересно, что латинская императивная форма будущего времени, специально предназначенная выражать побуждение к «отложенному» действию, по-видимому, может быть употреблена в других контекстах.

Типологическое сходство временной соотнесенности форм старославянского императива с соотнесенностью по временному признаку ительменских императивных форм прежде всего — в наличии в ительменском специальной формы императива момента речи, которая, в отличие от старославянских форм типа **да поѥмъ**, обязательно имеет в своем составе показатель недлительного вида.

Исключением из «правила» временной соотнесенности старославянских сложных императивных форм являются случаи, когда форма употреблена в контексте «настоящего неактуального» (наглядно-примерного или обобщенного)[25]: это позиция нейтрализации противопоставления соотносящихся по времени старославянских императивных форм. В их значении здесь нет семантики близости к настоящему моменту, моменту побуждения

[24] Термин был предложен в личной беседе. Также я благодарна У. Тримблу за участие в решении вопроса о приемлемости использования этого термина для старославянского материала.

[25] О разновидностях значения настоящего неактуального см. [Бондарко 1971: 104–112].

(/пожелания) к исполнению действия, либо к моменту, когда действие может быть исполнено. Нейтрализация осуществляется «в пользу» немаркированного члена противопоставления — сложной императивной формы будущего времени со значением желания (в оптативном употреблении) / побуждения к исполнению действия в будущем вообще. Примеры (24), (25), (26) показывают, что значение сложной императивной формы в этой позиции не зависит от того, выступает в ней форма глагола НСВ (как в (26) и (24)), двувидового глагола (как в (25)) или глаголов СВ (как в (24)).

(24) **Рече гь• і҃же хоштет по мънѣ и҃ті• да о҃тъвръжетъ сѧ себе• и҃ да възьметъ кр҃стъ свои҃ по всѧ дьні и ходітъ по мь҃нѣ•** (Асс.; л. 120[a–b])
‘Сказал Господь: «Кто хочет идти за Мной, пусть отречется от себя, возьмет крест свой на все дни и ходит ⟨=следует⟩ за Мной»’. — Лк. 9, 23

(25) **а҆ште къто і҆матъ оуши слышати да слышитъ** (Зогр.)
‘Если кто имеет уши слышать да слышит’. — Мк. 7, 16

(26) **А҆ште кто м’нѣ слоужитъ• по мнѣ да ходитъ• і҆деже есмь а҆зъ• тоу і҆ слоуга мої бѫдетъ• і҆ аште къто мьнѣ слоужитъ• почьтетъ і о҃ць•** (Зогр.)
‘Если кто Мне служит, за Мной следом пусть идет/ходит, где Я, тут и слуга Мой будет; и если кто Мне служит, почтит его Отец’. — Ин. 12, 26

Каков масштаб противопоставления сложных императивных форм по временному признаку в системе старославянского языка? В Евангелии от Марка в Зографском и Мариинском Четвероевангелиях 9 форм типа **да поемъ**, из них 3 — формы двувидовых глаголов. В Ассеманиевом Четвероевангелии в Евангелии от Матфея общее количество употреблений проксимальных императивных форм (морфологически представляющих собой сочетание частицы **да** и (исходно) формы настоящего времени НСВ и включающих в свое значение сему ‘близость к настоящему моменту, моменту побуждения/пожелания к исполнению действия, либо к моменту, когда действие может быть исполнено’) — 12, из них 8 — употребления двувидовых глаголов в значении НСВ. В том же Четвероевангелии в Евангелии от Иоанна 21

употребление названных форм[26]. Из них 2 могут быть прочтены как составляющие **да**-конструкции со значением цели[27], 3 — употребления двувидовых глаголов в значении НСВ[28]. Как видно, количество сложных императивных форм, которые являются «выделенными» в противопоставлении их по признаку временной отнесенности, невелико. Однако их количество достаточно, чтобы быть включенными в представление о грамматической системе старославянского языка. Так, ни у кого не вызывает сомнений наличие в старославянской временной системе форм плюсквамперфекта, они действительно есть в Евангельских текстах, большинство из них передает значение предпрошедшего действия, но их всего 9 во всем Зографском Четвероевангелии, а 2 из них имеют значение субъектного результатива[29]. Здесь же можно вспомнить редкие в старославянских текстах простые формы императива 1 л. ед. ч. и 3 л. множ. и дв. ч. (см. стр. 610–611 настоящей статьи).

Далее заметим, что на описанном этапе работы были просмотрены все контексты только с императивными формами типа **да поѥмъ** и **да видимъ** — формами глаголов НСВ и формами двувидовых глаголов, когда последние имели значение НСВ или могли иметь значение НСВ и было равно возможно значение СВ. Однако количество проксимальных императивных форм не исчерпывается глаголами НСВ или НСВ/СВ в указанных употреблениях. Как было упомянуто выше, **все** глагольные формы в старославянском языке могут быть образованы от глаголов совершенного,

[26] Евангелие от Иоанна написано иначе, чем три других Евангелия. Оно признано наиболее «богословским» (считается, что именно оно чуть-чуть приоткрывает Тайны Божии) и проникновенным. Его яркое отличие — 17-я глава, передающая последнюю перед распятием молитву Иисуса Христа Богу-Отцу за апостолов и все человечество. (После нее — только Гефсиманская молитва, в которой, насколько известно, Иисус молится за Себя).

[27] Об омонимии сложных императивных форм и **да**-конструкций (как и о самих **да**-конструкциях) подробнее будет сказано ниже.

[28] При подсчетах была использована компьютерная программа создания конкордансов по корпусу старославянских текстов. Автором программы является А. В. Венцов, которому я выражаю чрезвычайную признательность.

[29] Ср.: «Прошедшего, которое бы обозначало непосредственное предшествование другому прошедшему времени, в языке нет; вместо него употребляется аорист» [Вайан 2002: 281].

несовершенного видов и от двувидовых глаголов. Императивная форма, морфологически представляющая собой сочетание частицы **да** и (исходно) формы настоящего времени, не является исключением. Употребления этой формы глаголов НСВ и двувидовых глаголов были подробно рассмотрены выше, поскольку именно они явились «опорными» для настоящего исследования. Ниже приводится пример (27) с этой формой глагола НСВ (**пѣти**) из Енинского Апостола в паре с примером (28) — из «Молитвы на разрешение поста исповеднику, когда сподобится Святого Причащения» Синайского требника — где употреблена та же форма, но глагола СВ (**раздрѣшити** ‘зд.: отпустить (грехи)’). Примеры демонстрируют употребление глаголов НСВ и СВ в одной и той же ситуации, с той лишь разницей, что в первом примере передано побуждение к действию сразу после момента побуждения, во втором — просьба совершить такое действие.

(27) **м҆тва̑ми ї҆хъ х҃е б҃е жизнъ нашѫ оумири. да поемъ тѧ и славимъ...** (Ен. ап.; л. 7б)
‘Молитвами их, Христе Боже, жизнь нашу умири, да воспеваем Тебя и славим…’.

(28) **Г⟨оспод⟩і Б⟨о⟩же в҆седръжителю· і в҆семогъи и милосръди Б⟨о⟩же· іже отъ грѣховъ помощь еси... да раздрѣшиши отъ грѣхъ раба твоего сего, і обещьника сътвори и, прѣчистъıхъ твоихъ таинъ...** (Син. тр.; л. 80а)
‘Господи Боже Вседержитель и всемогущий и милосердный Боже, Ты являешься от грехов помощью, разреши от грехов этого раба Твоего и соучастником сотвори его Пречистых Твоих Таин’.

То же можно наблюдать выше, в примере (17) — Зогр; Мк. 13, 14–18 — где и глагол НСВ **сълазити** ‘слезать, спускаться’, и глагол СВ **вьнити** ‘войти’ передают факт пожелания в один и тот же момент речи к исполнению действий в «общий» момент будущего.

Интересно, что значение проксимальной императивной формы, включающей в себя сему ‘начиная с момента побуждения’[30]

[30] Здесь речь идет о побуждении, так как примеры представляют собой отрывки из «Заповедей Святых отцов», помещенные в Синайский требник, которые вполне могли иметь характер устава.

может быть передано не только глаголом НСВ (примеры (29), (30)), но и глаголом СВ (примеры (30), (31)), дополнительно передающим значение повторности названного глаголом действия.

(29) **Аще к^то дроуга своего оупоитъ до рѫга, да постите сѧ оба ж҃**[31] **дьнеи** (Син. тр.; л. 104а)
‘Если кто друга своего напоит до насмешки/потери сознания, да поститесь оба семь дней’.

(30) **Аще к^то въ ц⟨ъ⟩р⟨ъ⟩кве съпѧ** (спать.IPFV.PTCP.ACT.PRS.SG.M/N.NOM) **толи емоу врагъ блазнъ принесетъ въ сънѣ, ж҃ денъ да поститъ сѧ и да поклонитъ сѧ на день р҃.** (Син. тр.; л. 105а)
‘Если кто в церкви спит, потом ему враг соблазн принесет во сне, семь дней да постится и да поклонится в день сто ⟨раз⟩’.

Наверное, стоит отметить, что для старославянского языка вообще типично передавать любыми формами глаголов СВ значение кратной завершенности:

(31) … **і҆ гла і҆ма** (3DU)• **і҆дѣта** (идти.IPFV/PFV.IMP.2DU) **въ вьсь ѣ҆же естъ прѣмо вама** (2DU)• **і҆ абье въходѧшта** (IPFV.PTCP.ACT.PRS.2DU.M.NOM/ACC) **вь нїѫ• ѻ҆брѧштета** (найти.PFV.FUT.2DU) **жрѣбьць привѧзанъ• на нѣ҆мьже нѣстъ не оу никтоже отъ чкъ вьсѣлъ• ѻ҆трѣш’ша** (отвязать.PFV.PTCP.ACT.PST.2DU.M.NOM/ACC) **і приведѣта** (привести.PFV.IMP.2DU)• (Зогр.)
‘… и ⟨Иисус⟩ сказал им ⟨= двум ученикам⟩: «Идите в селение, которое «есть» прямо перед вами, и тотчас, входя(щие) в него, найдете молодого осла, привязанного, на которого до сих пор никто из людей не «сел». Отвязав(шие) его, приведите»’. — Мк. 11, 2. Здесь перфектная форма **нѣстъ вьсѣлъ** глагола СВ **въсѣсти** ‘сесть (на что/кого, во что)’ передает последовательность действий.

[31] Синайский требник — памятник глаголический, в нем (глаголическая) «**боукы**» могла иметь числовое значение ‘2’. Кириллизаторы обычно сохраняют этот факт и передают значение ‘2’ кириллической «**б**», нормально не имеющей никакого числового значения. Соответственно, числовые значения следующих за «**б**» букв кириллического алфавита оказываются сдвинутыми на единицу вперед. В примерах (29) и (30) кириллической «**ж**» передано числовое значение ‘7’ глаголической буквы «**живете**».

Старославянские формы простого императива нейтральны к противопоставлению сложных императивных форм по признаку временной отнесенности. Они выражают побуждение к действию / пожелание того, чтобы действие было исполнено во всех контекстах, в которых специально могли бы быть употреблены сложные проксимальные или формы, выражающие побуждение / пожелание осуществить действие в будущем вообще. Иллюстрации, по-видимому, излишни. Во многих примерах, приведенных выше простые императивные формы употреблены наряду со сложными. Ниже ограничимся лишь одним примером (оптативного) употребления простой императивной формы глагола СВ **мимонести** ‘пронести мимо’ для выражения просьбы об исполнении действия сразу после момента речи:

(32) [35] **и прѣшедъ** (отойти.PFV.PTCP.ACT.PST.3SG.M/N.NOM/ACC) **мало паде на земли. и молѣаше сѧ да аште възможъно естъ мимо идетъ отъ него часъ.** [36] **ι гл҃аше авва о҃тцъ. въсѣ възможъна тебѣ сѫтъ. мимо неси чашѫ сиѭ отъ мене •:• Нъ не ѣко азъ хоштѫ нъ еже тъ.** (Мар.)[32]
‘И немного «отошедши», ⟨Иисус⟩ пал на землю и молился, чтобы, если возможно, прошел мимо Него ⟨этот⟩ час. И говорил: Авва, Отче! Все возможно Тебе. Пронеси чашу эту мимо Меня. Но не как Я хочу, но что Ты’. — Мк. 14, 35–36

Отметим только, что и здесь язык пытается выразить значение указания на побуждение к исполнению действия после момента в будущем, за неимением никаких формальных средств в простом императиве — через разночтение императивной формы с формой будущего времени.

(33) [26] **Єгда же придетъ параклитъ• егоже посъл҆ѭ вамъ отъ о҃ца д҃хъ і҆стиньны• і҆же отъ о҃ца• і҆сходитъ• тъ съвѣдѣтел҆ьствоуетъ о мьнѣ•** [27] **і҆ (вы) же съвѣдѣтельствоу(и)те ѣко і҆скони съ мноѭ есте** (Зогр.)
‘Когда же придет Утешитель, Которого ⟨я⟩ пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне. И вы же свидетельствуйте, потому что ⟨вы⟩ со Мной с (самого) начала’. — Ин. 15, 26–27

[32] В Сав, Ас нет стихов.

съвѣдѣтельствоу(и)те здесь — побуждение апостолов свидетельствовать о Христе в будущем, после сошествия на них Святого Духа. Разночтения незамедлительно предъявляют здесь вариантные формы простого будущего: **съвѣ(д)ѣтельствоуѣте** ‘будете свидетельствовать’ в Ассеманиевом Четвероевангелии и **съвѣдѣтельствоуоуте** в Мариинском. Некоторую аналогию для таких разночтений можно увидеть в языках кламат и иврит, где индикативные презентные и футуральные формы входят в состав императивной парадигмы [Стегний 1992: 72; Бирюлин, Храковский 1992: 32].

Итак, система старославянских императивных форм представляется нам следующим образом[33]. В старославянском языке есть три императивных парадигмы. Первая — парадигма простых императивов, в своих формах не передающих никакого временного значения и свободно употребляющихся в любых императивных ситуациях. Вторая и третья — парадигмы сложных императивных форм, противопоставленные по признаку временной соотнесенности. Об их значениях было подробно сказано выше.

Парадигматические противопоставления старославянских императивных форм изображены ниже на примере формы 1 л. мн. ч. глагола НСВ **пѣти** ‘петь’. В качестве, в первую очередь, временного и, во вторую (для данного исследования), видового коррелята был выбран глагол **въспѣти** ‘спеть’ как более частотный[34] (несмотря на наличие у него других значений), чем **съпѣти** ‘спеть’, употребленный лишь 4 раза в Супрасльской рукописи (сборнике житийных текстов и проповедей) и Синайской псалтыри.

	Простые императивные формы	Сложные императивные формы	
	Парадигма форм, «безразличных» к противопоставлению по временной отнесенности	Парадигма проксимальных форм	Парадигма императивных форм «нейтрального будущего»
1 л. мн. ч. **пѣти**	**поѣмъ**	**да поимъ**	**да въспоимъ**
1 л. мн. ч. **въспѣти**	**въспоѣмъ**	**да въспоимъ**	**да въспоимъ**

[33] Информация о противопоставлениях императивных форм по залогу сознательно опущена.

[34] [Старославянский словарь 1994] фиксирует 65 употреблений этого глагола.

Нетрудно заметить, что при таком рассмотрении старославянского материала мы имеем омонимичные формы проксимального императива и императива нейтрального будущего. Однако формы проксимального императива типа **да въспоѥмъ** ‘да споем/споем(те)-ка’— факт языка в той же степени, в какой в нем существуют формы настоящего времени глаголов СВ, **не реинтерпретируемые** в формы будущего. (Об этом см. выше пример (7) и комментарий к нему.) Конечно, омонимию названных форм снимает только контекст, но наличие омонимии не отменяет факта выделенности, маркированности проксимальных императивных форм, употребляющихся только в шести названных выше типах контекста[35].

4. Указание на «*самое* ближайшее будущее» в старославянском индикативе

Идею соотнесенности сложных императивных форм по времени «поддерживает» и то, что в старославянском индикативе типично указание на «*самое* ближайшее будущее», хотя и осуществляемое достаточно специфическим образом. Эффект достигается постановкой рядом формы настоящего времени и формы настоящего, употребленной в значении ближайшего будущего:

(34) **а҆мин, а҆мин, гл҃ѭ вамъ• ѣко грѧдетъ година• і҆ нын҆ѣ естъ• егда мрътви оуслышѧтъ гласъ с҃на б҃жиѣ• і҆ слъıшавъшеı** (слышать.IPFV/PFV.PTCP.ACT.PST.PL.M.NOM) **оживѫтъ•** (Зогр.) ‘Истинно, истинно говорю вам: приходит время, и сейчас ⟨уже⟩ «есть», когда мертвые услышат глас Сына Божия и услышавшие оживут’. — Ин 5, 25

Это типичный контекст для старославянских текстов, где можно видеть текстовое пересечение значений ближайшего буду-

[35] Список названных типов контекстов, вероятно, может быть расширен при включении в рассмотрение глаголов СВ. Думается, что эти изменения не могут повлиять на представленное здесь положение дел.

Так, для глагола СВ **дати** обнаружено пермиссивное значение: **речено же бъıстъ. ıже аште поуститъ женѫ своѭ. да дастъ еи кънигъı распоустънъıѩ•** (Мар.) ‘Сказано же было: (если) кто разведется с женой своей, пусть даст ей разводную’. — Мф. 5, 31.

На саму возможность употребления описываемых форм в значении пермиссива было указано Н. Н. Казанским. См. также [Казанский 2003].

щего и настоящего. В этом отношении интересно толкование этого места блаженным Феофилактом, архиепископом Болгарским: «Говорит: “наступает время”. Потом, **чтобы не подумали о времени далеком**, говорит: “и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына”, то есть Меня, ныне живущего с вами» [Благовестник 2008: 115].

Другой вариант достижения того же текстового значения — постановка рядом формы настоящего в значении ближайшего будущего и формы аориста:

(35) **се грѧдетъ година• і҆ нынѣ приде• да разидетъ сѧ кождо въ своѣ• і҆ мене единого оставите**[36]**• і҆ нѣсмь единъ• ѣко о҃ць съ м҆ноѭ ѥ҆стъ•** (Зогр.)
‘Вот, приходит время, и сейчас ⟨уже⟩ пришло, что разойдется каждый ⟨из вас⟩ к себе (домой) и Меня одного оставите; но Я не один, потому что Отец со Мною’. — Ин. 16, 32

5. Предбудущее время в старославянском индикативе

В пользу противопоставления сложных императивных форм по временному признаку, или, иначе говоря, наличия времени в старославянском императиве, по-видимому, свидетельствует также факт различения в старославянском индикативе форм будущего и предбудущего времени (традиционно называемого вторым будущим). Кажется, нет оснований не доверять типологическому обобщению: «В тех языках, где в индикативе есть временные формы будущего времени с различной временной перспективой, подобные формы имеются и в императиве» [Бирюлин, Храковский 1991: 42]. Авторы обобщения ссылаются на материал тунгусо-манчжурских языков и приводят пример (императивных форм ближайшего и отдаленного будущего) из нанайского. В настоящей статье выше были рассмотрены фрагменты императивных систем латинского и ительменского языков, обнаруживающих некоторые черты возможного типологического сходства со старославянским императивом. В латинском языке, как известно, в индикативе есть формы второго будущего времени. В ительменском же временные соотношения императива **момента речи** и императива постоянного действия соотносятся с индикативными формами **настоящего** конкретного (= момента речи) и настоящего постоянного,

[36] Зогр: **оставите** // Сав: **о҆ставлѣе҆те**.

а с формами будущего (равно как и прошедшего) завершенного и незавершенного — видовременые формы императива завершенного действия и императива незавершенного действия.

В старославянском языке есть формы предбудущего (= второго будущего/прежде-будущего) времени. В текстах четырех «классических» Четвероевангелий (Зографского, Мариинского, Ассеманиевого и Саввиной книги) этих форм нет. Однако они есть, например, в Синайском требнике, Синайской псалтыри, Супрасльской рукописи.

(36) **Прѣклонитъ сѧ і падетъ: егда оудоблѣлъ** (одолеть.PFV.FUTII:PTCP-L.SG.M) **бѫдетъ** (FUTII:AUX.3SG) **оубогыимъ:** ⸗ ⸗⸗ (Син. пс. IX, 31)
‘⟨Нечестивый⟩ наклонится и упадет, ⟨в случае⟩ когда одолеет убогих’. [Вайан 2002: 281, перевод мой. — *Е. С.*]

(37) … **да аще ны деситъ день съмрътьнъı въ грѣсѣхъ, то вьскѫѭ сѧ**$_1$ **и родили**$_2$ (родиться$_{1,2}$.PFV.FUTII:PTCP-L.PL) **бѫдемъ** (FUTII:AUX.1PL) (Син. тр.; л. 71а)
‘… и если нас застанет день смертный в грехах, то зачем ⟨мы⟩ и «будем родившимися»?’ [Вайан 2002: 281; Бунина 1959: 127, перевод мой. — *Е. С.*]

Рассматривая употребление форм предбудущего времени, И. К. Бунина пишет, что этими формами «может быть обозначено не только такое действие, которое по отношению к будущему действию является прошедшим, но и такое действие, которое является прошедшим и по отношению к будущему действию, и по отношению к моменту речи». Далее демонстрируется то, что «формы futūrum exactum могут употребляться и в таких контекстах, по которым невозможно судить о том, совершилось ли действие, ими обозначаемое, до или после момента речи». Для демонстрации используется пример, приводимый А. А. Потебней, из Ипатьевской летописи (ок. 1425г.):

(38) ⟨…⟩ *но паче оуб*^{ѕ} *да възметь своє иже* ***будеть*** (FUTII:AUX.3SG) ***погубилъ*** (потерять.PFV.FUTII:PTCP-L.3SG) (Ипат. л.; л. 13об.–14)
‘⟨…⟩ но пусть же возьмет свое, кто в то время (когда возьмет) окажется (**будет**) (прежде) потерявшим’ [Потебня 1958: 288]
⟨То, что в тексте Потебни выделено разрядкой, здесь обозначено жирным шрифтом. — *Е. С.*⟩

И. К. Бунина, по-видимому, не замечает семантизации формы *будеть погубилъ* как ‘окажется/будет (прежде) потерявшим’ и делает вывод: «Следует подчеркнуть, что эти формы времени должны рассматриваться в системе прошедших, а не будущих времен» [Бунина 1959: 127].

С нашей точки зрения, формы предбудущего имеют значение: (а) действия в будущем, предшествующего другому действию в будущем, либо (б) **результативного состояния** на момент совершения действия в будущем. Достаточно близкую аналогию можно найти в литовском языке. Вне зависимости от того, считаем мы результатив и перфект в литовском языке разными грамматическими категориями с зоной формального схождения[37] или одной категорией перфекта-результатива, в языке активно живут формы, представляющие собой сочетания вспомогательного глагола *būti* ‘быть’ в любой форме времени и наклонения и действительного причастия прошедшего времени. Авторы Академической грамматики литовского языка называют эти формы завершительными. В данном контексте важно то, что эти формы могут выражать как «действие, предшествующее другому действию, выраженному простой формой» [Амбразас (ред.) 1985: 207] (иначе говоря, относительное значение перфекта; см. ниже примеры (39), (40)), так и «отношение результативного состояния, вызванного предшествующим действием, к тому действию, которое выражено при помощи простых форм» (ниже пример (41)).

(39) *Jis* *valgo,* *ką* *yra*
он есть.PRS.3 что.ACC PF:AUX.PRS.3
atsinešęs *iš* *namų.*
принести (для себя).PF:PTCP.ACT.PST.SG.M из дом.PL.GEN
‘Он ест ⟨то⟩, что принес (букв.: есть принесший) из дома’.

[37] Такое решение можно было бы принять, если считать: 1) достаточным аргументом наличие объектного результатива (и соответственно, тот факт, что объектных перфектных форм не бывает) и 2) что при образовании форм результатива допустимыми аспектуальными и лексикосемантическими ограничениями можно покрыть достаточно большое количество литовских глаголов.

Ср.: «…значение результативного состояния могут приобретать лишь глаголы совершенного вида определенной семантики» [Генюшене, Недялков 1983: 163–164].

(40) *Jis valgys, ką bus*
он есть.FUT.3 что.ACC PF:AUX.FUT.3
atsinešęs iš namų.
принести (для себя).PF:PTCP.ACT.PST.SG.M из дом.PL.GEN
‘Он будет есть ⟨то⟩, что принесет (букв.: будет принесший) из дома’.

(41) *O paskui jis pagalvojo, kad*
а потом он.NOM подумать.PST.3 CONJ:что
visi jau bus
все.NOM уже RES:AUX.FUT.3
sumigę,
заснуть/засыпать.RES:PTCP.ACT.PST.PL.M
kai jis grįš namo.
когда он.NOM вернуться/возвращаться.FUT.3 домой
‘А потом он подумал, что все уже будут спать (букв.: будут заснувшие), когда он вернется домой’. [Амбразас (ред.) 1985: 207–208]

Иными словами, литовские формы, представляющие собой сочетания вспомогательного глагола *būti* ‘быть’ и действительного причастия прошедшего времени, могут передавать как значение перфекта, так и значение состояния, явившегося результатом предшествующего действия, и иметь относительное значение.

Выше был только упомянут другой пример, когда причастие на **-лъ** в составе аналитической формы (формально — плюсквамперфекта[38]) «участвует» в выражении значения субъектного результатива:

(42) **і҆скахѫ же ѩти і· і҆ никътоже не възложи рѫкы на нѣ· ѣко не ю бѣ** (PQP:AUX.3SG) **пришьлъ** (прийти.PFV.PQP:PTCP-L.SG.M) **годъ его·** (Зогр.)
‘«Искали» же схватить ⟨= хотели схватить и предпринимали по этому поводу какие-то действия⟩ Его, но никто не взял Его (букв.: не возложил руки на Него), потому что еще не «был пришедшим» час Его’. — Ин. 7, 30

[38] Форма **бѣ пришьлъ** здесь не может иметь значения предпрошедшего действия, так как ситуации, называемые глаголом **прити** ‘прийти’ и сочетанием **възложити рѫкы** ‘возложити руки’ занимают одно и то же место на временной оси.

В целом же, причастия в составе аналитических форм и близкие к этим формам конструкции с причастиями требуют отдельного исследования. В данной работе важно подчеркнуть, что старославянские императивные формы, соотносимые по временному признаку, коррелируют с предикативными формами будущего и предбудущего времени.

6. Императив на грани двух языковых «техник»

Вряд ли требует подробного рассмотрения употребление форм будущего в «императивном контексте». Семантическая близость этих форм очевидна. Примеры, демонстрирующие разночтения и простых, и сложных императивных форм с формами будущего времени, приведены выше. См. сноску 21, примеры (15), (33). Приведем здесь только интересный факт, отражающий специфику старославянских текстов. В тексте Зографского Четвероевангелия «зафиксирована» попытка писца глаголического оригинала исправить форму императива (употребленную оптативно) **да дадѧтъ** ‘да дадут’ на форму простого будущего **дадѧтъ** ‘дадут’.

(43) **... даі҆те і҆ дастъ сѧ вамъ• мѣрѫ добрѫ натъканѫ• і҆ потрѫсънѫ• і прѣлиѣѭштѫ сѧ• (да) дадѧтъ на лоно ваше• тоѭ бо мѣроѫ• еѭже мѣрите• възмѣрѧтъ вамъ•** (Зогр.)
‘… давайте, и дастся вам: меру добрую, «натолканную» и утрясенную, и переливающуюся через край (да) дадут на лоно ваше, тою же мерой, которою же мерите, отмерят вам’. — Лк 6, 38

Также здесь нельзя не остановиться на примере употребления проксимального императива на грани двух языковых «техник» — передачи будущего действия и побуждения к действию сразу после момента побуждения.

(44) **отъвѣщавъ же петръ къ исв҃и рече. г҃и: добро естъ нам сьде быти. аште хощеши да сътворимъ съде три кровы. тебѣ единъ и мосеови единъ. и илии единъ.** (Мар.)[39]
‘Ответив же, Петр Иисусу сказал: Господи! Хорошо нам здесь быть. Если хочешь, да сотворим ⟨мы⟩ здесь три жилища — Тебе одно, и Моисею одно, и Илии одно’. — Мф. 17, 4

[39] Разночтений к форме **да сътворимъ** Мариинского Четвероевангелия в Ас, Зогр нет. В Сав нет стиха.

Семантику конструкции **аште хощеши да сътворимъ съде три кровъ** с трудом можно передать по-русски. Отчетлива семантика побуждения. Разночтений к императиву **да сътворимъ** в других «классических» Четвероевангелиях нет, эта форма не выглядит как описка. Петр очень хочет и более чем готов побудить Иакова и Иоанна сейчас же сделать три кущи, побуждает, но ограничивает свое побуждение отношением к нему Христа. Ситуация этого речевого акта до некоторой степени похожа[40] на ситуацию, передаваемую примером (15). Для удобства восприятия данного текста пример (15) воспроизводим ниже:

(45) = (15) [8] **і абие разоумѣвъ ис҃ъ д҃хомь своимь. ѣко тако ти помышлѣѭтъ въ себѣ. рече имъ. что тако помышлѣете въ ср҃дцихъ вашихъ.** [9] **что естъ оудобѣе рещти ослабленоумоу. отъпоуштаѭтъ ти сѧ грѣси. ли рещти въстани и вьзъми одръ твои и ходи.** [10] **нъ да вѣсте ѣко властъ иматъ сн҃ъ члвч҃скы. отъпоуштати на земи грѣхы і гл҃а ослабленоумоу.** [11] **тебѣ гл҃ѭ въстани и вьзьми одръ. твои и иди въ домъ твои** (Мар.)

‘И тотчас поняв Иисус духом своим, что они так думают про себя, сказал им: зачем так думаете в сердцах ваших? Что легче: сказать расслабленному «отпускаются тебе грехи» — или сказать «встань и возьми постель твою и ходи»? Но знайте, что Сын Человеческий имеет власть отпускать на земле грехи, — сказал расслабленному, — тебе говорю: встань и возьми постель твою и иди в дом твой’. — Мк. 2, 8–11

В примере (44) представлено не переключение внимание говорящего на 3 лицо, до сих пор (по крайней мере активно) не участвовавшее в акте коммуникации, как в примере (15). Конструкция **аште хощеши да сътворимъ съде три кровъ**, с нашей точки зрения, семантизируется следующим образом. Это ограничение условием (отношением второго участника коммуникативной ситуации — Христа) побуждения говорящего (первого лица!) к немедлен-

[40] Примеры будут аналогичны, если согласиться с семантизацией примера (15), предлагаемой Синодальным переводом: «…Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, — говорит расслабленному: тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой».

ному совместному действия с лицами, активно не участвующими в акте коммуникации; ограничение выражено так, как если бы после него была употреблена конструкция с формами будущего времени.

7. Да-конструкции

Другая типологически более интересная и яркая черта старославянского императива — использование сочетания частицы **да** и личной формы глагола любого вида настоящего/будущего времени для выражения **цели**[41]. См., например, данные по 17-ти языкам со «специальными глагольными формами, употребляющимися в целевых клаузах», в [Bybee et al. 1994: 228–230]. Названные формы здесь сопоставлены «с другими употреблениями» этих форм, иначе говоря, с формально теми же самыми формами будущего времени, дополнениями глаголов *want* и *order* и императивами — собственно императивными формами и формами/средствами, выражающими значения оптатива и гортатива.

С этими данными явно соотносится еще один крупный блок употреблений сочетаний с **да** — случаи, когда последние являются **предикатными актантами** других глаголов, причем не только глаголов речи[42], повеления или волеизъявления. Во всех пречисленных типах употреблений (и в более малочисленных, включенных также в Таблицу 1) в **да**-конструкциях четко задана форма — та же, что у сложных императивов.

Типичный случай употребления **да**-конструкции:

(46) **і҆ аште кто оуслышитъ• г҃лы моѩ• і҆ не съхранитъ і҆хъ• а҆зъ не сѫждѫ емоу• не придъ бо да сѫждѫ мироу• нъ да съпасѫ миръ•** (Зогр.)
‘И если кто услышит слова Мои и не сохранит их, Я не буду судить его, ибо ⟨Я⟩ не пришел, чтобы судить мир, но чтобы спасти мир’. — Ин. 12, 47

В примере выше, как хорошо видно, **да**-конструкция передает значение цели, в примерах ниже (47) и (48) эти конструкции в составе предикатных актантов заполняют валентности глаголов.

[41] В этом ирреальном контексте временное различие не имеет значения.

[42] Об этом см. [Гусев 2002: 198–201] и ниже.

(47) **Вьсѣ е҃ліко хоштете да творѩтъ вамъ чл҃ци• и҃ въи творите и҃мъ такожде•** (Ас.; л. 122[b])
‘Все, что хотите, чтобы делали вам люди, и вы делайте им так же’. — Мф. 7, 12

(48) **и҃ радоуѭ҃ сѧ васъ ради• да вѣрѫ и҃мете ѣ҃ко не бѣхъ тоу• Нъ и҃дѣмъ** (идти.IPFV/PFV.IMP.1PL) **кь немоу•** (Ас.; л. 80[a–b])
‘И ⟨Я⟩ радуюсь за вас ⟨=апостолов⟩, что ⟨вы⟩ будете ⟨больше⟩ верить, потому что Меня не было там ⟨у умирающего Лазаря⟩. Но идем(те) к нему’. — Ин. 11, 15

Да-конструкцию с атрибутивной семантикой можно найти выше в примере (33). В (49) **да**-конструкция используется для передачи семантики «образа действия».

(49) **Ре҃че г҃ь [1] Вънемлѣте м҃лстынѧ вашѧ• Не творіте прѣд чл҃къı• да відімі бѫдете и҃мі•** (Ас.; л. 73[a])
‘Сказал Господь: [1]«Внимайте: милостыни ваши не творите перед людьми так, чтобы они вас ⟨= ваши действия⟩ видели»’. — Мф. 6, 1

В Таблице 1 видно, что названные типы (1–3) являются основными, следующие три (4–6) распределяются между ними, (типы 4 и 5 отличаются предпочтительностью первой из двух возможных интерпретаций, в типе 6 обе интерпретации равно возможны). Последние три типа (7–10) по сравнению с тремя первыми малочисленны.

Рассмотренные типы употреблений, вообще говоря, демонстрируют одну из особенностей старославянского языка: синтаксически независимые (императивные формы) и синтаксически зависимые **да**-конструкции одинаково встраиваются в текст. Число сложных императивов сравнимо с количеством употреблений **да**-конструкций со значением цели.

Первое из двух последних утверждений явным образом коррелирует с типологическим выделением языков — см. [Bybee et al. 1994: 218–222; Гусев 2002: 198] — в которых императивные формы, употребляющиеся в независимых повелительных предложениях, совпадают с формами или конструкциями, употребляемыми для передачи повеления в непрямой речи. В качестве примера таких языков В. Ю. Гусев называет венгерский и чукотский.

Таблица 1. Типы **да**-конструкций
и количественное соотношение их употреблений в текстах

	да + Наст./Буд.	Евангелие от Матфея (Ас.)	Евангелие от Иоанна (Ас.)
1.	Сложная императивная форма	37	51
2.	Конструкция со значением цели	22	80
3.	Конструкция, являющаяся предикатным актантом глагола	21	22
4.	Сложная императивная форма/ конструкция со значением цели	2	6
5.	Конструкция со значением цели / сложная императивная форма	0	2
6.	Конструкция является предикатным актантом глагола / сложная императивная форма	1	0
7.	Конструкция, являющаяся предикатным актантом существительного или прилагательного и передающая атрибутивную семантику	2	13
8.	Конструкция, употребленная для передачи семантики следования (= нарративного сочинения)	1	3
9.	Конструкция с семантикой следствия	1	4
10.	Конструкция с семантикой «образа действия» (‘так, что’)	2	0

Старославянский язык, повторим более четко, дает следующую информацию. В этом языке сложные императивные формы имеют формальное схождение (= совпадают по форме):

а) с **да**-конструкциями, являющимися предикатными актантами

- глаголов (не только глаголов речи или повеления, или глаголов типа *хотеть*, **но и других** глаголов, например, **радовати сѧ** ‘радоваться (чему)’, **блюсти сѧ** ‘остерегаться (чего)’, **трѣбовати** ‘нуждаться (в чем)’, а также
- существительных, как **волѣ**[43] ‘воля’, так и **година** ‘время’, **врѣмѧ** ‘время’, **обꙑчаи** ‘обычай’, **любꙑ** ‘любовь’)

[43] Здесь дан вариант написания Ассеманиевого Четвероевангелия.

- присвязочных прилагательных; примеры таких сочетаний: **бꙑти достоинъ** ‘быть достойным (чего)’, **бꙑти оуніє** ‘быть лучше (чтобы)’;

б) с **да**-конструкциями, являющимися в старославянском языке основным средством выражения значения цели;

в) с **да**-конструкциями, передающими нарративное сочинение; такие употребления единичны.

Для исследования распределения сложных императивов и **да**-конструкций в тексте были взяты два структурно разных Евангелия — Евангелие от Матфея и Евангелие от Иоанна. Тщательная «объяснительность» Евангелия от Иоанна (см. ниже в таблице количество употреблений **да**-конструкции со значением цели) поражает воображение не меньше, чем отчетливо проступающие три типа употреблений сочетания частицы **да** и личной формы глагола настоящего/будущего времени.

Представление материала требует одной существенной оговорки. Однородные **да**-конструкции, равно как и сложные императивы, в старославянском языке могут иметь «общее» **да**, как в (50).

(50) **Въ оно** [1] **Призъвавъ ис҃ъ ѡба на десѧте оу҃ченика своѥ Дастъ** (дать.PFV.AOR.3SG) **имъ властъ на дс҃ѣхъ нечі҃стꙑихъ да**$_1$ **изгонѧтъ**$_2$ (изгонять$_{1,2}$.IPFV.PRS/FUT.3PL) **ѩ҃• и ицѣлѧтъ**$_3$ (исцелить$_{1,3}$.PFV.PRS/FUT.3PL) **въсѣкь недѫгь• и въсѣкꙋ ѩ҃зꙋ въ людехъ•** (Acc.; л. 125^b)
‘В то время Иисус, призвав двенадцать учеников своих, дал им власть над духами нечистыми, чтобы ⟨они⟩ изгоняли всякий недуг и исцеляли всякую болезнь в людях’. — Мф. 10, 1

В ходе исследования, разумеется, различались однородные императивные формы или **да**-конструкции с «общей» частицей **да** (которые при подсчете оценивались как две или более единиц) и последовательности клауз, последняя из которых содержит форму будущего или настоящего времени. Формы или **да**-конструкции с возможной двоякой семантизацией в подсчет не включались[44]. Так, например, из (51) в подсчеты включались **да**

[44] В исследованном материале было обнаружено два таких случая, один из которых представлен в (51).

просвѣтітъ сѧ ‘да засияет’ и **да оузьрѧтъ** ‘да увидят’, а форма глагола **прославити**, имеющая наряду с императивной возможную футуральную семантизацию, была оставлена за рамками представляемых статистических данных.

(51) [14] … **Не можетъ градъ оу҃крыті сѧ връхоу горы стоѭ҃•** [15] **Ни въжагаѭ҃тъ свѣтільніка• и҃ поставлѣѭ҃тъ подъ спѫдомъ• нъ на свѣщьніцѣ• и҃ свѣтітъ вьсѣмъ і҃же въ храминѣ сѫтъ•** [16] **Тако да просвѣтітъ сѧ свѣтъ вашъ прѣдъ чл҃кы• да**$_1$ **оу҃зьрѧтъ**$_2$ (увидеть$_{1,2}$.PFV.IMP.PRS/FUT.3PL) **ваша добраѣ дѣла• и҃ прославѧтъ**$_3$ (прославить$_{1,3}$.PFV.IMP.PRS/FUT.3PL) / (прославить$_3$.PFV.FUT.3PL) **о҃ц҃а вашего іже е҃стъ на нб҃сехъ•** (Ас.; л. 118^b–119^a)

‘Не может город укрыться, стоя(щий) на верху горы, не зажигают свечу и не ставят под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем, кто есть в доме. Так да засияет свет ваш перед людьми, да увидят ваши добрые дела **и да прославят / ⟨они⟩ прославят** Отца вашего Небесного’. — Мф. 5, 14–16

Подчеркнем, что во всех рассмотренных выше случаях **да** не является союзом, так как употребляется в сочетании, форма которого строго фиксированна. По крайней мере по данным Евангельских текстов, о **да** как о союзе можно говорить лишь настолько, насколько он употребляется в конструкциях с формами сослагательного наклонения[45] и в конструкции с аористом (ниже единственный пример в Ас (58))[46]. Эти употребления единичны. См. Таблицу 2 на следующей странице. Пример (52) представляет **да** с формами сослагательного наклонения в составе конструкции со значением цели, пример (53) — в составе конструкции, заполняющей валентность глагола **молити** и являющейся его предикатным актантом.

---

[45] Форма сослагательного наклонения представляет собой сочетание вспомогательного глагола **быти** (с основой **би-** и аористной **бы-**), имеющего специальную парадигму, и причастия на **-лъ**, изменяемого по числам и в ед. ч. по родам.

[46] Полная картина исследования употреблений **да** не с формами Наст./Буд. в Ассеманиевом Четвероевангелии включает в себя одно употребление **да** в сочетании с простой императивной формой, где **да**, с нашей точки зрения, является усилительной частицей.

Таблица 2. Статистика употреблений союза **да** с формами сослагательного наклонения

союз **да** и форма сосл. н.	Ев. от Матфея (Ac.)	Ев. от Марка (Ac.)	Ев. от Луки (Ac.)	Ев. от Иоанна (Ac.)
Конструкция со значением цели	1	3	6	1
Конструкция, являющаяся предикатным актантом глагола	1	1	5	3

(52) **и̑ мн̑ожицеѭ̑ въ о̑гн̑ь въвръже ѝ• и̑ въ водꙫ• да и̑ бы** (SUBJ:AUX.PST.3SG) **погоубилъ** (погубить.PFV.SUBJ:PTCP-L.PST.3SG.M)• (Ac.; л. 77[d])
‘И многократно ⟨дух немой⟩ в огонь «бросил»[47] его и в воду, чтобы погубить’. — Мк. 9, 22

(53) **молѣ̑ше же сѧ емоу̑ мꙫжь• и̑з негоже бѣси и̑зидꙫ• да би** (SUBJ:AUX.PST.3SG) **сь нимъ бъылъ** (быть.PFV.SUBJ:PTCP-L.PST.3SG.M)• (Ac.; л. 56[d])
‘Молил же Его человек, из которого бесы вышли, чтобы с Ним быть’. — Лк. 8, 38

В целом, свойства старославянских **да**-конструкций очень сходны с «одноименными» конструкциями в болгарском языке. Болгарские **да**-конструкции, согласно грамматике Ю. С. Маслова, и есть формы конъюнктива. Они ровно таким же образом, как и старославянские **да**-конструкции заполняют валентности глаголов и употребляются в атрибутивных конструкциях. Например, *И́скам да до́йдеш* ‘Я хочу, чтоб ты пришел’ [Маслов 1981: 289] абсолютно аналогично старославянской конструкции **хощете да творѧтъ** ‘⟨вы⟩ хотите, чтобы ⟨они⟩ творили’ в (47). Сходство старославянского и болгарского материала разительно вплоть до того, что относительно статуса **да** в старославянских конструкциях с формами сослагательного (= условного) наклонения независимо от знакомства с болгарским материалом и грамматическим описанием Ю. С. Маслова было принято то же самое решение, что и

[47] Это **рассказ** Иисусу отца про бесноватого сына: дух его много раз **бросал** в огонь и в воду. Аорист глагола СВ **въврѣщи** ‘ввергнуть, бросить’ передает значение многократной завершенности.

решение Ю. С. Маслова, который «применительно к сочетаниям вроде *да и́мах*, *да би́х и́мал*» (сочетаниям *да* с формами условного наклонения) предложил считать *да* подчинительным союзом.

Безусловно, интересен факт формального схождения императивов и **да**-конструкций, по крайней мере в их «крупноблочных» употреблениях. Однако ясных объяснений этому факту, с нашей точки зрения, нет. В работе [Гусев 2002], в частности, делается попытка объяснить неслучайность формального совпадения императивов, форм, употребляемых для передачи повеления в непрямой речи (типа *Я сказал,* ***чтобы*** *он* ***пришел***), и форм/конструкций со значением цели. Автор предлагает толковать понятие цели **через** понятие каузации, как попытку каузации, где каузация понимается максимально широко. В понятие каузации включается:

а) семантика собственного побуждения, совершаемого говорящим при произнесении императивного высказывания;

б) собственно каузативная семантика — значение ‘сделать так, чтобы X сделал P (сделался таким-то)’, которую передает говорящий, когда сообщает о побуждении (скорее, как о действиях) любого каузатора по отношению к любому каузируемому субъекту;

в) семантика связи между каузирующей и каузируемой ситуациями, осуществляемой оператором **причинно-следственных отношений**, которая либо «добавляется» к первым двум значениям, либо, вслед за [Недялков, Сильницкий 1969] и, по-видимому, авторами коллективной монографии [Холодович (ред.) 1969] приравнивается к собственно каузативной семантике.

Через понятие же каузации рассматривается и императив — «как **разновидность** каузатива — перформативный каузатив»[48], который «может расширять свое значение и обозначать уже не только попытку каузации со стороны говорящего, но и наличие других обстоятельств, каузирующих выполнение действия». Поэтому, с точки зрения автора, «для непрямого повеления [имеется в виду

[48] Здесь сделана ссылка на работу В. Б. Касевича [Касевич 1990]. Отметим, что в этой работе императивная семантика представлена как «своего рода **амальгамирование** каузативности и перформативности», **не сводимое** к другим категориям, являющееся, с этой точки зрения, примитивом [Касевич 1990: 89–90].

передача повеления в непрямой речи — *Е. С.*] используются те же конструкции, что и для придаточных предложений цели» [Гусев 2002: 199].

С нашей точки зрения, неправомерность «расширения» понятия каузации добавлением семантики причинно-следственных отношений (тем более приравниванием последних собственно каузативной семантике) очевидна. По-видимому, интуитивно понятия цели и причинно-следственных отношений различаются так, как это делается в логике. «Причина и следствие логически находятся в отношениях материальной эквивалентности: о следствии уместно говорить только тогда, когда есть причина, и наоборот». При использовании каузативных конструкций это условие не соблюдается. (См. об этом [Касевич 2011, 488–489].) Также в работе [Касевич, Гарбузова 2012] в качестве свидетельства неадекватности ставшего уже традиционным толкования семантики каузатива как причинно-следственного отношения приводится следующий пример из бирманского:

(54) *śeilja-to* *satin* *əćhein* *kala* ***ćaun***
Длинный-ATTR учиться время время **из-за**
khəlei *mja* *kou* *pjin-**sei**-pa-ti*
ребенок Pl OBJ скучать-**CS-**RSP-T
‘Длинные уроки каузируют детей скучать’.

«В примере совместно употреблены приименной синтаксический показатель причинности ćaun ‘из-за’ и каузативная форма глагола; если бы каузативность была эквивалентнтна причинности, совместное употребление «синонимов» с трудом поддавалось бы объяснению» [Касевич, Гарбузова 2012].

Говоря о несводимости императива к другим категориям, В. Б. Касевич отмечает факт возможного формального схождения с каузативом непрямых форм императива, **форм не-второго лица** в языках с грамматической категорией каузатива. Непрямые императивные формы передают ситуацию «делегированного побуждения». Например, ситуации побуждения 3-го участника идти куда-либо соответствует семантическая структура: ‘каузирую (X каузирует (он идет))’, где X — второй участник коммуникативного акта. В таких высказываниях второй оператор каузации употреблен уже не перформативно, т. е. он ближе к «обычному»

каузативу [Касевич 1990: 89]. Именно здесь можно видеть отношение пересечения семантики императива с собственно-каузативной семантикой.

Принимая эту точку зрения, мы рассматриваем ситуацию совместного употребления показателей цели и каузатива, типичную для кхмерского языка[49] (55б), и возможно, вообще для каузативных языков, как аналогичную ситуации в бирманском (54). Семантика цели также, как и семантика причинности, сочетается с собственно-каузативной семантикой в пределах высказывания. (55а) показывает, что показатель цели ***daшmbɛy*** в такой конструкции употребляется факультативно. (55в) информирует, что для выражения семантики цели не нужна ситуация каузирования.

(55а) *haшy trɣw baшk cɒmhɒɒ*
CONJ быть.должным открывать распахивать
tviə nшŋ bɒŋʔuəc ***aoy*** *miən khyɒl*
дверь CONJ окно **CAUS** иметь воздух
ceeɲ coul baan₁ lɒʔɒɒ₂
входить выходить хорошо$_{1,2}$
‘И следует широко открыть двери и окна, **чтобы** хорошо проветрить’. (http://www.healthcambodia.com/p15791)

(55б) *pẹẹl cɒmʔən mɔhoup aahaa*
время готовить еда еда
lọọk ne̯ak mшn baan baшk
господин госпожа NEG PRF открывать
bɒŋʔuəc rшш tviə ***daшmbɛy***
окно CONJ дверь **CONJ (чтобы)**
aoy *miən khyɒl aakaah*
CAUS иметь воздух воздух
ceeɲ coul baan₁ lɒʔɒɒ₂
входить выходить хорошо$_{1,2}$
‘Во время приготовления пищи вы не открыли двери или окна, **чтобы** хорошо проветрить’. (http://www.healthcambodia.com/p15791)

[49] Я благодарна С. Ю. Дмитренко за участие в обсуждении данной проблемы и приводимые ниже кхмерские примеры.

(55в) *srɒɒp₁ pẹẹl₂ nih₃* *pʔoun₄ thlay₅*
как.раз.в.это.время$_{1,2,3}$ младший.двоюродный.брат$_{4,5}$
rɔbɒh khluən kɒɒ baan bɒɲcheh
POSS 3SG NARR PRF заводить
traktɔ̯ɒ ***daшmbɛy*** *ceeɲ tɣw*
трактор **CONJ (чтобы)** выходить удаляться
phcuə dɛy aoy kẹẹ tea̯ŋ yup
пахать земля BENEF 3SG/PL весь ночь
‘Как раз в это самое время ее младший двоюродный брат заводил трактор, чтобы отправиться пахать (букв. для других, по найму) на всю ночь в поле’. (http://kohsantepheapdaily.com.kh)

С нашей точки зрения, **через** собственно-каузативную семантику нельзя толковать само понятие цели. Старославянский материал наталкивает на дальнейшее исследование формального схождения сложных императивов, целевых и «дополнительных» **да**-конструкций в двух направлениях. Первое предполагает установление удельного веса всех возможных маркеров заполнения валентностей глаголов, «при которых» употребляются **да**-конструкции. (Ср. цитируемую в [Bybee et al. 1994: 230] работу М. Хаспельмата [Haspelmath 1989], где он представляет свидетельства генерализации целевых маркеров в инфинитивы и маркеры общего подчинения). Вторая существующая линия изучения обсуждаемого здесь соответствия — апелляция так или иначе к семантике ирреальности.

По данным выборки из 17-ти языков авторами упоминаемой здесь монографии высказаны следующие соображения. Значения намерения и будущего времени «находятся в гармонии» с клаузами-дополнениями глаголов *want* и *order* и с целевыми клаузами. Сфера действий, передаваемых этими клаузами — будущее по отношению к временной отнесенности главной клаузы. [Bybee et al. 1994: 228–230] В каренских языках «форма будущего времени широко употребляется для выражения различных значений, связанных с семантикой ирреальности (в широком смысле термина), в том числе в конструкциях со значением намерения, цели и т. п., часто сочетаясь при этом с тем или иным послелогом, например: *авэ́ капхāʔ аг̣ò* ‘чтобы он читал’» [Касевич 2011: 485; см. также Касевич 2011: 500].

Действительно, подавляющее большинство **да**-конструкций (т. е. конструкций, организованных сочетаниями частицы **да** и личной формы глагола настоящего/будущего времени, не являющихся императивами) выражают ирреальную ситуацию. Интересен факт, что среди употреблений относительно малочисленных **да**-конструкций с атрибутивной семантикой и семантикой следствия в Ассеманиевом Четвероевангелии обнаружилось по две конструкции, соответствующих реальным ситуациям настоящего.

Пример такой конструкции с семантикой следствия см. в (7) Мк. 4, 11–12. (Мар.), с атрибутивной семантикой в (56):

(56) **є҆стъ же о҃бычаи҃ вамъ• да єдіного вамъ о҃тъпоуштѫ** (отпустить.PFV.PRS/FUT.1SG) **на пасх҃ѫ•** (Ас.; л. 102[b])
‘У вас же есть обычай, чтобы я одного вам отпустил[50] (букв.: что я отпущу) на Пасху’. — Ин. 18, 39

Максимально реальна ситуация, передаваемая **да**-конструкцией с атрибутивной семантикой во всем известном примере:

(57) [42]…**і҆ възъпи гласомь вельемь і҆ рече• бл҃гв҃на ты вь женахъ• і҆ бл҃гсвенъ плодъ чрѣва твоего•** [43]**і҆ отъкѫдоу се• да придетъ мати г҃и моего къ мнѣ•** (Зогр.)[51]
‘… и воскликнула ⟨Елисавета⟩ голосом громким и сказала: Благословенна ты среди жен, и благословен плод чрева Твоего! И откуда это, что пришла Мать Господа Моего ко мне?’ — Лк. 1, 42–43.

Употребление ирреальной по форме конструкции для выражения реальной ситуации также типологически интересный факт. См. [Mithun 1995; Добрушина 1999].

---

[50] Имеется в виду **однократное**, ситуативное решение Понтия Пилата. Ср. греч.:

(i) ἔστιν δὲ συνήθεια ὑμῖν ἵνα ἕνα
быть.PRS.IND.ACT.3SG же обычай у.вас чтобы одного
ἀπολύσω ὑμῖν ἐν τῷ πάσχα·
освободить.AOR.SBJV.ACT.1SG вам в DEF Пасху
‘Есть же обычай [у] вас, чтобы одного я освободил вам в Пасху’. (Новый Завет на греческом… 2003)

[51] В Мар, Ас, Сав разночтений к **да придетъ** (Зогр.) нет.

Для старославянского языка этот факт, по-видимому, был замечателен тем, что через такие «реальные» употребления **да**-конструкций частица **да** становилась союзом, начиная употребляться в конструкциях (со знакомой уже семантикой следствия) с аористом:

(58) **И҆ въпросішѧ и҃ оученици его гл҃ште• оу҃чителю• кт҃о съгрѣши• сь ли и҆ли родителѣ е҃го• да слѣпь роди сѧ•** (Ас.; л. 24[b])
‘И спросили Его ученики его, говоря(щие): Учитель! Кто согрешил: этот ли или родители его, что ⟨он⟩ слепым родился?’ — Ин. 9, 2’.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ACT — действительный залог; AOR — аорист; ATTR — показатель атрибутивной глагольной формы; AUX — вспомогательный глагол; BENEF — бенефактив; CAUS — каузатив; CONJ — союз; DEF — артикль; DU — двойственное число; FUT — будущее время; FUT II — будущее II (предбудущее время); GEN — генитив; IMP — императив; IPFV — имперфектив; M — мужской род; N — средний род; NARR — нарратив; NEG — отрицание; NOM — номинатив; OBJ — показатель (прямого) дополнения; PF — перфект; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — показатель посессива; PQP — плюсквамперфект; PRS — настоящее время; PRF — перфект; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; PTCP-L — причастие на **-л**; RES — результатив; RSP — показатель респектива; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число; T — показатель настоящее-прошедшего времени.

Литература

Амбразас (ред.) 1985 — В. Амбразас (ред.). Грамматика литовского языка. Вильнюс: Мокслас, 1985.

Бирюлин, Храковский 1991 — Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский. Парадигма славянского императива с общетипологических позиций // H. Běličova et al. (red.). Problemy teoretyczno-metodologiczne badań konfrontatywnych języków slowiańskich [Prace Slawistyczne 89]. Warszawa: Zaklad Wydawn, 1991. S. 25–48.

Бирюлин, Храковский 1992 — Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский. Повелительные предложения: проблемы теории // В. С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 5–50.

Благовестник 2008 — Благовестник, или Толкование блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского на Святое Евангелие в 4-х книгах. Евангелие от Иоанна. Киев: Летопись, 2008.

Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971.

Бунина 1959 — И. К. Бунина. Система времен старославянского глагола. М.: Издательство АН СССР, 1959.

Вайан 2002 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Володин 1976 — А. П. Володин. Ительменский язык. Л.: Наука, 1976.

Генюшене, Недялков 1983 — Э. Ш. Генюшене, В. П. Недялков. Результатив, пассив и перфект в литовском языке // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983. С. 160–166.

Гусев 2002 — В. Ю. Гусев. Императив и смежные значения // Семиотика и информатика. Вып. 37. М.: ВИНИТИ, 2002. С. 173–206.

Гусев 2005 — В. Ю. Гусев. Типология специализированных глагольных форм императива. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 2005.

Добрушина 1999 — Н. Р. Добрушина. Ирреалис и императив // Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец (ред.). Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 371–382.

Иванова 1997 — Т. А. Иванова. Старославянский язык. М.: Высшая школа, 1997.

Казанский 2003 — Н. Н. Казанский. Пермиссив в древнегреческом языке // И. А. Седакова, Т. В. Цивьян (ред.). Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М.: Индрик, 2003. С. 19–34.

Касевич 1990 — В. Б. Касевич. Императивность, каузативность, перформативность // Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский (ред.). Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. М.: Наука, 1990. С. 85–90.

Касевич 2011 — В. Б. Касевич. Труды по языкознанию. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011.

Касевич, Гарбузова 2012 — В. Б. Касевич, О. А. Гарбузова. Каузативные конструкции в бирманском и китайском языках // В. Б. Касевич и др. (ред.). Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы X международной конференции (Москва, 21–22 ноября 2012 года). М.: Ключ-С, 2012.

Ключ к пониманию Священного Писания 1982 — Ключ к пониманию Священного Писания. Брюссель: Жизнь с Богом, 1982.

Мальчуков 2008 — А. Л. Мальчуков. Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты. СПб.: Наука, 2008.

Маслов 1981 — Ю. С. Маслов. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981.

Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II [Wiener Slawistischer Almanach 38/2]. М. — Вена: Языки русской культуры, 1998.

Недялков, Сильницкий 1969 — В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий. Типология каузативных конструкций // А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. С. 5–19.

Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. Т. I–II.

Сведенцова 2011 — Е. А. Сведенцова. Время в старославянском императиве? // В. С. Храковский и др. (ред.). Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы. Материалы и тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 157–163.

Сведенцова 2012 — Е. А. Сведенцова. Старославянский глагол: внутри и вне сферы действия грамматического вида // О. В. Дедова, Л. М. Захаров, К. В. Лифанов (сост.). Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный научный симпозиум (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 21–24 марта 2012 г.): Труды и материалы. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 38–39.

Селищев 1952 — А. М. Селищев. Старославянский язык. Ч. 2. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М.: Учпедгиз, 1952.

Соболевский 1948 — С. И. Соболевский. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: Морфология и синтаксис. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1948.

Старославянский словарь 1994 — Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова (ред.). Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М.: Русский язык, 1994.

Стегний 1992 — В. А. Стегний. Повелительные предложения в языке кламат // В. С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 64–73.

Холодович (ред.) 1969 — А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969.

Храковский, Володин 2001 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Aitzetmüller 1978 — R. Aitzetmüller. Altbulgarische Grammatik als Einführung in die Slavische Sprachwissenschaft. Freiburg: U. W. Weiher-Verlag, 1978.

Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago — London: The University of Chicago Press, 1994.

Fleishman 1989 — S. Fleishman. Temporal distance: a basic linguistic metaphor // Studies in Language 13, 1, 1989. P. 1–50.

Franklin 1971 — K. J. Franklin. A Grammar of Kewa, New Guinea [Pacific Linguistics, Series C 16]. Canberra: Australian National University, 1971.

Haspelmath 1989 — M. Haspelmath. From purposive to infinitive: A universal path of grammaticalization // Folia Linguistica Historica 10, X/1–2, 1989. P. 287–310.

Mithun 1995 — M. Mithun. On the relativity of irreality // J. Bybee, S. Fleischman (eds.). Modality in Grammar and Discourse. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1995. P. 367–388.

Vondrák 1912 — W. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1912.

Источники

Ас — Ассеманиево Четвероевангелие (XI в.) — J. Kurz. Evangeliář Assemanův. Kodex Vatikánský 3. slovanský. Díl II. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1955.

Ен. ап. — Енинский апостол (XI в.) — Изд. К. Мирчев и Х. Кодов: Енински апостол. Старобългарски паметник от XI в. София, 1965.

Зогр — Зографское Четвероевангелие (к. X–XI в.) — Ed. V. Jagič.: Quattor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Graz: Akademische Druck-U. Verlagsanstalt, 1954.

Ипат. л. — Ипатьевская летопись (ок. 1425г.) — ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. СПб.: Императорская Археографическая Комиссия, 1908.

Мар — Мариинское Четвероевангелие (XI в.) — Мариинское Четвероевангелие. Труд И. В. Ягича. СПб: Отд. рус. яз. и словесности Императорской академии наук, 1883.

Сав — Саввина книга (XI в.) — Изд. В. Н. Щепкин: Саввина книга. СПб., 1903. Переизд.: Грац, 1959

Син. пс. — Синайская псалтырь (XI в.) — Изд. С. Н. Северьянов: Синайская псалтырь. Глаголический пямятник XI в. Петроград: Отд. рус. яз. и словесности Российской академии наук, 1922.

Син. тр. — Синайский требник (XI в.) — J. Frček. Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction française. — Paris: “Patrologia Orientalis”, t. 24, fasc. 5, 1933; t. 25, fasc. 3, 1939.

Новый Завет на греческом 2003 — А. А. Алексеев (ред.). Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык. СПб.: Российское Библейское общество, 2003.

Письма 1950 — Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. II, годы 51–46. М. — Л., 1950. Перевод и комментарии В. О. Горенштейна.

С. Г. Татевосов

МГУ, Москва

ОТ ИМЕНИ К ГЛАГОЛУ И ОБРАТНО: НАБЛЮДЕНИЯ ТИПОЛОГА НАД АКЦИОНАЛЬНОЙ КОМПОЗИЦИЕЙ[1]

Уроки, которые те, кто соприкасался с научным творчеством В. С. Храковского, вынесли из общения с ним и чтения его книг и статей, очень разнообразны. Один из самых существенных для автора этой работы — то, насколько важно поддерживать и оберегать хрупкий баланс между размахом типологических обобщений и глубиной частно-языковых наблюдений. В. С. Храковский [2002: 91] пишет: «Грамматика каждого конкретного языка в принципе может предоставлять типологии такие данные, которые либо дополнительно аргументируют существующие научные гипотезы, либо дают основания для отказа от существующих гипотез, либо, наконец, позволяют выдвинуть новые научные гипотезы. С другой стороны, поскольку мы видим только то, что знаем, анализ грамматики каждого конкретного языка, проводимый с опорой на те или другие типологические гипотезы, позволяет увидеть знакомые факты в ином теоретическом свете и соответственно дать им новую, более адекватную интерпретацию».

В этой статье мы обсудим явление, в котором с полной отчетливостью дает о себе знать двунаправленное отношение между грамматиками конкретных языков и лингвистической типологией, о котором говорит В. С. Храковский. Это явление (в чем оно состоит, мы сообщим читателю в следующем разделе) устроено так. Первый взгляд на конкретные грамматики дает неверное типологическое обобщение и направляет типологию по ложному следу. У нас появляется потребность вернуться на частно-языковой

[1] Автор выражает искреннюю признательность информантам по татарскому, ненецкому, багвалинскому и осетинскому языкам. Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований (проект № 14-06-00435). Материалы по татарскому языку собраны и проанализированы в ходе работы над проектом РГНФ № 12-14-16035.

уровень и присмотреться к явлению повнимательнее. Внимательный взгляд быстро подводит нас к новому, более адекватному межъязыковому обобщению. И после этого оказывается, что устоявшиеся представления о частно-языковой грамматике нуждаются в основательно пересмотре.

Без В. С. Храковского современная типология не стала бы такой, какой она стала. И если типологи и исследователи, занимающиеся конкретными языками, сумеют поддерживать взаимообогащающее равновесие, о котором говорит В. С. Храковский, и типологической и теоретической лингвистике, можно надеяться, суждено плодотворное и успешное будущее.

1. Акциональная композиция: попытка типологии

В этой статье мы обсудим тот тип взаимодействия именных и глагольных семантических характеристик, который в литературе получил название аспектуальной, или акциональной композиции. Как и многие другие сферы грамматической семантики, акциональная композиция подвержена межъязыковому варьированию, которое, при известном упрощении, можно свести к двум возможностям:

(1а) «Английский» тип акциональной композиции: свойства актантов глагола воздействуют на предельность глагольного предиката

(1б) «Русский» тип акциональной композиции: предельность глагольного предиката воздействует на свойства актантов

Английский тип иллюстрируется в (2):

(2а) *John **ate an apple** in an minute || *for a minute.*
‘Джон съел яблоко за минуту || *минуту’.

(2б) *John **ate the apples** in an minute || *for a minute.*
‘Джон **съел яблоки** за минуту || *минуту’.

(2в) *John **ate apples** for an hour || *in an hour.*
‘Джон **ел яблоки** час || *за час’.

В английском языке (и в огромном множестве языков, устроенных в этом отношении так же, как английский) существуют глаголы, которые могут возглавлять либо предельную, либо

непредельную глагольную группу в зависимости от того, каким свойствами обладает один из актантов. В (2а) форма Simple Past глагола *eat* ‘есть’ допускает только предельную интерпретацию, а прямым дополнением является неопределенная именная группа с исчисляемым существительным в единственном числе. В предельном (2б) мы видим определенную именную группу (ИГ) во множественном числе. Однако (2в), где позицию прямого дополнения занимает неопределенная множественная ИГ, непредельно. Другие возможные типы ИГ без остатка распадаются на две группы — такие, которые, как *an apple* и *the apples*, вызывают предельность (их большинство — *the apple*, *two apples*, *most apples* и т. д.), и такие, которые ведут себя аналогично apples, — это, в частности, неопределенные ИГ с неисчисляемым существительным в единственном числе, например, *soup*, делающие предикат непредельным.

В русском языке взаимодействие именных и глагольных характеристик устроено несколько иначе[2]. Рассмотрим (3а–б):

(3а) *Володя* ***съел яблоко*** {*за два часа* || **два часа*}.

(3б) *Володя* ***съел*** <THE || *∅> ***яблоки*** {*за два часа* || **два часа*}.

В (3а–б) глагол совершенного вида *съел* независимо от того, какие именные группы выступают в качестве прямого дополнения, остается предельным: все предложения с этим глаголом не допускают обстоятельств длительности *два часа*, а только интервальные обстоятельства *за два часа*. Можно, далее, заметить, что интерпретация именной группы, занимающей позицию прямого дополнения, определенным образом ограничена. ИГ *яблоки* в (3б) понимаются таким образом, что в рассмотрение заранее введено определенное количество яблок, и утверждается, что все эти объекты были задействованы в описываемой ситуации. (В [Filip 2005a, 2005b] эта интерпретация, помеченная в (3б) как ‘THE’, называется

[2] В западных семантических работах по славянскому глаголу [Krifka 1992; Piñon 2001; Verkuyl 1999; Paslawska, von Stechow 2003; Filip 1999, 2005a, 2005b] проблема акциональной композиции является одной из центральных. Однако в русской аспектологической традиции это явление остались почти не замеченными, если не считать статьи Е. В. Падучевой [Падучева 2004], где предлагается обзор релевантных явлений и намечается программа исследования, а также [Кароляк 2004; Славкова 2004].

уникальной максимальной интерпретацией.) Другая из возможных интерпретаций — ‘неопределенная совокупность яблок’ (в (3б) обозначена как ‘∅’) — для прямого дополнения недоступна. Чтобы убедиться в этом, достаточно примеров типа (4), в которых эксплицитное указание на то, что имеются индивиды вне совокупности, задействованной в описываемой ситуации, вызывает логическое противоречие:

(4) #*За обедом Володя* ***съел яблоки*** *и немного оставил на вечер.*

В отличие от предельных глаголов совершенного вида, глаголы несовершенного вида не накладывают ограничений на интерпретацию прямого дополнения:

(5) *Когда Надя пришла, Володя* ***ел*** <THE || ∅> ***яблоки***.

В (5) прямое дополнение допускает по меньшей мере два прочтения: первое (‘THE’) аналогично тому, которое представлено у глаголов совершенного вида в (3б), а второе (‘∅’), предпочтительное в нулевом контексте, предполагает, что речь идет о неопределенном множестве яблок.

Две интерпретации прямого дополнения в (5) в точности соответствуют двум возможностям, которые в английском языке реализуются морфосинтаксически, с помощью артиклей. В частности, ‘определенное заранее заданное количество яблок’ выражается неисчисляемым именем с определенным артиклем [*the apples*], а ‘неопределенное количество яблок’ — именной группой с нулевым артиклем [∅ *apples*].

Таким образом, русские перфективные предельные предложения типа (3а–б) — это аналоги английских предложений типа (2а–б). Непредельные английские предложения с неопределенным прямым дополнением, примером которых выступает (2в), русских перфективных аналогов с глаголом *съесть* не имеют.

Когда мы говорим об «английском» и «русском» типе акциональной композиции, это не более, чем условность. Более широкий типологический взгляд на предмет обнаруживает, что эти же типы представлены во множестве генетически и ареально независимых языков. Багвалинский и татарский языки, например, обладают композицией английского типа, а баскский, ненецкий и осетинский — композицией русского типа.

Парадигма из трех татарских примеров в (6а–в) с точностью до лексического наполнения соответствует (2а–в):

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК (мишарский диалект)

(6а) *kerim kitap-nɤ {ike sägat ečendä* ||
Керим книга-ACC два час внутри
**ike sägat bujɤna} ukɤ-dɤ.*
два час в.течение читать-PST
‘Керим прочитал книгу {за два часа || *два часа}’.

(6б) *kerim kitap-lar-nɤ {ike sägat ečendä* ||
Керим книга-PL-ACC два час внутри
**ike sägat bujɤna} ukɤ-dɤ.*
два час в.течение читать-PST
‘Керим прочитал <THE> книги {за два часа || *два часа}’.

(6в) *kerim kitap-lar-nɤ {*ike sägat ečendä* ||
Керим книга-PL-ACC два час внутри
ike sägat bujɤna} ukɤ-dɤ.
два час в.течение читать-PST
‘Керим (по)читал <∅> книги {*за два часа || два часа}’.

Предельная интерпретация наблюдается при присоединении исчисляемого прямого дополнения в единственном числе в (6а) и во множественном числе в (6б). В последнем случае речь идет об определенном множестве книг, целиком задействованном в ситуации чтения. В (6в) перед нами непредельное предложение, в котором прямое дополнение имеет неопределенную интерпретацию[3].

То же самое происходит и в багвалинском языке:

БАГВАЛИНСКИЙ ЯЗЫК

(7а) *o-š̌u-r {č'era minuti-łi* ||
этот-OBL-ERG два минута-INTERESS
**c'era minuti-rš̌ kaRal q̥ā.*
два минута-ERG письмо писать.PST
‘Он написал письмо {за две минуты || *две минуты}’.

[3] Полный спектр явлений в сфере акциональной композиции в тюркских языках несколько шире, чем иллюстрируется примерами (6а–в). Для обсуждаемого в этой статье сюжета эти подробности несущественны, см. обсуждение в [Tatevosov 2004] и [Татевосов 2009].

(7б) *o-š̌u-r* {*č'era* *minuti-łi* ||
этот-OBL-ERG два минута-INTERESS
**c'era* *minuti-r*} *kaRal-di* *q*$_{\circ}$*ā.*
два минута-ERG письмо-PL писать.PST
‘Он написал <THE> письма {за две минуты || *две минуты}’.

(7в) *o-š̌u-r* {**č'era* *minuti-łi* ||
этот-OBL-ERG два минута-INTERESS
c'era *minuti-r*} *kaRal-di* *q*$_{\circ}$*ā.*
два минута-ERG письмо-PL писать.PST
‘Он (по)писал <∅> письма {*за две минуты || две минуты}’.

Русский тип акциональной композиции представлен в осетинском, ненецком и баскском языках. Примеры из этих языков показаны в (8)–(10). Для экономии места мы опустим аналоги русского предложения (3а) и ограничимся аналогами (3б), которое показывает запрет на неопределенную интерпретацию множественной именной группы. С этой точки зрения (8)–(10) устроены так же, как (3б)

ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК [Lyutikova, Tatevosov, in print a]

(8) *alan* {*iw* *minut-mæ* || **iw* *minut-ı*}
А. один минута-ALL один минута-GEN
ba-xor-d-ta *baš.*
PRF-есть-PST-TR.3SG суп
‘Алан съел <THE || *∅> суп {за минуту || *минуту}’.

НЕНЕЦКИЙ ЯЗЫК

(9) *pida* *p*^{j}*is*^{j}*mu* *pada.*
он письмо.ACC.PL написать.GFS.AOR
$^{\#}$*n*^{j}*axar* *p*^{j}*is*^{j}*mo-da* *xaji*
три письмо-3SG остаться
‘Он написал <THE || *∅> письма. Три письма осталось {написать}’.

БАСКСКИЙ ЯЗЫК [Ханина 2006]

(10) *Koldo-k* *zopa* {*bost* *minutu-ta-n* ||
Кольдо-ERG суп.NOM.SG пять минута-IDF-LOC
**bost* *minutu-z*} *jan* *z-∅-u-en.*
пять минута.IDF-INSTR есть.PFV 3sE-3sA-иметь-PST
‘Кольдо съел <THE || *∅> суп {за пять минут || *пять минут}’.

Во всех этих примерах, как и в русском (3б), мы наблюдаем две сцепленные семантические характеристики: предложение интерпретируется предельно, а прямое дополнение имеет только уникальную максимальную интерпретацию (‘THE’). Непредельная интерпретация предложения (‘пять минут’) и неопределенная интерпретация дополнения (‘∅’) не допускаются.

Два типа акциональной композиции можно обнаружить и в пределах одного языка, хотя эта возможность не относится к широко распространенным. Пример такого языка — тубаларский диалект, или диалект туба, алтайского языка [Татевосов 2009]. Английский тип акциональной композиции представлен в (11):

(11а) *wasʲa eki minut-xa aš-tɨ tʲe-n.*
Вася два минута-DAT суп-ACC есть-PFCT
‘Вася съел <THE> суп за две минуты’.

(11б) *wasʲa eki minut aš-tɨ tʲe-n.*
Вася два минута суп-ACC есть-PFCT
‘Вася (по)ел <∅> суп две минуты’.

В (11а–б), как и в английских аналогах этих предложений в (2б–в), предельность коррелирует с интерпретацией именных актантов. В предельном предложении (11а), аналогичном (2б), предполагается, что прямое дополнение ‘суп’ обозначает известное количество супа, которое было полностью съедено. В непредельном (11б), напротив, количество супа остается неопределенным.

В (12) представлен русский тип акциональной композиции:

(12) *wasʲa {eki minut-xa || *eki minut} aš-tɨ tʲe-**se**-n.*
Вася два минута-DAT два минута суп-ACC есть-SA-PST
‘Вася съел <THE || *∅> суп {за две минуты || *две минуты}’.

(12) показывает, что уникальная максимальная интерпретация для этих предложений обязательна, а неопределенная невозможна. В этом отношении (12) является точным аналогом русского предложения (3б), а также осетинского (8), ненецкого (9) и баскского (10).

Морфосинтаксически предложение (12) отличаются от (11) наличием показателя *-sa-*. Диахронически оно представляют собой бивербальную конструкцию, или сложный предикат с вспомогательным глаголом *sal* ‘класть’. Синхронный морфологический статус этого показателя мы обсудим ниже, в разделе 4.

Сумма обобщений, которые мы получили к этому моменту, очень проста. Предельность глагольной группы вида [$_{VP}$ eat NP] в английском языке и в языках, устроенных как английский, определяется ее неглагольным компонентом — прямым дополнением. В русском языке не прямое дополнение определяет предельность глагольной группы, а глагол совершенного вида создает такую глагольную группу, которая в обязательном порядке предельна и в составе которой возможно только прямое дополнение с уникальной максимальной интерпретацией.

Соответственно, для русского и английского языков выстраивается общая закономерность: **предложение является предельным, если и только если прямое дополнение обладает уникальной максимальной интерпретацией**. Различие связано с морфосинтаксической реализацией этой закономерности: в случае акциональной композиции английского типа **за предельность предложения отвечает прямое дополнение** (с одним и тем же глаголом *the apples* вызывает предельность, а *apples* — непредельность), а **в русском и в аналогичных языках — глагол** (если в предложении представлен глагол типа *съесть*, то оно может быть только предельным, а прямое дополнение соответственно допускает только уникальную максимальную интерпретацию). Иными словами, в английском языке информация о свойствах участника ситуации, заключенная в прямом дополнении, влияет на информацию о ситуации, описываемой глаголом. В русском языке более информационно насыщенный глагол совершенного вида воздействует на актант.

Приблизительно такой анализ, если не брать в расчет технические различия, предлагается в [Krifka 1992; Verkuyl 1999; Filip 1999] и ряде других работ. Что из этого следует для лингвистической типологии? Из этого следует, что тип акциональной композиции — параметр межъязыкового варьирования, принимающий по меньшей мере два значения: «предельность глагола → интерпретация актанта» и «интерпретация актанта → предельность глагола». Установив это, типолог может далее изучать, как значения этого параметра коррелируют с другими типологическими характеристиками языка, его видовременной системой, структурой и интерпретацией именной группы и т. д. Он может обнаруживать интересные соответствия между грамматическими характеристиками языков с разными типами композиции и предлагать объяснение

этим соответствиям. Примеры типа (2)–(12) дают надежное основание для типологического противопоставления актантно-ориентированных языков типа английского и глагольно-ориентированных языков типа русского.

2. Композиция на периферии грамматики

Или, может быть, не такое уж и надежное? В этом месте мы вступаем в сумрачное пространство явлений, которые для исследователя не очень удобны. В последнее время у нас утвердилось мнение, что маршрут лингвистического исследования непременно проходит от ядра к периферии. Мы сначала должны понять важные, частотные, «ядерные» явления, и лишь затем, возможно, обратить внимание на то, что «периферийно» и «маргинально». Мы входим в систему языка через парадный вход и направляемся прямо в гостиную, не особенно интересуясь, что происходит на заднем дворе — и так понятно, что там беспорядок и неустроенность, которые отвлекают нас от созерцания прекрасной архитектуры здания и богатства его отделки.

Осмотрев парадную сторону акциональной композиции, мы, однако, отправимся именно туда — на ее задворки, где располагаются явления, которые портят впечатление от изящной картины, намеченной в предыдущем разделе. Эти явления, никак, на первый взгляд, не связанные друг с другом, подводят нас к первому наблюдению: во всех языках с композицией русского типа существуют грамматические конфигурации, где этот тип неожиданно исчезает и уступает место композиции английского типа.

В русском языке следует обратить внимание на отглагольные существительные типа *написание*, образованные от так называемых перфективных основ[4]. Рассмотрим (13):

(13) *Не прошло и получаса после написания писем для Марка, как зазвонил телефон.* [http://www.e-reading.org]

Интуиция носителей русского языка по поводу конструкции *написание писем* совершенно отчетлива: в (13) предпочтительной интерпретацией ИГ *писем*, как и в финитной предикации в (3б), является уникальная максимальная, а выражения *написание писем*

[4] Здесь мы предлагаем сокращенное изложение наблюдений и обобщений из [Татевосов 2008] и [Tatevosov 2011b].

в целом — предельная. Это, однако, не единственная возможность, чем конструкция с отглагольным существительным и отличается от финитной предикации в (3б).

Как показывает (4), эксплицитное указание на то, что существуют яблоки вне совокупности, задействованной в ситуации ‘съесть яблоки’, вызывает противоречие. Применив этот же тест к отглагольным именам типа *написание*, мы обнаруживаем, что аналогичного противоречия не возникает:

(14) *Написание писем продолжалось четыре часа, но закончить мы не успели — на завтра осталось еще с полсотни.*

Более того, интуиция подсказывает, что в (14) ИГ *писем* обозначает вовсе не максимальную индивидуированную совокупность (‘THE’), а лишь неопределенное множество с неспецифицированным количеством (‘∅’). Кроме того, выражение *написание писем* в этом случае непредельно[5]. Аналогичная интерпретация наблюдается в корпусом примере в (15):

[5] Наиболее распространенная диагностика предельности, которая используется для предикаций, — обстоятельства типа *за два часа* и *два часа* — для отглагольных имен применима только наполовину. Обстоятельства типа *за два часа* в составе номинализаций маргинальны, но грамматичны, особенно в комбинации со шкальным показателем *всего* — ср. *наполнил ванну за пять минут* и *наполнение ванны* (*всего*) *за пять минут*. Однако независимо от предельности отглагольные имена не сочетаются с обстоятельствами типа *два часа*, ср. *пел два часа* и **пение два часа*. (Они возможны лишь в комбинации с прилагательными типа *двухчасовой*, см. [Пазельская 2006].) На помощь в этом случае может прийти другой тест на непредельность, предложенный в [Verkuyl 1972], — критерий сочинения. Он состоит в том, что непредельные предикаты в контексте сочиненных обстоятельств времени могут обозначать единую ситуацию, осуществляющуюся без временных разрывов. Предложение *John ran at 2 p.m. and at 3 p.m.* ‘Джон бежал/бегал в два часа и в три часа’ будет истинно, если Джон бегал, не прерываясь, в промежутке с двух до трех. (Для предельных предикатов с сочиненным обстоятельством времени такая интерпретация невозможна — они с необходимостью обозначают ровно две различные ситуации, ср. *John ran a mile at 2 p.m. and at 3 p.m* ‘Джон пробежал милю в два часа и в три часа’). В контекстах типа (14) *написание писем в два часа и в три часа* проходит тест на непредельность: это предложение допускает интерпретацию, при которой в обоих временных точках — в два часа и в три часа — имеет место одна и та же ситуация.

(15) *Написание комментариев продолжалось на протяжении всех этих веков. В каждом поколении мусульман был создан свой комментарий…* [http://quran.al-shia.org/ru]

Вывод: в русских конструкциях с отглагольными именами отсутствует русский тип акциональной композиции. Она устроена точно так же, как в английских примерах типа (2): непредельная интерпретация предиката в (14) и (15) возникает бок о бок с неопределенной интерпретацией актанта, как в (2в), а предельной интерпретации в (13) сопутствует уникальная максимальная интерпретация, как в (2б). Схожая, хотя и несколько более сложная акциональная композиция наблюдается у номинализаций в осетинском языке, см. [Lyutikova, Tatevosov, in print a].

Мы обратимся к вопросу о том, почему это так, в следующем разделе, а пока рассмотрим совершенно другое явление из другого языка. (16) показывает каузатив от переходного глагола ‘писать’ в ненецком языке:

(16а) *man^{j} s^{j}id^{j}a čas-xana*
я два час-LOC
pet^{j}a-nʔ̃ p^{j}is^{j}mu pada-pte-ja-n.
Петя-DAT письмо.ACC.PL писать-CAUS-SFS-1SG
‘Я заставил Петю написать <THE> письма за два часа’. {$^{\#}$А вечером попрошу его продолжить}

(16б) *man^{j} s^{j}id^{j}a čas*
я два час
pet^{j}a-nʔ̃ p^{j}is^{j}mu pada-pte-ja-n.
Петя-DAT письмо.ACC.PL писать-CAUS-SFS-1SG
‘Я заставил Петю (по)писать <∅> письма два часа’. {^{OK}А вечером попрошу его продолжить}

В (16) мы имеем тот же глагол ‘писать’, что и в (9), где наблюдаются эффекты композиции русского типа. Роль каузатива — добавление подсобытия каузации и агентивного участника этого события (‘я’). Эта операция, однако, имеет последствия для каузируемой ситуации — той, в которой Петя пишет письма. В (16а) эта ситуация достигает предела, как видно из сочетаемости с обстоятельством ‘за два часа’, и определенная уникальная совокупность писем (‘THE’) в результате начинает существовать. В (16б),

однако, создание писем подается как непредельный процесс, который продолжался два часа, а прямое дополнение имеет неопределенную интерпретацию (‘∅’).

Каузируемая ситуация в (16а–б) обозначается тем же языковым материалом, что и в ситуация написания писем в (9) — тем же глаголом ‘писать’ и теми же актантами. Но если для (9) обязательна предельность и уникальная максимальная интерпретация, то есть композиция русского типа, то (16а–б) следуют английскому образцу: предельность в контексте ИГ с уникальной максимальной интерпретацией и непредельность в контексте неопределенной ИГ.

Более того, каузируемая ситуация в составе ненецкого каузатива в (16) отличается от своего некаузативного аналога в (9) в точности так же, как русские отглагольные существительные в (13)–(14) отличаются от финитного глагола в (2б). Все эти наблюдения суммированы в Таблице 1.

Таблица 1. Распределение типов композиции по грамматическим конструкциям

	Предельный предикат; «THE ИГ»	Непредельный предикат; «∅ ИГ»	Тип композиции
Финитное предложение в русском и ненецком языке	+	—	русский
Конструкция с отглагольным именем в русском языке	+	+	английский
Каузативная конструкция в ненецком языке	+	+	английский

Аналогичная картина наблюдается в каузативах в баскском языке [Ханина 2006] и в тубаларском диалекте алтайского языка [Tatevosov, Ivanov 2009].

Что стоит за изменением типа акциональной композиции, когда от предложений типа (2)–(12) мы переходим к конструкциям с отглагольными именами и каузативным конструкциям, и насколько серьезно следует к этому относиться? Самый очевидный ответ состоит в том, что истинную картину акциональной композиции дают нам «ядерные» конструкции — русские предложения

с глаголом, а не отглагольным именем, и ненецкие предложения, не отягченные каузативизацией. В этом случае данные из Таблицы 1 следует признать отклонениями от нормы, которые как будто иногда случаются среди «маргинальных» грамматических явлений. Почему у числительного *сорок* в русском языке различается всего две падежные формы? Нипочему — такова случайная прихоть эволюции русской падежной системы. Точно такая же ни о чем не говорящая флуктуация — акциональная композиция у русских и ненецких отглагольных дериватов.

На первый взгляд, в таком подходе есть своя правда. Разве неверно, что глагол в составе предложения заведомо расскажет о себе больше и лучше, чем его разнообразные дериваты, будь то номинализация, как в русском, или каузатив, как в ненецком языке? Что происходит с русскими отглагольными существительными и ненецкими каузативами при таком взгляде на вещи не слишком нуждается в объяснении. В крайнем случае по поводу номинализации мы запишем, что в процессе утраты конструкцией глагольных свойств и приобретения именных русская акциональная композиция где-то затерялась. А о ненецком каузативе скажем, что дательный падеж каузируемого (см. (16а–б)) предполагает понижение агентивных характеристик актанта и, следовательно, большую акциональную свободу.

Приняв этот порядок мироздания, мы, однако, кое-что теряем. Мы перестаем интересоваться двумя самыми увлекательными вопросами, которые весь этот материал побуждает нас задать.

(17а) Первый вопрос: как получается, что уходя от русской акциональной композиции, отглагольные имена и каузативы приходят именно к английской композиции, а не к какой-то другой модели взаимодействия глагола и его актантов?

(17б) Второй вопрос: случайно ли то, что столь разные дериваты, как каузатив и отглагольное существительное, отличаются от исходной точки деривации — непроизводного глагола — одинаково?

Эти вопросы представляются нам слишком важными, чтобы попросту от них отмахнуться. В следующем разделе мы попытаемся обосновать такой взгляд на происходящее, при котором явления, обсуждавшиеся в этом разделе, из разряда периферийных

переходят в разряд ключевых. Если отправной пункт наших рассуждений состоит в том, что к композиции у отглагольных дериватов следует относиться серьезно, мы быстро приходим к пониманию того, что в действительности дериваты дают нам больше информации о глаголе, чем сам глагол. И в конце пути выясняется, что акциональной композиции русского типа в действительности не существует. Типология, которую мы обрисовали в разделе 1, неверна: русский, ненецкий и аналогичные языки — это языки с акциональной композицией английского типа, которая, правда, показывается на свет только в ограниченном числе конфигураций, таких как номинализация и каузативная конструкция.

3. Структурная неполнота как окно в глагольную группу

Первый шаг рассуждений начинается со второго вопроса в (17б): есть ли что-то общее у конструкций с отглагольным существительным и каузативов, что-то такое, что заставляет их отличаться от финитных предикаций одинаково? На этот вопрос мы даем утвердительный ответ:

(18) Конструкция с отглагольным существительным и составляющая, обозначающая каузируемое событие у каузативов переходных глаголов, представляют собой неполные предикации.

Ключевое понятие в (17) — неполная предикация. Поясним, что это такое. Синтаксический компонент грамматики создает иерархически организованные структуры составляющих — вершин и их проекций[6]. Полная предикация — структура, которую имеет финитное предложение. Она складывается из глагола, его актантов, которые вместе с глаголом образуют глагольную группу, и функциональных проекций, примерно соответствующих различным

[6] Здесь и далее мы опираемся на так называемую X′-теорию, согласно которой любая фразовая категория составляется из вершины, ее комплемента и спецификатора (последние, если они присутствуют в структуре, также являются фразовыми категориями). Вершина α в комбинации с комплементом βP создает промежуточную проекцию, α'. Соединившись со спецификатором γP, α' образует максимальную проекцию, αP. В скобочной записи это выглядит так: $[_{\alpha P}\ \gamma P\ [_{\alpha'}\ \alpha\ \beta P]\ ]$. В дальнейших рассуждениях, однако, ничто не опирается на какие-либо положения X′-теории и переводимо без потерь на язык любой другой теории фразовой структуры.

грамматическим категориям, как показано в (19). (Точный состав функциональной структуры языка — предмет значительных разногласий, поэтому в (19) мы обозначили функциональные вершины с помощью буквы F с числовым индексом. В дальнейших рассуждениях ничто не опирается на допущения о том, как в точности выглядят эти F.)

(19) $[_{Fn}P \ldots [_{Fi+1}P \ldots [_{Fi}P \ldots [_{Fi-1}P \ldots [_{VP} [_{NP}$ внешний аргумент$] [_{V'} [_{V}$ глагол$] [_{NP}$ внутренний аргумент $]]]]]]$

Договоримся называть неполной предикацией любую фразовую составляющую, содержащую в себе глагольную группу, но меньшую, чем полная предикация (F_nP в (19)). Для структуры в (19) неполными предикациями, являются, в частности, $F_{i+1}P$, F_iP, $F_{i-1}P$ и сама VP.

Следующий шаг рассуждений — показать, что отглагольные существительные и составляющие, обозначающие каузируемое событие, суть неполные предикации, то есть, что они содержат в себе глагольную группу, но лишены некоторой части функциональной структуры, характерной для полной предикации. По соображениям объема мы можем привести здесь лишь общие контуры аргументации.

Для русских отглагольных существительных требуется установить, во-первых, что конструкции типа *написание писем* — продукт не словообразовательного, а синтаксического процесса, что, во-вторых, эти конструкции содержат в себе по меньшей мере глагольную группу, и что, в-третьих, они лишены какой-то части функциональной структуры, расположенной за пределами глагольной группы. Если все это верно, структура конструкций такого типа выглядит так, как показано в (20б) (см. также [Pazelskaya, Tatevosov 2006] и [Татевосов 2008]):

(20а) *написание письма*

(20б) $[_{NP} \ldots$ *ниj* $\ldots [_{Fk}P \ldots [_{VP}$ AGENT $[_{V'} [_{V}$ *написа-*$] [_{NP}$ *письм-* $]]]]]$

В теоретической литературе по номинализации в разнообразных языках представлено значительное количество грамматических тестов, позволяющих диагностировать присутствие глагольной группы в ее структуре. Такие номинализации имеют событийную референцию, их внутренний аргумент (если он есть)

грамматически обязателен в той же степени, что и прямое дополнение соответствующего глагола, они допускают, пусть и с ограничениями, адвербиальные модификаторы — разные типы временных наречий (‘вчера’, ‘за пять минут’ и т. п.), наречия образа действия (‘быстро’), фреквентативные наречия (‘часто’) и т. п. Наличие в структуре номинализации внешнего агентивного актанта (возможно, поверхностно не выраженного) можно установить с помощью агентивно-ориентированых обстоятельств типа ‘нарочно’, ‘намеренно’ и способности контролировать нулевой анафорический элемент целевых оборотов (‘чтобы…’, ‘с целью…’). В то же время невозможность для внешнего аргумента иметь такое же морфосинтаксическое оформление, как у подлежащего финитного предложения, невозможность обстоятельств высокого уровня, например, модальных или эпистемических (‘возможно’, ‘наверное’) указывает, что объем структуры номинализации оказывается существенно меньшим, чем у полной предикации. В [Pazelskaya, Tatevosov 2006; Пазельская 2006; Пазельская, Татевосов 2008] и ряде других работ подробно обсуждаются эти диагностические характеристики и обосновывается, что (20) как анализ конструкций вида *написание писем* имеет достаточные эмпирические основания. Русские номинализации действительно имеют событийную референцию, проявляют надлежащие актантные свойства, сочетаются с наречиями низкого, но не высокого уровня, контролируют целевые адъюнкты и т. д.

Таким образом, номинализации и полные предикации имеют общую часть структуры — глагольную группу и ограниченное количество расположенных над ней функциональных проекций. До некоторой точки (в (20б) это проекция вершины F_k) деривация полных предикаций и номинализаций происходит одинаково. По достижении этой точки создание предикации прекращается, возникшая к этому моменту составляющая соединяется с именной структурой и продолжает жизнь уже в качестве именной группы. Именно такой сценарий показан в (20б).

Построение каузатива также предполагает резкую перемену в жизни глагольной группы. Если предположить, следуя, среди многих других [Pylkkanen 2002; Harley 2008; Miyagawa 2012; Lyutikova, Tatevosov, in print b; Татевосов, в печати], что каузативизация — это операция не над глаголом, а над целой составляющей, то

анализ каузатива от переходного глагола в ненецком языке выглядит так, как показано в (21):

(21а) *man^{j} s^{j}id^{j}a čas-xana*
я два час-LOC
pet^{j}a-nʔ̃ p^{j}is^{j}mu pada-pte-ja-n.
Петя-DAT письмо.ACC.PL писать-CAUS-SFS-1SG
‘Я заставил Петю написать письма за два часа’.

(21б) [… [$_{VP}$ *man^{j}* [$_{V'}$ *- pte-* [$_{VP}$ *pet^{j}a-* [$_{V'}$ *p^{j}is^{j}m- pada-*]]]]]

Глагольная группа *pet^{j}a p^{j}is^{j}m- pada-* ‘Петя писа- письм-’ способна произвести на свет собственную предикацию ‘Петя написал письма’. Именно ее мы видим в (9). Однако в (21а) деривация этой предикации прерывается в тот момент, когда глагольная группа соединяется с каузативным показателем, который в (21б) анализируется как глагольная вершина, создающая оболочку поверх исходной VP. С этого момента в дальнейшей деривации участвует совершенно новая структура — каузативная глагольная группа *man^{j} pet^{j}a- p^{j}is^{j}m- pada-pte*. Та предикация, которая была бы построена с опорой на исходную глагольную группу, так никогда и не создается, и именно это придает последней неполноту в оговоренном выше смысле.

На этом первый шаг рассуждения завершается: мы убедились, что составляющая, обозначающая каузируемую ситуацию в ненецком языке, и конструкция с отглагольным существительным в русском языке имеют важное общее свойство. Обе они отличаются структурной ущербностью, поскольку обе содержат глагольную группу, которая так и не развертывается до полноценной самостоятельной предикации.

Сделаем следующий шаг. Он предельно прост:

(22) Если в неполной предикации *p* отсутствует свойство α, которое есть у соответствующей полной предикации *p′*, то это происходит потому, что α приобретается на той стадии синтаксической деривации, до которой *p* не смогла добраться.

Схематически это показано в (23)–(24):

(23) Полная предикация; обладает свойством α
[$_{Fn}$P … [$_{Fi+1}$P … [$_{Fi}$P … **α** … [$_{Fi-1}$P … [$_{VP}$ [$_{NP}$ внешний аргумент] [$_{V'}$ [$_{V}$ глагол] [$_{NP}$ внутренний аргумент]]]]]]

(24) Неполная предикация; не обладает свойством α
[$_{Fi-1P}$ … [$_{VP}$ [$_{NP}$ внешний аргумент] [$_{V'}$ [$_{V}$ глагол] [$_{NP}$ внутренний аргумент]]]]]]

Нам остается лишь подставить «русский тип акциональной композиции» на место α, и связь между структурной неполнотой и типом композиции начнет проясняться.

В русском и аналогичных языках тот фактор, α, который отвечает за особенности акциональной композиции, вступает в деривацию на относительно поздних стадиях, после того как создана структура, одинаковая для полных и неполных предикаций. В (23)–(24) это составляющая $F_{i-1}P$. Если «фактор α» входит в игру в составе любой из проекций, расположенных за пределами $F_{i-1}P$ (например, как в (23), в составе F_iP), мы обречены наблюдать именно то, что наблюдаем. Русская композиция обнаружится в полностью развернутых предикациях, но не в их неполных аналогах, причем вовсе не потому, что в последнем случае она сначала была, а потом исчезла. В неполных предикациях, таких, как $F_{i-1}P$, русской акциональной композиции не было никогда.

А какая была? Ответ на этот вопрос у нас уже есть: это, как видно из (13)–(15), композиция английского типа. На уровне $F_{i-1}P$ и ниже, в частности, в глагольной группе, за определение предельности всегда отвечают свойства актанта — и в английском, и в русском и во всех остальных языках. Русской композиции, как мы представляли ее себе до сих пор, в действительности не существует. Выстроенная в конце раздела 1 типология немедленно рушится, а на ее месте возникает новая. В языках обоих типов глагол взаимодействует с актантами одинаково. Различие связано с тем, что одни языки, такие как русский и ненецкий, располагают «фактором α», а другие, такие как английский или татарский, нет.

4. Акциональная композиция: вторая попытка типологии

В этом месте, естественно, возникает вопрос, что представляет собой «фактор α» и как он работает. Наши предшествующие рассуждения, если они верны, подсказывают и очевидный ответ на этот вопрос: «фактор α» — это семантический фильтр, действие которого описывается в (25):

(25a) ^{OK}[… α … [предельная глагольная группа]]

(25б) *[… α … [непредельная глагольная группа]]

На уровне VP (и, возможно, немного выше — на уровне максимальной составляющей, включаемой в неполную предикацию, такой, как $F_{i-1}P$ в (23)–(24)), генерируются и предельный (‘eat THE apples’) и непредельный (‘eat ∅ apples’) предикаты. Однако непредельный предикат вступает с α в непримиримое противоречие, и после того, как α становится элементом структуры, деривация рушится. Предельный предикат, напротив, получает у α разрешение на дальнейшее существование. Так происходит в русском и ненецком языках, где при построении полной предикации выживает только предельный предикат. В языках, которые «фактором α» не обзавелись, выживают оба.

Как объяснить надзорно-контролирующую функцию «фактора α»? Наблюдения над примерами типа (3б) и (5), повторяемыми как (26)–(27), дают ключ к пониманию семантического содержания α. Ограничения на интерпретацию актанта есть только у перфективных предложений, таких, как (26). Имперфективные предложения, в частности, (27) такого ограничения не содержат. Из этого следует, что «фактор α» — это перфективность.

(26) *Володя **съел*** <THE || *∅> ***яблоки***.

(27) *Когда Надя пришла, Володя **ел*** <THE || ∅> ***яблоки***.

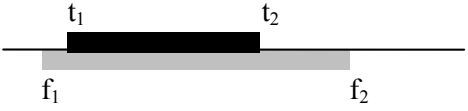
Именно перфективность, совершенный вид, придает русской акциональной композиции ее характерный облик. Именно она, повстречавшись в ходе деривации предикации с непредельным предикатом, возникшим на уровне глагольной группы, отстраняет его от работы. Если это так, у нас есть более или менее целостная картина того, какие эволюции (не)предельность в русском и аналогичном языках языке претерпевает в процессе синтаксической деривации. Непредельность возможна только до появления в структуре перфективного аспектуального оператора, и именно поэтому она наблюдаема только в неполных конфигурациях, которые не успели додеривироваться до той стадии, где происходит его присоединение.

Пусть это так. Для окончательной ясности нам не хватает самой малости: что в точности есть в русской перфективности такого, что делает ее несовместимой с непредельными предикатами?

Английские, татарские и багвалинские примеры в (2) и (6)–(7) тоже перфективны, однако перфективность не мешает предложениям (2в), (6в) и (7в) быть непредельными. Следовательно, русская перфективность устроена не совсем так, как английская. Мы подходим к пониманию того, что настоящий параметр межъязыкового варьирования, разводящий английский, татарский и багвалинский языки, с одной стороны, и русский, ненецкий, баскский и осетинский, с другой — это семантический тип перфективности.

Как известно благодаря работам В. Кляйна ([Klein 1994] и многие другие), грамматический вид — это семантическое отношение между временным интервалом, который занимает в актуальном мире описываемая ситуация, и фокусным временным интервалом, или, как его иногда называют, «окном наблюдения». Перфектив — это когда мы видим через окно всю ситуацию, с включением ее исходной и конечной точек. На языке интервальной семантики в таких случаях говорят, что фокусный временной интервал полностью включает в себя время ситуации, как показано в (28).

(28)



Такая семантика перфектива безразлична к предельности. И предельный и непредельный предикаты должны чувствовать себя в соединении с таким перфективном одинаково комфортно. Так и происходит в (2) и (6)–(7): перед нами перфективность английского типа.

Чем отличается перфективность русского типа? В [Tatevosov 2011a] предлагается модальный анализ русского перфектива, который дает ответ на этот вопрос. Не вдаваясь в технические подробности, изложим кратко основную идею. Перфектив русского типа состоит из двух компонентов. Один из них, «кляйновская перфективность» в (28), идентичен тому, который представлен в языках типа английского (это объясняет многочисленные сходства в дистрибуции «русского» и «английского» перфективов). За русскую специфику отвечает второй компонент. Мы предполагаем, что его семантическое содержание состоит в следующем: этот компонент требует, чтобы описываемая ситуация, обладающая дескриптивными свойствами, которые задаются глагольной группой,

имела максимально возможную реализацию в актуальном мире. Если, например, глагольная группа обозначает ситуации, в которых Вася поедает яблоко, перфектив предписывает ей осуществиться в актуальной мире в максимально возможной степени, то есть достигнуть кульминации, того момента, где яблоко полностью съедено.

Это делает русский перфектив чувствительным к предельности предиката. Только предельные предикаты имеют кульминацию и, следовательно, только для них осмысленно говорить о максимальной реализации описываемой ситуации. Если описываемая ситуация — это 'Вася поедает [∅ яблоки]' и она реализована в актуальном мире в определенной степени, мы всегда можем помыслить возможный мир, в котором поедание яблок продолжается несколько дольше, чем в актуальном. Именно в этом месте возникает семантический конфликт: непредельные предикаты отказываются удовлетворить требование перфектива о максимальной реализации. Именно из-за этого перфектив отсекает непредельные предикаты от участия в дальнейшей семантической деривации.

Запрет, который мы предварительно сформулировали как (25б), теперь можно прочертить более отчетливо:

(29) *[… PFV_{MAX} … [$_{VP}$ непредельная глагольная группа]], где PFV_{MAX} — это перфектив славянского типа, снабженный, помимо кляйновской интервальной семантики, требованием максимальной реализации.

Это обобщение придает завершенность нашему анализу типологии акциональной композиции[7]. Мы определили, как устроена

[7] Единственный элемент русской глагольной системы, который мы до сих пор не учли — это делимитативы (*посидеть*, *почитать*), которые заполняют пустоту в пространстве возможностей, а именно, создают перфективные непредельные предложения. Делимитативы не обнаруживают эффектов композиции русского типа, ср. (i)

(i) *После завтрака Володя полчаса почитал* {^{OK}∅} *статьи,* ^{OK}(*а на вечер остался еще десяток*).

Это означает, что делимитативная перфективность формируется не с помощью PFV_{MAX} (что не удивительно, если учесть непредельность делимитативов, на которую указывают обстоятельства типа *полчаса*). Ее формирует кляйновский перфективный оператор в чистом виде, не отягченный требованием максимальной реализации. Таким образом, полная картина

акциональная композиция на уровне глагольной группы: всегда по английскому типу. Мы выяснили, как работает акциональная композиция русского типа: непредельная глагольная группа типа ‘ед- [∅ яблоки|| суп]’, генерируясь на уровне VP, отфильтровывается на более позднем этапе деривации предикации. Мы добились понимания того, что представляет собой фильтр: это компонент семантики перфективного оператора PFV_{MAX}, который требует максимальной реализации ситуации в нашем мире.

Наш анализ имеет важное (хотя и тривиальное) частноязыковое следствие. В языках с перфективностью русского типа (б. языках с акциональной композицией русского типа) видовой оператор не является компонентом глагольной группы и, тем самым, глагольной основы. С наибольшей отчетливостью мы видим это в тубаларском диалекте алтайского языка, где PFV_{MAX} имеет поверхностное морфосинтаксической выражение. Сравнение примеров (11б) и (12б), повторяемых как (30)–(31), показывает, что запрет на непредельную интерпретацию предиката (и соответственно, на неопределенную интерпретацию актанта), то есть переход от английского типа композиции к русской происходит при появлении показателя *-sa-*:

(30) *wasʲa eki minut aš-tɨ tʲe-n.*
Вася два минута суп-ACC есть-PFCT
‘Вася (по)ел <∅> суп две минуты’.

(31) **wasʲa eki minut aš-tɨ tʲe-**se**-n.*
Вася два минута суп-ACC есть-SA-PST
‘Вася (по)ел <∅> суп две минуты’.

русской перфективности складывается из двух частей: предельные предикаты обрабатываются оператором PFV_{MAX}, непредельные, несовместимые с PFV_{MAX}, поступают в распоряжение делимитатива. При этом, естественно, мы обязаны соблюсти селективные ограничения делимитативного префикса, который соединяется или с простыми непредельными глагольными основами типа *писа-* (ср. *Володя пописал письма*), или с основами, содержащими показатель *-ыва-*, известный как вторичный имперфектив (например, *открыва-*, ср. *Володя пооткрывал дверь пять минут и бросил*). С префигированными основами типа *написа-* или *прочита-* делимитатив не соединяется, и именно это объясняет, почему невозможны непредельные перфективные предложения типа (ii)

(ii) **Володя попрочитал <∅> статьи.*

Если предположить, что *-sa-* — это морфологическая реализация PFV_{MAX}, то (31) сводится к конфигурации в (29), и объяснение его неграмматичности следует без всяких дополнительных допущений:

(32) *[… [*sa*-PFV_{MAX}]… [$_{VP}$ непредельная глагольная группа]],

В отсутствие *-sa-* непредельная глагольная группа в (30) сохраняется в неприкосновенности, и, как следствие, (30) грамматично.

Теперь мы готовы сделать последний частноязыковой шаг в рассуждениях. Чем русский и ненецкий языки отличаются от тубаларского? С семантической точки зрения ничем — композициональные эффекты, связанные с PFV_{MAX}, в них устроены одинаково. Но в русском и ненецком нет ничего похожего на показатель *-sa-*, который, согласно нашему предположению, обеспечивает PFV_{MAX} поверхностным выражением. Это может означать только одно: различие сводится к тому, что в последнем случае мы имеем дело с нулевым показателем, как в (33).

(33) *[… [∅-PFV_{MAX}]… [$_{VP}$ непредельная глагольная группа]]

Важнее всего то, что, как и в тубаларском диалекте, перфективный показатель находится за пределами глагольной группы и, вследствие этого, не может быть компонентом глагольной основы. Наиболее радикальные последствия это обобщение имеет для анализа русской видовой системы. Русские глагольные основы, вопреки тому, чему учит нас традиционная аспектология, — это основы никакого вида, даже если это основы типа *написа-*, *прочита-* или *съед-*, основы «глаголов совершенного вида». Если бы PFV_{MAX} был компонентом их семантики, неполные и полные предикации в плане акциональной композиции с неизбежностью были бы идентичны, как видно из (34)–(35):

(34) Полная предикация; содержит PFV_{MAX}
[$_{Fn}$P … [$_{Fi+1}$P … [$_{Fi}$P … [$_{Fi-1}$P … [$_{VP}$ [$_{NP}$ внешний аргумент] [$_{V'}$ [$_{V}$ PFV_{MAX} … глагол] [$_{NP}$ внутренний аргумент]]]]]]

(35) Неполная предикация; также содержит PFV_{MAX}
[$_{Fi-1}$P … [$_{VP}$ [$_{NP}$ внешний аргумент] [$_{V'}$ [$_{V}$ PFV_{MAX} … глагол] [$_{NP}$ внутренний аргумент]]]]]]

То же самое, естественно, верно и для любых других языков с русским типом акциональной композиции. Таким образом, наша новая типология — типология перфективности, в которую эволюционировала типология акциональной композиции, — позволяет нам занять совершенно новую позицию в вопросе о славянском виде. Мы начинаем понимать, что с точки зрения интересующих нас явлений неполные предикации, несмотря на кажущуюся маргинальность, — это гораздо более выгодный материал, чем полные. И те и другие имеют некоторую общую часть синтаксической и семантической структуры. Кроме нее, однако, полные предикации имеют дополнительную структуру, и именно там локализован PFV_{MAX} или любой другой оператор, который отвечает за перфективность и делает полные и неполные предикации непохожими друг на друга. Соответственно, именно неполные предикации дают нам более точную картину того, как устроены глагол и глагольная группа — свойства последних закрыты для обозрения меньшим количеством семантических и синтаксических наслоений. И если логика изложенных выше рассуждений верна, то это означает, что вековая традиция изучения вопроса двигалась по неверному пути. Славянский вид не является лексическим; как и в тысячах других языков, видовые операторы возникают в структуре лишь в процессе деривации предикации. Единственная особенность видовой системы этого типа — особенная семантика перфектива, оснащенного требованием максимальной реализации ситуации в актуальном мире.

5. Заключение

Завершая эту работу, сведем воедино наши аргументы и обозначим итог.

Исходное наблюдение: в языках засвидетельствовано два типа акциональной композиции, «английский» и «русский». Однако даже в русском и аналогичных языках регулярно обнаруживаются конструкции, в которых русский тип композиции сменяется английским. У этих конструкций есть единственное общее свойство — они представляют собой неполные предикации. Неполные и полные предикации имеют общую структурную часть, создаваемую на ранних стадиях деривации. Различия между ними возникают за счет той структуры, которая придает предикации полноту; деривация неполных предикаций прекращается до присоединения

этой структуры. Следовательно, если неполные и полные предикации проявляют систематические различия, последние возникают на поздних стадиях деривации. Это означает, что на поздних стадиях деривации возникают и композициональные эффекты русского типа. На ранних стадиях, в частности, на уровне глагольной группы композиция всегда, во всех языках устроена по английскому типу.

Сравнение перфективных и имперфективных предикатов подсказывает, что фактор, ответственный за композицию русского типа, можно отождествить с перфективностью. Соответственно, типология акциональной композиции сводится к типологи перфективности. Перфективность русского типа, в отличие от английского, требует максимальной реализации ситуации из экстенсионала предиката в актуальном мире. Это наделяет ее фильтрующей функцией: благодаря перфективности, диапазон интерпретаций, сгенерированный на уровне глагольной группы, сужается; от деривации отсекается непредельная интерпретация.

Полные и неполные предикации имеют общую глагольную группу. Перфективность не может быть частью структуры, общей для полных и неполных предикаций. Из этих двух посылок следует неотвратимый вывод: перфективность в языках типа русского возникает за пределами глагольной группы, а значит не может быть лексической.

Таким образом, в сухом остатке настоящего исследования остаются два вывода. Первый — межъязыковой: типология акциональной композиции полностью сводима к семантической типологии перфективности. Второй — частно-языковой: вид в языках типа русского не приходит вместе с глаголом из словаря, а возникает в процессе синтаксической деривации.

Список условных сокращений

3SE — 3 л. ед. ч. эргатив; 3SA — 3 л. ед. ч. абсолютив; ACC — аккузатив; ALL — аллатив; AOR — аорист; CAUS — каузатив; DAT — датив; ERG — эргатив; GEN — генитив; GFS — общая финитная основа; IDF — неопределенность; INSTR — инструменталис; INTERESS — интерэссив; LOC — локатив; NOM — номинатив; OBL — косвенный падеж; PFCT — перфект; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRF — префикс; PST — прошедшее время; SA — глагольный суффикс *-sa*; SFS — специальная финитная основа; SG — единственное число; TR — переходное спряжение.

Литература

Кароляк 2004 — С. Кароляк. О зависимости между видом глагола и определенностью имени // В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 145–158.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. «Накопитель эффекта» и славянская аспектология // Вопросы языкознания 5, 2004. С. 46–57.

А. Г. Пазельская. Наследование глагольных категорий именами ситуаций. Дисс. … канд. филол. наук. МГУ, М., 2006.

Пазельская, Татевосов 2008 — А. Г. Пазельская, С. Г. Татевосов. Отглагольное имя и структура русского глагола // В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов (ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 348–380.

Славкова 2004 — С. Б. Славкова. Синтагматическое взаимодействие грамматических категорий аспектуальности глагола и определенности имени в русском, болгарском и итальянском языках. М.: Изд-во МГУЛ, 2004.

Татевосов 2008 — С. Г. Татевосов. Номинализация и проблема непрямого доступа // Р. И. Розина, Г. И. Кустова (ред.). Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 750–773.

Татевосов 2009 — С. Г. Татевосов. Аспектуальная композиция // С. Г. Татевосов (ред.). Тубаларские этюды. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 78–133.

Татевосов, в печати — С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. М.: Языки славянской культуры, в печати.

Ханина 2006 — Е. В. Ханина. Структура события и баскский глагол. Дипломная работа, МГУ, 2006.

Храковский 2002 — В. С. Храковский. Русский язык в зеркале типологии: новации в императивной парадигме // Русский язык в научном освещении, 2, 2002. С. 91–101.

Dowty 1979 — D. R. Dowty. Word Meaning and Montague Grammar: The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht: Reidel, 1979.

Dowty 1991 — D. R. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // Language 67, 3, 1991. P. 547–619.

Filip 1999 — H. Filip. Aspect, Eventuality Types and Noun Phrase Semantics. New York — London: Garland Publishing, 1999.

Filip 2005a — H. Filip. The telicity parameter revisited // R. B. Young (ed.). Proceedings from Semantics and Linguistic Theory (SALT) XIV. Ithaca: CLC Publications, Department of Linguistics, Cornell University, 2005. P. 92–109.

Filip 2005b — H. Filip. On accumulating and having it all // H. Verkuyl, H. de Swart, A. van Hout (eds.). Perspectives on Aspect. Dordrecht: Springer, 2005. P. 125–148.

Harley 2008 — H. Harley. On the causative construction // Sh. Miyagawa, M. Saito (eds.). Oxford Handbook of Japanese Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 20–53.

Hay et al. 1999 — J. Hay, C. Kennedy, B. Levin. Scalar structure underlies telicity in "degree achievements" // T. Matthews, D. Strolovitch (eds.). Proceedings of SALT IX. Ithaca: CLC Publications, 1999. P. 127–144.

Kennedy 2010 — Ch. Kennedy. The Composition of Incremental Change. University of Chicago. Manuscript. 2010.

Kennedy, Levin 2002 — C. Kennedy, B. Levin. Telicity corresponds to degree of change. Northwestern University and Stanford University. Manuscript. 2002.

Kennedy, Levin 2008 — C. Kennedy, B. Levin. Measure of change: The adjectival core of degree achievements // L. McNally, C. Kennedy (eds.). Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics and Discourse. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 156–182.

Klein 1994 — W. Klein. Time in Language. London — New York: Routledge, 1994.

Krifka 1989 — M. Krifka. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics // R. Bartsch, J. van Benthem, P. van Emde Boas (eds.). Semantics and Contextual Expression. Dordrecht: Foris, 1989. P. 75–115.

Krifka 1992 — M. Krifka. Thematic relations as links between nominal reference and temporal construction // I. A. Sag, A. Szabolsci (eds.). Lexical Matters. Stanford: Center for the Study of Language and Information Publications, 1992. P. 29–53.

Krifka 1998 — M. Krifka. The origins of telicity // S. Rothstein (ed.). Events and Grammar. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 197–235.

Landman 2004 — F. Landman. Indefinites and the Types of Sets. Oxford: Blackwell, 2004.

Lyutikova, Tatevosov, in print a — E. Lyutikova, S. Tatevosov. Nominalization and the problem of indirect access: evidence from Ossetian // Linguistic Review, in print.

Lyutikova, Tatevosov, in print b — E. Lyutikova, S. Tatevosov. Causativization and event structure // B. Copley, F. Martin (eds.). Forces in Grammatical Structure. Oxford: Oxford University Press, in print.

Miyagawa 2012 — Sh. Miyagawa. Blocking and causatives revisited: Unexpected competition across derivations // Sh. Miyagawa. Case, Argument Structure, and Word Order. New York — Oxford: Routledge, 2012. P. 202–223.

Paslawska, von Stechow 2003 — A. Paslawska, A. von Stechow. Perfect readings in Russian // M. Rathert, A. Alexiadou, A. von Stechow (eds.). Perfect Explorations. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 307–362.

Pazelskaya, Tatevosov 2006 — A. Pazelskaya, S. Tatevosov. Uninflected VPs, deverbal nouns and aspectual architecture of Russian // J. Lavine, S. Franks, M. Tasseva-Kurktchieva, H. Filip (eds.). Formal approaches to Slavic Lingustics. The Princeton Meeting 2005. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2006. P. 258–277.

Piñón 2001 — Ch. Piñón. A Problem of aspectual composition in Polish // G. Zybatow, U. Junghanns, G. Mehlhorn, L. Szucsich (eds.). Current Issues in Formal Slavic Linguistics. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. P. 397–415.

Piñón 2008 — C. Piñón. Aspectual composition with degrees // L. McNally, C. Kennedy (eds.). Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics and Discourse. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 183–219.

Pylkkänen 2002 — L. Pylkkänen. Introducing Arguments. PhD Thesis. MIT, 2002.

Rothstein 2004 — S. Rothstein. Structuring Events: A Study in the Semantics of Lexical Aspect. Malden: Blackwell publishing, 2004.

Rothstein 2008 — S. Rothstein. Telicity, atomicity and the Vendler classification of events // S. Rothstein (ed.). Theoretical and Crosslinguistic Approaches to the Semantics of Aspect. John Benjamins: Amsterdam, 2008. P. 43–78.

Tatevosov 2004 — S. Tatevosov. Aspectual Variability and nominal reference: Evidence from Turkic languages // MIT Working Papers in Linguistics 46, 2004. P. 273–284.

Tatevosov 2011a — S. Tatevosov. On the modal meaning of Slavic perfective. Paper presented at FASL 20. MIT, May 13–15, 2011.

Tatevosov 2011b — S. Tatevosov. Severing perfectivity from the verb // Scando-Slavica 57, 2, 2011. P. 216–244.

Tatevosov, Ivanov 2009 — S. Tatevosov, M. Ivanov. Causativization and aspectual composition // R. Shibagaki, R. Vermeulen (eds.). Proceedings of the 5th Worshop on Altaic formal Linguistics. MIT Working Papers in Linguistics 58. Cambridge, MA: MIT, 2009. P. 380–394.

Tenny 1994 — C. Tenny. Aspectual Roles and the Syntax-Semantics Interface. Dordrecht: Kluwer, 1994.

Verkuyl 1972 — H. J. Verkuyl. On the Compositional Nature of the Aspects. [Foundations of Language Supplementary Series 15]. Dordrecht: Reidel, 1972.

Verkuyl 1989 — H. J. Verkuyl. Aspectual classes and aspectual composition // Linguistics and Philosophy 12, 1989. P. 39–94.

Verkuyl 1993 — H. J. Verkuyl. A Theory of Aspectuality. The Interaction between Temporal and Atemporal Structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Verkuyl 1999 — H. J. Verkuyl. Aspectual Issues. Studies in Time and Quantity. Stanford: CSLI Publications, 1999.

Приложение: Мереологическая теория акциональной композиции

Теории аспектуальной/акциональной композиции занимаются объяснением того, как информация, заключенная в аргументах предиката, воздействует на его предельность. Наиболее известны мереологическая теория М. Крифки [Krifka 1989, 1992, 1998], теория PLUG^{+} Х. Веркейла [Verkuyl 1972, 1989, 1993, 1999], теория контекстной атомарности С. Ротстин [Rothstein 2004, 2008], а также набирающая в последнее время популярность степенная теория [Hay et al. 1999; Kennedy, Levin 2002, 2008; Piñon 2008; Татевосов 2009].

Большинство теорий ориентировано на объяснение акциональной композиции английского типа, примеры которой повторяются в (36а–в):

(36а) *John **ate an apple** in an minute* || **for a minute.*
‘Он **съел яблоко** за минуту || *минуту’.

(36б) *John **ate the apples** in an minute* || **for a minute*.
‘Он **съел яблоки** за минуту || *минуту’.

(36в) *John **ate apples** for an hour* || **in an hour*.
‘Он **ел яблоки** час || *за час’.

Далее мы неформально изложим основные идеи мереологической теории [Krifka 1989, 1992, 1998]. За техническими подробностями читателю рекомендуется обратиться к первоисточнику. Прежде всего, введем два вспомогательных понятия, характеризующих предикаты естественного языка, как именные, так и глагольные, — **кумулятивность** и **квантованность**.

В общем виде понятие **кумулятивности** сформулировано в (37). Оно характеризует предикаты с точки зрения того, как отдельные индивиды, которые входят в их экстенсионал, соотносятся с суммами, составленными из этих индивидов:

(37) Предикат является кумулятивным тогда и только тогда, когда он обладает свойством аддитивности: всякий раз, когда сущности x и y входят в его экстенсионал, их сумма $x \oplus y$ также входит в его экстенсионал. Понятие кумулятивности осмысленно применимо к тем предикатам, в экстенсионал которых входит более двух различных сущностей.

Предикат, обозначаемый существительным *вода*, например, кумулятивен: сумма двух порций воды является водой. Аналогично, существительное во множественном числе *яблоки* обозначает кумулятивный предикат: если соединить две совокупности, каждую из которых можно описать как *яблоки*, получившуюся совокупность можно будет описать так же. Напротив, предикаты типа *яблоко* или *пять яблок* (в той степени, в которой *пять яблок* можно анализировать как предикат (см., например, [Landman 2004])), не являются кумулятивными. Если взять объект, обозначаемый выражением *пять яблок*, и еще один такой же объект, то их сумму нельзя будет описать как *пять яблок*; подходящий для этого предикат — *десять яблок*.

Второе понятие — **квантованность** — характеризует предикаты с точки зрения того, как обозначаемые ими объекты соотносятся со своими собственными частями. Определение квантованности представлено в (38):

(38) Предикат является квантованным тогда и только тогда, когда он обладает свойством неподразделимости: всякий раз, когда сущности x и y входят в его экстенсионал, y не является собственной частью x.

Например, предикат, обозначаемый существительным *яблоко*, квантован, поскольку никакая часть объекта, который называется словом *яблоко*, не входит в означаемое *яблоко*. Предикат *вода*, напротив, не является квантованным: порция воды, отделенная от большей порции воды, не перестает быть водой[8].

[8] Из определений кумулятивности и квантованности следует, что если предикат является квантованным, то он не является кумулятивным, а если является кумулятивным, то не является квантованным. Чаще всего некумулятивные предикаты естественного языка квантованы, и обратно, неквантованные предикаты кумулятивны. *Яблоки* — это кумулятивный и неквантованный предикат, а *яблоко* — квантованный и некумулятивный.

Несколько примеров квантованных и неквантованных именных предикатов показаны в (39)–(40):

(39) Примеры квантованных именных выражений в английском языке:
an apple, *the apple*, *three apples*, *the apples*

(40) Примеры неквантованных именных выражений в английском языке:
apples, *soup*

Подчеркнем, что кумулятивность и квантованность — это свойства не отдельных сущностей, индивидов, а свойство языковых описаний этих индивидов, или предикатов. Один и тот же объект можно описать по разному. Например, один и тот же индивид может входить в означаемое существительного *горошина* и существительного *горох*. В первом случае перед нами квантованный предикат (часть горошины не является горошиной), а во втором нет (собственную часть того, что описывается как *горох*, также можно описать как *горох*).

Соответственно о кумулятивность и квантованности именных групп, в частности, тех, которые приводятся в (39)–(40), можно говорить в той степени, в какой их означаемое можно осмыслить как предикат.

Как и именные предикаты типа *вода*, *яблоки* или *яблоко*, глагольные предикаты можно охарактеризовать в терминах кумулятивности и квантованности. Возьмем, например, предикат, обозначающий события, в которых Вася гуляет. Этот предикат является кумулятивным и неквантованным. Если некоторое событие e, продолжавшееся с 8.30 до 9.00, можно описать с помощью *гулять*, и это же верно в отношении другого события e', длившегося с 9.00 до 10.00, то сумма двух событий $e \oplus e'$, которая занимает временной интервал с 8.30 до 10.00, — это тоже событие, для описания ко-

Возможны, однако, предикаты, которые не являются ни кумулятивными, ни квантованными. Например, выражение *немного яблок*, если рассматривать его как предикат, не является квантованным: если пять яблок входят в означаемое этого предиката, то входят и четыре, и три яблока. При этом он не является и кумулятивным: если, например, x — это четыре яблока, а y — это пять яблок, то, вероятно, x и y по отдельности входят в означаемое *немного яблок*, а их сумма — нет.

торого подходит предикат *гулять*. Точно так же любая часть события *e*, например, та, которая имела место с 8.40 до 8.45, также описывается предикатом *гулять*.

Напротив, если экстенсионал предиката состоит из событий, в которых съедено яблоко, то этот предикат является квантованным и некумулятивным. Суммарное событие, составленное из двух событий, каждое из которых описывается как *Вася съел яблоко*, нельзя обозначить как *Вася съел яблоко*. И если мы возьмем собственную часть события *Вася съел яблоко*, это не будет событием *Вася съел яблоко*, поскольку в ходе этой части события неизбежно съедено не все яблоко, а только его часть.

Эти рассуждения наводят на мысль, что квантованность и кумулятивность связаны с предельностью/непредельностью. И это действительно так. [Krifka 1992], в частности, утверждает, что в сфере событийных предикатов квантованность равнозначна предельности, а кумулятивность — непредельности[9]. Для случаев, которые обсуждаются в этой работе, это верно, хотя в общем случае нет — хотя бы потому, что предикат в принципе может быть неквантованным и некумулятивным, но при этом обязан быть либо предельным, либо непредельным.

В этом месте мы можем сделать простое обобщение: глагольные (событийные) предикаты вида [*eat* NP] являются предельными (квантованными) тогда и только тогда, когда именная группа содержит в своем означаемом квантованный именной предикат. Квантованность аргумента — это то общее, что есть у всех предельных предикатов вида *eat an apple*, *eat the apples*, *eat two apples*, *eat the apples* и т. д.

Заметим, наконец, что квантованность и кумулятивность — понятия содержательно отличные от определенности/неопределенности. Верно, что если именная группа является определенной

[9] В более поздних работах М. Крифка придерживается несколько иного понимания предельности. В [Krifka 1998] она определяется следующим образом: предикат P является предельным тогда и только тогда, когда выполняется следующее условие: если часть *e′* события *e*, являющегося элементом экстенсионала P, также является элементом экстенсионала P, *e′* является одновременно начальной и конечной частью *e*. Разница между предельностью в этом последнем понимании и квантованностью, однако, несущественна для нашего обсуждения.

(*the apple*, *the apples*, *the three apples*), то, если рассматривать ее как предикат, она квантована. Неверно, однако, обратное: среди квантованных именных групп есть и неопределенные. Например, ИГ *an apple*, выступая в качестве предиката, квантована в силу того, что ‘яблоко’ — это исчисляемое существительное в единственном числе: часть яблока не является яблоком. Именно поэтому сформулировать теорию акциональной композиции в терминах определенности невозможно.

Еще одно важнейшее понятие мереологической теории — **инкрементальность**. Прежде всего обратим внимание, что в английском языке существуют глаголы, у которых свойства аргументов не влияют на предельность. Один из таких глаголов, *push* ‘толкать’, представлен в (41):

(41а) *John pushed a cart for an hour* || **in an hour*.
‘Джон толкал тележку час || *за час’.

(41б) *John pushed carts for an hour* || **in an hour.*
‘Джон толкал тележки час || *за час’.

Прямое дополнение в (41а) отличается от прямого дополнения в (41б) так же, как прямое дополнение в (36а) от прямого дополнения в (36в). Тем не менее, в (41) оба предложения непредельны и, соответственно, сочетаются только с обстоятельством длительности *for an hour* ‘час’, но не с обстоятельством *in an hour* ‘за час’.

Семантическое различие между глаголами типа ‘есть’ и типа ‘толкать’ является ключевым для понимания того, при каких условиях характеристики аргументов воздействуют на предельность. В случае ‘есть’ отношение между описываемой ситуацией и ее участником является **инкрементальным**, а в случае ‘толкать’ — нет.

Инкрементальность — это свойство (точнее, набор свойств), которыми обладает **отношение между ситуацией и ее участником**. Инкрементальность имеет место тогда, когда части события находятся в одно-однозначном соответствии с частями участника. Каждой части события должна соответствовать единственная часть участника (то есть отношение должно обладать свойством **отображения в подобъекты**), и обратно, каждой части участника — единственная часть события (то есть должно иметь место **отображение**

в подсобытия). Предикат ‘есть яблоко’ описывает инкрементальное отношение между яблоками и ситуациями их поедания: развитие ситуации ‘есть яблоко’ в точности соответствуют частям яблока, которые поглощаются.

Благодаря инкрементальности, референциальные свойства пациенса задают свойства глагольного предиката, компонентом которого он является (см. [Krifka 1989, 1992], где приводится подробное объяснение того, как это происходит; суть объяснения состоит в том, что инкрементальное отношение представляет собой гомоморфизм из мереологической структуры индивида в мереологическую структуру события). Поскольку в (36а) именной предикат ‘яблоко’ квантован (никакая собственная часть яблока не является яблоком), квантованным является и глагольный предикат ‘есть яблоко’ (никакая собственная часть ситуации, в которой поеданием охвачено все яблоко, не является ситуацией, в которой поеданием охвачено все яблоко). Таким образом, в момент, когда яблоко исчерпывается поеданием, ситуация достигает кульминации.

Напротив, именной предикат ‘яблоки’ в (36в) обладает свойством кумулятивности (если *x* является яблоками и *y* является яблоками, то соединив *x* и *y*, мы также получим яблоки), и это свойство перенимает и предикат ‘есть яблоки’, который оказывается кумулятивным, то есть непредельным. Это же верно для кумулятивной инкрементальной темы ‘яблоки’. Более эксплицитно это показано в [Krifka 1989, 1992, 1998], см. также [Татевосов, в печати].

Если отношение между индивидом и событием, в котором он участвует, не является инкрементальным, свойства аргумента не влияют на предельность глагольных предикатов. В (41) отношение между событием и аргументом неинкрементально (неверно, что чем больше мы толкаем тележку, тем большая часть тележки в этом участвует), и предикаты типа *push the cart* ‘толкать тележку’, как и предикаты типа *push carts* ‘толкать тележки’, непредельны независимо от свойств аргумента.

Аргумент предиката, который находится в инкрементальном отношении с событием, называется градуальным [Krifka 1992], или инкрементальным [Dowty 1991]. Если этот аргумент — пациенс/тема, то мы имеем дело с **градуальным пациенсом**, или

инкрементальной (прирастающей) темой[10]. Под понятие инкрементальной темы подпадает целый ряд семантически довольно разнородных актантов (см. [Dowty 1991: 568–571]). В частности, это создаваемые и уничтожаемые объекты (‘построить дом’, ‘снести дом’, ‘написать письмо’), потребляемые объекты (‘съесть яблоко’, ‘выпить воду’), объекты, подвергающиеся контактному воздействию (‘покрасить стену’, ‘подмести пол’), объекты представления и изображения (‘прочитать книгу’, ‘спеть песню’, ‘сыграть сонату’) (см. также обсуждение в [Падучева 2004]).

[10] Тема — распространенный, но не единственный тип аргумента, который может находиться в инкрементальном отношении к ситуации. Кроме нее, существуют еще два типа инкрементальных отношений — инкрементальный путь и инкрементальное параметрическое свойство. Для сюжета этого исследования эти типы инкрементальности не релевантны, см. варианты анализа в [Dowty 1979; Tenny 1994; Hay et al. 1999; Krifka 1998; Filip 1999: 104–108; Kennedy, Levin 2002, 2008; Piñon 2008; Kennedy 2010].

А. Б. Шлуинский

ИЯз РАН, Москва

ТИПОЛОГИЯ РЕЦИПИЕНТНО-БЕНЕФАКТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ[1]

Настоящая работа призвана, с одной стороны, кратко рассмотреть реципиентно-бенефактивные конструкции, представленные в разноструктурных языках, а с другой стороны, проиллюстрировать на их материале тот факт, что синтаксическая организация синонимичных предложений разных языков не эквивалентна. За недостатком места мы не обсуждаем ни возможные глобальные следствия последнего утверждения в свете существующих и бурно развивающихся синтаксических теорий, ни более общие основания для этого утверждения. Мы сосредоточимся на том конкретном факте, что для выражения реципиентно-бенефактивной семантики в языках мира используются не просто не эквивалентные друг другу синтаксические конструкции, но даже и несходные. Одна и та же семантическая сущность — участник ситуации с реципиентной либо бенефактивной семантической ролью — может быть выражена как именной группой, зависимой от иной именной группы, так и именной группой, зависимой от отдельного предиката, не совпадающего с главным. Между этими крайними случаями располагаются более привычные — состоящие в том, что реципиентный либо бенефактивный участник выражен самостоятельной именной группой, зависимой от единственного предиката в клаузе.

1. Реципиент и бенефактив

Понятия реципиента (адресата) и бенефактива широкоупотребительны в литературе по лингвистической типологии, что позволяет ограничиться — в качестве отправной точки — лишь

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-34-01255 и в рамках проекта МК-3991.2012.6 по гранту Президента РФ для молодых кандидатов наук.

краткими определениями. Реципиент (адресат) представляет собой актант, которому в рамках ситуации передается другой ее участник. Бенефактив — это участник ситуации, не являющийся ее семантическим актантом, в интересах которого она совершается или интересы которого она затрагивает, — в частности, ему так же, как и реципиенту, может передаваться другой ее участник. Реципиент и бенефактив образуют единую семантическую зону и типологически склонны к выражению одним и тем же полисемичным средством, что может быть проиллюстрировано на материале **русского** языка. Так, в (1) именная группа в дательном падеже выражает реципиентный актант, а в (2)–(3) именные группы в дательном падеже использованы для выражения бенефактивного участника.

(1)[2] *С утра дал **жене** денег, отправил за шубой.*

(2) *Вчера смастерил **жене** обложку для ежедневника.*

(3) *Починил **жене** телефон, собственноручно заменил дисплей, для чего купил набор отверточек.*

Литература по семантике и типологии реципиента — точнее, по семантике и типологии битранзитивной (дитранзитивной) конструкции — обширна, и обзор ее представляет собой отдельную задачу. Ограничимся указанием на недавнюю коллективную монографию[3] [Malchukov et al. (eds.) 2010].

Литература по семантике и типологии бенефактива не столь обширна: существуют два издания, претендующих на обобщающий типологически-ориентированный обзор бенефактивных конструкций — сборник статей [Zuñiga, Kittilä (eds.) 2010] (включающий вступительный обзор [Kittilä, Zuñiga 2010]) и монография [Conti 2008]. Типологически релевантные наблюдения сделаны и в более ранних работах: в частности, в [Van Valin, LaPolla 1997: 384] проводится типологически значимое различие между реципиентным vs. чистым (plain) бенефактивом, которое иллюстрируют в том числе и примеры (2)–(3): в (2) заинтересованный участник в ходе ситуации становится обладателем объекта и тем самым имеет и свойства реципиента, в (3) — не становится. Заметки к типологии

[2] Примеры (1)–(3) найдены при помощи поисковой системы Google.

[3] Выполненную в традициях Санкт-Петербургской типологической школы!

бенефактива содержатся в краткой статье [Fagerli 1995]. Естественно, значительно более многочисленна литература, в которой рассматриваются бенефактивные конструкции или/и показатели бенефактива в отдельных языках.

В указанных работах [Kittilä, Zuñiga 2010: 7–10] и [Conti 2008: 37–38] решена задача базовой таксономической типологии языковых средств, использующихся для выражения бенефактива. С. Киттила и Ф. Суньига дают неполный, но включающий наиболее частотные случаи список средств «кодирования» бенефактива: падеж, предлог или послелог, сериальная глагольная конструкция, аппликативные показатели. К. Конти предлагает более дифференцированный перечень.

В настоящей работе мы не ставим перед собой задачи замены или ревизии этих списков (хотя частично и дополняем их), но подходим к типологии реципиентно-бенефактивных конструкций с другой, не обсуждавшейся ранее, стороны — с точки зрения их статуса в синтаксической структуре предложения. Очевидно, что именная группа, оформленная падежным аффиксом со значением бенефактива, синтаксически не тождественна группе вспомогательного глагола в бенефактивной сериальной глагольной конструкции. Мы рассмотрим четыре синтаксических типа конструкций с реципиентом или бенефативом:

- конструкции, в которых реципиент или бенефактив является приименным зависимым (раздел 2);
- конструкции, в которых реципиент или бенефактив входит в глагольную группу (раздел 3);
- конструкции, в которых реципиент или бенефактив является клаузальным адъюнктом (раздел 4);
- конструкции, в которых реципиент или бенефактив вводится отдельным (полувспомогательным) предикатом (раздел 5).

2. Приименной реципиент и бенефактив[4]

Конструкции с приименным реципиентом или бенефативом засвидетельствованы лишь в незначительном числе языков,

[4] Проблематика приименного реципиента и бенефактива, преимущественно на материале энецкого языка, разрабатывалась автором совместно с О. В. Ханиной, которой автор выражает благодарность.

но тем больший интерес они представляют в контексте синтаксической неэквивалентности семантически тождественных языковых средств. Речь идет о конструкциях, в которых именная группа, служащая для выражения реципиента или бенефактива, синтаксически зависит от другой именной группы (служащей для выражения другого участника ситуации). Формально конструкции с приименным реципиентом или бенефактивом естественно разделяются на два типа. Во-первых, это конструкции с т. н. посессивно-бенефактивной полисемией[5], в которых бенефактив не имеет специального маркирования и тем самым формально бенефактивная конструкция совпадает с посессивной. Во-вторых, это дестинативные конструкции, в которых именная группа, от которой зависит реципиент или бенефактив, оформляется специализированным маркером.

Посессивно-бенефактивная полисемия засвидетельствована прежде всего в океанийских языках и обсуждается на их материале в целом ряде работ — [Song 1997; Lichtenberk 2002; Margetts 2004; Margetts, Austin 2007: 426–428]. В этих языках бенефактивные употребления обычно трактуются как вторичные употребления посессивной конструкции, формально же как посессор, так и бенефактив являются зависимыми другой именной группы — в первую очередь, объектной. Ср. примеры (4)–(5) из языка **тоабаита**: в (4) представлена конструкция, имеющая посессивную семантику, а в (5) аналогичная конструкция, но имеющая бенефактивную семантику:

(4) *fale-a* *si* *mai* ***qa-mu***
давать-3.OBJ PTCL VENT POSS-2SG
ta ***bikisa*** *qi* *fa-ku*
какой_то.SG картинка к DAT-1SG
‘Дай мне одну из твоих картинок’. [Lichtenberk 2002: 458]

[5] Рассматриваемую полисемию следует отличать от посессивно-бенефактивной полисемии другого типа — такой, где одно и то же средство может быть использовано как для маркирования бенефактива, так и, в качестве вторичного употребления, для маркирования посессора в сентенциальной посессивной конструкции, как, например, в классических латинских конструкциях с Dativus possessivus типа *Villa mihi est* ‘У меня [букв. мне] есть вилла’. Такие конструкции обсуждаются в типологической перспективе в [Heine 1997: 146–147].

(5) *kini* *kai* *faali-a* ***qa-kuqa*** ***teqe***
женщина 3SG.FUT вязать-3.OBJ POSS-1SG один
teeteru
опахало
‘Женщина свяжет **мне опахало**’. [Lichtenberk 2002: 454]

В некоторых океанийских языках посессивная и бенефактивная конструкция, несмотря на морфологическое тождество, имеют различия в морфосинтаксической сочетаемости, как, например, в **косраэ**, где они требуют разной линейно позиции для показателя определенности, ср. (6а–б). Но такие частные различия не меняют главного: речь идет о случаях, когда бенефактив, как и посессор, синтаксически зависит от другой именной группы, и бенефактивная семантика не получает специального маркирования:

(6а) *nga* *mole-lah* ***rais*** ***la-l*** ***sohn*** ***ah***
1SG.SUBJ покупать-ASP рис POSS-3SG Джон DET
‘Я купил **рис Джона**’.

(6б) *nga* *mole-lah* ***rais*** ***ah*** ***la-l*** ***sohn***
1SG.SUBJ покупать-ASP рис DET POSS-3SG Джон
‘Я купил **Джону рис**’. [Song 1997: 33]

Сходные случаи посессивно-бенефактивной полисемии эпизодически отмечаются и за пределами океанийской языковой семьи (материал такого рода систематизирован в [Croft 1985] и [Conti 2008: 47]). Так, выражение бенефактива при помощи именной группы, зависимой от другой именной группы, отмечено в неокеанийском австронезийском языке гайо ([Eades 2005: 206] с последующим обсуждением в [Margetts, Austin 2007: 427]), в папуасском языке кобон [Davies 1981: 111–112], в некоторых языках Латинской Америки — хишкарьяна [Derbyshire 1979: 94] и киче [Croft 1985], соогочском сапотек [Sonnenschein 2004: 138, 199–201].

Дестинативные конструкции засвидетельствованы в северно-самодийских (ср. сопоставительную работу [Терещенко 1977]) и в тунгусо-маньчжурских (ср. краткий общий обзор в [Malchukov, Nedjalkov 2010]) языках. Их отличие от рассмотренных конструкций с посессивно-бенефактивной полисемией состоит в том, что реципиентно-бенефактивное значение выражается специализированным, т. н. «дестинативным», показателем. Дестинативный показатель присоединяется к вершине актантной именной группы, а собственно

реципиент или бенефактив выражается либо при помощи зависимой от нее другой именной группы, как в **энецком** примере (7), либо при помощи присоединяемого к той же вершине показателя посессивности, как в энецком примере (8) и в **нанайском** примере (9) (в тунгусо-маньчжурских языках вторая возможность является единственной).

(7)[6] ***buuse-da*** ***pɛɛ-z*** *ker-ta*
старик-OBL.SG.3SG обувь-DEST.SG сам-OBL.SG.3SG
sɔzura-ʃ
шить-3SG.PST
‘Она сама шила **своему мужу бокари**’.

(8) *sɔjza* ***kɔru-zo-nʲʔ*** *ta-ʔ*
хороший нож-DEST.SG-OBL.SG.1SG дать-2SG.IMP
‘Дай **мне** хороший **нож**!’

(9) *ми* *агби* ***дангса-го-и-ва*** *га-чи-ни*
1SG старший_брат книга-DEST-1SG-OBL купить-PST-3SG
‘Мой старший брат купил **мне книгу**’. [Аврорин 1959: 179]

Таким образом, синтаксическая реализация реципиента или бенефактива как прииименного зависимого, хотя и является типологической маргиналией, засвидетельствована, тем не менее, в ареально и генетически несвязанных языках.

3. Реципиент и бенефактив в глагольной группе

Кодирование реципиента как входящего в глагольную группу синтаксического актанта, оформленного падежным либо предложным или послеложным маркером, не нуждается в специальном

[6] Энецкие примеры (7)–(8) взяты из базы энецких текстов, подготовленной автором и О. В. Ханиной в 2008–2011 гг. в рамках проекта «Документация энецкого языка» при поддержке международного фонда ELDP при Институте Азии и Африки Лондонского университета. Тубаларский пример (17) получен автором в рамках Алтайской экспедиции МГУ 2006 г. Пример (14) сусу и пример (20) акан получены автором от носителей этих языков, временно находившихся в Москве в 2006–2007 гг. Энецкие дестинативные конструкции рассматриваются нами более подробно в [Ханина, Шлуинский 2010], тубаларские конструкции со вспомогательным глаголом ‘давать’ — в [Шлуинский 2009], бенефактивные сериальные конструкции акан — в [Шлуинский 2010].

комментарии, так как представлено в том числе и в самых детально изученных и общеизвестных языках — в частности, ее иллюстрирует русский пример (1). Соответствующую глагольную группу принято называть битранзитивной. Объектные актанты в битранзитивной глагольной группе (реципиентный и пациентивный/тематический) могут по-разному соотноситься морфологически и/или синтаксически (что составляет предмет специальных типологических работ [Dryer 1986; Haspelmath 2005; Malchukov et al. 2010]), но в большинстве случаев не вызывает дискуссий то, что оба объекта являются синтаксическими актантами и входят в глагольную группу битранзитивного глагола.

Кодирование бенефактива — в общем случае неактантного, факультативного участника ситуации — как именной группы, входящей в глагольную группу, представляет больший интерес. Первая возможность, более «прямолинейная», здесь состоит в том, что глагол маркирован показателем аппликатива — повышающей актантной деривации, вводящей не предусмотренный исходной аргументной структурой глагола несубъектный актант [Peterson 1997; Pylkkänen 2002; Jeong 2006], в том числе и с реципиентно-бенефактивным значением. В этом случае бенефактив, который мы исходно определяли как неактантного участника ситуации, приобретает очевидный статус актанта и естественно входит в глагольную группу. Аппликативные показатели, вводящие реципиентно-бенефактивного участника в одном из возможных употреблений, как и специализированные аппликативные показатели с реципиентно-бенефактивным значением, представлены в самых разных языках и достаточно известны. Мы не будем детально обсуждать типологию аппликативных конструкций, но отметим, что аппликативные показатели, способные вводить бенефактивного участника, не образуют типологически гомогенной сущности: так, например, в [Conti 2008: 48–57] разделяются собственно аппликативные показатели (употребляющиеся эксклюзивно для введения бенефактива или реципиента), каузативные показатели, имеющие аппликативные употребления, лативные глагольные показатели, имеющие аппликативные употребления, гонорифические показатели, имеющие аппликативные употребления. Приведем примеры из языка **суахили** семьи банту (10а–б) и из **адыгейского** языка абхазо-адыгской семьи (11а–б):

(10а) *a-li-i-kata* *nyama*
3SG-PST-CL-резать мясо
‘Он нарезал мясо’.

(10б) *a-li-**ni**-kat-**ia*** *nyama*
3SG-PST-1SG-резать-APPL мясо
‘Он нарезал **мне** мяса’. [Port 1981: 72–73]

(11а) *se* *txəλə-xe-r* *sə-š’efə-ʁe-x*
я книга-PL-ABS 1SG.SUBJ-купить-PST-PL
‘Я купил книги’.

(11б) *se* ***ç’ale-xe-m*** *txəλə-xe-r*
я парень-PL-ABS книга-PL-ABS
a-fe-*s-š’efə-ʁe-x*
3PL.IOBJ-BEN-1SG.SUBJ-купить-PST-PL
‘Я купил **детям** книги’. [Летучий 2009: 331]

Вторая возможность, синтаксически менее очевидная, представлена в русских примерах (2)–(3) (и может быть столь же легко проиллюстрирована сходными примерами из других общеизвестных языков). С одной стороны, дательным падежом в них выражен участник ситуации, не предусмотренный изначальной аргументной структурой глагола и тем самым не являющийся его семантическим актантом. С другой стороны, синтаксически предложения типа (2)–(3) естественно анализировать аналогично (1) — более того, в [Pylkkänen 2002] **английские** примеры типа (12) анализируются как аппликативные (то есть, содержащие в морфосинтаксической структуре нулевой маркер аппликатива) наряду с примерами из языков, имеющих глагольные морфологические показатели аппликатива:

(12) *I baked **him** a cake.*
‘Я испек ему пирог’. [Pylkkänen 2002: 17]

Хотя наличие нулевого маркера аппликатива в примерах (2)–(3) или (12) представляется по меньшей мере дискуссионным, такой их синтаксический анализ, при котором бенефактивная именная группа входит в глагольную группу (а не является адъюнктом ко всей клаузе), с очевидностью предпочтителен уже потому, что бенефактивная именная группа линейно отделяет от глагола входящее в его группу прямое дополнение.

Таким образом, как реципиент, так и бенефактив типологически регулярно могут быть представлены как ядерные синтаксические аргументы глагола, входящие в глагольную группу; наличие такого аргумента может быть, но не обязательно маркировано морфологически в глаголе при помощи аппликативного показателя.

4. Реципиент и бенефактив как адъюнкты

В этом разделе мы ограничимся рассмотрением материала единственной языковой семьи — семьи манде. Языки этой семьи имеют типологически редкий жесткий порядок слов S(Aux)(O)V(X): линейно первым в предложении следует подлежащее, далее возможен вспомогательный элемент, выражающий предикатные грамматические значения, далее следует глагольная группа, состоящая из прямого дополнения (если есть) и собственно глагола, далее — все остальные составляющие клаузы[7].

Как реципиент, так и бенефактив могут быть выражены при помощи послеложных групп, располагающихся, как и все прочие составляющие, кроме подлежащего и прямого дополнения, за глаголом. Проиллюстрируем это примерами из языка **сусу** с реципиентом (13) и бенефактивом (14):

(13) *fode* *bara* *se-nde* *fi*
Фоде TRMN вещь-INDF давать
a ***xiŋya*** ***ma***
3SG младший_брат к
‘Фоде дал что-то **своему брату**’. [Фофана 1992: 97]

(14) *n* *tara* *bara* *buki* *sara* ***n*** ***bɛ***
1SG старший_брат TRMN книга покупать 1SG для
‘Мой брат купил **мне** книгу’.

В [Nikitina 2009, 2011] при помощи ряда тестов показано (преимущественно на материале языка уан), что синтаксически все постглагольные составляющие в языках манде являются клаузальными адъюнктами, то есть не входят в глагольную группу,

[7] Некоторые обстоятельственные/адъюнктные составляющие могут быть вынесены в самую левую линейную позицию, что не принципиально для обсуждения.

а образуют единую составляющую уже со всей клаузой в целом — даже в том случае, когда нам было бы естественно трактовать выражаемый ими участник как семантический актант глагола. Заметим при этом, что даже реципиент при глаголе со значением ‘давать’ — как правило, являющемся в языках мира синтаксически трехвалентным, — не является в сусу синтаксическим актантом — так, полным является не только предложение (13), содержащее реципиентную послеложную группу, но и предложение (15), в котором она отсутствует:

(15) *i* *bara* *i* *xa* *kɔbiri* *fi*
2SG TRMN 2SG POSS деньги давать
‘Ты отдал (кому-то) свои деньги’. [Фофана 1992: 47]

Материал языка сусу показывает еще один нетривиальный факт: аппликативное маркирование глагола, вводящее, как было показано в разделе 2, бенефактивного участника ситуации, не всегда означает, что бенефактив приобретает статус синтаксического актанта, входящего в глагольную группу. В сусу представлен показатель повышающей актантной деривации *ra*-, имеющий в том числе и аппликативные употребления с бенефактивной семантикой, ср. пример (16а), где употреблен глагол *balan* ‘закрывать’, и пример (16б), где употреблен его аппликативный дериват. При этом в (16б), в отличие от обсуждавшихся выше примеров (10б) и (11б), — и даже от примеров (2)–(3) или (12), бенефактивный участник не входит в глагольную группу, а выражен, как и в (13)–(14), клаузальным адъюнктом:

(16а) *na* *balan* *sabi* *ra*
этот закрывать ключ с
‘Закрой ее на ключ’.

(16б) *nadɛɛ* *ra-balan* ***n*** ***bɛ***
дверь CAUS-закрывать 1SG для
‘Закрой **для меня** дверь’. [Houis 1963: 70]

Таким образом, и реципиент и бенефактив синтаксически могут быть выражены адъюнктом, не входящим в глагольную группу, вне зависимости от статуса семантического актанта — исходного в случае реципиента и приобретенного в результате аппликативной деривации в случае бенефактива.

5. Реципиент и бенефактив как зависимые отдельного предиката

В целом ряде разноструктурных языков для маркирования бенефактивного (реже реципиентного) участника используются конструкции, включающие специализированную глагольную словоформу. Эти конструкции можно, вероятно, огрубляя ситуацию, разделить на конструкции с бенефактивным «легким» глаголом, бенефактивные сериальные глагольные конструкции и бенефактивные полипредикативные конструкции.

Бенефактивные конструкции с «легким» глаголом с синтаксической точки зрения принципиально не отличаются от морфологического маркирования бенефактива при помощи маркера аппликатива. В них вспомогательный глагол с бенефактивным значением в сущности также представляет собой показатель аппликатива, хотя и не морфологический, а аналитический. Ярким и достаточно известным примером являются конструкции со вспомогательным «легким» глаголом со значением ‘давать’ в тюркских языках, в которых «легкий» глагол берет на себя все глагольное словоизменение, а смысловой глагол представлен в форме деепричастия. Как показано, в частности, в [Anderson 2004: 200–208] и [Bridges 2008: 80–87], синтаксически комплекс из смыслового и «легкого» глагола ‘давать’ является неделимым — «легкий» глагол не имеет собственных синтаксических валентностей (что верно и для многих других семантических типов тюркских конструкций с «легкими» глаголами). Примечательно, что вспомогательный глагол ‘давать’ вводит бенефактивного участника на семантическом уровне, но не в качестве синтаксического актанта и в этом смысле обнаруживает сходство с проиллюстрированным выше в (16б) аппликативным показателем сусу — проиллюстрируем это примерами из **тубаларского** диалекта алтайского языка. Пример (17б) отличается от (17а) семантически — тем, что в (17б) подразумевается участник, в интересах которого совершается ситуация, однако этот участник остается невыраженным; его выражение возможно факультативно при помощи входящего в глагольную группу косвенного дополнения в дательном падеже — как в предложении с конструкцией с бенефактивным «легким» глаголом (17г), так и в предложении с простым глаголом (17в) (в обоих

случаях синтаксический статус бенефактива тем самым аналогичен представленному в (2)–(3) и в (12)):

(17а) *was^{j}a* *u* *et-ti*
Вася дом делать-PST
'Вася построил дом'.

(17б) *was^{j}a* *u* *ed-ip* ***ber-di***
Вася дом делать-CVB давать-PST
'Вася построил дом **(для кого-то)**'.

(17в) *was^{j}a* ***ana-zi-na*** *u* *et-ti*
Вася мать-3SG-DAT дом делать-PST
'Вася построил **матери** дом'.

(17г) *was^{j}a* ***ana-zi-na*** *u* *ed-ip* ***ber-di***
Вася мать-3SG-DAT дом делать-CVB давать-PST
'Вася построил **матери** дом'.

В бенефактивных сериальных глагольных конструкциях, в отличие от бенефактивных конструкций с «легким» глаголом, представлена особая синтаксическая позиция бенефактивного участника. Само понятие сериальных глагольных конструкций остается одним из самых спорных и обсуждаемых в лингвистике — назовем только самые значительные публикации [Sebba 1987; Lord 1993; Stewart 2001; Aikhenvald, Dixon (eds.) 2005]. Не вдаваясь в дискуссионные стороны дела, скажем, что под сериальной конструкцией имеется в виду единая клауза (а не полипредикативная и не сочиненная конструкция), содержащая более одного финитного глагола, причем, как правило, финитные глаголы имеют общее подлежащее и идентичную глагольную словоизменительную морфологию или/и идентичный набор выражаемых грамматических значений; семантически сериальная конструкция выражает не два или более не связанных друг с другом события, а единое (макро)событие. При этом в разных, даже близкородственных, языках конкретные принципы организации сериальных конструкций различаются: если в одних языках каждый глагол в сериальной конструкции имеет собственное полное морфологическое оформление (18), то в других языках морфологические показатели сосредоточены на одном из крайних глаголов (19). Существенно, что глаголы в сериальной конструкции каждый имеют собственную

глагольную группу, в которую входят его собственные синтаксические зависимые.

В бенефактивных сериальных конструкциях один из входящих в них глаголов (как правило, глагол с исходным лексическим значением ‘давать’) частично грамматикализован и используется для введения в ситуацию бенефактивного участника, который является его синтаксическим актантом. При этом с морфосинтаксической точки зрения этот частично грамматикализованный глагол остается полноценным глаголом, и, таким образом, бенефактив образует отдельную глагольную группу. Мы проиллюстрируем бенефактивные сериальные конструкции материалом языков семьи ква, но отметим, что они засвидетельствованы и в других языках западноафриканского ареала, и в языках другой ареально-генетической принадлежности. В примере (18) представлена бенефактивная сериальная конструкция языка **лелеми**, а в примере (19) — языка **логба**:

(18) *lɛ́-blà* *kutu* ***lí-tè*** ***mùnà*** ***bà-ŋwani***
1SG-делать.PST суп 1SG-давать.PST мой PL-сиблинг
‘Я приготовил суп **своим братьям и сестрам**’. [Allan 1973: 372]

(19) *owusu* *ɔ́-lɔ́-nɛ́* *a-fúta* ***tá*** ***o-ga***
Овусу 3SG-PRSPROG-покупать CL-ткань давать CL-жена
‘Овусу покупает **жене** ткань’. [Dorvlo 2008: 196]

Требует специального обоснования утверждение о том, что глаголы с исходным значением ‘давать’ в (18)–(19) используются именно для введения бенефактивного участника ситуации — а не для указания на отдельную ситуацию передачи объекта реципиенту, которая следовала бы во времени за ситуацией, выраженной основным глаголом. Прежде всего, отметим, что в языках ква отсутствует какой-либо другой способ выражения бенефактива. Далее, для некоторых языков этой семьи — например, **акан**, — есть данные, показывающие, что употребление бенефактивной сериальной конструкции с глаголом ‘давать’ не подразумевает автоматически, что в действительности происходит передача определенного объекта от одного лица к другому. Пример (20а) имеет аналогичную (18)–(19) структуру; при этом возможно и предложение (20б), в котором бенефактивная сериальная конструкция с глаголом ‘давать’ сочетается с последующим отрицанием этого же глагола, употребленного в лексическом значении:

(20а) *kofi* *tɔ-ɔ* *bukuu* ***ma-a*** ***ama***
Кофи покупать-PST книга давать-PST Ама
‘Кофи купил **Аме** книгу’.

(20б) ^{OK}*kofi* *tɔ-ɔ* *bukuu*
Кофи покупать-PST книга
ma-a ***ama***, *nanso*
давать-PST Ама но
wɔ-a-m-fa ***a-m-ma*** *no*
3SG-PST-NEG-брать PST-NEG-давать 3SG
‘Кофи купил **Аме** книгу, но **не дал** (ее) ей’.

Помимо бенефактивных сериальных конструкций, в языках ква широко распространены и сериальные конструкции, в которых и реципиент выражается внутри отдельной глагольной группы. Ср. пример (21) из языка лелеми, в котором пациентивная именная группа зависит от глагола со значением ‘брать’, а реципиентная — от глагола со значением ‘давать’. Несмотря на внешнее сходство (21) с (18) (и с (19)–(20)), необходимо отметить, что если в (18) глагол *-tè* ‘давать’ частично грамматикализован, то в (21) он употреблен в своем лексическом значении и скорее можно говорить о частичной грамматикализации глагола с исходным значением ‘брать’ (также распространены и сериальные конструкции, в которых глагол со значением ‘брать’ используется для маркирования пациентивного участника другого глагола):

(21) *bé-tì* *sìka* ***bé-tè*** ***mà***
3PL-брать.PST деньги 3PL-давать.PST 3PL
‘Они дали **им** денег’. [Allan 1973: 393]

Наконец, в [Conti 2008: 48, 207] разбирается типологически редкий случай, засвидетельствованный в отомангском языке **сочиапанский чинантек**, когда для выражения бенефактивного значения используется отдельная зависимая клауза в полипредикативной конструкции. В данном случае бенефактивный участник синтаксически является подлежащим отдельной клаузы, синтаксической вершиной которой является отдельный предикат. Такие конструкции, безусловно, нуждаются в дальнейшем исследовании как непосредственно в сочиапанском чинантек, так и в типологическом контексте, но для данной работы представляется исключительно значимым уже сам факт их существования:

(22) *kal-θẽi?lm* *cúm* *?mám* *kamfehm* ***?il***
PST-выращивать.3 3 дерево кофе COMP
lil ***kio?mh*** ***hõm***
стать.FUT иметь.3 ребенок.3
‘Она вырастила **своему ребенку** кофейные деревья’ (букв. ‘Она вырастила кофейные деревья, чтобы их имел ее ребенок’). [Foris 2000: 246] (цит. по: [Conti 2008: 207])

Таким образом, для маркирования бенефактива и, много реже, реципиента могут быть использованы конструкции, в которых употребляются отдельные глагольные словоформы. Наиболее характерный случай составляют представляют сериальные глагольные конструкции, в которых бенефактив образует собственную глагольную группу, но не отдельную клаузу. В качестве типологического раритета засвидетельствованы полипредикативные конструкции, в которых бенефактив образует собственную клаузу. Представлены также бенефактивные конструкции с «легким» глаголом, но в этом случае речь не идет о какой-либо специфике синтаксического оформления собственно именной группы, соответствующей бенефактивному участнику.

6. Заключение

В настоящей работе мы рассмотрели в типологическом аспекте реципиентные и бенефактивные конструкции с точки зрения синтаксического статуса составляющей, соответствующей реципиенту или бенефактиву. Мы показали, что общая семантическая субстанция — наличие у ситуации семантического актанта с ролью реципиента или факультативного участника с ролью бенефактива — представлена в языках мира исключительным разнообразием способов отобразить ее в синтаксисе. Реципиент и/или бенефактив может быть оформлен: как именная группа (или даже лично-числовой маркер), зависимая от именной группы, соответствующей другому участнику ситуации, — то есть синтаксически конвенционализован как характеристика участника ситуации; как именная группа, входящая в единственную глагольную группу в клаузе, — то есть синтаксически конвенционализован как ядерный участник ситуации; как клаузальный адъюнкт, не входящий в глагольную группу, а образующий синтаксическую составляющую с клаузой

в целом, — то есть синтаксически конвенционализован как характеристика ситуации в целом; как глагольная группа внутри сериальной конструкции — то есть синтаксически конвенционализован как отдельная подситуация внутри более крупной макро-ситуации; как клауза внутри полипредикативной конструкции — то есть синтаксически конвенционализован как отдельная ситуация, связанная с основной ситуацией. Это позволяет сделать более общее утверждение о том, что один и тот же семантический актант не только не имеет типологически единой соответствующей стандартной позиции в синтаксической структуре предложения, но и может быть выражен синтаксическими составляющими самых разных типов.

Мы не стремились в настоящей работе к полному типологическому обзору реципиентно-бенефактивной проблематики. Прежде всего, естественно, требуют более внимательного и отдельного рассмотрения явления, характерные только для реципиента или только для бенефактива или для обоих из них (все их мы принимали здесь к рассмотрению на равных правах). Далее, за исключением раздела 2, где рассматривалась мало обсуждавшаяся в литературе конструкция с прииненным реципиентом и бенефактивом, мы не ставили перед собой задачи полного типологического обзора семей и ареалов, в которых представлены соответствующие конструкции, а ограничивались отдельными примерами. Это оставляет многие вопросы открытыми для дальнейших изысканий[8].

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABS — абсолютив; APPL — аппликатив; ASP — аспектуальный показатель; BEN — показатель бенефактива; CAUS — каузатив; CL — показатель согласовательного класса; COMP — подчинительный союз; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEST — дестинатив; DET — показатель определенности; FUT — будущее время; IMP — императив; INDF — показатель неопределенности; IOBJ — показатель косвенного

[8] Автор будет счастлив, если проблематика реципиента и бенефактива выйдет на качественно новый уровень изученности в случае появления «Типологии бенефактивных конструкции» под редакцией юбиляра. «Типологии … конструкций», рассматривающие многие другие областями морфосинтаксиса задают нам невероятно высокую планку типологических исследований, которая часто остается недостижимой для простых смертных.

объекта; NEG — показатель отрицания; OBJ — показатель объекта; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — показатель посессивности; PRSPROG — прогрессив настоящего времени; PST — прошедшее время; PTCL — частица; SG — единственное число; SUBJ — показатель субъекта; TRMN — терминатив; VENT — вентив.

Литература

Аврорин 1959 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М. — Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959.

Летучий 2009 — А. Б. Летучий. Аффиксы бенефактива и малефактива: синтаксические особенности и круг употреблений // Я. Г. Тестелец и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 329–371.

Терещенко 1977 — Н. М. Терещенко. 1977. К генезису лично-предназначительных (дезидеративных) форм северносамодийских языков // Fenno-Ugristica 4, 1977. С. 95–105.

Фофана 1992 — М.-С. Фофана. Синтаксис простого предложения в языке аналитического типа (на материале языка сосо). Дисс. … канд. филол. наук. Институт языкознания РАН, М., 1992.

Ханина, Шлуинский 2010 — О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский. Дестинативные формы в энецком языке (на материале лесного диалекта) // С. И. Буркова (ред.). Материалы 3-й международной конференции по самодистике. Новосибирск: Любава, 2010. С. 247–260.

Шлуинский 2009 — А. Б. Шлуинский. Бивербальные конструкции и их лексические ограничения // С. Г. Татевосов (ред.). Тубаларские этюды. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 6–53.

Шлуинский 2010 — А. Б. Шлуинский. Синтаксис глагольной группы и сериальные конструкции в языках эве и акан // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания. Синтаксис именных и глагольных групп. М.: Academia, 2010. С. 413–500.

Aikhenvald, Dixon (eds.) 2005 — A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Allan 1973 — E. J. Allan. A Grammar of Buɛm: The Lɛlɛmi Language. PhD Thesis. London: Univ. of London, 1973.

Anderson 2004 — G. D. S. Anderson. Auxiliary Verb Constructions in Altai-Sayan Turkic. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004.

Bridges 2008 — M. Bridges. Auxiliary Verbs in Uyghur. M.A. Thesis. Univ. of Kansas, 2008.

Conti 2008 — C. Conti. Receptores y beneficiarios: Estudio tipológico de la ditransitividad. München: Lincom Europa, 2008.

Croft 1985 — W. Croft. Indirect object “lowering” // Proceedings of the 11th Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley: BLS, 1985. P. 39–51.

Davies 1981 — J. Davies. Kobon. Amsterdam: North Holland Publishing Company, 1981.

Derbyshire 1979 — D. C. Derbyshire. Hixkaryana. Amsterdam: North Holland Publishing Company, 1979.

Dorvlo 2008 — K. Dorvlo. A grammar of Logba (Ikpana). Utrecht: LOT, 2008.

Dryer 1986 — M. Dryer. Primary objects, secondary objects, and antidative // Language 62, 1986. P. 808–845.

Eades 2005 — D. C. Eades. A Grammar of Gayo: A Language of Aceh, Sumatra. Canberra: Pacific Linguistics, 2005.

Fagerli 1995 — O. T. Fagerli. Benefactive constructions: A typological study // University of Trondheim Working Papers in Linguistics 25, 1995. P. 101–118.

Foris 2000 — D. P. Foris. A Grammar of Sochiapan Chinantec. Dallas: SIL, 2000.

Haspelmath 2005 — M. Haspelmath. Argument marking in ditransitive alignment types // Linguistic Discovery 3, 1, 2005. P. 1–21.

Heine 1997 — B. Heine. Possession: Cognitive Sources, Forces, and Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Houis 1963 — M. Houis. Étude descriptive de la langue Susu. Dakar: Université de Dakar, 1963.

Jeong 2006 — Y. Jeong. The Landscape of Applicatives. PhD Thesis. University of Maryland, 2006.

Kittilä, Zúñiga 2010 — S. Kittilä, F. Zúñiga. Benefaction and malefaction from a cross-linguistic perspective // F. Zúñiga, S. Kittilä (eds.). Benefactives and Malefactives: Typological Perspectives and Case Studies. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 1–28.

Lichtenberk 2002 — F. Lichtenberk. The possessive-benefactive connection // Oceanic Linguistics 41, 2, 2002. P. 439–474.

Lord 1993 — C. Lord. Historical Change in Serial Verb Constructions. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1993.

Malchukov, Nedjalkov 2010 — A. Malchukov, I. Nedjalkov. Ditransitive constructions in Tungusic languages // A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). Studies in Ditransitive Constructions. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2010. P. 316–351.

Malchukov et al. 2010 — A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie. Ditransitive constructions: A typological overview // A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). Studies in Ditransitive Constructions. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2010. P. 1–64.

Malchukov et al. (eds.) 2010 — A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). Studies in Ditransitive Constructions. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2010.

Margetts, Austin 2007 — A. Margetts, P. Austin. Three-participant events in the languages of the world: towards a cross-linguistic typology // Linguistics 45, 3, 2007. P. 393–451.

Margetts 2004 — A. Margetts. From implicature to construction: emergence of a benefactive construction in Oceanic // Oceanic Linguistics 43, 2, 2004. P. 445–468.

Nikitina 2009 — T. Nikitina. The syntax of postpositional phrases in Wan, an "SOVX" language // Studies in Language 33, 4, 2009. P. 910–933.

Nikitina 2011 — T. Nikitina. Categorial reanalysis and the origin of the S-O-V-X word order in Mande // Journal of African Languages and Linguistics 32, 2011. P. 251–273.

Peterson 1997 — D. Peterson. Discourse-Functional, Historical, and Typological Aspects of Applicative Constructions. PhD Thesis. Leipzig: MPI-EVA, 1997.

Port 1981 — R. F. Port. The applied suffix in Swahili // Studies in African Linguistics 12, 1, 1981. P. 71–82.

Pylkkänen 2002 — L. Pylkkänen. Introducing Arguments. PhD Thesis. MIT, 2002.

Sebba 1987 — M. Sebba. The Syntax of Serial Verbs. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1987.

Song 1997 — J. J. Song. The history of Micronesian possessive classifiers and benefactive marking in Oceanic languages // Oceanic Linguistics 36, 1, 1997. P. 29–64.

Sonnenschein 2004 — A. H. Sonnenschein. A Descriptive Grammar of San Batolomé Zoogocho Zapotec. PhD Thesis. Univ. of Southern California, 2004.

Stewart 2001 — O. Th. Stewart. The Serial Verb Construction Parameter. New York — London: Routledge, 2001.

Van Valin, LaPolla 1997 — R. D. Van Valin, R. J. LaPolla. Syntax: Structure, Meaning and Function. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Zúñiga, Kittilä (eds.) 2010 — F. Zúñiga, S. Kittilä (eds.). Benefactives and Malefactives: Typological Perspectives and Case Studies. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2010.

D. A. Erschler

UMass, Amherst

A MARGINAL MODAL FORM IN DIGOR OSSETIC[1]

1. Introduction

Digor Ossetic, and its close cognate, Iron Ossetic, (Eastern Iranian, the Central Caucasus) possess a rich system of synthetically expressed non-indicative moods and modal copular constructions involving certain non-dedicated non-finite verb forms.

Neither the sketches of Digor Ossetic grammar [Issaev 1966; Takazov 2009], nor the monographic treatments of Ossetic modality [Tekhov 1970; Vydrin 2011], mention a rare analytic modal form in Digor. It is a complex verb whose light verb is the copula, and the nominal part is formed on the basis of the infinitive of the lexical verb by attaching the dedicated suffix *-ijaw*: *dzor-un-**ijaw** un* say-INF-MOD be.INF 'to intend to say/ to be able to say / to be likely to say'. Further on, I will refer to it by the abbreviation DED, the dynamic-epistemic derivative. According to my consultants' judgment, the Iron Ossetic cognate of this suffix cannot combine with infinitives. The form is relatively rare: in my corpus of about 500,000 tokens, there are only about 40 examples of it. However, it still remains fully productive.

The research procedure was as follows: First, I extracted all the examples with *-unijaw* from my corpus, and then asked my consultants to translate, and comment upon, the examples. I also described a number of real-life situations to the consultants, and asked them to judge the felicity of some constructed sentences with *-unijaw* uttered in such metalinguistic contexts. More examples were produced by the consultants

[1] Data for this paper were collected in my field trips to North Ossetia in 2010, 2012, and 2013. The judgments for Digor were kindly provided by Sveta Gatieva, Marina Khamitsaeva, Khasan Maliev, Fedar Takazov, and Sergey Tseboev; and for Iron, by Arbilyana Abaeva, Aslan Guriev, and Elizaveta Kochieva. I greatly appreciate their help. I am grateful to Elizaveta Kochieva and Aslan Guriev for their help with logistics, without which my fieldwork would have been utterly impossible. Furthermore, I thank Sam Featherston and Remus Gergel for useful discussions.

when discussing the form with me. I should note that the intermediary language was Russian, of which all my consultants (and the vast majority of Digor speakers in general) have a native-like command.

The modality-related terminology is fairly standard by now, and hardly needs to be commented upon. To give a specific reference, I use the terminology from [Portner 2009].

This note is organized as follows: in Section 2, I describe the functions of the DED. In Section 3, I address its morphosyntax. In Section 4, I argue that synchronically, the formant *-ijaw* is indeed an indivisible dedicated exponent of the DED. Section 5 concludes.

2. Semantics

It is admittedly difficult to delineate semantically close functions of any grammatical form. Furthermore, in this particular case it is hard to distinguish true differences in meaning from different pragmatic inferences (e.g. 'X is going to do Y' can be reasonably thought to imply 'X is able to do Y' and 'X is likely to do Y', etc.) In what follows, I go by translations provided by the consultants.

One function expressed by the DED is an *estimate* or *expectation* of the evaluator (who in this case is identical to the speaker) [2]:

(1a) *nur* *bilgɐron-ɐj* *idard* *nɐbal* ***wun-ijaw*** *dɐn*
now shore-ABL far no.more be.INF-MOD be.PRS.1SG
ra-ʁudi *kodta* *zɐrond* *lɐg*
PRV-thought do.PST.3SG old man
'"It seems that now I am already not far from the shore," thought the old man'. (Iræf[3] 2000, 2–3)

(1b) *atɐm-ɐj* *berɐ* *nɐbal* ***ra-χɐss-un-ijaw***
this.NNOM-ABL much no.more PRV-carry-INF-MOD
ɐj
be.PRS.3SG
'This (situation), apparently, will not last long'. (Iræf 1997)

[2] I use an IPA-based broad phonological transcription, with a slight divergence from the IPA notation: *š* = *ʃ*; *ž* = *ʒ*; *č* = *ʧ*; *c* = *ʦ*.

[3] *Iræf* is a literary quarterly in Digor appearing in Vladikavkaz. The quotation is from Amurkhan Kibirov's translation of Hemingway's *The Old Man and the Sea*. Unprompted use of the DED in a translation confirms the conclusion that the form is still productive.

(1c) *tonn-i* *ærdæg* ***las-un-ijaw*** *æj*
ton-OBL half carry-INF-MOD be.PRS.3SG
ra-ʁudi *kodta* *je*
PRV-thought do.PST.3SG s/he
'He thought, "It probably should weight half a ton"'. (Iræf 2000, 2–3)

Another function is to express the *expectation* of the agent:

(2a) *sæjgædon-i* *t'affæ-bæl=ba* *ærtæ* *min* *som-i*
hospital-OBL leaf-SUP=CTR 3 1000 ruble-OBL
ra-js-un-ijaw *adtæn* *fal* *c'asæ* *k'apek=dær*
PRV-take-INF-MOD be.PST.1SG but holey copeck=EMP
næ=ra-jston
NEG=PRV-take.PST.1SG
'I had expected to receive 3,000 rubles for the paper from the hospital, but did not get a red cent'. [Aghuzarti 2008]

(2b) *womæ* *gæsgæ* *χast* *ær-cudæj*
it.ALL according.to take.PST.PRT PRV-go.PST.3SG
gitleron-t-æn *ječi* *ʁuddag-i*
Hitlerian-PL-DAT that thing-OBL
ka *fæ-jjaʁaz* ***kæn-un-ijaw***
who PRV-help do-INF-MOD
adtæj *woni* *rænʁæ-mæ*
be.PST.3SG they.OBL row-ALL
'Because of that, he was perceived as one of those who intended to help Nazis'. [Aghuzarti 2008]

Furthermore, the DED can be used in context implying an *ability* or *wish* of the agent:

(3a) *æma* *æne* *æcæg* *radzurd-tæ*
and without truthful story-PL
wogæ=ba *jes* *zæʁgæ*
however=CTR exists REP
ba-færs-un-ijaw *æj* *ješke*
PRV-ask-INF-MOD be.PRS.3SG someone
'And someone could ask: "However, aren't there any untrue stories?"' [Aghuzarti 2008]

(3b) *adɐjmag-mɐ* *wotɐ* ***kɐs-un-ijaw***
person-ALL so look-INF-MOD
ɐj *cuma* *ači* *iskurdiadɐ*
be.PRS.3SG as.if this gift
ɐj *professionalon* *avtor-ɐn*
be.PRS.3SG professional author-DAT
ɐ= *dɐsɐjmag* *kiwunugɐ*
POSS.3SG= 10th book
'One could think that this (book) *Gift* is the tenth book of a professional author'. [Gadati 2008]

(3c) *wɐχɐn* *farsta=min* ***radt-un-ijaw*** *adtɐj*
such question=DAT.1SG give-INF-MOD be.PRS.3SG
ka=mɐ *nɐ=zudtajdɐ* *je*
who=ACC.1SG NEG=know.SUB.PST.3SG s/he
'Someone who would not know me could ask me such a question'. [Aghuzarti 2008]

Consultants judge the form felicitous only for human evaluators, and feel that using it for animals is tantamount to endowing them with human-like rational capacity. A construction with another nominalization can be used instead, when the meaning of intent of a non-human is to be expressed:

(4) *χalon* *ba-rimaχsta* *ɗol.* *dukkag* *bon=ɐj*
crow PRV-hide.PST.3SG bread second day=ACC.3SG
ɐvɐdži ***ba-χʷɐrujnag*** / #***ba-χʷɐr-un-ijaw*** *adtɐj*
apparently PRV-eat.MOD PRV-eat-INF-MOD be.PST.3SG
'The crow hid the bread. Apparently, it was going to eat it the next day'.

Despite the fact that the DED can express expectation of the evaluator, it cannot serve as an evidential:

(5a) Situation: One sees lights in the neigbors' windows and utters
#*šinχon-tɐ* ***ɐrba-cɐw-un-ijaw*** *adtɐncɐ*
neighbor-PL PRV-go-INF-MOD be.PST.3PL
Intended reading: 'The neighbors, apparently, arrived'[4].

[4] The sentence is felicitous if the speaker knows beforehand that the neighbors intended to arrive, so the light in the windows only concurs with their expectation.

(5b) Situation[5]: One looks at a young boy who has not worked as a shepherd so far, and concludes that the boy is going to become a good shepherd

#*ači*	*biççew*	*χʷarz*	*fijjaw*	***wun-ijaw***	*ɐj*
this	boy	good	shepherd	be.INF-MOD	be.PRS.3SG

Intended reading: 'This boy should make a good shepherd'.

To recapitulate, the form is able to express a variety of epistemic and dynamic meanings, a fact not particularly unusual by itself, see e.g. [van der Auwera, Plungian 1998].

When this modal co-occurs with negation, both possible scopes are attested: in (6a) it is the modal that scopes over the negation, and in (6b), the situation is reverse:

(6a) *atem-ɐj* *berɐ* *nɐbal* ***ra-χɐss-un-ijaw***
this.NNOM-ABL much no.more PRV-carry-INF-MOD
ɐj
be.PRS.3SG
'This, apparently, will not last long'. (Iræf 1997)
*'It is not apparent that it will last long'.

(6b) *awɐχɐn* *alɐmɐt-i* *šilɐsteg-i* *bundor-bɐl*
such miracle-OBL female.generation-OBL foundation-SUP
kɐlo *dedenɐg* *nɐ* *ra-jgur-un-ijaw* *ɐj*
homely flower NEG PRV-be.born-INF-MOD be.PRS.3SG
'From such a wonderful female generation, there could not be born a homely flower'. [Ikati 2009]
*'⟨…⟩ there could be [not born] ⟨…⟩'

However, some speakers prefer to place the negation marker immediately near the copula rather preceding the DED form. The reasons for it are unclear:

(7a) ?*nur* *nɐ = war-un-ijaw* *ɐj*
now NEG=rain-INF-MOD be.PRS.3SG
'It is likely that it won't rain now. / It is unlikely that it will rain now'.

[5] There are speakers who allow to use the DED in this type of evidential context. This type of a borderline modal/evidential form was first discovered in [Matthewson et al. 2007].

(7b) *nur war-un-ijaw nɐ=j*
now rain-INF-MOD NEG=be.PRS.3SG
'It is likely that it won't rain now. / It is unlikely that it will rain now'.

A non-negated counterpart of (7) is perfectly grammatical:

(8) *nur war-un-ijaw ɐj*
now rain-INF-MOD be.PRS.3SG
'It is likely that it will rain now'.

3. Morphosyntax

The DED can only be used together with the copula. The combination of the DED with the copula behaves as a complex verb, and satisfies all linear order constraints relevant for complex verbs, see, e.g. [Erschler 2012]. This derived complex verb preserves the argument structure of the original one:

(9a) Non-derived verb
soslan=ɐj ra-lasta
Soslan=ACC.3SG PRV-carry.PST.3SG
'Soslan brought it here'.

(9b) Modal construction
soslan=ɐj ***ra-las-un-ijaw*** *adtɐj*
Soslan=ACC.3SG PRV-carry-INF-MOD be.PST.3SG
'Soslan was going to bring it here'.

Complex verbs themselves may serve as a basis for the DED, see (2b) for a complex verb with the light verb *kɐn-* 'to do', and (10) for the light verb 'to be':

(10) *wordɐmɐ χund adtɐj berɐ adɐm ɐma=ši*
thither call.PST.PRT be.PST.3SG many people and=ABL.3
ʁɐstag-ɐj neke ***ra-ndɐ*** ***wun-ijaw*** *adtɐj*
insult-ABL nobody PRV-outside be.INF-MOD be.PST.3SG
'Many people were invited there (to a wedding), and she (the person who organized the wedding) intended that no one would leave the wedding insulted'[6]. [Aghuzarti 2008]

[6] For the native speakers I consulted the implication of the sentence was that some nevertheless did leave insulted.

4. Morphology and Diachrony

The DED is based on the infinitive and the suffix *-ijaw*. Why is it reasonable to treat it as a single dedicated marker? The suffix could in principle be further analyzed as *-i-aw* oblique-equative. I call oblique the syncretic marker *-i* of the accusative, genitive and inessive case in nouns. The equative case has meaning 'like X':

(11) *χatir* *korɐg-**aw*** *zaʁta*
forgiveness ask.PRS.PRT-EQU say.PST.3SG
'S/he said (something) as if asking for forgiveness'. [Æghuzarti 2008]

However, normally the equative case suffix *-aw* only attaches to the bare stem, and there is no synchronic basis for this further segmentation.

What looks like the same suffix appears in a very small number of adverbs in Digor and Iron [Gabaraev 1977; Erschler 2012]: Iron *ɐrɐdžijaw* / Digor *ɐrɐgijaw* 'finally'; Digor *ragi* 'early, long ago,' Iron *falijaw* 'far away'; Iron/Digor *dɐlijaw* 'high'; Iron/Digor *wɐlijaw* 'high'; Iron *fɐštijaw* 'far behind'. However, the suffix is completely unproductive in this context. For two of these adverbs, there still exist counterparts with plain oblique suffix *-i*/*-ə*: *ɐrɐdžə*/*ɐrɐgi* 'late, lately' vs. *ɐrɐdžijaw*/*ɐrɐgijaw* 'finally' and Digor[7] *ragi* 'early, long ago' vs. *ragijaw* 'early'. This suggests the following derivation history: an adverb with the oblique suffix[8] *-ə*/*-i* was reanalyzed as a noun and then case suffixes were attached to it anew. Normally, case stacking is disallowed in Ossetic.

Historically, one could imagine the following scenario: first, the oblique suffix *-i*, in its capacity of the locative, was attached to an infinitive to yield a meaning 'in the state of X'. It should be noted that the inessive use of the oblique suffix is fairly old, whatever etymology of the oblique is adopted [Cheung 2008: 94]. Then, this form was

[7] Iron has a cognate of *ragi*, with the same meaning. The cognate of *ragijaw*, **radžijaw* does not seem to exist in the modern language.

[8] Regularly, to the Digor *i* there corresponds the *ə* in Iron. However, in the suffix *-ijaw* the original *i* is retained because of the presence of the (epenthetic) *j*, *cf.* Digor *ɐfšijnɐ* vs. Iron *ɐfšin* 'mistress of the house, mother-in-law (for a woman)'.

re-analyzed as a single noun, and the equative suffix was attached to it meaning 'as if in the state of X'. Later on, there evolved the functions described in section 2. Regrettably, there is no synchronic evidence to support or reject this scenario: oblique-marked infinitives are not used on their own in the modern language. Therefore, this scenario remains sheer speculation.

5. Conclusion

It is surprising that Digor, a language with an already rich system of moods (the subjunctive has forms for three tenses), had a need to grammaticalize an additional finite modal form. However, the competition with other means of expression of modality might explain its relative rarity. Given that the dynamic-epistemic derivative has highly Ossetic-specific morphological structure, it hardly makes sense to compare it with anything in the neighboring languages of the Caucasus or in the Iranian languages.

Finally, I hope that, even if only on a modest scale, this note illustrates potential fruitfulness of corpus-assisted fieldwork. As a matter of fact, I discovered the form under discussion for myself when reading a literary text from my corpus.

Abbreviations

ABL — ablative; ACC — accusative; ALL — allative; CTR — contrastive topic; DAT — dative; DED — dynamic-epistemic derivative; EMP — emphatic clitic; EQU — equative; INF — infinitive; MOD — the modal suffix *-ijaw*; NEG — negation; NNOM — non-nominative stem; OBL — oblique; PL — plural; POSS — possessive; PRS — present; PRT — participle; PRV — preverb; PST — past; REP — reported speech; SUB — subjunctive; SUP — superessive.

Sources of Examples

Aghuzarti 2008 — A. Aghuzarti. Zin cardi k'æpxæn (Stairs of hard life). Dzæugighæu: CI NEI RPX, 2008.

Æghuzarti 2008 — S. Æghuzarti. Coma (Messenger). Dzæugighæu: CI NEI RPX, 2008.

Gadati 2008 — L. Gadati. Iskurdiadæ. (Gift). Dzæugighæu: Ir, 2008.

Ikati 2009 — A. Ikati. Zelgædungæ (Whirls). Dzæugighæu: Gassiti Viktori nombæl rauaghdadon-poligrafion kustuat, 2009.

References

Cheung 2008 — J. Cheung. The Ossetic case system revisited // Evidence and Counter-Evidence. Essays in Honour of Frederik Kortlandt. Vol. 1 [SSGL 32]. Amsterdam — New York: Rodopi, 2008. P. 87–105.

Erschler 2012 — D. Erschler. Ossetic // P. O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, F. Rainer (eds.). Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012, in print.

Gabaraev 1977 — N. Gabaraev. Morfologičeskaja struktura slova i slovoobrazovanie v sovremennom osetinskom jazyke. Tbilissi: Mecniereba, 1977.

Issaev 1966 — M. Issaev. Digorskij dialekt osetinskogo jazyka. Moscow: Nauka, 1966.

Matthewson et al. 2007 — L. Matthewson, H. Davis, H. Rullmann. Evidentials as Epistemic Modals: Evidence from St'át'imcets // Linguistic Variation Yearbook 7, 2007. P. 201–254.

Portner 2009 — P. Portner. Modality. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Takazov 2009 — F. Takazov. Grammaticheskij ocherk osetinskogo (digorskogo) jazyka. Vladikavkaz: SOGU, 2009.

Tekhov 1970 — F. Tekhov. Vyraženie modal'nosti v osetinskom jazyke. Tbilisi: Mecniereba, 1970.

van der Auwera, Plungian 1998 — J. van der Auwera, V. Plungian. Modality's semantic map // Linguistic Typology 2, 1998. P. 79–124.

Vydrin 2011 — A. Vydrin. Sistema modal'nosti osetinskogo jazyka v sopostavitel'nom osveščenii. PhD Thesis. Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, 2011.

СПИСОК
НАУЧНЫХ РАБОТ В. С. ХРАКОВСКОГО

1958

Махмуд Кашгарский о расселении племен на территории Казахстана // Вестник АН КазССР 11, 1958. С. 93–98. *(Соавтор: С. К. Ибрагимов).*

1959

Материалы из истории образования казахского языка // Известия АН КазССР 2, 1959. С. 94–100. *(Соавтор: С. К. Ибрагимов).*

Шараф ал-Заман Тахир Марвазан // Труды сектора востоковедения АН КазССР. Т. 1. Алма-Ата: Наука, 1959. С. 208–218.

1960

Категориальное значение исходных форм глагола в классическом арабском языке // Филологические науки 2, 1960. С. 80–89.

Система глагольных времен классического арабского языка // Вестник ЛГУ 2. Серия истории языка и литературы 1, 1960. С. 118–128.

1961

Видовременные отношения в системе личных форм глагола в арабском языке. Автореф. … дисс. канд. филол. наук. ЛГУ им. А. А. Жданова, Л., 1961.

Видовременные отношения в системе личных форм глагола в арабском языке. Дисс. … канд. филол. наук. ЛГУ им. А. А. Жданова, Л., 1961.

1963

К типологии соотносительных конфигураций разноструктурных языков // Совещание по типологии восточных языков. Тезисы докладов. М.: Восточная литература, 1963. С. 78–80. *(Соавторы: В. П. Недялков, Т. Н. Никитина).*

Каузативное преобразование как одно из средств типологической классификации // Совещание по типологии восточных языков.

Тезисы докладов. М.: Восточная литература, 1963. С. 82–83. *(Соавтор: Л. З. Сова).*

1965

Аналитическая конструкция, аналитическая словоформа, аналитическое слово // В. М. Жирмунский, О. П. Суник (ред.). Аналитические конструкции в языках различных типов. М. — Л.: Наука, 1965. С. 209–221.

О синтаксических и синтактико-семантических единицах // Г. Ш. Колшанский (ред.). Научная конференция «Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка». Тезисы докладов и сообщений (7–10 декабря). М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1965. С. 205–208.

О соотношении языковых подсистем // Л. В. Никольский и др. (ред.). Лингвистическая типология и восточные языки. М.: Наука, 1965. С. 235–238. *(Соавтор: Л. З. Сова).*

О типологии побудительных конструкций // Л. В. Никольский и др. (ред.). Лингвистическая типология и восточные языки. М.: Наука, 1965. С. 217–228. *(Соавторы: В. П. Недялков, Т. Н. Никитина).*

О характере оппозиции форм *катаба*/*йактубу* // Краткие сообщения Института Народов Азии 86, 1965. С. 155–163.

Опыт формального анализа глаголов, управляющих придаточным предложением с союзом *’анна* в современном литературном арабском языке // Г. Ш. Шарбатов (ред.). Семитские языки. Вып. 2, Ч. 2. М.: Издательство восточной литературы, 1965. С. 412–422.

Опыт формальной характеристики глаголов в современном литературном арабском языке по синтагматическим критериям // Народы Азии и Африки 1, 1965. С. 143–153.

Существует ли словоизменительная категория залога в арабском языке? (К вопросу о критериях разграничения глагольного словоизменения и глагольного словообразования) // Г. Ш. Шарбатов (ред.). Семитские языки. Вып. 2, Ч. 2. М.: Издательство восточной литературы, 1965. С. 395–411.

Рец. К. Ортун. К вопросу о категории времени // Народы Азии и Африки 6, 1965. С. 211–212.

1966

К вопросу об иерархической организации синтаксических структур // Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков. М.: Наука, 1966. С. 96–100.

1967

Аналитические конструкции и проблема типологического описания языков // З. Н. Левит и др. (ред.). Проблемы лексикологии и грамматики. Вып. 2. Минск: Минский ГПИИЯ, 1967. С. 40–49.

Синтезирующая модель абстрактных языковых синтаксических структур // Х. Рятсеп (ред.). Межвузовская конференция по порождающим грамматикам. Тезисы докладов. Тарту: Тартуский государственный университет, 1967. С. 122–125.

1969

Деривационные отношения в синтаксисе // Н. Д. Арутюнова (ред.). Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.: Наука, 1969. С. 138–147.

Каузативы и антикаузативы в чувашском языке // А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969. С. 238–259. *(Соавторы: Г. Е. Корнилов, А. А. Холодович)*.

Каузативы, антикаузативы и каузативные конструкции в финском языке // А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969. С. 221–237. *(Соавторы: А. П. Володин, А. А. Холодович)*.

Каузативы, антикаузативы и связанные с ними синтаксические конструкции в венгерском языке // А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969. С. 115–130. *(Соавторы: Л. Деже, А. А. Мокань)*.

Морфологический и аналитический каузативы в литературном арабском языке // А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969. С. 78–97.

Применение принципа деривации к описанию синтаксических структур предложений в тюркских языках // В. А. Исенгалиева и др. (ред.). Статистическое и информационное изучение тюркских языков. Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1969. С. 27–31. *(Соавтор: Д. М. Насилов)*.

Проблема доминации членов предложения и система абстрактных синтаксических структур // И. Ф. Вардуль и др. (ред.). Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. С. 187–200.

Синтаксические конструкции с каузативными глаголами в бацбийском языке // А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969. С. 98–114. *(Соавторы: А. А. Холодович, К. Т. Чрелашвили).*

Система абстрактных синтаксических структур // Проблемы моделирования языка 3, 3, 1969. С. 2–35. *(Соавтор: А. П. Володин).*

1970

Категория залога как одно из средств организации контекста // V Всесоюзный симпозиум по кибернетике. Тбилиси, 1970. *(Соавтор: И. Б. Долинина).*

Каузативные глаголы и каузативные конструкции в эскимосском языке // Вопросы языкознания 4, 1970. С. 102–110. *(Соавтор: Г. А. Меновщиков).*

Конструкции пассивного залога (определение и исчисление) // А. А. Холодович (ред.). Категория залога. Материалы конференции. Л.: Наука, 1970. С. 27–41.

Применение принципа деривации к описанию синтаксических структур предложения в тюркских языках // Советская тюркология 5, 1970. С. 25–35. *(Соавтор: Д. М. Насилов).*

Some theoretical problems of syntactic typology // L. Dezső, P. Hardú (eds.). Theoretical Problems of Typology and the Northern Eurasian Languages. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970. P. 75–92.

1971

Интерпретация морфологических форм падежа и залога как единой синтаксической категории // Р. Г. Пиотровский и др. (ред.). Автоматическая переработка текста методами прикладной лингвистики. Материалы Всесоюзной конференции (6–8 октября 1971 г.). Кишенев: Штиинца, 1971. С. 208. *(Соавтор: Д. М. Насилов).*

Некоторые проблемы синтаксической деривации (на материале конструкций с пассивно-каузативными глаголами в арабском

литературном языке) // Народы Азии и Африки 6, 1971. С. 88–100.

Пассивные конструкции (универсалии и типология) // В. Н. Ярцева (ред.). Универсалии и их место в типологических исследованиях. Мещаниновские чтения. Тезисы докладов. М., 1971. С. 16–17.

Типология пассивных конструкций // Вопросы семантики. Тезисы докладов. М., 1971.

1972

Активные и пассивные конструкции в языках эргативного строя // Вопросы языкознания 5, 1972. С. 34–41.

О пассивной деривации в узбекском языке // Советская тюркология 6, 1972. С. 40–49. *(Соавтор: Д. М. Насилов).*

1973

Очерки по общему и арабскому синтаксису. М.: Наука, 1973. — 290 с.

О типологии морфологических категорий глагола // В. Н. Ярцева (ред.). Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. Тезисы докладов. М., 1973. С. 36–39. *(Соавтор: А. П. Володин).*

Проблемы деривационной синтаксической теории и вопросы синтаксиса арабского языка. Автореф. дисс. … докт. филол. наук. ТГУ, Тбилиси, 1973.

Проблемы деривационной синтаксической теории и вопросы синтаксиса арабского языка. Дисс. … докт. филол. наук. ТГУ, Тбилиси, 1973.

Трансформация и деривация // С. К. Шаумян (ред.). Проблемы структурной лингвистики 1972. М.: Наука, 1973. С. 489–507.

Passive constructions (definition, calculus, typology, meaning) // F. Kiefer (ed.). Trends in Soviet theoretical linguistics. Dordrecht: D. Reidel, 1973. P. 59–75.

1974

Некоторые проблемы синтаксической типологии // Acta Universitatis Carolinae, Philologica 5, 1, 1974. С. 243–248.

Пассивные конструкции // А. А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций. Л.: Наука, 1974. С. 5–45.

Пассивные конструкции: определение, значение, исчисление, типология // В. М. Солнцев (ред.). Проблемы семантики. М.: Наука, 1974. С. 127–135.

Проблемы синонимии и конверсивности пассивных и активных конструкций // В. Н. Ярцева и др. (ред.). Универсалии и типологические исследования. Мещаниновские чтения. М.: Наука, 1974. С. 80–91.

Проблемы универсальной теории залога // В. Н. Ярцева (ред.). Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М.: ИЯ АН СССР, 1974. С. 66–70. *(Соавторы: Л. А. Бирюлин, И. Б. Долинина, Е. Е. Корди, Н. А. Козинцева, В. П. Недялков, М. А. Смирнова, А. А. Холодович).*

Роль грамматического залога в организации абзаца // Лингвистика текста. Материалы научной конференции. Ч. 2. М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1974. С. 130–133.

Diatheses and voice // L. Heilmann (ed.). Proceedings of the 11th International congress of linguists. 1. Bologna: Società editrice il Mulino, 1974. P. 631–635. *(Co-authors: A. A. Kholodovich, V. P. Nedjalkov).*

1975

Исчисление диатез // Диатезы и залоги. Тезисы конференции «Структурно-типологические методы в синтаксисе разносистемных языков». Л., 1975. С. 34–51.

Проблемы классификации синтаксических актантов // И. А. Печеркин, Ю. А. Левицкий (ред.). Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса. Ч. 2. Пермь: Пермский государственный университет, 1975. С. 274–281.

Типология морфологических категорий глагола // В. Н. Ярцева (ред.). Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. Тезисы докладов. М. — Л.: Наука, 1975. С. 170–196. *(Соавтор: А. П. Володин).*

Формальная характеристика и употребление пассивных конструкций в литературном арабском языке // Folia orientalia XVI, 1975. С. 13–36.

1976

Грамматика порядков и типологические исследования // Тезисы дискуссии «Типология как раздел языкознания». М.: Наука, 1976. С. 46–48. *(Соавтор: А. П. Володин).*

Семантизация синтаксиса и теория членов предложения // Проблемы синтаксической семантики. Материалы научной конференции. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1976. С. 46–51.

Синтаксическая типология (методы и средства) // Тезисы дискуссии «Типология как раздел языкознания». М.: Наука, 1976. С. 168–171.

Употребление пассивных конструкций в литературном арабском языке // Г. Ш. Шарбатов (ред.). Семитские языки. Вып. 3. М.: Наука, 1976. С. 162–168.

Zur Definition von Passivkonstruktionen // Studia grammatica XIII, 1976. P. 51–62.

1977

Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение) // В. С. Храковский (ред.). Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука, 1977. С. 42–54. *(Соавтор: А. П. Володин).*

Принципы типологического описания содержательных грамматических функций // Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания». Ч. 2. М.: Наука, 1977. С. 78–80.

Строевая глагольная лексика в литературном арабском языке // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции семитологов, посвященной памяти акад. Г. В. Церетели. Тбилиси, 1977. С. 110–111.

Функционально-типологическая характеристика императива // Советская тюркология 5, 1977. С. 3–12. *(Соавтор: А. П. Володин).*

Semantisation of syntax and desemantisation of the syntactic concepts of the theory parts of the sentence // Тезисы XII международного конгресса лингвистов, 1977.

Ред. Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука, 1977.

1978

Аспектуальные глаголы в арабском языке // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.: Наука, 1978. С. 133–139.

Залог и рефлексив // В. С. Храковский (ред.). Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978. С. 50–61.

Особенности строения императивной парадигмы в сопоставлении с индикативной. На материале агглютинативных языков // Советская тюркология 6, 1978. С. 3–11. *(Соавтор: А. П. Володин)*.

Active and passive constructions in languages with an ergative structure // Linguistics 16, 211, 1978. P. 69–78.

Ред. Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978.

1979

Синтаксическая деривация и словообразование // Словообразование и фразообразование. Тезисы докладов. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1979. С. 110–112.

Предисловие // А. А. Холодович. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. С. 3–7.

Фазовые значения и фазовые глаголы в литературном арабском языке // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1979.

Diathesis // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae 29, 3–4, 1979. P. 289–307.

Ред. А. А. Холодович. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979.

1980

Некоторые проблемы деривации взаимных конструкций // Л. Н. Мурзин и др. (ред.). Семантические аспекты слова и предложения. Пермь: Пермский университет, 1980. С. 54–62.

Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений // Ученые записки Тартуского государственного ун-та 537, 1980. С. 3–24.

О правилах выбора «вежливых» императивных форм (опыт формализации на материале русского языка) // Известия АН СССР. Серия литературы и языкознания 39, 3, 1980. С. 269–278.

Пассивные конструкции с результативным значением в арабском языке // Тезисы докладов советских ученых на 2 симпозиуме ученых социалистических стран. М.: ИВАН СССР, 1980.

Соотношение модальных и временных компонентов высказывания // Otázky slovanské syntaxe IV/2. Brno: UJEP, 1980. С. 33–39.

Типология классификаций морфем // Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980 г.). М.: Наука, 1980. С. 25–30. *(Соавтор: А. П. Володин).*

Флексия, фузия, агглютинация (к разграничению понятий) // Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980 г.). М.: Наука, 1980. С. 30–32. *(Соавтор: А. П. Володин).*

1981

Два аспекта синтаксической деривации // Научно-теоретическая конференция «Проблемы дериватологии». Тезисы докладов. Пермь: ПГУ, 1981. С. 34–37.

Диатеза и референтность (к вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокальных конструкций) // В. С. Храковский (ред.). Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. С. 5–38.

Некоторые особенности синтаксиса в национальной грамматической теории арабов // П. А. Грязневич и др. (ред.). Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч. II. Доклады и сообщения по арабистике. М.: Наука, 1981. С. 105–110.

Некоторые проблемы типологии императивных конструкций // Вопросы сравнительной типологии. Тезисы докладов. Ташкент, 1981. С. 64–66.

Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений // Studia gramatyczne IV, 1981.

Общие вопросы семантики конструкций с предикатным актантом // Материалы Всесоюзной конференции «Типологические методы в синтаксисе разносистемных языков». Л., 1981. С. 7–23. *(Соавтор: В. Б. Касевич).*

Проблемы функциональной типологии // Вопросы типологии. Ташкент, 1981.

Ред. Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. *(Соредакторы: Г. Г. Сильницкий, И. Б. Долинина и др.).*

1982

Арабский литературный язык // В. Б. Касевич, С. Е. Яхонтов (ред.). Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л.: ЛГУ, 1982. С. 292–305.

К проблеме типологического описания содержательных грамматических функций // В. М. Солнцев (ред.). Теоретические проблемы восточного языкознания. М.: Наука, 1982. С. 121–123.

Опыт анализа семантико-синтаксических свойств усилительной частицы *же* (*ж*) в императивных конструкциях // Ю. А. Левицкий (ред.). Семантика служебных слов. Пермь: Пермский университет, 1982. С. 23–33. *(Соавтор: А. П. Володин)*.

Синтаксический анализ предложений с точки зрения деривационной теории // Л. Н. Мурзин и др. (ред.). Теоретические аспекты деривации. Пермь: ПГУ, 1982. С. 44–53.

Соотношение понятий *вариантность*, *синонимичность*, *эквивалентность* // Вариантность как свойство языковой системы. Ч. 2. М.: Наука, 1982. С. 108–109.

1983

И. Ю. Крачковский и проблема связи арабского и общего языкознания // Всесоюзная конференция по проблемам арабской культуры памяти академика И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1983. С. 65–66.

Истоки вербоцентрической концепции предложения в русском языкознании XIX в. // Вопросы языкознания 3, 1983. С. 110–117.

Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики // В. С. Храковский (ред.). Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. Л.: Наука, 1983. С. 5–27. *(Соавтор: В. Б. Касевич)*.

Парадигма императивных форм (опыт исчисления) // Ученые записки Тартуского государственного университета 651, 1983. С. 3–20. *(Соавтор: А. П. Володин)*.

Результатив и пассив в арабском языке // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций: результатив, статив, пассив, перфект. Л.: Наука, 1983. С. 166–172.

Ред. Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами. Л.: Наука, 1983.

1984

Агглютинативные и фузионные языки // М. В. Панов (сост.). Энциклопедический словарь юного филолога. М.: Педагогика, 1984. С. 15–16.

Залог // М. В. Панов (сост.). Энциклопедический словарь юного филолога. М.: Педагогика, 1984. С. 104–106.

Классификации в типологических исследованиях // В. Н. Ярцева (ред.). Типы языковых общностей и методы их изучения. Тезисы. 3-я Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М.: ИЯ АН СССР, 1984. С. 157–159.

Консонантное письмо // М. В. Панов (сост.). Энциклопедический словарь юного филолога. М.: Педагогика, 1984. С. 134–135.

Слоговое письмо // М. В. Панов (сост.). Энциклопедический словарь юного филолога. М.: Педагогика, 1984. С. 291–292.

Трансформационная грамматика // М. В. Панов (сост.). Энциклопедический словарь юного филолога. М.: Педагогика, 1984. С. 309–310.

1985

Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века // С. Д. Кацнельсон и др. (ред.). Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л.: Наука, 1985. С. 124–180.

Некоторые особенности функциональной грамматики и ее единиц // Л. М. Васильев (ред.). Семантические категории языка и методы их изучения. Ч. 1. Уфа: Издательство Башкирского университета, 1985. С. 91–92.

От пропозиции к семантике предложения // В. С. Храковский (ред.). Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука, 1985. С. 9–17.

Парадигма русского императива // Ученые записки Тартуского государственного университета 719, 1985. С. 62–74. *(Соавтор: А. П. Володин).*

Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики // В. Н. Ярцева (ред.). Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука, 1985. С. 65–77.

A typology of morpheme classification // Acta Linguistica Academiae Scientiarium Hungaricae 35, 3–4, 1985. P. 197–211. *(Co-author: A. P. Volod'in).*

Ред. Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. Изд-е 3-е. М.: Наука.

Ред. Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука, 1985.

1986

Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986; М.: УРС, 2001. — 272 с. *(Соавтор: А. П. Володин, редактор: В. Б. Касевич)*

Семантические типы множества ситуаций (опыт классификации) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка 45, 2, 1986. С. 149–158.

Типологическая анкета для описания побудительных конструкций // А. В. Бондарко (ред.). Функционально-типологические проблемы грамматики. Ч. 2. Вологда: ВГПИ, 1986. С. 141–147.

Типология императива в финно-угорских и самодийских языках // Советское финно-угроведение 1, 1986. С. 18–24. *(Соавтор: А. П. Володин).*

1987

И. Ю. Крачковский и проблема связи арабского и общего языкознания // Проблемы арабской культуры. Памяти академика И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1987. С. 193–198.

Кратность // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 124–152.

Пассивные конструкции с результативным значением в арабском языке // S. Piłaszewicz, J. Tulisow (red.). Problemy Języków Azji i Afryki. Materiały II Międzynarodowego Sympozjum (Warszawa–Kraków, 10–15 listopada 1980). Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987. S. 283–289.

Повелительное предложение, семантика и типология // XIV. internationaler Linguistenkongreß. Abstracts der Sektionsvorträge und Rundtischgespräche. Berlin, 1987. S. 443. *(Соавтор: Л. А. Бирюлин).*

1988

Императивные формы НСВ и СВ в русском языке // Доклады Всесоюзной конференции по повелительности. Л., 1988.

Императивные формы НСВ и СВ в русском языке: проблема выбора // Л. А. Бирюлин и др. (ред.). Императив в разноструктурных языках. Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л., 1988. С. 140–143.

Императивные формы НСВ и СВ и их употребление // Russian Linguistics 12, 3, 1988. P. 269–292.

Периферийные пассивные конструкции в русском языке // Ученые записки Тартуского государственного университета 825, 1988. С. 65–77.

Типы соотношений между формами и синтаксическими функциями глагола // Б. Орузбаева (ред.). Тюркология-88. Материалы и сообщения V-й Всесоюзной Тюркологической конференции. Фрунзе: Илим, 1988. С. 205–206. *(Соавтор: Д. М. Насилов).*

Тюркский залог с позиций универсальной концепции диатез и залогов // Б. Орузбаева (ред.). Тюркология-88. Материалы и сообщения V-й Всесоюзной Тюркологической конференции. Фрунзе: Илим, 1988. С. 154–156.

Resultative and passive in Arabic // V. P. Nedjalkov, B. Comrie (eds.). Typology of Resultative Constructions. Amsterdam: John Benjamins, 1988. P. 327–339.

Ред. Императив в разноструктурных языках. Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л., 1988. *(Соредакторы: Л. А. Бирюлин, А. В. Бондарко).*

1989

Взаимодействие грамматических категорий (опыт анализа императивных форм глагола) // П. А. Эслон и др. (ред.). Взаимодействие языковых единиц и категорий в высказывании. Тезисы Осенней школы-семинара. Таллин: Таллинский педагогический институт, 1989. С. 62–66.

Полифункциональные глагольные формы // В. В. Климов и др. (ред.). Взаимодействие лексики и грамматики. Калинин: КГУ, 1989. С. 118–126.

Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989. С. 5–53.

Типы соотношений между формами и синтаксическими функциями глагола // Советская тюркология 4, 1989. С. 31–34. *(Соавтор: Д. М. Насилов)*.

Тюркский залог с позиций универсальной концепции диатез и залогов // Советская тюркология 5, 1989. С. 22–24.

Ред. Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.

1990

А. А. Холодович: Творчество и научная школа // В. С. Храковский (ред.). Типология и грамматика. М.: Наука, 1990. С. 5–20. *(Соавтор: А. К. Оглоблин)*.

Взаимодействие грамматических категорий глагола (опыт анализа) // Вопросы языкознания 5, 1990. С. 18–36.

Глагольные формы двойственного числа в русском языке? // В. Б. Крысько и др. (ред.). Всесоюзная научная конференция «Закономерности языковой эволюции». Рига: Латвийский университет, 1990. С. 49–50.

Диатеза // В. Н. Ярцева (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 135.

Залог // В. Н. Ярцева (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 160–161.

Императив и залог (к вопросу о взаимодействии граммем разных грамматических категорий) // Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский (ред.). Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 1. Грамматика и типология повелительных предложений. М.: Наука, 1990. С. 86–92.

Коммуникативные рамки повелительных высказываний // Функциональные, типологические и лингводидактические аспекты исследования модальности. Тезисы докладов конференции. Иркутск, 1990. С. 116–118.

Маркировка диатез (опыт исчисления) // В. М. Солнцев (ред.). Всесоюзная конференция по лингвистической типологии. Тезисы докладов. М.: Институт языкознания АН СССР, 1990. С. 183–184.

Наклонение и время (к вопросу о взаимодействии грамматических категорий) // Язык: система и подсистемы. М.: ИРЯЗ, 1990. С. 77–86.

Роль залога и падежа при маркировке изменения диатез // В. В. Климов и др. (ред.). Сопряженность грамматических категорий. Калинин: КГУ, 1990. С. 112–124.

Типологическая составляющая эволюционного процесса // В. М. Солнцев (ред.). Всесоюзная конференция по лингвистической типологии. Тезисы докладов. М.: Наука, 1990. С. 25–27. *(Соавтор: Л. А. Бирюлин)*.

Ред. Типология и грамматика. М.: Наука, 1990. *(Соредакторы: Л. А. Бирюлин, И. Ф. Вардуль)*.

Ред. Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. I. Грамматика и типология повелительных предложений. Ч. II. Семантика и прагматика повелительных предложений. М.: Наука, 1990. *(Соредактор: Л. А. Бирюлин)*.

1991

Группа типологического изучения языков ЛО Института языкознания АН СССР: теоретическая программа, исследовательские принципы, рабочие приемы // Вопросы языкознания 4, 1991. С. 96–108. *(Соавтор: А. К. Оглоблин)*.

Деривационный синтаксис и его исходные единицы // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике. Тезисы докладов. Пермь: ПГУ, 1991. С. 47–49.

Парадигма славянского императива с общетипологических позиций // H. Běličova et al. (red.). Problemy teoretyczno-metodologiczne badań konfrontatywnych języków slowiańskich [Prace Slawistyczne 89]. Warszawa: Zaklad Wydawn, 1991. S. 25–48. *(Соавтор: Л. А. Бирюлин)*.

Пассивные конструкции // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 141–180.

Русская императивная парадигма с эволюционной и типологической точек зрения // Семантические и парадигматические аспекты высказывания. Новосибирск: НГПИ, 1991. С. 37–45.

Типология классификаций морфем // Морфема и проблемы типологии. М.: Наука, 1991. С. 108–135. *(Соавтор: А. П. Володин)*.

Условные конструкции // Л. А. Бирюлин и др. (ред.). Категории грамматики в их системных связях в теоретическом и лингводидактическом аспектах. Тезисы докладов конференции (Вологда, 13–14 июня 1991 г.). Вологда: Вологодский государственный педогогический институт, 1991. С. 103–107.

Формальная маркировка изменения диатез // M. Grochowski, D. Weiss (eds.). Words are Physicians for an Ailing Mind. München: Verlag Otto Sagner, 1991. P. 495–501.

Ред. Категории грамматики в их системных связях: В теоретическом и лингво-дидактическом аспектах. Тезисы докладов конференции (Вологда, 13–14 июня 1991 г.). Вологда, 1991. *(Соредакторы: Л. А. Бирюлин, А. В. Бондарко, С. М. Кибардина).*

Ред. Типология грамматических категорий. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (Ленинград, май 1991 г.). Л., 1991. *(Соредактор: Л. А. Бирюлин).*

1992

Ограничения в системе семантических интерпретаций повелительных предложений // И. П. Матханова (ред.). Модальность в ее связях с другими категориями. Новосибирск: НГПИ, 1992. С. 5–13.

Повелительные предложения: проблемы теории // В. С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 5–50. *(Соавтор: Л. А. Бирюлин).*

Типологическая анкета для описания повелительных конструкций // В. С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 50–54.

Условные конструкции в славянских языках (проблемы типологического анализа) // Т. Н. Молошная и др. (ред.). Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков. Тезисы докладов и сообщений межреспубликанской конференции (октябрь 1992 г.). М.: ИСБ РАН, 1992. С. 47–48.

Ред. Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992.

1993

Неизвестный Трубецкой (идеи ученого в области морфологии русского глагола) // А. М. Панченко и др. (ред.). Н. С. Трубецкой и современная филология. М.: Наука, 1993. С. 236–247.

Условные конструкции в славянских языках (семантика, типология) // Н. И. Толстой (ред.). Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1993. С. 278–290.

The Kholodovich school of linguistic typology: 1961–1991 // The Petersburg Journal of Cultural Studies 1, 2–3, 1993. С. 125–143; С. 113–126. *(Соавтор: А. К. Оглоблин).*

Review. Corbett, Greville G.: Gender. Cambridge University Press, 1991 (P. 363) // Russian Linguistics 16, 2–3, 1992/1993. P. 315–323. *(Соавтор: А. П. Володин).*

1994

Альтернативные решения в языкознании (проблема выбора) // Acta Universitatis scientiarum, socialum et artis educandi Tallinnensis. A. 2. Humaniora. Contrastive linguistics. Tallinn: TPÜ, 1994. С. 19–26.

Квазиимператив или условное деепричастие // Э. Ведель (ред.). Русский язык и литература в современном диалоге культур. VIII Международный конгресс МАПРЯЛ. Тезисы докладов. Регенсбург, 1994. С. 18–19.

Роль теории в грамматическом описании // Вестник МГУ. Серия 9. Филология 6, 1994. С. 21–25.

Типология условных конструкций в арабском литературном языке // В. П. Леонов (ред.). Россия и арабский мир. СПб.: Ноах, 1994. С. 22–29.

Условные конструкции (материалы к анкете) // Л. Станишева, Р. Ницолова (съст.). Грамматика и семантика на славянските езици в комуникативен аспект. София: Св. Климент Охридски, 1994. С. 65–75.

Условные конструкции: взаимодействие кондициональных и темпоральных значений // Вопросы языкознания 6, 1994. С. 129–139.

1995

Взаимодействие модальных и временных значений в условных конструкциях // Тезисы XXIV зональной конференции литературоведческих кафедр университетов и пединститутов Поволжья. Ч. 1. Лингвистика. Тверь: ТГУ, 1995. С. 41–42.

Исчисляющие классификации в типологии // И. М. Кобозева (ред.). Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы Международной конференции. М.: МГУ, 1995. С. 531–535.

Сколько деепричастий в русском языке? // Тезисы докладов Международной юбилейной сессии к 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова. М., 1995. С. 127–128.

Статус сирконстантов в синтаксической структуре предложения // С. Кароляк (ред.). Семантика и структура славянского вида. T. I. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1995. С. 183–193.

Типология глагольных форм в условных конструкциях // Тезисы Международного семинара «Глагол и его категории». Хельсинки, 1995.

1996

Анафора в условных конструкциях // M. Grochowski (red.). Anafora w strukturze tekstu. Warszawa: Energeia, 1996. С. 65–70.

Анкета для описания условных конструкций (вводные замечания) // Вопросы языкознания 6, 1996. С. 49–71. С. 49–71.

Анкета для описания условных конструкций // Н. Г. Беспятых, Ю. Н. Беспятых, Г. Н. Нурышев (ред.). Studia Humanistica. СПб.: Блиц, 1996. С. 191–206.

Взаимодействие лично-числовой парадигмы глагола и его модели управления при пассивном преобразовании // А. В. Бондарко и др. (ред.). Взаимодействие грамматических категорий в языке и речи. Тезисы докладов конференции (Вологда, 27–29 сентября 1996 г.). Вологда: Русь, 1996. С. 71–72.

Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // А. В. Бондарко (ред.). Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Д. Буланин, 1996. С. 22–42.

Исчисляющие классификации в типологии // Вопросы языкознания 3, 1996. С. 42–54.

Исчисляющие классификации в типологии // Д. П. Бак, А. Ю. Militарев, А. С. Смирнов (сост.). Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Филология. Литературоведение. Культурология. Лингвистика. М., 1996. С. 215–223.

Определение сложного предложения и опыт типологии условных конструкций // А. К. Оглоблин и др. (ред.). Сложное предложение и сходные грамматические конструкции в языках Азии

и Африки. Материалы научной конференции, посвященной памяти А.А. Холодовича (1906–1977), лингвиста-теоретика и профессора Восточного факультета. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 83–89.

Потенциальность/ирреальность: оппозиция и/или шкала значений в условных конструкциях // Л. В. Сахарный (ред.). Семантика и коммуникация. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 19–27.

Творческие контакты Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого // С. И. Гиндин, Н. П. Гринцер, Е. П. Шумилова (ред.). Материалы Международного конгресса «100 лет Р. О. Якобсону». М.: РГГУ, 1996. С. 45–46.

Условные конструкции (опыт исчисления) // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 175–213.

Условные конструкции в русском и немецком языках (опыт типологического анализа) // W. Gladrow, S. Heyl (Hrsg.). Slawische und deutsche Sprachwelt. Typologische Spezifika der slavischen Sprachen im Vergleich mit dem Deutschen [Berliner Slawistische Arbeiten 1]. Frankfurt am Main — Berlin — Bern — New York — Paris — Wien: Peter Lang, 1996. S. 34–46.

Ред. Взаимодействие грамматических категорий в языке и речи. Тезисы докладов конференции (Вологда, 27–29 сентября 1996 г.). Вологда: Русь, 1996. *(Соредакторы: А. В. Бондарко, С. М. Кибардина, Н. А. Козинцева и др.)*.

1997

Грамматические категории и их взаимодействие // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы международной конференции. Владимир: ВГПУ, 1997. С. 258–259.

Материалы к анкете для описания уступительных конструкций. Общие проблемы // П. Эслон (ред.). Функции и взаимодействие языковых единиц в тексте. Материалы девятого осеннего семинара (Арбавере, 11–13 октября 1997 г.). Tallinn: TPÜ, 1997.

Морфологическая парадигма и ее границы // Морфемика. Принципы сегментации, отождествления и классификации морфологических единиц. СПб.: СПбГУ, 1997. С. 212–221. *(Соавторы: А. С. Асиновский, А. П. Володин)*.

Мультипликатив и семельфактив (типологическое описание) // Типология вида: проблемы, поиски, решения. Тезисы международной научной конференции. М.: МГУ, 1997. С. 89–90.

Мультипликативы и семельфактивы (проблема видовой пары) // С. Кароляк (ред.). Семантика и структура славянского вида. Т. II. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1997. С. 227–239.

Ответ на анкету // М. Ю. Черткова (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 2. М.: МГУ, 1997. С. 210–216.

Понятийная база и опыт классификации семантических типов множества ситуаций // М. Ю. Черткова (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 2. М.: МГУ, 1997. С. 128–139.

Semantic types of the plurality of situations and their natural classification // Typology of Iterative Constructions. München — Newcastle: Lincom Europa, 1997. P. 3–64.

Ed. Typology of Iterative Constructions. München — Newcastle: Lincom Europa, 1997.

1998

Анкета для описания условных конструкций // В. С. Храковский (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 97–128.

Вербоидные функции арабского имперфекта // И. В. Следзевский, Д. М. Бондаренко (ред.). Африка: общества, культуры, языки. Материалы выездной секции Научного совета по проблемам Африки (Санкт-Петербург, 5–7 мая 1998 г.). М., 1998.

Восточные языки в типологических исследованиях // А. Г. Белова и др. (ред.). Языки Азии и Африки: традиции, современное состояние и перспективы исследований. Материалы научной конференции. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 125–127.

Две концепции русского императива // E. Hajičová (ed.). Issues of Valency and Meaning. Studies in Honor of Jarmila Panevov. Prague: Karolinum Charles Univ. Press., 1998. P. 197–204.

Мультипликативы и семельфактивы (проблемы видовой пары) // М. Я. Гловинская (ред.). Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 382–393.

Понятие сирконстанта и его статус // Семиотика и информатика 36, 1998. С. 141–153.

Проблемы типологии родственных языков (на материале условных конструкций в славянских языках) // О. Н. Трубачев (ред.). Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов (Краков, 1998 г.). Доклады российской делегации. М.: Наука, 1998. С. 556–568.

Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // В. С. Храковский (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 7–96.

Типология семельфактива // М. Ю. Черткова (ред.). Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 485–490.

Уступительные предложения в системе импликативных конструкций // Jazykovědné aktuality informativni zpravodaj českých yazykovědců XXXV, 1998. S. 76–80.

Уступительные предложения в системе импликативных конструкций // А. В. Бондарко (ред.). Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб.: Наука, 1998. С. 79–89.

Школа А. А. Холодовича (Лаборатория типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН: теоретическая программа, исследовательские принципы, рабочие приемы) // Язык и речевая деятельность 1. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 151–173. *(Соавтор: А. К. Оглоблин).*

Ред. Н. В. Юшманов Избранные труды. Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии. М.: Восточная литература, 1998.

Ред. Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб.: Наука, 1998. *(Соредакторы: А. В. Бондарко, Н. А. Козинцева, Е. В. Андреева).*

Ред. Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998.

1999

Теория языкознания. Русистика. Арабистика. СПб.: Наука, 1999. — 448 с.

Корреляционная система глагольных признаков в современном литературном арабском языке // Г. Г. Сильницкий (ред.). Корреляционная типология глагольных систем индоевропейских и иноструктурных языков. Смоленск: СГПУ, 1999.

Параметры таксиса // С. А. Шубик (ред.). Система языка и структура высказывания. Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения Владимира Григорьевича Адмони (1909–1993). СПб.: Наука, 1999. С. 12–14.

Р. О. Якобсон и Н. С. Трубецкой: творческие контакты // Х. Баран, С. И. Гиндин (ред.). Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 341–347.

Универсальные уступительные конструкции // Вопросы языкознания 1, 1999. С. 103–122.

Уступительные конструкции с союзом *хотя* // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. II. Прагматический аспект языка. Тарту, 1999. С. 245–254.

2000

Взаимодействие залога с лицом и числом при пассивном преобразовании // Е. В. Красильникова (ред.). Фортунатовский сборник: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Московской лингвистической школы, 1897–1997 гг. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 125–133.

Диатезы и залоги (тридцать лет спустя) // Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). Слово в тексте и в словаре (Сборник статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 466–474.

Категориальный статус перфекта в литературном арабском языке // И. М. Стеблин-Каменский и др. (ред.). Арабистика и семитология в третьем тысячелетии. Тезисы участников конференции кафедр арабистики и семитологии Ереванского, Московского, Санкт-Петербургского, и Тбилисского университетов (26–28 июня 2000 г.). СПб.: СПбГУ, 2000.

Опыт анализа универсальных уступительных конструкций // А. В. Бондарко, С. А. Шубик (ред.). Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. С. 135–163.

Параметры категории таксиса // Л. А. Кузьмин (ред.). Язык. Глагол. Предложение. К 70-летию Георгия Георгиевича Сильницкого. Смоленск: Смоленский государственный педагогический университет, 2000.

Русский вид с типологической точки зрения // В. Ю. Гусев, И. А. Муравьева, В. И. Подлесская, Н. Р. Сумбатова (ред.). Вторая зимняя типологическая школа. Материалы международной школы-семинара молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии. М.: РГГУ, 2000. 191–194.

2001

A typological questionnaire on imperative constructions // V. S. Xrakovskij (ed.). Typology of Imperative Constructions [Lincom Studies in Theoretical Linguistics 9]. München: Lincom Europa, 2001. P. 51–77.

Hortative constructions // M. Haspelmath, E. Konig, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Language Typology and Language Universals. An International Handbook. V. 2. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 2001. P. 1028–1038.

Imperative sentences: theoretical problems // V. S. Xrakovskij (ed.). Typology of Imperative Constructions [Lincom Studies in Theoretical Linguistics 9]. München: Lincom Europa, 2001. P. 3–50. *(Co-author: L. A. Birjulin).*

Дуалис в императиве (архаика и новации) // A. Kiklevič (Hrsg.). Quantität und Graduierung in der natürlichen Sprache [Die Welt der Slaven. Band 11]. München: Verlag Otto Sagner, 2001. S. 191–200.

Классификация таксисных конструкций: валентностный таксис, невалентностный таксис, фоновый таксис // Язык и речевая деятельность 4, 1, 2001. С. 42–56.

О взаимодействии грамматических категорий // Д. С. Лихачев (ред.). Язык, литература, эпос. Сборник статей к столетию со дня рождения академика В. М. Жирмунского. СПб.: Наука, 2001. С. 218–223.

Семантика основных значений СВ и НСВ в русском языке // V. S. Chrakovskij, M. Grochovski, G. Hentschel (eds.). Studies on the Syntax and Semantics of Slavonic Languages. Papers in Honour of Andrzej Bogusławski on the Occasion of his 70th Birthday

[Studia Slavica Oldenburgensia 9]. Oldenburg: Biblioteks- und Informationssystem der Universität Oldenburg, 2001. P. 89–108.

Таксис (история вопроса, определение и типология форм) // A. Barentsen, Y. Poupynin. (eds.). Functional Grammar: Aspect and Aspectuality. Tense and Temporality. Essays in honour of Alexander Bondarko [Lincom Studies in Theoretical Linguistics 23]. München: Lincom Europa, 2001. P. 133–142.

Таксисные конструкции (опыт классификации) // А. В. Бондарко (ред.). Теоретические проблемы грамматики. Материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 26–28 сентября 2001 г.). СПб.: Наука, 2001. С. 109–112.

Eds. Studies on the Syntax and Semantics of Slavonic Languages. Papers in Honour of Andrzej Bogusławski on the Occasion of his 70th Birthday [Studia Slavica Oldenburgensia 9]. Oldenburg: Biblioteks- und Informationssystem der Universität Oldenburg, 2001. P. 89–108. *(Co-editors: M. Grochovski, G. Hentschel).*

Ed. Typology of Imperative Constructions [Lincom Studies in Theoretical Linguistics 9]. München: Lincom Europa, 2001.

2002

Русский язык в зеркале типологии: новации в императивной парадигме // Русский язык в научном освещении 2, 2002. С. 91–101.

Семантика вида (опыт исчисления) // Основные проблемы русской аспектологии. СПб.: Наука, 2002. С. 190–201.

Таксис // В.И. Подлесская (ред.). Третья зимняя типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии (Московская область, 29 января — 6 февраля 2002 г.). Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2002. С. 275–281.

Таксис: «нестандартные» способы выражения // О. М. Буранок, Е. П. Пронина, Е. С. Скобликова и др. (ред.). Языковые средства в системе, тексте и дискурсе. Памяти Александра Николаевича Гвоздева. Ч. 1. Самара: Самарский университет, 2002.

Таксисные конструкции со специализированными и неспециализированными глагольными формами // I. Łuczków, J. Sokołowski (red.). Wyraz i zdanie w jenzykach slowianskich. 3 [Slavica Wratislaviensia 117]. Wroclaw: Wydawnictwu Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. S. 109–123.

2003

Valenz und Sprachtypologie // V. Agel, L. M. Eichinger, H. W. Eroms, P. Hellwig, H. J. Heringer, H. Lobin (eds.). Dependenz und Valenz / Dependency and Valency. Ein internationals Handbuch der zeitgenössischen Forschung. An International Handbook of Contemporary Research. V. 1. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 2003. S. 444–457.

Буквально два слова о слове *буквально* // И. Кюльмоя (ред.). Языковые функции: семантика, синтактика, прагматика [Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. Т. VIII]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003. С. 282–291.

Возрождение дуализа в русском императиве // Z. Rudnik-Karwatowa. Procesy innowacyjne w językach słowiańskich [Prace Slawistyczne 114]. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2003. S. 17–24.

Грамматические категории глагола: связи и взаимодействие // В. С. Храковский (ред.). Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2003 г.). СПб.: Наука, 2003. С. 156–164.

Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания 2, 2003. С. 32–54.

Русский императив: проблема инвариантного значения (схолии на полях работы Н. В. Перцова «К проблеме инвариантного грамматического значения») // А. В. Бондарко (ред.). Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность. СПб.: Наука, 2003. С. 236–250. *(Соавтор: А. П. Володин).*

Таксис следования (опыт описания конструкций с именем ситуации, вводимым предлогом *накануне*) // W. Banyś et al. (réds). Etudes linguistiques romano-slaves offertes à Stanisław Karolak. Cracovie: Edukacja, 2003.

Типологические отличия русского языка от других славянских языков // А. М. Молдован (ред.). Славянское языкознание. XIII международный съезд славистов. М.: Индрик, 2003. С. 564–575.

Ред. Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2003 г.). СПб.: Наука, 2003.

2004

Анкета для описания уступительных конструкций // В. С. Храковский (ред.). Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука, 2004. С. 559–590.

Кондиционал в славянских языках // В. Б. Касевич (ред.). Петербургское лингвистическое общество. Научные чтения — 2003. Материалы конференции. СПб.: Филологический факультет, 2004. С. 155–161.

Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы — испытание временем) // В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 505–519.

Предлоги *до*, *перед* и *накануне* в таксисных конструкциях следования // Л. А. Вербицкая (ред.). Теоретические проблемы языкознания. Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета. СПб.: Филологический факультет, 2004. С. 298–317.

Таксис в простом предложении (конструкции с предлогами *после* и *до*) // Ю. Д. Апресян (ред.). Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д.Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 355–367.

Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология // В. С. Храковский (ред.). Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука, 2004. С. 9–91.

Ред. 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. *(Соредакторы: А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко).*

Ред. Е. Е. Корди. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Ред. Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука, 2004.

2005

A questionnaire on conditional constructions // V. S. Xrakovskij (ed.). Typology of Conditional Constructions. Lincom Studies in Theoretical Linguistics. München: Lincom GmbH, 2005. P. 96–125.

Conditional constructions: a theoretical description (meaning, calculus, typology) // V. S. Xrakovskij (ed.). Typology of Conditional Constructions. Lincom Studies in Theoretical Linguistics. München: Lincom GmbH, 2005. P. 3–95.

The concept of diatheses and voices in early XXI century // Ю. Д. Апресян, Л. Л. Иомдин (ред.). Восток-запад. Вторая международная конференция по модели «Смысл ⇔ Текст». М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 529–537.

Адмиратив в русском языке (вводное слово *оказывается* и его функции в высказывании) // В. Н. Топоров (ред.). Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С.180–190.

Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении 1, 2005. С. 46–59.

О соотношении эвиденциальности и эпистемической модальности // А. П. Выдрин и др. (ред.). Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы докладов (Санкт-Петербург, 3–5 ноября 2005 г.). СПб.: Наука, 2005. С. 163–183.

Таксис следования в современном русском языке // А. В. Бондарко (ред.). Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005. С. 29–85.

Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология // В. С. Храковский (ред.). Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука, 2005. С. 9–91.

Эвиденциальность и (ад)миративность: одна или две категории // Б. Ристовски и др. (уред.). Делото на Крсте Мисирков. Зборник од Меѓународниот научен собир по повод стогодинишнината од излегувањето на книгата «За македонците работи» (Скопје, 27–29 ноември 2003 г.). Т. II. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2005. С. 121–132.

Эвиденциальность и эпистемическая модальность // В. И. Подлесская (ред.). Четвертая типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии (Ереван. 21–28 сентября 2005 г.). Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2005. С. 347–348.

Эвиденциальность и эпистемическая модальность // B. Hansen, P. Karlík (eds.). Modality in Slavonic Languages. New Perspectives. München: Verlag Otto Sagner, 2005. S. 87–94.

Ed. Typology of Conditional Constructions. Lincom Studies in Theoretical Linguistics. München: Lincom GmbH, 2005.

2006

Аспектологические заметки // В. Б. Касевич, И. В. Мурин, В. Н. Троян (ред.). Филология. Русский язык. Образование. Сборник статей, посвященный юбилею проф. Л. А. Вербицкой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 202–213.

Взаимодействие лексики и грамматики // И. П. Кюльмоя (ред.). Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии, Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц. Тарту, 2006.

Взаимодействие лексики и грамматики // Вестник Российского государственного научного фонда 3, 2006. С. 149–158.

Вид и таксис (деепричастие СВ и союз *пока* на шкале таксисных значений) // Ф. Леманн (ред.). Глагольный вид и лексикография: Семантика и структура славянского вида IV. München: Verlag Otto Sagner, 2006. С. 367–384.

Какие в сегодняшней России бывают цены? // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований II, 3, 2006. С. 86–89.

Классификация таксисных конструкций // В. С. Храковский, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика (ред.). Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 168–172.

Ред. Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича (Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г.). СПб.: Нестор-История, 2006. *(Соредакторы: С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика).*

2007

Грамматический потенциал глагольной лексемы // Зборник Матице српске за славистику 71–72, 2007. С. 73–88.

Два глагола — *наклониться* и *нагнуться* (К вопросу о соотношении глаголов, обозначающих стандартные и нестандартные положения тела человека) // М. В. Ляпон и др. (ред.). Язык как материя смысла. Сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007. С. 314–328.

О зависимом/независимом статусе ситуаций // М. Д. Воейкова и др. (ред.). Типология языка и теория грамматики. Материалы

Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона (27–30 ноября 2007 г.). СПб.: Нестор-История, 2007. С. 199–202.

Петербургская типологическая школа // Г. Г. Сильницкий (ред.). Филологические школы и их роль в систематизации научных исследований. Вестник Смоленского государственного университета. Серия 1: Филология. Т. 1. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2007. С. 74–90. *(Соавтор: А. К. Оглоблин).*

Трансформационный потенциал деепричастных таксисных конструкций и семантика глаголов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований III, 1, 2007. С. 285–302.

Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // В. С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 600–632.

Ред. Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб.: Наука, 2007.

2008

Грамматика акциональных классов // А. В. Бондарко (ред.). Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. СПб.: Наука, 2008. С. 49–114. *(Соавторы: А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко).*

Есть ли у повелительного и условного значения общие компоненты? // Z. Komati (Hrsg.). Bulgaristica – studia et argumenta. Festschrift für Ruselina Nitsolova zum 65. Geburststag. [Specimina Philologiae Slavicae. Band 151]. München: Verlag Otto Sagner, 2008. С. 89–96.

От лексики к грамматике // A. Nagorko, S. Heye, E. Traf (Hrsg.). Sprache und Gesellschaft. Festshcrift für Wolgang Gladrow [Berliner Slawistische Arbaiten 33]. Frankfurt am Main. Berlin, Bern, Bruxells, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2008.

Похвальное слово диатезе // Р. И. Розина, Г. И. Кустова, А. В. Бондарко (ред.). Динамические модели. Слово, предложение, текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 879–895.

Таксис // А. М. Молодован (ред.). Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. М.: Индрик, 2008. С. 516–539.

Таксисная конструкция с лексической единицей *в … бытность* // Русский язык в научном освещении 1, 2008. С. 174–190. *(Соавтор: К. А. Крапивина)*.

Эвиденциальность и эпистемическая модальность (сопоставительный анализ русского и болгарского языков) // B. Wiemer; V. A. Plungjan (Hrsg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen [Wiener slawistischer Almanach 72]. München — Wien: Verlag Otto Sagner, 2008. С. 95–107.

2009

Залог: изменение традиционных представлений во второй половине XX века // М. Д. Воейкова (ред.). Научное наследие Владимира Григорьевича Адмони и современная лингвистика. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. Г. Адмони (9–13 ноября 2009 г.). СПб.: Нестор-История, 2009. С. 265–268.

Таксис: семантика, синтаксис, типология // В. С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 11–113.

Ред. Е. Е. Корди. Оптатив и императив во французском языке. СПб.: Нестор-История, 2009.

Ред. Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009.

2010

Арабский глагол: взаимодействие семантики и морфологии // В. Ф. Выдрин и др. (ред.). Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти Владимира Петровича Недялкова. М: Знак, 2010. С. 355–368.

Арабский глагол: нетривиальная деривация // Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев (ред.). Россия и арабский мир. К 200-летию профессора Санкт-Петербургского университета Шейха ат-Тантави (1810–1861). Материалы конференции (2–3 ноября 2010 г.). СПб.: Восточный факультет СПбГУ, 2010. С. 260–262.

О зависимом/независимом статусе ситуаций // Т. М. Николаева (ред.). Исследования по лингвистике и семиотике. Сборник статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 251–259.

Повышающая актантная деривация (нетривиальный случай) // В. З. Демьянков, В. Я. Порохомовский (ред.). В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. Сборник статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 44–53.

Ред. Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти В. П. Недялкова. М.: Знак, 2010. *(Соредакторы: В. Ф. Выдрин, С. Ю. Дмитренко, С. С. Сай, Н. М. Заика, Н. Р. Сумбатова).*

2011

Иерархия и взаимодействие грамматических категорий русского глагола: вид, время, наклонение // Грамматика и лексика у словенским језицима. Зборник радова с међународног симпозијума. Нови Сад — Београд, 2011. С. 213–214.

Каузативная деривация (особый случай) // С. Ю. Дмитренко, А. К. Оглоблин, Н. М. Спатарь, В. С. Храковский (ред.). Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы. Материалы и тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 184–192.

Петербургская типологическая школа // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы. Материалы и тезисы докладов. СПб., 2011. С. 9–16. *(Соавтор: А. К. Оглоблин).*

Повторительные значения НСВ: итеративное, хабитуальное, узуальное // М. Д. Воейкова (ред.). Системные связи в грамматике и тексте. Материалы чтений памяти Ю. А. Пупынина (30 апреля 2010 г.). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 13–24.

Сколько контекстно-обусловленных значений у глаголов НСВ в русском языке? // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. III Конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Падуя 30 сентября – 4 октября 2011 г.). Падуя, 2011. С. 21–23.

Ред. Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2011. *(Соредакторы: С. Ю. Дмитренко, А. К. Оглоблин, Н. М. Спатарь).*

2012

Вербоцентрический подход к конструкциям и (или) грамматика конструкций // Ю. Д. Апресян и др. (ред.). Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 288–300.

Взаимодействие грамматических категорий: вид, время, наклонение // М. Д. Воейкова (ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 539–561.

Видовые значения финитных и нефинитных форм глаголов нестандартных пространственных положений // Материалы II Международного научного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире». М.: МАКС Пресс, 2012. С. 27. *(Соавтор: С. Ю. Дмитренко)*

Глаголы, обозначающие переходы из одного стандартного положения тела человека в другое // М. В. Ляпон и др. (ред.). Человек о языке, язык о человеке. Сборник статей памяти академика Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2012. С. 355–368. *(Соавтор: С. Ю. Дмитренко)*

Грамматические глагольные ТАМ-категории: вид, время, наклонение (иерархия и взаимодействие) // Известия Смоленского государственного университета 2 (18), 2012. С. 104–137.

Петербургская типологическая школа // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. СПб: Наука, 2012. С. 3–24. *(Соавтор: А. К. Оглоблин)*.

Hierarchy and interaction of Russian verb categories (aspect, tense, mood) // Scando-Slavica Journal 58, 1, 2012. P. 49–76.

Ed. Typology of Concessive Constructions. Lincom Studies in Theoretical Linguistics. München: Lincom GmbH, 2012.

2013

Грамматика и лексика: пограничная зона // XV Міжнародны з’езд славістаў (Мінск, Беларусь, 20–27 жніўня 2013 г.). Т. 1. Мовазнаўства. Мінск, 2013. С. 161–162.

Грамматика и лексика: пограничная зона // Славянское языкознание. XV международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 452–464.

О специфике значений, которые могут параллельно выражаться как лексическими, так и грамматическими средствами // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований IX, 3, 2013. С. 11–22.

Проблемы семантической и таксономической классификации предикатов (сопоставительный анализ глаголов, обозначающих стандартные и нестандартные положения тела человека) // А. В. Бондарко, В. В. Казаковская (ред.). Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 149–192. *(Соавтор: С. Ю. Дмитренко)*

2014

Два подхода к анализу синтаксических конструкций: «лексико-семантический» и «конструкционный» (опыт сопоставления) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН X, 2, 2014. С. 25–40.

Список составлен В. А. Стегнием и М. А. Холодиловой

Сведения об авторах

Петр Михайлович Аркадьев — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН, доцент Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, Москва. Электронная почта: peterarkadiev@yandex.ru.

Адриан Барентсен — Dr., приглашенный исследователь при кафедре славянских языков и культур Амстердамского университета, Амстердам. Электронная почта: a.a.barentsen@uva.nl.

Анна Григорьевна Белова — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва. Электронная почта: himyarit@yandex.ru.

Александр Владимирович Бондарко — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: abondarko@gmail.com.

Бьёрн Вимер — Dr. habil., профессор Института славистики Университета Иоганна Гутенберга, Майнц. Электронная почта: wiemerb@uni-mainz.de.

Мария Дмитриевна Воейкова — доктор филологических наук, заведующая отделом теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: maria.voeikova@gmail.com.

Арсений Павлович Выдрин — кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: senjacom@gmail.com.

Эмма Ширязда́новна Генюшене — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории типологического

изучения языков Института лингвистических исследований РАН. Электронная почта: geniu.emma@gmail.com.

Елена Викторовна Горбова — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: elena-gorbova@yandex.ru.

Валентин Юрьевич Гусев — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН. Электронная почта: vgoussev@yandex.ru.

Наталья Михайловна Заика — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: zaika.nat@gmail.com.

Надежда Витальевна Зорихина-Нильссон — PhD, профессор кафедры славянских языков Стокгольмского университета, Стокгольм. Электронная почта: nadja@slav.su.se.

Николай Николаевич Казанский — доктор филологических наук, академик РАН, директор Института лингвистических исследований РАН. Электронная почта: nkazansky@iling.spb.ru.

Вадим Борисович Касевич — доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: vadim.kasevich@gmail.com.

Юрий Павлович Князев — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: kyp@mail.natm.ru.

Елена Евгеньевна Корди — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: kordi2005@mail.ru.

Александр Борисович Летучий — кандидат филологических наук, доцент факультета филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Института русского языка РАН, Москва. Электронная почта: alexander.letuchiy@gmail.com.

Тимур Анатольевич Майсак — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела кавказских языков Института языкознания РАН, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: timur.maisak@gmail.com.

Андрей Львович Мальчуков — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, приглашенный профессор кафедры английского языка и лингвистики Университета Иоганна Гутенберга, Майнц. Электронная почта: malchuko@uni-mainz.de.

Игорь Александрович Мельчук — кандидат филологических наук, заслуженный профессор кафедры лингвистики и перевода Монреальского университета, Монреаль. Электронная почта: igor.melcuk@umontreal.ca.

Солмаз Рамазановна Мерданова — доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики и межкультурных коммуникаций факультета иностранных языков Московского городского психолого-педагогического университета, ведущий научный сотрудник отдела кавказских языков Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: merdanov@rambler.ru.

Игорь Владимирович Недялков — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: igor_nedjalkov@mail.ru.

Татьяна Владимировна Никитина — PhD, профессор факультета филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: tnikitina@hse.ru.

Александр Константинович Оглоблин — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: oak020139@mail.ru.

Елена Викторовна Падучева — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Всероссийского института научной и технической информации РАН, Москва. Электронная почта: elena.paducheva@yandex.ru.

Владимир Александрович Плунгян — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: plungian@iling-ran.ru.

Вера Исааковна Подлесская — доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета; ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Москва. Электронная почта: podlesskaya@ocrus.ru.

Екатерина Владимировна Рахилина — доктор филологических наук, профессор факультета филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва. Электронная почта: rakhilina@gmail.com.

Сергей Сергеевич Сай — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Электронная почта: serjozhka@yahoo.com.

Елена Анатольевна Сведенцова — старший лаборант Лаборатории моделирования речевой деятельности Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: svedentsova@gmail.com.

Сергей Георгиевич Татевосов — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: tatevos@philol.msu.ru.

Андрей Болеславович Шлуинский — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела африканских языков Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: ashl@yandex.ru.

Давид Александрович Эршлер — PhD (Mathematics, Tel Aviv University), аспирант отделения лингвистики Университета Массачусетса, Амхерст. Электронная почта: erschler@gmail.com.

Аннотации и ключевые слова

П. М. Аркадьев. Глагольная рестриктивность в литовском языке

В статье рассматривается ранее не описанное рестриктивное употребление глагольного префикса *te-* в литовском языке. Основной особенностью данного префикса является его способность иметь в своей сфере действия любую составляющую возглавляемой глаголом клаузы. Аффиксальные рестриктивные показатели со свободной сферой действия чрезвычайно редки типологически; литовский рестриктивный префикс сопоставляется в работе с другими приглагольными рестриктивными показателями, что позволяет построить их предварительную типологию.

Ключевые слова: литовский язык, типология, рестриктивность, глагольная морфология, префиксы, сфера действия, фокус, фокусные частицы.

А. Барентсен. О взаимодействии категории вида с другими глагольными категориями при выражении последовательности действий в случаях неограниченной повторяемости в различных славянских языках

В работе рассматриваются примеры выражения повторяемости в прошлом при таксисных конструкциях предшествования и следования в различных славянских языках. Отмечается, что при этом категория вида по-разному взаимодействует с другими глагольными категориями. Очевидно, эти категории определяют степень возможности концентрироваться на уровне «микроситуации», который при повторяемости следует отличать от «макроситуации».

Ключевые слова: вид, неограниченная кратность, прошедшее время, модальнось, предшествование, следование, славянские языки, контрастивный анализ, корпус, микроситуация, макроситуация.

А. Г. Белова. Диатеза в раннеарабском тексте

Поэтические тексты VI–VII вв. н. э. отражают сложившуюся грамматическую систему арабского языка. Арабская глагольная система представлена парадигмой финитных форм. Таким образом все виды диатезы маркированы в финитной глагольной форме. Последняя, в свою очередь, определяет синтаксическую структуру предложения.

Глагольная система арабского языка характеризуется особой категорией «пород» — производных глагольных основ. Парадигма «пород» представляет ряд производных форм, регулярных по способу образования. Каждой производной форме приписывается некое общее категориальное значение: «интенсив», «конатив», «каузатив» «рефлексив», «реципрок». Однако связь между формой и значением не всегда регулярна. Соответственно, синтаксические конструкции с производными глагольными формами не могут составить регулярную оппозицию производных диатез только по формальному признаку породы.

С другой стороны, категория транзитива/интранзитива не имеет морфологического признака в арабском глаголе и определяется по его лексическому значению и по синтаксическому управлению.

Категория активного/пассивного залога имеет регулярное морфологическое выражение в финитных глагольных формах, а также — в причастиях.

Анализ активных и пассивных конструкций в тексте свидетельствует о том, что пассивные конструкции представляют неполную трансформацию по отношению к активным конструкциям. Пассивная конструкция теряет одного из двух партиципантов активной конструкции и оказывается в оппозиции к последней по другому категориальному признаку безличности или — «неопределенно-личности».

На фоне нерегулярности и лексикализации глагольных пород категория залога представляется регулярной. Пассив регулярно изменяет состав и структуру предложения. В то же время пассив многофункционален: а) констатирует отсутствие субъекта действия или события (субъект может быть известен из контекста или неизвестен вообще); в последнем случае пассив формирует категорию безличности; б) пассив актуализирует объект действия (топикализация); в) пассив актуализирует само действие или состояние при отсутствии объекта.

Дополнительные функции пассива не позволяют трактовать его как категорию, однородную таким категориям как транзитив/интранзитив, рефлексив, реципрок.

Экстралингвистическая функция арабского пассива сближается с функцией порядка слов, категорией определенности/неопределенности и актуальным членением.

Ключевые слова: диатеза, залог, актив/пассив, финитная форма, порода, транзитив/интранзитив, реципрок, рефлексив, партиципант.

А. В. Бондарко. К вопросу о направлениях анализа «от семантики» и «от формы» в системе функциональной грамматики

В этой статье обращается внимание на теоретическую значимость проводимого В. С. Храковским типологического анализа категорий грамматики. Подчеркивается высокий уровень созданных под его руководством трудов Петербургской типологической школы. Основная часть статьи посвящена понятиям, играющим важную роль в разрабатываемой нами модели функциональной грамматики. Речь идет о понятиях «функционально-семантическое поле», «категориальная ситуация» и «семантическая категория». Обсуждается соотношение подходов анализа «от семантики к форме» и «от формы к семантике».

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, категориальная ситуация, семантическая категория, подход «от семантики к форме», подход «от формы к семантике», типологический анализ категорий грамматики

Б. Вимер. Употребление совершенного вида в перформативном настоящем

В статье предлагается эскиз условий использования глаголов совершенного вида (СВ) в перформативном настоящем славянских языков. Эскиз разрабатывается в рамках хронотопической модели описания видовых систем славянских языков. Главная цель этой модели — показать и объяснить соответствия между ареальной дифференциацией видовых систем славянских языков на их современном этапе и стадиями диахронического развития этих же систем. В статье сначала даются сводные сведения по перформативному употреблению глаголов в разных славянских языках, потом это употребление подробнее рассматривается на примере 35 речевых глаголов (в узком смысле), являющихся переводными эквивалентами в русском, польском, чешском и словенском языках. Для проверки привлекались в первую очередь общедоступные в интернете корпуса и поисковая система Google. В результате этого предварительного исследования мы наблюдаем, что вопреки общему, как бы «точечному» характеру перформативной функции, глаголы СВ в ней употребляются с довольно низкой частотностью (в плане как type'ов, так и token'ов), даже в языках «западной славянской периферии» (в словенском и чешском). Вместе с тем, можно констатировать, что разграничение между социальными и ментальными перформативами осмысленно,

поскольку различия между славянскими языками сказываются практически только на употребительности СВ в **социальных** перформативах.

Ключевые слова: (славянский) вид, оппозиция СВ : НСВ, (социальные/ментальные) перформативы, настоящее время, русский язык, польский язык, чешский язык, словенский язык, глаголы речевых актов, переводная эквивалентность, модель хронотопии.

М. Д. Воейкова. Противопоставление СВ/НСВ в речи матери на ранних стадиях усвоения ребенком форм императива в русском языке

Среди первых императивных форм, которые встречаются в речи русского ребенка и его родителей, СВ и НСВ присутствует примерно в равных долях. Это отличает речь русских детей от речи носителей других языков, обладающих категорией вида: например, греческие дети употребляют сами и слышат от родителей императивы только СВ. В статье проводится анализ функций первых императивных форм в речи матери, обращенной к ребенку. Существенно, что значительный процент всех императивных форм составляют так называемые «неспецифические употребления», то есть те случаи, в которых видовые формы являются взаимозаменяемыми. Иными словами, в данном случае формальный контраст оказывается более существенным, чем функциональный.

Ключевые слова: детская речь, речь, обращенная к ребенку, русская грамматика, разговорная речь, вид, императив, лонгитюдные наблюдения, анализ случая.

А. П. Выдрин. Полисемия модальных языковых единиц и контексты их семантической однозначности

Статья посвящена исследованию контекстов, в которых полисемичные модальные единицы (будь то лексические или грамматические показатели), обладающие как эпистемическим, так и неэпистемическим значениями, выражали бы только эпистемическую или только неэпистемическую модальность. Задача определения таких контекстов ставилась и ранее для ряда отдельных языков, тем не менее, типологическая оценка обнаруженных контекстов не осуществлялась. Основной целью статьи является исследование вопроса

о существовании типологически универсальных факторов, снимающих полисемию модальных языковых единиц.

Ключевые слова: модальность, типология, эпистемическая модальность, не-эпистемическая модальность.

Э. Ш. Генюшене. Конвербы в литовском языке

Таксисные отношения в литовском языке выражаются тремя неличными формами глагола, именуемыми в данной работе конвербами на основе их общего признака, а именно синтаксической адвербиальной функции со значением второстепенного зависимого действия при главном глаголе — обычно сказуемом.

1) Конверб 1 — несогласуемая, несклоняемая и неспрягаемая форма, с признаками глагола (значение действия и категория относительного времени — настоящее, прошедшее, прошедшее многократное, будущее) и наречия. Эта форма несовмещенная, с практически единственной адвербиальной функцией, и называет действия, разносубъектные с действием главного сказуемого.

2) Конверб 2, или полупричастие, образуется с помощью суффикса ***-dam-*** и серией окончаний согласования в роде, числе и падеже с подлежащим главного сказуемого. Это несовмещенная форма, выражающая зависимое действие, одновременное и односубъектное с главным сказуемым.

3) Конверб 3 — активные причастия прош. однокр. времени, образуемые посредством серии согласовательных окончаний. Это совмещенная форма, называющая предшествующее зависимое действие, односубъектное с подлежащим сказуемого.

Три конверба различаются набором характеристик в плане временного соотношения (одновременности или предшествования) с главным сказуемым, односубъектности или разносубъектности с подлежащим, возможности выражения субъекта при конвербе и по ряду других признаков. Главная синтаксическая функция конверба 1 — обстоятельство времени; конвербы 2 и 3 могут служить обстоятельствами времени, причины, сопутствующего действия, образа действия и др.

Ключевые слова: адвербиальная функция, второстепенное сказуемое, главное сказуемое, деепричастие, зависимое действие, конверб, обстоятельственная функция, одновременность, одно-разносубъектность, полупричастие, причастие, предшествование, синтаксическая функция, совмещенная/несовмещенная форма, согласование.

Е. В. Горбова. Заметки о видообразовании русского глагола и словоизменительной vs. словоклассифицирующей трактовке вида

В статье на основе языкового материала из трех источников: лингвистического эксперимента, Национального корпуса русского языка и поисковых систем Яндекс и Google рассматривается вторичная имперфективация русского глагола в ее неконвенциональных (нестандартных) проявлениях. В связи с явлением вторичной имперфективации обсуждаются проблемы (биимперфективных) видовых троек, а также более общий вопрос о характере русской видовой категории: ее словоизменительной vs. словоклассифицирующей трактовке.

Ключевые слова: вид русского глагола, словоизменительная трактовка вида, словоклассифицирующая (деривационная) трактовка вида, вторичная имперфективация, неконвенциональные вторичные имперфективы, видовые тройки.

В. Ю. Гусев. От цитатива к «новому знанию»: эволюция цитативной частицы в тунгусо-маньчжурских языках Нижнего Амура

В статье рассматривается типологически необычная эволюция цитативной частицы в нанайском, ульчском, орочском и удыгейском языках. Эта частица, восходящая к одной из форм глагола ‘говорить’, расширила свое значение, начала обозначать «новое знание» и, далее, стала употребляться для маркирования ключевых точек в нарративе.

Ключевые слова: эвиденциальность, тунгусо-маньчжурские языки, языковые ареалы.

Н. М. Заика. Проблема выделения падежей в баскском языке

В статье рассматривается ряд проблем, связанных с составом падежной системы баскского языка, и анализируются формы, статус которых может рассматриваться как падежный, так и падежно-послеложный. Данные грамматические единицы системы обладают дистрибутивными свойствами (согласование, морфонологические изменения на стыках морфем, селективность, особенности поведения в сочинительных конструкциях, сочетаемость с другими постпозитивными показателями и др.), которые отличают их от прототипических падежей, признаваемых практически всеми исследователями. Рассмотренные свойства позволяют представить значительную часть постпозитивных показателей баскской именной группы в виде следующей

иерархии грамматикализации: суффиксы падежей, согласующихся с глаголом — суффиксы остальных падежей — послелоги, неспособные к сочинению — послелоги, способные к сочинению — локативные имена — (существительные). В статье также демонстрируется, что в баскском языке одушевленные и неодушевленные именные группы обладают разной падежной парадигмой.

Ключевые слова: баскский язык, падежная система, падежные суффиксы, клитики, послелоги, именная группа, селективность, сочинительные конструкции, иерархии.

Н. В. Зорихина-Нильссон. Таксисные деепричастные конструкции с глаголами стандартного положения в пространстве в русском языке

В статье анализируются особенности поведения класса глаголов стандартного положения в пространстве в русском языке в предложениях, содержащих деепричастные конструкции. Мы исходим из общего положения о том, что грамматические и сочетаемостные свойства глагольных лексем обусловливаются принадлежностью этих лексем к тому или иному семантическому классу глаголов. В статье показано, что глаголы положения в пространстве обнаруживают одинаковое поведение: в анализируемом типе предложений с этими глаголами прототипически выражаются таксисные отношения полной или частичной одновременности, которые, в свою очередь, сопровождаются различными контекстуальными значениями. На реализацию этих значений влияют такие факторы, как соотношение семантических классов финитной и деепричастной формы, наличие распространителей при деепричастии, а также позиция деепричастной формы в высказывании. Было также отмечено, что деепричастная конструкция, стоящая, как правило, после глагола положения, оказывается чувствительной к лексическому наполнению глагольной формы.

Ключевые слова: глаголы положения в пространстве, таксис, деепричастие, русский язык.

Н. Н. Казанский. Диалектная вариативность и языковой инвариант: оформление условных конструкций в древнегреческих диалектах

В древнегреческих диалектных текстах наблюдается различное оформление условных конструкций: союз (αἰ, εἰ, ἢ, ἤν, ἐάν) — частица (ἄν, κα, κέ, κέν) — глагол, стоящий в конъюнктиве или оптативе.

При этом сохраняется общее единство языкового инварианта не на формальном уровне, а на уровне грамматической семантики.

Ключевые слова: греческие диалекты, союзы, частицы, условные конструкции.

В. Б. Касевич. Эллипсис и *pro-drop*

В статье автор вновь обращается к многократно обсуждавшемуся понятию *pro-drop*. Основываясь на материале русского языка, он показывает, что возможность опущения я, функционирующего в качестве подлежащего, существенно зависит от целого ряда факторов — таких как время глагола-сказуемого, расстояние между двумя «соседними» *я* и т. п. Обсуждается также соотношение понятия *pro-drop* и эллипсиса. Эллипсис предполагает синонимичность, хотя конструкции с опущенным/сохраненным местоимением не всегда синонимичны.

Ключевые слова: pro-drop, эллипсис, текст, синонимия, русский язык.

Ю. П. Князев. Обобщенно-личные употребления форм 2-го лица в русском языке

В статье рассматривается функционирование форм второго лица в русском языке, используемых в обобщенно-личном значении, и проводится сопоставление с другими средствами выражения сходных значений. Кроме того, обсуждаются возможные пути семантического развития от обозначения адресата речевого акта к различным видам обобщения.

Ключевые слова: односоставные предложения, глагольное и местоименное лицо, второе лицо, обобщенноличность, грамматическая многозначность.

Е. Е. Корди. Грамматика глаголов нестандартных положений и перехода в нестандартные положения тела во французском языке: семантическая группа *s'appuyer* ‘опираться’

Тема данной статьи — описание одной группы позиционных предикатов во французском языке. Мы считаем, что позиционные предикаты образуют несколько семантических групп. Первая группа включает предикаты стандартного положения (тела человека) в пространстве. В нее входят три предиката: *сидеть*, *лежать*, *стоять.*

Глаголы другой группы, которая является объектом описания в данной работе, выражают ситуации нестандартного положения тела человека в пространстве. К этой группе принадлежат глаголы со значением ‘прислоняться’, ‘опираться’. В статье описываются предложения с четырьмя французскими глаголами: *s’appuyer*, *s’accouder*, *s’adosser* и *s’accoter* с разных точек зрения: различие в значениях глаголов, выражение положения в пространстве и перехода из одного положения в другое, употребление личных и неличных глагольных форм, синтаксические конструкции и валентности глаголов.

Ключевые слова: позиционные предикаты, состояния, действия, глаголы, семантические группы, положение в пространстве, тело человека, агенс, опора, рабочая часть тела, стандартное положение, нестандартное положение, переход в нестандартное положение.

А. Б. Летучий. Между пассивом и декаузативом: русские модальные пассивы

В статье обсуждаются некоторые ранее мало исследованные свойства двух типов русских модальных глаголов с показателем *-ся*: модальных пассивов (*У меня диплом не пишется*) и безличных модальных пассивов (*Мне не работается*). Так, выясняется, что связь маркирования исходного подлежащего (*мне* vs. *у меня*) с переходностью исходного глагола есть, но неполная: в современном языке есть нестандартные конструкции, где исходное подлежащее переходного глагола маркируется дативом (*Мне ничего не пишется*), а исходное подлежащее непереходного глагола — группой с *у* (*У меня не входится в почту*). Кроме того, вводится понятие **расширяющего контекста** конструкции: при дополнительном контексте типа вопроса *чего тебе не Р* (*Чего тебе не работалось в этой фирме*) условия употребления безличного модального пассива становятся менее строгими.

Ключевые слова: возвратные глаголы, модальный пассив, личные конструкции, безличные конструкции, переходность, расширители сочетаемости конструкции, аспект, модальность

Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. Конструкции с повтором глагола в агульском языке

В статье рассмотрены наиболее характерные конструкции с повтором глагола в агульском языке (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи). В большинстве случаев это полная редупликация

глагольных форм, когда удвоенная форма входит в ту же составляющую, что и простая форма в конструкции без удвоения: ср. повтор причастий (выражает дистрибутивность), повтор причастий с сочинительной частицей на первой форме (превосходная степень), повтор деепричастия несовершенного вида (интенсивность/многократность), повтор деепричастия совершенного вида (аугментативность). Распространен также повтор, при котором второе вхождение причастия или деепричастия несет отрицание; как правило, повторы типа «утвердительная + отрицательная форма» выражают неопределенную референцию или значение всеобщности. Еще один класс случаев — это конструкции с синтаксическим повтором, в котором «повторяющийся» глагол занимает другую синтаксическую позицию и имеет другую морфологическую форму, однако происходит дублирование самой глагольной лексемы. Сюда относится повтор глагола в форме инфинитива при топикализации предиката (типа «сделать-то он сделал…»), а также явление *tail-head linkage*, которое состоит в повторе предшествующей финитной клаузы в форме временно́го конверба для обеспечения дискурсивной связности. В целом, функции глагольных повторов в агульском языке укладываются в тот набор, который типологически свойствен редупликации и повторам.

Ключевые слова: агульский язык, редупликация, синтаксический повтор, дистрибутивность, интенсивность, многократность, аугментативность, превосходная степень, топикализация предиката, tail-head linkage.

А. Л. Мальчуков. Взаимодействие грамматических категорий и разрешение семантических конфликтов: уроки перфективного презенса

В данной статье обрисован подход к описанию синтагматического взаимодействия грамматических категорий, развивающий идеи В. С. Храковского о межкатегориальном взаимодействии. В частности, обсуждаются способы разрешения функционально конфликтных сочетаний граммем на примере семантически аномального сочетания граммемы совершенного вида с граммемой настоящего времени. Показано, что разрешение семантически конфликтных сочетаний (в частности, выбор доминантной граммемы) зависит от маркированности и сферы действия соответствующих граммем. Рассматриваются другие факторы, определяющие возможность/невозможность/предпочтительность определенных сочетаний, и предлагается модель описания

подобных запретов/предпочтений на основе универсальных иерархий маркированности.

Ключевые слова: Глагольные категории, взаимодействие грамматических категорий, конфликтные (семантически аномальный) сочетания, маркированность, иерархии маркированности, релевантность, сфера действия.

И. А. Мельчук. Ответ Юго-Восточной Азии на европейский пассив

Предлагаются условия, которым должны удовлетворять корректные определения лингвистических понятий; в качестве иллюстрации дается определение эргативной конструкции. Формулируются определения диатезы, грамматического залога и пассива. В соответствии с этими определениями, китайская конструкция с глаголом BEI ≈ ‘подвергаться’ не является пассивной; это конструкция с «затронутым субъектом»: *Ta bei tufei dasi-le baba* ‘Его отец был убит бандитами’, букв. ‘Он подвергся [тому что] бандиты убили отца’. Рассматриваются синтаксические свойства конструкции с BEI, проводится параллель с конструкцией «затронутого объекта» (прямое дополнение, вводимое предлогом BA), и иллюстрируются конструкции с «затронутым субъектом» в других языках Юго-Восточной Азии (вьетнамском, лаосском, кхмерском и бирманском).

Ключевые слова: определение лингвистических понятий, диатеза, залог, пассив, китайский язык, китайский вспомогательный глагол BEI, конструкции затронутого субъекта и объекта в китайском.

И. В. Недялков. Грамматикализация пассива и декаузатива в тунгусо-маньчжурских языках

В статье рассматриваются формальные и семантические особенности тунгусо-маньчжурских (ТМ) пассивных и декаузативных конструкций с целью определения устойчивости vs. изменчивости категорий пассива (как личного, так и безличного), с одной стороны, и декаузатива, с другой стороны. Обоснованность включения в одну работу двух столь разных по семантическим и синтаксическим характеристикам категорий как пассив и декаузатив обусловлена тем, что в ряде тунгусо-маньчжурских языков (например, в эвенкийском и маньчжурском) формы пассива и декаузатива, а также ряда других категорий, например, очень непродуктивного морфологического

рефлексива образуются одним и тем же показателем (в маньчжурском — суффиксом ***-бу***, в эвенкийском — суффиксом ***-в-*** и его фонетически обусловленными вариантами ***-п*/*-му***). В последующих разделах рассматриваются следующие проблемы: основные формальные и семантические особенности форм пассива и декаузатива в ТМ языках; пути грамматикализации ТМ пассивных форм на *-бу*/*-в*(*у*)-, восходящих к древним формам каузатива; непродуктивные ТМ производные транзитивы с этим показателем, представляющие собой наследие каузативного прошлого форм на *-в*(*у*)- в тунгусских языках; семантические и синтаксические признаки ТМ лично-пассивных и безлично-пассивных конструкций; формальные, семантические и синтаксические признаки декаузативных конструкций в ТМ языках, а также крайне непродуктивных форм морфологического рефлексива; пути грамматикализации форм пассива, декаузатива и морфологического рефлексива в ТМЯ в типологическом аспекте.

Ключевые слова: каузатив, личный пассив, безличный пассив, декаузатив, рефлексив, тунгусо-маньчжурские языки, эвенкийский, маньчжурский, диахрония, грамматикализация.

Т. В. Никитина. К вопросу о связи перфекта и пассива: о двух типах глагольной лабильности в языках манде

Несмотря на полное отсутствие каких-либо показателей актантной деривации или залога, в языке уан засвидетельствованы явления, во многом напоминающие функционирование актантной деривации и залога в языках с богатой морфологией. В частности, в системе лабильных глаголов языка уан выделяются два типа «пациентной» лабильности: каузативная/декаузативная лабильность и контекстно ограниченное пассивное употребление глаголов изменения состояния («пассивная» лабильность). Каузативно-декаузативная лабильность, в отличие от пассивного употребления, хорошо поддается описанию в терминах лексической полисемии. Пассивное же употребление проявляется лишь в ограниченном ряде контекстов, определяемых как видо-аспектуальными характеристиками высказывания, так и коммуникативными свойствами подлежащего. Это употребление обладает свойствами, которые в других языках характеризуют пассивный залог, и напоминает случаи пассивного употребления отдельных глаголов, в качестве исключения, без показателя пассива.

Ключевые слова: пассив, перфект, залог, актантная деривация, языки манде, каузатив, декаузатив, лабильность.

А. К. Оглоблин. О выражении реализованной возможности (на русском и индонезийском материале)

Русские неагентивные глаголы, означающие реализованную возможность (*сбыться*, *состояться* и др.), включают модальный компонент подчеркивания реализации относительно менее вероятных событий. Чаще они относятся к совершенному виду. Соответствующие индонезийские глаголы образуются с помощью полисемичного префикса *ter-*. Он имеет значения 1) неконтролируемого изменения с модальным компонентом адмиратива, 2) результативного состояния, 3) возможности изменения (чаще под отрицанием) и другие. Альтернативно используются в значении реализованной возможности группы со вспомогательными глаголами *dapat* ‘смочь’ и *jadi* ‘состояться’.

Ключевые слова: глагол, модальность, реализованная возможность, русский, индонезийский, совершенный вид, префикс, адмиратив, вспомогательный глагол.

Е. В. Падучева. Эвиденциальные показатели и их режимы интерпретации

Статья посвящена русскому вводному слову *оказывается*, которое было «открыто» В. С. Храковским, и названо в [Храковский 2007] показателем особой грамматической категории (ад)миративности, близкой к эвиденциальности. Слово *оказывается*, во вводном употреблении, действительно обладает целым рядом интересных свойств — в плане синтаксической подчинимости, а также в плане употребления в разных типах речевых актов и в плане выбора подразумеваемых субъектов установки. В работе [Friedman 2005] об эвиденциальности в балканских языках приводятся данные о поведении эвиденциального показателя в разных контекстах: в утверждении и в вопросе; в диалоге и в нарративе. Это прокладывает путь к рассмотрению эвиденциального показателя как полноценного эгоцентрика.

Ключевые слова: эвиденциальность эгоцентрик субъективность подразумеваемый субъект речевой акт ирония диалог нарратив.

В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. Грамматика *порядка*

Обсуждаются возможности грамматикализации существительных с корнем *ряд*, которые обнаруживают неожиданно мощный

грамматический потенциал, особенно в количественной и аспектуальной сфере.

Ключевые слова: грамматикализация, квантификация, аспект.

В. И. Подлесская. О просодических симптомах интеграции в конструкциях с сентенциальными актантами

В работе на примере конструкций с сентенциальным актантом показано, что просодические признаки могут служить мерой интеграции полипредикативной конструкции — наряду с ее лексико-грамматическими свойствами. Материалом исследования послужили устные нарративы из электронной коллекции «Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи» (www.spokencorpora.ru). Выделены три основных типа просодической организации конструкций с сентенциальным актантом: 1) дефолтный; 2) интегрированный; и 3) дезинтегрированный. Для выделения этих зарегистрированных в реальном дискурсе типов релевантны следующие параметры. Во-первых, существенно, имеется ли в конструкции просодический сигнал незавершенности первого компонента: вклад этого сигнала в интеграцию конструкции аналогичен вкладу таких лексико-грамматических сигналов, как наличие комплементайзера и наличие незаполненной обязательной валентности вершинного предиката. Во-вторых, существенно, имеется ли отдельный рематический акцент у каждого из компонентов конструкции, и допускают ли компоненты «внутреннее» коммуникативно-просодическое членение. Вклад этих просодических сигналов в интеграцию конструкции аналогичен вкладу таких лексико-грамматических сигналов, как наличие у компонентов собственного подлежащего и финитных предикатов в вершинах компонентов.

Ключевые слова: полипредикативные конструкции, сентенциальный актант, просодическое членение.

С. С. Сай. Лексические механизмы грамматического дрейфа: конструкции с дативным субъектом в русском языке XVIII–XXI веков

Конструкции с «дативным субъектом» в русском языке лексически и деривационно весьма разнообразны: это конструкции с непроизводными глаголами, с производными возвратными глаголами, с предикативами и т. д. Набор таких конструкций диахронически стабилен, однако корпусные данные показывают, что в течение последних трех веков существенным образом изменялись квантитативные свойства, связанные с употреблением различных конструкций с дативным

субъектом. В частности, увеличилась частотность эксплицитного выражения дативного субъекта, возросла доля случаев, когда он находится в препозиции к предикату, возросла доля случаев, когда дативный субъект контролирует зависимый инфинитив и т. д. Обнаруженные изменения логически не зависят друг от друга и лишь косвенно связаны с проблемой подлежащности дативного актанта. Тем не менее, можно показать, что все обнаруженные изменения укладываются в рамки единой тенденции: тенденции к увеличению дискурсивной роли дативного актанта. Существенно, что эта тенденция охватывает самые разные конструкции, хотя и реализуется для разных лексических единиц по-разному. В конечном счете выдвигается гипотеза о том, что в данном случае общий вектор грамматического изменения обусловливается лексическими механизмами, затрагивающими отдельные предикаты или отдельные группы предикатов.

Ключевые слова: русский язык, корпусная лингвистика, диахрония, грамматические изменения, синтаксис, дательный падеж, подлежащее, порядок слов, актанты, категория состояния, инфинитив.

Е. А. Сведенцова. **Да**-конструкции и время в старославянском императиве

В статье представлено пошаговое исследование старославянских сложных императивов, составляющих наряду с простыми императивную систему старославянского языка. Также рассматривается функционирование **да**-конструкций, омонимичных сложным императивам. Предлагается рассматривать две самостоятельные парадигмы сложных императивов, противопоставленных друг другу по временному признаку. Маркированным членом противопоставления являются сложные императивы, представляющие собой сочетания частицы **да** и (морфологически) формы настоящего времени. По крайней мере в одном из главных значений этих форм наличествует ‘близость к настоящему моменту, моменту побуждения/пожелания к исполнению действия, либо к моменту, когда действие может быть исполнено’. Немаркированным членом противопоставления являются сложные императивные формы «нейтрального» будущего. Первые формы напоминают латинский футуральный императив «наоборот», а также ительменские императивные формы момента речи. Чтобы определить типологический статус старославянского императива, его следует сопоставлять с императивными временными/видовременными формами чукотско-камчатских и тунгусо-маньчжурских языков, наряду с латинским.

Функционирование **да**-конструкций показывает типологически важную особенность старославянского языка: синтаксически независимые конструкции со сложными императивами и зависимые **да**-конструкции подчиняются одной и той же технике встраивания в текст. Статистические и другие, «поведенческие», данные **да**-конструкций, могут быть использованы при прояснении механизмов, объясняющих (формальное) соответствие целевых показателей и маркеров «дополнительных» клауз, равно как и императивов, оптативов, гортативных форм и форм будущего времени.

Ключевые слова: старославянский язык, императив, сложные императивы, временная соотнесенность сложных императивных форм, **да**-конструкция, целевой показатель, «дополнительная» клауза, маркеры «дополнительных» клауз.

С. Г. Татевосов. От имени к глаголу и обратно: наблюдения типолога над акциональной композицией

В статье обсуждаются два типа аспектуальной композиции. В языках английского типа внутренний инкрементальный аргумент определяет предельность глагольного предиката. В языках с русским типом композиции перфективные глаголы ограничивают интерпретацию инкрементального аргумента. В статье обосновывается, что в действительности на уровне глагола и глагольной группы языки обоих типов устроены совершенно одинаково. Межъязыковое варьирование возникает на более поздних стадиях синтаксической деривации, когда в структуру внедряются аспектуальные операторы.

Ключевые слова: грамматический вид, предельность, аспектуальная композиция, перфективность.

А. Б. Шлуинский. Типология реципиентно-бенефактивных конструкций и типологическая относительность синтаксической организации предложения

В статье обсуждаются реципиентно-бенефактивные конструкции с точки зрения синтаксического статуса составляющей, соответствующей реципиенту или бенефактиву. Синтаксическое отображение общей семантической субстанции — наличия у ситуации семантического актанта с ролью реципиента или факультативного участника с ролью бенефактива — разнообразно в языках мира. Реципиент и/или бенефактив может быть оформлен: (а) как именная

группа (или даже лично-числовой маркер), зависимая от именной группы, соответствующей другому участнику ситуации, — то есть синтаксически конвенционализован как характеристика участника ситуации; (б) как именная группа, входящая в единственную глагольную группу в клаузе, — то есть синтаксически конвенционализован как ядерный участник ситуации; (в) как клаузальный адъюнкт, не входящий в глагольную группу, а образующий синтаксическую составляющую с клаузой в целом, — то есть синтаксически конвенционализован как характеристика ситуации в целом; (г) как глагольная группа внутри сериальной конструкции — то есть синтаксически конвенционализован как отдельная подситуация внутри более крупной макро-ситуации; (д) как клауза внутри полипредикативной конструкции — то есть синтаксически конвенционализован как отдельная ситуация, связанная с основной. Это позволяет сделать более общее утверждение о том, что один и тот же семантический актант не имеет типологически единой стандартной позиции в синтаксической структуре предложения.

Ключевые слова: реципиент, бенефактив, семантическая роль, синтаксическая позиция, синтаксическая структура, синтаксическая типология.

Д. А. Эршлер. Об одной маргинальной модальной форме в дигорском осетинском

В дигорском осетинском существует специальная аналитическая модальная форма, выражающая оценку, ожидание и способность. Для того, чтобы употребление этой формы было уместно, наблюдатель, чье суждение используется для создания модального значения, должен быть человеком. Эта форма довольно редко встречается в текстах и до сих пор не была описана в литературе. В настоящей заметке описываются ее значения и морфосинтаксис. Данные были получены при помощи сочетания полевой работы и корпусного исследования.

Ключевые слова: модальность, дигорский осетинский.

Summaries and Keywords

P. M. Arkadiev. Verbal restrictivity in Lithuanian

The paper describes the previously unrecognized restrictive use of the verbal prefix *te-* in Lithuanian. The main feature of this prefix is its ability to take into its scope virtually any constituent of the clause headed by the verb to which it attaches. Affixal restrictive markers with free scope are extremely rare cross-linguistically. The Lithuanian restrictive prefix is compared to other adverbal restrictive markers, which allows to arrive at a preliminary typology of this phenomenon.

Keywords: Lithuanian, typology, restrictivity, verbal morphology, prefixation, scope, focus, focus particles.

A. Barentsen. On the interaction of aspect with other verbal categories in expressing consecutive events in cases of unbounded repetition in the various Slavic languages

The paper compares examples in the various Slavic languages expressing unbounded repetition in the past of taxis constructions with anterior or posterior actions. It is shown that in such cases aspect interacts with other verbal categories in various different ways. This means that these categories determine or influence the possibility of concentrating on the "microsituaton" which has to be distinguished from the "macrosituation" in cases of repetition.

Keywords: aspect, unbounded repetition, past tense, modality, anteriority, posteriority, Slavic languages, contrastive analysis, corpus, microsituation, macrosituation.

A. G. Belova. Diathesis in Early Arabic text

Poetic texts (the 6–7th CE) reflect the existing grammatical system of Arabic. The Arabic verbal system shows a paradigm of finite forms. Thus all kinds of the diathesis are marked morphologically by a change in the finite verbal form. The latter in turn determines the syntactic structure of the sentence.

The Arabic verbal system is characterized by a specific category of verb forms – "derived stems". Their derivation is distinguished by a hard and a fast paradigm. Each derived stem is attributed a general category

meaning (the intensive, the conative, the causative, or the reciprocal-reflexive). The relationships between the derived stem and its category meaning, however, are not always regular and, therefore, syntactic constructions with derived stems cannot form regular oppositions with morphological markers alone.

On the other hand, the transitive/intransitive category is not marked on the Arabic verb and its meanings are manifested through lexical verb meanings and verbs' syntactic government.

The category of active/passive voice is marked regularly on finite verbs and on participles.

An analysis of active and passive constructions in texts shows that passive constructions represent only a partial transformation of active constructions, whereby passive constructions lose one of the two nominal arguments found in active constructions. As the result, passive constructions form an opposition to active constructions by the category of impersonality.

As opposed to derived verbal stems, the active/passive voice category is marked regularly. The passive regularly changes the composition and the structure of the sentence. It is used also for several other functions: a) it marks the absence of the subject which can be recoverable from the context or unknown in principle (the category of impersonality); b) it actualizes the object (topicalization/foregrounding); and c) it actualizes the process/state itself where the object is absent.

Due to the additional functions of the passive, one can hardly treat it as a category homogeneous with the categories of transitivity/intransitivity ot reciprocity/reflexivity.

The extralinguistic function of the Arabic passive has common features with the function of word ordering, with the syntactic category of status (definiteness/indefiniteness), and with the actual division of the sentence.

Keywords: diathesis, voice, active/passive, finite form, transitivity/intransitivity, stem (derived verbal form), reciprocal/reflexive, argument.

A. V. Bondarko. Analyses "from the meaning" vs. analyses "from the form" in functional grammar

The paper highlights the theoretical value of the typological analysis approach to grammatical category studies developed by V. Khrakovsky. A high level of publications by the St. Petersburg school of linguistic

typology prepared under his guidance is noted. The main part of the paper discusses concepts, central to the functional grammar theory, such as "functional-semantic field", "categorical situation" and "semantic category". The interrelation of the approaches "from meaning to form" and "from form to meaning" is considered.

Keywords: functional-semantic field, categorial situation, semantic category, approach from meaning to form, approach from form to meaning, typological analyses of grammatical categories.

B. Wiemer. The use of perfective verbs in the performative present tense

The article provides a sketch of the conditions for the use of perfective (pfv.) verbs in the performative present tense of Slavic languages. This sketch is presented against the background of the chronotopic model of aspect systems in Slavic languages. The main goal of this model consists in showing and explaining correlations between the areal differentiation of aspect systems in contemporary Slavic languages and diachronic stages of their development. The article first supplies a current report on the use of pfv. verbs in performative utterances, before examining 35 speech act verbs (in the narrow sense), being translational equivalents to each other, in more detail for Russian, Polish, Czech and Slovene. The examination of these verbs was performed with the aid of generally accessible electronic corpora and Google. From this pilot investigation we observe that, despite the generally "punctual" nature of the performative function, pfv. verbs are only used with comparatively low frequency (both on type and token level), even in languages of the "Western Slavic periphery" (Slovene and Czech). Moreover, we can conclude that the distinction between social and mental performatives is valid since, between Slavic languages, differences in the use of pfv. verbs in performative utterances practically only appear in the domain of **social** performatives.

Keywords: (Slavic) aspect, pfv.:ipfv. opposition, (social vs. mental) performatives, present tense, Russian, Polish, Czech, Slovene, speech act verbs, translational equivalence, chronotopic model.

M. D. Voeikova. Perfective vs. imperfective imperatives in Russian child-directed speech at the early stages

Imperfective and perfective imperatives are practically equally distributed in Russian child and child-directed speech, unlike in other (non-

Slavic) aspectual languages, e.g. Greek. In Greek, only perfective imperatives are used by children or addressed to them. The paper provides a functional analysis of the early aspectual forms in Russian child-directed speech. Notably, about one third of these forms are non-specific, i.e. they can be successfully replaced by the corresponding perfective forms.

Keywords: child language, child-directed speech, Russian grammar, spoken Russian, aspect, imperative, longitudinal observations, case study.

A. P. Vydrin. Polysemantic modal units and the contexts of their monosemanticity.

The paper addresses modal units (modal markers, modal verbs, and modal expressions) that can express both types of the main modal meanings: epistemic and non-epistemic. The aim is to find out whether there are typologically relevant contexts that allow the expression of only epistemic or only non-epistemic meanings.

Keywords: modality, typology, epistemic modality, non-epistemic modality.

E. Sh. Geniušienė. Converbs in Lithuanian

In Lithuanian, taxis relations can be expressed by three non-finite verb forms termed here *converbs* due to their common feature, viz. the syntactic adverbial function with the meaning of a secondary action dependent on the main predicate.

1) Converb 1 (similar to gerund) is a non-declinable form posessing verbal (the meaning of action or process or state and the category of relative tense – present, past, frequentative past and future) and adverbial features. It is a non-combined verb form, its single suntactic function being that of an adverbial; it is used with different-subject main predicates.

2) Converb 2 (semi-participle) is formed by means of the suffix ***-dam-*** and a series of flexions expressing agreement in gender, number and case with the subject of the main predicate. This is a non-combined form expressing a dependent same-subject action simultaneous with that of the main predicate.

3) Converb 3 is an active past participle formed by a series of agreement endings. This is a combined form naming a dependent same-subject action anterior to that of the main predicate.

The three converbs, being secondary predicates, differ with regard to the temporal relations with the main predicate (simultaneity or anteriority),

same- or different-subjectness, possibility or obligatoriness of agent expression, etc. Converb 1 serves almost exclusively as an adverbial of time; converbs 2 and 3 serve mostly as adverbials of time, cause, manner, and attendant circumstances.

Keywords: adverbial function, secondary predicate, main predicate, gerund, dependent action, converb, adverbial function, simultaneity, same-/different-subjectness, semi-participle, participle, anteriority, syntactic function, combined/non-combined form, agreement.

E. V. Gorbova. Notes on the Russian verb aspect formation and the inflectional vs. derivational interpretation of the Russian verb aspect

This paper investigates the secondary imperfectivation of the Russian verb in its unconventional (= non-standard) uses, employing three data sources: linguistic experimenting, the Russian National Corpus and two Internet search systems, Google and Yandex. In this connection some problems relating to the (biimperfectival) aspectual triplex, as well as the more general issue of the appropriateness of an inflectional vs. derivational interpretation of the nature of the Russian verb aspect are discussed.

Keywords: Russian verb aspect, inflectional interpretation, derivational interpretation, secondary imperfectivation, unconventional secondary imperfectives, aspectual triplex.

V. Yu. Gusev. From the quotative to "new knowledge": evolution of the quotative particle in Lower Amur Tungusic languages

The paper examines the case of Nanai, Ulcha, Oroch, and Udihe, where the quotative particle has undergone a typologically unusual evolution. Originally a form of the verb 'say', it broadened its meaning to that of "new knowledge" and came to be used for marking key points in narratives.

Keywords: evidentiality, Tungusic languages, areal linguistics.

N. M. Zaika. Identifying cases in Basque

The article addresses the composition of the case system in Basque and morphemes that can be classified as both case suffixes and case postpositions. Their distributional properties (verbal agreement, morphophonological alternations, selectivity, behavior in coordinate constructions, co-occurrence with other suffixes and postpositions, etc.) differ from the relevant properties of typical cases as described by most researchers. An analysis of the distributional properties of noun phrase postpositional

markers in Basque makes it possible to describe most of them within following grammaticalization hierarchy: case suffixes that agree with verbs – other case suffixes – postpositions capable of coordination – postpositions incapable of coordination – locative nouns – (nouns). The article aims to prove that animate and inanimate noun phrases in Basque have different case systems.

Keywords: Basque, case system, case suffixes, clitics, postpositions, noun phrase, selectivity, coordinating constructions, hierarchies.

N. V. Zorikhina Nilsson. Taxis constructions with gerunds and cardinal posture verbs in Russian

This paper presents a study of the use of Russian cardinal posture verbs (or position verbs) in sentences with gerund constructions. Proceeding from the general assumption that grammatical and combinatorial properties of verbal lexems are determined by their semantic verb class, the paper argues that posture verbs are no exception and reveal similar behavior in the constructions under analysis. In sentences with these verbs, taxis relations of simultaneity are prototypically expressed and accompanied by a number of contextual meanings. Various conditions for the realization of these meanings are also discussed.

Keywords: posture verbs, taxis, gerund, Russian language.

N. N. Kazansky. Dialect variability and language invariant: the marking of conditional constructions in Ancient Greek dialects

Although conditional constructions in Ancient Greek dialect texts show different marking (conjunction αἰ, εἰ, ἢ, ἤν, or ἐάν – particle ἄν, κα, κέ or κέν – verb encoded for the conjunctive or the optative), they preserve the general language invariant identity at the grammatical meaning, rather than formal, level.

Key words: Ancient Greek dialects, conjunctions, particles, conditional constructions.

V. B. Kasevich. The elliptical constructions and *pro-drop* parameter

The ‘famous’ notion of *pro-drop* is re-addressed in the paper. Relying on Russian data, the author shows that dropping of *ja* ‘I’ as a grammatical subject is strongly dependent on a number of conditions, such as the tense of the verb, the distance between two subsequent *ja*’s in the text, etc. It is also argued that while the traditional understanding of the *pro-*

drop is conducive to its interpretation as a kind of ellipsis, with *pro-drop* it is not always the case: *pro-drop* and *non-pro-drop* constructions are not necessarily synonymic.

Keywords: pro-drop, ellipsis, text, synonymy, the Russian language.

Yu. P. Knyazev. The generic use of the second person forms in Russian

The paper examines the functioning of the Russian second person forms used in the generalized-personal meaning in comparison with other means for expressing similar meanings. Some possible pathways of semantic development from speech act addressee representation to various kinds of generalization are also discussed.

Keywords: subjectless sentences, verbal and pronominal person, second person, generalized-personal meaning, grammatical polysemy.

E. E. Kordi. Predicates describing standard postures and transition into standard postures in French

The paper addresses a group of spatial position predicates in French that are classified into a number of semantic classes. One class includes three posture predicates: *sit*, *lie*, and *stand*. The other class, discussed in this paper, includes verbs of non-standard posture *lean to* and *rest on*. Described in the paper are sentences with four French verbs: *s'appuyer*, *s'accouder*, *s'adosser*, and *s'accoter* that are analyzed from such perspectives as: lexical meaning, description of postures and transition between postures, the use of tense and mood forms, syntactic constructions formed, and verb valency slots.

Keywords: spatial position predicates, states, events, verbs, semantic groups, spatial positions, human body, agent, rest, working body part, standard posture, non-standard posture, transition to non-standard posture.

A. B. Letuchiy. Between passive and anticausative: Russian modal passives

Some properties of Russian modal constructions with reflexive verbs marked by *-sja* are discussed in the paper – in particular, modal passives (*U menja diplom ne pišetsja* – lit. 'With me, graduataion paper is not being written', i.e. 'I do not make any progress with my graduation paper') and modal impersonal passives. Firstly, the marking of the base subject is claimed to be only indirectly related to the transitivity of the base verb:

in modern Russian, all theoretically possible combinations (*u*-phrase + transitive base verb, dative subject + intransitive base verb, as well as more rare *u*-phrase + intransitive base verb and dative subject + transitive base verb) can be observed. Secondly, in some contexts, such as questions like *Chego tebe ne P* 'Why do not you P' some restrictions on the use of impersonal modal constructions become less stringent.

Keywords: reflexive verbs, modal passive, (im)personal constructions, transitivity, extension of compatibility, aspect, modality

T. A. Maisak, S. R. Merdanova. Verb repetition patterns in Aghul

The paper presents an overview of constructions involving verb repetition in Aghul (Lezgic, East Caucasian). Unlike morphological reduplication, various types of syntactic repetitions are fairly common. Most of them include the repetition of the same verb form: cf. the repetition of participles (expressing distributivity), the repetition of participles with a coordinative particle on the first component (expressing the superlative degree), the repetition of imperfective converbs (expressing intensivity/iterativity), the repetition of perfective converbs (expressing augmentativity). One peculiar type involves the repetition of participles or converbs with the second part in the negative form ("affirmative + negative"), usually expressing indefinite reference or universal quantification. A special case is represented by constructions in which the second verb occupies a different syntactic position, though the same lexical item is doubled: cf. predicate topicalization constructions with the infinitive in the topic, and tail-head linkage with the repetition of the finite verb from the previous clause in the temporal converb, as a means of discourse cohesion.

Keywords: Aghul, reduplication, syntactic repetition, distributive, intensive, iterative, augmentative, superlative, predicate topicalization, tail-head linkage.

A. L. Malchukov. Constraining syntagmatic grammeme interaction: A synopsis

Building on the pioneering work by V. S. Khrakovskij on interaction of verbal categories, I outline a general approach to the study of syntagmatic interaction of grammemes and present one case study of a functionally infelicitous combination from the domain of TAM categories, the present perfective combination. It is argued that resolution of functionally infelicitous combinations is determined by general principles of markedness and semantic scope. I further consider other factors, both functional

and structural, which constrain grammeme combinability, and which are regarded as competing motivations in the domain of grammeme interaction. Finally, I demonstrate how the various factors can be integrated into a single model, which crucially relies on the concept of local markedness and markedness hierarchies.

Keywords: Verbal categories, interaction, infelicitous combinations, tense-aspect interaction, markedness, local markedness, relevance, scope, markedness hierarchies.

I. A. Mel'čuk. The East/South Asian answer to the European passive

The paper proposes conditions on a correct definition of a linguistic notion, illustrating them with a definition of ergative construction. The definitions of diathesis, of grammatical voice and of the passive are formulated. According to these definitions, the Mandarin construction with the verb BEI ≈ 'undergo' does not represent a passive, but an Affected-Subject construction: *Ta bei tufei dasi-le baba* 'His father was killed by bandits', lit. 'He underwent [that] bandits killed father'. Syntactic properties of the BEI-construction are examined, a parallel with the Affected-Object BA-construction is drawn and similar Affected-Subject constructions in other East/South Asian languages (Vietnamese, Lao, Khmer, Burmese) are presented.

Keywords: linguistic notion definitions, diathesis, grammatical voice, passive, Mandarin Chinese, Mandarin auxiliary verb BEI, Affected-Subject and Affected-Object constructions in Mandarin.

I. V. Nedjalkov. Grammaticalization of passive and decausative in Tungus-Manchu languages

The paper analyses formal and semantic properties of Tungus-Manchu (TM) passive and decausative constructions with the purpose of defining the degree of stability of the categories of passive and decausative in TM languages. Justification of the inclusion of these categories (which differ greatly in both the semantic and syntactic respects) in one paper is conditioned by the fact that in a number of TM languages (e.g. in Evenki and Manchu) passive and decausative forms (and also very unproductive reflexive verb forms) are derived by means of one and the same suffix (*-bu* in Manchu, and *-v*(*u*) in Evenki). Subsequent sections deal with the following problems: the main characteristics of passive and decausative constructions in TM languages; grammaticalization paths of TM passive forms in *-bu*/*-v*(*u*) going back to ancient causative forms; unproductive Tungusic transitive derived verbs formed by means of the

above mentioned marker; Semantic and syntactic features of TM personal and impersonal passive constructions; formal, semantic and syntactic properties of TM decausative constructions; highly unproductive morphological reflexive forms; grammaticalization paths of Tungusic passive and decausative forms in the typological perspective.

Keywords: causative, personal passive, impersonal passive, decausative, reflexive, Tungus-Manchu languages, Evenki, Manchu, diachrony, grammaticalization.

T. V. Nikitina. On the relationship between the perfect and the passive: On two types of labile verbs in Mande languages

In spite of the lack of specialized markers of argument alternations or voice, certain phenomena in Wan closely resemble the functioning of causative-anticausative alternation and voice in languages with rich systems of verb affixes. In particular, labile (ambitransitive) verbs fall into two classes according to the type of relation between the transitive and the intransitive use: the causative-anticausative ambivalence, and passive use of change of state verbs. The causative-anticausative ambivalence can be described in terms of lexical polysemy. The passive use, on the other hand, is only attested in a restricted set of contexts defined by temporal-aspectual properties of the clause, as well as the subject's discourse status. The passive use shares certain properties with passive voice in morphologically rich languages, and resembles the cases of occasional exceptional use of individual verbs in the passive meaning without a passive marker.

Keywords: passive, perfect, voice, argument alternation, Mande, causative, anticausative, labile verbs.

A. K. Ogloblin. Marking the actualized possibility in Russian and Indonesian

Russian non-agentive verbs of actualized possibility denoting 'take place' accentuate the factual occurrence of less probable events, being a specific kind of modality. They pertain mostly to the perfective aspect. Corresponding Indonesian verbs derive with the polysemous prefix *ter-* that can denote 1) an uncontrolled change with the modal component of the admirative, 2) the resultative, 3) the possibility (usually in a negative phrase), etc. Another way of rendering actuality is the use of phrases with the auxiliary verbs *dapat* 'be able', 'manage', 'make it possible' and *jadi* 'take place', 'occur'.

Keywords: verb modality, actualized possibility, Russian, Indonesian, perfective aspect, prefix, admirative, auxiliary verb.

E. V. Paducheva. Evidential markers and their registers of interpretation

The paper addresses the Russian parenthetical *okazyvajetsja*, "discovered" by Viktor Khrakovskij and described by him in [Храковский 2007] as a marker of (ad)mirativity, cognate with evidentiality. In fact, the word *okazyvajetsja* possesses a number of remarkable properties, such as limited syntactic subordinability, constraints on usage in several types of speech acts and on the choice of implied propositional attitude subjects. In [Friedman 2005], devoted to evidentiality in Balkan languages, data are provided on the behavior of evidentiality markers in different contexts: in assertions and in questions; in dialogues and in narrative texts. This paves a way to the examination of evidentiality markers as a mature egocentrical.

Keywords: evidentiality, egocentrical subjectivity, implied subject, speech act, irony, dialogue, narrative.

V. A. Plungian, E. V. Rakhilina. Grammar in a *row*

The paper discusses grammaticalization paths involving nouns such as *row* (Russian *rjad*) and their derivatives. The realm of their grammatical output proves to be surprisingly wide, especially in the domain of aspect and quantification.

Keywords: grammaticalization, quantification, aspect.

V. I. Podlesskaya. Prosodic phrasing of complement-clause constructions

The "mainstream" typology of clause combining limits itself primarily with grammatical parameters of cross-linguistic variation. In the case of complementation, two main parameters are usually considered: (a) presence vs. absence of the segmental linkage marker (complementizer, adposition, etc.); and (b) the degree of clause deranking, or downgrading (i.e. the use of non-finite forms, clause-union effects, etc.). Prosodic parameters, until recently, have been mentioned only marginally, if at all. This paper aims at partially bridging the gap by investigating specific prosodic features that could be treated either as linkage markers, or as markers of clause deranking in natural discourse. Basing on the data from the Prosodically Annotated Corpus of Spoken Russian (PrACS-Russ, www.spokencorpora.ru), three

main types of prosodic phrasing of complement-clause constructions are distinguished: (1) **a default type** with prosodically signaled clause linkage, but no prosodic symptoms of clause deranking; (2) **an integrated type** with prosody marking both clause linkage and clause deranking; and (3) **a disintegrated type** with no prosodic signals either of clause linkage or of clause deranking. A qualitative and a preliminary quantitative analysis of these three types is presented.

Keywords: clause combining, complement clause, prosodic grouping.

S. S. Say. Lexical mechanisms in grammatical change: Dative subject constructions in the Russian language of XVIII–XXI centuries

Based on ample corpus evidence, it is argued that several quantitative properties of variegated Russian constructions with "dative subjects" have been changing during the last three centuries. These properties include explicitness of the dative subject, its position in the clause, coocurrence with embedded infinitives, etc. Although these properties are logically independent (and only obliquely related to the problem of subjecthood) I argue they conspire to a unitary trend towards higher salience of the dative argument. Interestingly, this trend covers heterogeneous constructions with dative subjects. Ultimately, I argue that this is a scenario of grammatical change that is propelled by lexical mechanisms.

Keywords: Russian, corpus, diachrony, grammatical change, syntax, dative, subjecthood, word order, argument structure, predicatives, infinitive.

E. A. Svedentsova. Da-constructions and tense in the Old Slavonic imperative

In addition to a simple imperatives paradigm, Old Slavonic has two complex imperatives paradigms with *da*-constructions as homonyms. Here I demonstrate that, unlike simple forms, which do not specify the time for the command to be implemented, complex forms *da* + V Pres do. At least one of the main meanings of the complex form *da* + V Pres, is that the command must be implemented immediately, which resembles an opposite of the meaning of the Latin future imperative as well as the meaning of speech moment imperatives in Itelmen. The typological status of the Old Slavonic imperative can be specified by comparing it with imperatives in other Chukchi-Kamchatkan as well as Tungus-Manchu languages. The functioning of *da*-constructions demonstrates the remarkable peculiarity of Old Slavonic: syntactically independent constructions with complex imperative forms and dependent *da*-constructions are equally

subject to compositional principles. These data could be used to clarify the mechanisms underlying the (formal) correspondence between the purpose marker, the complement marker, as well as future, imperative, optative and hortative forms that exist in a number of languages.

Key words: Old Slavonic, imperative, complex imperatives, the temporal correlation between complex imperatives, the correspondence between the purpose marker, the complement marker, and the complex imperative form.

S. G. Tatevosov. From noun to verb and back: Typological notes on aspectual composition

The paper examines two types of aspectual composition. In languages like English, internal incremental arguments determine the telicity of a complex verbal predicate. In languages like Russian, perfective verbs restrict the interpretation of an internal incremental argument. I argue that despite apparent differences, both types of languages are identical at the V and VP levels, while cross-linguistic variation emerges at later stages of syntactic derivation where aspectual operators appear.

Keywords: aspect, telicity, aspectual composition, perfectivity.

A. B. Shluinsky. A typology of recipient-benefactive constructions and the cross-linguistic relativity of the syntactic structure

The paper focuses on recipient-benefactive constructions in the perspective of the syntactic position of the constituent expressing the recipient/benefactive.

The common semantics of an event with a recipient semantic role or with an optional beneficiary semantic role has a variety of possible mappings into syntax in the languages of the world. The recipient and/or the beneficiary can be expressed: (a) as an adnominal noun phrase (or even an adnominal person and number marker) dependent on another noun phrase – in this case the recipient and/or the beneficiary is conceptualized as a feature of another event participant; (b) as a noun phrase in the structure of the only verb phrase in the clause – in this case the recipient and/or the beneficiary is conceptualized as a core participant of the event; (c) as a clausal adjunct that forms a constituent with the clause as a whole – in this case the recipient and/or the beneficiary is conceptualized as a feature of the event as a whole; (d) as a verb phrase in a serial verb construction – in this case the presence of the recipient and/or the beneficiary is conceptualized as a specific sub-event in the structure of the main event;

(e) as a clause in a multi-clausal construction – in this case the presence of the recipient and/or the beneficiary is conceptualized as a separate event. This leads to a more generalized conclusion that, cross-linguistically, the same semantic participant has no stable standard position in the syntactic structure of the sentence.

Keywords: recipient, benefactive, semantic role, syntactic position, syntactic structure, syntactic typology.

D. A. Erschler. A marginal modal form in Digor Ossetic

Digor Ossetic has a dedicated analytic modal form expressing estimate, expectation, and ability. The evaluator according to whose judgment the modal meaning is formed, should necessarily be human for the use of the form to be felicitous. This form is fairly rare and hitherto has not been addressed in the literature. In this note, I describe its functions and morpho-syntax. The findings are based on corpus assisted fieldwork.

Keywords: Modality, Digor Ossetic.

СОДЕРЖАНИЕ

П. М. Аркадьев (*Москва*)
Глагольная рестриктивность в литовском языке 12

А. Барентсен (*Амстердам*)
О взаимодействии категории вида с другими глагольными категориями при выражении последовательности действий в случаях неограниченной повторяемости в различных славянских языках 42

А. Г. Белова (*Москва*)
Диатеза в раннеарабском тексте 59

А. В. Бондарко (*Санкт-Петербург*)
К вопросу о направлениях анализа «от семантики» и «от формы» 74

Б. Вимер (*Майнц*)
Употребление совершенного вида в перформативном настоящем 90

М. Д. Воейкова (*Санкт-Петербург*)
Противопоставление СВ/НСВ в речи матери на ранних стадиях усвоения ребенком форм императива в русском языке 114

А. П. Выдрин (*Санкт-Петербург*)
Полисемия модальных языковых единиц и контексты их семантической однозначности 139

Э. Ш. Генюшене (*Санкт-Петербург*)
Конвербы в литовском языке 157

Е. В. Горбова (*Санкт-Петербург*)
Заметки о видообразовании русского глагола и словоизменительной vs. словоклассифицирующей трактовке вида 181

В. Ю. Гусев (*Москва*)
От цитатива к «новому знанию»: эволюция цитативной частицы в тунгусо-маньчжурских языках Нижнего Амура 212

Н. М. Заика (*Санкт-Петербург*)
Проблема выделения падежей в баскском языке 233

Н. В. Зорихина-Нильссон (*Гетеборг/Стокгольм*)
Таксисные деепричастные конструкции с глаголами
стандартного положения в пространстве в русском языке 273

Н. Н. Казанский (*Санкт-Петербург*)
Диалектная вариативность и языковой инвариант:
оформление условных конструкций
в древнегреческих диалектах 299

В. Б. Касевич (*Санкт-Петербург*)
Эллипсис и *pro-drop* 315

Ю. П. Князев (*Санкт-Петербург*)
Обобщенно-личные употребления
форм 2-го лица в русском языке 324

Е. Е. Корди (*Санкт-Петербург*)
Грамматика глаголов нестандартных положений и перехода
в нестандартные положения тела во французском языке:
семантическая группа *s'appuyer* ‘опираться’ 341

А. Б. Летучий (*Москва*)
Между пассивом и декаузативом:
русские модальные пассивы 365

Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова (*Москва*)
Конструкции с повтором глагола в агульском языке 396

A. L. Malchukov (*St. Petersburg/Mainz*)
Constraining syntagmatic grammeme interaction: A synopsis 423

I. A. Mel'čuk (*Montréal*)
The East/South Asian answer to the European passive 451

И. В. Недялков (*Санкт-Петербург*)
Грамматикализация пассива и декаузатива
в тунгусо-маньчжурских языках 473

Т. В. Никитина (*Москва*)
К вопросу о связи перфекта и пассива:
о двух типах глагольной лабильности в языках манде 495

А. К. Оглоблин (*Санкт-Петербург*)
О выражении реализованной возможности
(на русском и индонезийском материале) 514

Е. В. Падучева (*Москва*)
Эвиденциальные показатели и их режимы интерпретации 529

В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина (*Москва*)
Грамматика *порядка* 542

В. И. Подлесская (*Москва*)
О просодических симптомах интеграции
в конструкциях с сентенциальными актантами 555

С. С. Сай (*Санкт-Петербург*)
Лексические механизмы грамматического дрейфа:
конструкции с дативным субъектом
в русском языке XVIII–XXI веков 568

Е. А. Сведенцова (*Санкт-Петербург*)
Да-конструкции и время в старославянском императиве 611

С. Г. Татевосов (*Москва*)
От имени к глаголу и обратно:
наблюдения типолога над акциональной композицией 657

А. Б. Шлуинский (*Москва*)
Типология реципиентно-бенефактивных конструкций
и типологическая относительность
синтаксической организации предложения 692

D. A. Erschler (*Amherst*)
A marginal modal form in Digor Ossetic 711

Список научных работ В. С. Храковского 720

Сведения об авторах 753

Аннотации и ключевые слова 758

Summaries and Keywords 775

CONTENTS

P. M. Arkadiev (*Moscow*)
Verbal restrictivity in Lithuanian 12

A. Barentsen (*Amsterdam*)
On the interaction of aspect with other verbal categories
in expressing consecutive events
in cases of unbounded repetition in the various Slavic languages 42

A. G. Belova (*Moscow*)
Diathesis in Early Arabic text 59

A. V. Bondarko (*St. Petersburg*)
Analyses "from the meaning"
vs. analyses "from the form" in functional grammar 74

B. Wiemer (*Mainz*)
The use of perfective verbs in the performative present tense 90

M. D. Voeikova (*St. Petersburg*)
Perfective vs. imperfective imperatives
in Russian child-directed speech at the early stages 114

A. P. Vydrin (*St. Petersburg*)
Polysemantic modal units and the contexts of their monosemanticity. 139

E. Sh. Geniušienė (*St. Petersburg*)
Converbs in Lithuanian 157

E. V. Gorbova (*St. Petersburg*)
Notes on the Russian verb aspect formation
and the inflectional vs. derivational
interpretation of the Russian verb aspect 181

V. Yu. Gusev (*Moscow*)
From the quotative to "new knowledge":
evolution of the quotative particle
in Lower Amur Tungusic languages 212

N. M. Zaika (*St. Petersburg*)
Identifying cases in Basque 233

N. V. Zorikhina Nilsson (*Göteborg*/*Stockholm*)
Taxis constructions with gerunds
and cardinal posture verbs in Russian 273

N. N. Kazansky (*St. Petersburg*)
Dialect variability and language invariant:
marking of conditional constructions in Ancient Greek dialects 299

V. B. Kasevich (*St. Petersburg*)
The elliptical constructions and *pro-drop* parameter 315

Yu. P. Knyazev (*St. Petersburg*)
The generic use of the second person forms in Russian 324

E. E. Kordi (*St. Petersburg*)
Predicates describing standard postures
and transition into standard postures in French 341

A. B. Letuchy (*Moscow*)
Between passive and anticausative: Russian modal passives 365

T. A. Maisak, S. R. Merdanova (*Moscow*)
Verb repetition patterns in Aghul 396

A. L. Malchukov (*St. Petersburg*/*Mainz*)
Constraining syntagmatic grammeme interaction: A synopsis 423

I. A. Mel'čuk (*Montréal*)
The East/South Asian answer to the European passive 451

I. V. Nedjalkov (*St. Petersburg*)
Grammaticalization of passive and decausative
in Tungus-Manchu languages 473

T. V. Nikitina (*Moscow*)
On the relationship between the perfect and the passive:
On two types of labile verbs in Mande languages 495

A. K. Ogloblin (*St. Petersburg*)
Marking the actualized possibility
in Russian and Indonesian 514

E. V. Paducheva (*Moscow*)
Evidential markers and their registers of interpretation 529

V. A. Plungian, E. V. Rakhilina (*Moscow*)
Grammar in a *row* 542

V. I. Podlesskaya (*Moscow*)
Prosodic phrasing of complement-clause constructions 555

S. S. Say (*St. Petersburg*)
Lexical mechanisms in grammatical change:
Dative subject constructions
in the Russian language of XVIII–XXI centuries 568

E. A. Svedentsova (*St. Petersburg*)
Da-constructions and tense in the Old Slavonic imperative 611

S. G. Tatevosov (*Moscow*)
From noun to verb and back:
Typological notes on aspectual composition 657

A. B. Shluinsky (*Moscow*)
A typology of recipient-benefactive constructions
and the cross-linguistic relativity of the syntactic structure 692

D. A. Erschler (*Amherst*)
A marginal modal form in Digor Ossetic 711

Publications from V. S. Khrakovsky 720

Contributors 753

Summaries and Keywords 775

Научное издание

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский.
Т. X. Ч. 3. Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata / Ред. С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика. СПб.: Наука, 2014. — 795 с.

Утверждено к печати
Ученым советом Института лингвистических исследований РАН

Подписано к печати 12.08.2014
Формат 60x90 1/16
Усл. печ. л. 49,6. Уч.-изд. л. 41,8. Тираж 500 экз.
Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН
Оригинал-макет подготовила М. А. Холодилова

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21
тел./факс: (812)6220123
menager_nestor@list.ru

Подписка осуществляется по интернет-каталогу «Книга-сервис»
http://www.akc.ru/goods/1558086950

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
http://iling.spb.ru/alp/issues.html